СБОРНИКЪ

ХАРЬКОВСКАГО

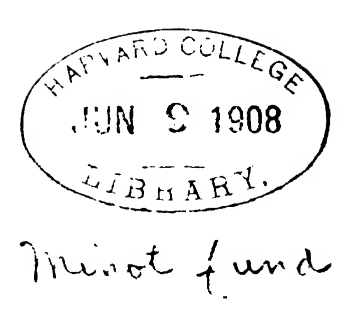
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

Томъ 12-й.

ХАРЬКОВЪ.
Типо-Литографія «Печатное Дѣло», кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., домъ № 5-й.
1900.

Двѣнадцатый томъ Сборника Историко-Филологическаго Общества печатается и выпускается въ свѣтъ по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 16 декабря 1899 г.

Предсѣдатель Профессоръ *Н. Сумцовъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЧЕТЪ

Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ

за 18⁹⁸/₉₉ годъ.

ПРИХОДЪ.

1.	Остатокъ отъ суммъ 1897/98 г.	458 р. 40 к.
2.	26 членскихъ взносовъ по Обществу 130 р. } . .	226 « — «
3.	32 « взноса по Отдѣлу . . 96 р. }	
4.	Продажа изданій Общества (съ 22 сент. 1898 г. по 1 сент. 1899 г.)	184 « 73 «
5.	Остатокъ отъ ассигновки на волшебный фонарь . .	4 « 20 «
6.	Возвратъ музея Изящныхъ искусствъ	7 « 60 «
	Всего . .	876 р. 73 к.

РАСХОДЪ.

1.	По устройству 12 засѣданій Общества и Отдѣла, изъ коихъ одно въ память Бѣлинскаго, въ 16 р. 50 к. (картины къ фонарю), а остальныя по 2 р. 20 коп.	40 р. 70 к.
2.	Губернской типографіи по счетамъ за №№ 275 (295 р. 35 к.), № 542 (6 р. 25 к.), № 1944 (2 р. 50 к.)	304 « 10 «
3.	По Архиву, переплету книгъ	56 « 44 «
4.	Покупка шкафа	25 « — «
5.	Покупка книгъ въ «Новомъ Времени», со скидкой 10%.	22 « 75 «
6.	Наградныя Николаю Чудному къ Рождеству и Пасхѣ .	20 « — «
7.	Почта: телеграммы, марки	19 « 54 «
8.	Наградныя: наборщикамъ, служителямъ и др. . .	10 « 50 «
9.	Мелкіе расходы (письм. принадлежности)	2 « 90 «
	Всего . .	501 р. 93 к.

Остатокъ на 1899/1900 г. . . . . 374 р. 80 к.

Ассигновки Правленія Университета.

ПРИХОДЪ.

1. На изданіе Трудовъ Общества за 2 года (по 400 р.)	800 р.	—	к.
2. На жалованье архиваріусу	600 «	—	«
Всего	1400 р.	—	к.

РАСХОДЪ.

1. Архиваріусу по уплатѣ самимъ Правленіемъ	600 р.	—	к.
2. Изданіе XI т. Сборника	566 «	30	«
Всего	1166 р.	30	к.
Остатокъ на изданія Общества	233 р.	70	к.

ОТЧЕТЪ

по устройству лекцій членовъ Историко-Филологическаго Общества и Педагогическаго Отдѣла въ $18^{98}/_{99}$ г.

ПРИХОДЪ.

Лекція Е. К. Рѣдина	137 р.	40	к.
« Н. Ѳ. Сумцова	81 «	20	«
« Г. Е. Тимофѣева	75 «	80	«
« А. Д. Маляренко	72 «	51	«
Двѣ лекціи А. Ѳ. Котова	85 «	25	«
Лекція М. А. Маслова	58 «	80	«
« Н. Ѳ. Сумцова	60 «	—	«
Двѣ лекціи П. Г. Риттера	363 «	40	«
Всего	934 р.	31	к.

РАСХОДЪ.

1. Картины для волшебнаго фонаря	423 р.	20	к.
2. 10 ящиковъ для картинъ	7 «	50	«
3. Новый экранъ	10 «	45	«
4. Печатаніе афишъ, билетовъ и программъ	84 «	—	«
5. Служителямъ при вѣшалкахъ, залѣ, фонарѣ, электрической машинѣ	200 «	90	«
6. Афишной конторѣ	21 «	—	«

7. Объявленія въ газетахъ . . . . 15 р. — к.
8. Мелкіе расходы (свѣчи, конфекты, переносъ рояля, букеты и др.) . . . . 61 « 50 «

Всего . . 823 р. 50 к.

Остатокъ 110 р. 86 к. увеличился послѣ подведенія отчета—приходомъ отъ лекціи Риттера—8 руб.—всего слѣд. . . . . 118 р. 86 к.

Изъ нихъ 5 р. уплачено за картины, а 30 р. 86 к., согласно постановленію, отчислено въ пользу голодающихъ. Такимъ образомъ остатокъ къ счетамъ 18$^{89}/_{900}$ г.—*83 рубля*.

Дѣятельность Общества.

Въ отчетномъ году Общество имѣло всего 11 засѣданій: 9 октября, 27 ноября, 29 ноября, 3 декабря, 22 января, 23 февраля, 19 марта, 24 апрѣля, 29 апрѣля, 26 мая.

Изъ этихъ засѣданій три были—(совмѣстно съ педагогическимъ отдѣломъ) публичныя: одно—посвященное памяти Бѣлинскаго (29 ноября), другое—памяти Полонскаго (20 декабря), третье (совмѣстно съ университетомъ) памяти Пушкина (26 мая). Во всѣхъ засѣданіяхъ были прочтены слѣдующіе рефераты:

1. *Д. И. Багалѣя:* «Объ новооткрытомъ литературномъ произведеніи начала 19 вѣка» (I-е засѣд.).
2. *Н. Ѳ. Сумцова*: «Обзоръ статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ и ихъ значеніе» (III-е засѣд.).
3. *С. А. Новицкаго*: «Жизнь и труды Бѣлинскаго» (III-е засѣд.).
4. *М. С. Дринова:* «Объ одной румынской надписи на иконѣ Богоматери, находящейся въ селѣ Рогани, Харьковской губ.» (IV-е засѣд.).
5. *Е. К. Рѣдина:* «О времени мозаикъ купола св. Софіи Солунской» (IV-е засѣд.).
6. *М. Г. Халанскаго*: «Поэзія Полонскаго» (V-е засѣд.).
7. *Н. Ѳ. Сумцова*: «Памяти Калмышевскаго» (VI-е засѣд.).
8. *В. П. Бузескулъ*: «Памяти проф. М. С. Корелика» (VI засѣд.).
9. *Е. К. Рѣдина и Н. А. Федоровскаго*: «Могильникъ кургана слободы Сеньково, Купянскаго уѣзда» (VII-е засѣд.).
10. *Е. К. Рѣдина:* «Памяти Голышева» (VIII-е засѣд.).
11. *М. Г. Халанскаго*: «О происхожденіи имени и прозвища Ильи Муромца»;—«О сборникѣ сербскихъ героическихъ пѣсенъ, изданныхъ въ Загребѣ Матицей Хорватской»;—«О Леденцѣ-Ледянѣ градѣ» (VIII-е засѣд.).

12. *В. И. Саввы:* «О путешествіи патріарха Макарія въ Москву около половины XVII вѣка, описанномъ сыномъ патріарха, архидіакономъ Павломъ»—въ переводѣ Муркоса. (VIII-е засѣд.).

13. *Н. Ѳ. Сумцова:* «Памяти А. Ѳ. Бычкова» (X-е засѣд.).

14. *И. П. Хрущова и Д. И. Багалѣя*: «Памяти А. Ѳ. Бычкова» (X-е засѣд.).

15. *И. П. Хрущова:* «Рукописный сборникъ XVI вѣка Кирилло Бѣлоозерскаго монастыря» (X-е засѣд.).

16. *М. Г. Халанскаго*: «Происхожденіе названія Муравскаго Шляха» (X-е засѣд.).

17. *Н. Ѳ. Сумцова:* «Пушкинъ и Лермонтовъ» (XI-е засѣд.).

18. *М. Г. Халанскаго*: «О вліяніи В. Л. Пушкина на А. С. Пушкина»·

Во исполненіе постановленія Общества въ отчетномъ году была образована изъ членовъ: Н. Ѳ. Сумцова, Е. К. Рѣдина, Д. И. Багалѣя, И. Н. Миклашевскаго, Н. О. Куплевастаго, М. С. Дринова—комиссія по составленію проэкта новаго устава Общества, которая и выработала оный.

Общество принимало участіе—посылкой привѣтствій въ столѣтнемъ юбилеѣ малорусской литературы,—въ торжествѣ открытія памятника Котляревскому, въ празднованіи восьмидесятилѣтней годовщины рожденія Директора Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова;—на XI археологическомъ съѣздѣ, гдѣ его депутатами были члены: Д. И. Багалѣй, В. П. Безескулъ, А. С. Вязигинъ, г-жа Ефименко, С. В. Соловьевъ, Е. К. Рѣдинъ, Н. А. Ѳодоровскій; въ чествованіи памяти А. С. Пушкина въ Святыхъ Горахъ, гдѣ его депутатомъ былъ Е. К. Рѣдинъ. Привѣтствіе къ торжеству открытія памятника Котляревскому было слѣдующее.

«Харьковское Историко-Филологическое Общество съ живѣйшимъ сочувствіемъ присоединяется къ чествованію памяти Котляревскаго, цѣня въ немъ высоко-даровитаго писателя, раскрывшаго въ оригинальныхъ художественныхъ формахъ богатства малорусскаго языка и содѣйствовавшаго возникновенію серьезнаго интереса къ малорусской народности и литературѣ».

Въ отчетномъ году на соисканіе имѣющейся въ Обществѣ преміи имени А. А. Потебни было представлено сочиненіе студента Пельтцера «Англійскія и шотландскія баллады по сборнику Чайльда», которое и было удостоено таковой, по рѣшенію спеціальной коммиссіи изъ членовъ Общества: проф. Н. Ѳ. Сумцова и М. Г. Халанскаго. Въ отчетномъ году Общество завязало сношенія и обмѣнъ изданіями съ слѣдующими обще-

ствами: Владимірской губернской ученой Архивной Коммиссіей, Одесской публичной библіотекой, Елисаветградской публичной библіотекой.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ—въ отчетномъ году Педагогическимъ Отдѣломъ Общества было устроено десять публичныхъ лекцій, прочитанныхъ членами Общеста и отдѣла (см. подробный отчетъ въ 5 выпускѣ трудовъ Отдѣла).

Въ отчетномъ году выпущенъ въ свѣтъ 11-й томъ «Сборника» Общества, и вып. V-й «Трудовъ» Отдѣла.

Составъ Общества.

Предсѣдатель: профессоръ Николай Өеодоровичъ Сумцовъ.

Секретарь: Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ.

Завѣдующій Историческимъ Архивомъ: проф. Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.

Архиваріусъ: Евгеній Михайловичъ Ивановъ.

Ревизіонная коммиссія: Н. И. Алякритскій, проф. Н. О. Куплеваскій, проф. Г. Ө. Шульцъ.

Въ члены общества въ отчетномъ году избраны:

1. Өеодоръ Юліанов. Зѣлинскій, преподаватель Рыльской прогимназіи—9 октября.

2. Г. Кемарскій, преподаватель Слуцкой гимназіи,—9 октября.

3. Иванъ Петровичъ Хрущовъ, Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа—22 января.

4. Александръ Семеновичъ Илларіоновъ,—22 января.

ОТЧЕТЪ
ИСТОРИЧЕСКАГО АРХИВА
за 18⁹⁸/₉₉ академическій годъ

(съ 1 сентября 1898 г. по 1 сентября 1899 г.).

Въ отчетномъ году продолжалось подробное описаніе дѣлъ Харьковскаго отдѣленія Архива. Въ настоящее время описано 163 д., заключающихъ въ себѣ 27807 архивныхъ листовъ; изъ нихъ 24 д., объемомъ въ 4751 л., приходится на отчетный годъ. Къ этой описи составленъ указатель личный, географическій и предметный.

За послѣднее время Архивъ обогатился слѣдующими пріобрѣтеніями: изъ Сенатскаго Архива присланы 240 дѣлъ Мин. Юстиціи, первой половины XIX в.; отъ Всевол. Алекс. Соловьева чрезъ Я. П. Зборомирскаго получены 1) Грамота о пожалованіи вотчиной Фил. Наум. Креницына 1681 г., 2) Благословенная грамота, данная Новгородскимъ митрополитомъ Іовомъ Михаилу Креницыну на построеніе каменной церкви имени Архистратига Михаила, 1709 г.; отъ М. Ѳ. Леваковскаго — 1) «Азбука нотнаго пѣнія» (рукопись конца XVIII в.), 2) Чинъ старообрядческой панихиды, 3) Вѣдомость о числѣ подданныхъ черкасъ, состоявшихъ за помѣщицей Квиткиной въ 1779 г., 4) Реестръ крестьянъ, отданныхъ помѣщикомъ Волчанскаго уѣзда капитаномъ Хлоповымъ маіору Бородаевскому, въ приданое за своею дочерью; отъ И. П. Хрущова—«Изъясненіе о началѣ и о причинѣ раскола двухъ церквей восточной и западной» (переводъ XVIII в. съ греческой рукописи); отъ М. Линды—бумаги Харьковскаго комитета для сбора пожертвованій въ пользу славянъ Балканскаго полуострова; отъ М. М. Плохинскаго—изображеніе похоронной процессіи Императрицы Елисаветы Алексѣевны (свитокъ).

Библіотека Архива, пополняемая исключительно путемъ обмѣна на изданія Общества и пожертвованій, возросла въ настоящее время до 2743 томовъ. Въ истекшемъ году прислали свои изданія слѣдующія ученыя Общества и учрежденія: Варшавскій, Кіевскій, Харьковскій и Казанскій университеты—свои «Записки» и «Извѣстія; Императорское

Русское Историческое Общество—свой «Сборникъ»; Московское Общество Исторіи и Древностей—«Чтенія»; Императорская Академія Наукъ—«Сборникъ отд. рус. яз. и словесн.»; Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ—свои «Извѣстія»; Историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета—свои «Записки»; Отдѣленіе Этнографіи при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ—«Живую Старину»; Московскій Архивъ Минист. Юстиціи—«Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Минист. Юстиціи»; Археологическій Институтъ—«Вѣстникъ Археологіи и Исторіи» и «Сборникъ»; Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ—свои «Извѣстія»; Московское Археологическое Общество—«Матеріалы по археологіи Кавказа»; Славянская коммиссія Московск. Археологич. Общ.—свои «Труды»; Московская Археографическая Коммиссія—«Древности»; С.-Петербургская Археографическая Коммиссія—«Лѣтопись занятій Археогр. Ком.» (10 выпусковъ); Виленская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ—«Акты Вилен. Ком.»; Кіевская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ—«Памятники»; Историко-филологическій Институтъ кн. Безбородко—свои «Извѣстія»; Историко-филологическое Общество при Новороссійскомъ университетѣ—«Лѣтопись» и «Протоколы засѣданій»; Историко-филологическое Общество при Институтѣ кн. Безбородко—«Сборникъ»; Черниговская губ. Земск. Управа—«Сборникъ»; Narodopisne Museum českoslov.—«Norodop. Sbornik»; Товариство имени Шевченка—свои «Записки», «Етнографичний Збірник» «Часопись Правн.», «Збірник фильольогичноі секциі»; Министерство Народнаго Просвѣщенія въ Болгаріи—свой «Сборникъ за народни умотворения»; Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen—Sitzungsberichte; Рязанская, Костромская, Ярославская и Таврическая ученыя архивныя коммиссіи, Харьковскій, Воронежскій и Сыръ-Дарьинскій статистическіе комитеты. Воронежская и Одесская библіотеки присылали свои изданія.

Въ отчетномъ году много способствовали приращенію Библіотеки и пожертвованія частныхъ лицъ и членовъ Общества, а именно И. П. Хрущова, М. Ѳ. Леваковскаго, проф. Д. И. Багалѣя, проф. А. С. Вязигина, С. А. Бѣлокурова, Б. Д. Гринченка, П. П. Короленка, М. Д. Линды, Г. А. Ласкина, В. А. Соловьева и Л. М. Шахъ-Пароніанца. Наиболѣе крупными изъ этихъ пожертвованій являются даръ И. П. Хрущева, состоящій изъ 100 книгъ и брошюръ по исторіи, археологіи, нумизматикѣ и архивовѣдѣнію, и даръ М. Ѳ. Леваковскаго, состоящій изъ 45 диссертацій, статей и замѣтокъ Харьковскихъ профессоровъ и преподавателей.

Съ цѣлью научной разработки матеріала Архивъ посѣщали: Д. П. Миллеръ, собиравшій матеріалы 1) о пикинерахъ, 2) о цехахъ въ Старой Малороссіи, П. П. Голодолинскій, занимавшійся исторіей Сумского полка. И. С. Ждановъ и Н. П. Двигубскій разыскивали фамильные документы. Библіотекой Общества пользовались работавшіе въ Архивѣ члены Общества, студенты и др. лица, по рекомендаціи членовъ Общества.

Завѣдующій Архивомъ *Д. Багалѣй.*

Архиваріусъ *Е. Ивановъ.*

Протоколы засѣданій

Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

I.

9 октября 1898 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Н. И. Аляритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, П. М. Верховскій, А. С. Вязигинъ, П. А. Гинкинъ, М. С. Дриновъ, Н. А. Гредескулъ, Н. К. Грунскій, Г. Ю. Иермеръ, Н. О. Куплеваскій, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда. Б. М. Ляпуновъ, Н. А. Максимейко, А. Н. Маляренко, М. А. Масловъ, И. Н. Миклашевскій, Д. П. Миллеръ, Т. Н. Никитскій, С. Н. Пономаревъ, І. Ѳ. Тихій, Е. П. Трифильевъ, Н. А. Федоровскій, В. И. Харціевъ, Н. Е. Шевченко, Л. Ю. Шепелевичъ.

СЛУШАЛИ:

1. Отчетъ дѣятельности Общества за прошлый 18⁹⁷/₉₈ ак. годъ.

Постановили: составить ревизіонную коммиссію изъ членовъ: Н. И. Алякритскаго, Н. О. Куплеваскаго, Г. Ѳ. Шульца—для провѣрки денежнаго отчета прошедшаго 18⁹⁷/₉₈ г. и будущаго 18⁹⁸/₉₉ года.

2. Докладную записку Предсѣдателя Общества, въ которой указывается, что въ силу расширенія дѣятельности Общества—съ его педаго-

гическимъ отдѣломъ, лекціонной, экскурсіонной коммиссіями—въ интересахъ дальнѣйшаго преуспѣянія Общества необходимо точно опредѣлить обязанности отвѣтственныхъ выборныхъ лицъ; при этомъ перечисляются въ видѣ проэкта эти обязанности.

Постановили: составить коммиссію изъ членовъ Н. Ѳ. Сумцова, Е. К. Рѣдина, Д. И. Багалѣя, И. Н. Миклашевскаго, Н. О. Куплеваскаго, М. С. Дринова, М. Г. Халанскаго—для выработки правилъ и опредѣленія обязанностей должностныхъ лицъ Общества и составленія новаго проэкта устава Общества, который долженъ быть представленъ общему собранію членовъ Общества—въ засѣданіи черезъ мѣсяцъ.

3. Предложеніе товарищества имени Шевченко въ Львовѣ—принять участіе въ юбилеѣ—100-лѣтнемъ—малорусской литературы.

Постановили: послать ко дню юбилея привѣтственную телеграмму и такую-же въ Полтаву—ко дню открытія памятника Котляревскому.

4. Обращеніе Лужицкихъ Сербовъ съ просьбою—о пожертвованіи въ пользу «народнаго дома».

Постановили: разослать это обращеніе вмѣстѣ съ подписнымъ листомъ всѣмъ членамъ Общества и Педагогическому Отдѣла.

5. Отношеніе Алмазова—съ запросомъ свѣдѣній о числѣ выпущенныхъ экземпляровъ изданій Общества.

Постановили: сообщить свѣдѣнія.

6. По счетамъ губернской типографіи—на 6 р. 25 к. постановили уплатить.

7. Сообщеніе предсѣдателя о предстоящихъ выборахъ предсѣдателя, секретаря и въ члены Общества г.г. Зѣлинскаго и Кемарскаго.

По произведенной баллотировкѣ и закрытой подачей голосовъ г.г. Зѣлинскій (23 изб. и 7 неизб.) и Кемарскій (19 изб., 6 неизб.) избраны въ члены Общества; въ предсѣдатели Н. Ѳ. Сумцовъ, въ секретари Е. К. Рѣдинъ.

8. Докладъ Д. И. Багалѣя: «О новооткрытомъ литературномъ произведеніи начала 19 вѣка».

Это произведеніе въ рукописи, озаглавленной «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ», принадлежащей члену Харьковской земской управы г. Кочетову и, къ сожалѣнію, не дошедшей въ цѣломъ видѣ, а лишь въ отрывкѣ.

Въ повѣсти выведена Екатерина Великая, дѣятели ея времени и Павла I. Авторъ—сторонникъ дѣятельности Императрицы и противникъ дѣятельности Павла I, для характеристики которой въ его произведеніи богатый матеріалъ. Во французской литературѣ есть нѣсколько произведеній подъ тѣмъ-же заглавіемъ, съ которыми необходимо сравнить новооткрытое произведеніе.

Судя по даннымъ, приведеннымъ у Бильбасова относительно этихъ произведеній, Д. И. Багалѣй полагаетъ, что новооткрытое произведеніе — не переводное, а оригинальное и если ближайшее изслѣдованіе подтвердитъ это предположеніе, то явится цѣннымъ въ исторической литературѣ.

II.

27 ноября 1898 года.

1. Заслушанъ отзывъ Н. Ѳ. Сумцова и М. Г. Халанскаго о сочиненіи студента Пельтцера «Англійскія и шотландскія баллады по сборнику Чайльда», представленномъ на соисканіе преміи имени А. А. Потебни. По мнѣнію рецензентовъ сочиненіе достойно полной преміи.

Общество, по обсужденіи отзыва, присоединилось къ заключенію рецензентовъ и присудило автору указаннаго сочиненія полную премію имени А. А. Потебни.

2. Обсужденіе темъ сочиненій на премію имени А. А. Потебни — на предстоящій $18^{98}/_{99}$ г. отложено на засѣданіе, которое состоится 3 декабря с. г.; но намѣчены двѣ темы: 1) о языкѣ житія Ѳеодосія Печерскаго, 2) о жизни и сочиненіяхъ П. А. Плавильщикова.

3. М. Д. Линда принесъ въ даръ библіотекѣ Общества соч. Лактанція «*Lactantii* Opera omnia, quae supersunt, jo. g. Walehius recensuit. Vol. I—II. Mosquae 1851», имъ же принесены отъ лица Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности — два экземпляра Отчета дѣятельности Общества за 1897 г.

Постановили: благодарить жертвователей.

III.

29 ноября 1898 г.

(Публичное засѣданіе въ актовомъ залѣ).

1. Предсѣдатель сообщилъ свѣдѣнія о преміи имени А. А. Потебни и объявилъ, что въ настоящемъ году этой преміи удостоено представленное на соисканіе ея сочиненіе студента IV-го курса историко-филологическаго факультета Пельтцера «Англійскія и шотландскія баллады и сходныя съ ними произведенія въ русской народной словесности», какъ отличающееся, по отзыву членовъ Общества, разсматривавшихъ его (проф. Н. Ѳ. Сумцова, проф. М. Г. Халанскаго и М. Д. Линды) несомнѣнными достоинствами и заслуживающее быть изданнымъ въ трудахъ Общества. Свидѣтельство на полученіе полной преміи было вручено г. Пельтцеру.

2. Н. Ѳ. Сумцовъ прочелъ докладъ, въ которомъ касался сочиненій Бѣлинскаго, посвященыхъ произведеніямъ Пушкина. Докладчикъ изложилъ содержаніе статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ, попутно уясняя ихъ значеніе, указывая, что въ нихъ и доселѣ имѣетъ свою научную силу и что потеряло таковую, благодаря новымъ изслѣдованіямъ. Во второй части доклада была представлена общая характеристика Бѣлинскаго, отмѣчены выдающіяся черты его личности, и особенности его критическихъ произведеній, уяснено ихъ значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія.

3. С. ~~А.~~ Новицкій прочелъ докладъ, въ которомъ была изложена жизнь Бѣлинскаго въ связи съ его трудами, представлена характеристика его личности, и его современниковъ и друзей, членовъ литературнаго кружка, съ которымъ онъ соприкасался. Докладъ былъ иллюстрированъ картинами при помощи волшебнаго фонаря.

IV.

3 декабря 1898 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Н. К. Грунскій, М. С. Дриновъ, А. Ѳ. Котовъ, М. А. Масловъ, В. И. Савва, Н. А. Федоровскій.

СЛУШАЛИ:

1. Докладъ проф. *М. С. Дринова* «Объ одной румынской надписи на иконѣ Богоматери, находящейся въ селѣ Рогани (Харьковской губ.)». Надпись въ русскомъ переводѣ такова: «точная копія съ чудотворной иконы Пресвятой Божіей Матери, что обрѣтается во святомъ монастырѣ, именуемомъ Нямецкимъ, въ землѣ Молдавской, и прислана благочестивымъ императоромъ царыградскимъ Андроникомъ Палеологомъ Александру воеводѣ, господарю земли Молдавской въ лѣть 6907» (1391).

Нямецкій монастырь, лежащій въ сѣверозападной прикарпатской части Молдавіи,—одинъ изъ знаменитѣйшихъ монастырей молдавскихъ. Находящаяся въ немъ чудотворная икона Божіей Матери всегда служила предметомъ благоговѣйнаго почитанія не только въ Румыніи, но и въ сосѣднихъ съ нею православныхъ странахъ. Часть иноковъ Нямецкой лавры около половины 19 вѣка выселилась въ русскую Бессарабію и основала тамъ Ново-Нямецкій монастырь, стараніями котораго неоднократно издавались въ Россіи, на особыхъ листахъ, литографированныя изображенія Божіей Матери Нямецкой. Два изъ этихъ изданій (1862 и 1889 г.)

снабжены надписями, отчасти сходными съ роганьскою надписью, отчасти-же разнящимися отъ нея. Разница заключается главнымъ образомъ въ обозначеніи имени византійскаго императора, который въ указанныхъ изданіяхъ названъ совершенно правильно, Іоанномъ, въ Роганьской-же надписи—Андроникомъ. Этотъ анахронизмъ, по мнѣнію проф. Дринова, весьма характеренъ, такъ какъ онъ встрѣчается и въ другихъ довольно старыхъ румынскихъ памятникахъ и можетъ служить однимъ изъ доказательствъ того, что Роганьская копія съ чудотворной Нямецкой иконы сдѣлана не позже XVII вѣка. По всей вѣроятности, она привезена въ Россію или извѣстнымъ молдавскимъ господаремъ Димитріемъ Кантемиромъ, или-же кѣмъ-нибудь изъ выселившихся вмѣстѣ съ нимъ румынскихъ бояръ. Какъ извѣстно, пожалованныя Петромъ I Кантемиру имѣнія находились въ нынѣшней Харьковской губерніи и въ числѣ ихъ также Рогань. Въ своемъ докладѣ проф. Дриновъ останавливался и на исторіи Нямецкой лавры, которая не только играла важную роль въ исторіи славянскаго просвѣщенія въ Молдавіи, но и была долгое время однимъ изъ главныхъ центровъ и этаповъ духовнаго и литературнаго общенія между южнымъ славянствомъ и Россіею.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе: Д. И. Багалѣй, Н. Ѳ. Сумцовъ.

2. Докладъ *Е. К. Рѣдина* «О времени мозаикъ купола св. Софіи Солунской» [1]).

Указавъ на то богатство памятниковъ византійскаго искусства, которыми обладаетъ Солунь (древняя Ѳессалоника) и на то печальное состояніе, въ которомъ они находятся, докладчикъ подробнѣе остановился на изложеніи печальной судьбы одной изъ замѣчательныхъ святынь и драгоцѣннаго памятника искусства—св. Софіи, бывшей соборной церкви Солуни, щадившейся даже завоевателями и обращенной въ мечеть въ 1589 г. Какъ извѣстно, мечеть эта послѣ пожара въ 1890 г.—пришла въ совершенно запущенный видъ, но она сдѣлалась доступнѣе изслѣдованію. Сохраняющіяся въ ея куполѣ мозаики, представляющія изображеніе Вознесенія Христа сильно поврежденныя турками, перемазанныя, полуприкрытыя, были до послѣдняго времени извѣстны главнымъ образомъ по хромолитографическимъ таблицамъ Тексье и Пюллана, которыя не передаютъ оригиналъ, искажаютъ стиль. Докладчикъ на основаніи наблюденій надъ мозаиками на мѣстѣ, на основаніи сравнительнаго изученія ихъ съ другими византійскими памятниками, высказываетъ предположеніе, что онѣ относятся не къ VI вѣку, а къ болѣе позднему времени, въ эпохѣ вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства.

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ *Виз. Врем.*, № 1, 1899 г.

Нѣсколько замѣчаній по поводу доклада были сдѣланы М. С. Дриновымъ.

3. Сообщеніе Е. М. Иванова о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ Обществу: Всеволодъ *Соловьевъ* (черезъ г. казначея Университета Я. П. Збороміірскаго):

1) Грамоту Ѳеодора Алексѣевича, на имя Филиппа Наумовича Креницына о пожалованіи его вотчиной, 1681 г.

2) Разрѣшеніе Михаилу Креницыну отъ митрополита Великаго Новгорода построить церковь, 1709 г.

3) Копію съ указа 1723 г. «объ отрѣшеніи дураковъ отъ наслѣдства».

4) Печатный указъ Екатерины 1762 г. объ уменьшеніи цѣны на соль.

5) Книгу «Памятникъ изъ законовъ, руководствующій къ познанію должностей, возложенныхъ на присутственныя мѣста и на обрѣтающихся въ нихъ, собранный трудами надворнаго совѣтника Ѳеодора Правикова, Ч. II, СПБ. 1813.

М. М. Плохинскій—свитокъ съ изображеніемъ похоронной процессіи Елисаветы Алексѣевны.

Постановили: документы передать въ Архивъ, книги въ Библіотеку Общества, а жертвователей благодарить.

V.

Публичное засѣданіе Ист. Фил. Общества и Педаг. Отдѣла, 20 декабря 1898 г., въ память Я. П. Полонскаго.

Въ засѣданіи, состоявшемся въ торжественномъ залѣ Харьк. Университета въ присутствіи г. попечителя Харьк. Учеб. Окр. И. П. Хрущова и постороннихъ лицъ, проф. М. Е. Халанскій прочелъ докладъ о поэзіи Я. П. Полонскаго. Докладъ этотъ имѣетъ быть напечатанъ въ V вып. Трудовъ Педаг. Отдѣла 1899 года.

VI.

22 января 1899 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: М. С. Дриновъ, В. П. Бузескулъ, М. А. Масловъ, Б. М. Ляпуновъ, А. В. Ветуховъ, Н. И. Алякритскій, Е. П. Трефильевъ, В. И. Савва, А. С. Вязигинъ, В. И. Харціевъ, М. Д. Линда, А. Ѳ. Котовъ, архиваріусъ Е. М. Ивановъ, Н. А Максимейко.

СЛУШАЛИ:

1. Предсѣдатель предложилъ въ члены Общества г. Попечителя Учебнаго Округа, И. П. Хрущова, автора многихъ солидныхъ трудовъ по ист. рус. литературы. Г-нъ И. П. Хрущовъ избранъ единогласно въ члены Общества.

2. Докладъ предсѣдателя объ обращеніи его отъ имени Общества къ правленію университета — съ просьбой составленія именного списка всѣхъ служащихъ при университетѣ.

3. Сообщеніе предсѣдателя о посылкѣ отъ имени Общества директору Императорской Публичной Библіотеки академику А. Ѳ. Бычкову— ко дню его 80-лѣтія — привѣтственной телеграммы и о полученіи отъ него благодарственнаго отвѣта.

Текстъ привѣтственной телеграммы: «Соблаговолите, глубокоуважаемый Афанасій Ѳедоровичъ, принять поздравленіе отъ Харьковскаго историко-филологическаго общества, и лично отъ меня, какъ Вашего почитателя. Провидѣніе немногимъ избранникамъ даруетъ счастливый удѣлъ въ теченіи продолжительнаго времени нести важное и многотрудное служеніе наукѣ и просвѣщенію. Вы стоите въ первомъ ряду такихъ избранниковъ. Вы подвизаетесь добрымъ подвигомъ науки почти на всемъ пространствѣ текущаго вѣка. Служеніе наукѣ Вы связываете съ служеніемъ справедливости и въ оцѣнкѣ людей руководствуетесь прозорливостью крѣпкаго и любящаго сердца. Да укрѣпитъ Жизнодавецъ Ваши силы для продленія Вашей дѣятельности на многіе годы и да освѣщаетъ Васъ всегда внутренее сознаніе о высокой полезности поднятаго Вами жизненнаго подвига». Текстъ отвѣта: «Приношу Вамъ и историко-филологическому обществу при Харьковскомъ университетѣ душевную благодарность за любезное привѣтствіе по случаю исполнившагося 80-лѣтія со дня моего рожденія и высказанныя въ письмѣ вашемъ добрыя пожеланія. Весьма цѣню то лестное вниманіе, которымъ пожелало почтить меня по этому случаю ваше общество, къ трудамъ котораго я всегда относился съ искреннимъ сочувствіемъ».

4. Письмо А. Ф. Куличенко—съ предложеніемъ объ изданіи обществомъ нѣкоторыхъ трудовъ покойнаго Манджуры, оставшихся не напечатанными.

5. Письмо Е. В. Головинскаго, приславшаго карточку—портретъ Г. С. Чирикова.

Постановили: благодарить за присылку.

6. Сообщеніе о переносѣ печатанія трудовъ педагогическаго отдѣла въ типо-литографію «Печатное Дѣло» князя К. Гагарина на слѣдующихъ

условіяхъ: при количествѣ 400 экз.: 1) за листъ набора и печати, безъ бумаги, по 14 руб.; 2) брошюровка 400 экз.—3 р.; двѣсти экземпляровъ отдѣл. оттисковъ каждой статьи безплатно.

7. Предложеніе Председателя о составленіи описанія надгробныхъ памятниковъ мѣстныхъ дѣятелей, имѣющихъ значеніе въ исторіи края.

Постановили: составить коммиссію.

8. Сообщеніе о полученіи отъ П. Н. Короленка—для напечатанія въ сборникахъ общества—справки извлеченной изъ дѣлъ Харьковскаго историческаго Архива по исторіи малороссійкихъ казаковъ.

Постановили: передать рукопись проф. Д. И. Багалѣю.

9. Письмо В. Лесевича, приславшаго нѣсколько разсказовъ народныхъ по записи г-жи А. Г. Бернштейнъ.

Постановили: благодарить за присланный матеріалъ и увѣдомить, что изданіе подобнаго матеріала возможно лишь при накопленіи его въ значительномъ количествѣ.

10. Сообщеніе о разсылкѣ членамъ общества XI тома сборника.

Постановили: издать и выпустить въ свѣтъ XII-й томъ сборника и VI-й трудовъ педагогическаго отдѣла.

11. Просьбу Н. П. Двигубскаго—разрѣшить ему занятіе въ Историческомъ Архивѣ.

Постановили: просьбу его исполнить.

12. Предложеніе Владимірской губернской ученой Архивной коммиссіи обмѣниваться съ обществомъ—изданіями.

Постановили: высылать для обмѣна изданія общества, начиная съ XI тома сборника.

13. Сообщеніе о желаніи А. С. Илларіонова быть членомъ общества.

Произведенной баллотировкой оказался избраннымъ (13 изб. 5 неизб.).

14. Предложеніе председателя объ объявленіи темъ для сочиненій на соисканіе преміи имени А. А. Потебни.

Постановили: темы 1) о языкѣ житія Ѳеодосія Печерскаго, 2) о комедіяхъ Плавильщикова— объявить.

15. Сообщеніе счета губернской типографіи.

Постановили: 523 р. 30 к. по сему счету уплатить.

16. Докладъ Н. Ѳ. Сумцова «Памяти Калнышевскаго». Въ немъ описывается печальное состояніе могильнаго памятника послѣдняго Кошеваго атамана запорожской сѣчи Петра Ивановича Калнышевскаго.

Постановили: обратиться въ общество Лѣтописца Нестора, Одесское общество исторіи и Древностей и Одесское историческо-филологическое съ запросомъ,—какое бы участіе они желали принять въ исправленіи могильнаго памятника надъ прахомъ Калнышевскаго.

17. Предложеніе председателя—выработать программу чествованія А. С. Пушкина—въ день 26 мая.

Постановили: для выработки программы составить коммисію изъ членовъ общества: М. С. Дринова, М. Г. Халанскаго, Н. И. Алякритскаго, Н. Ѳ. Сумцова, и изъ преподавателей русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; спеціальной коммисіи педагогическаго отдѣла поручить составленіе сборника изъ сочиненій Пушкина—въ педагогическихъ потребностяхъ среднихъ школъ.

18. Сообщеніе о пожертвованіи М. Д. Линдой книгъ:

1. *Бодянскій*, памятная книжка Полтавской губ. за 1865 годъ, Полтава 1865.

2. Неизданный разсказъ Г. Ѳ. Квитки.

3. *В. Д. Смирновъ*, Кучлый Гомюрджинскій и другіе османскіе писатели XVII вѣка—о причинахъ упадка Турціи. С.-Пет. 1873.

4. *А. Востоковъ*, Грамматика церковно-славян. языка. С.-Пет. 1863.

5. *М. Л. Шаховской*, 1893 г. Харьковская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Х. 1893.

6. *В. Всеволодовъ*, Алфавитный указатель статей, напечатанныхъ въ трудахъ періодическихъ изданій Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. С.-Пет. 1849.

7. Харьковская сельско-хозяйственная выставка 1880 г. I Отчетъ распорядительнаго комитета по устройству выставки. Х. 1881.

8. *С. Сазоновичъ*. Жизнь, характеръ и военныя дѣянія Генералъ-Фельдмаршала графа П. А. Задунайскаго. Въ 4-хъ ч., М. 1803.

Въ началѣ засѣданія проф. В. П. Бузескулъ прочелъ докладъ «памяти проф. Н. С. Корелина». [1]) Въ немъ были сообщены біографическія свѣдѣнія о покойномъ, охарактеризована свѣтлая личность покойнаго, и его научные труды.

Память проф. Корелина была почтена вставаніемъ.

VII.

23 февраля 1899 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Д. И. Багалѣй, А. В. Ветуховъ, П. А. Гинкинъ, А. Ѳ. Котовъ, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, І. Ѳ. Тихій, Е. П. Трефельевъ, Н. А. Федоровскій, архиваріусъ Е. М. Ивановъ.

[1]) Содержаніе доклада изложено въ «Х. В.», № 7, 1899.

СЛУШАЛИ:

1. Сообщеніе о пожертвованіи отъ неизвѣстнаго лица въ пользу Лужицкаго народнаго дома—15 руб.

Постановили: переслать ихъ по назначенію.

2. Письмо Ѳ. Зелинскаго съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Общества.

3. Сообщеніе предсѣдателя—о предложеніи полковника Малиновскаго—осмотрѣть волшебный фонарь его усовершенствованія.

Постановили: осмотрѣть совмѣстно съ заинтересованными и компетентными въ этомъ дѣлѣ лицами.

4. Сообщеніе предсѣдателя о способахъ чествованія памяти Пушкина.

Постановили: въ виду участія членовъ общества въ торжествахъ чествованія памяти поэта—Университетомъ—приготовить ко дню 26-го мая адресъ привѣтственный, и послать на торжество въ Москву депутата; издать сборникъ мелкихъ стихотвореній Пушкина съ комментаріями, объясненіями Н. Ѳ. Сумцова и другихъ членовъ, для чего образовать кммиссію изъ членовъ: М. Г. Халанскаго, В. И. Харціева, А. В. Ветухова.

5. Докладъ *Е. К. Рѣдина и Н. А. Федоровскаго* «Могильникъ кургана слободы Сеньково Купянскаго уѣзда».

Е. К. Рѣдинъ, описавъ курганъ, находящійся въ слободѣ на одномъ изъ его кладбищъ и разсказавъ при какихъ условіяхъ былъ открытъ могильникъ этого кургана, сообщилъ о всѣхъ предметахъ, найденныхъ въ немъ. Принимая во вниманіе эти предметы, извѣстные и по другимъ находкамъ, докладчикъ полагалъ, что данный могильникъ принадлежитъ древнѣйшему обитателю Харьковской губерніи—того періода, когда наряду съ предметами каменными, кремневыми были въ употребленіи и бронзовые.

Н. В. Федоровскій подробно остановился на найденныхъ предметахъ того-же могильника, представивъ результатъ анализа изслѣдованія ихъ въ различныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ оказывается, что кромѣ костей человѣка въ могильникѣ находились кости домашнихъ животныхъ (коровы, овцы, свиньи); части (полуистлѣвшія) дерева—отъ сруба, или колоды, въ которую было положено тѣло умершаго—принадлежатъ дубу; краска кирпично-красная—съ окисью желѣза; фрагменты орудій: шлифованнаго долота изъ желѣзистаго песчаника, какого-то полированнаго орудія изъ бѣлаго песчаника, и съ желобкомъ посрединѣ—изъ красноватаго песчаника; различные кремневые осколки; бронзовый ножъ (длина съ рукояткой—9 сант.), глиняные черепки отъ сосудовъ съ веревочнымъ или цѣпочнымъ орнаментомъ. Сравнивая указанный матеріалъ съ тѣмъ, что

извѣстенъ, благодаря другимъ находкамъ въ Харьковской-же губ. и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, докладчикъ полагаетъ, что данный могильникъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ предѣлахъ Харьковской губерніи жилъ какой-то народъ въ періодъ болѣе древній, чѣмъ «желѣзный».

Нѣсколько замѣчаній по поводу докладовъ были сдѣланы М. Д. Линдой и Д. И. Багалѣемъ; послѣдній согласился съ заключеніями обоихъ референтовъ и полагалъ, что признакомъ древнѣйшаго происхожденія могильника можетъ служить, кромѣ нахожденія въ немъ каменныхъ и кремневыхъ орудій, отсутствіе костей лошади.

По обсужденіи доклада постановлено—обратиться въ Императорскую Археологическую Коммиссію съ извѣщеніемъ, что въ виду того научнаго значенія, которое могутъ дать результаты раскопокъ кургана слободы Сеньково—желательно производство таковыхъ, чего ни Общество, ни Университетъ--въ виду отсутствія спеціальныхъ и иныхъ средствъ на то—не могутъ сдѣлать.

6. Докладъ *Е. К. Рѣдина* «памяти И. А. Голышева» (по поводу посмертнаго изданія его трудовъ). Докладчикъ изложилъ біографію покойнаго И. А. Голышева († 9 декабря 1896 г.) и остановился подробно на его художественно-научныхъ археологическихъ изданіяхъ и трудахъ, обогатившихъ науку весьма полезнымъ и цѣннымъ матеріаломъ для исторіи русской культуры въ широкомъ значеніи этого слова.

Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

VIII.

19 марта 1899 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, П. А. Гинкинъ, М. С. Дриновъ, А. Ѳ. Котовъ, М. Д. Линда, Б. М. Ляпуновъ М. А. Масловъ, М. М. Плохинскій, В. И. Савва, М. Е. Халанскій, В. И. Харціевъ: архиваріусъ Е. М. Ивановъ.

СЛУШАЛИ:

1. Доклады *М. Е. Халанскаго*:

а) Въ докладѣ *о происхожденіи имени и прозвища Ильи Муромца* докладчикъ указалъ на возможность возвести слово Илья къ предполагаемому древнерусскому варіанту имени Олега—Ельга, передававшему сѣверно-германскія формы Helgi или Helga черезъ посредствующую форму Елья, на существованіе которой указываетъ сообщеніе Эриха Ляссоты объ Elia Morowlin. Прозваніе Ильи Муромецъ возникло изъ

болѣе древней формы Муровецъ. Родной городъ богатыря Ильи въ древнѣйшей записи былины называется Муровъ и Муръ. Эти названія докладчикъ сблизилъ со старымъ словомъ Мурскій, т. е. Мурманскій, Норманскій, Норвежскій. Въ Якимовской лѣтописи Олегъ названъ княземъ Урманскимъ, т. о. пріуроченіе Олега Урманскаго князя, т. е. Олега Вѣщаго къ Мурому вызвано созвучіемъ эпитета героя и названіемъ города Мурома.

б) *«О сборникѣ сербскихъ героическихъ пѣсенъ, изданныхъ въ Загребѣ Матицей Хорватской».* Сборникъ почти не даетъ новыхъ, не извѣстныхъ до сихъ поръ мотивовъ. Какъ варіанты къ существующимъ сборникамъ Караджича, Петрановича, Богишича, и др. пѣсни, изданныя Матицей, представляютъ интересъ. Записаны пѣсни съ соблюденіемъ хорватскихъ говоровъ, что увеличиваетъ научное значеніе сборника.

в) Въ докладѣ *о Леденцѣ-Ледянѣ градѣ* докладчикъ представилъ нѣсколько новыхъ соображеній въ пользу своего прежняго мнѣнія, оспариваемаго проф. Миллеромъ, что Леденецъ городъ есть переводъ названія Исландіи.

2. Докладъ В. И. Саввы—О «путешествіи патріарха Макарія въ Москву около половины XVII в., описанномъ сыномъ патріарха, архидіакономъ Павломъ». «Описаніе» Павла, по отзыву докладчика, по богатству и полнотѣ содержанія выше всѣхъ записокъ иностранцевъ о Россіи, благодаря особому положенію Павла по сравненію съ другими иностранцами, посѣщавшими Россію. Павелъ имѣлъ возможность наблюдать русскую жизнь такъ широко, какъ никто изъ иностранцевъ и это отразилось на его «Описаніи». Оно было извѣстно (до изданія въ переводѣ г. Муркоса) русскимъ историкамъ: преосв. Макарію, Костомарову, Румзинскому и др.; но они пользовались англійскимъ переводомъ Бельфура, не отличавшимся ни полнотою, ни правильностью. Павелъ сообщаетъ любопытныя извѣстія о Богданѣ Хмельницкомъ, и сынѣ его Тимоѳеѣ, указываетъ на широкое развитіе грамотности въ Малороссіи, описываетъ бытъ, нравы малороссовъ, города, храмы, Кіевопечерскую лавру, Софійскій соборъ и др., и сообщаетъ много интересныхъ археологическихъ данныхъ. Не менѣе цѣнны его свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ, объ отношеніи Московскаго правительства къ представителямъ православнаго Востока, къ иновѣрцамъ, о нравахъ, обычаяхъ и благочестіи населенія. Чрезвычайно важны свѣдѣнія о патріархѣ Никонѣ, объ отношеніяхъ его къ царю Алексѣю Михайловичу, къ духовенству, къ боярамъ, любопытны его извѣстія о чертахъ характера этого царя. Авторъ «Описанія»—былъ умный, любознательный наблюдатель, передающій правильно, точно видѣнное, слышанное имъ; если что онъ и передаетъ недѣйствительное, то виноваты въ томъ или его непониманіе, или невѣрныя свѣдѣнія, ему сообщенныя.

Въ обсужденіи докладовъ принимали участіе: Д. И. Багалѣй, М. С. Дриновъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, Б. М. Ляпуновъ, Е. К. Рѣдинъ.

3. Отношеніе Д. И. Багалѣя объ архивахъ губернскаго правленія и городской думы.

Постановили: обратиться въ Правленіе Университета съ просьбой ходатайствовать предъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія о передачѣ въ архивъ Общества частей архива губернскаго правленія и городской думы.

4. Е. М. Ивановъ доложилъ о пожертвованіи членомъ Ивановымъ грамотъ столбцовъ XVII—XVIII. в.

Постановили: благодарить жертвователя.

IX.

24 апрѣля 1899 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, Б. М. Ляпуновъ, Н. О. Куплевасскій, Н. А. Ѳеодоровскій.

СЛУШАЛИ:

1. Отношеніе Елисаветградской публичной библіотеки съ просьбой о пожертвованіи изданій Общества.

Постановили: исполнить просьбу выслать, начиная съ послѣднихъ томовъ.

2. Отношеніе Одесской публичной библіотеки съ просьбой о высылкѣ изданій Общества—въ обмѣнъ.

Постановили: выслать изданія.

3. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества—о присылкѣ депутатовъ отъ имени Общества на Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.

Постановили: просить быть таковыми: Д. И. Багалѣя, В. П. Бузескула, А. С. Вязигина, г-жу Ефименко, С. В. Соловьева, Е. К. Рѣдина, Н. А. Ѳеодоровскаго.

4. Сообщеніе о предполагаемыхъ къ изданію въ трудахъ педагогическаго отдѣла статей Е. К. Рѣдина, А. Ѳ. Котова, Немолодышева.

Постановили: напечатать и пріобрѣсти требуемыя къ статьѣ А. Ѳ. Котова клише.

5. Сообщеніе о прочитанныхъ Н. Ѳ. Сумцовымъ лекціяхъ въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ на Дону.

X.

29 апрѣля 1899 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ члены: М. М. Алексѣенко, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, П. А. Гинкинъ, М. С. Дриновъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. Ѳ. Котовъ, М. Д. Линда, Б. М. Ляпуновъ, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, И. Н. Миклашевскій, І. Ѳ. Тихій, Е. П. Трифильевъ, М. Е. Халанскій, Л. Ю. Шепелевичъ. Гости: Е. Ѳ Коршъ, А. В. Ордынскій, Е. М. Ивановъ, Лапинъ, о. Стефанъ Любицкій, Бобинъ.

Предсѣдатель проф. *Н. Сумцовъ* сказалъ рѣчь, посвященную памяти недавно умершаго директора Императорской публичной библіотеки акад. *А. О. Бычкова.* Послѣ краткаго біографическаго очерка были отмѣчены разнообразныя научныя заслуги покойнаго. *И. П. Хрущевъ* въ прочувствованныхъ словахъ также помянулъ покойнаго, указавъ на его труды по описанію рукописей и на его вниманіе и помощь всѣмъ занимающимся въ библіотекѣ. *Д. И. Багалѣй* далѣе указалъ на искреннее сердечное отношеніе покойнаго къ научнымъ учрежденіямъ Харькова. Память покойнаго была почтена вставаніемъ и постановлено помѣстить въ ближайшемъ томѣ Сборника портретъ А. Ф. Бычкова и некрологъ.

Слѣдовавшій затѣмъ докладъ *И. П. Хрущова* былъ посвященъ рукописному сборнику XVI ст. Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря изъ собранія г. доклачдика. Охарактеризовавъ въ началѣ вообще русскіе сборники, И. П. Хрущовъ подробно познакомилъ съ содержаніемъ указаннаго сборника, который имѣетъ важное значеніе, какъ богатый источникъ для исторіи русскаго быта, и для исторіи почитанія русскихъ и юго-славянскихъ святыхъ. Сборникъ, благодаря богатому матеріалу, представляетъ интересъ не только для историка быта, но и для историка русскаго языка и литературы и заслуживаетъ всесторонняго изученія. Статьи сборника: кормовые списки (встрѣчаются кормы за царя Бориса, Ксенію, за Іоанна Грознаго и многихъ его бояръ попавшихъ въ опалу), чинъ инокамъ, книга праздничная (перечисленіе различнаго рода пищи и питія), постановленіе о томъ, какъ и когда надо звонить, о Пасхѣ, поминка по службамъ (работы, виды ея, подарки) указъ, что давать рабочимъ, чинъ о постновленіи Келаря, казначея, пономаря; чинъ на братотвореніе; тропари святымъ.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе М. С. Дриновъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, М. Г. Халанскій, Ѳ. Е. Коршъ, И. Н. Миклашевскій. Въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ по поводу доклада, указывалось на значеніе сбор-

ника, связь его данныхъ съ тѣми, что имѣются въ другихъ древнихъ памятникахъ (Русская Правда, Писцовыя книги, Домострой), на любопытный обрядъ побратимства, имѣвшій большое распространеніе и значеніе и сохранившійся мѣстами до настоящаго времени.

Докладъ *М. Г. Халанскаго* былъ посвященъ уясненію происхожденія названія Муравскаго шляха. Докладчикъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ приходитъ къ тому заключенію, что названіе «Муравскій» должно быть сближено съ Мурманскимъ и затѣмъ Норманскимъ. Ѳ. Е. Коршъ замѣтилъ, что для такого объясненія слова Муравскій трудно подыскать филологическія основанія, Д. И. Багалѣй указавъ, что въ древнихъ русскихъ памятникахъ извѣстны три пути: Варяжскій, Соленый и Залозный, отмѣтилъ, что съ XVI в., съ татарскаго нашествія, становятся извѣстны другія пути или шляхи: Муравскій, Изюмскій, Калміусскій; эти названія татарскаго происхожденія (встрѣчается названіе Муравская сакма, т. е. дорога), имѣютъ отношеніе лишь къ степной Россіи и т. о. шляхъ Муравскій не можетъ имѣть отношенія къ великимъ путямъ начальной русской лѣтописи.

Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ о пожертвованіи М. Д. Линдою документовъ Харьковской коммиссіи по сбору пожертвованій въ пользу славянъ (1878 г.); жертвователю выражена благодарность.

XI.

Публичное засѣданіе историко-филологическаго Общества и Педагогическаго Отдѣла при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, 26-го мая 1899 г., посвященное памяти А. С. Пушкина.

Въ торжественномъ собраніи профессоровъ университета, членовъ Общества и отдѣла, почетныхъ гостей и публики, *М. Г. Халанскій* произнесъ рѣчь—«о вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина», *Н. Ѳ. Сумцовъ*—«о вліяніи поэзіи Лермонтова на А. С. Пушкина».

Подробный отчетъ о засѣданіи см. въ Харьковскомъ Университетскомъ Сборникѣ въ память А. С. Пушкина (1799—1899) Харьковъ. 1900 г., стр. I—IV.

† ПАМЯТИ
Николая Алексѣевича Лавровскаго.

18 сентября 1899 г. въ с. Кочеткѣ Змiевского уѣзда, скончался попечитель рижскаго учебнаго округа, бывшiй профессоръ Харьковскаго университета, одинъ изъ членовъ-учредителей Харьковскаго историко-филологическаго общеста, Николай Алексѣевичъ Лавровскiй. Покойный оставилъ по себѣ прочную память, какъ солидный ученый, отличный университетскiй преподаватель, осторожный администраторъ, какъ человѣкъ съ большимъ умомъ и добрымъ сердцемъ.

Съ рѣдкимъ тактомъ и выдержанностью характера Николай Алексѣевичъ соединялъ простоту, доступность и привѣтливость. Такими высокими достоинствами онъ выдвигался уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда былъ деканомъ историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета. Эти счастливыя черты въ его характерѣ были въ свое время замѣчены и оцѣнены по достоинству. Николай Алексѣевичъ съ честью занималъ очень трудные и отвѣтственные посты ректора варшавскаго университета, позднѣе попечителя рижскаго учебнаго округа, посты тѣмъ болѣе трудные, что ему приходилось проводить русскiе государственные принципы въ средѣ, исторически воспитанной на иныхъ религiозныхъ и нацiональныхъ началахъ. Въ теченiе многихъ лѣтъ онъ

несъ свой тяжелый трудъ, съ общимъ признаніемъ его заслугъ, его прямоты, такта и осторожности. Какъ профессоръ, Н. А. Лавровскій прекрасно велъ чтеніе лекцій студентамъ по исторіи русской литературы, по временамъ прибѣгалъ къ практическимъ занятіямъ и помогалъ студентамъ въ ихъ домашнихъ работахъ путемъ совѣтовъ или выдачи книгъ изъ своей частной библіотеки. Построеніе лекцій отличалось стройностью и систематичностью. Съ перваго знакомства студенты видѣли въ Лавровскомъ компетентнаго ученаго, свободно и съ любовью трактовавшаго о явленіяхъ русскаго слова. Главные научные труды Н. А. Лавровскаго относятся къ 60-мъ годамъ.—«О педагогическомъ значеніи Екатерины II», «О древне-русскихъ училищахъ», «О Крыловѣ», «О Ломоносовѣ» и др. Во многихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ Н. А. Лавровскаго наряду съ весьма солидной эрудиціей, обнаруживаются живые педагогическіе интересы. Даже при выборѣ спеціальныхъ научныхъ темъ Н. А. почти всегда видѣлъ что-нибудь такое, что имѣетъ широкій историко-педагогическій интересъ. Къ учащейся молодежи Н А. относился весьма просто и дружелюбно. Когда онъ уѣзжалъ изъ Харькова въ 1875 г. въ Нѣжинъ, по назначеніи его директоромъ нѣжинскаго историко-филологическаго института, профессора дали ему большой прощальный обѣдъ; присутствовали весьма многіе, въ числѣ участниковъ были студенты-филологи 3 и 4 курсовъ.

Великороссъ по происхожденію, Н. А. Лавровскій родился въ 1825 году въ Тверской губерніи, учился въ главномъ педагогическомъ институтѣ, вмѣстѣ съ своимъ роднымъ братомъ, извѣстнымъ впослѣдствіи славистомъ Петромъ А. Лавровскимъ; вмѣстѣ братья заняли профессорскія кафедры въ Харьковскомъ университетѣ и оба пошли по административнымъ путямъ, оба въ разное время занимали должности ректора варшавскаго университета, оба были попечителями. Петръ А. Лавровскій скончался въ 1886 г. Н. А. Лавровскій былъ профессоромъ въ Харьковѣ въ 60 и 70 годахъ; въ 1875 г. онъ былъ назначенъ въ Нѣжинъ директоромъ лицея, въ 1883 г. ректоромъ въ Варшаву, въ 1890 г. попечителемъ въ Ригу. Въ 1899 году Н. А. Лавровскій рѣшилъ выйти въ отставку и провести послѣдніе годы своей жизни въ Харьковѣ—зимой въ городѣ, а лѣтомъ въ Кочеткѣ, гдѣ у него была своя дача; онъ предполагалъ отдохнуть, но Провидѣніе предуготовило ему другое вѣчное отдохновеніе. Миръ праху твоему, хорошій человѣкъ, хорошій на всѣхъ многоразличныхъ пройденныхъ житейскихъ поприщахъ.

Профессоръ ***Н. Ѳ. Сумцовъ.***

Я. П. Полонскій въ его поэзіи. [1])

(6 дек. 1819 г.—18 окт. 1898 г.)

И голосъ твой пророческій былъ сладокъ,
Такъ много въ немъ дрожало тайныхъ слезъ.
(П. с. ст. Полонскаго изд. Маркса 1896 г. I, 42).

Въ послѣдніе два года русская художественная литература понесла двѣ крупныя потери; сошли со сцены одинъ за другимъ два ветерана-корифея русской поэзіи: 21 мая прошлаго года умеръ Аполлонъ Ник. Майковъ; отходящій въ вѣчность 1898-й годъ унесъ съ собой Якова Петровича Полонскаго. Настоящее мое сообщеніе есть посильная дань уваженія къ личности и дѣятельности только-что почившаго писателя.

Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной.
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ шуму водъ подобный,
И полюбили всѣ его.
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.

Нарисованный Пушкинымъ въ этихъ стихахъ образъ «незлобиваго поэта» очень хорошо подходитъ къ дѣйствительнымъ чертамъ личности почившаго поэта, какъ она сказывается въ его лирическихъ произведеніяхъ, стоящихъ въ тѣснѣйшей связи съ его жизнью.

Изображая въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ

Жизни лучшія мгновенья,
Сердца жаркія мечты,
Роковыя впечатлѣнья
Зла, добра и красоты,
Все, что близко, что далеко,
Все, что грустно и смѣшно,
Все, что спитъ въ душѣ глубоко

(Полное собраніе стихотвор. Я. П. Полонскаго, изд. Маркса, Спб. 1896, т. I, ст. 43—44), Полонскій, однако, по преимуществу является поэтомъ добра и дѣятельной любви къ людямъ:

Сердце мое—факелъ мой,

говоритъ поэтъ въ стихотвор. «Жалобы музы» (I, 443);

Я о вѣчной, повсюду творящей любви думу думала, говоритъ его муза въ томъ же стихотвореніи (I, 448).

---

[1]) Читано 20 декабря 1898 г. въ публичномъ засѣданіи историко-фил. общества и педагогич. отд. его, состоящихъ при Харьковскомъ Императорскомъ Университетѣ.

Въ этомъ, на мой взглядъ, заключается одно изъ существенныхъ отличій поэзіи Полонскаго отъ произведеній его славнаго ровесника, сверстника, друга и собрата по оружію, Аполлона Николаевича Майкова. Для обоихъ поэзія Пушкина была колыбельной пѣснью: Майковъ родился 23 мая 1821 г., Полонскій двумя годами раньше, (1819) [1])—значитъ, въ эпоху созданія и появленія въ печати поэмы «Русланъ и Людмила». Учителями Майкова были Гончаровъ и Никитенко—ревностные поклонники Пушкина; учителями стилистики Полонскаго были: поэтъ Клюшниковъ [2]) и И. С. Тургеневъ, восторженные почитатели и цѣнители Пушкина; изъ нихъ послѣдній завѣщалъ, какъ извѣстно, похоронить себя у ногъ великаго поэта. Оба поэта вступили на Россійскій Парнасъ почти непосредственно послѣ Пушкина: Майковъ выпустилъ въ свѣтъ первое собраніе своихъ стихотвореній въ годъ смерти Пушкина (1837), Полонскій—немного спустя (1844): оба въ своей дѣятельности слѣдовали завѣтамъ Пушкина; оба свято хранили его традиціи правды и искренности въ поэзіи; но расходились въ пониманіи отношеній своихъ къ современному имъ обществу.

Пушкинъ, какъ извѣстно, колебался въ опредѣленіи этого пункта своей дѣятельности. Стоя вообще за свободу искусства, Пушкинъ въ однихъ своихъ стихотвореніяхъ полагаетъ цѣлью дѣятельности поэта служеніе чистому искусству при полной отрѣшенности отъ злобъ дня, отъ потребностей современниковъ:

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Въ развратѣ каменѣйте смѣло,
Не оживитъ васъ лиры гласъ:
Душѣ противны вы какъ гробы...
... Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Въ другихъ стихотвореніяхъ Пушкинъ склоняетъ свое вниманіе къ людямъ, а въ «Памятникѣ», какъ извѣстно, главной своей заслугой передъ родиной ставитъ возбужденіе добрыхъ чувствъ въ людяхъ и проповѣдь милости «къ падшимъ».

Майковъ и Полонскій усвоили себѣ, каждый въ отдѣльности, по одному изъ этихъ двухъ основныхъ взглядовъ нашего великаго поэта на прикладныя задачи поэтическаго творчества.

Художникъ и артистъ въ душѣ, Майковъ былъ по преимуществу поэтомъ красоты, въ чемъ бы она ни выражалась: въ явленіхъ природы

---

[1]) Годъ рожденія устанавливаю на основаніи свидѣтельства Уманца. Историческій Вѣстн. 1899 г. янв.

[2]) Я. П. Полонскій. Мои студенч. воспоминанія. Нива, Ежемѣсячн. литератур. прилож. 1898 дек. 650.

или въ фактахъ духа человѣческаго. Онъ самъ говоритъ о себѣ: еще въ младенчествѣ... часто... я

Со строгой красотой дружилъ свой юный умъ. Соч. Майк. I. 192.

Въ началѣ своего поэтическаго поприща Майковъ былъ преимущественно пѣвцомъ красотъ природы. Отсюда увлеченіе этого поэта антологическими формами стихотвореній, какъ такими, въ которыхъ полнѣе достигается единство красоты формы и содержанія; отсюда переполненіе поэтическаго языка его раннихъ стихотвореній метафорами классическими: стыдливая Аврора, долины бархатныя Аоніи священной, дріады, Панъ, Сильванъ, Вакхъ, эвмениды, Геликонъ—вотъ метафоры, которыми пользовался поэтъ для выраженія своего увлеченія красотами русской природы. Благодаря обилію классическихъ образовъ у Майкова иногда въ раннихъ стихотвореніяхъ описанія явленій русской дѣйствительности принимаютъ фантастически-классическій видъ; если бы не искренность чувства поэта, мы бы отнесли нѣкоторыя лирическія произведенія той поры его творчества къ ложно-классическимъ. Сравн. напр.:

Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ:
Лѣса пустынные, гдѣ сумракъ обитаетъ,
И гротъ таинственный, гдѣ струйка водъ
Межъ камней падаетъ, звенитъ и брызги бьетъ,

То прыгаетъ змѣей, то питью изъ алмаза
Журчитъ между корней раскидистаго вяза,
Потомъ, преграду пней и камней раздробивъ,
Бѣжитъ средь длинныхъ травъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,

Разрозненныхъ въ корняхъ, по сплетшихся вѣтвями...
Я вижу, кажется, въ чащѣ, поросшей мхомъ,
Дріадъ, увѣнчанныхъ листами,
Надъ урной старика съ осоковымъ вѣнкомъ,

Сильвана съ фавнами, плетущаго корзины,
И Пана кроткаго, который у ключа
Гирлянды вѣшаетъ изъ розы и плюща
У входа тайнаго въ свой гротъ темнопустынный.

Съ годами Майковъ все болѣе и болѣе углублялся въ созерцаніе красотъ человѣческаго духа, возвышаясь надъ современнымъ ему міромъ явленій, сверху созерцая дѣйствительность и разсматривая съ этой точки зрѣнія, съ надзвѣздной высоты, произведенія искусства вообще:

Святая лира Пушкина,
Его кристальный стихъ,

Моцартовы мелодіи
Все радостное въ нихъ,

Все то,—не откровенья ли
Съ надзвѣздной высоты
Изъ царства вѣчной юности
И царства красоты. Ш, 148.

Отсюда нѣсколько мистическій взглядъ его на поэта:

Чужой для всѣхъ,
Со всѣми въ мирѣ,—
Таковъ, поэтъ,
Твой жребій въ мірѣ!

Ты на горѣ,
Они—въ долинѣ;
Но Богъ и свѣтъ
Въ твоей пустынѣ.

Ихъ духъ привыкъ
Ко тьмѣ и ночи
И голый свѣтъ
Имъ рѣжетъ очи. Ш, 111.

Ставя цѣлью своей жизни стремленье—

Въ свѣтъ, къ свободѣ безконечной
Изъ подъ рабства суеты,
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты,

Майковъ изображаетъ себя удалившимся отъ жизни и людскихъ интересовъ въ пустыню, подобно древнимъ пророкамъ, для сохраненія до поры—до времени открытаго ему свѣта истины:

И ангелъ мнѣ сказалъ: иди оставь ихъ грады;
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было-бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

Поэзія Полонскаго, по своему содержанію, соотвѣтствуетъ второму изъ приведенныхъ выше взглядовъ Пушкина на практическія, прикладныя цѣли художественнаго творчества.

Въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ на физическую природу «поэта», высказанныхъ въ статьѣ «Прозаическіе цвѣты поэтическихъ сѣмянъ», напечатанныхъ въ «Отеч. Зап.» за 1867 г. № 4 кн. 2, Полонскій держится реальной, научной точки зрѣнія. Поэтъ «прозы» Полонскаго, не «сынъ боговъ, питомецъ музъ и вдохновенья» (Веневитиновъ) и не пустынникъ или житель горныхъ вершинъ, какъ образно представлялъ поэта Майковъ, причемъ, замѣтимъ кстати, терялось различіе между поэтомъ и ученымъ теоретикомъ, а человѣкъ обладающій весьма чувствительной нервной системой. И вотъ въ чемъ, между прочимъ, выражается эта особая конструкція лирическаго поэта, отличающая его отъ не-поэта, т. е. прозаика: «Во многихъ лирическихъ поэтахъ впечатлительность... до такой степени развита, что всякая грязь и мерзость жизни поражаетъ его ни дать ни взять такъ же, какъ великаго артиста съ музыкальнымъ ухомъ и развитымъ до утонченности слухомъ поражаютъ диссонансы. Когда они

его поражаютъ, что онъ дѣлаетъ? Или затыкаетъ себѣ уши, или, не вынося ихъ, бѣжитъ вонъ изъ той комнаты, гдѣ слышитъ ихъ; такъ онъ по своему выражаетъ протестъ свой противъ всякихъ диссонансовъ или ошибокъ въ музыкѣ, пот. что иначе выразить своего протеста не можетъ (стр. 740)... Лирическій поэтъ, по своей организаціи, ближе всего къ такимъ артистамъ; оттого стихи его могутъ быть пѣты, т. е. положены на музыку. Встрѣчая диссонансы жизни, или возмущаемые грязными, отвратительными ея сторонами, лирическіе поэты мало образованные или съ ума сходятъ, или поютъ только свои страданья и тоску свою; получившіе же болѣе многостороннее образованіе, ищутъ свѣта и правды повсюду, и нерѣдко находятъ свои идеалы то въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ, то въ давнопрошедшемъ (въ лучшія эпохи историч. жизни), находятъ и заставляютъ ихъ жить, страдать или наслаждаться силою своей фантазіи (стр. 741).

Съ содержаніемъ поэтическихъ произведеній стоитъ въ тѣсной связи ихъ форма, являющаяся въ области лирики непроизвольнымъ продуктомъ творческихъ силъ поэта (стр. 735).

Воззрѣнія Полонскаго на отношеніе формы лирическихъ стихотвореній къ содержанію ихъ представляютъ серьезный научно-психологическій интересъ не только какъ интимныя признанія поэта, наблюдавшаго на самомъ себѣ процессъ творчества, но еще и въ томъ отношеніи, что они существенно сходны съ научными наблюденіями Потебни надъ существованіемъ тѣсной связи между содержаніемъ, размѣромъ и напѣвомъ въ народныхъ пѣсняхъ. «Какъ же поэтъ отдѣлываетъ стихи свои? Очень просто: онъ отдѣлываетъ мысль свою и форма получаетъ отдѣлку; онъ отдѣлываетъ форму, и мысль становится ярче, рельефнѣе, нагляднѣе, мысль и форма—одно; это душа и тѣло; это—жизнь... Пока мысль, чувство или образъ не созрѣли въ душѣ поэта, или не довольно сильны, чтобы заставить его писать, до тѣхъ поръ ему и писать не слѣдуетъ—ничего не напишетъ. Какъ скоро и мысль, и чувство и образъ получили силу, первый вылившійся изъ подъ руки его стихъ опредѣляетъ уже тотъ размѣръ, какимъ должно быть написано стихотвореніе. Стало быть, размѣръ этотъ вовсе поэтомъ не придумывается, а является какъ бы невольно.

Если размѣръ угаданъ (а не придуманъ, какъ думаетъ Писаревъ), неудачно, неудачно и стихотвореніе; сколько его ни отдѣлывай, хоть три дня и три ночи сиди, ничего изъ него не выйдетъ. И это очень понятно. Попробуйте удачно написанное хореемъ, ну хоть—

Птичка Божія не знаетъ Ни заботы, ни труда

написать пятистопнымъ ямбомъ—ничего не выйдетъ, т. е. выйдутъ стихи, которые ни на кого не произведутъ никакого впечатлѣнія, или выйдетъ

совсѣмъ другое стихотвореніе; точно также нѣтъ никакой возможности передать хореемъ содержаніе, вылившееся въ такихъ стихахъ:

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ дѣтей безпечныхъ было много...

Отчего это? Да именно оттого, что размѣръ не придумывается, а является вмѣстѣ съ поэтическимъ содержаніемъ, и вмѣстѣ съ нимъ подлежитъ отдѣлкѣ. Размѣръ въ этомъ случаѣ—тоже, что для музыканта тонъ цедурный, адурный, бемольный или adagio, allegro и т. д.

Если въ головѣ музыканта-композитора явится какой-нибудь мотивъ, нуждается ли онъ въ придумываніи для него формы? Нѣтъ, этотъ мотивъ является уже облеченный въ ту форму, которая на бумагѣ выражается нотами, а для слуха—музыкой. Безъ хорошо устроеннаго горла и легкихъ, какъ ни будь уменъ, какъ ни трудись, къ какой сноровкѣ не прибѣгай, пѣть хорошо не будешь. Безъ какихъ-то особенностей въ мозгу или въ нервной системѣ поэтомъ не будешь, хоть звѣзды съ неба хватай!... Надо не только признать старую истину, что poëtae nascuntur, но еще и обобщить ее (Проч. цвѣты поэтич. сѣмян. Отеч. зап. 1867 г. апр. 2 кн. стр. 735—736).

«Поэтъ» поэтическихъ произведеній Полонскаго вмѣсто пустыни или горныхъ высей—представленій Майкова—переносится то въ жизнь, въ слякоть жизни, на торжище жизни, то въ заоблачныя сферы, въ область идеаловъ, «въ царство небесное», «въ рай», гдѣ слышитъ пѣнье херувимской, «видитъ несмѣтное множество яркихъ свѣтилъ, міровъ лучезарныхъ» (II, 146). Возвышенные идеалы ободряютъ и подкрѣпляютъ поэта и тогда, когда онъ «по торжищамъ влачитъ свой тяжелый крестъ», и тогда, когда онъ «тащится по слякоти дорожной рядомъ съ прочими людьми, шагъ въ шагъ съ толпой».

Другъ! писалъ Полонскій Лорану уже на склонѣ лѣтъ:

По слякоти дорожной
Я бреду на склонѣ лѣтъ,
Какъ бѣглецъ съ душой тревожной,
Какъ измученный поэтъ.

Плохо вижу я дорогу,
Но шагая рядомъ, въ ногу,
Съ неотзывчивой толпой,
Страсти жаръ неутоленный,

Холодъ мысли непреклонной,
Жажду правды роковой
Я еще несу съ собой. II, 357.

Съ точки зрѣнія правды въ поэзіи теоретическій вопросъ объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности для Полонскаго не имѣетъ значенія: «Признаюсь вамъ, и по совѣсти, я рѣшительно не знаю, эстетикъ—я или не эстетикъ» (Прозаич. цвѣты и проч., стр. 712).

Писатель, а стало быть и поэтъ, по образному выраженію Полонскаго, есть нервъ великаго народа, волна моря—океана, а океанъ родная страна, родной народъ, въ данномъ случаѣ, Россія. Въ стихотвор. «Письмо въ музѣ» Полонскій сравниваетъ пѣсню, поэзію, то съ барометромъ, то съ термометромъ:

Если пѣснь моя туманна,
Значитъ, жизнь еще туманнѣй;
Значитъ, тамъ и зги не видно,
Гдѣ былъ виденъ парусъ дальній.

Если пѣснь, какъ барометръ,
Вамъ не лжетъ на счетъ погоды,
Злитесь вы, зачѣмъ такъ вѣренъ
Этотъ градусникъ свободы. II, 105.

Отсюда—завѣтъ поэту:

Будь правды жаждущихъ невольнымъ отголоскомъ III, 6.

Отсюда—укоръ Полонскаго писателямъ, бывшимъ неискренними въ своихъ твореньяхъ:

Ваши пѣсни слободскія
Вы не разъ подогрѣвали
На огнѣ заемной мысли
И онѣ, признайся, лгали.

Эти градусники лгали
До того, что мы въ морозы
На распашку выбѣгали
Посмотрѣть,—растутъ-ли розы.
II, 105.

Никто изъ современныхъ Полонскому его товарищей по искусству не выразилъ такъ образно и такъ ясно воззрѣній Тэна на поэта и отношенія его къ обществу.

Поэтъ, такимъ образомъ, является правдивымъ выразителемъ и чувствительнымъ показателемъ чувствъ и мыслей своихъ современниковъ; въ умѣньѣ выразить правдиво чувства современниковъ, въ указаніи идеаловъ заключается нравственная поддержка и опора страдающихъ отъ жизненныхъ отступленій отъ идеаловъ.

Отсюда задачи поэзіи: утоленье жажды жаждущихъ, обновленіе силъ ослабѣвающихъ:

Буду жажду утолять, Ваши силы обновлять, II, 174;

раздѣлъ съ людьми душевнаго достоянья поэта:

Въ нашъ вѣкъ таковъ иной поэтъ,—
Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
Какъ нищій старецъ, изнуренъ,
Духовной пищи проситъ онъ,

И все, что жизнь ему ни шлетъ,
Онъ съ благодарностью беретъ,
И душу дѣлитъ по-поламъ
Съ такими-жъ нищими, какъ самъ.
I, 179.

Майковъ въ своемъ стремленіи къ свободѣ безконечной, въ исканьи вѣчной правды и красоты, естественно, не всегда могъ довольствоваться тѣмъ содержаніемъ, какое давала ему современная русская жизнь, рус-

ская исторія; онъ переносилъ свои поэтическіе интересы въ другія страны, къ другимъ народамъ, изображая въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ всемірно-историческіе факты величія человѣческаго духа, выразившіеся въ подвигахъ самопожертвованія, служенія возвышеннымъ идеаламъ любви, кротости, смиренія и друг. Содержаніе поэзіи Майкова отличается широтой симпатій поэта; въ этомъ отношеніи онъ ближе всѣхъ нашихъ поэтовъ, за исключеніемъ Жуковскаго, подходитъ къ Пушкину. Содержаніе поэзіи Полонскаго уже: оно тѣсно связано съ современной поэту русской жизнью. Самыя славянскія симпатіи Полонскаго, расширяя нѣсколько содержаніе его поэзіи въ область общеславянскихъ интересовъ, ограничиваются небольшимъ количествомъ поэтическихъ мотивовъ и отражаютъ славянскія симпатіи русскаго народа эпохи войны за освобожденіе южныхъ славянъ.

Называя себя «гражданиномъ», «сыномъ времени», Полонскій самъ указываетъ на тѣсную связь своей поэзіи со своей эпохой. Въ этомъ отношеніи онъ является, несомнѣнно, наиболѣе колоритнымъ и яркимъ выразителемъ чувствъ, стремленій и идеаловъ, одушевлявшихъ лучшихъ русскихъ дѣятелей періода великихъ реформъ, «вѣщимъ Бояномъ» эпохи 40-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ русской жизни текущаго вѣка.

И по отношенію къ формѣ стихотвореній есть разница между Полонскимъ и Майковымъ. Майковъ строже, требовательнѣе, тщательнѣе относился къ формѣ своихъ произведеній. Послѣдователь Батюшкова, Пушкина, ученикъ Гончарова, Майковъ сознательно стремился къ достиженію художественнаго единства содержанія и формы своихъ стихотвореній:

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони,
Богиня строгая, ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ и лира и кимвалъ
И пѣсни сладкія и волны благовоній.

Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ
И образъ весь сіялъ огнемъ души твоей. II, 70.

Это стремленіе къ тщательности въ отдѣлкѣ каждой черты стиха, напоминающее работу скульптора или живописца хорошей школы, доводило Майкова, въ раннихъ его стихотвореніяхъ, до того, что поэтъ, изъ подражанія манерѣ Батюшкова и раннимъ стихотвореніямъ Пушкина, допускалъ необычныя въ русской разговорной рѣчи слова и формы, заимствуя ихъ изъ лексическаго матеріала поэтовъ старой школы: гротъ темнопустынный, патріархъ сребровлосый, пѣсни колыбельны, недоконченны мечты, унывно-сладкія мечты I, 37, верхи снѣго-вѣнчанны I, 186,

съ черно-кудрявой головой I, 187, ризою раздранной (т-же), черно-золотой красавецъ II, 84; черемухи младой, надъ серебромъ съ горы падущихъ водъ I, 390, лучъ луны серебристо-синій I, 123, на брегу зеленотеплыхъ водъ I, 86,—совершенно въ стилѣ выраженій «славяно-русской школы» начала XIX в., какъ напр. крово-млечное лице, длинно-густо-закоптѣлая брада и друг.

Полонскій, не беря на себя задачи обрѣтенія новыхъ звуковъ для своихъ пѣсенъ, ставилъ на первомъ планѣ естественность и простоту слога, не увлекаясь цѣлями артистичности его. Не то, что бы Полонскій формѣ придавалъ второстепенное значеніе по сравненію съ содержаніемъ: занятый всецѣло сюжетомъ и идеей нравственнаго порядка, проникающей все произведеніе, Полонскій думалъ, что выраженіе ихъ придетъ само собой и будетъ такъ же хорошо, какъ и мысль, вдохновлявшая поэта. Къ этому въ сущности сводится взглядъ Полонскаго на форму, высказанный имъ въ статьѣ „Прозаич. цвѣт. поэтич. сѣмянъ“. Въ этомъ онъ сходился съ властителемъ думъ нашего времени, съ гр. Л. Н. Толстымъ, какъ извѣстно, довольно свободно обращающимся съ нѣкоторыми §§ стилистики рус. литературнаго языка.

Умѣя пламенно любить, Восторженно благоговѣть,

говор. Полонскій въ стихотвор. „Завѣтъ“.

Ты по неволѣ будешь пѣть. И красоту въ душѣ носить. II, 393.

Отсюда, конечно, далеко до небрежности языка. Полонскій усиленно работалъ надъ формой своихъ стихотвореній; работа эта была для него не трудомъ виртуоза стихотворства, но актомъ самоусовершенствованія: «Трудиться надъ стихомъ для поэта тоже, что трудиться надъ душой (Прозаич. цв. поэтич. сѣм. 783). Поэтому и для Полонскаго, какъ для всѣхъ истинныхъ поэтовъ, начиная или кончая Гете,—творчество тяжелый процессъ, иногда мучительный:

Вдохновенье—творческій недугъ III, 8.
Крестъ поэта тяжелый. III, 6. [1])

Отсюда проистекаетъ усвоеніе Полонскимъ чисто—апостольской точки зрѣнья на языкъ. «Кто не согрѣшаетъ въ словѣ, говор. апост. Іаковъ, тотъ человѣкъ совершенный, могущій обуздать и все тѣло». (Посл.

[1]) «Одаренный микроскопичекимъ талантомъ, я по себѣ зналъ, гов. Полонскій, какихъ долгихъ чтеній и размышленій стоило мнѣ мое стихотвореніе «Аспазія». Лишенный прочнаго классическаго образованія, и далеко не по европейски обставленный, я *чуть ли не пять лѣтъ* думалъ о томъ, какъ мнѣ въ небольшомъ стихотвореніи изобразить Аспазію такъ, чтобы вышла гражданка, аѳинянка и въ то же время женщина». (Проз. цв. Отеч. Зап. 1867 апр. на 2 стр. 742). Здѣсь же изъ Тэна приведено свѣдѣніе о продолжительныхъ занятіяхъ Гете классическимъ искусствомъ, предшествовавшихъ созданію имъ Ифигеніи (741).

Іакова III, ст. 1). И Полонскій, согласно съ этимъ, ставитъ въ тѣсную связь совершенствованіе языка съ нравственнымъ очищеніемъ человѣка:

Усовершенствуй свой языкъ, завѣщалъ Полонскій своему сыну:

Пойми, что можетъ быть и онъ Подъ часъ, какъ благовѣстный звонъ,
Уйметъ страстей безумный крикъ («Завѣтъ» II, 393).

Самъ Полонскій называетъ свой стихъ «загадочно-простымъ» или «тягучимъ» вѣроятно, по довольно частому enjambement въ немъ. При своей простотѣ онъ, въ лирич. произвед., подобно стиху Жуковскаго, отличается музыкальностью. Его сила и вліяніе—въ просвѣчивающей черезъ все содержаніе произведенія полнѣйшей искренности поэта, такъ чаровавшей Тургенева. Удачная характеристика стиха Полонскаго дана Майковымъ:

Твой стихъ красой и ароматомъ
Родной и небу и землѣ
Блуждаетъ странникомъ косматымъ
Между міровъ, свѣтя во мглѣ.

Люблю въ его кудряхъ я длинныхъ
И пыль отъ млечнаго пути
И желтый листъ дубравъ пустынныхъ,
Гдѣ отдыхалъ онъ въ забытьи,

Стремится рѣчь его свободно
Какъ въ звонѣ стали чистой, въ ней
Закалъ я слышу благородный
Души возвышенной твоей?

Помимо идеальнаго и идейнаго значенія своихъ произведеній Полонскій имѣетъ полное право на благодарность русскихъ людей, какъ ревностный литературный дѣятель, подвизавшійся на поприщѣ русской литературы болѣе 50 лѣтъ и сказавшій за этотъ періодъ времени много хорошихъ, честныхъ, правдивыхъ, а главное, совершенно искреннихъ словъ русскимъ людямъ и, наконецъ, какъ добрый, простой и скромный человѣкъ, всю жизнь свою отдавшій служенію своимъ высокимъ идеаламъ добра, правды, любви, свободы, много и тяжело страдавшій безъ вины отъ незаслуженныхъ обидъ, отъ непониманія, отъ невниманія людей къ его возвышенной и чистой проповѣди и до конца жизни оставшійся неизмѣнно вѣрнымъ своему обѣту дѣятельной любви къ людямъ на поэтическомъ поприщѣ:

Буду жажду утолять Ваши силы обновлять II, 172.

Яковъ Петровичъ родился 6 дек. 1819 г. въ гор. Рязани, въ «богомольной и патріархальной семьѣ» чиновника Петра Григорьевича Полонскаго. Дѣтство поэта, по его собственнымъ словамъ, было:

Нѣжное, пугливое,
Безмятежно шаловливое,

Въ самый холодъ вешнихъ дней
Лаской матери согрѣтое.

Съ свѣтлымъ образомъ матери въ воспоминаніяхъ Полонскаго ассоціировался образъ няни, съ колыбели знакомившей его съ міромъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ:

Вспоминалъ я бѣдной няни сказки,
Сладкій трепетъ материнской ласки,
Идеалы, созданные мной
Въ годы жизни знойно-молодой,

говор. 70-лѣтній поэтъ въ стихотвореніи «Подслушанныя думы» III, 111.

О пѣсняхъ и сказкахъ няни поэтъ неоднократно вспоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ и всегда въ самыхъ теплыхъ, трогательныхъ выраженіяхъ:

Вижу я во снѣ: качаетъ
Няня колыбель мою
И тихонько запѣваетъ:
«Баюшки—баю!»
Свѣтъ лампады на подушкахъ,
На гардинахъ свѣтъ луны.
О какихъ-то все игрушкахъ
Золотые сны...

(Качка въ бурю I, 180).

Мнѣ все чудится, будто скамейка стоитъ,
На скамейкѣ старуха сидитъ,—
До полуночи пряжу прядетъ,
Мнѣ любимыя сказки мои говоритъ,
Колыбельныя пѣсни поетъ.

И я вижу во снѣ, какъ на волкѣ верхомъ
Ѣду я по тропинкѣ лѣсной
Воевать съ чародѣемъ царемъ
Въ ту страну, гдѣ царевна сидитъ подъ замкомъ,
Изнывая за крѣпкой стѣной.

Тамъ стеклянный дворецъ окружаютъ сады,
Тамъ жаръ-птицы поютъ по ночамъ—
И клюютъ золотые плоды;
Тамъ журчитъ ключъ живой и ключъ мертвой воды
И не вѣришь и вѣришь очамъ!

(«Зимній путь» I, 26—27).

Метафорой сказокъ няни Полонскій выражаетъ свое очарованіе поэзіей Пушкина:

Это старой няни сказка,
Это молодости ласка.

Воспоминанія о нянѣ, неразрывно связанныя съ многими другими впечатлѣніями дѣтства и юности, выражены въ прелестныхъ по искренности чувства и простотѣ языка стихотвореніяхъ «Иная зима» I, 313 и «Старая няня» II, 289.

Я помню, какъ дѣтьми съ румяными щеками
По снѣгу хрупкому мы бѣгали съ тобой.
Насъ добрая зима косматыми руками
Ласкала и къ огню сгоняла насъ клюкой.

А позднимъ вечеромъ твои сіяли глазки
И на тебя глядѣлъ изъ печи огонекъ,
А няня старая намъ сказывала сказки
О томъ, какъ жилъ да былъ на свѣтѣ дурачекъ. I, 313.

Ты дѣвчонкой крѣпостной
По дорогѣ столбовой
Къ намъ съ обозомъ дотащилася;
Долго плакала, дичилася;
Не причесанная
Не отесанная...

Чуть я началъ подрастать,
Стали няню выбирать,—
И тебя ко мнѣ приставили,
И обули и наставили,
Чтобъ не важничала,
Не проказничала.

Славной няней ты была,
Скоро въ роль свою вошла:
Теребила меня за-воротъ,
Да гулять водила за-городъ...
Съ горокъ скатывалась,
Въ рожь запрятывалась...

Вотъ пришла зимы пора;
Дальше нашего двора
Не пускали насъ съ салазками;
Ты меня, не муча ласками,
То закутывала,
То раскутывала.

Разъ — я помню — при огнѣ
Ты чулки вязала мнѣ
(Или платье свое штопала)—
Къ намъ метель въ окошко хлопала,
Пѣснь затягивала,—
Сердце вздрагивало...

Ты-жъ другую пѣсню мнѣ
Напѣвала при огнѣ:
«Ай, кипятъ котлы кипучіе!...»
Помню сказки я пѣвучія,
Сказки всяческія,—
Не ребяческія.

И, побитая не разъ,
Ты любила, разсердясь,
Потихоньку мнѣ отплачивать,—
Меня больно поколачивать;
Я не жаловался,
Отбояривался,

А какъ въ школу поступилъ,
Я читать тебя училъ;
Ты за мной твердила «Вѣрую»...
И потомъ молились съ вѣрою
Съ воздыханіями,
Съ причитаніями.

По ночамъ на образа
Возводила ты глаза,
Озаренные лампадкою;
И когда съ мечтою сладкою
Сонъ мой спутывался,
Я закутывался... II, 289—292.

Хотя изъ біографіи поэта мы знаемъ, что онъ любилъ отца (Гербель, Русскіе поэты Спб. 1880, стр. 531), но въ стихотвореніи «Въ гостиной» I, 3 онъ вспоминаетъ о немъ холодно, а о своихъ тетушкахъ даже враждебно:

Въ гостиной сидѣлъ за разкрытымъ столомъ мой отецъ;
Нахмуривши брови, сурово хранилъ онъ молчанье;
Старуха, надѣвъ какъ-то на бокъ нескладный чепецъ,
Гадала на картахъ; онъ слушалъ ея бормотанье...

Немного подальше, тайкомъ говоря межъ собой,
Двѣ гордыя тетки на пышномъ диванѣ сидѣли,
Двѣ гордыя тетки глазами слѣдили за мной
И, губы кусая, съ насмѣшкой въ лицо мнѣ глядѣли;

Недружелюбныя воспоминанія о своихъ теткахъ Кавтыревыхъ поэтъ передалъ намъ и въ своихъ «Студенческихъ воспоминаніяхъ» (Нива, Ежемѣсячн. литер. прилож. дек. 1898 г. стр. 662).

Дѣятельность фантазіи, выражавшаяся въ мечтательности, которая развивалась на религіозной почвѣ, проявилась у нашего поэта довольно рано, въ дѣтскомъ возрастѣ:

Любилъ я тихій свѣтъ лампады золотой,
Благоговѣйное вокругъ нея молчанье,
И, тайнаго исполненъ ожиданья,
Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,

Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукой,
И думалъ: въ эту ночь хранитель-ангелъ мой
Пріидетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мной?
И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,

Въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня
Въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньи...
И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
И, мысли, дѣтскому доступныя уму,

И сердцу сладкому доступныя желанья.
Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
Я весь проникнутъ былъ божественною силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ

Задумчиво внималъ мнѣ свѣтло-крылый;
Но очи кроткія его глядѣли въ даль.
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая-то печаль...

И ангелъ говорилъ: «Дитя, тебя мнѣ жаль!
Дитя, поймешь-ли ты слова моей печали»?
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
И слезы радости въ глазахъ моихъ сверкали. I, 7—8.

Златыя игры первыхъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ уроки Полонскій живо вспоминаетъ въ стихотвореніи «Дѣтское геройство». I, 423:

Когда я былъ совсѣмъ дитя,
На палочкѣ скакалъ я:
Тогда героемъ, не шутя,
Себя воображалъ я.

Я вѣрилъ славѣ—и кричалъ:
Дрожите, супостаты!
Себѣ враговъ изобрѣталъ.—
И братьевъ бралъ въ солдаты.

Порой разсказы я читалъ
Про битвы да походы
И, восторгаясь, повторялъ
Торжественныя оды...

Богатыри почти всегда
Дѣтьми боготворимы,
И гордо думалъ я тогда,
Что всѣ богатыри мы.

Попъ былъ наставникомъ моимъ
Первѣйшимъ изъ мудрѣйшихъ,
А генералъ съ конемъ своимъ
Храбрѣйшимъ изъ первѣйшихъ.

И ничего я не щадилъ,—
(Такой ужъ былъ затѣйникъ).
Колосьямъ головы рубилъ,
Въ защиту бралъ репейникъ...

Потомъ трубилъ въ бумажный рогъ,
Кичась неравнымъ боемъ...
О! для чего всю жизнь не могъ
Я быть такимъ героемъ!

Ласки матери не долго согрѣвали поэта. Едва ему минуло 10 лѣтъ, какъ мать его умерла. Отецъ вскорѣ послѣ того переѣхалъ на службу въ Эривань, а нашъ поэтъ остался на попеченіи своихъ тетушекъ Кавтыревыхъ, сестеръ своей матери, и приступилъ къ подготовкѣ для поступленія въ рязанскую гимназію. Въ 1831 году Полонскій поступилъ въ 1 классъ этой гимназіи.

Воспоминанія Полонскаго о гимназическомъ періодѣ его жизни остались далеко не восторженныя. Повидимому, вялый и формально-сухой строй жизни рязанской гимназіи того времени, стоявшій въ полномъ противорѣчіи съ сентиментально-романтическимъ направленіемъ литературы и настроеніемъ молодежи, мѣшалъ установленію между учащими и учащимися того общенія умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, безъ котораго невозможно дѣйствительное образовательное вліяніе учебнаго заведенія на учащееся юношество. Вотъ образчики существовавшихъ въ рязанской гимназіи отношеній между учителемъ и учениками:

Однажды въ дни поста
Великаго, одинъ изъ нашихъ смирныхъ
Преподавателей, который трусилъ
Инспектора и никогда при немъ
Не нюхалъ табаку, боясь чихнуть
И не найти платка въ карманѣ,
Съ участьемъ обратясь къ Вадиму, молвилъ:
— «За что вы обижаете себя—
Такъ вяло учитесь»? Вадимъ привсталъ,
Но не смутился. «Отъ того», сказалъ онъ,
«Что ни Христосъ, ни ангелы, ни бѣсы
Меня не спросятъ, зналъ ли я урокъ,
Или умѣю ли переводить
Языческихъ поэтовъ»...
«Что за вздоръ»!
Отозвался учитель: «не для Бога
И не для бѣса мы васъ учимъ: учимъ,
Чтобъ вы могли экзамены намъ сдать
И поступить въ студенты, если только
Туда васъ примутъ... «Мечтатель», V 455—456.

Понятно, что при существованіи двухъ разъединенныхъ, а то и враждебныхъ, лагерей—учителей и учениковъ—развитіе послѣднихъ совершалось помимо дѣятельнаго участія педагогическаго персонала гимназіи:

...Педагоги насъ не знали.
Возвышенное и святое мы
Изъ воздуха, должно быть, почерпали,
Учились у самой природы или
Въ поэзіи искали идеаловъ. V, 408.

Въ классѣ подъ монотонный ходъ уроковъ читались потихоньку романы Виктора Гюго или баллады Шиллера («Мечтатель», V, 432); чтеніемъ вызывались, естественно, вопросы общаго характера; гимназисты «о нихъ мечтали, и рѣшали ихъ по своему» (V, 427).

Окрестности Рязани, оживленныя историческими памятниками эпохи татарщины, несомнѣнно, оказывали сильное вліяніе на учениковъ гимназіи. Развивавшіяся ими живое чувство красотъ природы, патріотизма и потребность серьезныхъ размышленій выражались, соотвѣтственно духу времени, въ мечтательности. Въ стихотворной повѣсти «Мечтатель» Полонскій удачно изобразилъ въ лицѣ «ровесника и друга своихъ школьныхъ лѣтъ» Вадима Кирилина, «поэта-мистика», ту романтически-сентиментальную атмосферу, въ которой нашъ поэтъ находился въ гимназическій періодъ своей жизни.

Поэтическій талантъ Полонскаго въ гимназическій періодъ его жизни обнаруживался въ дѣятельности, часто шедшей въ разрѣзъ съ обычнымъ ходомъ его школьныхъ занятій:

Вмѣстѣ мы росли, о муза!
И когда я былъ лѣнивый
Школьникъ, ты была малюткой
Шаловливо-прихотливой.

И, ужъ я не знаю, право,
(Хоть догадываюсь нынѣ)
Что ты думала, когда я
Упражнялъ себя въ латыни?

Я мечталъ ужъ о пегасѣ,—
Ты же, рѣзвая, впрягалась
Иногда въ мои салазки
И везла меня, и мчалась...—

Мчалась по сугробамъ снѣжнымъ
Мимо бани, мимо сонныхъ
Яблонь, липъ и низкихъ ветелъ,
Инеемъ посеребренныхъ,

Мимо стараго колодца.
Мимо стараго сарая...!
И пугливо сердце билось,
Отъ восторга замирая...

Иногда меня звала ты
Слушать сказки бѣдной няни,
На скамьѣ съ своею прялкой
Пріютившейся въ чуланѣ.

Но я росъ и выростала
Ты, волшебная малютка;
Дерзко я глядѣлъ на старшихъ,
Но съ тобой мнѣ стало жутко.

Въ дни экзаменовъ, бывало,
Не щадя меня ни мало,
Ты меня терзала, муза,—
Ты мнѣ вирши диктовала.

Въ дни, когда, кой-какъ осиливъ
Энеиду, я не смѣло
За гораціевы оды
Принимался,—ты мнѣ пѣла

Про широку степь,—манила
Въ лѣсъ, гдѣ зорю ты встрѣчала,
Иль поникшей скорбной тѣнью
Межъ могильныхъ плитъ блуждала.

Тамъ, гдѣ надъ обрывомъ бѣлый
Монастырь и гдѣ безъ оконъ
Теремъ Олега,—мелькалъ мнѣ
На вѣтру твой русый локонъ.

И нигдѣ кругомъ, на камняхъ
Римскихъ буквъ не находилъ я
Тамъ, гдѣ мнѣ мелькалъ твой локонъ,
Тамъ гдѣ плакалъ и любилъ я.

Въ дни, когда надъ Цицерономъ
Сталъ мечтать я, что въ Россіи
Самъ я буду славенъ въ роли
Неподкупнаго витіи,

Помнишь, ты меня изъ классной
Увела и указала
На разливъ Оки съ вершины
Историческаго вала.

Этотъ валъ, кой-гдѣ разрытый,
Былъ твердыней земляною
Въ оны дни, когда рязанцы
Бились съ дикою ордою;

Подо мной таились клады,
Надо мной стрижи звенѣли,
Выше въ небѣ, надъ Рязанью,
Къ югу лебеди летѣли...

II, 109—112.

Одинъ разъ поэтическое творчество Полонскаго совпало въ унисонѣ съ жизнью гимназіи. Когда посѣтилъ Рязань путешествовавшій въ 30-хъ годахъ по Россіи вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ Жуковскимъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, знаменитый впослѣдствіи Царь-Освободитель, или, какъ называетъ его одна солдатская пѣсня, слышанная мной еще въ 1877 году въ исполненіи солдатъ какого-то полка, ожидавшихъ своей очереди отправленія на театръ войны на ст. Солнцево, тогда Никольская, — «Александръ Милосердый». Полонскій привѣтствовалъ Царственнаго Путешественника своимъ стихотвореніемъ, за что удостоился получить Высочайшій подарокъ—золотые часы.

Въ 1839 году Полонскій окончилъ курсъ гимназіи, не получивъ въ ней «прочнаго классическаго образованія» («Проз. цв. поэт. сѣмянъ Отеч. Зап. 1867, апр. кн. 2 стр. 742), и вслѣдъ затѣмъ, впервые бросивъ свой очагъ, откочевалъ въ Москву и тамъ держалъ экзаменъ для поступленія въ университетъ, представлявшійся его товарищу Вадиму, а вѣроятно и ему, «святилищемъ какимъ-то», V, 448.

Московскій университетъ въ 40-ые годы былъ въ апогеѣ своего могучаго вліянія на мыслящую часть русскаго общества. Пребываніе Полонскаго въ этомъ университетѣ имѣло огромное вліяніе на окончательное сложеніе его убѣжденій и идеаловъ и на самый характеръ его поэтической дѣятельности. Мечтательный идеализмъ, навѣянный на него въ рязанской гимназіи чтеніемъ поэтическихъ произведеній романтической школы, въ студенческіе годы пріобрѣлъ форму прочно сложившагося убѣжденія подъ вліяніемъ того научнаго идеализма, представителями котораго были въ то время въ московскомъ университетѣ профессоры Рѣдкинъ, Морошкинъ и особенно Грановскій, начавшій чтеніе лекцій въ Московскомъ университетѣ почти одновременно съ поступленіемъ нашего поэта на юридическій факультетъ его. Хотя своимъ любимымъ профессоромъ Полонскій называлъ Рѣдкина, однако, несомнѣнно, и лекціи Грановскаго производили сильное впечатлѣніе на его умъ, отразившись въ возвышенныхъ идеалахъ его поэтическихъ произведеній. Вѣра въ прогрессъ человѣчества, въ торжество правды и добра, завѣтъ Полонскаго:

Вѣрь знаменованью:
Есть конецъ страданью,
Нѣтъ конца стремленьямъ I, 63—

есть, несомнѣнно, отраженіе идей Грановскаго о всеобщей исторіи, какъ прогрессивномъ движеніи человѣчества къ гуманности.

Сочувствіе студенческой молодежи и вообще мыслящей части московскаго общества того времени философскимъ и моральнымъ интересамъ

(время увлеченія философіей Шеллинга и Гегеля) отразилось на общемъ направленіи поэтической дѣятельности Полонскаго—отвлекаться отъ поэтическихъ образовъ, вызванныхъ живой дѣйствительностью, въ область моральную. Въ этомъ отношеніи Полонскій является наиболѣе яркимъ, наиболѣе талантливымъ и наиболѣе искреннимъ выразителемъ чувствъ и мыслей многихъ своихъ сверстниковъ. Благородныя и возвышенныя мечтанья своего времени, т. е. 40-хъ годовъ, Полонскій не только понялъ умомъ-разумомъ, но и прочувствовалъ своимъ сердцемъ, усвоилъ всѣмъ своимъ существомъ, проникся ими до осуществленія ихъ въ своей жизни. Отсюда то весьма цѣнное для лирическаго поэта единство жизни и поэзіи въ Полонскомъ, которому напр. Лермонтовъ удивлялся въ поэтѣ-декабристѣ кн. Одоевскомъ, умершемъ 10 октября 1839 г.; отсюда непосредственность чувства или, какъ опредѣлялъ эту черту поэтическаго темперамента Полонскаго Тургеневъ, «какая-то трогательная искренность» (Письма изд. 1885 г., стр. 123) его поэзіи, выражающаяся въ удивительномъ отсутствіи позировки, рисовки своими страданіями, въ возвышенности глубокаго страданія, скрытаго въ простыхъ метафорахъ изящныхъ поэтическихъ образовъ:

Въ цвѣты ряди страданья. II, 88.

Разумѣется, безъ этой прочувствованности тѣхъ возвышенныхъ идей добра, правды и любви, въ которыхъ заключается паѳосъ поэзіи Полонскаго, она была бы звенящей мѣдью, бряцающимъ кимваломъ, хотя и доброгласнымъ, какимъ оказалась, напр., какъ показало время, громкозвучная по строю и возвышенная по мыслямъ поэзія Бенедиктова, поэта съ живымъ чувствомъ и воображеньемъ, но съ неизмѣримо меньшимъ, нежели то было у Полонскаго, единствомъ мысли, чувства и самой жизни.

Идеализмъ университетскихъ профессоровъ находилъ сочувственный отголосокъ въ романтически-настроенной студенческой молодежи. «Мы всѣ были идеалистами», говоритъ Полонскій о студентахъ Московскаго университета своего времени (Мои студ. восп. Нива, ежемѣсячн. литер. прилож. 1898 г. дек. стр. 651). Товарищами его по университету были Ап. Григорьевъ, Фетъ, Писемскій, Кавелинъ, Соловьевъ. Изъ нихъ съ Григорьевымъ и Фетомъ Полонскій подружился. Въ кружкахъ и салонахъ московской интеллигенціи, въ домахъ Ровинскихъ, Вельтмана, Павловыхъ и друг. Полонскій встрѣчался съ Гоголемъ (всего одинъ разъ), Герценомъ, К. Аксаковымъ, Самаринымъ, Хомяковымъ, Чаадаевымъ, И. С. Тургеневымъ и друг. Вокругъ него бурлила московская и обще-русская жизнь 40-хъ годовъ, захватывала его, заставляла осмысливать его юношескіе мечтательные порывы и ковала его идеалистическія убѣжденія.

Поэтическіе труды Полонскаго продолжались въ университетѣ въ болѣе благопріятной обстановкѣ, нежели въ рязанской гимназіи. Хотя добрякъ Нахимовъ, инспекторъ студентовъ, и уменьшалъ Полонскому отмѣтку въ поведеніи за невольныя проказы его «шаловливо-прихотливой музы», но проф. словесности Давыдовъ въ присутствіи многихъ студентовъ расхвалилъ его стихотвореніе «Душа», а И. С. Тургеневъ назвалъ одно изъ стихотвореній поэта того времени «маленькимъ поэтическимъ перломъ» (Мои студ. восп. «Нива» Ежемѣс. литер. прилож. дек. 1898 г. стр. 645). Слухъ о поэтическихъ дарованіяхъ Полонскаго доставилъ ему довольно широкій кругъ знакомыхъ среди московскаго общества, а это до нѣкоторой степени облегчало самое существованіе его въ Москвѣ въ студенческіе годы.

Дѣло въ томъ, что живая и весьма дѣятельная работа ума и фантазіи Полонскаго во время его студенчества находилась въ полномъ противорѣчіи съ его личнымъ имущественнымъ положеніемъ. При обиліи пищи духовной, доставлявшейся университетомъ и кружками мыслящей молодежи, группировавшимися около научныхъ и литературныхъ дѣятелей Москвы того времени [1]), у Полонскаго было мало пищи реальной, хлѣба насущнаго. Особенно тяжело стало жить поэту, когда, послѣ смерти его бабушки, Екатерины Богдановны Воронцовой, дававшей ему столъ и квартиру, пришлось ему самому зарабатывать себѣ хлѣбъ частными «грошовыми» уроками и репетиторствомъ. Заработокъ былъ скуденъ, литературные опыты не давали ровно ничего, и юноша идеалистъ «съ горячей головой» встрѣчался лицомъ къ лицу съ нуждой и бѣдностью.

Нужда и лишенія не озлобили, однако, Полонскаго и не бросили его въ мракъ отрицанія. Отъ этого уберегли его наклонности, внушенныя родной семьей, и доброе товарищество. Нашъ поэтъ, не смотря на овладѣвшее имъ впослѣдствіи сомнѣніе (I, 16,50) былъ и остался глубоко религіознымъ человѣкомъ, какъ и его замѣчательный товарищъ по университету С. М. Соловьевъ. Поэтому труды, лишенія и горе жизни, освѣщаемые, съ одной стороны, христіанскими идеалами терпѣнія, съ другой оптимизмомъ товарищей, философіи, морали и поэзіи, находили для Полонскаго облегченіе въ самомъ процессѣ творчества:—

Меня гармонія учила по-человѣчески страдать, II, 82—

выражаясь въ лирическихъ формахъ молитвеннаго обращенія къ Богу:

О Боже, Боже! Когда мнѣ далъ
Не ты ль вѣщалъ, Живую душу:

---

[1]) Мои студенч. воспом. «Нива», ежем. литер. прил. дек. стр. 645, 947, 653.

Любить—страдать,—
Страдать и жить—
Одно и то же.
Но я роптал,
Когда страдал,
Я слезы лил,
Когда любил,
Негодовал,
Когда внимал
Суду глупцов
Иль подлецов...
И утомленный,
Какъ полусонный,
Я былъ готовъ
Борьбѣ тревожной
Предпочитать
Покой ничтожный
Какъ благодать.
Прости!—И снова
Душа готова
Страдать и жить.
И за страданья
Отца созданья
Благодарить. I, 10—11.

Возводя страданье въ законъ жизни, поэтъ былъ склоненъ, подобно Достоевскому (по возвращеніи послѣдняго изъ каторги) признавать его (страданье) спасительнымъ для человѣка, необходимымъ для его нравственнаго совершенствованія:

Вижу ль, какъ въ храмѣ смиренно она
Передъ образомъ Дѣвы, Царицы небесной, стоитъ,—
Такъ молиться лишь можетъ святая одна...
И болитъ мое сердце, болитъ!

Вижу ль я, какъ на балѣ блистаетъ она
Пожирающимъ взглядомъ, горячимъ румянцемъ ланитъ:
Такъ надменно блеститъ лишь одинъ сатана...
И болитъ мое сердце, болитъ!

И молю я Владычицу Дѣву, скорбя:
Ниспошли ей, Владычица Дѣва, терновый вѣнокъ,
Чтобъ ее за страданья, за слезы любя,
Я ее ненавидѣть не могъ.

И зову я къ тебѣ, сатана! оглуши,
Ослѣпи ты ее! Подари ей блестящій вѣнокъ...
Чтобъ, ее ненавидя всей силой души,
Я любить ее больше не могъ. I, 78.

Весьма характернымъ отличіемъ поэзіи Полонскаго вообще и между прочимъ особенностью его раннихъ произведеній является отсутствіе эротическихъ стихотвореній и чрезвычайно цѣломудренное отношеніе къ женщинѣ и чувству любви, близкое къ тому, какое завѣщалъ Борисъ Годуновъ Пушкина Θеодору:

Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ
И умъ его безвременно темнѣетъ.

Полонскій въ своемъ стихотвореніи «Прости» говоритъ:

Пора... Прости! Никто не вѣдалъ
Глубокихъ тайнъ моихъ страстей,
И никому я права не далъ
Заплакать на груди моей.

Любви прекраснымъ упованьямъ
Разсудкомъ положа предѣлъ,
Страдая самъ, твоимъ страданьямъ
Я отозваться не хотѣлъ, I, 47.

... Чувство нѣжное, когда оно проснется,

говор. поэтъ въ стихотвореніи «Цвѣтокъ»

Впервые, трепетно слѣдитъ за красотой,
И все, къ чему она случайно прикоснется,
Животворитъ послушною мечтой. I, 9,

Въ этой проповѣди чистоты чувства любви Полонскій отчасти сближается съ Майковымъ, а оба поэта сходятся съ Жуковскимъ, творчество котораго, несомнѣнно, имѣло сильное вліяніе какъ на одного, такъ и на другого. Въ стихотвореніи Майкова «Духъ вѣка» юноша такъ говоритъ своей Маріи:

Да, я ее боготворилъ,
Но обладанія желаньемъ
Въ своихъ мечтахъ не оскорбилъ.

Любовь я мѣрилъ лишь страданьемъ
И безнадежною тоской.
I, 115.

Несомнѣнно, въ этомъ выраженіи возвышенной деликатности чувства любви къ женщинѣ сказалось нѣчто типическое, свойственное не одному поколѣнію русскихъ людей, воспитавшихся подъ вліяніемъ идеаловъ сентиментально-романтической поэзіи. Какъ извѣстно, такое же чувство къ женщинѣ выражалъ и Пушкинъ, хотя богатой натурѣ геніальнаго поэта были свойственны и другіе оттѣнки чувствованій этого порядка и между прочимъ тѣ, которые нашли яркое выраженіе въ стихотвореніяхъ поэта, написанныхъ въ подражаніе эротической поэзіи русск. и франц. литерат. XVIII—нач. XIX в., послужившихъ, между прочимъ, основаніемъ для обвиненія нашего великаго поэта въ нѣкоторой узости области его чувствованій, «въ чувственномъ характерѣ его любви». Эротической литературной модѣ XVIII—XIX в. отдали должную дань старикъ Державинъ и Батюшковъ; сравн. стихотвор. послѣдняго, написанное въ похвалу французскихъ женщинъ въ Парижѣ 25 апрѣля 1814 г. (Соч. Батюшк. изд. 5-е общедоступн. стр. 586), съ которымъ, кажется,

нужно поставить въ связь строфу XXX 1-й гл. «Евг. Онѣгина», воспѣвающую женскія ножки. Доказательствомъ того, что Пушкину было свойственно и чистѣйшее романтически-возвышенное поклоненіе женщинѣ, служитъ извѣстное стихотвореніе:

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ,
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.

Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ;
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ—
Иного я желать не могъ.

Соч. Пушк. 3-е изд. Ефр. III стр. 196. Сравн. еще стихотвор. Полонскаго «Вакханка и Сатиръ» (I, 412) и разсказъ поэта о Вадимѣ въ повѣсти «Мечтатель» (V, 436—437).

Въ 1844 году Полонскій окончилъ курсъ университета и въ томъ же году на средства, собранныя подпискою, издалъ въ свѣтъ первое собраніе своихъ стихотвореній подъ названіемъ «Гаммы». Въ книжкѣ было напечатано 32 стихотворенія изъ числа юношескихъ опытовъ поэта. Въ «Отеч. Зап.» былъ помѣщенъ слѣдующій отзывъ объ этомъ собраніи стихотвореній Полонскаго, принадлежащій не Бѣлинскому, какъ полагали до сихъ поръ, а, какъ теперь оказывается, Кудрявцеву (Мои студ. восп. въ назв. сборн. «Нивы» стр. 677): «вышла книжечка стихотвореній г. Полонскаго подъ скромнымъ названіемъ «Гаммы». Г. Полонскій обладаетъ въ нѣкоторой степени тѣмъ, что можно назвать чистымъ элементомъ поэзіи и безъ чего никакія умныя и глубокія мысли, никакая ученость не сдѣлаютъ человѣка поэтомъ» (П. с. соч. Бѣлинскаго, т. IX, 293).

1845-й годъ Полонскій проводитъ въ Одессѣ сначала безъ опредѣленныхъ занятій и среди большихъ лишеній, а потомъ въ сравнительно сносной обстановкѣ, устроившейся благодаря участію въ его судьбѣ проф. Ришельевскаго лицея Ал. Бакунина, его университетскаго товарища, доставившаго ему уроки, знакомства и даже связи. Литературные труды Полонскаго продолжались и въ Одессѣ, и въ 1845 году онъ издалъ вторую книжку своихъ стихотвореній подъ названіемъ «Стихотворенія 1845 года». Литературная судьба этого сборника очень интересна и даже поучительна. Бѣлинскій объ этой книжкѣ отозвался очень строго, такъ строго, что морозъ его отзыва могъ-бы сгубить дарованіе поэта съ меньшей потребностью творчества и, разумѣется, съ меньшими силами. Бѣлинскій, въ своемъ отзывѣ, отмѣчаетъ присутствіе въ Полонскомъ «самостоятельнаго элемента поэзіи, слѣдов. таланта; но добавляетъ

при этомъ: «ни чѣмъ не связанный, чисто внѣшній талантъ этотъ можно разсмотрѣть и замѣтить только черезъ микроскопъ — такъ миньятюренъ онъ... Заглавіе — «Стихотворенія 1845 года» обѣщаетъ намъ длинный рядъ небольшихъ книжекъ; обѣщаніе нисколько неутѣшительное! Стихотворенія 1845 года уже хуже стихотвореній, изданныхъ въ 1844 году... Это плохой признакъ (т. X, стр. 403)... Читая стихотворенія Полонскаго, мы почему-то невольно все твердили про себя эти два стиха сатирика добраго стараго времени, Кантемира:

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки! Стр. 405.

Благодаря участію своихъ одесскихъ знакомыхъ, Полонскій въ 1846 году получилъ мѣсто съ опредѣленнымъ и достаточнымъ содержаніемъ, доставившимъ ему нѣкоторую независимость и свободу для литературныхъ занятій,—мѣсто помощн. редактора газеты «Закавказскій Край»,— и переѣхалъ на жительство въ Тифлисъ. Отъ 1846 по 1852 годъ Полонскій живетъ на Кавказѣ, преимущественно въ Тифлисѣ, обогащая свой поэтическій міръ новыми впечатлѣніями и образами величественной природы Кавказа, странной и интересной жизни его обитателей. Въ стихотворн. посланіи къ Л. С. Пушкину «Прогулка по Тифлису» Полонскій говоритъ о себѣ, что онъ повсюду спѣшитъ ловить

Рой самыхъ свѣжихъ впечатлѣній. I, 98.

Въ описаніяхъ природы и жителей Кавказа, данныхъ Полонскимъ, нѣтъ и тѣни той романтической дымки, которою одѣвали свои кавказскіе образы и мотивы Лермонтовъ, Марлинскій и даже Пушкинъ. Полонскій ясно, опредѣленно, правдиво и просто описываетъ впечатлѣнія, навѣянныя на него Кавказомъ:

... Нигдѣ природа, какъ жилище
Творца, не можетъ быть ни лучше, ни пышнѣй.
Кругомъ, какъ Божія ограда,
Заоблачный хребетъ далеко манитъ взоръ.
Тамъ спятъ лѣса подъ говоръ водопада,
А здѣсь миндаль и лозы винограда,
И дикаго плюща живой коверъ.
О, здѣсь бы жить—любить и наслаждаться!

Величіе природы Кавказа оживляетъ въ поэтѣ идеальныя мечтанья о будущемъ человѣчества и вѣру въ торжество правды и добра:

Вверхъ по недоступнымъ
Крутизнамъ встающихъ
Горъ, туманъ восходитъ
Изъ долинъ цвѣтущихъ;
Онъ какъ дымъ уходитъ
Въ небеса родныя,

Въ облака свиваясь
Ярко-золотыя
И разсѣяваясь.
Лучъ зари съ лазурью
На волнахъ трепещетъ;
На востокѣ солнце,
Разгораясь, блещетъ.
И сіяетъ утро,
Утро молодое.
Ты ли это, небо
Хмурое, ночное!
Ни единой тучки
На лазурномъ небѣ!
Ни единой мысли
О насущномъ хлѣбѣ!
О, въ отвѣтъ природѣ
Улыбнись, отъ вѣка
Обреченный скорби
Геній человѣка!
Улыбнись природѣ!
Вѣрь знаменованью:
Нѣтъ конца стремленью,
Есть конецъ страданью.
I, 62—63.

Печальная бытовая дѣйствительность Кавказа—невѣжество и дикость нравовъ его обитателей охлаждають, однако, идеальныя, человѣколюбивыя мечтанья слушателя Рѣдкина и Грановскаго:

Я не знаю что,—привычка можетъ статься,
Бродя въ толпѣ, на лицахъ различать
Слѣды разврата, бѣдности безгласной
Или корысти слишкомъ ясной,
Невѣжества угрюмую печать,—
Убавило во мнѣ тотъ жаръ напрасный,
Съ которымъ нѣкогда я радъ былъ вопрошать
Послѣдняго изъ всѣхъ забытыхъ нами братій.
Я знаю, что нужда не въ силахъ раздѣлять
Ни чувствъ возвышенныхъ, ни развитыхъ понятій,
Что наша связь давно разорвана съ толпой,
Что лучшія мечты, источники страданья,
Для благородныхъ душъ осталися мечтой. I, 89—90.

Съ точки зрѣнія моралиста, Кавказъ для Полонскаго—могила или сонное царство. Грузія—чудная страна, такъ страстно любимая солнцемъ и выжженная солнцемъ (I, 101), наводитъ на поэта скуку отсутствіемъ проявленій жизни; ему «скучны виды природы» Грузіи:

Остовы глинистыхъ скалъ,
Рощей поникшіе своды...
Глухо, безлюдно кругомъ...
Тяжко на эти вершины,
Вѣчно объятыя сномъ,
Облокотились руины...
Спятъ...

Въ «любопытномъ» взглядѣ женщинъ Кавказа «много блеску, мало жизни» (I, 98). Имеретія для Полонскаго—руина, исполинская могила,

лишь по контрасту подтверждающая мысли поэта о важности жизни разумно-сознательной и нравственно-человѣчной; рой тѣней, покрытыхъ

Струями крови, пылью битвъ,
Мужей и женъ, душой сгорѣвшихъ
Въ страстяхъ и въ небо улетѣвшихъ,
Какъ дымъ, безъ мысли и молитвъ,

представившихся поэту надъ развалинами въ Имеретіи, говоритъ:

Здѣсь было царство, царство пало.
Мы жили здѣсь, и насъ не стало...
Но не скорби о насъ, поэтъ!
Мы пили въ жизни полной чашей:
Но вамъ изъ гроба своего
Въ усладу бѣдной жизни вашей
Не завѣщали ничего!
I, 112—113.

Тѣмъ ярче передъ умственнымъ взоромъ поэта встаютъ духовныя потребности современнаго Кавказа и историческія задачи Россіи—

Поднявши мечъ и заступъ, и топоръ,
Развить и жизнь, и мысль на царственныхъ могилахъ.
I, 116.

Наиболѣе крупными произведеніями Полонскаго за этотъ, кавказскій, періодъ его жизни были: историческая драма «Дареджана Имеретинская» и стихотворные разсказы, рисующіе бытъ и нравы горцевъ («Выборъ Уста-баша», «Агбаръ» и «Караванъ») и ихъ религіозныя вѣрованья («Факиръ»). Въ 1852 году Полонскому понадобилось ѣхать въ Петербургъ лично поддержать свое ходатайство о цензурномъ разрѣшеніи для постановки на сценѣ «Дареджаны». Ждать разрѣшенія цензора пришлось долго, до просрочки Полонскимъ отпуска. Поневолѣ поэту пришлось подать въ отставку и остаться въ Петербургѣ въ положеніи близкомъ къ тому, въ какомъ онъ находился въ Москвѣ, въ годы своего студенчества. Воспоминанія объ этомъ тяжеломъ періодѣ его жизни выразились позднѣе въ стихотвореніи «Женщинѣ» (I, 330—332).

Въ лирическихъ стихотвореніяхъ Полонскаго за этотъ первый петербургскій періодъ его жизни наиболѣе ярко выражены слѣдующія настроенія поэта:

a) Тяжелое чувство досады, огорченія какъ по поводу жизненныхъ неудачъ, такъ и вслѣдствіе непониманія его критикой «Моя судьба» I, 227; «Послѣдній выводъ» (I, 213);

b) Глубокое разочарованье въ самомъ себѣ, въ своей годности для жизни: «Хандра» (I, 223).

c) Не смотря на тяжелую дѣйствительность, поэтъ продолжалъ работать надъ собой, въ глубинѣ души продолжая оставаться такимъ же

восторженнымъ идеалистомъ, какимъ вышелъ въ жизнь и какимъ завѣщалъ быть и сыну своему:

Усовершенствуй то, что есть,—
Себя, свой даръ, свой трудъ, и вотъ
Живой предметъ твоихъ заботъ,
Твоя единственная честь.
Люби науку,—это плодъ
Усовершенствованныхъ думъ;
Надъ ней пытай свой шаткій умъ
И свѣтъ ея неси впередъ.

За вѣкомъ, не спѣша, слѣди;
Къ его мольбамъ склоняя слухъ,
Не къ разрушенію свой духъ,
А къ созиданію веди.
Умѣя пламенно любить,
Восторженно благоговѣть,—
Ты поневолѣ будешь пѣть
И красоту въ душѣ носить.

II, 392—393.

Идеальныя мечтанья Полонскаго выразились въ это время въ юмористич. стихотвореніи «Фантазіи бѣднаго малаго» I, 393 и въ «Молитвѣ» Отцу Небесному о ниспосланіи людямъ любви, правды и свободы (I, 270).

Къ первому петербургскому періоду жизни Полонскаго относится установленіе дружественныхъ отношеній его къ Майкову и Тургеневу. Выше мы привели стихотвореніе Майкова, характеризующее стихъ Полонскаго и проникнутое уваженіемъ къ его таланту и направленію его дѣятельности. Это стихотвореніе относится къ 1856 г. Въ посланіи къ Полонскому, написанномъ въ 1858 г., Майковъ уже говоритъ, что его душа успѣла сродниться съ душой Полонскаго, что ему дорого ихъ взаимное пониманіе другъ друга.

Большое значеніе для Полонскаго имѣла дружба его съ Тургеневымъ. Мы видѣли, какъ сурово отнесся Бѣлинскій ко второму выпуску стихотвореній Полонскаго. На робкаго и мнительнаго отъ природы Полонскаго жестокій приговоръ авторитетнаго критика долженъ былъ произвести чрезвычайно тягостное впечатлѣніе, которое могло только усилиться отъ послѣдовавшихъ за смертью Бѣлинскаго критическихъ отзывовъ, раболѣпно повторявшихъ Бѣлинскаго и рѣзко, беззастѣнчиво бросавшихъ въ глаза поэту укоръ въ микроскопичности его таланта. Тургеневъ въ своемъ письмѣ къ Полонскому отъ 24 декабря 1856 г. изъ Парижа упоминаетъ о сомнѣньяхъ Полонскаго и о войнѣ его съ самимъ собой, словомъ, о настроеніи духа не особенно благопріятномъ для всякаго творчества, а болѣе всего поэтическаго. И вотъ Тургеневъ, вовремя понявъ и оцѣнивъ правильно талантъ Полонскаго, явился для нашего поэта и ангеломъ-утѣшителемъ, ободрявшимъ сомнѣвавшагося и падавшаго духомъ человѣка, и строгимъ критикомъ-эстетикомъ, преподававшимъ изъ Парижа уроки стилистики поэту, не всегда чуткому къ эстетическимъ достоинствамъ языка, и ласковымъ учителемъ руководителемъ, направлявшимъ

самый ходъ поэтическихъ занятій Полонскаго. Вотъ что, напр., писалъ Тургеневъ Полонскому изъ Парижа отъ 24 декабря 1856 г.:

«Помните ли вы, любезнѣйшій Полонскій, вы мнѣ говаривали, что желали бы написать стихотвореніе, которое совершенно бы меня удовлетворило? Вы теперь можете быть довольны: я отъ вашихъ «Наядъ» пришелъ въ восторгъ. Это вещь великолѣпная. Но такъ какъ я желалъ бы видѣть ее напечатанной, то позвольте мнѣ предложить слѣдующія измѣненія». Далѣе Тургеневъ предлагаетъ нѣсколько измѣненій первоначальнаго текста этого стихотворенія, которыя, повидимому, были приняты къ свѣдѣнію Полонскимъ. «Повторяю, говоритъ Тургеневъ, стихотвореніе чудное... Второе стихотвореніе, присланное вами, очень хорошо по своей правдѣ, а третье слабо. Пожалуйста не унывайте и кончайте вашу поэму». Не удастся—дѣлать нечего, а удастся—браво. Что такъ сиднемъ сидѣть? Пока въ себѣ сомнѣваешься да противъ себя воюешь — можно сдѣлать хоть небольшое дѣло—да дѣло. Одну я знаю помѣху: болѣзнь. И потому мнѣ очень было прискорбно узнать, что вы все болѣете. Не знаю, мнительны вы или нѣтъ, но думаю, что съ вашимъ здоровьемъ еще жить можно. Работайте-ка и порадуйте меня другимъ стихотвореніемъ въ родѣ «Наядъ»... Вы хорошо дѣлаете, что рисуете,—но смотрите, не покидайте своей законной музы, а съ той, какъ бишь звали музу рисованія, побаловать можно.

Прощайте, милый П. Пришлите мнѣ перемѣны въ «Наядахъ», если найдете мои предложенія благоразумными—да напечатайте это стихотвореніе непремѣнно въ «Современникѣ»; объ этомъ я васъ прошу.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь душевно вамъ преданный (Первое собр. пис. Тургенева стр. 38—39).

Нажитая Полонскимъ въ петербургскихъ лишеніяхъ болѣзнь заставила его покинуть Петербургъ въ 1855 г., лѣчиться въ Гапсалѣ, жить временно то въ Гельсингфорсѣ, то въ Петербургѣ, то въ Варшавѣ. Въ 1857 г. Полонскій уѣзжаетъ въ заграничное путешествіе по Зап. Европѣ. Въ это первое путешествіе свое по Зап. Европѣ Полонскій посѣтилъ Германію, Швейцарію, Италію и Францію. Заграничное путешествіе не произвело на Полонскаго особенно отраднаго впечатлѣнья. Даже къ красотамъ природы Италіи и Швейцаріи Полонскій остался болѣе, нежели равнодушенъ. Тутъ опять ясно обнаружилась разница поэтическихъ темпераментовъ Майкова и Полонскаго. На Майкова, поэта-артиста, поэта-художника, широко и многосторонне образованнаго, съ чрезвычайно широкимъ кругомъ симпатій, заграничныя поѣздки оказывали чрезвычайно сильное и благотворное вліяніе. Такъ, въ первое путешествіе Майкова по Италіи, природа Италіи оказала на него чарующее вліяніе; стихо-

творенія этого поэта, написанныя въ Италіи, полны искренняго восторга, прямо восхищенья:

Ахъ, чудное небо, ей Богу, надъ этомъ классическимъ Римомъ!
Подъ этакимъ небомъ невольно художникомъ станешь. I, 189.
О Римъ, о чудный Римъ! все кажется здѣсь сномъ!

Красивые виды мѣстностей Италіи напоминаютъ Майкову «хорошо ему знакомыя картины»

Изъ яркихъ стиховъ антологіи древней Эллады. I, 189.

Пейзажи «синѣющихъ горныхъ вершинъ» (I, 195), «лиловыхъ» или «лилово-сребристыхъ горъ» (I, 205, 210), рядящихся «въ легкую дымку тумановъ полудня» (I, 210), «солнца огневого» (I, 195), скользящаго легкимъ игривымъ лучомъ по аллеѣ (I, 210), воздуха, «тонкой струей бѣгущаго между листьевъ» (I, 210), «далекаго горизонта въ серебряной пыли» (I, 216), «бѣлыхъ стѣнъ, покрытыхъ плющомъ густымъ» (I, 205), кипарисовъ, лавровъ, водъ шумящихъ» (I, 205).

«И акведуковъ и руинъ», «какъ будто плавающихъ вдали»

При шумѣ воднаго паденья I, 195. При этомъ шумѣ огневомъ,

— вся эта прелесть новыхъ впечатлѣній настолько овладѣла душой поэта, что онъ уже съ грустью вспоминалъ о своей далекой, бѣдной итальянскими видами, родинѣ, сожалѣя, что «тамъ за горами, на полночь, люди живутъ и не знаютъ ни горъ въ багряницахъ огнистыхъ зорь, ни широкихъ кругомъ горизонтовъ»:

Больно; сжимается сердце и мысль... Но грустнѣе
Думать, что бродишь тамъ въ полѣ, богатомъ покосомъ,
Въ темныхъ лѣсахъ, и ничто въ этой бѣдной природѣ
Мысли твоей утомленной не скажетъ, какъ этой
Виллы обломки: здѣсь нѣкогда съ чашей фалерна
Въ мудрой бесѣдѣ, за долгой трапезой съ друзьями,
Туллій отыскивалъ тайны законовъ созданья...
Воды (лепечутъ): подъ наше паденье, подъ музыку нашу
Ямбъ и гекзаметръ настраивалъ умный Горацій;
Гроты, во мракѣ которыхъ шумятъ водопады:
«Здѣсь говорила устами природы Сивилла»...
Въ нѣдрахъ горы, между тѣмъ, собирались, какъ тѣни,
Ратники новыя вѣры, и рабъ, и патрицій...
И выходили потомъ, просвѣтленные свыше,
Въ міръ на мученье съ глаголомъ любви и смиренья
I, 205—206.

Полонскій не испыталъ такого очарованія красивыми видами природы Италіи и памятниками ея древней исторіи, которое отвлекло бы его отъ рефлексіи и стихійной привязанности къ родинѣ, нашедшей себѣ выраженіе въ стихотвореніи:

Въ ребяческіе дни любилъ я край родной,
Какъ векша—сумракъ бора,
Какъ цапля—илъ береговой,
Какъ воронъ—кучу сора.

Въ дни юности любилъ я родину, какъ сынъ—
Родную мать, поэтъ—природу,
Женихъ—невѣсту, гражданинъ—
Права или свободу II, 73.

Эта стихійная любовь къ родинѣ заставила Полонскаго предпочитать ее и Италіи, и Швейцаріи, а привычка къ рефлексіи указала ему на тѣни въ освѣщенной огневымъ солнцемъ блестящей картинѣ страны.

Живописныя картины «моря соннаго»,
Словно тучками, мглой далекихъ вершинъ окаймленнаго,

«высей горныхъ, млѣющихъ вдали, замыкая заливъ, стадъ черныхъ козъ на нихъ, пастуховъ, съ ихъ котомками, стоящихъ на краю скалы, надъ обломками», не въ силахъ заставить поэта забыть «стонъ» Италіи (I, 301), «продажную совѣсть» (I, 302), спячку, лицемѣрье и невѣжество народа и его руководителей:

Одно невѣжество здѣсь дышитъ
Все исповѣдуетъ, все слышитъ,
Не понимая ничего I, 303.

И Полонскій съ тоской покинулъ Италію, выразивъ свое тяжелое душевное состояніе въ стихотвор., по формѣ сходномъ съ Лермонтовскимъ—«Тучки небесныя»:

Въ миломъ лицѣ я искалъ предъ разлукою,
Нѣтъ ли для сердца чего-нибудь новаго.
Долго смотрѣлъ я, какъ лодка качалася,
Ты уплыла,—я остался подъ палубой,
И ничего для меня не осталося
Кромѣ неволи съ безплодною жалобой.
Снова помчуся я въ море шумящее,
Новыя пристани ждутъ меня странника,
Лишь для тебя, мое сердце скорбящее,
Нѣтъ родной пристани, какъ для изгнанника. I, 304.

Грусть и тоска не оставляли поэта и въ Швейцаріи. Въ стихотвор. посланіи къ Майкову изъ Баденъ-Бадена Полонскій говорилъ:

Въ окно я вижу Баденъ-Баденъ
И тяжело гляжу на свѣтъ.

Поэта мучило одиночество среди многолюднаго, но мало интереснаго общества:

Но въ этихъ встрѣчахъ мало толку
И въ разговорахъ *о ничемъ*
Ожесточаюсь я умомъ,
А сердцемъ плачу втихомолку,
И эта жизнь меня томитъ.

Полонскій завидуетъ Майкову въ томъ, что тотъ дома, на лонѣ родной природы, въ средѣ своей семьи, и заканчиваетъ свое посланье любопытнымъ выводомъ, который представлялся естественнымъ не одному ему, а и многимъ другимъ русскимъ людямъ, напр., Стасову, Салтыкову, Рѣпину, Потебнѣ и друг.

Прости, мой другъ! не знай желаній
Моей блуждающей души!
Довольно творческихъ страданій,
Чтобъ не заплѣсневѣть въ глуши.
Повѣрь: не нужно быть въ Парижѣ,
Чтобъ къ истинѣ быть сердцемъ ближе.
И для того, чтобъ созидать,
Не нужно въ Римѣ кочевать.
Слѣды прекраснаго художникъ
Повсюду видитъ и—творитъ,
И ѳиміамъ его горитъ
Вездѣ, гдѣ ставитъ онъ треножникъ
И гдѣ Творецъ съ нимъ говоритъ. I, 295—296.

Лѣтомъ 1858 года Полонскій въ Парижѣ праздновалъ свою свадьбу съ молодой, красивой и образованной дѣвушкой Еленой Васильевной Устюжской, а уже черезъ $1^1/_2$ года имѣлъ несчастье лишиться горячо любимой жены. Смерть подруги жизни была оплакана Полонскимъ въ трехъ стихотвореніяхъ (I, 339, 341 и 343), изъ которыхъ самое трогательное по простотѣ и непосредственности чувства «Послѣдній вздохъ» I. 339.

Похоронивъ жену, Полонскій возвратился въ 1858 году въ Петербургъ и сталъ во главѣ изданія журнала «Русское Слово». Испытанныя превратности жизни за это время нашли себѣ яркое выраженіе въ образахъ элегіи «Чайка» (I, 387). Черезъ годъ Полонскій долженъ былъ снова ѣхать лѣчиться за границу, передавъ редакторство другому лицу. Въ 1862 г. Полонскій возвратился изъ-за границы и навсегда поселился въ Петербургѣ, отдавшись службѣ въ комитетѣ иностранной цензуры, служенію литературѣ, а съ 1866 г., когда поэтъ вторично женился, (на

Жозеф. Ант. Рюльманъ)—семьѣ. Литературная дѣятельность Полонскаго въ это время расширяется въ объемѣ. Тургеневъ, съ которымъ у Полонскаго установились въ это время совершенно дружескія отношенія, въ своихъ письмахъ изъ-за границы внимательно слѣдитъ за литературными работами Полонскаго, ободряя унывавшаго временами поэта, давая цѣнные совѣты и указанія относительно содержанія и стиля его стихотвореній. Въ письмѣ отъ 1 мая 1866 года Тургеневъ писалъ Полонскому изъ Баденъ-Бадена: «Ты напрасно упрекаешь меня въ нерасположеніи къ твоимъ стихамъ; нѣкоторыя изъ твоихъ произведеній мнѣ чрезвычайно дороги: отъ нихъ вѣетъ неподдѣльнымъ поэтическимъ вдохновеніемъ и какою-то трогательною искренностью, что рѣдко въ наше время (напр. твои «Жалобы музы» прекрасны). Забившись въ здѣшнюю норку и отказавшись отъ всякаго вмѣшательства въ литературу, я не пересталъ любить и русское слово, и русское искусство: а въ тебѣ я, сверхъ поэта, люблю еще человѣка. И потому еще разъ искреннее спасибо (за присылку «оттисковъ» стихотвореній)—да не остынетъ въ тебѣ этотъ жаръ, который съ каждымъ годомъ исчезаетъ въ нашихъ современникахъ. А что «ругали» тебя,—это въ порядкѣ вещей: все это ничто иное, какъ пѣна, которую вѣтеръ гоняетъ съ одного берега на другой, противоположный (Письма стр. 123—124)».

Въ письмѣ отъ 13 января 1868 г. оттуда же Тургеневъ писалъ: «Ну, милый Як. Петр, на этотъ разъ ты отличился—всѣ три стихотворенія прелестны, и какъ говорится, ни сучка, ни задоринки, за исключеніемъ одного стиха въ третьемъ, въ «Вихрѣ», которое едвали не нравится мнѣ больше всѣхъ, хоть написано, по твоимъ словамъ, по заказу, а именно стихъ: «Ротикъ дамъ для поцѣлуя» коломъ застрялъ мнѣ въ горлѣ—сдѣлай милость перемѣни его—приторенъ онъ больно и мизеренъ.

Ты напрасно меня благодаришь за откровенность: еще-бы не быть откровеннымъ съ тобою, когда въ одномъ тебѣ въ наше время горитъ огонекъ священной поэзіи. Ни гр. А. Толстаго, ни Майкова я не считаю! Фетъ выдохся до послѣдней степени; а о гг. Минаевыхъ и тому подобныхъ и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ и самъ учитель ихъ, г. Некрасовъ — поэтъ съ натугой и штучками; пробовалъ я на дняхъ перечесть его собраніе стихотвореній... нѣтъ! поэзія и не ночевала тутъ, и бросилъ я въ уголъ это жеванное папье-маше съ поливкою изъ острой водки. Ты одинъ можешь и долженъ писать стихи; конечно, твое положеніе тѣмъ тяжело, что, не обладая громаднымъ талантомъ, ты не въ состояньи наступить на горло нашей безтолковой публикѣ, и потому долженъ возиться во тьмѣ и холодѣ, рѣдко встрѣчая сочувствіе, сомнѣваясь въ себѣ и унывая; но ты можешь утѣшаться мыслью, что то, что

ты сдѣлалъ и сдѣлаешь хорошаго—не умреть, и что если ты «поэтъ для немногихъ» то эти немногіе никогда не переведутся». Заканчиваетъ это свое письмо Тургеневъ такъ: «Пожалуйста, пришли мнѣ стихи въ замѣну «ротика». А что касается до литературной дѣятельности вообще, то должно каждому итти своею дорогой, спокойно и, по мѣрѣ возможности, зорко глядя кругомъ. Само дѣло покажетъ, правъ-ли ты, а пока перечитывай пушкинскаго «Поэта».

Поэтъ не дорожи любовью народной...

Письмо отъ 22-го февраля того-же года заканчивается совѣтомъ: «писать стихи, непремѣнно стихи» (стр. 134).

Въ письмѣ отъ 20 февраля 1869 года изъ Карлсруэ Тургеневъ ободрялъ Полонскаго: «Когда въ наше время всѣ болѣютъ самоувѣренностію, ты, напротивъ, страдаешь качествомъ противоположнымъ и надо тебя полечить отъ этой болѣзни: «Довѣряй себѣ, сказалъ Гете, и другіе тебѣ довѣрятъ». (Стр. 151).

Наиболѣе замѣчательными произведеніями Полонскаго за шестидесятые годы являются слѣдующія:

а) Поэма «Кузнечикъ-музыкантъ», вышедшая въ свѣтъ въ 1863 г.

Поэма «Кузнечикъ-музыкантъ»—граціозная по формѣ и содержанію, полная живого юмора, художественно написанная сказка изъ жизни насѣкомыхъ—представляетъ въ основной своей мысли мягкую, сердечно написанную, сатиру на петербургскій журнальный и литературно-артистическій міръ 60-хъ годовъ.

Тему или намекъ на такое именно изображеніе этой жизни Полонскій могъ заимствовать у Пушкина, «поэтическаго мессіи» русской литературы, какъ называетъ Пушкина нашъ поэтъ.

У Пушкина есть эпиграмма на современный ему журнальный міръ: «Собраніе насѣкомыхъ» съ эпиграф. изъ басни Крылова «Любопытный»: «Какія крохотны коровки! Есть право менѣе булавочной головки».

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ;
Ну что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то какая сортировка!
Вотъ Глинка—божія коровка,
Вотъ Каченовскій—злой паукъ,
Вотъ и Свиньинъ—россійскій жукъ,
Вотъ Олинъ—черная мурашка
Вотъ Раичъ—мелкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

Въ шутливомъ объясненіи къ этому стихотворенію, напечан. Пушкинымъ въ «Литературной газетѣ», говорилось: «Скоро это стихотвореніе выйдетъ особой книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, къ коимъ оно подало поводъ и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна 25 руб.»

Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ поэмы Полонскаго есть нѣсколько старыхъ пушкинскихъ знакомыхъ: злой паукъ, ловящій въ сѣти неосторожныхъ, жукъ навозный, невѣжественный критикъ, замѣтившій у музыканта-кузнечика, исполнявшаго свою вдохновенную мелодію, только тонкія ноги, божья коровка, ноющая и млѣющая отъ восторга; но очень много и новыхъ представителей царства насѣкомыхъ—цѣлый міръ насѣкомыхъ: кузнечики, стрекозы, комары—степные трубачи, черви мохнатые, бабочки крылатыя, божьи коровки — большого свѣта жесткія особы. Главными, однако, героями этой комической поэмы-сказки являются: Кузнечикъ, Бабочка и Соловей. Въ поэмѣ разсказывается, какъ Кузнечикъ-музыкантъ, идеалистъ, не знающій жизни, влюбился въ вѣтреную Сильфиду—бабочку, принявъ за чистую монету ея комплименты его искусству, какъ она предпочла неловкому и некрасивому артисту своей національности заѣзжую знаменитость, Соловья, какъ этотъ послѣдній былъ безжалостенъ къ Бабочкѣ, какъ Бабочка, раненная на смерть Соловьемъ, умерла, какіе толки вызвала смерть ея въ свѣтѣ насѣкомыхъ, какая хорошенькая бабочка была мертвая, и какъ Кузнечикъ-музыкантъ, вѣрный праху своей возлюбленной, отыскалъ ея трупикъ и предалъ его погребенію. Вотъ основная фабула этой поэмы-миньятюры. Но въ миньятюрахъ поэмы отраженъ цѣлый міръ насѣкомовидныхъ представителей русскаго общества. Всѣ эти кузнецы, жуки, бабочки, букашки — все это образы пошлыхъ, мелкихъ людей съ ихъ мелкими страстишками, думками, сужденьицами и дѣлишками, которыхъ Полонскій наблюдалъ въ средѣ петербургскаго журнальнаго и литературно-артистическаго міра 50-хъ, 60-хъ годовъ и отъ которыхъ много страдалъ. Отступленія отъ идеала, обиды, неудачи въ любвеобильной душѣ поэта разрѣшались въ то время только улыбкой сожалѣнья. Для мести Полонскій не былъ рожденъ:

...не нуженъ
Поэту мстительный клинокъ!
Пусть льется кровь,—онъ безоруженъ,
Молчитъ иль бредитъ, какъ пророкъ,—
Быть можетъ бредитъ поневолѣ—
Отъ старыхъ ранъ, отъ новой боли,
Отъ непосильной намъ борьбы,
Отъ горя, отъ негодованья,
Отъ безнадежнаго исканья
Иной спасительной судьбы III, 109.

Не была свойственна поэтическому таланту Полонскаго и сатира или эпиграмма:

Мнѣ не далъ Богъ бича сатиры; Едва слышна въ аккордахъ лиры,
Моя душевная гроза Едва видна моя слеза.

Отсюда призывъ поэта ко всепрощенью, высказанный имъ въ одномъ стихотвореніи:

Гдѣ нѣтъ людей прощающихъ,
Туда возврата нѣтъ. I 167.

Отсюда всепримиряющій тонъ поэмы «Кузнечикъ-музыкантъ», особенно ярко выразившійся въ описаніи похоронъ Бабочки: т. III стр. 190—193.

Къ безусловнымъ художественнымъ достоинствамъ поэмы относятся мастерскія описанія русской лѣтней природы.

Изображая юмористически въ микроскопическихъ образахъ насѣкомыхъ мелочи русской жизни, пошлость людскихъ стремленій, невѣжество и недостатокъ образованія, сказывающіяся въ отсутствіи серьезныхъ интересовъ жизни, въ стадности сужденій, наивности приговоровъ, Полонскій высказываетъ и свои идеальныя чаянья и желанья, имѣвшія въ 60-ые годы значеніе благихъ пожеланій для всей Россіи.

Плачь, родная муза! (Такъ и Гоголь свою юмористическую повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ окончилъ словами: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа»!)

Спой намъ пѣсню такъ, чтобъ туча разразилась
Надъ широкой нивой, чтобъ дождемъ шумящимъ
Пробѣжала сила по листамъ дрожащимъ;
Чтобъ червей, враждебныхъ зелени и цвѣту,
Смыло, разнесло бы по крутымъ оврагамъ!
Туча дождевая! Будь ты нашимъ благомъ!
Поднимая вѣтеръ, оборви ты сѣти
Паука съ крестами, что гордится въ свѣтѣ
Тѣмъ, что изсушилъ онъ множество народу,
Изъ души и сердца высосавъ свободу!
Бабочкамъ грозою опали ты крылья,
Чтобъ хоть ихъ за это снова полюбилъ я,

(Послѣдній образъ сравните съ выше приведен. стихотвор. «Вижу ль я, какъ во храмѣ смирено она» (I, 78).

Идеальныя мечтанія Полонскаго, выраженныя здѣсь, совпадали съ мыслями его поэтическаго коллеги, Ап. Н. Майкова, хотя послѣдній почти въ то же время (въ 1856 г.) просилъ для «зелени и цвѣта» рус-

ской культуры вёдра, а не бури съ дождемъ — средства, можетъ быть иногда болѣе дѣйствительнаго, но обоюдоостраго и потому нѣсколько рискованнаго.

О Боже! Ты даешь для родины моей,

говор. Майковъ въ стихотвореніи «Нива»,

Тепло и урожай, дары святые неба,
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей, также, Господи, духовнаго дай хлѣба?
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами не сгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О дай намъ солнышка! Пошли ты вёдра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ,
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, старикамъ
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать
И. позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: Господи, какая благодать! II, 127.

6) Романы: «Признаніе Чалыгина» «Женитьба Атуева». О послѣднемъ Тургеневъ писалъ: «прочелъ съ удовольствіемъ—просто, безъ эффектовъ, но вѣрно и тонко». (Письма стр. 163).

7) Стихотворный разсказъ «Свѣжее преданіе (III, 311—444) представляетъ попытку дополнить ту одностороннюю картину русскаго общества, которая дана Лермонтовымъ въ его романѣ «Герой нашего времени». Хотя Полонскій и не удовлетворитъ тѣхъ, кто желалъ бы встрѣтить въ его романѣ «психическій анализъ», тѣмъ не менѣе историкъ русской общественной жизни текущаго столѣтія не упуститъ изъ виду нарисованный поэтомъ образъ возвышенно-благороднаго мечтателя-идеалиста, учителя Камкова, занимающій, несомнѣнно, свое мѣсто въ галлерeѣ художественныхъ типовъ русскаго общества 40-хъ, 60-хъ годовъ, нарисованныхъ русскими писателями эпохи Александра II.

Историческая цѣнность этого произведенія увеличивается послѣ сообщенія Полонскаго, что въ лицѣ этого Камкова изображенъ Ѳ. Клюшниковъ довольно извѣстный поэтъ и руководитель Полонскаго въ эстетическихъ вопросахъ и въ оцѣнкѣ Пушкина (Мои студ. воспомин. «Нива», Ежем. лит. прилож. дек. 1898 г. стр. 650).

с) Изъ небольшихъ по объему стихотвореній этого періода жизни Полонскаго заслуживаютъ быть особо отмѣченными:

1) Патріотическое стихотвореніе: «Бранятъ» (I, 401) отвѣчающее на укоры Россіи, раздававшіеся въ средѣ пессимистически-настроенныхъ русскихъ людей.

2) Баллада «Зимняя невѣста, (I, 439)—«вещъ славная» по отзыву Тургенева (письма 137).

3) «Орелъ и змѣя» (I, 453) — басня, основную мысль которой Тургеневъ назыв. оригинальной (письма 128).

4) Очеркъ «Современная идиллія», стоящій въ тѣсной связи съ романомъ «Неучъ», напечатаннымъ позже.

5) «Разсказать ли тебѣ» I, 385, элегія, излагающая въ аллегорической формѣ похоронъ сердца старую, но вѣчно юную исторію разочарованія въ искренности женщины.

6) «Міазмъ» (II, 24—29)—родъ баллады, оригинально трактующій ту идею столкновенія личныхъ и государственныхъ интересовъ, которую Пушкинъ вложилъ въ свою поэму «Мѣдный всадникъ». Тургеневъ называлъ это стихотвореніе «замѣчательно хорошимъ», «даже поразительнымъ». (Письмо отъ 8 окт. 1868 г. Первое собр. писемъ Турген., стр. 141—143).

— И рядъ стихотвореній, стоящихъ въ тѣсной связи съ настроеніемъ Полонскаго, вызваннымъ отношеніемъ къ нему критики 60—70 годовъ.

Конецъ 60-хъ и 70 годовъ представляетъ въ полномъ смыслѣ слова эпоху въ жизни и морально-философскихъ воззрѣніяхъ Полонскаго. Расширившаяся количественно литературная дѣятельность Полонскаго въ 60—70 годы естественно вызвала необходимость оцѣнки всей вообще его дѣятельности.

Въ это время изъ-за Полонскаго возгорѣлась литературная война эстетиковъ съ неэстетиками, защитниковъ поэзіи съ ея отрицателями, война, изложеніе которой представляетъ несомнѣнный интересъ для характеристики идей, эстетическихъ воззрѣній и даже нравовъ того времени,—своего рода эпохи Sturm und Drang-Periode русской литературы, только вывороченнаго на-изнанку.

Послѣ извѣстнаго жесткаго приговора Бѣлинскаго журнальная критика была неблагосклонна къ Полонскому, или замалчивая его или отзываясь пренебрежительно о его произведеніяхъ. Особенно тяжелы и оскорбительны были для Полонскаго укоры и насмѣшки вмѣстѣ съ передергиваніями его стихотвореній, раздававшіеся со страницъ «Отеч. Записокъ», въ критическихъ отзывахъ сначала Писарева, а потомъ Скабичевскаго. Полонскій долго переносилъ оскорбленія; наконецъ, собравшись съ духомъ, попробовалъ защитить себя и поэзію отъ нападокъ Писарева и составилъ цѣлую статью подъ заглавіемъ «Прозаическіе цвѣты поэти-

ческихъ сѣмянъ. Соч. Писарева, I, II и V части». Эпиграфомъ для своей статьи Полонскій взялъ изреченіе Бокля: «Честь и слава тѣмъ, кто, возражая противъ истины, предохраняетъ ее отъ усыпленія». Полемическая статья Полонскаго была составлена въ такомъ вѣжливомъ тонѣ, что даже редакція «Отеч. Зап.» дала ей мѣсто на страницахъ своего изданія: 1867 г. апрѣл. кн. 2. Но статья не достигла той цѣли, какую имѣлъ въ виду Полонскій. Заключая въ себѣ дорогія для изслѣдователя психологіи художественнаго творчества признанія, статья эта въ своей собственно полемической части слаба аргументаціей и потому мало-убѣдительна. На нѣкоторыхъ изъ современниковъ, слѣдившихъ за полемикой, она произвела впечатлѣніе «наивности» ея автора, хотя и рыцарскаго благородства его характера (Русск. Бог. 1898 г. ноябрь 62 стр.). Тургеневъ, по прочтеніи ея, совѣтовалъ Полонскому писать стихи (Письма 134). Вопросъ о значеніи дѣятельности Полонскаго получилъ болѣе острый, жгучій характеръ личныхъ нападокъ въ статьяхъ Скабичевскаго, принявшаго на себя обязанности критика Отеч. Запис. на мѣсто Писарева, утонувшаго въ Дуббельнѣ лѣтомъ 1868 года. Вотъ что писалъ Скабичевскій въ ст. «Живая струя», помѣщенной въ апрѣльской кн. Отечеств. Записокъ за 1868 годъ:

«Только тотъ поэтъ можетъ быть названъ вполнѣ народнымъ, который сумѣетъ выразить свои впечатлѣнія въ такихъ формахъ, въ какихъ они будутъ всего болѣе понятны для большинства и всего болѣе подѣйствуютъ на него.

Стихотворенія Кольцова или Шевченки «пойметъ каждый простолюдинъ», въ стихотвореніяхъ же Полонскаго или Фета «и образованнѣйшій человѣкъ не скоро доберется смыслу».

«Наши литераторы очень часто поставляютъ себѣ какъ будто задачею выражаться какъ можно крючковатѣе, затѣйливѣе и темнѣе; они думаютъ, что въ этомъ-то и есть вся суть поэзіи»... Возьмите напр. Полонскаго: онъ написалъ стихотвореніе «Бѣглый» и этимъ доказалъ, что онъ можетъ писать простою народною рѣчью. И этотъ же самый Полонскій большую часть своей поэтической дѣятельности посвящаетъ *на откалыванье такихъ штукъ*:

Мнѣ не далъ Богъ бича сатиры;
Моя душевная гроза
Едва слышна въ аккордахъ лиры,
Едва видна моя слеза.
Ко мнѣ видѣнья прилетаютъ (?!)

(Знак. удивл. Скаб.).

Мнѣ звѣзды шлютъ нѣмой привѣтъ,
И мнѣ немногіе внимаютъ
И для немногихъ я поэтъ.

Да, г. Полонскій, дѣйствительно, для немногихъ поэтъ, но не потому, что Богъ не далъ ему какой-то плетки, а потому, что онъ говоритъ языкомъ, ни для кого непонятнымъ; онъ правъ, говоря что «вѣщихъ словъ его не слушаютъ народы»—еще бы, когда вмѣсто того, чтобы заговорить простымъ языкомъ простыхъ смертныхъ объ ихъ простыхъ интересахъ, поэтъ бредитъ о какихъ-то аккордахъ лиры, которую никто изъ насъ, и даже самъ поэтъ не видалъ въ глаза, какая она такая: о какихъ-то видѣніяхъ, которыя никогда къ нему на самомъ дѣлѣ не прилетаютъ, *если только онъ не боленъ въ бѣлой горячкѣ*; далѣе поэтъ въ своемъ стихотвореніи доходитъ до такого изступленья, что простираетъ трепетныя объятья въ воздухъ и внемлетъ, какъ въ области вѣчнаго разума какая то живая любовь торжественно поетъ живымъ о жизни. Въ «Бѣгломъ» вы не увидите ничего такого, что г. Полонскому кажется непремѣнною принадлежностью поэзіи; «Бѣглому» могутъ внимать народы и понимать всѣ, и въ «Бѣгломъ» неизмѣримо болѣе истинной, живой свѣжей поэзіи, чѣмъ во всѣхъ прочихъ галлюцинаціяхъ г. Полонскаго, взятыхъ вмѣстѣ». Стр. 181, 182, 183.

Не менѣе рѣзкая статья была напечатана въ томъ же журналѣ за сентябрь 1869 г. по поводу новаго изданія стихотвореній Полонскаго. Въ ней, между прочимъ, ставится вопросъ о соглашеніи поэзіи Полонскаго со здравымъ смысломъ:

«Что г. Полонскій писатель второстепенный и несамостоятельный, съ этимъ согласится всякій, кто прочтетъ на выдержку хоть нѣсколько строкъ изъ изданныхъ имъ нынѣ двухъ томовъ сочиненій»...

«Повидимому, онъ эклектикъ».

«Г. Полонскій очень мало извѣстенъ публикѣ и это, какъ намъ кажется, совсѣмъ не потому, что онъ писатель только второстепенный, а потому, что онъ, благодаря своей скромности, записалъ себя въ число литературныхъ эклектиковъ»... «Съ именемъ г. Полонскаго не сопрягается ничего опредѣленнаго»... Критикъ, разбирая стихотвор. «Царство науки не знаетъ предѣла».., находитъ въ немъ много несообразностей съ здравымъ разсудкомъ, предлагаетъ свои поправки, благодаря которымъ «Муза перестанетъ вѣтренничать и сдѣлается способною къ логическимъ выводамъ» и заканчиваетъ рецензію слѣдующимъ образомъ:

«Намъ могутъ сказать: помилуйте! Да вѣдь это поэты! Можно-ли строго съ нихъ взыскивать! Позвольте, милост. государ.! Конечно, *вопросъ о соглашеніи поэзіи со здравымъ смысломъ еще не разрѣшенъ*

вполнѣ, но все-таки намъ *кажется, что тѣ имѣютъ очень фальшивый взглядъ на поэзію, которые не видятъ въ ней ничего противнаго безсмыслицѣ*. Пора наконецъ пріучаться употреблять слова въ ихъ дѣйствительномъ значеніи, пора и поэтамъ понять, что они должны прежде всего отдать самимъ себѣ строгій отчетъ въ томъ, что они желаютъ сказать. Стр. 47—50.

О тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили на Полонскаго эти статьи и, вѣроятно, толки, вызванные ими, свидѣтельствуютъ письма Тургенева; такъ отъ 6-го марта 1868 г. Тургеневъ писалъ: «Твое послѣднее письмо проникнуто такимъ уныніемъ, что я бы, кажется, деньги далъ, чтобы найти слова, способныя ободрить и развеселить тебя. Одно скажу тебѣ: подобно тому, какъ въ концѣ концовъ, никто не можетъ выдать себя за нѣчто большее, чѣмъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, точно также не бываетъ, чтобы что-нибудь дѣйствительно существующее не было признано... современемъ; твой талантъ тобою не выдуманъ—онъ существуетъ дѣйствительно—и ст. б. не пропадетъ. А что въ теперешнее антистихотворное время тебѣ подъ часъ приходится плохо—съ этимъ дѣлать нечего: не слѣдуетъ только унывать. Не истребляй человѣкъ самого себя, никто его не истребитъ... «Чтобы ни говорили; а ты авторъ—ну хоть «Кузнечика», а этотъ «Кузнечикъ» будетъ читаться, когда много современныхъ многоумныхъ именъ и вещей давнымъ давно поглотится забвеніемъ. (Стр. 134—135).

Письмо отъ 9 ноября 1869 г. изъ Бадена:

«Твое письмо меня очень огорчило, милый мой Як. Петровичъ! въ немъ выражается нѣчто въ родѣ отчаянія. Поэзіи дѣйствительно плохо приходится въ наше время, особенно если она не поражаетъ читателя своимъ блескомъ и трескомъ—и критика надъ тобою глумится и потѣшается неприличнымъ образомъ»...

«А тебѣ, милый другъ, совѣтую не терять присутствія духа. Сколько разъ въ жизни мнѣ случается припоминать слова, сказанныя мнѣ однимъ старымъ мужикомъ: «Коли человѣкъ самъ бы себя не истреблялъ, кто его истребить можетъ?» И ты себя не истребляй. Продолжай дѣлать свое, не спѣша и не волнуясь.

...Вѣдь *другого* «ты» все-таки не будешь и не можешь дѣлать; да наконецъ, кто знаетъ, какъ и когда окончательно сказывается талантъ. Сервантесъ до 60-ти-лѣтняго возраста былъ посредственный, десяти-степенный писатель: а тамъ, вдругъ, взялъ да и написалъ Донъ-Кихота и сталъ № 1-й. У насъ на глазахъ примѣръ другой: С. Т. Аксаковъ. Твоя литературная дѣятельность все-таки не безславна; ты не служишь,

какъ Аксаковъ, посмѣшищемъ, позорнымъ именемъ вродѣ Орлова или Аскоченскаго. А потому *мужайся и, стиснувъ зубы, иди...* Будь здоровъ и не рыдай ни явно, ни тайно. (Письма, стр. 165—167).

Лирическія произведенія Полонскаго этого періода, отражающія его душевное настроеніе, чрезвычайно интересны для характеристики возвышеннаго гуманизма воззрѣній нашего поэта.

Въ стихотвореніи «Литературный врагъ» (I, 419) Полонскій, по случаю несчастья своего безпощаднаго литературнаго врага, говоритъ:

Я вчера еще перо мое точилъ,
Я вчера еще кипѣлъ и возражалъ,
А сегодня умъ мой крылья опустилъ,
Потому что я боецъ, а не нахалъ.

Я краснѣлъ бы передъ вами и собой,
Если-бъ узника да вздумалъ уличать?
Поневолѣ онъ замолкъ передо мной,
И я долженъ поневолѣ замолчать.

Онъ страдаетъ оттого, что есть семья,
Я страдаю оттого, что слышу смѣхъ.
Но... что значитъ гордость личная моя,
Если истина страдаетъ больше всѣхъ?

Заканчиваетъ поэтъ стихотвореніе такъ:

Господа! во имя правды и добра,—
Не за счастье буду пить я, буду пить
За свободу мнѣ враждебнаго пера. I, 421.

Въ стихотвореніи: Впередъ и впередъ—I, 428 поэтъ выступаетъ горячимъ приверженцемъ свободы творчества, независимости его отъ партійности:

Не рабъ, а поэтъ я, гордыней обиженный...
Не въ вашихъ нестройныхъ рядахъ
Пойду я,—нѣтъ! ратникъ свободы униженной,
Оружье найду я въ стихахъ;
Соратники будутъ мои вдохновенія,
И будетъ вождемъ ихъ духъ добраго генія.

Горечь, вызванная непониманіемъ идеаловъ поэта, выражена въ стиховореніяхъ: Жалобы Музы I, 443—452 и Твой скромный видъ:... I, 465. Въ первомъ поэтъ, говоритъ:... Я знаю, текли безполезно горячія слезы мои.

О гдѣ же она,—
Та гармонія мысли и силъ,

Та великая жизнь, тотъ живительный свѣтъ
И все то, чему вѣрить не ты ли,
Поэтъ и мечтатель! меня научилъ.

Вторая оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ поэта къ страдальцу въ борьбѣ за правду и законъ:

Пускай поэта стихъ живой
Въ тебѣ отзыва не находитъ,—
Поэтъ отвергнутый тобой,
Тебя и встрѣтитъ и проводитъ.

Осмѣянный пѣвецъ любви
Не осмѣетъ твои порывы,—
Откликнется на всѣ призывы,
На всѣ страданія твои. I, 466.

Духъ добраго генія, сопровождающій всѣ вообще произведенія Полонскаго, съ особой силой и яркостью выразился въ задушевныхъ стихотвореніяхъ элегическаго и молитвеннаго характера, написанныхъ въ отвѣтъ на оскорбленія, исходившія изъ лагеря его литературныхъ враговъ: «Когда я былъ въ неволѣ» II, 9,

«Мой умъ подавленъ былъ тоской» II, 52,
«Прости имъ» II, 69.

Въ то время, когда душевныя страданія Полонскаго, вызванныя нападками враждебной поэту и поэзіи критики, достигли высшей степени напряженія, Тургеневъ рѣшилъ, выступить съ открытой поддержкой своего друга и въ критической статьѣ защитить не только Полонскаго отъ несправедливыхъ обвиненій и нареканій, но и поэзію отъ нападокъ отрицательно-либеральной критики. Въ письмѣ отъ 9 ноября 1869 года онъ писалъ Полонскому: «Я придумалъ слѣдующее: на-дняхъ напишу собственно о тебѣ фельетонъ (съ моей подписью) въ «С.-Петерб. Вѣд.»; не сомнѣваюсь, что редакція его приметъ и хоть едва-ли отъ этого для тебя будетъ много пользы, такъ какъ вѣдь и мой авторитетъ сильно поколебленъ; однако все-таки надо попытаться; да и мнѣ будетъ пріятно высказаться наконецъ на счетъ твоей и вообще на счетъ стихотворной дѣятельности, столь жестоко попираемой теперь свиными и не свиными ногами». (Письма 166).

Задуманная Тургеневымъ статья была написана имъ и появилась въ № 8 С.-Петерб. Вѣдомостей за 1870 годъ. Возражая Скабичевскому, Тургеневъ говоритъ здѣсь между прочимъ: «Самое опредѣленіе Полонскаго какъ писателя не самобытнаго, эклектика, невѣрно въ высшей степени. Если про кого можно сказать, что онъ не эклектикъ, не поэтъ

съ чужого голоса, что онъ, по выраженію Альфреда-де-Мюссе «пьетъ хоть изъ маленькаго, но своего стакана», такъ это именно про Полонскаго. Худо-ли, хорошо-ли онъ поетъ, но поетъ уже точно по своему. Талантъ Полонскаго представляетъ особенную, ему лишь одному свойственную смѣсь простодушной граціи, свободной образности языка, на которомъ еще лежитъ отблескъ пушкинскаго изящества и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной честности и правдивости впечатлѣній».

Открытое письмо Тургенева нашло сочувственный откликъ не только въ душѣ Полонскаго, но и среди другихъ лицъ, цѣнившихъ направленіе поэзіи Полонскаго. «Я очень радъ тому, писалъ Тургеневъ Полонскому 29 января 1870 г., что тебѣ письмо мое понравилось (впрочемъ, не ты одинъ), имъ остался доволенъ и Ковалевскій... даже нѣкто Барсуковъ (Николай), котораго я совсѣмъ незнаю, но который, очевидно, расположенъ къ тебѣ и къ твоей поэзіи, написалъ мнѣ нѣчто въ родѣ благодарственной эпистолы... Дѣло сдѣлано—и я утѣшаю себя мыслью, что во всякомъ случаѣ сердиться будутъ не на тебя, а впечатлѣніе, которое было произведено на тебя такъ хорошо, что мнѣ остается только радоваться. Надѣюсь, что ты теперь примешься за работу». (Пис. стр. 170).

Почти въ то же время какъ бы въ поддержку Тургеневу, хотя совершенно независимо отъ него, выступилъ на защиту Полонскаго Н. Страховъ, напечатавшій въ 9 № «Зари» за 1870 г. слѣд. приговоръ литературной дѣятельности Полонскаго:

«Направленіе у Полонскаго есть... Это направленіе не имѣетъ въ себѣ ничего рѣзкаго, узкаго, бросающагося въ глаза, но тѣмъ не менѣе оно есть. Это знаменитое направленіе, котораго лучшимъ представителемъ былъ Грановскій. Это поклоненіе всему прекрасному и высокому, служеніе добру и красотѣ, любовь къ просвѣщенію и свободѣ, ненависть ко всякому насилью и мраку. По мѣсту своего духовнаго развитія, Полонскій принадлежитъ Москвѣ и московскому университету 40-хъ годовъ,—и онъ до конца остается вѣренъ лучшимъ стремленіямъ тогдашней блестящей эпохи. Въ его стихахъ вы безпрестанно встрѣчаете теплое слово, обращенное къ свѣтлымъ идеаламъ, которыми тогда жила литература и которые въ сущности не должны въ ней умирать. Любовь къ человѣчеству, стремленіе къ свѣту науки, благоговѣніе передъ искусствомъ и передъ всѣми родами духовнаго величія—вотъ постоянныя черты поэзіи Полонскаго. Если онъ не былъ провозвѣстникомъ этихъ идей, то онъ былъ всегда ихъ вѣрнымъ поклонникомъ». (Гербель Рус. поэты изд. 2, стр. 532). По поводу этого отзыва, Тургеневъ писалъ Полонскому отъ 27 окт. 1870 года. «Съ удовольствіемъ прочелъ я въ «Зарѣ» критику твоихъ произведеній; тутъ есть по крайней мѣрѣ ува-

женіе къ таланту и признаніе его. Я очень радъ, что они перепечатали мое письмо о тебѣ: я еще разъ могъ убѣдиться, что сказанное мною тогда была чистѣйшая правда (Письма стр. 184).

Изложенная полемика была своего рода генеральнымъ сраженіемъ не только изъ-за Полонскаго, но и за многіе общіе вопросы искусства, связанные съ признаніемъ за поэзіей Полонскаго правъ на уваженіе. Друзья считали поле битвы за собой и не безъ основанія. Въ началѣ 1871 г. Полонскій издалъ въ свѣтъ новое собраніе своихъ сочиненій подъ названіемъ «Снопы». Критическая замѣтка, по поводу этого изданія, напечатанная въ февр. кн. Отеч. зап. за 1871 г., написана въ болѣе вѣжливомъ тонѣ, хотя по существу своему такъ же не благопріятна Полонскому. На рецензію Отеч. зап., Полонскій отвѣчалъ брошюркой «Рецензентъ Отеч. зап. и отвѣтъ ему» Спб. 1871 г. «Отвѣтъ, сдѣланный тобою критику твоихъ «Сноповъ», совершенно логиченъ и неотразимъ; а все-таки ты бы лучше сдѣлалъ, не напечатавъ его..., писалъ ему по поводу этой брошюрки Тургеневъ. Отвѣчать значитъ оправдываться.... значитъ не правъ—вотъ неизбѣжный силлогизмъ, который складывается въ такихъ случаяхъ въ головахъ публики. Но, коли ты этимъ себѣ потѣшилъ--бѣда не велика»... (Письма, стр. 194).

Полонскій сталъ, повидимому, спокойнѣе, сталъ даже рѣже писать Тургеневу, такъ что въ своемъ письмѣ отъ 6 дек. 1871 г. Тургеневъ спрашивалъ его; «Что же ты замолкъ? Твои письма всегда доставляли мнѣ много удовольствія и я прошу тебя возобновить нашу корреспонденцію (стр. 196). А письмо отъ 18 дек. того же года начинается фразой, не встрѣчавшейся до сихъ поръ въ перепискѣ Тургенева съ Полонскимъ: «Очень обрадовало меня письмо твое,—хотя не всѣ извѣстія, сообщенныя тобою, веселаго свойства»... Въ концѣ письма встрѣчается, однако, прежній мотивъ: «будь здоровъ, пиши стихи, не хандри и не давай себя заѣзживать (стр. 200—201).

Эта полемика отразилась въ поэзіи Полонскаго цѣлымъ рядомъ произведеній. Разставшись съ юморомъ и, взявъ въ руки бичъ сатиры, Полонскій отвѣчалъ врагамъ эпиграммой «Врагамъ правды», II, 17, памфлетомъ--Письма къ музѣ (II, 91—114) и сатирическими разсказами «Собаки» и «Неучъ». Эпиграмма и памфлетъ заключали въ себѣ мало язвительности и соли насмѣшки.

Въ сатирической поэмѣ «Собаки» Полонскій даетъ аллегорическую исторію отрицательнаго направленія въ русской литературѣ, начиная отъ первыхъ робкихъ попытокъ провозглашенія свободы и равенства и кончая хожденіемъ въ народъ и пропагандой. По словамъ самого поэта, его поэма есть «правда грубая, хоть и подогрѣтая сердцемъ (V, 281). «По-

слушный музѣ, гов. онъ, я въ мое созданье правду самой свѣжей были, какъ преданье, вписываю (106). Полонскій даетъ въ ней ясные намеки на отношенія къ нему представителей этого направленія русской мысли (стр. 136), опредѣляетъ слабыя стороны ихъ дѣятельности—шаткость принциповъ, противорѣчіе слова и дѣла:

Нѣтъ, свобода наша пахнетъ своевольемъ,
Братство—лицемѣрьемъ, равенство—бездольемъ,
Всюду или вздохи или непотребство,
Самообожанье или раболѣпство, V, 269.

высказываетъ и свои идеальныя воззрѣнія и стремленія—яркаго представителя лучшихъ людей 40-хъ годовъ:

Ахъ! когда бы
Да стремясь за правдой, глазъ назадъ не пятить,
Не позорить мысли, не позорить чувства,
Полюбить науки свѣтъ и блескъ искусства (169).

Участь человѣка
Чистаго—быть жертвой звѣрческаго вѣка.
Но гряди, счастливецъ! На словахъ, на дѣлѣ
Будь сотрудникъ Божій и въ согбенномъ тѣлѣ.

Силу вѣчной правды и любви постигнутъ
Только люди, только вѣра и усилья
Пробиваеться по свѣту придадутъ имъ крылья
Быть вездѣ со всѣми: лишь они достигнутъ

Цѣли—формамъ жизни дать то совершество,
Что создастъ народомъ высшее блаженство
Знать, любить и вѣрить, и искать дорогу...
Въ безднѣ безконечныхъ переходовъ къ Богу.
(стр. 279—280).

Не довольствуясь аллегоріей, Полонскій въ реальномъ разсказѣ «Неучъ», написанномъ въ концѣ 70-хъ годовъ, изобразилъ типъ отрицателя въ лицѣ Гвоздева, главнаго героя этого приведенія:

Мой Богъ! Какъ безпощаденъ былъ Гвоздевъ!
Ни въ комъ не признавалъ умѣнья
Писать и мыслить... Для него
Любой поэтъ не стоилъ ничего...

Некрасовъ былъ достоинъ снисхожденья,
Однообразено-грязенъ Салтыковъ

Тургеневъ—баба и большой злодѣй Катковъ.
И всѣ газеты наши плохи...

... нашъ Гвоздевъ не только былъ рѣчистъ,
Онъ втайнѣ былъ до женщинъ лакомъ...
Ему везло въ любви. Какъ истый реалистъ,
Онъ былъ нетерпѣливъ и на руку нечистъ. IV, 354.

«Собаки» были напечатаны въ «Пчелѣ». Тургеневъ по полученіи № «Пчелы» съ поэмой Полонскаго и прочтеніи его писалъ своему другу: «Пчелою» я дѣйствительно не очень доволенъ—такъ же, какъ и ты. Рисунки посредственные, литература хромаетъ—даже твои «Собаки», хотя очень мило помахиваютъ хвостиками, но не кусаются. А какая ужъ это собака, коли не кусается? Сатира—не твое дѣло» (Письма стр. 255).

Дѣйствительными перлами творчества Полонскаго за это время, несомнѣнно, нужно признать во 1-хъ умилительныя по простотѣ элегіи, вызванныя горькимъ чувствомъ поэта, происходившимъ отъ сознанія непониманія его современниками и личнаго безсилія сдѣлать что-либо для того, чтобы овладѣть ихъ умами:

Когда я былъ въ неволѣ... II, 9.
Мой умъ подавленъ былъ тоской II, 52.
Прости имъ! II, 69.

Во 2-хъ, стихотворенія, вызванныя славянскими симпатіями поэта: Симеонъ, царь болгарскій II, 41, Казиміръ Великій II, 129 Туда! II, 199.

Одновременно съ сатирой «Собаки» были задуманы и написаны повѣсти—поэмы «Мими» и «Келіотъ». Очевидно, совершившееся въ литературѣ признаніе за Поконскимъ большихъ заслугъ придало ему охоты работать: «Мнѣ было весьма пріятно услыхать вѣсти о тебѣ въ сущности удовлетворительныя, писалъ ему Тургеневъ отъ 26 сент. 1873 г. Отъ души желаю, чтобы петеребургскій климатъ не попортилъ опять твоего здоровья и не помѣшалъ бы возникающей въ тебѣ охотѣ работать» (стр. 218—219).

«Мими» напечат. въ Отеч. зап. въ 1873 г. Героями ея являются: баронъ Кульгофъ, старый развратникъ, сластолюбецъ и себялюбецъ, Мими «кандидатка въ камеліи» (IV, 276), женщина, въ которой жажда богатства, роскоши и блеска еще не заглушила честныхъ порывовъ и Алексѣй Гайдуковъ, сынъ садовода, юноша—идеалистъ, типъ 60-хъ годовъ, напоминающій Камкова:

Птенецъ нашъ по своей природѣ
И по лѣтамъ въ избыткѣ силъ
Еще былъ въ первомъ періодѣ,

На первомъ либеральномъ взводѣ,
Когда отца онъ посѣтилъ:
Идеи вѣка имъ владѣли,
Не онъ идеями владѣлъ (IV, 227).

Идеи эти—служеніе народу, Россіи (224), вѣра въ прогрессъ, самоотверженность, героизмъ, (256), въ честь (320) и любовь (268) словомъ, не безъ юмора замѣчаетъ авторъ, онъ былъ въ припадкѣ иллюзій жаркихъ, въ немъ былъ бредъ

Героя двадцати трехъ лѣтъ
И утописта—въ лихорадкѣ (320—321).

По прочтеніи первой половины этой поэмы Тургеневъ писалъ Полонскому: «Я прочелъ первую половину твоей поэмы въ От. Зап.» Многое въ ней мнѣ понравилось, отъ нея вѣетъ искренностью, а мѣстами поэзіей; но все же мнѣ сдается, что ты въ подобныхъ большихъ произведеніяхъ словно не дома, не въ своемъ тонѣ поешь. Ты по преимуществу лирикъ съ неподдѣльной, болѣе сказочной, нежели фантастической жилкой, а тутъ дѣло въ анализѣ, въ характерахъ, ихъ столкновеніи и развитіи. Это подъ руку прозаику. Твое крошечное стихотвореніе «Музыка», которое ты помѣстилъ въ своемъ письмѣ, мнѣ почти больше нравится, чѣмъ вся Мими (221) «Вторая часть поэмы», писалъ Тургеневъ въ письмѣ отъ 28 ноября того же года, «не измѣнила впечатлѣнія, произведеннаго на меня первой. Ты попалъ въ нѣсколько чуждый тебѣ тонъ, но я увѣренъ, что ты, какъ выражаются французы, возьмешь свой revanche; самое заглавіе твоей новой поэмы мнѣ нравится, и я всячески поощряю тебя и прошу не унывать и довести свою новую работу до конца» (223).

Несомнѣнно, лучше другихъ удался Полонскому типъ Алексѣя; затѣмъ хороши въ поэмѣ картины южной природы, особенно моря,

Гдѣ луна дробитъ сіянье,
Гдѣ цикады стрекотанье,
Точно музыка съ куртины
Переходитъ на руины,
Гдѣ изъ-за горы лѣсистой
Озаренное луною,
Свѣтитъ море золотистой,
Уходящей полосою,
И, любовно ластясь къ соннымъ
Берегамъ, загроможденнымъ
Сглаженными валунами,
И затѣмъ же...
Лоснящимися волнами
Ихъ зализываетъ раны,
И на отмели песчаны
Точно сыплетъ жемчугами
Перекатными; и мнится
Кто-то ходитъ и боится
Разрыдаться, только точитъ
Слезы, въ чью-то дверь стучится,
То шурша назадъ волочитъ
По песку свой шлейфъ, то снова
Возвращается туда же
(IV, 297—298).

Поэма «Келіотъ», отражающая въ весьма замѣтной степени вліяніе Лермонтова и Байрона, лишь послѣ большихъ усилій была напечатана въ «Рус. Вѣстникѣ» въ 1877 г. Ни Тургенева, ни гр. А. Толстого, которому она посвящена, она не удовлетворила. (Письма Тур. стр. 262. Письмо Тургенева отъ 14 окт. 1874 г. заключаетъ одобреніе Полонскому въ его «прозаической работѣ»: «почему-то мнѣ кажется, что она тебѣ удастся» (245). Вѣроятно здѣсь рѣчь идетъ о романѣ Полонскаго, написанномъ прозой, «Нечаянно», который увидѣлъ свѣтъ въ 1878 году въ «Книжкахъ Недѣли».

Обычная жизнь Полонскаго въ 70-ые годы шла въ перемежку горя съ радостью, довольства съ недостаткомъ. Служба въ комитетѣ иностр. цензуры давала Полонскому только необходимыя средства для содержанія себя и семьи: «За мѣсто твое, писалъ ему Тургеневъ 27 октября 1870 г., совѣтую тебѣ держаться обѣими руками: выгоды, доставляемыя имъ, слишкомъ велики. Ни одинъ человѣкъ не проживетъ безъ обузы; коли судьба не дала, самъ себѣ таковую навьючитъ, а съ твоей обузой еще брести можно (Письма, 184). Письмо Тургенева отъ 20 апрѣля 1877 г. говоритъ о дѣйствительныхъ горѣ и страданіяхъ Полонскаго, которыхъ у него вдоволь (317). Письмо отъ 10 ноября 1878 г. говоритъ о довольствѣ Полонскимъ своимъ здоровьемъ, семействомъ и квартирой. (Письма 337). Но полнаго достатка и совершеннаго обезпеченія у Полонскаго не было ни тогда, ни позже. И на выручку изъ финансовыхъ затрудненій своего друга участливо приходилъ Тургеневъ, утѣшая своего заемщика увѣреніемъ, что «почтетъ за особое счастье быть» его «кредиторомъ до конца дней». (Письмо отъ 17 октября 1878 года стр. 330).

Къ 70-мъ и началу 80-хъ годовъ относится, повидимому, завершеніе нравственно-философскаго развитія Полонскаго, выразившееся въ разрѣшеніи сомнѣній, составлявшихъ скорбь его духа (II, 247), въ удовлетвореніи желаній его «блуждающей души» (I, 295). Собственно, Полонскій въ глубинѣ души всегда оставался глубоко вѣрующимъ человѣкомъ и слѣд. слова письма его къ г. С. Уманцу отъ 7 февр. 1896 г. глубоко въ сущности правдивы и по отношенію къ этому пункту его воззрѣній, бывшему нѣсколько болѣе, нежели другіе, склоннымъ къ колебанію: «Такъ мой взглядъ на одно и тоже проходитъ черезъ все, что я производилъ на своемъ поэтическомъ поприщѣ. Все у меня логически связно, и я въ стихахъ моихъ нигдѣ самъ себѣ не противорѣчу (Историч. Вѣстн. 1899 г. янв.). Это присутствіе глубокой вѣры, не покидавшей нашего поэта даже въ приливы наибольшихъ сомнѣній, высказывалось особенно ярко въ его стихотвореніяхъ молитвеннаго характера,

выливавшихся изъ его души въ тѣ моменты сознанія тяжести душевныхъ страданій, когда, по образному выраженію Надсона, ближе Богъ.

Отсюда тяжесть чувства сомнѣнія, заставлявшая поэта завидовать непосредственности души его «бѣдной» няни, «Капли яду не отвѣдавшей»,

Яду маящихся,
Сомнѣвающихся. II, 293.

Но какъ «сынъ времени», какъ нервъ своего народа, Полонскій пережилъ въ своей душѣ и тотъ религіозный скептицизмъ, который коснулся многихъ сильныхъ умомъ его сверстниковъ, и который такъ ярко изображенъ гр. Л. Н. Толстымъ въ романѣ «Анна Каренина» въ образѣ Левина.

И я сынъ времени, и я
Былъ на дорогѣ бытія
Встрѣчаемъ демономъ сомнѣнья.
И я, страдая, проклиналъ,
И, отрицая провидѣнье,
Какъ благодати, ожидалъ
Послѣдняго ожесточенья.

Мнѣ было жаль волшебныхъ словъ
Отрадныхъ дѣтскихъ упованій
И мнѣ завѣщанныхъ преданій
Отъ простодушныхъ стариковъ.
Когда молитвенный мой храмъ
Лукавый демонъ опрокинулъ,
На жертву пагубнымъ мечтамъ
Онъ одного меня покинулъ. (I, 50—51).

Объ утратѣ «вѣры юныхъ лѣтъ» поэтъ упоминаетъ въ стихотвореніи «Нищій» (I, 179). Кажется объ этомъ настроеніи своей души Полонскій вспоминаетъ во 2 письмѣ къ Музѣ:

Время шло... и вотъ изъ школы
Въ жизнь ушелъ я,—и объяла
Тьма меня (II, 113)

Сомнѣнія Полонскаго разрѣшились въ 50—60-ые годы его жизни возвращеніемъ живой вѣры, безъ которой, по убѣжденію поэта, у музы нѣтъ законнаго союза II, 114. Въ разсказѣ «Неучъ», относящемся къ концу 70-хъ годовъ, Полонскій говоритъ:

Прошедшее кой-какъ я отстрадалъ,
Грядущее—туманъ, въ туманѣ идеалъ.

Полному торжеству принципа вѣры предшествовали моменты колебаній пессимизма и оптимизма, выразившіеся въ стихотвореніи «Хромой» (II, 121). Тургеневъ и здѣсь явился добрымъ геніемъ поэта, предостерегшимъ его какъ отъ безъисходнаго сомнѣнія, такъ и отъ возможности уклоненія въ мистицизмъ: «А тебѣ другъ, Яковъ Петровичъ, писалъ Тургеневъ 9 дек. 1876 г., совѣтую на звѣзды не заглядываться, не ждать избавленія свыше, а искать точки опоры внутри себя. А то

можещь принять падучую звѣзду (которая ничто иное какъ вонючій...) за настоящую; да и настоящая тебя отъ твоихъ личныхъ бѣдъ и горестей не избавитъ» (Письма, стр. 307). Въ письмѣ отъ 15 янв. 1883 г. читаемъ: «Сожалѣю о твоемъ невеселомъ нравственномъ настроеніи; но признаюсь, нѣсколько страннымъ мнѣ показалось твое выраженіе: «такъ какъ у нашего общества нѣтъ идеаловъ. то и у мень ихъ нѣтъ».—Не все-ли это равно, что сказать: «такъ какъ у другихъ людей нѣтъ двухъ пупковъ, то и у меня пупокъ только одинъ» (стр. 540). Нѣсколько раньше, въ письмѣ отъ 30 дек. 1876 г., Тургеневъ внушалъ Полонскому надежды на молодежь: «ты жалуешься, что не видишь молодыхъ людей. — Любезный другъ, они сами себя не видятъ—и бродятъ ощупью въ темнотѣ.—Но я не отчаяваюсь:—они выберутся... хотя и имъ не предстоитъ срывать розы и нѣжиться» (309). Наиболѣе яркимъ выраженіемъ убѣжденій Полонскаго въ живительности и спасительности вѣры служитъ стихотвореніе, написанное по поводу 900-лѣтняго юбилея крещенія Россіи (II, 376—379):

Жизнь безъ Христа—случайный сонъ.
Блаженъ, кому дано два слуха,—
Кто и церковный слышитъ звонъ
И слышитъ вѣщій голосъ Духа.
Тому лишь явны небеса,
Кто и въ наукѣ прозрѣваетъ
Невѣдомыя чудеса
И бѣса въ нихъ подозрѣваетъ...
Какъ высочайшій идеалъ,
Какъ истинный залогъ спасенья,—
Любовь и самоотверженье
Христосъ народамъ завѣщалъ.
Въ тотъ день, когда мы облечемся,
Душой въ нетлѣніе Христа,
Отъ черныхъ дѣлъ мы содрогнемся
И, обновленные, очнемся и ложь не свяжетъ намъ уста...
Въ сей день торжественный и славный,
Россія, вѣру призови!
Насъ бережетъ Отецъ державный
Для новыхъ подвиговъ любви.

На 12 мая 1883 г. прекратилась переписка Тургенева съ Полонскимъ, представляющая несомнѣнно глубокій историко-литературный интересъ. Послѣднія строки этого послѣдняго коротенькаго письма внушены «тяжелыми невыносимыми» физическими страданіями медленно умиравшаго великаго писателя земли русской: «Жажда смерти все растетъ—и мнѣ остается просить васъ, чтобы и вы съ своей стороны пожелали-бы осуществленія желанія вашего несчастнаго друга. Обнимаю васъ всѣхъ».

Крупными по объему произведеніями Полонскаго 80-хъ и 90-хъ годовъ являются аллегорія «Куклы», повѣсти—«Анна Галдина и Мечтатель» и аллегорическая поэма «Повѣсть о правдѣ истинной и о Кривдѣ лукавой». Послѣдняя, предствляя по содержанію нѣсколько суховатую

аллегорію, проникнута возвышенной моралью поэта-гуманиста, призывающаго людей къ борьбѣ съ кривдой средствами только слова:... «Сильное слово—сильнѣе меча!»

Главная сила Полонскаго и въ этомъ періодѣ—80-хъ и 90-хъ годовъ, также какъ и прежде, состояла въ лирическихъ стихотвореніяхъ и въ тѣхъ произведеніяхъ лиро-эпическаго характера, полу-фантастическаго, полу-реалистическаго содержанія, въ которыхъ поэтъ выражаетъ свои идеалы дѣятельной любви къ людямъ, правды, стремленія къ безконечному, возвышенному, святому, гдѣ онъ, по его словамъ поднимается, очи зажмуривъ, къ праведнымъ въ царство небесное, слышитъ, какъ въ раю поютъ херувимскую, встрѣчаетъ несмѣтное множество яркихъ свѣтилъ:

Кишмя кишатъ тамъ міры лучезарные, и какъ пылинки
Носятся около нихъ вотъ такія же точно обители,
Какъ и наша земля, гдѣ и мы прозябаемъ II, 146.

Таковы напр. Сбѣжавшая больная II, 237, Елка II, 143 и др.

Въ этихъ произведеніяхъ Полонскій приближается уже къ Жуковскому, именно къ тѣмъ произведеніямъ этого поэта, которыя отражаютъ его воззрѣніе на поэзію какъ «на земную сестру небесной религіи», какъ «на Бога въ святыхъ мечтахъ земли».

Наиболѣе сильными изъ стихотвореній Полонскаго послѣдняго періода его жизни, призывающихъ милость къ падшимъ, являются слѣд.: «Помѣшанная» II, 93, коротко и сильно излагающее сюжетъ аналогичный съ Русалкой Пушкина, «Натурщица» II. 282, «Что мнѣ она!» II, 297, «Деревенскій сонъ» III, 62, «На искусѣ» II, 258 и друг.

Во многихъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній Полонскаго, подъ вліяніемъ болѣзней и старческой немощи, сказывается усталость, временами неудовлетворенность жизнью, близкая къ соломоновскому «суета суетъ». Таковы напр. «Съ колыбели мы какъ дѣти» II, 343, «Подслушанныя думы» III, 111. Въ томительныхъ попыткахъ разрѣшить задачу смерти поэтъ обращался къ Богу съ мольбой:

О Господи! земныхъ творцовъ Творецъ!
Не вижу, не могу я видѣть, гдѣ конецъ
Того, гдѣ Ты всему начало!
О Господи! верни мнѣ то,
Чего не покоритъ всесильное ничто,—
И вѣру, и любовь, и правду и незлобье...
Верни мнѣ образъ твой, верни твое подобье. III, 98.

Въ моменты просвѣтленія ума и фантазіи поэтъ давалъ яркіе образы, равные лучшимъ продуктамъ его творчества болѣе молодого времени его жизни. Таковы напр. «Лебедь» II, 396, «Миражъ» и друг.

Скончался Яковъ Петровичъ, окруженный вниманіемъ, уваженіемъ и любовью своихъ современниковъ; даже люди, которыхъ не удовлетворяла его поэзія (см. ст. Н. М. въ Русск. Богат. дек. 1898 г.), отмѣтили рыцарское благородство его характера и полную искренность его музы.

«Страдальческій голосъ» поэта, научающій мыслить, страдать

И любить не боясь никого,

нашелъ сочувственный откликъ въ сердцахъ современниковъ; см. напр. стихотворенія на смерть поэта г.г. Перцова и Конст. Иванова (послѣдн. въ Русск. Вѣсти. дек. 1898 г.)

Полонскій не написалъ другого «Кузнечика-музыканта», какъ того хотѣлось Тургеневу; (Письма, стр. 312) но мѣсто его въ ряду poëtae minores всей русской литературы самое почетное, вслѣдъ за Майковымъ, Толстымъ Ал. и Фетомъ. Позднѣйшая дѣятельность его ни убавила, ни прибавила ничего къ той оцѣнкѣ его таланта, которая была дана въ свое время Тургеневымъ и Страховымъ. Лирическія произведенія Полонскаго навсегда останутся въ русской литературѣ поэтическими алмазами самой чистой воды. Литературная дѣятельность его, основанная на вѣрѣ въ человѣка, въ прогрессъ, въ торжество гуманности останется примѣромъ и гражданскаго мужества. И никогда не замолкнетъ въ родной литературѣ «молодой голосокъ» (II, 172) поэта, въ безвременье, мужественно призывавшій

... все, что молодо
Къ свѣту, теплу, въ рай полуденныхъ странъ
От листопада и холода. II, 296.

М. Г. Халанскій.

Іоасафъ Горленко, Епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій.

(Съ 2 іюня 1748 г. до 10 декабря 1754 г.).

Въ длинномъ ряду Бѣлгородскихъ іерарховъ Іоасафъ Горленко выдѣляется, какъ архипастырь— по преимуществу народный; мѣстное населеніе, въ районѣ бывшей Бѣлгородской епархіи и даже далеко за предѣлами ея, признаетъ его святымъ и съ благоговѣйнымъ усердіемъ чтитъ его память. «Спустя два года по погребеніи святителя Іоасафа,—повѣствуется въ житіи его—нѣкоторые изъ чиновъ Троицкаго собора, гдѣ погребенъ онъ, зная святую жизнь архипастыря и движимые любопытствомъ, тайно взошли въ его усыпальницу и открыли его гробъ. При этомъ не только тѣло святителя найдено совершенно нетлѣннымъ во всѣхъ своихъ составахъ, и лицо его сходственнымъ съ его портретами, но и самымъ одеждамъ его, покрову и самому гробу не коснулось даже малѣйшее тлѣніе, хотя и чувствовалась достаточная сырость въ воздухѣ при открытіи склепа. Слухъ объ этомъ вскорѣ разнесся далеко по окрестности и привлекъ къ гробу святителя многихъ недужныхъ, которые, по отпѣтіи панихидъ, допускаемы были къ нетлѣннымъ его останкамъ и, по вѣрѣ своей, получали помощь свыше». (Брошюра: Святитель Іоасафъ Горленко... Изданіе Св. Троицкія Обители въ Бѣлгородѣ, 1896 г., стр. 35—36). Впослѣдствіи, преосвященный Ѳеоктистъ (Бѣлгородскій же), узнавъ, что «бывающіе въ каѳедральномъ соборѣ любопытствуютъ о тѣлахъ покойныхъ здѣшнихъ преосвященныхъ епископовъ Іоасафа Горленко и Луки Конашевича», предписалъ консисторіи «къ пресѣченію сего учинить по надлежащему», и Консисторія опредѣлила: «Бѣлгородскаго каѳедральнаго собора къ протоіерею Іоанну Ильинскому съ соборянами послать указъ и велѣть, въ прекращеніе бываемаго отъ нѣкоторыхъ приходящихъ въ тотъ соборъ людей любопытства о вышеписанныхъ покойныхъ преосвященныхъ тѣлахъ, входныя въ то мѣсто, гдѣ гробы стоятъ, двери замкнуть навсегда замкомъ и запечатать печатью, и затѣмъ наблюдать неослабно какъ протоіерею Іоанну Ильинскому, такъ и ключарю протоіерею Іоанну Пономареву, о чемъ ихъ, по силѣ предписанія Его Преосвященства, и обязать въ кон-

систоріи наистрожайшею подпискою. Марта 12 дня, 1791 года». *) Неизвѣстно надолго ли замокъ и печать закрывали входныя двери въ усыпальницу святителя Іоасафа, только, во всякомъ случаѣ, закрытыми остались онѣ не навсегда, такъ какъ въ настоящее время и входъ въ усыпальницу открытъ, и гробъ святителя Іоасафа открытъ, и всѣ желающіе молиться у гроба (а таковыхъ множество) имѣютъ свободный доступъ къ нему.

Жизнь святителя Іоасафа имѣетъ уже нѣсколько описаній. Таковыя имѣются: 1) въ рукописи 1791 года подъ заглавіемъ, «Житіе преосвященнаго Іоасафа Горленка, епископа Белгородскаго; 2) въ біографіи Іоасафа, составленной родственникомъ его, Г. Ѳ. Квиткой (издана была въ Кіевѣ въ 1836 г. и потомъ много разъ была переиздаваема); 3) въ историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи», архіепископа Филарета (отдѣлъ I, стр. 11—25), гдѣ сообщаются свѣдѣнія собственно объ архипастырской дѣятельности святителя по епархіи—главнымъ образомъ по консисторскимъ документамъ; 4) въ брошюрѣ: «Святитель Іоасафъ Горленко, Епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій, почивающій въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, въ гор. Бѣлгородѣ Курской губерніи», изданіе (второе) Св.-Троицкой обители, 1896 г.;—брошюра составлена по вышепоименованнымъ жизнеописаніямъ.—Задача предлагаемаго очерка—воспользовавшись свѣдѣніями, заключающимися въ этихъ жизнеописаніяхъ, восполнить ихъ нѣсколькими новыми данными, извлеченными мною изъ разныхъ архивовъ (Харьковской и Курской дух. консисторій, Харьковскаго коллегіула и Курскаго Знаменскаго монастыря), которыя представляются не лишенными значенія какъ въ бытовомъ отношеніи, такъ и для характеристики личности и архипастырской дѣятельности святителя.

I.

Святитель Іоасафъ родился 1705 г. 8 Сентября въ городѣ Прилукахъ (теперь—Полтавской губерніи, а въ то время принадлежавшемъ къ Черниговской области) и наименованъ въ св. крещеніе Іоакимомъ. Отецъ его—Андрей Димитріевичъ Горленко, полковникъ Прилукскаго казачьяго полка, а мать—Марія, дочь гетмана Даніила Павловича Апостола. На 8 году родители отправили Іоакима въ Кіевъ, въ братское училище, для ученья; но мальчика, повидимому, занимало болѣе благочестіе, чѣмъ ученье. Уже на 16 году въ немъ созрѣло намѣреніе поступить въ монахи; на 18-мъ онъ открылъ это намѣреніе своимъ родителямъ, прося ихъ благословенія. А такъ какъ родители рѣшительно этому воспротивились,

*) Указъ найденъ мною въ архивѣ Курской духовной консисторіи.

то онъ постригся и безъ ихъ вѣдома, именно: сдѣлавъ видъ, что ѣдетъ въ Кіевъ для довершенія своего образованія, Іоакимъ въ дѣйствительности поступилъ въ пустынный Кіево-Межигорскій монастырь, гдѣ и проходилъ въ теченіе цѣлаго года положенный для принятія иночества искусъ, а слуга его между тѣмъ жилъ въ Кіевѣ для полученія родительскихъ писемъ, на которыя Іоакимъ и отвѣчалъ якобы изъ Кіева. Когда же получилъ постриженіе, далъ знать родителямъ о случившемся, прося ихъ простить ему преслушаніе ихъ повелѣнія, допущенное ради любви Христовой,—и родители волей—неволей должны были помириться съ совершившимся фактомъ. Въ монашествѣ юноша Іоакимъ былъ наименованъ Иларіонъ; но это была еще первая ступень монашества. Проживъ въ Межигородскомъ монастырѣ, послѣ сего постриженія, два года, Иларіонъ переведенъ бывъ въ Кіево-братскій монастырь, гдѣ и принялъ «великое постриженіе», бывъ наименованъ при семъ Іоасафомъ. Это было 21 Ноября 1727 г.—Послѣ сего преемственно проходилъ слѣдующія званія и должности: 8 Января 1728 г. произведенъ былъ въ іеродіакона и опредѣленъ въ Кіево-братскую академію учителемъ; 8 Ноября 1734 г. посвященъ въ іеромонаха и переведенъ изъ училищнаго братскаго монастыря въ Кіево-Софіевскій Соборъ. съ назначеніемъ въ члены консисторіи; 24 Іюня 1737 г. произведенъ былъ въ игумена Лубенскаго Спасо-Преображенскаго монастыря (Кіевской епархіи), а въ 1744 г. 14 Сентября, по словесному повелѣнію Императрицы Елисаветы, посвященъ митрополитомъ Кіевскимъ Рафаиломъ въ архимандрита, и въ томъ же году вызванъ въ Москву. Здѣсь, по указу Св. Сvнода, онъ принялъ въ управленіе Троице-Сергіеву Лавру, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ Лубенскаго монастыря.—Въ 1748 году 2 Іюня назначенъ Императрицей епископомъ Бѣлгородскимъ и Обоянскимъ. Это было на 43 году отъ рожденія Іосафа, на 23—отъ вступленія въ монашество.

Шесть съ половиною лѣтъ управлялъ преосвященный Іоасафъ Бѣлгородскою епархіею съ неутомимою ревностію. Ни одинъ изъ Бѣлгородскихъ іерарховъ не обозрѣвалъ такъ часто и такъ внимательно своей епархіи, какъ онъ. «И почти послѣ каждаго обзора,—скажемъ словами просвященнаго Филарета, Святитель то отъ своего имени, за подписью своей руки, посылалъ предписанія и наставленія по епархіи, то дѣлалъ внушенія чрезъ Консисторію».

II.

Ближайшимъ предметомъ заботливости архипастыря было духовенство, настоятельно требовавшее врачеванія.

Усмотрѣвъ, что многіе изъ священниковъ, ничему кромѣ часослова и псалтыря неучившіеся, пребываютъ въ невѣдѣніи самыхъ основъ Христіанской вѣры и обязанностей ихъ званія, Преосвященный Іоасафъ еще въ Февралѣ 1749, то есть въ самомъ же началѣ епископствованія, приказалъ консисторіи выписать для всѣхъ священниковъ изъ Москвы книжицу о церковныхъ таинствахъ, и строго слѣдилъ, чтобы всѣ священники знали ее и катихизисъ, требуя сомнительныхъ къ себѣ—въ архіерейскій домъ—для испытанія.

Циркулярными наставленіями по епархіи (отъ 11 Дек. 1743 г., отъ 10 Ноября 1750 г. и отъ 23 Іюня 1752 г.) Архипастырь обличалъ слѣдующіе безпорядки, допускаемые невѣжествомъ и безпечностію священниковъ при отправленіи богослуженія и замѣченные Его Преосвященствомъ при обозрѣніи епархіи: 1) во многихъ церквахъ Божественнаго Агнца раздробленныя части, хранящіяся для больныхъ, не всѣ напоены Кровію Божественною, и такъ священники причащаютъ народъ подъ единымъ токмо видомъ хлѣба, въ противность православію восточной церкви; 2) Оныя жъ Божественнаго Тѣла части нѣкоторые нерадивые священники хранятъ въ домахъ своихъ, въ неприличныхъ мѣстахъ; да къ тому же усмотрѣно во многихъ мѣстахъ, что не внимающіе своему служенію священники не имѣютъ особыхъ кивотцевъ ради ношенія Божественныхъ Таинъ къ больнымъ, и носятъ оныя въ кошелькахъ и бумажкахъ; 3) Многіе священники, во время служенія церковнаго, на входѣ носятъ мірскимъ лицамъ въ притворы Божественное Евангеліе и Крестъ св. цѣловать, и со антидоромъ; якъ сами лукавцы, оставивъ алтарь святый, въ тѣжъ притворы къ нимъ ходятъ, такъ и чрезъ пономарей просфоры и антидоръ посылаютъ, изъявляя чрезъ то лукавое свое почтеніе, чрезъ которое являютъ себя не Богу, но человѣку угодниками; 4) служебники во многихъ церквахъ львовской и другихъ печатей явились, по которымъ священники, неразумѣющіе, что въ тѣхъ служебникахъ православно-восточной греко-россійской церкви нѣкоторыя находятся противности, наипаче о священіи даровъ и пресуществленіи Тѣла и Крови Христовой, такожъ въ преждеосвященныхъ литургіи, въ чинѣ причащенія, служеніе отправляютъ; 5) во время отправленія литургіи, Златоустовой и Василіевой, когда преднесеніе Даровъ на Херувимской пѣсни бываетъ, священники, отъ неразсужденія, приказываютъ пономарямъ въ звонокъ звонить, что слыша, простой народъ богоподобное еще не освященнымъ дарамъ чинитъ до земли поклоненіе, которое тогда должно быть, когда уже освящены бываютъ Дары, и подъ видомъ хлѣба и вина совершенное бываетъ Тѣло и Кровь Христова: 6) во священнослуженіи замѣчаются непотребные поповскіе вымыслы: лишніе, гдѣ надлежитъ, поклоны, рукъ

воздѣяніе, кажденія, предъ самымъ входомъ креста цѣлованія, или прочія лишнія благочинія, что паче безчиніе есть, и внимающихъ не къ сокрушенію, а къ смѣху побуждаетъ.—Обличая такіе безпорядки, преосвященный предписывалъ: 1) во время приготовленія Божественнаго Агнца ради больныхъ, священникамъ напоевать Кровію Божественною оный весь опасно, чтобы не было разлитія отъ излишества напоенія,—и во время раздробленія, ежели которая часть усмотрѣна будетъ не напоена, таковую не оставляя къ сушенію и храненію годичному, заразъ на первомъ служеніи по причащеніи положить въ Чашу, и употребить по обычаю на жертвенникѣ; 2) Оныя жъ Божеств. Тѣла части священникамъ въ домахъ своихъ, подъ лишеніемъ священства, отнюдь не держать, а въ церкви на престолѣ,—и когда случится итти ради причащенія больного, то нести долженъ священникъ въ потирѣ, или аще въ дальнее мѣсто, въ кіотѣ нарочито на то устроенномъ, а не въ карманѣ и не въ кошелькахъ и бумажкахъ, облеченъ въ ризахъ со свѣщою и колокольчикомъ предыдущимъ, со всякимъ страхомъ и благоговѣніемъ; для чего и колокольчикъ всякъ христіанинъ услышавъ долженъ богоподобное творить поклоненіе; 3) всѣмъ священникамъ о неношеніи св. Евангелія и креста, такожъ антидора, ниже чрезъ пономаря въ притворъ мірскимъ людямъ, ктобы онъ ни былъ, учинить отъ духовныхъ правительствъ крѣпкое воспрещеніе, съ дачею копіи съ сего указа, понеже явленіе народу въ церкви отъ священника божественнаго Евангелія и Креста знаменуетъ Самаго Спасителя Нашего въ образѣ явленія къ людямъ, и благоговѣйные должны со страхомъ приступать къ прикосновенію ихъ, а не къ гордящимся приносить; невѣжи священницы воздадутъ отвѣтъ Богу въ день судный за столь лѣнивое и человѣкоугодное свое служеніе, а Божія славы уничиженіе; впредь же, когда тое чинить станутъ и намъ чрезъ имѣющихся нарочито отправиться въ епархію тайныхъ фискаловъ о семъ яко и о прочемъ донесено будетъ, запрещеніе примутъ и правильное осужденіе; также и къ антидору всѣ хотящіи освятитися отъ хлѣба святаго, сами да приступаютъ; 4) вмѣсто имѣющихся служебниковъ львовской и другихъ печатей, искаженныхъ отъ римлянъ, каждому протопопу и духовному управителю вѣдомства своего въ церквахъ велѣть купить священникамъ новоисправленныя московской или кіевской печати а старые прислать въ Консисторію при доношеніяхъ; 5) во время служенія литургій—Златоустаго и Василіевой, въ перенесеніи даровъ на херувимской пѣсни звонковъ отнюдь не употреблять, чтобы простой народъ не боготворилъ и не поклонялся богоподобнымъ поклоненіемъ еще сущу тогда простому хлѣбу; 6) непотребные поповскіе вымыслы, къ смѣху побуждающіе, также предписывалось воспретить.

Въ самомъ одѣяніи предписывалось священникамъ, особенно при отправленіи богослуженія, наблюдать приличіе,—чтобы «свѣтлыхъ и не пристойныхъ священству, а также короткихъ и гнусныхъ одеждъ, съ подпояской по животу, не носить, а носить по правиламъ священному чину приличныя одѣянія, подъ опасеніемъ за неисполненіе суда и истязанія». Съ посвящающихся предписано брать и подписки, что носить одежду будутъ по правиламъ (изображеннымъ въ Кормч. л. 601 и Дух. Регл. Приб. 2 ч. 27 пунктъ). Наблюденіе за приличіемъ одежды священниковъ возлагалось и на благочинныхъ, которые, согласно данной имъ инструкціи, должны были, между прочимъ. смотрѣть, «не ходятъ ли священники въ короткихъ и свѣтлыхъ одеждахъ, паче же—не служатъ ли въ лаптяхъ, такожъ утрени, вечерни и прочей церковной отправы не отправляютъ ли въ единыхъ кафтанахъ, безъ рясъ, подпоясаны, накинувъ на себя епитрахиль, что все являетъ безобразіе».

Указомъ отъ 15 Ноября 1748 г. священникамъ, находящимся съ кѣмъ либо во враждѣ, запрещается священнодѣйствовать, доколѣ не примирятся, «ибо сіе противно евангельскимъ заповѣдямъ и таковое приношеніе не только не есть приношеніе и за грѣхи умилостивленіе, но паче горькое раздраженіе Бога».

Отъ 29 Мая 1850 года святитель, по случаю поступившей къ нему жалобы на священника, бившаго своими руками жену другого священника, разослалъ строгое внушеніе, «дабы священники и діаконы отнынѣ впредь никого своими руками бить не дерзали, подъ опасеніемъ быть лишенными сана».

Проявлявшееся въ церквахъ, при отправленіи богослуженія, высокомѣріе архимандритовъ и протопоповъ и нарушеніе устава монашеской жизни въ монастыряхъ нашли себѣ внушительное обличеніе въ слѣдующемъ указѣ отъ 2 Марта 1754 г.. «Понеже изъ произведенныхъ въ консисторіи слѣдственныхъ дѣлъ нами усмотрѣно, что неточію нѣціи монастырскіе начальники, при выходахъ своихъ изъ келліи въ церковь, приказуютъ во всѣ колокола звонить, но уже и протопопы въ тоже пришли сумазбродство, и съ колоколами и съ пѣніемъ «достойно есть» входятъ въ церковь, да къ тому же извѣстно, что нѣкіихъ монастырей начальники уже стыдятся отъ гордости сами проскомисать во время своего служенія литургіи, а исправлять то очереднымъ іеромонахамъ оставляютъ, и служеніе свое отправляютъ на коврахъ не по своему достоинству, но мечтая о себѣ высоко, и единымъ токмо архіереямъ подобающую честь и церковную ихъ церемонію себѣ похищаютъ, и о своихъ токмо поискахъ прилежатъ, а о общемъ чинѣ монастырскомъ въ созиданіе и пользу братіи и о храненіи спасеннаго монастырскаго устава (ко-

тораго едва уже и слѣдъ обрѣтается) отъ богоносныхъ отецъ преданнаго ничего не радятъ, а именно: сами начальники въ церковь не ходятъ, и братіи не надзираютъ, общую трапезу отвергли, и какъ сами никогда въ трапезѣ не бываютъ, такъ и общее братство, а порціи раздаютъ по келліямъ, будто консистентамъ, и прочіе монастырскіе чины уничтожены; яко то: очередное іеромонахамъ и іеродіаконамъ седмичное священнослуженіе, чтеніе псалтири по очереди, мантіи никогда не носятъ, а хранятъ ихъ токмо для смерти, волочатся безъ позволенія настоятеля, куда хотятъ, за монастырь и прочаго подобнаго ими ничего не хранится,— того ради по Ея Императорскаго Величества указу нами опредѣлено: во всѣ монастыри послать указы и велѣть отнынѣ впредь чинить слѣдующее:

1. Въ церковъ Божію на литургію, утреню и вечерню всегда ходить начальникамъ, и братію надзирать и лѣнивыхъ наказывать, и чтобъ въ мантіяхъ ходили чина смотрѣти, и волочиться за монастырь безъ благословенія отнюдь не попущать и наказывать непоблажно; во время выходовъ своихъ изъ келліи звоновъ отнюдь не употреблять, а употреблять токмо тамъ, гдѣ должно, какъ и въ прочихъ святыхъ церквахъ употребляются.

2. Во время своего служенія проскомисать самимъ начальникамъ, а не очереднымъ іеромонахамъ; и все служеніе имѣть безъ всякихъ придатковъ неотмѣнно, какъ служебники изъявляютъ.

3. На коврахъ отнюдь не служить, и ни въ какихъ церковныхъ церемоніяхъ подъ ноги себѣ оныхъ не употреблять.

4. Трапезы общей для братіи неотмѣнно быть повседневно за чтеніемъ житій святыхъ отецъ и прочихъ книгъ душеполезныхъ, чтеніе то исправлять тому, кто въ церкви очередь псалтири содержитъ, и понеже начальникамъ самимъ за монастырскимъ правленіемъ всегда присутствовать въ трапезѣ невозможно, то намѣстнику или чредному іеромонаху бывать и чина надъ братіею смотрѣти, а въ воскресные и праздничные дни самимъ настоятелямъ ходить непремѣнно въ трапезу, на которой бывать и возвышенію панагіи по святому и достохвальному чину монастырскому.

5. Іеромонахамъ и іеродіаконамъ священнослуженіе седмицы и очереди чтенія псалтырнаго, такожъ и монахамъ по седмично содержать.

6. По полученіи указа, сей объявить братіи съ прочетомъ въ трапезахъ, а намъ репортовать, а на репортахъ какъ начальникамъ объ исполненіи, такъ и братіи о слышаніи подписаться».

Въ заботахъ объ исправнѣйшемъ духовенствѣ, преосвященный Іоасафъ естественно съ особеннымъ вниманіемъ и любовію относился къ Харьковскому Коллегіуму, какъ заведенію, откуда должны выходить обра-

зованные пастыри церкви. Преосвященный любилъ бывать въ Коллегіумѣ, служить въ Коллегіуменной церкви, съ охотою присутствовалъ на генеральныхъ диспутахъ студентовъ Коллегіума. Когда, въ 1750 г., ректоръ Коллегіума Гедеонъ Антонскій, по случаю предположенной перестройки школьнаго зданія, просилъ преосвященнаго Іоасафа дать на сію перестройку благословительную архипастырскую грамоту и, сверхъ того, послать протопопамъ Харьковскому, Чугуевскому и Зміевскому указы о вспомоществованіи въ возкѣ по зимнему пути потребнаго матеріала священно и церковно причетническими подводами, отъ преосвященнаго послѣдовала такая резолюція: «благословительную грамоту дать, а указовъ до протопоповъ не посылать, токмо написать отъ насъ партикулярное письмо, въ которомъ изобразить прошеніе архимандричье, а потомъ отъ насъ рекомендовальное требованіе о вспоможеніи, сколь возможно, тому мѣсту, отечеству нашему благопотребному». Письмо, посланное каждому изъ означенныхъ протопоповъ, было такого содержанія:

«Пречестный протопопъ, намъ по Духу Святому благопослушный сынъ! Сего 1750 года генваря 26 дня поданнымъ намъ прошеніемъ Харьковскаго Коллегіума архимандритъ и ректоръ Гедеонъ Антонскій объявилъ: приговорилъ онъ архимандритъ обще того коллегіума со учителями и братіею къ перекрытію за ветхостію школъ майстера и о вспоможеніи къ вывозкѣ потребнаго дерева священно-церковнослужительскими подводами Харьковскаго вѣдомства просилъ нашего разсмотрѣнія, а понеже оный коллегіумъ, по силѣ монаршихъ указовъ, въ пользу Россійскаго отечества и къ расширенію прославленія имени Божія, яко весьма нужный и потребный православной церкви, учрежденъ, того ради пречестности вашей чрезъ сіе предлагаемъ для таковой общей пользы въ требности онаго архимандрита и ректора подводами, сколько возможно, къ вывозкѣ дерева изъ вашего вѣдомства не оставить, причемъ Божіе и наше пастырское благословеніе препославъ пребываю

Пречестности вашей, нашего по Духу Святому благопослушнаго сына вседоброжелательный пастырь».

III.

Пастыри нужны для паствы. Поэтому забота преосвященнаго о пастыряхъ, сама собою, была уже заботою его и объ ихъ паствѣ — о міряхъ. Но, кромѣ того, извѣстны предписанія преосвященнаго, и непосредственно относящіяся къ душевной пользѣ міряхъ.

Такъ, ревнуя о религіозномъ просвѣщеніи народа, преосвященный приказалъ консисторіи объявить священникамъ къ непремѣнному исполненію «дабы они по вся воскресные дни, по литургіи, по пропѣтіи два

раза: *буди имя Господне*, простой народъ обучали молиться и креста изображеніе чинить триперстнымъ изображеніемъ, показуя имъ три первые великіе пальцы, и молитвамъ, а именно: *во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь*; *Царю небесный; Святый Боже*; *Пресв. Троице*; *Отче Нашъ; Вѣрую во Единаго*; *Богородице Дѣво и Помилуй мя Боже* всегда научали, начиная отъ малыхъ младенцевъ до престарѣлыхъ людей, наизусть имъ сказуя, а народы за священниками приговариваютъ, донележе въ память имъ углубится» (4 к. отъ 23 ноября 1750 г.).

Въ указѣ отъ 10 ноября 1750 г. сказано: «Усмотрѣно во многихъ городахъ и селахъ, что народъ, языческаго празднованія и идолослуженія слѣды храня, дѣлаетъ колыськи, называемыя рѣли, и въ недѣлю св. Пасхи, въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, на нихъ качается, такожъ въ недѣлю св. Троицы празднуетъ бѣсовскій праздникъ березы и въ день св. Іоанна Предтечи—купала и вечерницы, и пѣсни скверныя; вся же слѣды празднуетъ народъ отъ неразумія своего, а священники, по званію своего пастырства, того имъ не возбраняютъ». Обличая священниковъ за такое нерадѣніе ихъ къ исполненію своего долга, преосвященный строго предписываетъ имъ учить народъ, «чтобы въ приходахъ идолопоклонническія жертвы не праздновались, какъ то: колыски, называемыя рѣли, березы, купала, вечерницы и клики».—Въ «реэстрѣ, чего должны протопопы смотрѣть при осмотрѣ своемъ благочинія по церквамъ», состоящемъ изъ 17 пунктовъ, въ послѣднемъ предписывается: «не имѣются ли гдѣ колыски купальныя, и гдѣ сыщутся при себѣ разорять».

Народъ любилъ держать въ церквахъ свои иконы, окружая ихъ здѣсь особеннымъ вниманіемъ. Еще проосвященный Смѣличъ Петръ (1736—1742) обратилъ вниманіе на этотъ непорядокъ и предписалъ (указомъ отъ 23 іюня 1741 г.) всѣ таковыя иконы отобрать въ теченіи одной недѣли со времени полученія указа о семъ непремѣнно; если же владѣльцы своихъ иконъ не возьмутъ, то, собравъ ихъ, священникамъ съ причетниками положить въ одно удобное мѣсто честно, а въ церкви не держать. Но приказаніе, по всему видно, не исполнялось. По этому преосвященнымъ Іоасафомъ изданъ былъ подтвердительный указъ (отъ 26 сент. 1749 г.)—всѣ таковыя иконы владѣльцамъ ихъ отобрать въ недѣльный срокъ, въ противномъ случаѣ взять ихъ въ церковную ризницу «на церковный интересъ».

Усмотрѣвъ, что «многіе изъ народа, наипаче же купцы и прочіе разночинцы отъ заматарѣлаго своего суевѣрія или раскола не пускаютъ, вопреки церковнымъ правиламъ, дѣтей своихъ—сыновей и дочерей дѣвицъ—въ церковь не только въ праздничные дни, но и въ воскресные, кромѣ лишь одного восресенья великимъ постомъ, когда сподобляются

Христовыхъ Таинъ, а на игрища и позорища людскія сбираются повседневно»,—Преосвященный въ указѣ по сему поводу къ протопопамъ и духовнымъ управителямъ (отъ 30 мая 1749 г.) поставлялъ на видъ, что, по церковнымъ правиламъ, уклоняющіеся по нерадѣнію отъ божественной службы подлежатъ отлученію, и потому предписывалъ «всѣмъ священникамъ подтвердить накрѣпко съ подпискою, чтобы приходскихъ своихъ людей поучали и понуждали, дабы они дѣтей своихъ, сыновъ и дочерей, пущали въ церковъ, по крайней мѣрѣ въ воскресные и праздничные дни, для слушанія божественнаго пѣнія, и для того, списавъ съ указа копіи, отдать каждому священнику съ роспискою для прочтенія въ церквахъ при собраніи народа въ воскресные и праздничные дни въ теченіи мѣсяца, а кто противенъ и непокорливъ правиламъ восточной православной церкви учинится, на таковыхъ доносить Его Преосвященству, дабы учинено было съ ними, какъ святыхъ апостолъ и отецъ правила повелѣваютъ».

Строгій ревнитель церковныхъ уставовъ, преосвященный Іоасафъ особенно возмущался нарушеніемъ постовъ, которое позволяли себѣ нѣкоторые въ его епархіи.

Въ указѣ отъ 7 февраля 1750 г., по сему поводу значится:

«Извѣстились мы изъ нѣкоторыхъ мѣстъ нашей епархіи, что нѣкоторые православно восточнаго исповѣданія сыны, подъ прикрытіемъ благочестія, содержатъ проклятый лютеранизмъ и не токмо въ среды и пятки всего лѣта разрѣшаютъ на мясныя пищи, но и въ святые посты, *установленные на вселенскихъ святыхъ соборахъ* (?) къ душеспасительному воздержанію и благоговѣнію вѣрнымъ, дерзостно ѣдятъ мясо, сыръ и млеко, братіи немощнѣйшей на соблазнъ, въ противность же и разореніе богоносныхъ отецъ уставамъ, а духовники, принимающіе таковыхъ приходящихъ къ себѣ на исповѣдь, не токмо исправляютъ, но и безъ исправленія пребывающихъ и всегда въ томъ же живущихъ, человѣкоугождающе неисправленныхъ разрѣшаютъ и свободныхъ отъ грѣха творятъ, чрезъ что тоже самое творятъ, что и на грѣхъ благословляютъ соблазнительно»... Предписывалось: «объявляющихъ о таковомъ преступленіи духовникамъ первѣе всего увѣщевать подъ прещеніемъ суда Божія, дабы они чинить того перестали, а повиновались православно-восточной церкви; а когда въ томъ неисправны будутъ, отрѣшать ихъ отъ сообшенія св. таинъ (кромѣ смертнаго случая) дотолѣ, пока въ томъ исправятся, а видя ихъ неисправными, о непокореніи и непослушаніи представлять намъ».

IV.

Святитель Іоасафъ пасъ свою духовную паству жезломъ твердымъ и грознымъ, строго наказывая проступки какъ духовенства, такъ и мірянъ.

Въ 1751 г., во время объѣзда епархіи, усмотрѣвъ въ селѣ Изюмцѣ, Изюмскаго уѣзда, у священника въ домѣ въ углу нѣчто въ родѣ рукоумывальницы, въ которой въ зимнее время священникъ дѣтей крестилъ, преосвященный опредѣлилъ: «наказать попа въ духовномъ правленіи плетьми, чтобы онъ вымысловъ не чинилъ, а содержалъ бы мѣсто къ тому потребное по правиламъ въ церкви».

Указомъ преосвященнаго отъ 4-го октября 1754 года игуменьѣ Троицкаго дѣвичьяго, въ Курскѣ, монастыря повелѣно: «наказать плетьми монахинь означеннаго монастыря: Александру, Елизавету, Марью, Матрену, Анисью, Маргариту, Александру, Евфимію, Марфу, Евфросинію, Горгонію, Елену, Любовь, Софью, Вѣру, Надежду, Аполлинарію, Митродору, при собраніи всѣхъ монахинь за то, что онѣ безъ указа выбрали себѣ въ игуменью изъ бѣлицъ московскую помѣщицу Марью Гергетову, чтобы впредь безъ указа не избирали, а наипаче изъ бѣлицъ».

Въ 1752 г. Харьковской Рождественской церкви священникъ Іоаннъ Млодзинскій подалъ въ Харьковскую полковую канцелярію на Харьковскую жительницу Анну Кочержиху жалобу въ томъ, что она во время отправленія вечерняго пѣнія била его въ означенной церкви по щекамъ и за волоса за то, что онъ высылалъ ее дочь, дѣвку Ѳедосью, изъ церкви «понеже увѣдомился онъ, священникъ, отъ соборнаго звонаря Григорія, что показанная дѣвка родила трехъ дѣтей, прижитыхъ блудно и покрыла сама собою голову». На доношеніи протопопа о семъ происшествіи, преосвященный Іоасафъ положилъ такую резолюцію, что, по силѣ указа императора Петра Великаго, отъ 7 іюля 1722 года, дѣло о дѣтяхъ прижитыхъ въ блудодѣйствѣ подлежитъ свѣтскому суду; а о боѣ священника Кочержихою предписалъ протопопу обстоятельно изслѣдовать. Но при слѣдствіи оказалось, что, по подачѣ жалобы, священникъ успѣлъ уже съ Кочержихою помириться. Кочержиха дала именно слѣдующее показаніе: «9-го іюня пошла она съ дочерью своею Ѳедосьею въ церковь къ вечернѣ и пришедши стала на мѣстѣ своемъ близъ дверей; священникъ, по прочтеніи эктеніи, замѣтивъ въ церкви Ѳедосью, направился къ ней съ книгою и сталъ говорить ей: «зачѣмъ ты въ церковь пришла, недостойно тебѣ въ церковь Божію ходить, понеже ты въ недавнемъ времени дитя родила»; затѣмъ взявъ Ѳедосью за плечо, началъ ее изъ церкви выводить; тогда Кочержиха, услыхавъ такія порочныя на ея дочь слова, побѣжала къ священнику и ударила его правою рукою, одинъ только разъ по щекѣ, а лѣвою схватила за волоса; подоспѣвшій къ священнику на помощь пономарь оторвалъ отъ священника Кочержиху, и она съ дочерью пошла вонъ. А 15 числа того-же іюля просила она, Кочержиха, вмѣстѣ съ Харьковскими обывателями (поименованы), священ-

ника о прощеніи, и по тому ихъ прошенію онъ священникъ за свое безчестье взялъ на церковь Божію три рубля, да себѣ сукна тонкаго шесть локтей, сафьянъ и козлину, и по взятіи оныхъ вещей простилъ ее, Кочержиху, и дочь ея Өедосью съ тѣмъ, чтобы впредь на нихъ нигдѣ челомъ не бить».—Преосвященный Іоасафъ, сославшись на правило святыхъ отецъ, въ кормчей книгѣ въ главѣ 42-й напечатанное: «аще кто во святую церковь внедъ, епископу и причетникамъ или инымъ слугамъ церковнымъ досаду нанесетъ, таковаго муками казнить и въ заточеніе послать», а также и въ номоканонѣ: «аще кто ударитъ священника, да запретится лѣто едино; аще дастъ ему заушеніе, или древомъ, да запретится три лѣта, аще и священникъ проститъ ему согрѣшеніе», указомъ отъ 5 ноября 1753 года повелѣлъ: «упомянутую жонку Анну Кочержиху, сыскавъ въ Харьковское духовное правленіе, учинить ей, по силѣ прописаннаго церковнаго правила, жестокое плетьми наказаніе и по наказаніи отослать съ нарочнымъ на ея коштѣ въ старо-оскольскій дѣвичій монастырь въ монастырскую работу на годъ».

1748 года іюня 9-го дня, жители села Шалупковки, Черкасы Петръ Зеленскій и Іосифъ Габа, допрошенные сначала, по обвиненію ихъ жительльницею того же села Евфросиніею Оробцевою въ иконоборствѣ и раздробленіи образа на малые части, въ Изюмской полковой канцеляріи, были пересланы потомъ въ консисторію гдѣ въ распросахъ и на очной ставкѣ показали:

Петръ Зеленскій, приглашенный Габою быть воспріемникомъ его новорожденной дочери, по окончаніи обряда крещенія пировалъ вмѣстѣ съ прочими шалупковскими жителями въ домѣ Габы; затѣмъ, когда гости разошлись, Зеленскій пригласилъ кума къ себѣ, а въ заключеніе всего, поздно уже вечеромъ, Зеленскій съ женою своею Параскевою и братомъ Корнѣемъ пришелъ опять къ Габѣ; здѣсь, среди пиршества и пріятельской бесѣды, усмотря на стѣнѣ четыре иконы, Зеленскій просилъ кума дать ему одну «въ подарунокъ», что Габа и исполнилъ. Получивъ икону, Зеленскій положилъ ее на столъ, «припоминая нѣкоего Никона»; вмѣстѣ съ женою своею онъ лилъ на икону пиво и вино, а потомъ онъ, Зеленскій, вынувъ ножъ свой, обстругалъ написанную на ней святость; а когда бывшая тутъ же воспріемница ребенка Евфросинія Оробцева замѣтила ему, Зеленскому, что онъ худо дѣлаетъ, ударилъ ее иконою по головѣ, а Габа, вырвавъ у него икону изъ рукъ, ударилъ о землю и топталъ ногами, а потомъ оба они покололи икону ножами и разбросали по полу. Всѣ трое: Габа, Зеленскій и его жена заявляли, что все, что дѣлали они съ иконою, учинили не съ иного какого умысла, но будучи въ пребезмѣрномъ пьянствѣ.

Преосвященный Іоасафъ опредѣлилъ: «хотя, по силѣ уложенія и морского устава напечатанныхъ пунктовъ, оные богохульники и ругатели Образу Божію Петръ Зеленскій съ женою Параскевою и Іосифъ Габа за таковое учиненное въ противность церковнымъ правиламъ дерзновеніе и подлежали къ гражданскому наказанію; но его преосвященство пастырски милосердствуя, дабы паствы его ни одинъ человѣкъ въ таковомъ безчестномъ наказаніи не находился и разсуждая, какъ по обстоятельствамъ того дѣла явствуетъ, что они то учинили безъ всякаго противнаго умыслу, отъ своего невѣжества и, яко люди простые, будучи въ безобразномъ пьянствѣ, за таковое ихъ богопротивное дѣйствіе повелѣтъ учинить въ Консисторіи жестокое плетьми наказаніе и для чистаго покаянія о томъ содѣянномъ ими согрѣшенія отослать ихъ при указѣ въ Святогорскій Успенскій монастырь въ подначальство на два года и содержать въ томъ монастырѣ во всякихъ монастырскихъ тягчайшихъ трудахъ неисходныхъ и въ церковь Божію внутрь не допущать къ слушанію божественной литургіи, а велѣть имъ у дверей стоять и слушать божественнаго пѣнія съ объявленіемъ всѣмъ, входящимъ въ церковь, своего грѣха, такожъ божественныхъ таинъ не сообщать ихъ, кромѣ смертнаго случая, и о томъ въ страхъ прочимъ публиковать указами во всю епархію, которые должны прочитаться въ праздничные дни при народѣ... А женку Прасковею по объявленію оной сказкою, что она малолѣтнихъ дѣтей имѣетъ, отпустить по наказаніи въ домъ. Ноября дня 1748 года».

Подобное же «милосердое» постановленіе сдѣлано преосвященнымъ Іоасафомъ (отъ 2-го ноября 1749 г.) относительно бѣглыхъ монаховъ Харьковскаго Покровскаго монастыря Дороѳея и Ѳеофана, [пойманныхъ съ фальшиво составленнымъ паспортомъ: «хотя означенные монахи за составленіе себѣ о пропускѣ воровскаго паспорта, по силѣ соборнаго уложенія 4 главы 1 пункта и указа прошлаго года августа 31 дня, и подлежали, по лишеніи монашескаго сана, къ отсылкѣ въ свѣтскій судъ для учиненія гражданскаго наказанія; но его преосвященство, милосердуя о нихъ, пастырски указалъ къ гражданскому наказанію не отсылать, а лиша іеромонашескаго и монашескаго чиновъ, снявъ клобуки, учинить въ консисторіи жестокое плетьми наказаніе и сослать въ ссылку, Дороѳея въ Старо-Оскольскій Троицкій, а Ѳеофана въ Вольновскій Троицкій же монастырь съ тѣмъ, чтобы содержать ихъ въ тѣхъ монастыряхъ въ оковахъ даже до кончины живота ихъ неисходно».

Учениковъ, возвращавшихся изъ бѣговъ, преосв. Іоасафъ предписывалъ (указомъ отъ 12 марта 1751 г.) отдавать подъ надзоръ—по одному, по два и по три человѣка—старшимъ, уже нѣсколько лѣтъ быв-

шимъ въ коллегіумѣ студентамъ съ приказаніемъ имѣть надъ ними неослабное смотрѣніе, такъ, чтобы ввѣренные ихъ смотрѣнію ученики безъ ихъ вѣдома никуда не отлучались и во всемъ были имъ послушны; а ежели учнутъ чинить продерзостныя непослушанія и своевольства или безъ вѣдома надзирателей станутъ отлучаться хотя на малое время, за таковымъ своевольствомъ къ прекращенію побѣга смирять кованіемъ въ желѣза другъ съ другомъ ногою, а прочихъ наказывать розгами.

Грѣшниковъ дерзкихъ, упорствовавшихъ во грѣхѣ и презиравшихъ церковную власть, преосвященный Іоасафъ предавалъ церковному отлученію и анаѳемѣ.

Въ 1749 году жители слободы Никитовки Полатовскаго уѣзда, собравшись, при колокольномъ битьѣ въ набатъ, въ многолюдствѣ—человѣкъ до тысячи, напали на домъ священника той же слободы, духовнаго управителя Никиты, разнесли его духовную канцелярію, разбросали и порвали бумаги, причемъ на предостерегающее замѣчаніе духовнаго управителя, что—это указы, нѣкоторые отвѣчали: «мы сами себѣ указъ и громада сильна разорить тебя въ конецъ»; дѣло дѣйствительно было недалеко отъ того: на попа Никиту наложили тяжелую цѣпь «съ непристойнымъ большимъ стуломъ» и влекли по улицѣ съ ругательствами и побоями до панскаго двора (самъ панъ, князь Трубецкой, въ имѣніи не былъ), гдѣ и бросили его въ приказной избѣ. Виновникомъ всего волненія былъ другой попъ той-же слободы Козьма, объявившій, что онъ былъ въ Москвѣ и отъ князя Никиты Юрьевича Трубецкого привезъ такой указъ, чтобы управителя (по имѣнію) Аксакова и священника Никитуオковать.—Преосвященный по производствѣ слѣдствія, опредѣлилъ: «о подданныхъ Черкасахъ слободы Никитовки, всенароднаго возмущенія озорникахъ, которые съ попомъ Никитою въ одномъ заговорѣ были (перечислены десять человѣкъ—съ добавленіемъ: «съ товарищами») за то, что они такое народное возмущеніе, слушая его Козьмы приказанія, учинили и во время того разоренія указы и прочіе письменные виды драли, представить въ бѣлогородскую губернскую канцелярію для учиненія съ ними, чему подлежать по указамъ, и что учинено будетъ, требовать о томъ письменнаго извѣстія; а за то, что они на пастыря своего вознесли руки, отрѣшить ихъ, кромѣ ихъ домашнихъ, отъ входа церковнаго и сообщенія божественныхъ таинъ вовсе—развѣ только при смерти сподобить причащенія, и о семъ во время собранія въ церкви Божіей въ воскресный день послѣ литургіи объявить всѣмъ съ прочетомъ, и велѣть съ тѣми отрѣшенными отъ православнаго собранія священному чину и церковному причту никакого сообщенія не имѣть, подъ опасеніемъ по

правиламъ таковаго же изверженія»; зачинщикъ же дѣла попъ Козьма подвергнутъ, по опредѣленію его преосвященства, въ консисторіи жестокому плетьми наказанію и лишенъ священства.

Въ 1750 году священникъ въ Бѣлгородѣ, Жилой слободы, Покровской церкви, жаловался на мѣстнаго помѣщика, Бѣлогородскаго гарнизоннаго полка адъютанта Юрія Выродова—въ томъ, что онъ Выродовъ, «приворотилъ къ себѣ» разными чародѣяніями его поповскую дочь Пелагею и, пріѣхавъ къ нему ночью со множествомъ народа, разбойнически «нарядныйъ дѣломъ» забралъ названную Пелагею и увезъ къ себѣ въ домъ на растлѣніе. Преосвященный предписалъ консисторіи дѣло изслѣдовать, а какъ, не смотря на неоднократныя требованія, Выродовъ въ консисторію къ слѣдствію не явился, то велѣно чрезъ мѣстнаго въ Бѣлгородѣ же священника объявить Выродову, что онъ, и съ любовницею его, за таковое беззаконіе отверженъ его преосвященствомъ отъ входа церковнаго и сообщенія божественныхъ таинъ. Это не отрезвило бѣлгородскаго рыцаря. Посланному съ объявленіемъ объ отлученіи Выродовъ сказалъ на отрѣзъ: «я вашего архіерея не слушаюсь». Преосвященный донесъ въ Сѵнодъ и Сѵнодъ велѣлъ преосвященному (указомъ отъ 21 декабря 1753 года) дѣло разсмотрѣть и разрѣшалъ, если то по ходу дѣла окажется нужнымъ, предать грѣшника анаѳемѣ. Отъ консисторіи послано было въ канцелярію бѣлгородскаго гарнизоннаго полка требованіе—выслать Выродова къ суду его преосвященства; но добыть Выродова было не легко. Долго ждала консисторія Выродова. Наконецъ, въ виду того, что всѣ обстоятельства дѣла показываютъ со стороны Выродова, «единое токмо отбывательство отъ слѣдствія, а отъ полковой канцеляріи укрывательство», преосвященнымъ было опредѣлено: «Выродова, и понынѣ никакого покаянія не приносящаго, за беззаконное его чрезъ много прошедшее время житіе дабы онъ явнымъ закона Божія преступленіемъ церкви не соблазнялъ, по силѣ духовнаго регламента, предать, и съ любодѣйцею его проклятію и о томъ написать для извѣстія народу объявленіе, которое въ Бѣлгородѣ и бѣлгородскомъ уѣздѣ во всѣхъ церквахъ въ день недѣльный по литургіи прочитать вслухъ народу и послать въ бѣлгородское духовное правленіе при указѣ, а для вѣдома и во всѣ духовныя правленія бѣлгородской епархіи распубликовать указами и о вышеписанномъ представить Святѣйшему Сѵноду доношеніемъ».

V.

Строгій къ виновнымъ, преосвященный Іоасафъ былъ въ высшей степени сострадателенъ и милосердъ ко всѣмъ несчастнымъ, страждущимъ

и нуждающимся. «Всѣ свои доходы съ обширныхъ вотчинъ Бѣлгородскаго архіерейскаго дома употреблялъ онъ на подаяніе и помощь неимущимъ. Особенно любилъ онъ творить милостыню свою въ тайнѣ «да неувѣсть шуйца, что творитъ десница» (Мате. 6, 3). Такъ, предъ великими праздниками христіанскими имѣлъ онъ обыкновеніе посылать преданнаго себѣ келейника въ жилища бѣдности, къ лицамъ, извѣстнымъ ему крайнею нищетою,—съ подаяніемъ деньгами и одеждою. Этому келейнику дана была заповѣдь—положивъ даръ у окна или порога дома, три раза стукнуть въ стѣну для привлеченія вниманія хозяевъ, самому же удаляться поспѣшно. Самое одѣяніе посланнаго измѣнялось имъ изъ иноческаго въ простонародное, и лишь догадывались облагодѣтельствованные, изъ какого источника течетъ къ нимъ милостыня. Преданіе народное утверждаетъ, что самъ святитель любилъ лично разносить подъ покровомъ ночи подаянія свои неимущимъ. Преданіе это подтверждается однимъ разсказомъ изъ келейныхъ записокъ архимандрита Наркиса» (сына родной сестры преосвященнаго Іоасафа).—Благотворя неимущимъ, святитель очень мало заботился объ удобствахъ собственной жизни, велъ строгую, аскетическую жизнь и не скоплялъ имущества. Вотъ опись всего имущества, оставшагося послѣ его смерти:

Двое часовъ серебрянныхъ карманныхъ, одни съ компасомъ финифтевые съ цѣпочкою серебряною, другіе—простые.

Часы столовые мѣдные небольшіе.

Библія Московской печати новаго выхода.

Требничекъ Кіевской печати въ четверть.

Три книжки латинскія медицинскія.

Книга кунштовая печатная въ желтой оправѣ.

Книга другая кунштовая печатная, оправлена красною бумагою.

Книга третья кунштовая печатная, оправлена въ зеленой золотой бумагѣ.

Книга четвертая кунштовая печатная въ красной оправѣ.

Книга пятая кунштовая, въ желтой оправѣ.

Книга шестая кунштовая печатная, раскрашена въ оправѣ красной кожи.

Чинъ избратія и рукоположенія архіерейскаго, печатный.

Библія большая въ листъ, въ лицахъ, въ оправѣ красной кожи.

Печатная книжка: Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ.

Книжка печатная къ математической и натуральной географіи.

Книга кунштовая печатная архитектурная, въ оправѣ красной кожи.

Зеркало полуаршинное, оправлено въ книгѣ.

Ложечка серебряная процѣдительная.

Два таза желтой мѣди маленькіе.

Аптечка небольшая съ разными лѣкарствами въ стекляночкахъ.

Денегъ семь рублей, девять талеровъ иностранныхъ, да три червонныхъ, которые употреблены на устроеніе гроба и въ роздачу на поминовеніе нищимъ.

Платья: шуба и полурясокъ лисьи, три рясы и три кафтана матеріальные, три клобука шелковыхъ—розданы по завѣщанію его преосвященства на поминовеніе монашествующимъ.

VI.

Относительно погребенія и поминовенія преосвященнаго Іоасафа († 10 дек. 1754 г.) указомъ святѣйшаго Сѵнода отъ 11 декабря 1754 г. предписано: «тѣло преосвященнаго Іоасафа погребсти преосвященному Переяславскому Іоанну въ приготовленномъ самимъ Іоасафомъ въ бѣлгородской соборной церкви склепѣ, и для того погребенія и поминовенія, за неимѣніемъ послѣ Его преосвященства собственныхъ денегъ, употребить изъ наличныхъ въ томъ бѣлгородскомъ архіерейскомъ домѣ имѣющихся и до содержанія того дома принадлежащихъ до трехъ сотъ рублей, а на что оныя деньги будутъ употреблены, о томъ дать Святѣйшему Сѵноду отчетъ».

На что именно было употреблены эти деньги, мы знаемъ изъ записной расходной книги, выданной канцеляристу Антнону Ильинскому для записи расходованія означенной суммы. Въ ней значится:

1. Посланному изъ бѣлгородскаго архіерейскаго дома служителю Іосифу Волоцкому въ городъ Переяславль съ нужнѣйшими письмами къ преосвященному Іоанну на наемъ подводы и путевыя издержки съ возвратомъ до Бѣлгорода . . . . 8 р. — к.

2. Посланному изъ бѣлгородскаго архіерейскаго дома монаху Досиѳею для покупки въ городѣ Харьковѣ къ прибытію преосвященнаго Іоана, епископа Переяславскаго, надлежащихъ столовыхъ припасовъ . . . . 50 р. — к.

3. Бѣлгородскому купцу Андрею Мигулину за купленную у него рыбу: осетрины свѣжей и просольной 5 пудовъ, бѣлуги, севрюги просольной 4 пуда, тешекъ бѣлужей и осетровой одинъ пудъ, за все	10	»	66	»
Вязиги—10 фун.	—	»	70	»
Икры—16 фун.	1	»	12	»
Конопнаго масла 5 ведеръ	4	»	50	»
	17	р.	04	к.
4. У Бѣлгородскаго купца Данилы Морозова—десять фунтовъ ладану по сорока коп.	4	»	—	к.
5. Кофею 4 фунта по 40 коп.	1	»	60	»
6. Для дѣланія свѣчей воску	9	»	50	»
7. Воску тридцать фунтовъ по 23 к. фунтъ. . .	6	»	90	»
8. Сахару (канарскаго) 18 ф. по 20 к.	3	»	80	»
9. Чаю зеленаго 1 фунтъ	1	»	20	»
10. Присланному отъ преосвященнаго Іоанна въ дарину	1	»	—	»
11. Куплено для пріѣзда преосвященнаго Іоанна свѣжей рыбы: щуки, линей, окуней у разныхъ купцовъ и пріѣзжихъ сельскихъ мужиковъ на	3	»	98	»
Еще куплено на	2	»	—	»
12. Свѣжихъ стерледей	1	»	60	»
13. Для поминовенія преосвященнаго Іоасафа у разныхъ купцовъ и сельскихъ мужиковъ куплено свѣжей рыбы: щуки, линей, окуней, белизни, плотицъ, лещей, карасей	10	»	—	»
14. Кухмистеру Губернаторскому	5	»	—	»
15. Взнесено (26 февраля) преосвященному Іоанну, епископу Переяславскому	100	»	—	»
Прибывшимъ съ Его Преосвященствомъ:				
Іеромонаху Гервасію	10	»	—	»
Діакону Гервасію	5	»	—	»
Другому діакону Исаіи	3	»	—	»
Келейному Федору	2	»	—	»
Канцеляристу	2	»	—	»
Пѣвчимъ тремъ по 1 руб.	3	»	—	»
Конюхамъ тремъ	2	»	—	»
Повару	1	»	—	»

16. За проповѣдь слова Божія—Харьковскаго Коллегіума учителямъ: реторицкому іеромонаху Іоилю Ѳедо-

ровскому, да философическому священнику Өедору Өедоровскому . . . . 10 » — »

17. По приказанію присутствующихъ въ дополненіе вышеписанному прибавлено келейнику Өедору, . . . 3 » — »

да повару . . . . 1 » — »

18. Въ домъ архіерейскій свѣжей рыбы, щукъ, линей, окуней, карасей, плотвы—у разныхъ купцовъ и сельскихъ мужиковъ на . . . . 5 » — »

19. Лимоннаго соку шесть окъ, по 30 к. око . . 1 » 80 »

20. Икры свѣже-просольной 1 пудъ и 5 ф. . . 3 » 15 »

Свѣжей осетрины два пуда съ половиною, по 1 р. 20 коп. за пудъ . . . . 3 » — »

21. Волошскаго вина пятьдесятъ три кварты, по 15 коп. кварта . . . . 7 » 95 »

22. Бѣлоградскаго Николаевскаго монастыря архимандритамъ за погребеніе:

Авксентію . . . . 4 » — »

да Пахомію . . . . 5 » — »

23. Каѳедральному намѣстнику и Миропольскаго монастыря игумену . . . . 5 » — »

Стоитъ замѣтить, что въ устроеніи обряда погребенія всего болѣе хлопотъ и затрудненій оказалось съ проповѣдію. Указомъ отъ 20 декабря консисторія назначила слово на погребеніе преосвященнаго Іоасафа игумену Хотмыжскаго Знаменскаго монастыря Леониду; но онъ рапортомъ отъ 23 декабря донесъ консисторіи, что «за прилучившеюся ему головною тяжкою болѣзнію приготовиться на оную проповѣдь не могъ». Тогда консисторія указомъ отъ 26 декабря предписала ректору Харьковскаго Коллегіума назначить кого-либо изъ учителей на проповѣдь слова Божія; назначенъ былъ учитель богословія префектъ іеромонахъ Епифаній; но и онъ отъ произношенія, за болѣзнію живота и хрипотою, отказался, изъяснивъ сіе обстоятельство въ слѣдующемъ письмѣ къ ректору: «Высокопреподобнѣйшій Отецъ архимандритъ Ректоръ! Желалъ я вседушевно Вашего Высокопреподобія приказъ исполнить объ оной проповѣди, какъ и должно было, точію признаюсь, что крайне на животъ боленъ, а другое—на хрипоту, затѣмъ кого изволите на ту проповѣдь опредѣлить, ибо я не чувствую скоро къ здравію придти». Вмѣсто префекта Епифанія, назначены теперь, для большей обезпеченности, двое (означенные выше въ записной расходной книгѣ подъ № 16),—и проповѣдь состоялась.

VII.

Въ описи вещей, оставшихся послѣ смерти преосвященнаго Іоасафа, значится, между прочимъ, и нѣсколько книгъ, взятыхъ имъ изъ библіотеки Харьковскаго коллегіума. Реэстръ этихъ книгъ важенъ, какъ біографическій матеріалъ, въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ объ объемѣ богословской любознательности Іоасафа, и потому считаемъ не лишнимъ здѣсь привести его. Реэстръ такой:

1. Flavii Iosephi Hierosolimitani Sacerdotis opera graece et latine. № 105.

2. Ecclesiasticae historiae Eusebii Pamphili, Ruffini, Socratis, Theodoriti, Sozomeni, Evahrii. № 89.

3. Theophilacti Archiep. Bulhar. in quatvor evangelia enarrationes. № 15.

4. Euchologion sive rituale graecorum.

5. Hortus pastorum.

6. Concordatio in quarto majori.

7. Cyrilli Hierosolimarum Archiep. Catechesis, graecolatine, in quarto majori № 31.

8. Sanctae generalis Florentinae sinodi, tom. 2, graece et latine, in quarto № 69.

9. Возобличеніе на лютеранскій катихизисъ. Писано уставомъ въ четвертку, пороссійски. № 9.

10. Conceptus theologici ac praedicabiles de sanctornm festivitatibus anni totius. № 10.

11. Florilegii magni poliantea, in folio.

12. Synodus Hierosolymitana adversus Calvenistas haereticos, № 70, in 8-vo majori.

13. Adriani Metii, Alcmar, Professoris ordin. in. acad. Frisiorum, opera omnia astronomica.

14. Institutio astronomica juxta hypotesis, in guarto.

15. Nicephori Callisti hishoriae ecclesiasticae, t. secundus, № 25.

16. De scorbuto tractatus Danielis.

17. Книга рукописная славянскимъ письмомъ о священночаліи церковномъ.

18. Aphorismi Hypocratis, № 113.

19. Libri tres ex autographo graeco-latine redditi domini Nectarii patriarchi hierosolymitani, in octavo majori.

20. Confutatio Nili Thessalonicensis de primatu papae Mathei Cariofili, № 69.

21. Panegiricus Petro Primo dedicatus per Theophanem Procopovicz.

Такимъ образомъ, любознательность преосвященнаго Іоасафа, какъ можно видѣть изъ этого реэстра, обнимала широкій кругъ предметовъ богословскаго вѣдѣнія: церковную исторію, литургику, изъясненіе писаній. церковное краснорѣчіе, полемическое богословіе. А значащіяся подъ №№ 13, 14, 16 и 18 книги даютъ поводъ думать, что любознательность эта, не ограничиваясь богословскими предметами, простиралась и на другія области человѣчнаго знанія.

Амфіанъ Лебедевъ.

Могильникъ кургана слободы Сеньково Купянскаго уѣзда.

I.

Исполняя порученіе Правленія Императорскаго Харьковскаго Университета, я и Е. П. Трифильевъ, 26 апрѣля 1898 года, посѣтили слободу Сеньково Купянскаго уѣзда—для осмотра кургана, въ началѣ котораго, по словамъ отношенія канцеляріи губернатора, открыта была пещера «съ искусственно возведеннымъ сводомъ».

Курганъ, о которомъ идетъ рѣчь, помѣщается среди кладбища, занимаетъ въ окружности около 48 саженъ, въ поперечникѣ—14 саженъ, высотою надъ поверхностью земли около 1 сажени. Курганъ въ настоящее время уже почти на половину занятъ новѣйшими могилами. Благодаря вырытой въ разстояніи 4 арш. отъ центра кургана могилы (на глубинѣ 2 арш. 12 верш.) и была открыта упомянутая пещера, не имѣющая въ дѣйствительности никакого искусственно возведеннаго свода, а образовавшаяся отъ паденія рыхлой песчаной земли кургана.

При первомъ нашемъ спускѣ въ такъ называемую пещеру, а въ дѣйствительности могильникъ—послѣдній представлялъ собою небольшую норку, въ которой можно было стоять лишь согнувшись; никакихъ искусственныхъ сводовъ кромѣ песчаной, легко поддающейся копанію даже безъ орудія, земли-ничего не было видно. Зная изъ отношенія, что изъ этой норы были извлечены кости человѣка и какихъ-то животныхъ, равно черепки глиняные, и видя въ этомъ—несомнѣнный признакъ—погребенія въ данномъ мѣстѣ, мы рѣшили обслѣдовать могильникъ, т. е. обчистить его со всѣхъ сторонъ, на сколько позволяли своды кургана, могшіе ежеминутно обрушиться, и извлечь изъ него всю землю до материка, съ тѣмъ, что бы такимъ образомъ можно было открыть все, что осталось въ могильникѣ послѣ приведнія его въ хаотическое состояніе. Уже рывшіе могилу и открывшіе «пещеру» извлекли изъ земли кости, черепки; тоже самое съ первымъ-же выниманіемъ земли стали находить и мы, когда благодаря любезному содѣйствію пристава Л. Д. Хорвата и урядника И. Н. Сабо, вызвавшихъ для работъ около 15 крестьянъ, приступили

къ обслѣдованію могильника. Такимъ образомъ ясно было, что положеніе покойника, т. е. скелетъ былъ нарушенъ, сдвинутъ съ мѣста, но тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ приближенія къ материку ясно стало вырисовываться то направленіе, въ которомъ лежалъ покойникъ: въ этомъ направленіи шли слои совершенно истлѣвшаго дерева, можетъ быть отъ гроба, или досокъ, на которыхъ лежалъ покойникъ, кости, черепки, слои окрашенной земли и даже самой красной краски (желѣзистой), въ одномъ мѣстѣ— родъ пепла, а въ противуположномъ ему—небольшой бронзовой ножъ (съ окисью), съ почти истлѣвшими деревянными ножнами; тутъ-же попадались во множествѣ черепки, куски истлѣвшаго дерева, уголь, кремневые осколки, какія-то орудія изъ желѣзистаго бѣлаго и красноватаго песчаника.

Если данный могильникъ въ силу своего безпорядочнаго состоянія по открытіи не далъ цѣльной картины погребенія древнѣйшаго обитателя на почвѣ Купянскаго уѣзда, то онъ далъ предметы, по которымъ возможно возстановить эту картину, имѣя въ виду раскопки другихъ кургановъ, при которыхъ были найдены сходные предметы—въ Харьковской-же, Кіевской губ. и др.

Отмѣчаю въ нашей находкѣ, какъ наиболѣе типичные предметы— красную краску (назначеніе которой при погребеніи еще не выяснено въ нашей археологической литературѣ), бронзовый ножъ, большое количество глиняныхъ черепковъ отъ одного сосуда или нѣсколькихъ, форму и размѣръ котораго можно установить, съ грубымъ орнаментомъ въ видѣ точекъ и линій, и кромѣ костей самого покойнаго кости какихъ-то домашнихъ животныхъ.

Кромѣ этихъ костей встрѣчены кости какихъ-то маленькихъ животныхъ, можетъ быть пробиравшихся сюда на добычу чрезъ особые ходы, ясно видимые въ бокахъ кургана, ведущіе и въ центръ кургана.

Обслѣдованіемъ открытаго могильника мы считали свою задачу исчерпанной, такъ какъ углубляться внутрь кургана отъ этого могильника— было опасно, а производить раскопку всего кургана—въ виду громадной величины его и сопряженныхъ съ этимъ затратъ времени, рабочихъ силъ, а также въ виду того, что половина кургана занята современными могилами—считали невозможнымъ.

Что-же касается открытаго могильника, то онъ, вѣроятно, стоитъ въ связи съ центральнымъ и другими угловыми могильниками, которые, принимая во вниманіе размѣръ кургана, можетъ быть находятся въ немъ. Разрытый и очищенный могильникъ имѣетъ теперь круглую форму, высота его до глиняной почвы—$3^1/_2$ арш., а отъ послѣдней—до поверхности— $2^3/4$ арш., въ діаметрѣ около 4 арш.

Итакъ всѣ въ совокупности предметы въ связи съ ясно установленнымъ для нихъ мѣстомъ нахожденія—несомнѣнно представляютъ интересъ для археологіи, для изученія древностей Харьковской губ..

Опредѣленіе каменныхъ и глиняныхъ вещей, опредѣленіе костей, вообще ближайшее изслѣдованіе добытаго въ могильникѣ археологическаго матеріала произведено нашимъ товарищемъ Н. А. Федоровскимъ. Это изслѣдованіе Н. А. Федоровскаго и составляетъ содержаніе нижеслѣдующихъ главъ.

Е. Рѣдинъ.

II.

Археологическій матеріалъ, добытый при раскопкѣ нѣкоторой части кургана близъ села Сенькова Купянскаго уѣзда, представляетъ собою слѣдующіе предметы: 1) кости человѣка и животныхъ, 2) куски дерева, 3) маленькіе кусочки краски, 4) фрагменты каменныхъ орудій и кремневые осколки, 5) бронзовый ножикъ и 6) глиняные черепки отъ сосудовъ.

Такъ какъ всѣ упомянутые археологическіе предметы найдены въ одномъ мѣстѣ кургана, вблизи другъ друга, то мы можемъ допустить, что данное мѣсто кургана представляетъ цѣльный могильникъ со всѣми обычными предметами; въ немъ найдено все то, что обыкновенно находится при костякахъ въ древнихъ могилахъ.

1. Кости человѣка и животныхъ.

Найденныя въ курганѣ кости не представляютъ цѣльныхъ скелетовъ или же цѣльныхъ частей скелета, а являются разрозненными, причемъ между ними весьма много и обломковъ; черепныхъ костей нѣтъ вовсе, преобладаютъ же позвонки и кости конечностей.

Кромѣ костей человѣка опредѣлены кости: 1) коровы (быка), 2) овцы и 3) свиньи. Уже одно сочетаніе крупнаго и мелкаго рогатаго скота позволяетъ до нѣкоторой степени сдѣлать заключеніе, что мы имѣемъ дѣло съ домашними животными. Но положеніе это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что дикой овцы (вида изъ рода Ovis) вообще не было на равнинахъ нашей Южной Россіи. Нѣсколько штукъ костяныхъ обломковъ носятъ слѣды обработки рѣжущимъ орудіемъ: четыре кости съ зарубками и одна съ плоскою сглаженною поверхностью на извѣстномъ участкѣ. Но какому животному они принадлежатъ, опредѣлить весьма затруднительно. По причинѣ отсутствія между курганными костями череповъ, болѣе точное опредѣленіе видовъ или породъ вышесказанныхъ домашнихъ животныхъ оказалось невозможнымъ.

2. Дерево.

Изслѣдованіе дерева произведено по наружнымъ признакамъ. Приготовить микроскопическіе препараты оказалось невозможнымъ вслѣдствіе разсыпчатости и хрупкости. Судя по наружнымъ признакамъ съ достовѣрностью можно сказать, что дерево не хвойное и не мягкая лиственная порода, а твердая—дубъ или ясень (вѣроятнѣе всего дубъ). Основанія этому слѣдующія: 1) въ поперечномъ разрѣзѣ явственно видны широкіе сердцевинные лучи и чередованіе болѣе крупныхъ весеннихъ сосудовъ съ болѣе узкими осенними сосудами, 2) въ продольномъ разрѣзѣ явственно видны узоры, сооотвѣтствующіе разрѣзамъ сердцевинныхъ лучей.

Картина продольнаго разрѣза чрезвычайно какъ напоминаетъ таковую на поверхности дубовой мебели.

Куски дерева очевидно представляютъ части нѣкотораго деревяннаго сруба или колоды, въ которую было положено тѣло умершаго. Какъ извѣстно, во многихъ курганахъ Южной и Юго-западной Россіи найдены были костяки лежащими въ какихъ то деревянныхъ срубахъ или камерахъ (см. Нидерле «Человѣчество въ доисторическія времена», М. 1898 г. стр. 148 и 328), слѣдовательно возможно сдѣлать предположеніе относительно существованія дубоваго сруба и въ описываемомъ могильникѣ.

3. Краска.

Кусочки краски небольшіе, формы неправильной. Цвѣтъ краски—темно кирпично-красный. Въ составъ ея входитъ по всей вѣроятности, какъ главная составная часть, окись желѣза (Fe_2O_3). На это указываетъ цвѣтъ раствора ея въ крѣпкой соляной кислотѣ и тѣ рѣзко замѣтные эффекты, которые производятъ даже въ разбавленномъ растворѣ ея характерные реактивы на окись желѣза.

Нахожденіе краски при костякахъ въ видѣ красной или желтой желѣзистой глины, равно какъ и тѣсно связанное съ нимъ нахожденіе окрашенныхъ костей представляетъ собою весьма распространенные явленіе. Оно констатировано для многихъ могильниковъ Западной и средней Европы, Юго-западной и южной Россіи и Кавказа (см. Нидерле «Человѣчество въ доисторическія времена» стр. 147, 148, а также: Самоквасовъ, «Каталогъ коллекціи древностей» стр. 11 и 12). Безъ сомнѣнія, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особеннымъ погребальнымъ обычаемъ, недостаточно еще выясненнымъ, но который можно прослѣдить и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ, какъ напр. у индѣйцевъ Южной Америки (см. Нидерле—тамъ же).

4. Фрагменты каменныхъ орудій и кремневые осколки.

Матеріалъ, представляющій собою предметы изъ камня, распадается на двѣ группы: 1) фрагменты орудій и 2) осколки отъ ядрища, которые могли служить и для извѣстныхъ цѣлей въ качествѣ простѣйшихъ инструментовъ.

Фрагменты орудій.

1. Фрагментъ каменнаго шлифованнаго долота—съ трапецеобразнымъ очертаніемъ, посрединѣ слегка съуженный, четырехгранный, имѣющій въ разрѣзѣ форму неправильнаго четырехугольника (двѣ большія стороны насупротивъ и двѣ меньшія также насупротивъ); длина 5,5 сант., ширина короткихъ сторонъ трапеціи—2,7 сант., длинныхъ—3 сант., съуженной части—2,5 сант.; матеріалъ—твердый желѣзистый песчаникъ.

2. Фрагментъ шлифованнаго каменнаго долота—съ коническимъ очертаніемъ, какъ бы плоско-выпуклой формы, неясно-трегранный, съ одною большою плоскою гранью, другою среднею нѣсколько выпуклою и третьею меньшою плоскою гранью, имѣющій въ разрѣзѣ форму разносторонняго треугольника; длина—4 сант., ширина также 4 сант.; матеріалъ—твердый желѣзистый песчаникъ.

3. Фрагментъ какого то полированнаго орудія—съ коническимъ очертаніемъ, плоскій; длина—3,7 сант., ширина—3,5 сант.; матеріалъ—бѣлый песчаникъ.

4. Фрагментъ нѣкотораго предмета, повидимому, тоже полированнаго орудія—плоско-выпуклый съ желобкомъ посрединѣ, имѣющимъ вездѣ одинаковый діаметръ, равный приблизительно 0,8 сант.; длина—5,5 сант., ширина—3,8 сант.; матеріалъ—красноватый песчаникъ.

Кремневые осколки.

1. Осколокъ пластинчато трехгранный, ланцетовидный, съуженный на вершинѣ; одна грань его значительно больше другихъ; двѣ одинаковой ширины; одинъ край слегка извилистый, цѣльный, другой зубчатый; длина—3,1 сант., ширина—1,1—1,2 сант.

2. Осколокъ пластинчато трехгранный съ концомъ, съуженнымъ на бокъ; одна грань значительно больше двухъ другихъ, двѣ одинаковой ширины, (уголъ между ними менѣе выраженъ, чѣмъ въ предыдущемъ, особенно къ расширенному концу); длина—3,3 сант., ширина—1,5—1,6 сант.

3. Осколокъ пластинчатый, какъ бы грушевидной формы; длина—3,8 сант. ширина въ нижней широкой части — 2,2 сант., въ верхней съуженной—0,5 сант.

4. Осколокъ пластинчатый, неопредѣленнаго очертанія.

5. Такой же пластинчатый, неопредѣленнаго очертанія.

Что касается вообще осколковъ, то съ извѣстною вѣроятностью можно допустить, что они въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли служить и простѣйшими инструментами для такихъ операцій, какъ татуировка, орнаментація разныхъ предметовъ, сшиваніе шкуръ и проч., въ особенности, когда они были достаточной величины и имѣли ровные рѣжущіе края (см. Труды Импер. Московъ. Археол. Общ., томъ IX-й, вып. II и III, стр. 159 и матер. по Археол. Вост. Губер. Россіи вып. II-й М., 1896 года, стр. 222). Въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе возможно сдѣлать это предположеніе, что осколки найдены въ могильникѣ, а не на мѣстѣ производства каменныхъ орудій.

5. Бронзовый ножикъ.

Бронзовый ножикъ сравнительно небольшой величины, имѣетъ лезвіе и рукоятку. Форма лезвія удлиненная, но незначительно; кверху оно заострено, книзу съужено, по срединѣ небольшой пережимъ. При рукояткѣ сохранились остатки деревянныхъ ноженъ (впослѣдствіи разсыпавшіеся на мелкія части). Длина его съ рукояткой около 9 сант., безъ рукоятки около 6 сант. Ширина ножа въ средней нѣсколько съуженной части—1,9 сант., въ болѣе широкихъ верхней и нижней частяхъ—2,1 сант.; ширина рукоятки въ средней съуженной части—0,9 сант., въ болѣе широкихъ верхней и нижней частяхъ—1 сант.

6. Глиняные черепки отъ сосудовъ.

Матеріалъ этого рода, добытый при раскопкѣ, представляетъ крупные и мелкіе черепки одного сосуда или же двухъ, но не болѣе. Между черепками можно отличить: 1) черепки отъ верхней части сосуда (вѣнчикъ), 2) отъ средней части сосуда (боковъ) и 3) отъ днища.

Форма сосуда, какъ то можно судить по черепкамъ, была такая: нѣсколько отогнутые края, вздутые бока и плоское сглаженное дно, отходящее отвѣсно. Ручекъ у сосуда, повидимому, не было.

Размѣры сосуда слѣдующіе: 1) радіусъ—10,35 сант. и $4^1/_{16}$ англ. дюйм., діаметръ—20,7 сант. или $8^1/_8$ англ. дюйм. (по наружной окружности), 2) ширина стѣнокъ верхней съуженной части сосуда (спеціально орнаментированной) вверху—0,4 сант., въ срединѣ 1,1 сант., внизу—

1 сант., ширина отгиба въ этой верхней части—2 сант., 3) ширина стѣнокъ средней широкой части сосуда въ среднемъ—7,7 сант. и 4) ширина стѣнокъ днища въ среднемъ—1 сант.

Черепки отъ верхней части сосуда состоятъ только изъ глины одного цвѣта—черной; черепки же отъ средней части и отъ днища состоятъ изъ двоякаго цвѣта глины: внутренній слой изъ черной глины, а наружный изъ свѣтло-коричневой; слой свѣтлый сравнительно тоньше чернаго; наибольшей толщины достигаетъ онъ въ углахъ днища, гдѣ занимаетъ иногда около половины ширины.

Внутрення поверхность верхней части сосуда свѣтлая и сглаженная по окружности съ круговыми полосами углубленій и круговыми выдающимися линіями (штрихами), произведенными какъ бы пучкомъ соломинокъ; внутренняя поверхность средней части темно-коричневаго цвѣта, корково-шероховатая, внутренняя поверхность днища неопредѣленно шероховатая. Наружная поверхность верхней части сосуда чернаго цвѣта, наружная поверхность средней части сосуда и днища свѣтло-коричневаго цвѣта.

Орнаментъ нанесенъ какъ въ верхней части сосуда, такъ и въ средней, но верхняя отгибная часть является спеціально орнаментированной: ея орнаментація и больше, и разнообразнѣе. Орнаментъ верхней части представляетъ собою: 1) веревочки или цѣпочки изъ косыхъ ямочекъ, двурядныя, расположенныя по окружности, 2) веревочки или цѣпочки изъ такихъ же косыхъ ямочекъ двурядныя, но расположенныя подъ угломъ кверху и книзу и лежащія на первыхъ и 3) два отдѣльныхъ ряда большихъ ямочекъ: верхній у самаго края сосуда (выше веревочекъ) и нижній у перехода въ расширенную часть. Всѣ ямочки въ цѣпочкахъ имѣютъ форму продолговатую и проведены въ наклонномъ положеніи относительно срединной оси. Въ цѣпочкахъ, расположенныхъ по окружности, ямочки верхняго ряда больше по размѣрамъ, чѣмъ ямочки нижняго, а въ цѣпочкахъ, расположенныхъ подъ угломъ, ямочки одного и другого ряда одинаковы. Большія ямочки отдѣльнаго верхняго ряда сдѣланы вкось справа налѣво и притомъ вверхъ отъ линіи окружности, а большія ямочки отдѣльнаго нижняго ряда вкось справа налѣво по линіи окружности. Въ общемъ можно признать, что орнаментъ верхней части сосуда принадлежитъ къ веревочному типу (см. Матер. по Археол. Вост. губ. Россіи, вып. II-й М., 1896 г., стр. 6, статья: О. Клерка и К. Ѳаддѣева «Гончарное искусство доисторич. человѣка» и Труды Х-го Археол. Съѣзда въ Вильнѣ, М., 1893 года, т. II-й, стр. 262 статья: В. Сизова «Дьяково Городище близъ Москвы»), но какимъ образомъ онъ былъ нанесенъ на сосудъ, при посредствѣ ли чекана или же наложеніемъ вере-

вочки или веровочной ткани, рѣшитъ довольно трудно. Въ виду правильности круговыхъ линій, по которымъ расположены ямочки, а также въ виду правильности валиковъ или рубцевыхъ линій между рядами ямочекъ, скорѣе можно принять послѣднее положеніе, т. е. что орнаментъ былъ нанесенъ веревочкой или веревочной тканью; но то обстоятельство, что такіе же двойные ряды ямочокъ расположены подъ угломъ, кверху и книзу, больше говоритъ въ пользу предположенія, что узоръ былъ нанесенъ инструментомъ отъ руки.—Въ средней части сосуда орнаментъ незначительный. Орнаментація представляетъ собою расположенные безъ особенной правильности наклонно къ линіи окружности двойные и одиночные ряды ямочекъ, причемъ ямочки отстоятъ другъ отъ друга на гораздо большомъ разстояніи, чѣмъ въ цѣпочкахъ верхней части сосуда и формы не удлиненной, а округлой. Типъ орнамента обыкновенный, ямочный, весьма часто встрѣчающійся на сосудахъ переходной и неполитической эпохи (см. Гр. Уваровъ. «Археологія Россіи. Каменный вѣкъ» т. I стр. 322).

На основаніи всего вышеизложеннаго представляется возможнымъ высказать нѣкоторыя предположенія относительно древности описаннаго могильника.

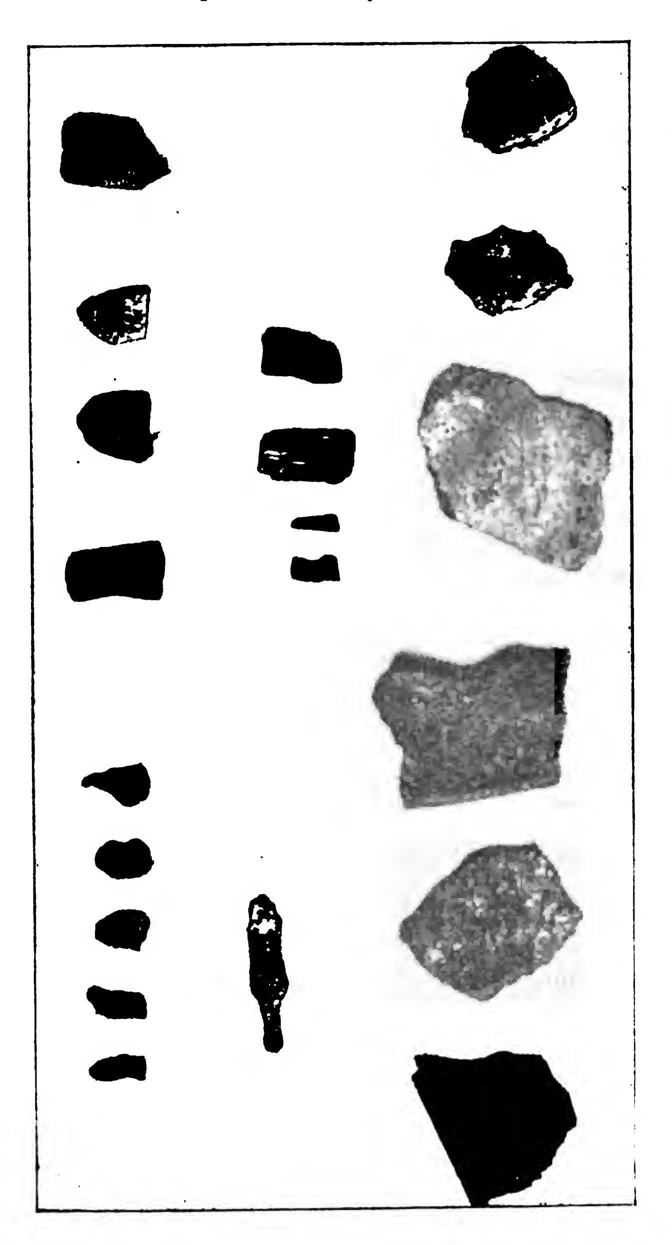
По хронологической классификаціи проф. Самоквасова, какъ извѣстно, всѣ русскіе курганы подраздѣляются на четыре группы: 1) курганы такъ называемой эпохи Киммерійской, 2) эпохи Скиѳо-Сарматской, 3) эпохи Славянской и 4) эпохи Половецко-Татарской. Курганы т. н. Киммерійской эпохи отличаются отъ кургановъ послѣдующихъ историческихъ эпохъ тѣмъ, что не содержатъ въ себѣ орудія и принадлежности домашняго быта изъ желѣза, а содержатъ только предметы изъ глины, кости, камня и бронзы (причемъ часто бываютъ только слѣды бронзовой культуры). Курганы Скиѳо-Сарматской эпохи заключаютъ въ себѣ разнообразные предметы греческаго искусства и предметы туземнаго варварскаго искусства, сдѣланные по греческимъ образцамъ—они относится къ періоду времени съ VI-го вѣка до Рожд. Христ. по V-й вѣкъ по Рожд. Христов. Курганы Славянской эпохи отличаются тѣмъ, что въ нихъ находятся уже предметы византійскаго искусства, а также монеты различныхъ государствъ Западной Европы и Азіи, періода времени съ VI-го вѣка по XI-й по Рожд. Христ. Наконецъ, курганы Половецко-Татарской эпохи содержатъ въ себѣ предметы искусства и монеты періода отъ XII по XV вѣкъ.

Среди археологическаго матеріала, собраннаго при раскопкѣ кургана въ с. Сеньковѣ, какъ видно изъ вышеприведеннаго описанія, нѣтъ совершенно предметовъ изъ желѣза, а только найдены предметы изъ глины,

камня и бронзы; притомъ, данный археологическій матеріалъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ предметовъ эпохъ: Скиѳо-Сарматской, Славянской и Половецко-Татарской. Слѣдовательно не безъ основаній можно предполагать, что описываемый курганъ при с. Сеньковѣ Купян. уѣзда, принадлежитъ къ группѣ кургановъ т. н. Киммерійской эпохи. Если же принять во вниманіе, что собственно говоря, раскопана только часть кургана, а курганъ можетъ быть сложнымъ, заключающимъ могилы различныхъ эпохъ (какъ то и доказано относительно нѣкоторыхъ русскихъ кургановъ),—то тогда слѣдуетъ признать, что по крайней мѣрѣ та часть его, которая раскопана, представляющая собою цѣльный могильникъ со всѣми относящимся къ нему предметами, принадлежитъ т. н. Киммерской эпохѣ. Такое предположеніе еще въ значительной степени оправдывается и тѣмъ, что въ числѣ предметовъ, найденныхъ въ могильникѣ, нѣтъ ни одного, который бы представлялъ что-либо особенное, исключительное, не находимое въ курганахъ Киммерійской эпохи. Все, что найдено при данной раскопкѣ, составляетъ обычные аттрибуты Киммерійскихъ кургановъ. Дѣйствительно, курганы этой эпохи весьма часто заключаютъ въ себѣ костяки въ деревянныхъ срубахъ или обкладкахъ; при костякахъ рядомъ съ предметами быта изъ глины, камня и бронзы нерѣдко встрѣчается и красная краска (см. «Основанія хронол. классификаціи» пр. Самоквасова). Далѣе, кости домашнихъ животныхъ: овцы, свиньи, полированные каменные долота, кремневые осколки въ видѣ нѣкоторыхъ рѣжущихъ предметовъ и глиняные черепки и притомъ именно съ орнаментомъ типа веревочнаго были неоднократно находимы въ курганахъ Киммерійской эпохи (см. Каталогъ коллекцій древностей пр. Самоквасова). Однимъ словомъ, весь археологическій матеріалъ данной раскопки вполнѣ подходитъ подъ таковой, добытый въ курганахъ т. н. Киммерійской эпохи.

Въ заключеніе предлагаемой статьи мы считаемъ необходимымъ сравнить результаты данной раскопки кургана близъ с. Сенькова Купянскаго уѣзда съ подобными же археологическими изслѣдованіями въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Всѣ имѣющіяся данныя по археологіи Харьковской губерніи, какъ извѣстно, собраны въ двухъ статьяхъ проф. Д. И. Багалѣя, озаглавленныхъ: 1) «Археологическія замѣтки о Харьковской губерніи» и 2) «Общій очеркъ древностей Харьковской губерніи». Изъ представленнаго въ этихъ статьяхъ матеріала оказывается, что, вообще говоря, курганныхъ раскопокъ въ Харьковской губерніи произведено весьма мало, и систематическія изслѣдованія въ этомъ родѣ были сдѣланы только г. Зарѣцкимъ въ предѣлахъ Богодуховскаго и Ахтырскаго уѣздовъ. Во всѣхъ раскопанныхъ курганахъ г. Зарѣцкимъ найдены разнообразные предметы бронзовой культуры и предметы же-

лѣзные: удила, копья, бляшки, гвозди и проч.; слѣдовательно всѣ раскопанные курганы принадлежатъ къ періодамъ болѣе позднимъ, чѣмъ Киммерійскій (по классификаціи русскихъ кургановъ проф. Самоквасова). Раскопки кургановъ несистематичныя, случайно сдѣланныя мѣстными жителями, извѣстны для Старобѣльскаго уѣзда; именно близъ слоб. Штор-

Образцы вещей, добытыхъ изъ раскопокъ могильника кургана слободы Сенькова Купянскаго уѣзда—въ верхнемъ ряду: кремневые осколки и фрагменты каменныхъ орудій, въ среднемъ: бронзовый ножикъ и куски дерева и въ нижнемъ: глиняные черепки отъ вѣнчика сосуда, боковъ и днища.

мовой въ одномъ курганѣ была найдена золотая монета съ изображеніемъ воина на конѣ, а въ другомъ при костякѣ найдены стальной кинжалъ и небольшой кусокъ стального панцыря; находки эти также говорятъ за принадлежность могильниковъ къ вѣку желѣзной культуры. Та-

кимъ образомъ оказывается, что въ Харьковской губ. до сихъ поръ не было такихъ раскопокъ, археологическій матеріалъ которыхъ свидѣтельствовалъ бы о принадлежности могильника къ періоду болѣе древнему, чѣмъ желѣзный, т. е. за принадлежность его къ т. н. Киммерійской эпохѣ. А что вообще говоря въ предѣлахъ Харьковской губерніи дѣйствительно жилъ какой-то народъ въ періодъ болѣе древній, чѣмъ желѣзный, то на это указываютъ спорадическія находки кремневыхъ стрѣлъ въ уѣздахъ Купянскомъ, Изюмскомъ и Богодуховскомъ и каменныхъ молотковъ въ уѣздахъ Богодуховскомъ, Изюмскомъ и Змiевскомъ (Багалѣй «Очеркъ древностей Харьковск. губерніи» стр. 3). По словамъ же г. Педашенко, приводимымъ въ статьѣ: «Археологическія замѣтки о Харьковской губ.», въ уѣздѣ Купянскомъ по берегу р. Оскола находятся песчаныя полосы, усѣянныя обломками древней глиняной посуды и кусками кремня со слѣдами обивки.

Изъ матеріала, представленнаго въ замѣткѣ свящ. Спѣсивцева, помѣщенной въ Харьковскомъ Сборникѣ 1892 г., также можно усмотрѣть несомнѣнныя доказательства поселенія человѣка въ древнѣйшій каменный періодъ въ мѣстности близъ сел. Райгородка Изюмскаго уѣзда, такъ какъ тамъ найдено множество кремневыхъ ножей, наконечниковъ стрѣлъ и различныхъ осколковъ, перемѣшанныхъ съ толстыми черепками отъ глиняной посуды грубой первобытной работы.

Однимъ словомъ, археологическія данныя въ связи съ нѣкоторыми историко-географическими указаніями, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Багалѣй, приводятъ къ мысли о существованіи въ Харьковской губерніи поселенія съ самой глубокой древности. Мнѣніе это между прочимъ подтверждается и данной раскопкой Сеньковскаго кургана.

Н. А. Федоровскій.

Предисловіе.

Предлагаемое вниманію читателя изслѣдованіе первоначально въ 1898 г. въ сокращенной формѣ было прочитано въ видѣ публичной лекціи по поводу истеченія 400 лѣтъ со времени окончанія одного изъ величайшихъ произведеній искусства — «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи. Съ теченіемъ времени лекція эта подверглась коренной переработкѣ и большому расширенію, въ зависимости отъ быстраго роста научной литературы о Леонардо да Винчи. Въ 1898 г. вышло превосходное изданіе манускриптовъ Винчи по анатоміи, въ 1899 г. обширное изслѣдованіе Мюнца. Въ 1898 г. появилось уже въ русскомъ переводѣ прекрасное изслѣдованіе Сеайля, ранѣе во французскомъ оригиналѣ 1892 г. мало извѣстное. Авторъ настоящаго изслѣдованія пользовался манускриптами Винчи въ драгоцѣнныхъ изданіяхъ г. Равессона-Молліена, Атлантическаго Кодекса и г. Сабашникова. Попутно, гдѣ было нужно, привлечены монографіи Мюллеръ-Вальде, Иріарте и др. Литература оказалась обширной и, при драгоцѣнности нѣкоторыхъ изданій, трудно доступной. Тѣмъ болѣе авторъ благодаренъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя ему оказали въ этомъ дѣлѣ свое просвѣщенное содѣйствіе.

Въ интересахъ наглядности изслѣдованіе снабжено 27 рисунками по клише, исполненнымъ въ московской мастерской Шереръ, Набгольцъ и К°.

Въ концѣ изслѣдованія въ приложеніяхъ помѣщены: 1) обзоръ источниковъ и пособій, 2) рецензія на первыя 5 главъ романа г. Мережковскаго «Воскресшіе Боги. Леонардо да Винчи» и 3) алфавитный предметный указатель.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

La vita bene spesa lunga e.

Leonardo da Vinci.

Leonardo wird unsterblich bleiben so lange es eine Kultur auf Erden gibt und so lange der Kultus des wahrhaft Schönen währt.

Dr. Sighart.

Léonard de Vinci, inventeur précoce de toutes les idées et de toutes les curiosités modernes, génie universel et raffinè, chercheur solitaire et inassouvi, pousse ses divinations au delá de son siècle jusquà rejoindre parfois le nôtre.

Taine.

Er ist Maler, Bildhauer, Architekt, Improvisator, Musiker, Mathematiker, Physiker, Ingenieur, Artillerist, Geograph und Astranom, Botaniker, Zoologe und Anatom, und für jedes einzelne dieser verschiedenen Gebiete scheint er geboren, ein jedes derselben zu durchdringen ist für ihn tiefbegründetes Bedürfniss... Wenn wir dann hören, das dieser Allmensch mit herrlicher Schönheit des Körpers beglückt war, das der Wohllaut seiner Rede zauberisch

die Herzen der Hörer gefangen nahm, das seine Kräfte an das Gigantische streiften... so müssen wir bekennen: niemals ist eine harmonischere Vereinigung von Anlage und Ausbildung in Erscheinung getreten, nie hat es einen Menschen gegeben, der die hemmenden Fesseln irdischer Unvollkommenheit so siegreich abstreiste und sich so weit in die reinen Höhen der Göttlichkeit emporschwang, wie Leonardo da Vinci.

Müller-Walde.

— —

Pour lui l'art et la science se confondaient dans une seule contemplation, celle de la nature, dans une même ardent désir, celui d'arracher à celle—ci ses secrets, pour les employer autant que possible du profit de l'humanité, soit en charmant les esprits par la représentation des âmes, qui se cachent derrière les corps, soit en mettant an service de la vie de chaque jour des mècanismes, qui en aplanissent les dificultés.

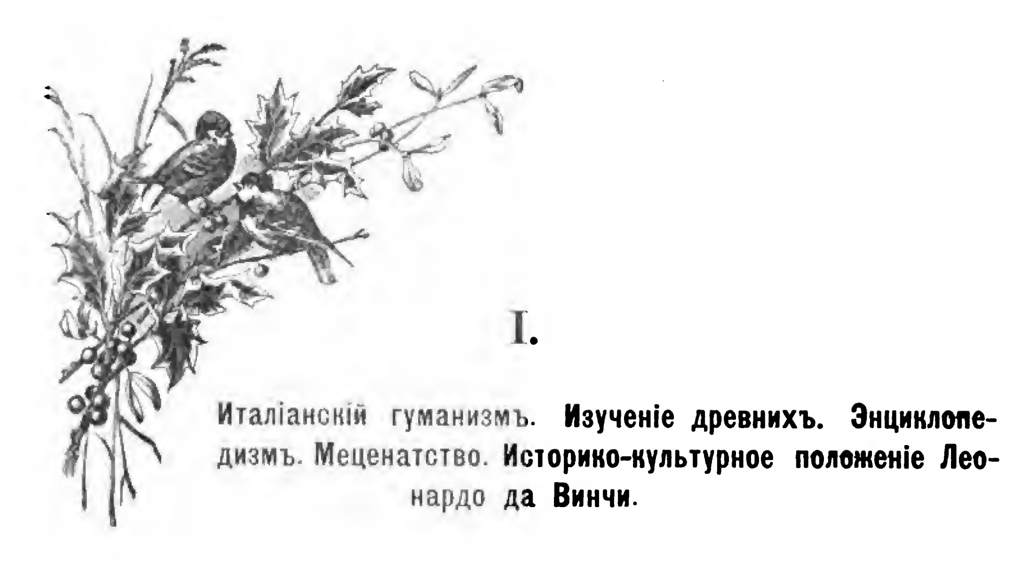
Ravaisson-Mollien.

— —

L'auteur de la Jokoude est de la race des grands intellectuels, des Descartes, des Spinoza, des Leibniz... Etrange succès de la nature, son gènie est l'équilibre des dons les plus opposés... L'intelligence et le sentiment, par leur mutuelle pénétration, font de lui le premier des savants et des artistes de son temps. La mesure est le privilège nécessaire de sa nature faite de contraires en accord.

Séailles.

I.

Италіанскій гуманизмъ. Изученіе древнихъ. Энциклопедизмъ. Меценатство. Историко-культурное положеніе Леонардо да Винчи.

Италія—волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній...

Такъ мѣтко характеризуетъ Италію А. С. Пушкинъ и тутъ же мимоходомъ объясняетъ, что волшебство этой страны заключается въ красотѣ природы, обиліи историческихъ памятниковъ, богатствѣ художественныхъ традицій, въ развитіи искусства и литературы. Тутъ Рафаэль живописалъ. Тутъ пѣлъ Торквато величавый. Тутъ рѣзецъ Кановы послушный мраморъ оживлялъ, и все въ странѣ,

...Гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись.

Судьба оказалась чрезвычайно милостивой къ Италіи въ концѣ XV и въ началѣ XVI ст. Въ сорокъ, много пятьдесятъ лѣтъ она выдвинула рядъ блистательныхъ художниковъ-архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ—Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микель Анджело, Браманте, Андрея дель Сарто, Фра Бартоломео, Джорджоне, Тиціана, Веронезе, Корреджіо, Синьорелли, Луини, Тинторетто, Бенвенуто Челлини, Лукка делла Роббіа. Ранѣе искусство прозябало; оно пускало лишь отдѣльные свѣжіе ростки, въ лицѣ немногихъ художниковъ предтечъ Возрожденія, напр., Масаччіо и Донателло, позднѣе обнаруживается уже вычурность, подражаніе, искусственность, напр., въ работахъ Джуліо Романо и Каррачи.

Судьба судьбой; но блестящее развитіе италіанскаго искусства въ XV—XVI ст. нельзя объяснить одною счастливою случайностью. Въ этомъ развитіи выразился внутренній ростъ культуры и образованности. Искусство нельзя привить народу, въ которомъ нѣтъ условій для его воспріятія.

Оно развивается на почвѣ накопившейся уже творческой силы и подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій. Въ XIV ст. во всей Италіи господствовалъ сухой и жесткій стиль Джіотто, близкій къ византійскому, вполнѣ отвѣчавшій однообразному и суровому средневѣковому міросозерцанію. Но уже Джіотто (†1336) внесъ нѣкоторое разнообразіе въ іератическія и традиціонныя формы искусства. Въ его картинахъ появились новинки, реализмъ позы, изображеніе зданій, пейзажи. Въ XV ст. художественное поступательное развитіе разбивается на нѣсколько направленій. Возникаютъ школы въ Венеціи, Умбріи, Тосканѣ, Ломбардіи. Каждая отдѣльная школа является самостоятельнымъ организмомъ, разрабатываетъ излюбленные пріемы, излюбленные сюжеты, создаетъ собственную художественную традицію, въ зависимости отъ самостоятельнаго роста внутреннихъ нравственныхъ силъ. Прибывшій въ городъ талантливый мастеръ давалъ иногда новое направленіе мѣстной школѣ. Изъ сочетаній разныхъ направленій вырабатывались новые интересы, новыя формы. Въ роли самостоятельныхъ артистическихъ школъ въ XV и XVI ст. выступали Венеція, Болонья, Падуя, Веррона, Брешія, Бергамо, Миланъ, Феррара, Римъ и какъ главная двигательная творческая сила Флоренція. Совокупность мѣстныхъ школъ создала величественное зданіе италіанскаго искусства эпохи Возрожденія.

Въ основѣ развитія италіанскаго искусства и просвѣщенія лежитъ гуманизмъ. Леонардо да Винчи представляетъ высшій его расцвѣтъ, завершеніе и побѣдоносный шагъ впередъ. Этотъ великій мыслитель-художникъ переработалъ идеалы гуманизма, выразилъ ихъ въ искусствѣ, расширилъ въ сферѣ прикладныхъ наукъ и далеко шагнулъ впередъ по направленію новаго времени навстрѣчу позднѣйшему научному мышленію XIX ст.

Гуманизмъ внесъ критическое отношеніе къ средневѣковымъ формамъ культуры. Леонардо да Винчи возвелъ критику въ общій принципъ научной и артистической дѣятельности.

Гуманизмъ отвергъ средневѣковую аскетическую философію умерщвленія плоти. Леонардо да Винчи представилъ высокіе образцы физическаго здоровья и человѣческой красоты.

Гуманизмъ на первый планъ выдвинулъ индивидуальное начало, культъ славы, стремленіе къ разносторонности. Въ личности и творчествѣ Леонардо да Винчи всѣ эти стремленія достигли высшаго развитія, въ особенности индивидуализмъ и разносторонность.

Гуманизмъ выдвинулъ изученіе античнаго міра, но при этомъ въ основу такого изученія поставилъ древніе языки и литературы. Леонардо да Винчи пошелъ далѣе. Онъ оцѣнилъ значеніе реализма въ античномъ искусствѣ и выдвинулъ прикладное знаніе древнихъ.

Гуманизмъ призналъ права сердца въ литературѣ, обратилъ вниманіе на внуренній міръ человѣка и на пейзажъ въ природѣ. Леонардо да Винчи подвинулъ впередъ разработку пейзажа и призналъ за нимъ самостоятельное значеніе.

Гуманизмъ содѣйствовалъ развитію индеферентизма въ религіи и въ частныхъ случаяхъ переходилъ въ отрицаніе. Такъ, одинъ изъ раннихъ миланскихъ гуманистовъ Лоски († 1441) съ холоднымъ равнодушіемъ относился къ религіознымъ вопросамъ. Флорентійскій гуманистъ Бруни († 1444) отрицательно относился къ монахамъ. Леонардо да Винчи шелъ въ томъ же направленіи, но осторожно и сдержанно, въ сознаніи, что суть дѣла не въ яркомъ отрицаніи стараго, а въ спокойномъ созданіи почвы для новыхъ началъ. «Будетъ много людей, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, которые откажутся отъ работы, труда, скудной жизни и нищеты и станутъ они жить въ богатствѣ и въ великолѣпныхъ жилищахъ, утверждая, что этимъ они дѣлаютъ угодное Богу». Къ проповѣдямъ знаменитаго своего современника и соотечественника Савонаролы Винчи отнесся съ полнымъ равнодушіемъ.

Ученикъ Петрарки Ломбардо да Серико видитъ нравственность въ томъ, чтобы «добродѣтельно слѣдовать природѣ». Леонардо да Винчи положилъ этотъ принципъ въ основу своей дѣятельности и высказалъ по этому поводу въ своихъ манускриптахъ цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ наставленій и замѣчаній.

Гуманисты, за исключеніемъ Петрарки, большей частью очень индеферентно относились къ политикѣ. Уже у Боккачіо просвѣчиваютъ космополитическія теденціи. Рамбальди училъ, что разумный человѣкъ долженъ стоять выше партій. Николи былъ равнодушенъ къ политикѣ. Леонардо да Винчи довелъ это равнодушіе до полнаго индеферентизма.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ результатовъ италіанскаго гуманизма было признаніе самостоятельности и свободы науки. Секуляризація мысли и гуманистическій критицизмъ повлекли за собою выработку научныхъ методовъ. Но у гуманистовъ исключительными предметами изученія были поэзія, философія, краснорѣчіе и исторія. Внѣшняя природа, естествознаніе оставались въ забросѣ. Леонардо да Винчи обратилъ главное вниманіе на эту сторону и на первое мѣсто поставилъ опытное изученіе природы.

Чувство природы стало пробиваться въ литературѣ и въ искусствѣ съ XIV ст. въ поэзіи Данта, въ картинахъ Джіотто. Еней Сильвій Пикколомини съ любовью говоритъ о долинахъ и холмахъ родной Сіены. Будучи уже папою онъ собираетъ свои консисторіи на открытомъ воздухѣ подъ развѣсистымъ каштаномъ. Описаніе родной природы проходитъ живой

струей въ сочиненіяхъ Понтана, Полиціано и Лаврентія Великолѣпнаго. Въ поэзіи и живописи выступаетъ уже реальная Италія, съ пластически красивыми линіями горъ, съ богатой и роскошной растительностью. Люди науки помогаютъ художникамъ въ опредѣленіи законовъ перспективы и пропорціанальности тѣлъ. Иногда научное и художественное направленія соединялись въ одномъ лицѣ. Такимъ представителемъ универсальнаго генія былъ Леонъ Баптистъ Альберти. Позднѣе Леонардо да Винчи довелъ натуралистическое направленіе до высокой степени совершенства, избѣгнувъ тѣхъ формъ преувеличенной энергіи и рѣзкой мускулатуры, которыя обнаруживаются въ изваяніяхъ Микель-Анджело и въ картинахъ Синьорелли.

Въ отношеніи научнаго міросозерцанія у Винчи были предшественники, расчистившіе для него почву. «Если бы Леонардо, говоритъ Сеайль словами Гроте, такъ смѣло и такъ удачно началъ науку, не опираясь на предшественниковъ или современниковъ, трудившихся надъ тѣмъ же дѣломъ, то его геній былъ бы какимъ-то чудовищнымъ явленіемъ, какъ одинокая скала среди безбрежной равнины». Ничего подобнаго не было. Леонардо выразилъ, завершилъ и подвинулъ впередъ умственные труды своихъ предшественниковъ и современниковъ. Достаточно вспомнить, что знаменитый энциклопедистъ XV в. Леонъ Баптистъ Альберти († 1472) отличался знаніемъ философіи, литературы, математики и физики. Одновременно Паоло Учелло соединялъ въ себѣ интересы къ живописи и къ математикѣ. Обширныя научныя свѣдѣнія Винчи по математикѣ опираются на трудахъ знаменитаго его старшаго современника Паоло Тосканелли († 1482). Леонардо да Винчи стоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Америго Веспуччи, давшимъ свое имя открытому Колумбомъ западному материку. Въ рукописяхъ Винчи сохранилась такая краткая, но достаточно характерная замѣтка: «Веспуччи долженъ мнѣ дать книгу по геометріи». Въ Миланѣ при дворѣ Людовика Моро Леонардо да Винчи близко сошелся съ знаменитымъ математикомъ Пачіоли и сдѣлалъ рисунки для его книги «De divina proportione». При своихъ анатомическихъ занятіяхъ Винчи имѣлъ союзника въ лицѣ талантливаго профессора Антоніо делла Торре. Любитель точныхъ наукъ Фаціо снабжалъ Винчи книгами по математикѣ и естествознанію. И такъ въ XV ст. въ сѣверной Италіи была уже небольшая группа свободныхъ мыслителей, которые интересовались точными науками, дѣлали опыты, выдвигали наблюденіе надъ природой. Замѣтно уже сознаніе, что наука есть дѣло коллективное и соціальное. Ученые дѣлятся своими знаніями, изслѣдованіями, открытіями, снабжаютъ другъ друга рѣдкими книгами-сочиненіями Архимеда, Витрувія. Въ XV в. представителями современной науки было нѣсколько художниковъ,

инженеровъ, медиковъ. Кое-какія указанія на нихъ сохранились въ рукописяхъ Винчи, которыя «имѣютъ поэтому значеніе первокласснаго документа для исторіи человѣческой мысли».

Грандіозный энциклопедизмъ Леонардо да Винчи выросъ на почвѣ италіанскаго гуманизма и вызваннаго имъ обилія научныхъ и артистическихъ интересовъ и стремленій. Уже первые гуманисты, Петрарка, Боккачіо, Бруни, Лоски, стали развивать любовь въ поэзіи, исторіи, философіи, латинскимъ и греческимъ древностямъ. Полнаго расцвѣта италіанскій энциклопедизмъ достигъ въ лицѣ Леона Баптиста Альберти, Пико-де Мирандола, Бальтасара Кастиліоне, Аретино, Лаврентія Медичи, Андрея Вероккіо, Бенвенуто Челлини, въ особенности въ разностороннемъ и необъятномъ геніи Леонардо да Винчи. Это былъ вѣкъ удивительно широкаго творчества и необыкновенной смѣлости. Въ обществѣ выработались вкусы и требованія, весьма благопріятные для развитія энциклопедизма. Любовь къ наукѣ и къ искусству охватила высшія образованныя сферы и глубоко проникла даже въ среднее городское сословіе. Образованіе разливалось широкой волной. Выработалась привычка къ изящной и показной жизни. Съ понятіемъ о хорошемъ тонѣ соединялись весьма разнообразныя требованія. По словамъ современника Леонардо да Винчи графа Бальтазара Кастиліоне, всякій писатель или образованный человѣкъ, желавшій играть роль при дворѣ, долженъ былъ ознакомиться, а) съ литературой, по крайней мѣрѣ, изящной, б) знать не только латинскій языкъ, но и греческій, «ради множества и разнообразія божественныхъ твореній, написанныхъ на этомъ языкѣ», в) умѣть хорошо писать стихами и прозой, что нравится дамамъ, г) быть хотя немного музыкантомъ, чтобы при случаѣ развлечь дамъ, «нѣжныя сердца которыхъ легко воспринимаютъ гармонію», д) обнаружить умѣніе рисовать и знаніе живописи, потому что «живопись составляетъ необходимое украшеніе высшей культурной жизни», е) быть превосходнымъ ѣздокомъ на всякихъ лошадяхъ и всякихъ сѣдлахъ, отличаться въ искусствѣ фехтованія, прыганьѣ, бѣгѣ, метаніи копья. Въ число «благородныхъ упражненій» введены далѣе игры въ мячъ и вольтижировка на конѣ.

На почвѣ гуманизма развилось меценатство. По словамъ М. С. Корелина, меценатство нужно признать несомнѣннымъ факторомъ, оказывавшимъ прямое вліяніе на концетрацію гуманистическихъ силъ и косвенное на ихъ развитіе. Меценаты стягивали къ себѣ гуманистовъ изъ мелкихъ пунктовъ, и эти пришлые дѣятели Возрожденія вызывали къ жизни мѣстныя силы. Извѣстное вліяніе на меценатство тирановъ мѣстами имѣло нелегальное происхожденіе ихъ власти (въ Миланѣ, Падуѣ, Ферарѣ, Мантуѣ); но не слѣдуетъ преувеличивать этого фактора. Гуманистамъ покровательство-

вали и неаполитанскіе короли, и римскіе папы, хотя въ законности ихъ власти никто не сомнѣвался.

Были въ меценатствѣ и темныя стороны. Покойный профессоръ Харьковскаго университата М. Н. Петровъ говоритъ, что меценатство породило приниженный, ласкательный тонъ и хвалебное направленіе. Это была продажная панегиристическая литература. Вышеславцевъ въ статьѣ объ италіанскомъ искусствѣ XV в. указываетъ на геніальничаніе, распущенность и педантство. Эти взгляды въ значительной степени основательны при нѣкоторомъ ограниченіи. Люди мелкіе и ничтожные дѣйствительно ударялись въ панегиризмъ, лесть, попрошайничество, высокомѣріе и развратъ; но тутъ виной было не столько самое меценатство, сколько личное нравственное ничтожество этихъ пигмеевъ просвѣщенія и гуманизма. Люди сильные, даровитые, тѣмъ болѣе геніи держались или съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, какъ Леонардо да Винчи, или съ гордой независимостью, какъ Микель Анджело. Въ общемъ слабыя стороны меценатства стушовывались предъ историческими его заслугами. Меценаты дали геніальнымъ художникамъ средства для воплощенія ихъ идей въ храмахъ, статуяхъ и картинахъ, часто побуждали ихъ къ творчеству личнымъ просвѣщеннымъ участіемъ и совѣтомъ. Среди италіанскихъ папъ и государей XV—XVI ст. было не мало тонкихъ знатоковъ и цѣнителей искусства. Правда, этика у меценатовъ часто стояла въ полномъ противорѣчіи съ эстетикой. Съ тонкимъ артистическимъ вкусомъ иногда соединялась свирѣпая жестокость. Восторгъ къ картинамъ и къ статуямъ иногда слѣдовалъ непосредственно за отравленіемъ и собственноручнымъ убійствомъ. Но при всемъ томъ въ смыслѣ культурнаго значенія эстетика Возрожденія пережила преступленія того времени. Въ этомъ, разумѣется, нѣтъ для нихъ оправданія, но здѣсь лежитъ залогъ къ ихъ забвенію.

Въ 1447 г. на папскій престолъ вступилъ гуманистъ Томазо Парентучелли подъ именемъ Николая V. Онъ сохранилъ свою старую привязанность къ книгамъ и употребилъ свою власть, вліяніе и денежныя средства на увеличеніе литературныхъ богатствъ. Главной его заботой были переводы греческихъ авторовъ на латинскій языкъ. Вѣчной его славой будетъ Ватиканская библіотека. Черезъ полъ-вѣка на папскомъ престолѣ выдвинулись два мецената въ другомъ направленіи, посвятившіе свои силы и средства на развитіе монументальнаго искусства — Юлій II и Левъ X.

У Альфонса I—короля Неаполя—цѣлый дворъ ученыхъ и поэтовъ, въ числѣ первыхъ знаменитый Лаврентій Валла. Владѣтельныя особы обращаются въ Неаполь за научными справками.

Дикій, необузданный герцогъ миланскій Филиппъ Марія Висконти приглашаетъ къ своему двору скромнаго ученаго Филельфо, а наслѣдникъ его Франческо Сфорца, военный рубака, кондотьерри, воспитанный въ суровой военной дисциплинѣ, учитъ свою дочь и племянницу языкамъ латинскому и греческому.

Кровожадный тиранъ Гизмондо Малатеста въ Римини окружаетъ себя учеными и художниками.

Владѣлецъ маленькаго Урбино Федерико Монтефельтро, самый искусный полководецъ своего времени, считаетъ своимъ лучшимъ удовольствіемъ чтеніе классиковъ и содержитъ 40 писцовъ для увеличенія своей библіотеки.

Въ Феррарѣ покровителями искусства и науки были мѣстные герцоги изъ дома д' Эсте, въ Мантуѣ—Гонзаги,

Долгое время меценатство имѣло исключительно частный характеръ, и лишь во второй половинѣ XVI ст. оно мѣстами получаетъ формальное значеніе государственнаго покровительства въ формѣ учрежденія академій, стипендій и пр. т. п. Частныя лица шли въ томъ же направленіи щедраго меценатства. Достаточно указать на Бальдасара Турини въ Римѣ: Рафаэль былъ его другомъ, Франчіа нарисовалъ для него Мадонну, Леонардо да Винчи въ 1514 г. нарисовалъ для Турини двѣ картины, Джуліо Романо построилъ ему виллу и украсилъ ее фресками. Во Флоренціи такимъ любителемъ искусствъ и другомъ художниковъ былъ богатый дворянинъ Агостино Чиги и мн. др.

Во главѣ италіанскаго меценатства стояла флорентійская фамилія Медичи. Доблестный представитель этого дома Косьма Медичи былъ человѣкъ съ античнымъ величіемъ духа, Перикломъ Италіи XV ст. При немъ и благодаря главнымъ образомъ его заботливости Флоренція стала центромъ высшаго искусства и науки. Косьма искусно расходовалъ свое громадное состояніе на общую пользу. Онъ помогалъ ученымъ, поэтамъ, художникамъ, разыскивалъ и собиралъ рѣдкія рукописи и основалъ библіотеку при монастырѣ св. Марка, которая является первой въ Европѣ по времени общественной библіотекой, съ доступомъ, открытымъ для всѣхъ любителей знанія. Косьма Медичи пошелъ далѣе: онъ основалъ первый художественный музей, сдѣлавъ общедоступными сады своей виллы, гдѣ были имъ собраны великолѣпныя коллекціи статуй, бюстовъ, барельефовъ и рѣзныхъ камней.

Гуманисты повсюду получаютъ ходъ. Ихъ привлекаютъ для занятія государственныхъ должностей, для чтенія въ университетахъ лекцій, для воспитанія дѣтей. Съ ними совѣтуются при сооруженіи храмовъ и статуй.

Меценатство не исключало личной независимости художниковъ и ученыхъ. Во многихъ случаяхъ оно покоилось на личномъ уваженіи, переходившемъ иногда въ чувство привязанности и дружбы.

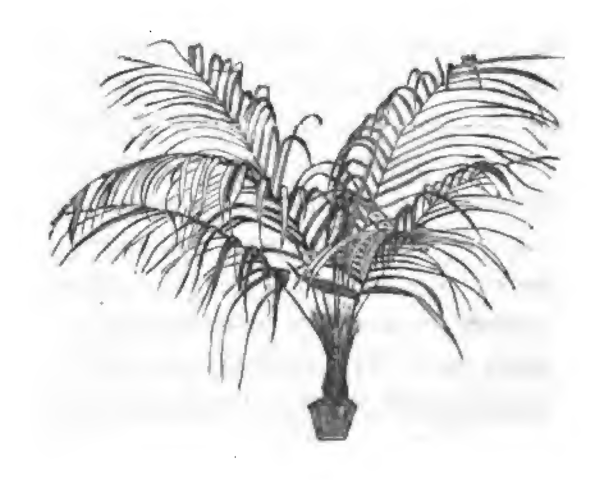
Художники и ученые импонировали. Имъ многое прощали и многое извиняли за ихъ таланты и познанія. Сварливый и безалаберный Мантенья находилъ постоянную подержку со стороны мантуанскихъ герцоговъ. Къ буйному Бенвенуто Челлини, человѣку съ большимъ талантомъ, но бѣшенаго нрава, римскій папа относился такъ милостиво, что даже извинялъ его въ убійствѣ.

Что же сказать о такой благородной личности, какъ Леонардо да Винчи, о человѣкѣ, въ которомъ геній сочетался съ сердечной добротой?

Г. Волынскій дѣлаетъ крупную ошибку, утверждая въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ статьѣ о Леонардо да Винчи, что «его никто не любилъ сердечной любовью». Современники высоко цѣнили и любили великаго художника и мыслителя. Не говоримъ уже о его ближайшихъ ученикахъ, напр. о Мельци, который сохранилъ до глубокой старости благодарное о немъ воспоминаніе. Миланскій герцогъ Людовикъ Моро, замѣстившій его позднѣе маршалъ Шомонъ, изящная и образованная герцогиня мантуанская Изабелла д' Эсте питали къ Винчи доброжелательство и уваженіе. Французскій король Францискъ I почтительно называлъ его отцомъ. Современный писатель Паоло Джовіо говоритъ, что Винчи «въ теченіе всей своей жизни чрезвычайно нравился государямъ, ибо онъ чудесно придумывалъ и осуществлялъ всякого рода изящныя вещи, въ особенности театральныя увеселенія». Другой современникъ Винчи Вазари говоритъ, что его «доброта и какая то обоятельность дѣлали его общимъ любимцемъ. Онъ почти ничего не имѣлъ, мало работалъ, но всегда находились люди, услуживавшіе ему». Винчи умѣлъ внушить въ себѣ уваженіе и любовь людямъ различнаго общественнаго положенія. Совершенно былъ правъ талантливый французскій писатель, біографъ Винчи — Арсенъ Гуссе, когда онъ еще въ 1869 г. писалъ: «Léonard trouvait les amis partout: il n'avait qu'a se montrer et a parler. On l'aimait dejà par sa peinture toute fascinante; on ne pouvait l'oublier dès qu'on avait vecu dans l'intimité de son esprit». Да! Винчи повсюду находилъ друзей. Самая его наружность и его рѣчь производили очарованіе. Его любили, какъ геніальнаго художника, создававшаго очаровательные образы въ искусствѣ, любили также какъ человѣка, высокій душевный строй котораго вполнѣ гармонировалъ съ нѣжностью и яркостью его красокъ.

Открывая въ личности и творчествѣ Леонардо да Винчи многочисленныя связи съ италіанскимъ гуманистическимъ развитіемъ, нельзя,

однако, считать Винчи представителемъ и выразителемъ италіанскаго гуманизма. Винчи пошелъ гараздо далѣе и поднялся далеко выше гуманизма того времени. Въ его лицѣ обнаруживается расцвѣтъ всего италіанскаго Возрожденія, въ которомъ гуманистическое развитіе имѣетъ значеніе части, правда, очень крупной. Литературно-эстетическая часть гуманистическаго развитія была дополнена и провѣрена натуралистическимъ изученіемъ внѣшней природы и человѣка. Важно то, что Леонардо да Винчи на первый планъ выдвинулъ личное наблюденіе и опытъ, непосредственное изученіе дѣйствительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинуто было начало строго объективнаго и критическаго мышленія, не связаннаго авторитетами. Такимъ путемъ Леонардо да Винчи обогналъ современныя ему теченія гуманистическаго развитія и вступилъ въ необъятную ширь новаго европейскаго научнаго движенія.

II.

Леонардо да Винчи въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Портреты. Происхожденіе. Семейная обстановка. Общественная среда. Флоренція и Медичи.

Младшій современникъ Леонардо да Винчи, историкъ искусства и художникъ Вазари говоритъ, что «Леонардо, сынъ Пьеро, изъ Винчи, по истинѣ удивителенъ и божественъ»... Перечисливъ далѣе его разнообразныя дарованія въ живописи, скульптурѣ, музыкѣ, механикѣ, Вазари замѣчаетъ, что въ этомъ вдохновенномъ геніи было отъ Бога столько благодати и такое поразительное воображеніе, соединенное съ умомъ и послушной памятью, и рисункомъ отъ руки онъ умѣлъ такъ прекрасно передавать свои замыслы, что побѣждалъ своими темами и приводилъ въ смущеніе своими идеями самые горделивые таланты»... Кромѣ того, по словамъ Вазари, «онъ былъ такъ обворожителенъ въ бесѣдѣ, что привлекалъ къ себѣ человѣческія души... Очевиднымъ образомъ природа захотѣла такъ одарить его, что куда бы онъ ни обращалъ свою мысль, свой умъ и свою душу, онъ проявлялъ столько божественности въ своихъ дѣлахъ, что никто не могъ сравниться съ нимъ въ совершенствѣ по его находчивости, живости, добротѣ, красотѣ и изяществу».

Таковъ отзывъ современника италіанца, хотя лично не знавшаго Винчи, но судившаго о немъ со словъ его ближайшихъ учениковъ. Почти такой же отзывъ о Леонардо да Винчи даетъ лично хорошо знавшій его современникъ знатный и образованный иностранецъ Шарль д' Амбуазъ маршалъ Шомонъ, управлявшій въ началѣ XVI в. Миланомъ отъ имени французскаго короля Людовика XII. Онъ сначала полюбилъ Винчи заочно по его произведеніямъ. Личное знакомство еще болѣе подняло въ его мнѣніи великаго художника.

По общему голосу современниковъ Леонардо да Винчи соединялъ въ себѣ всѣ способности, всѣ таланты, и представлялъ высокій образецъ человѣческаго совершенства. Лицомъ красавецъ, съ необыкновенной силой физической и духовной, онъ гнулъ подковы, скручивалъ языки колоколовъ, укрощалъ бѣшеныхъ коней, былъ отличный танцоръ, пѣвецъ—импровизаторъ, музыкантъ, не только прекрасно игравшій, но и совершенствовавшій музыкальные инструменты, превосходный, во многихъ отношеніяхъ безподобный художникъ-живописецъ и скульпторъ, искусный инженеръ, начертавшій планы грандіозныхъ сооруженій, и глубокій ученый—математикъ, анатомъ, ботаникъ. Это былъ геній въ высшей степени разносторонній. Нравственный характеръ его вполнѣ отвѣчалъ его умственной силѣ. Онъ отличался высокимъ душевнымъ благородствомъ. Въ его дѣйствіяхъ проявлялось великодушіе. Ему незнакомы были чувства ненависти или зависти. Онъ былъ добръ и щедръ. Его кошелекъ и домъ были открыты для друзей; онъ поправлялъ картины учениковъ. Онъ покупалъ птицъ, чтобы выпустить ихъ на волю, дрессировалъ животныхъ исключительно пріемами ласки.

Новѣйшіе изслѣдователи, по ознакомленіи съ художественными произведеніями и манускриптами Леонардо да Винчи, вполнѣ присоединились къ восторженнымъ отзывамъ современниковъ. Лучшіе леонардисты настоящаго времени несомнѣнно Равессонъ-Молліенъ и Мюллеръ-Вальде, и вотъ ихъ общія мнѣнія о Леонардо да Винчи: «Наука и искусство, говоритъ Равессонъ, въ душѣ Винчи сливались въ одно стремленіе, одно желаніе—вырвать у природы ея тайны и употребить ихъ какъ можно лучше на пользу человѣчества, или восхищая умъ скрытыми въ тѣлесныхъ формахъ красотами души, или облегчая теченіе обыденной жизни приложеніемъ разныхъ улучшеній». По словамъ Мюллеръ-Вальде, «Леонардо да Винчи полной рукой сѣялъ красоту и благосостояніе. Живописецъ, скульпторъ, архитекторъ, импровизаторъ, музыкантъ, математикъ, физикъ, инженеръ, артиллеристъ, географъ, астрономъ, ботаникъ, зоологъ и анатомъ, Леонардо да Винчи въ каждой области знанія былъ, какъ дома, точно рожденъ для работы въ каждой спеціальности, и ко всему относился въ духѣ глубокаго изслѣдованія. Если добавить, что этотъ человѣкъ (Allmensch) былъ красавецъ лицомъ, обладалъ очаровательнымъ голосомъ и гигантской физической силой, то нужно признать, что никогда природа не создавала такого блистительнаго сочетанія физическихъ и нравственныхъ силъ, и не было человѣка, который ушелъ бы далѣе отъ цѣпей земного несовершенства и такъ высоко поднялся въ чистыя высоты божественнаго».

Величественная наружность Винчи хорошо извѣстна по описаніямъ современниковъ и по нѣсколькимъ портретнымъ изображеніямъ. Въ молодости это былъ стройный красавецъ съ изящными манерами и мелодичной рѣчью. По отзыву одного современника, весьма характерному въ устахъ мужчины, достаточно было увидѣть Винчи, чтобы забыть о всемъ горестномъ.

Среди значительнаго числа портретовъ Винчи весьма мало достовѣрныхъ. Не сохранилось ни одного портрета Винчи въ молодости. Въ литературѣ есть, правда, предположеніе, что на картинѣ Ангела и Товія во флорентинской Академіи художествъ въ лицѣ архангела Михаила съ мечемъ въ рукѣ изображенъ Леонардо да Винчи. Мюллеръ-Вальде даетъ въ своемъ изслѣдованіи рисунокъ этой картины, но безъ объясненія и безъ доказательства. Гипотеза эта настолько сомнительна, что писавшіе позднѣе Розенбергъ и Мюнцъ совсѣмъ о ней не упоминаютъ.

Остаются одни старческіе портреты. Нѣкоторые очень сомнительны. Такъ, Мюнцъ приводитъ рисунокъ величественнаго старца въ виндзорской коллекціи рисунковъ Винчи, предположительно какъ одинъ изъ его портретовъ, но у Мюллеръ-Вальде тотъ же рисунокъ идетъ подъ заглавіемъ «Brustbild eines Kriegers» (поясное изображеніе воина). Мюллеръ-Вальде идетъ еще далѣе. Онъ усматриваетъ въ этомъ рисункѣ сдѣланный Винчи портретный эскизъ датскаго короля Христіана, который по пути въ Іерусалимъ въ 1474 г. былъ въ Миланѣ, Флоренціи, Римѣ и вездѣ былъ принятъ съ почетомъ.

Къ числу портретовъ Винчи относятъ одну голову старца съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица въ коллекціи рисунковъ Винчи, сохраняемой нынѣ въ Виндзорѣ; но это указаніе весьма сомнительное. Въ нѣкоторыхъ крупныхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, напр., у Розенберга, рисунокъ этотъ съ гораздо большей вѣроятностью отнесенъ къ числу этюдовъ Винчи для изображенія апостоловъ въ Тайной Вечери.

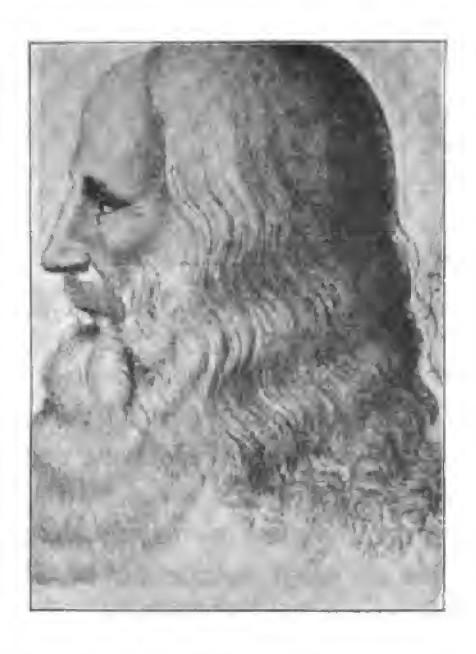
Портретное изображеніе Леонардо усматриваютъ въ картинѣ Бернардино Луини «Обрученіе пр. Дѣвы Маріи» въ лицѣ сѣдобородаго старца, стоящаго сзади первосвященника. Въ этой картинѣ много лицъ, мужчинъ и женщинъ, пожилыхъ и молодыхъ, всѣ въ италіанскихъ костюмахъ XVI вѣка. Лица такъ своеобразны и жизненно правдивы, что естественно напрашивается предположеніе о портретномъ ихъ происхожденіи. Возможно, что Луини, изображая старика за плечемъ первосвященника, воспользовался своимъ знакомствомъ съ Леонардомъ Винчи и въ общихъ чертахъ передалъ его величественную наружность. Хорошій снимокъ съ «Обрученія» Луини данъ въ 7 вып. «Kunstgeschichte» Альвина Шульца, стр. 319.

Въ исторіи искусства и въ современномъ школьномъ обиходѣ болѣе всего извѣстенъ портретъ старика Винчи съ беретомъ на головѣ, сдѣланный неизвѣстнымъ художникомъ въ началѣ XVI ст. Выраженіе лица

Портретъ Л. Винчи неизвѣстнаго художника.

благородное и величественное, но нѣсколько условное. Популярность этого портрета отчасти тѣмъ обусловлена, что по немъ сдѣлана находящаяся нынѣ въ Миланѣ статуя Винчи.

Собственноручный портретъ Винчи (Виндзоръ).

Сохранилось два достовѣрныхъ старческихъ портрета Винчи, нарисованныхъ имъ самимъ краснымъ карандашемъ, т. наз. сангвиной. На одномъ портретѣ, находящемся нынѣ въ Виндзорѣ, Леонардо да Винчи

изображенъ въ профиль, въ возрастѣ свыше 50 лѣтъ: высокій, немного обнаженный лобъ, прямой носъ, усы подстриженные спереди въ щетку; густые волосы волнами спускаются на плечи; широкая борода также слегка волниста. Общее выраженіе очень умное, но нѣсколько сухое. Существуетъ мнѣніе, что этотъ портретъ принадлежалъ любимому ученику Винчи Мельци.

Незадолго до кончины Леонардо да Винчи набросалъ лѣвой рукой свой портретъ en face. Рисунокъ сдѣланъ краснымъ карандашомъ. Оригиналъ хранится въ Туринѣ въ королевской библіотекѣ, снимки приложены у Мюнца, Мюллеръ-Вальде, Розенберга. Рисунокъ этотъ сдѣланъ приблизительно лѣтъ на 10 позже виндзорскаго. Время очевидно наложило еще

Собственноручный портретъ Винчи (Туринъ).

болѣе свою тяжелую руку на многодумное лицо великаго художника. По лбу прошли глубокія морщины; густыя, мохнатыя брови выдвинулись впередъ; глаза повелительно устремлены; носъ принялъ орлиный изгибъ. Опущенные углы рта придаютъ лицу скорбное выраженіе. Волосы густыми прядями ниспадаютъ на плечи, но въ безпорядкѣ. Старость такъ равнодушна къ своей внѣшности. Въ горестной улыбкѣ сквозитъ сознаніе ограниченности человѣческой мысли, сознаніе, какъ тяжело ей достаются завоеванія въ области научнаго мышленія. По остроумному замѣчанію Сеайля, «это голова стараго орла, привыкшаго къ грандіознымъ полетамъ и утомленнаго отъ слишкомъ частаго созерцанія солнца. Меланхолія Винчи есть слѣдствіе глубокихъ думъ и великихъ надеждъ... Этотъ человѣкъ, такъ много жившій съ людьми, любимецъ принцевъ и

знатныхъ дамъ Милана и Флоренціи, страстно любимый учениками наставникъ, въ сущности жилъ отшельникомъ. Не зависило ли это отъ того, спрашиваетъ Сеайль, что Винчи носилъ въ себѣ мечту о новомъ мірѣ, который онъ созерцалъ издали, но никогда не могъ войти въ него, какъ Моисей въ обѣтованную землю?»

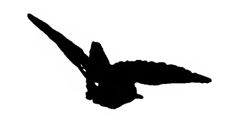

Родина Леонардо да Винчи—Флоренція, точнѣе лежащее вблизи мѣстечко Винчи. По имени этого мѣстечка семья Леонардо—отецъ и братья его—получили свое фамильное названіе. Благословенный городъ красоты и свободы—Флоренція была Афинами Возрожденія. Съ XIV ст. Флоренція стояла во главѣ умственнаго движенія въ Италіи и была центромъ Возрожденія. Торговля, промышленность, просвѣщеніе, наука, искусство получили блестящее развитіе; матеріальное и умственное благосостояніе распространялось на всѣ слои флорентійскаго населенія. Общественное образованіе уже въ XIV ст. стояло здѣсь на очень высокой степени. Джіованни Виллани говоритъ, что во флорентійскихъ школахъ 8000 мальчиковъ и дѣвочекъ обучались чтенію и письму, 600 мальчиковъ латинскому языку. Жизнь кипѣла ключемъ во всѣхъ отросляхъ и направленіяхъ; въ политикѣ, наукахъ, искусствахъ работало много талантливыхъ людей. Почти всѣ богатые и знатные люди въ XV в. были меценатами и любителями античной летературы и искусства. Въ особенности большія услуги просвѣщенію оказали въ этомъ отношеніи Медичи, главнымъ образомъ Косьма (1389—1464) и его талантливый внукъ Лаврентій (1448—1492). Благодаря участію и заботливости этихъ покровителей просвѣщенія во Флоренціи возникла первая по времени публичная библіотека, первый публичный художественный музей, академія наукъ, разныя просвѣтительныя и ученыя общества. На зарѣ флорентинскаго Возрожденія выдвигается кружокъ любителей науки и искусствъ съ Альберти во главѣ. Кружокъ этотъ процвѣталъ въ 1389 г. Собранія происходили въ Paradiso—виллѣ Альберти вблизи Флоренціи. Немного позднѣе Косьма Медичи основалъ платоновскую академію, душею который былъ ученый Марцилій Фицинусъ. Науки и искусства изъ Флоренціи разливались по всей Италіи и даже гордый Римъ заимствовалъ отсюда ученыхъ и художниковъ. Флорентинскіе художники впервые обратились къ изученію перспективы и анатоміи. Философское направленіе мысли было одной изъ отличительныхъ особенностей флорентинской живописи. Эта черта, замѣтная уже до Винчи, нашла высшее свое выраженіе въ его художественномъ творчествѣ. Она ярко свѣтитъ въ рабо-

тахъ Винчи, видна у Рафаэля, художественная манера котораго сформировалась во Флоренціи. Философское направленіе выразилось въ выборѣ сюжетовъ, преимущественно въ трудной композиціи Тайной Вечери, и въ стремленіи представить разнообразныя движенія души человѣка.

Въ блестящій періодъ Медичисовъ въ 1452 г. въ маленькомъ городкѣ Винчи вблизи Флоренціи увидѣлъ впервые свѣтъ Леонардо. Родители его были молодые, крѣпкіе и здоровые люди. Отецъ, мелкій деревенскій чиновникъ, Пьеро да Винчи, имѣлъ 22 года. Матерью была простая крестьянка Катерина. Въ томъ же году Пьеро женился на женщинѣ своей общественной среды, Катерина вышла замужъ за крестьянина, а маленькій Леонардо остался на попеченіи отца, который относился къ нему заботливо и далъ отличное образованіе. Пьеро да Винчи былъ женатъ четыре раза; отъ первыхъ женъ у него не было дѣтей, и онѣ умерли въ молодыхъ лѣтахъ; отъ двухъ послѣднихъ было 11 дѣтей. Леонардо да Винчи росъ подъ материнской заботливостью двухъ своихъ первыхъ мачихъ, которыя, не имѣя собственныхъ дѣтей, легко могли привязаться къ пасынку, соединявшему въ себѣ внѣшнюю красоту съ мягкостью и добротой. Когда родился у Пьеро да Винчи первый вполнѣ законный сынъ, и такимъ образомъ сложилась настоящая семья, Леонарду было уже 23 года. Въ этомъ возрастѣ онъ стоялъ уже внѣ семейнаго вліянія и занималъ совершенно самостоятельное положеніе.

Первоначальное образованіе Леонардо да Винчи получилъ подъ руководствомъ отца. Онъ рано началъ увлекаться всѣми отраслями искусства и знанія. Уже въ дѣтствѣ онъ проявлялъ величайшую склонность къ математикѣ и къ рисованію. Его отецъ часто жилъ во Флоренціи и бралъ съ собой сына. Онъ показалъ рисунки сына знаменитому мастеру Андреа Верроккіо, который, по словамъ современнаго біографа Винчи Вазари, «пришелъ въ изумленіе при видѣ блестящаго дарованія молодаго Винчи». Stupui Andrea nel veder il grandissimo principio di Lionardo. Обрадованный Пьеро отдалъ своего геніальнаго сына въ мастерскую Андреа Верроккіо на обученіе.

III.

Годы ученія Леонардо да Винчи. Андреа Верроккіо. Отношенія между учителемъ и учениками. Товарищи — Пьеро Перуджино и Лоренцо да Креди. Общія черты. Особенности Винчи. Природа и традиція. Опытъ и наблюденіе. Книжные интересы. Трудолюбіе и добросовѣстность Винчи.

Андреа Верроккіо (1435—1488) по спеціальности былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. Въ XV столѣтіи въ мастерскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ учились рисовать и лѣпить. Одновременно Верроккіо былъ талантливый скульпторъ; брался онъ и за кисть. Слава его, какъ художника, простиралась далеко за предѣлы Флоренціи. Папа Сикстъ IV вызывалъ его въ Римъ, гдѣ онъ исполнилъ нѣсколько статуй. Пиза заказала ему двѣ мраморныя статуи, Венеція—конную статую Коллеони, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ италіанскаго искусства. Къ живописи Верроккіо обращался рѣдко. Изъ несомнѣнныхъ его картинъ замѣчательна лишь одна—«Крещеніе Спасителя», по участію въ ней Леонарда да Винчи, которому принадлежитъ лучшая часть картины—одинъ изъ ангеловъ. Въ художественныхъ наклонностяхъ Верроккіо и Винчи было много общаго, у Винчи, быть можетъ какъ результатъ вліянія Верроккіо. Оба уважали художественныя произведенія античнаго міра; оба стремились къ пластическому совершенству; оба сознавали важность изученія перспективы и геометріи; оба ревностно изучили анатомію лошади, монументальное воспроизведеніе которой было одной изъ главныхъ задачъ ихъ жизни. Верроккіо уже обнаружилъ наклонность къ выраженію задумчивости, къ загадочной улыбкѣ и къ анатомической точности—тѣ черты, которыя геніальный Леонардо да Винчи разработалъ до высокой степени совершенства.

Вышеславцевъ въ изслѣдованіи «Умбрія и живописныя школы сѣверной Италіи» приводитъ отзывъ поэта Верини о мастерской Верроккіо, какъ источникѣ, изъ котораго черпали живую воду всѣ великіе мастера Тосканы. Изъ этой мастерской, по словамъ Верини, вышло столько же художниковъ, сколько картинъ и статуй [1]). Слава Верроккіо, какъ воспи-

[1]) Въ латинскомъ подлинникѣ стихотвореніе Верини напечатано у Мюллеръ Вальде стр. 31.

тателя цѣлаго поколѣнія замѣчательныхъ талантовъ, едва ли не превосходила славу его творческаго генія. Онъ владѣлъ пониманіемъ и угадываніемъ таинственныхъ, сокровенныхъ свойствъ въ своихъ ученикахъ и пробуждалъ въ нихъ тѣ силы, которыя вели къ полному развитію ихъ таланта.

Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ мастерской Верроккіо нужно прежде всего отнести разносторонность развивавшихся въ ней художественныхъ интересовъ. Архитектура, скульптура, живопись, рѣзьба, быть можетъ, даже музыка—все тутъ находило мѣсто. Затѣмъ, въ заслугу мастерской Верроккіо нужно поставить заботливость о развитіи техники искусства, опыты изученія химическихъ свойствъ красокъ и примѣненія перспективы.

Неизвѣстно въ точности, когда поступилъ Винчи въ мастерскую Верроккіо, сколько времени онъ тамъ пробылъ и когда вышелъ. Мюнцъ замѣчаетъ, что Леонарду при поступленіи въ мастерскую Верроккіо было около 15 лѣтъ. Въ 1472 г., т. е. 20 лѣтъ онъ уже пользовался значительной самостоятельностью. Въ этомъ году онъ былъ принятъ въ общество флорентинскихъ художниковъ. По предположенію Мюнца, Винчи работалъ совмѣстно съ Верроккіо по меньшей мѣрѣ до 1474 г. Всѣ эти предположенія представляются гадательными; они могутъ считаться безспорными лишь въ томъ широкомъ смыслѣ, что Винчи работалъ у Верроккіо сначала, какъ ученикъ, а затѣмъ, какъ товарищъ, съ очевиднымъ перевѣсомъ надъ учителемъ.

Товарищами Леонардо да Винчи по мастерской Верроккіо были Пьеро Перуджино и Лоренцо да Креди.

Пьеро Перуджино (1446—1523), главный мастеръ умбрійской школы, любимый учитель Рафаэля, родился и прожилъ большую часть жизни въ городкѣ Перуджіи, по имени котораго получилъ фамильное свое прозваніе; художественное образованіе Перуджино получилъ во Флоренціи. По приглашенію, для исполненія заказовъ, онъ посѣщалъ Флоренцію и Римъ. Общій характеръ живописи односторонній, религіозно-мечтательный, съ оттѣнкомъ мистицизма. Микель Анджело относился къ Перуджино высокомѣрно и пренебрежительно, что, впрочемъ, было въ характерѣ этого могучаго, но завистливаго и гордаго генія. Леонардо да Винчи относился къ Перуджино дружелюбно, но между ними не было тѣсной связи; сношенія ихъ были случайныя. Интересы Перуджино и общее его духовное настроеніе слишкомъ далеко отстояли отъ міросозерцанія Винчи, и, при необъятномъ энциклопедизмѣ послѣдняго, представляются очень скромными и бѣдными. Большимъ почитателемъ Перуджино былъ Рафаэль. Религіозная мечтательность учителя пришлась вполнѣ по характеру и настроенію геніальнаго ученика.

Лоренцо да Креди (род. во Флоренціи въ 1459, ум. во Флоренціи въ 1537 г.) изучалъ живопись и скульптуру. Верроккіо бралъ его съ собою въ Венецію для работы надъ конной статуей Коллеоне. Картины Лоренцо находятся во Флоренціи и въ Парижѣ. Онъ рисовалъ почти исключительно сюжеты религіознаго содержанія. Его произведенія отличаются добросовѣстностью исполненія, правдой выраженія и теплой вѣрой.

Геніальный Леонардо да Винчи быстро обогналъ своихъ товарищей, обогналъ самого учителя. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ работахъ Верроккіо усматриваютъ вліяніе Винчи.

Сравненіе Винчи съ Перуджино и Креди, разумѣется, насколько только можетъ быть допустимо сравненіе столь неравныхъ величинъ, открываетъ, что Винчи пошелъ дорогой самостоятельнаго наблюденія и опыта, а его школьные товарищи дорогой подражанія. Винчи вошелъ въ міръ свѣтскихъ интересовъ и углубился въ необъятную область прикладныхъ знаній. Креди и Перуджино остались въ области религіозной сентиментальной живописи.

Есть, однако, кое-что общее у всѣхъ трехъ художниковъ, и это общее, нужно думать, было развито и закрѣплено главнымъ образомъ въ мастерской Верроккіо. Таково, напр., общее у всѣхъ трехъ художниковъ, и особенно у Винчи, расположеніе къ масляннымъ краскамъ, къ воздушной перспективѣ и къ ландшафтнымъ фонамъ.

Леонардо да Винчи вмѣстѣ съ Перуджино и Креди углублялся въ изученіе смѣшенія красокъ и занимался составленіемъ разныхъ лаковъ. Винчи трудился, какъ пытливый ученый, его товарищи работали болѣе въ практическихъ интересахъ для колорита. Для Винчи научная цѣль иногда перевѣшивала художественную. Иногда онъ такъ увлекался изученіемъ красокъ, что изъ творчества уходилъ въ технику, медлилъ въ исполненіи заказовъ и вызывалъ упреки со стороны своихъ меценатовъ.

Сходство Винчи съ Перуджино и Креди, кромѣ области красокъ, выражалось еще на почвѣ знанія и примѣненія перспективы. Этимъ художникамъ извѣстно было употребленіе двойной точки зрѣнія. Леонардо Винчи училъ впослѣдствіи въ Миланѣ этому пріему своихъ учениковъ. Перуджино прилагалъ его въ своихъ картинахъ. Винчи и Перуджино усовершенствовали воздушную перспективу въ пейзажахъ.

Въ Италіи XV ст. художники крѣпко держались другъ друга и составляли товарищества съ главнымъ художникомъ во главѣ, какъ учителемъ, и молодежью, какъ учениками. Ученики дѣлили трудъ и славу со своимъ мастеромъ хозяиномъ. Первоначально мальчикъ обучался въ школѣ чтенію, письму и счету. Съ запасомъ элементарныхъ свѣдѣній,

12 или 13 лѣтъ онъ поступалъ къ живописцу, ювелиру, архитектору, ваятелю. Обыкновенно мастеръ-хозяинъ былъ энциклопедистъ въ искусствѣ, и юноши обучались золотыхъ дѣлъ мастерству, ваянію и живописи за одинъ разъ, безъ обособленія спеціальностей. Ученики работали иногда за учителя или для учителя, исполняя, подъ его руководствомъ или по его указаніямъ, фонъ картины, мелкія украшенія, придаточныя фигуры. Ученикъ считался сыномъ, домочадцемъ, прислужникомъ. Его называли созданіемъ или креатурой мастера. Ѣлъ онъ съ нимъ за однимъ столомъ, бѣгалъ у него на посылкахъ, получалъ иногда головомойки и трепки. Ученики путешествовали вмѣстѣ съ хозяиномъ, и въ случаѣ надобности наряду съ нимъ бились на большихъ дорогахъ, обороняя своего учителя отъ оскорбленій. Учитель принимаетъ близко къ сердцу духовныя и матеріальныя нужды учениковъ, кормитъ ихъ, одѣваетъ, обучаетъ, поправляетъ картины.

То положеніе ученика и учителя, какое было при Леонардо да Винчи, какъ ученикѣ Верроккіо, осталось неизмѣннымъ, когда Леонардо да Винчи перешелъ въ положеніе учителя. Сохранился тотъ же ремесленный или артельный характеръ, та же простота отношеній, та же дружественная связь и привязанность къ личной традиціи. Верроккіо пользовался услугами учениковъ. Леонардо да Винчи, повидимому, также предоставлялъ имъ долю участія въ нѣкоторыхъ своихъ работахъ. Верроккіо путешествовалъ съ Лоренцо да Креди въ Венецію для работы надъ конной статуей Коллеоне. Леонардо да Винчи въ сопровожденіи 4 учениковъ ѣздилъ въ Римъ и захватилъ съ собою во Францію двухъ наиболѣе преданныхъ ему учениковъ. Нравственная связь учителя и ученика переходитъ въ принципъ нравственнаго усыновленія. Свою заботливость объ ученикахъ Винчи простиралъ такъ далеко, что далъ приданое для сестры Салаино и оставилъ по духовному завѣщенію часть своего имущества для Салаино и Мельци. Отсюда понятна та нравственная зависимость и подражательность, которыя шли въ слѣдъ за сильнымъ художественнымъ талантомъ, которыя ярко выразились въ работахъ учениковъ Винчи. Нужно было имѣть очень сильное дарованіе, чтобы проложить самостоятельную дорогу и освободиться отъ традицій учителя.

Въ запискахъ Винчи есть одно драгоцѣнное замѣчаніе, показывающее, какимъ путемъ онъ освободился отъ гнета традиціи: «Я совѣтую художникамъ избѣгать подражанія другъ другу, говоритъ онъ, потому что въ такомъ случаѣ художникъ становится относительно внѣшней природы въ положеніе внука, вмѣсто того, чтобы быть ея сыномъ. Въ природѣ такъ много моделей, что гораздо лучше изъ нея черпать матеріалъ, а не брать его изъ готовыхъ рукъ учителей. Я, впрочемъ, добавляетъ

Леонардо да Винчи, даю этотъ совѣтъ не тѣмъ, которые смотрятъ на искусство, какъ на средство наживы, а тѣмъ, кто ищетъ въ немъ почести и славы».

Эта мысль великаго ума чрезвычайно поучительна. Съ юныхъ лѣтъ Леонардо да Винчи главнымъ своимъ наставникомъ избралъ природу. Учитель для него стоялъ на второмъ планѣ. Онъ руководился любовью къ истинѣ, ко всему тому, что подлежитъ непосредственному изученію, независимо отъ внѣшняго авторитета и въ сторонѣ отъ узкихъ утилитарныхъ цѣлей личной наживы.

Онъ изучалъ человѣка вездѣ и въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Замѣтивъ на улицѣ или на площади характерное лицо, онъ тщательно всматривался, запоминалъ и, возвратившись домой, закрѣплялъ его на бумагѣ. Онъ посѣщалъ городскія трущобы, населенныя бѣдными и порочными людьми, ходилъ смотрѣть на казнь преступниковъ. Въ однихъ случаяхъ, когда ему нужно было получить выраженіе испуга, онъ созывалъ къ себя крестьянъ, угощалъ ихъ и неожиданно пугалъ ихъ, наполняя комнату надутыми воздухомъ бараньими кишками или выпуская какое-нибудь противное животное съ искусственными крыльями. Для полученія на лицѣ пріятнаго выраженія Винчи расказывалъ смѣшные анекдоты или приглашалъ музыкантовъ. Такихъ свидѣтельствъ оставлено современниками Винчи такъ много, что нельзя сомнѣваться въ ихъ достовѣрности, тѣмъ болѣе, что всѣ они проникнуты общимъ стремленіемъ Винчи къ реальному изученію жизни.

Жизнь и творчество Леонардо да Винчи представляютъ самые высокіе образцы труда. Вездѣ и во всемъ видно самостоятельное и серіозное изученіе. Леонардо да Винчи всматривается, обдумываетъ, вымѣряетъ, взвѣшиваетъ, одни факты и доводы провѣряетъ другими. Онъ часто колебался, сомнѣвался, оставлялъ работы незаконченными. Какъ человѣкъ въ высокой степени добросовѣстный Винчи при всей своей геніальности не боялся труда мелкаго, чернаго, научнаго, и сумѣлъ оцѣнить значеніе труда жизни: «Tu, o Iddio, ci vendi tutti li beni per prezzo di fatica», т. е. «ты, Боже, продаешь всѣ блага цѣной труда». Здѣсь слово продаешь нужно понимать не въ обычномъ нынѣ торговомъ значеніи, а въ широкомъ смыслѣ, въ значеніи «даешь блага». При такомъ пониманіи ясно выдвигается трудовая философія великаго художника, нашедшая широкое примѣненіе и оправданіе во всей его трудовой жизни, въ художественномъ творчествѣ и въ манускриптахъ.

По картинному выраженію Арсена Гуссе «Léonard de Vinci dédaignait la lampe tombale du passé». Г. Волынскій въ «Сѣв. Вѣстн.» (1898, IV, 202) говоритъ, что «авторитеты старыхъ временъ не имѣютъ для Ле-

онардо да Винчи никакого значенія». Съ этими мнѣніями нельзя согласиться. При всемъ реализмѣ Винчи, признавая вполнѣ, что лучшими учителями его были опытъ и личное наблюденіе, нельзя отрицать авторитетовъ, преимущественно античныхъ. Винчи признавалъ пользу чтенія книгъ и даже совѣтовалъ прислушиваться къ голосу умершихъ. Изученіе древнихъ писателей и древняго искусства онъ считалъ полезнымъ—l'imitatione della cose antiche e piu laudabile, che quella delle moderne. Сеайль указалъ на близкое знакомство Винчи съ Архимедомъ. Въ манускриптахъ Винчи встрѣчаются ссылки на Платона, Аристотеля, Витрувія. Когда будетъ закончено изданіе рукописей Винчи, то детальное ихъ изученіе выяснитъ кругъ его начитанности. Во всякомъ случаѣ, при изученіи произведеній Винчи необходимо принять во вниманіе не только классическіе «авторитеты», но и ближайшую къ нему литературу эпохи Возрожденія, въ особенности сочиненія по перспективѣ, математикѣ и анатоміи, сборники фацецій, бестіаріи и лапидаріи.

Природа, эта великая книга Творца, не закрывала отъ Леонардо да Винчи книжнаго труда его предшественниковъ. Несомнѣнно, Винчи многое читалъ. Въ его рукописяхъ, въ такъ называемомъ Атлантическомъ Кодексѣ, сохранилась любопытная опись его библіотеки около 1500 года. Судя по этой описи, Леонардо да Винчи интересовался книгами античной древности и болѣе поздними произведеніями италіанской литературы. Изъ классиковъ поименованы сочиненія Эзопа, Овидія, Діогена Лаэртскаго, Тита Ливія; изъ италіанскихъ писателей Дантъ, Петрарка, Поджіо.

Помимо этой описи, въ картинахъ и рисункахъ Винчи, въ его басняхъ и фацеціяхъ, въ его научныхъ набросках по астрономіи, механикѣ и анатоміи обнаруживается личное знакомство съ литературой, иногда опыты изученія предшествовавшихъ античныхъ памятниковъ. Такъ, въ подготовительныхъ этюдахъ къ конной статуѣ Франческа Сфорцы и къ Тайной Вечери мѣстами мелькаютъ фигуры или головы, внушенныя античными образцами.

Въ историко-литературномъ отношеніи весьма интересны басни и фацеціи Винчи. Часто на нихъ ссылаются для опредѣленія личныхъ взглядовъ Винчи. Г. Волынскій ставитъ въ вину Винчи фривольное содержаніе нѣкоторыхъ фацецій. Въ дѣйствительности тутъ лишь отразилась извѣстная сторона его разнообразной начитанности и его отзывчивость на современные литературные интересы.

Впрочемъ, не одинъ г. Волынскій погрѣшилъ такимъ слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніемъ. Сравнительно гораздо болѣе солидный писатель, Сеайль, на основаніи мимолетной замѣтки въ манускриптахъ Винчи (см. Равессона II п. 19) говоритъ, что Винчи въ молодости «совершалъ

не мало безумно веселыхъ продѣлокъ». А между тѣмъ, замѣтка вѣроятно внесена въ манускрипты не въ молодости, а въ пожилые годы, въ началѣ XVI ст., какъ можно судить по другимъ хронологическимъ даннымъ, и, главное, рѣшительно ничто не доказываетъ, чтобы фривольный анекдотъ имѣлъ мѣсто въ жизни автора; напротивъ, многое говоритъ въ пользу предположенія, что Винчи его услышалъ на сторонѣ или вычиталъ въ книгѣ, тѣмъ болѣе, что въ весьма разнообразной по составу его библіотекѣ были «Фацеціи» Поджіо Браччіолини, и въ современной художнику общественной средѣ было навѣрно не мало любителей пикантныхъ анекдотовъ насчетъ женскаго пола. Повидимому, Леонардо да Винчи не закрывалъ своихъ ушей. Старый холостякъ, онъ ихъ даже охотно выслушивалъ и наиболѣе остроумные изъ нихъ вносилъ въ свою записную книжку, но лично ничего не сочинялъ, и никогда не унижался до воспроизведенія ихъ въ дѣйствительности.

Въ историко-литературномъ отношеніи весьма интересны животныя басни и замѣчанія Винчи о свойствахъ животныхъ. Здѣсь великій мыслитель и художникъ стоитъ на почвѣ средневѣковыхъ физіологовъ. Здѣсь обнаруживается вліяніе схоластической литературы и неавторитетной книжности.

IV.

Юношескія произведенія Винчи. „Адамъ и Ева“. Легенда о щитѣ. Ангелъ въ „Крещеніи Спасителя“ Верроккіо. „Св. Благовѣщеніе“. „Поклоненіе волхвовъ“. Скульптурный бюстъ Іоанна Крестителя.

Раннія произведенія Винчи, за немногими исключеніями, потеряны. Достовѣрнаго осталось очень немного — изображеніе ангела въ картинѣ Верроккіо «Крещеніе Спасителя», нѣсколько этюдовъ для «Поклоненія волхвовъ», двѣ картины «Св. Благовѣщенія» и два этюда къ нимъ. Скульптурныя произведенія погибли безслѣдно, если не считать предположительно приписываемыхъ Винчи двухъ маленькихъ статуй, бюстъ Іоанна Крестителя и маленькій барельефъ изъ искусственнаго мрамора «Раздоръ» — оба въ лондонскомъ кенсингтонскомъ музеѣ.

Вазари и старинный анонимный біографъ разсказываютъ о картинѣ грѣхопаденія Адама и Евы въ земномъ раю. По словамъ Вазари, Леонардо съ необыкновенной точностью и правдивостью изобразилъ животныхъ, цвѣты и деревья райскія. «Листья и вѣтви фиговаго дерева, говоритъ Вазари, исполнены съ такимъ терпѣніемъ и такой любовью, что, право, нельзя постигнуть упорства этого таланта». Въ этомъ первомъ свидѣтельствѣ уже ярко обрисовывается характерная черта Винчи—соединеніе изобрѣтательности и трудолюбія. Леонардо да Винчи всю жизнь остался вѣренъ себѣ. Въ немъ художникъ всегда уживался рядомъ съ ученымъ.

При недостаткѣ документальныхъ данныхъ выступаютъ поэтическія сказанія. Говорятъ, что одинъ крестьянинъ просилъ отца Леонарда да Винчи расписать ему круглый щитъ изъ фиговаго дерева. Пьеро да Винчи съ удовольствіемъ взялся исполнить эту просьбу, такъ какъ крестьянинъ былъ отличный птицеловъ и рыболовъ, и Пьеро пользовался его услугами въ этомъ отношеніи. Леонардо, по просьбѣ отца,

сначала выправилъ на огнѣ шероховатости щита, выполировалъ, залилъ гипсомъ и задумалъ нарисовать что-нибудь чудовищное. Съ этой цѣлью онъ собралъ въ своей комнатѣ змѣй, ящерицъ, летучихъ мышей и др. странныхъ животныхъ и скомбинировалъ ихъ различныя черты въ одно страшное чудовище, которое изрыгало пламя. Это чудовище было изображено вылетающимъ изъ темной расщелины скалы. Изъ пасти его разливался ядъ, изъ глазъ вылеталъ огонь, изъ ноздрей — дымъ. Однажды утромъ Пьеро вошелъ въ мастерскую сына. Онъ отшатнулся отъ страха при видѣ чудовища. Леонардо по этому впечатлѣнію убѣдился, что его работа вышла удачна. Пьеро купилъ у торговца другой щитъ съ изображеніемъ сердца, пронзеннаго стрѣлой, и отдалъ его поселянину, который былъ очень благодаренъ. Разрисованный Леонардомъ щитъ Пьеро да Винчи продалъ купцамъ за сто дукатовъ, а купцы вскорѣ перепродали его миланскому герцогу за 300 дукатовъ.

Преданіе это, какъ всѣ другія преданія такого рода, не имѣетъ подъ собой дѣйствительнаго факта, и указываетъ лишь, какой славой пользовался Винчи среди современниковъ, какъ художникъ. Какъ извѣстно, подобныя преданія издавна связываются съ другими знаменитѣйшими художниками. Таковъ, напр. античный анекдотъ о состязаніи Зевксиса съ Парразіемъ. Зевксисъ написалъ кисть винограда съ такимъ совершенствомъ, что къ ней слетались птицы; но Парразій превзошелъ его: онъ ввелъ въ заблужденіе своего соперника превосходно написанной занавѣской, которая показалась тому дѣйствительной.

Анекдотъ о щитѣ, при всей его малой достовѣрности, въ общемъ вѣрно обрисовываетъ оригинальное творчество Леонардо да Винчи, опиравшееся прежде всего на изученіе природы, даже при изображеніи чудовищнаго.

Во Флоренціи въ музеѣ Уффици находится изображеніе отрубленной головы Медузы въ натуральную величину, съ змѣями вмѣсто волосъ. Пассаванъ, въ послѣднее время Фрикенъ сомнѣваются въ подлинности и полагаютъ, что эта картина копія съ картины Винчи или принадлежитъ совсѣмъ другому художнику. Большинство же серіозныхъ ученыхъ относятъ эту картину Винчи и имѣютъ для того вѣскія основанія въ 1) въ общемъ характерѣ рисунка и сюжета, вполнѣ отвѣчающемъ наклонности Винчи къ изученію сочетанія красоты и безобразія, человѣчнаго и чудовищнаго, 2) въ свидѣтельствѣ Вазари, что Леонардо да Винчи въ юности написалъ голову Медузы и 3) въ тонкой художественности исполненія, особенно въ поразительной по силѣ обрисовкѣ волосъ—зеленыхъ змѣй, которыя извиваются и шипятъ при послѣднемъ вздохѣ, исходящемъ изъ полураскрытаго рта грозной, но красивой головы умирающаго чудовища.

Вазари даетъ драгоцѣнное сообщеніе, что Верроккіо вмѣстѣ съ Винчи рисовалъ картину «Крещеніе Спасителя», причемъ ангелъ, нарисованный Винчи, вышелъ такъ хорошъ, что Верроккіо бросилъ кисть и съ тѣхъ поръ оставилъ живопись. Послѣдняя подробность невѣрна. Верроккіо послѣ «Крещенія Спасителя» продолжалъ работать въ живописи. По счастливой случайности картина сохранилась. Она теперь находится во Флоренціи въ академіи художествъ. Колоритъ пострадалъ отъ времени, но содержаніе видно ясно. Среди поэтическаго ландшафта съ пальмами и горами Христосъ стоитъ въ прозрачномъ источникѣ, еле покрывающемъ ступни ногъ. Іоаннъ Креститель льетъ воду на голову Спасителя. Наверху голубь и двѣ руки Бога Отца, изъ которыхъ выходятъ лучи свѣта. На

Ангелы въ «Крещеніи Спасителя» Верроккіо.

правой сторонѣ у берега рѣки два прекрасныхъ колѣнопреклоненныхъ ангела, подъ тѣнью пальмы. Одинъ изъ нихъ несомнѣно написанъ Верроккіо; по наружности онъ сильно напоминаетъ скульптуры этого художника, особенно мальчика съ дельфиномъ. Другой ангелъ, съ любовью устремившій взоры на Спасителя, совсѣмъ другого типа, и это созданіе генія Винчи. Ангелъ изображенъ въ профиль, въ локонахъ. Въ то время какъ всѣ остальныя фигуры написаны сухо и ремесленно, ангелъ этотъ рѣзко выдѣляется въ позѣ, выраженіи лица, улыбкѣ. Въ немъ видно доброе, молодое, чистое, свѣтлое. Въ иллюстрированныхъ излѣдованіяхъ о Винчи (Мюнца, Розенберга и др.) приведены одни ангелы, и то поясное изображеніе. Въ «Storia della pittura» Кроу и въ «Leonardo.

«da Vinci» Мюллеръ-Вальде помѣщенъ полный рисунокъ со всей картины. Такой рисунокъ даетъ гораздо лучшее понятіе объ ангелахъ, объ ихъ выдающемся художественномъ достоинствѣ сравнительно съ слабыми, чисто иконографическими главными фигурами Христа и Іоанна Крестителя. Весьма характерна и живописна вся группа ангеловъ и поза ихъ во всемъ объемѣ. Всматриваясь въ ту и другую и сравнивая все это съ лѣвой главной по фактическому содержанію стороной картины, можно замѣтить разницу въ композиціи. Выступаютъ два разнородныхъ дарованія, разнородныхъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. Повидимому, Леонарду да Винчи принадлежитъ вся композиція ангельской группы; но одинъ ангелъ отдѣланъ былъ Верроккіо, а другой всецѣло его геніальнымъ ученикомъ. Въ изображеніяхъ Христа и Іоанна Крестителя видна византійская іератическая традиція; въ большой рельефности ихъ тѣла обнаруживается кисть ваятеля и золотыхъ дѣлъ мастера; въ общемъ здѣсь видно сухое, шаблонное и ремесленное исполненіе обычнаго живописнаго сюжета. Это правая сторона. Лѣвая—ангелы—особый міръ; здѣсь свободный замыселъ, геніальное творчество, широкое прозрѣніе въ глубь человѣческаго сердца, чистое, великое художество. Это Леонардо да Винчи.

Первое десятилѣтіе по выходѣ Винчи изъ мастерской Верроккіо очень бѣдно произведеніями. Къ этому періоду пріурочиваютъ изображеніе св. Іеронима (въ Ватиканѣ), двѣ картины Благовѣщенія (въ Луврѣ и Уффиціяхъ) и нѣсколько этюдовъ Поклоненія волхвовъ. Все это наброски, этюды, ни одного произведенія отдѣланнаго и законченнаго. Св. Іеронимъ скорѣе анатомическій этюдъ, чѣмъ произведеніе искусства: изображенъ старикъ, съ голымъ черепомъ, худой шеей, съ обнаженной грудью. Выраженіе лица молитвенное и страдальческое. У ногъ св. Іеронима лежитъ левъ. Рисунокъ этотъ примыкаетъ къ многочисленнымъ этюдамъ Винчи, изображающимъ голову старца.

Въ Луврѣ находится маленькая картина Винчи «Благовѣщеніе», одно изъ самыхъ раннихъ его произведеній. Пречистая Дѣва стоитъ у дверей своего дома, выходящихъ на широкую террасу, откуда виднѣются поле, рощи, рѣка, холмы. Пейзажъ мирный и тихій. Передъ пр. Дѣвой колѣнопреклоненный ангелъ благовѣстникъ, съ приподнятой правой рукой. Застигнутая среди молитвы Марія стоитъ на колѣняхъ, съ наклоненной головой, полузакрытыми глазами и скрещенными на груди руками; ея вьющіеся волосы ниспадаютъ на шею. Руки, волосы, драпировка—все какъ бы говоритъ и содѣйствуетъ силѣ впечатлѣнія. Кромѣ крыльевъ ангела нѣтъ никакихъ религіозныхъ символовъ. Религіозное настроеніе вызывается самимъ душевнымъ настроеніемъ изображемыхъ лицъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя Леонардо повторилъ эту картину въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, слегка измѣнивъ пейзажъ и позу Богоматери. Пр. Дѣва здѣсь сидитъ за прялкой. Благая вѣсть вызвала въ ней изумленіе, что выражено въ жестахъ рукъ, въ приподнятомъ положеніи головы и во взглядѣ. Эта картина, по отзыву Сеайля, отличается менѣе наивнымъ чувствомъ, меньшей нѣжностью, но исполнена болѣе свободной и твердой рукой. Картина эта нынѣ находится во Флоренціи въ музеѣ Уффици [1]).

Въ 1480 г. Леонардо да Винчи получилъ заказъ написать для монастыря Санъ-Донато алтарную икону. Сюжетомъ, судя по сохранившимся этюдамъ, было «Поклоненіе волхвовъ». Срокъ окончанія работы былъ опредѣленъ не болѣе 30 мѣсяцевъ. Но монахи не дождались отъ Винчи картины и, потерявъ терпѣніе, передали работу Филиппино Липпи, который нарисовалъ по эскизамъ Винчи картину. Съ эскизами много сходства въ выраженіи лицъ и въ жестахъ. Картина эта находится нынѣ въ музеѣ Уффици во Флоренціи.

Сохранившіеся эскизы Винчи, при всей ихъ незаконченности, высоко цѣнятся знатоками и любителями искусства. По нимъ можно прослѣдить ходъ мысли и художественнаго творчества. Снимки съ этихъ этюдовъ приведены у Мюнца и Мюллеръ-Вальде. Рисунокъ, находящійся въ коллекціи Бонна, даетъ первоначальный замыселъ Леонарда. Богородица занимаетъ центръ рисунка. На колѣняхъ, въ позѣ поклоненія, она склонилась надъ лежащимъ на землѣ Іисусомъ. Съ правой стороны 4 фигуры, съ лѣвой 3. Въ рисункѣ нѣтъ ничего условнаго или традиціоннаго. Позы естественны и правдивы.

Богаче содержаніемъ другой эскизъ, принадлежащій Галишону (купленъ былъ за 12,900 франковъ). Здѣсь дано болѣе фигуръ; въ позахъ болѣе движенія и болѣе разнообразія.

Еще далѣе по богатству внутренняго содержанія идетъ картина Винчи въ музеѣ Уффици во Флоренціи. Здѣсь центральное положеніе занимаетъ пр. Дѣва съ божественнымъ Младенцомъ на рукахъ. Ребенокъ лѣвой ручкой принимаетъ въ даръ отъ колѣнопреклоненнаго старика сосудъ, правую руку Онъ приподнялъ къ своему ушку, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти при наклоненіи въ сторону. На заднемъ планѣ виднѣются развалины дворца, лошади, люди. Въ выраженіи лицъ и въ позахъ глубоко выдержанъ психологическій реализмъ. Композиція необыкновенно богата и оживлена. Всѣ лица оригинальны и полны движенія. Всякій принимаетъ участіе въ томъ, что происходитъ. Нѣтъ ничего тра-

[1]) У Мюллеръ-Вальде и Мюнца приведены снимки съ обѣихъ картинъ, у Мюллеръ-Вальде сравнительно лучшіе. У Розенберга данъ лишь снимокъ съ флорентійской картины.

диціоннаго или шаблоннаго. Лица людей еле выдѣляются; но, если въ нихъ всмотрѣться, особенно въ болѣе ясную группу влѣво отъ пресв. Маріи, то тутъ вниманіе приковываютъ шесть лицъ самаго разнообразнаго типа, двое молодыхъ у дерева, далѣе двое стариковъ, ниже еще двое среднихъ лѣтъ. Прекрасно задрапированный мужчина стоитъ въ сторонѣ, держитъ свою бороду и задумчиво смотритъ на Спасителя. Стоящій ближе къ Спасителю старикъ, прикрывая рукой глаза отъ яркаго солнца, напрягаетъ зрѣніе, чтобы разсмотрѣть божественнаго Младенца. На второмъ планѣ изображены сражающіеся всадники и кони. Задній фонъ составляетъ обширный пейзажъ, кончающійся на горизонтѣ горами. При всемъ этомъ разнообразіи композиція отличается единствомъ и выдержанностью. Выдающіяся достоинства «Поклоненія волхвовъ», при всей недоконченности отдѣлки, побудили одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей (Стржиговскаго) высказать предположеніе, что «Поклоненіе волхвовъ» написано Леонардомъ да Винчи въ миланскій періодъ въ расцвѣтѣ таланта.

Останавливаясь на «Поклоненіи волхвовъ», Сеайль говоритъ: «картина (въ Уффици) приготовлена только вчернѣ; но я не знаю ничего другого, что производило бы на меня болѣе сильное впечатлѣніе по своей реальности, жизненности, я сказалъ бы, почти по совершенству. Въ этомъ разнообразіи жестовъ, позъ, физіономій точность рисунка изумительна. Получается впечатлѣніе, что этотъ великій умъ не испытывалъ ни колебаній, ни мукъ творчества, что столь медленно, столь искусно подготовленное произведеніе вылилось сразу.... Въ «Поклоненіи волхвовъ» меня главнымъ образомъ поражаетъ то, что я назову психологическимъ реализмомъ Винчи, его стремленіе создать живыхъ, возможныхъ людей, создать не декоративныя фигуры, а существа, богатыя внутренней жизнью, существа, изъ которыхъ каждое имѣетъ душу, проявляющуюся въ своеобразныхъ дѣйствіяхъ, совершенныхъ ими. Мнѣ кажется, что между всѣми его твореніями самое поучительное именно это произведеніе, въ которомъ какъ бы соприкасаются юность и зрѣлость художника. Въ сценѣ Поклоненія проявляется могучая наблюдательность, любовь къ правдѣ, къ вѣрному, выразительному изображенію деталей, а также вся глубина фантазіи художника, творящаго, чтобы творить, чтобы проявить образы, волнующіе его душу»....

Уже въ юности Винчи обнаружилъ геніальную разносторонность, рисовалъ, лѣпилъ, дѣлалъ архитектурные рисунки, занимался механикой. Вазари говоритъ, что онъ видѣлъ гипсы женскихъ и дѣтскихъ головъ, исполненныхъ Винчи въ юности и хвалитъ ихъ, какъ прекрасныя произведенія. Съ значительной вѣроятностью однимъ изъ раннихъ скульптур-

ныхъ произведеній Винчи считаютъ незаконченный бюстъ Іоанна Крестителя. Это загадочное изваяніе находится нынѣ въ Англіи въ Кенсингтонскомъ Музеѣ. Въ немъ нѣтъ ничего евангельскаго, священнаго. Только по наброванной на груди звѣриной шкурѣ относятъ это произведеніе къ

Бюстъ Іоанна Крестителя.

Іоанну Крестителю. По выраженію лица, это скорѣе Вакхъ, вообще образъ античный, съ замѣчательной загадочной улыбкой, въ духѣ Винчи улыбкой доброй, но чувственной. Въ наклонностяхъ Винчи было трактовать священные евангельскіе сюжеты на почвѣ античныхъ традицій, и потому мнѣніе о принадлежности этой статуэтки Винчи представляется вѣроятнымъ.

V.

Рисунки Леонардо да Винчи. Хронологія. Изображеніе Бандини. Дѣти. Юноши. Женскія головки. Старцы. Каррикатуры. Чудовища. Форма письма.

Частью въ манускриптахъ Винчи, напр., въ Атлантическомъ Кодексѣ, частью отдѣльно въ библіотекахъ и музеяхъ Лондона, Парижа и Флоренціи сохранилось много рисунковъ Винчи перомъ и карандашомъ, разныхъ цвѣтовъ въ зависимости отъ цвѣта бумаги и карандаша, красные (a la sanguine), коричневые, голубые. Незасимо отъ этихъ рисунковъ, отличающихся высокими художественными достоинствами, манускрипты Винчи наполнены огромнымъ количествомъ рисунковъ по прикладнымъ знаніямъ, преимущественно по механикѣ, геометрическими фигурами и архитектурными планами. И въ ряду этихъ утилитарныхъ рисунковъ изрѣдка проскальзываютъ изображенія человѣческихъ фигуръ, лошадей, цвѣтовъ, листьевъ, храмовъ, но большей частью еле набросанные, безъ художественнаго творчества, украшающаго рисунки вдохновенія. Какъ велико число утилитарныхъ рисунковъ видно изъ того, что въ одномъ Атлантическомъ Кодексѣ насчитано ихъ около 2000. Рисунокъ для Винчи былъ письмомъ, и въ манускриптахъ письмо и утилитарные рисунки постоянно идутъ рядомъ, одно другое восполняя и поясняя.

Оставляя въ сторонѣ необъятную громаду утилитарныхъ рисунковъ, нельзя не остановиться на рисункахъ художественныхъ и нельзя не отмѣтить тѣхъ утилитарныхъ рисунковъ, которые относятся къ теоріи и техникѣ искусства и одновременно обрисовываютъ художественные пріемы Винчи.

Хронологія рисунковъ темна. Въ этомъ отношеніи замѣчается пробѣлъ даже относительно крупныхъ произведеній Винчи, напр., Мадонны въ скалахъ, Вакха. По всей вѣроятности, уже въ первый флорентійскій періодъ до переѣзда въ Миланъ Леонардо да Винчи широко пользовался

карандашомъ и достигъ высокаго совершенства въ обрисовкѣ женскихъ и старческихъ головъ. Два рисунка, хорошо датированныхъ, относятся къ 70-мъ годамъ, къ первому флорентійскому періоду. Одинъ рисунокъ съ датой 1475 г. изображаетъ горный пейзажъ, другой безъ даты изображаетъ повѣшеннаго заговорщика Бандини. На веревкѣ виситъ трупъ въ одеждѣ съ круглой шапочкой на головѣ. Внизу отдѣльно очерчена другая голова, весьма сходная съ лицомъ трупа, голова худощаваго мужчины среднихъ лѣтъ, очевидно, портретное изображеніе повѣшеннаго. На поляхъ записана матерія и окраска одежды. Бандини—темная личность темной исторіи италіанскихъ убійствъ XV вѣка. Въ 1478 г. подъ внушеніемъ папы и при ближайшемъ участіи духовенства во Флоренціи возникъ заговоръ противъ стоявшихъ во главѣ республики братьевъ Юліана и Лаврентія Медичи. Во главѣ заговора стояли Пацци и Бандини. Съ согласія духовенства, заговорщики мѣстомъ совершенія преступленія избрали церковь, временемъ обѣдню, сигналомъ возношеніе св. Даровъ. Несчастный Юліанъ палъ подъ кинжаломъ Бандини. Лаврентій былъ легко раненъ. Онъ успѣлъ скрыться въ ризницѣ. Главные заговорщики были схвачены и казнены. Архіепископа повѣсили въ полномъ облаченіи рядомъ съ Пацци. Внѣ себя отъ ярости, умирая на висѣлицѣ, прелатъ вцѣпился зубами въ тѣло своего соучастника и искусалъ его. Передъ окнами дворца было повѣшено до шестидесяти человѣкъ. Бандини бѣжалъ въ Турцію; но былъ выданъ султаномъ и казненъ во Флоренціи въ 1479 г. черезъ повѣшеніе. Леонардо да Винчи былъ въ числѣ зрителей и отмѣтилъ рисункомъ это событіе.

Въ «Трактатѣ о живописи» въ главѣ о томъ, какъ изображать маленькихъ дѣтей Винчи говоритъ, что, если дѣти изображены въ сидячемъ положеніи, позамъ ихъ должно быть придано выраженіе быстроты и подвижности, даже игривости; но, если художникъ хочетъ изобразить ихъ въ стоячемъ положеніи, то они должны быть представлены робкими и боязливыми [1]). Очевидно по такому плану сдѣланъ прелестный рисунокъ, находящійся нынѣ въ королевской библіотекѣ въ Виндзорѣ.

Два милыхъ ребенка, еще совершенно нагихъ въ дѣтской невинности, дружеско обнялись рученками и цѣлуются. Позы и жесты въ высшей степени естественны и дѣтски наивны. Меньшій мальчикъ оперся ручкой о землю, а другой рукой крѣпко охватилъ шею своего маленькаго друга. Мюллеръ-Вальде называетъ этотъ рисунокъ самой превосходной жанровой сценой эпохи Возрожденія—eine der köstlichsten Genrescenen, welche

[1]) J putti piccoli con atti pronti e storti, quando siedono, e nulla star ritto atti timidi e pavrosi.

die Frührenaissance hervorgebracht hat. Эти дѣти напоминаютъ Младенца Спасителя и Іоанна Крестителя въ картинѣ «Мадонна у скалъ».

Дѣти (Виндзоръ).

Интересенъ изящный эскизъ, должно быть этюдъ къ Мадоннѣ у скалъ, находящійся нынѣ въ частной коллекціи герцога Девонширскаго, изображающій двѣ головки—молодой женщины и ребенка. Верхняя женская головка прекрасно очерчена; густые волнистые волосы спускаются къ плечамъ. Лицу придано вдумчивое выраженіе съ оттѣнкомъ печали.

Головки (коллекція герцога Девонширскаго).

Одна изъ лучшихъ, чуть ли не самая прекрасная женская головка Леонардо да Винчи хранится въ музеѣ Уффици. Изъ густыхъ волнъ вьющихся волосъ, наполняющихъ весь фонъ рисунка, рельефно выдѣляется благородное, умное и прелестное женское лицо съ открытымъ высокимъ лбомъ, съ опущенными внизъ глазами, съ выраженіемъ полнымъ спокойной любви. Правда, выраженіе это не исключаетъ чувственныхъ помысловъ, но оно человѣчно прекрасно, и вполнѣ выражаетъ основной характеръ Мадоннъ Леонардо да Винчи. Ихъ опущенныя рѣсницы кажутся экраномъ, черезъ который пробивается внутренній душевный свѣтъ;

улыбающіяся, уста какъ бы откликаются на далекія мысли. Въ лицѣ отражается душа съ безмятежными мыслями и непорочными чувствами. Винчи говоритъ, что «слава живописца заключается въ созданіи существъ, вызывающихъ любовь». Такое чувство, дѣйствительно, вызываютъ его женскія головки.

Головка (Уффици).

Къ рисункамъ Винчи вполнѣ примѣнимо его собственное общее положеніе: «чѣмъ больше понимаешь, тѣмъ больше любишь». Авторъ прекраснаго изслѣдованія о Винчи Сеайль основательно объясняетъ такой ростъ симпатіи тѣмъ, что «произведенія Винчи отличаются дѣйствительнымъ характеромъ, реализмомъ и спиритуализмомъ, точностью языка и безпредѣльностью мысли». Онъ въ буквальномъ смыслѣ прибавлялъ нѣчто новое къ твореніямъ природы, освѣщалъ ее силой своей внутренней духовной жизни и обогащалъ ее новыми формами. Францъ отмѣчаетъ въ рисункахъ другую характерную черту-глубокую продуманность: «seine Handzeichnungen führen uns in die Werkstall dieses reflectirenden Geistes des grössten Kritikers in der Kunstentwickelung vielleicht aller Zeiten, dessen Productivität eben in seiner tiefen Erkenntniss vom Wesen der Dinge und der unaufhörlichen Reflexion ein Hinderniss fand».

Юношескія головы не такъ многочисленны, какъ женскія, но встрѣчаются. Леонардо да Винчи очень дорожилъ однимъ своимъ маленькимъ ученикомъ Андреа Салаино за его красоту, въ особенности за его прекрасные золотистые волосы. Онъ обращался съ нимъ, какъ съ сыномъ, далъ приданое его сестрѣ при выходѣ замужъ и по духовному завѣщанію оставилъ ему миланскій виноградникъ, подаренный ему въ 1499 г. Людовикомъ Моро. Салаино совсѣмъ неизвѣстенъ, какъ художникъ. Симпатіи къ нему Винчи, повидимому, основывались на личной привязанности. Расположеніемъ Винчи пользовался и другой красивый юноша-

Франческо Мельци. Онъ былъ неизмѣннымъ другомъ и спутникомъ Винчи, вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ въ Римъ, вмѣстѣ поселился во Франціи и былъ душеприказчикомъ по исполненію духовнаго завѣщанія. Эти красивые молодые люди, въ особенности Салаино, служили моделью, но Винчи не допускалъ однообразія. Его юношескія головы не были копіями съ однихъ и тѣхъ же лицъ. И тутъ, какъ вездѣ, разнообразіе. Изъ юношескихъ фигуръ заслуживаютъ вниманія юноша съ копьемъ въ рукѣ пѣшій, юноша съ копьемъ въ рукѣ на конѣ, и нагій юноша съ крестомъ въ рукѣ—Іоаннъ Креститель (всѣ три рисунка въ Виндзорѣ).

Къ числу наиболѣе выдающихся рисунковъ Винчи, по общему признанію, относится поясное изображеніе пожилого воина въ полномъ вооруженіи. Рисунокъ этотъ хранится въ Лондонѣ въ частной коллекціи Малькольма. Лицо въ профиль. Выраженіе лица мужественное, полное энергіи, суровое, даже грозное. Вооруженіе состоитъ изъ оригинальной каски съ перомъ и панцыря со львиной головой на груди.

Въ Венеціи въ академіи художествъ находится приписываемый Винчи рисунокъ головы Христа на пути къ Голгофѣ. Выраженіе лица полно глубокой экспрессіи. Тутъ любовь, страданіе, доброта переданы въ одномъ цѣльномъ сочетаніи. На головѣ терновый вѣнокъ. Волосы, съ проборомъ на серединѣ, волнами спускаются на спину и плечи. Сзади виднѣется грубая солдатская рука, схватившая въ горсть локоны Спасителя. Эта черта историческаго реализма говоритъ въ пользу гипотезы о принадлежности рисунка Винчи. Креста не видно. Ничего шаблоннаго или заимствованнаго. Время возникновенія рисунка неизвѣстно. Мюллеръ-Вальде совершенно гадательно и произвольно относитъ его къ заказу монаховъ Санъ-Донато 1480 г., который, по господствующему мнѣнію, относился къ «Поклоненію волхвовъ», что видно по картинѣ Филиппино Липпи, и по многочисленнымъ этюдамъ Винчи на тему «Поклоненія волхвовъ».

Особенно много у Винчи рисунковъ стариковъ и старческихъ головъ. Нѣкоторые рисунки этого рода можно разсматривать, какъ этюды апостоловъ Тайной Вечери. Но большинство рисунковъ этого рода имѣетъ самостоятельное значеніе. Къ старческимъ головамъ привлекало Винчи индивидуальное выраженіе вполнѣ зрѣлой мысли, законченность характера, привлекало самое анатомическое строеніе старческой головы, обыкновенно отличающееся какими-либо особенностями. И какихъ только стариковъ не даетъ Винчи—красивыхъ и безобразныхъ, съ бородой и безъ бороды, лысыхъ и съ густой шевелюрой и т. д. въ чрезвычайномъ разнообразіи.

Возьмемъ для примѣра этюдъ головы, находящійся нынѣ въ Виндзорѣ. Голова въ профиль, съ очень бѣдной растительностью. Выраженіе лица усталое и неривѣтливое. Складки лица и шеи въ высшей степени характерныя старческія. Цифра 36 сдѣлана Леонардомъ да Винчи надъ складками шеи должно быть по какимъ нибудь анатомическимъ сообра-

Голова старика.

женіямъ. Рисунокъ сдѣланъ a la sanguine краснымъ карандашомъ, вѣроятно, какъ этюдъ для одного изъ апостоловъ въ Тайной Вечери, быть можетъ, для ап. Симона, съ лицомъ котораго очень сходенъ; у ап. Симона добавлена борода. Леонардо да Винчи при окончательной отдѣлкѣ добавлялъ бороду, но въ этюдахъ онъ придерживается нагихъ фигуръ и обнаженныхъ лицъ. Таковы его несомнѣнные этюды къ Поклоненію волхвовъ и этюдъ головы Іуды.

Голова старика.

Особый, весьма своеобразный характеръ имѣетъ старческая голова Луврскаго музея. Здѣсь лицо взято en face, также безбородое, усталое

и непривѣтливое. Видно, что по этому лицу прошла тяжесть житейская, и годы наложили грустный отпечатокъ. Тутъ все необыкновенно характерно и выразительно.

Выдается еще по академическому характеру и старательности обрисовки старческая голова въ коллекціи рисунковъ Винчи въ Виндзорѣ. Выраженіе лица задумчивое и печальное. Бороды нѣтъ. Густые головные волосы живописными волнами спускаются на плечи и отчетливо обрамляютъ небольшой лобъ. Черты суровой римской физіономіи съ орлинымъ носомъ.

Голова старца (Виндзоръ).

На одномъ рисункѣ изображена цѣлая фигура старца, сидящаго подъ деревомъ. Онъ нѣсколько согнулся, опираясь на страннический посохъ, и задумчиво поддерживаетъ рукой голову. Брови приподняты. Рѣдкіе вьющіеся волоса и небольшая борода. Общее выраженіе старческаго самоуглубленія, при внѣшней слабости и хилости.

Леонардо да Винчи далъ такіе превосходные рисунки головъ, внесъ столько разнообразія и экспрессіи, что въ этомъ отношеніи стоитъ выше всякаго сравненія, и если бы такое непремѣнно понадобилось, то можно было бы до нѣкоторой степени выдвинуть въ параллель къ нему такого неподражаемаго мастера въ обрисовкѣ головы, какъ Рембрандтъ. Розенбергъ говоритъ, что Винчи въ этомъ отношеніи остается непревзойденнымъ: «in der That hat keines Künstlers Hand seitdem diese höchste Meisterchaft übertrofen».

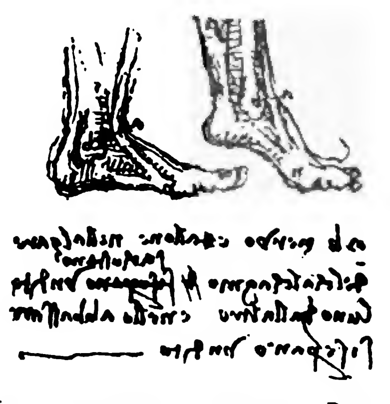
Исходя отъ старческихъ головъ, Леонардо да Винчи иногда рисовалъ каррикатурные типы, не для смѣха праздной толпы, а въ интересахъ изученія лица во всѣхъ возможныхъ выраженіяхъ. Художника занимала мысль, какіе эффекты даютъ уклоненія частей лица отъ нормальныхъ формъ. Каррикатуры поэтому являются этюдами удлиненныхъ и

укороченныхъ носовъ, выпяченныхъ и впалыхъ губъ и пр. Всмотримся хотя бы въ приложенный здѣсь характерный рисунокъ съ 8 каррикатурами. Сначала брасаются въ глаза лишь безобразныя лица; но всматриваясь и сличая мы видимъ, что верхніе и нижніе старики антиподы по очертанію лба, носа, губъ и подбородка, средніе служатъ къ нимъ переходными ступенями. Старикъ въ беретѣ напоминаетъ этюдъ св. ап. Симона.

Каррикатуры.

Пытливая мысль Винчи шла далѣе. Она обнажала все тѣло, изучала мускулы, сухожилія, нервы. Сохранилось много превосходныхъ анатомическихъ рисунковъ. Въ этомъ отношеніи богатѣйшій матеріалъ даетъ изданный въ 1898 году г. Сабашниковымъ кодексъ рукописей Винчи по анатоміи. По тщательности и точности рисунковъ этотъ кодексъ превосходитъ Атлантическій кодексъ и манускрипты Равессона-Молліена. Художественно исполнены старческіе головы. Слабымъ намекомъ на эти анатомическіе рисунки представляется прилагаемый ниже рисунокъ—двѣ ступни съ собственноручнымъ fac-simile Винчи.

Изъ анатомическихъ рисунковъ Винчи.

Леонардо да Винчи оставилъ много рисунковъ лошади, что обусловлено отчасти обстоятельствами времени и вкусами общественной среды, гдѣ процвѣтали турниры, отчасти личными склонностями художника, его личнымъ пристрастіемъ къ лошади. Сохранилось множество этюдовъ коня въ различныхъ позахъ, въ цѣломъ видѣ и въ частяхъ, головы, ноги, мускулы. Эти рисунки представляются подготовительными работами для «Поклоненія волхвовъ», конной статуи Франческа Сфорцы, битвы при Ангіарѣ.

Кромѣ лошади въ рисункахъ изрѣдка встрѣчаются левъ (два раза), верблюдъ (въ одномъ этюдѣ «Поклоненія волхвовъ»), кошка (нѣсколько рисунковъ въ этюдахъ къ Мадоннѣ и Младенцу), нѣсколько набросковъ леопарда, ягненокъ (въ «св. Анна»), нѣсколько набросковъ собаки (въ Поклоненіи волхвовъ). Встрѣчаются фантастическіе звѣри—грифы, драконы. Любопытно, что у Винчи въ pendant къ каррикатурнымъ изображеніямъ человѣческаго лица встрѣчаются животныя каррикатуры, напр., голова льва съ бычачьими рогами. Цѣль одна—провѣрка впечатлѣнія, производимаго смѣшеніемъ разныхъ формъ животной жизни, впечатлѣнія страха и отвращенія. Художника здѣсь перевѣсилъ ученый, и вмѣсто искусства выдвигаются вопросы психологіи.

Винчи былъ реалистомъ даже при изображеніи чудовищнаго. Онъ не полагается на одну фантазію. Онъ стремится къ психологическому обоснованію чудовищнаго и подчиняетъ его условіямъ дѣйствительности. Такъ, для лучшаго творчества въ этомъ направленіи Винчи изучалъ животныхъ, вызывающихъ отвращеніе—летучихъ мышей, змѣй, ящерицъ и др. Затѣмъ, онъ искусственно соединяетъ разнородное, голову собаки, туловище змѣя и т. д.

По точности и изяществу отличаются батаническіе рисунки, число которыхъ, впрочемъ, незначительно. Замѣчательны три рисунка дерева, листьевъ и цвѣтовъ, помѣщенные въ изслѣдованіи Мюллеръ-Вальде, и рисунокъ листа въ кодексѣ о полетѣ птицъ въ изданіи г. Сабашникова. Но такъ велико было увлеченіе Винчи математикой и геометріей, что, нарисовавъ прекрасный цвѣтокъ (у Равессона II листъ 14), онъ не далъ ни одного слова объясненія и тутъ же объясняетъ какое-то геометрическое построеніе, чертежъ котораго стоитъ рядомъ съ цвѣткомъ.

Вазари говоритъ, что Винчи для Антоніо Сегни сдѣлалъ картину Нептуна въ «колесницѣ, запряженной морскими конями». Самая картина пропала; но въ Виндзорской коллекціи находится эскизъ, набросанный чернымъ карандашомъ. Въ изслѣдованіи Мюллеръ-Вальде приведенъ снимокъ съ этого эскиза. На немъ изображены бѣшеные и скачущіе мор-

скіе кони съ рыбьими хвостами. Богъ морей въ видѣ нагаго суроваго старика правитъ ими, энергично разсыпая жестокіе удары бичемъ. Въ позахъ Нептуна и коней много живости, силы, движенія.

Сеайль даетъ очень мѣткую общую оцѣнку рисунковъ Винчи (въ рус. пер. стр. 248, 282—286). «Красота рисунковъ Винчи, говоритъ онъ, заключается преимущественно въ томъ, что въ нихъ съ одинаковой силой проявляются стремленіе къ правдѣ и искусство изображать жизнь. Его рисунки—не каллиграфія, не передача реальныхъ образовъ полу-отвлеченнымъ языкомъ; онъ не выдѣляетъ силуетъ, не сводитъ лицъ къ сухимъ контурамъ. Посредствомъ свѣтотѣни онъ даетъ почувствовать рельефность. Онъ рисуетъ головы посредствомъ игры свѣта и тѣни, искуснымъ ихъ ослабленіемъ. Его рисунки—это картины безъ красокъ. Но совершенными произведеніями ихъ дѣлаетъ преимущественно умѣнье вдохнуть въ нихъ мысль и чувство. Какъ поэтъ, онъ вкладываетъ въ точныя формы безконечную жизненность. Онъ придаетъ смыслъ всѣмъ чертамъ, взгляду, улыбкѣ, волосамъ, которые то скромно спускаются легкими прядями, то ниспадаютъ набѣгающими со всѣхъ сторонъ волнами, разсыпаются по лицу, шеѣ, плечамъ. И онъ обладаетъ еще таинственнымъ даромъ посредствомъ этой всеговорящей наружности вызвать впечатлѣніе, что душа безпредѣльна, что она сама не знаетъ себя и безчисленныхъ идей, дѣйствующихъ или дремлющихъ въ ней».

Въ другомъ мѣстѣ Сеайль говоритъ, что Винчи въ ботаническихъ и анатомическихъ рисункахъ обнаруживаетъ такое мастерство, что «невозможно сказать, гдѣ начинается ученый и гдѣ кончается художникъ»... «Онъ рисуетъ травы и цвѣты съ тщательностью, гдѣ любовь къ предмету не отличается отъ научной точности... Онъ накопляетъ удивительную массу точныхъ наблюденій»...

Винчи былъ лѣвша, писалъ лѣвой рукой, справа налѣво. Письмо его мѣстами крупное, большей частью очень мелкое и очень неразборчивое. Образчикомъ этого письма могутъ служить тѣ четыре строки, которыя находятся подъ приложеннымъ выше анатомическимъ рисункомъ. Италіанскій художникъ Антоніо Давидъ говоритъ, что онъ долженъ былъ употребить четыре часа, чтобы прочитать одну страницу рукописи Винчи. Главный библіотекарь миланскаго книгохранилища Амвросіаны Ольтроки говоритъ, что читаетъ рукописи Винчи съ лупой и что это чтеніе страшно утомляетъ. Трудность заключается не въ одномъ письмѣ справа налѣво, но и въ массѣ своеобразныхъ мелочей, въ необычной пунктуаціи, въ соединеніи словъ, гдѣ принято ихъ раздѣлять и, обратно, въ раздѣленіи

словъ, обычно связываемыхъ. Тѣмъ болѣе чести новѣйшимъ издателямъ рукописей Винчи, Рихтеру и Равессону, которые преодолѣли всѣ эти трудности, прочли и перевели тысячи страницъ оригинальнаго письма этого великаго и своеобразнаго ума.

VI.

Переѣздъ въ Миланъ. Сфорцы. Людовикъ Моро. Ранняя миланская живопись. Академія Винчи. Трактатъ о живописи. Задачи художника. Предпочтеніе живописи.

Уже во времена римскихъ императоровъ Миланъ былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ Италіи. По словамъ Авзонія, пышность его не могло помрачить даже сосѣдство Рима. Въ IV ст. по Р. Хр. его украшали великолѣпные храмы, театры, цирки, дворцы, термы и портики. Бури великаго переселенія народовъ почти совершенно разрушили античный Миланъ. При лангобардахъ на старомъ мѣстѣ возникъ новый городъ; въ XI ст. онъ погибъ отъ пожара. Но жизнь взяла снова свое; возникъ третій Миланъ, который въ XII ст. былъ разрушенъ германскимъ императоромъ до такой степени, что уцѣлѣла, какъ говорятъ, едва пятидесятая часть города. Мало-по-малу Миланъ поднялся изъ развалинъ, обстроился и разбогатѣлъ. Въ половинѣ XV ст. въ Миланѣ утвердился смѣлый кондотьеръ Франческо Сфорца, зять послѣдняго герцога изъ фамиліи Висконти Филиппа. Династія Сфорцы, состоявшая всего изъ трехъ представителей, продержалась полъ вѣка до 1499 г. Она оставила послѣ себя хорошую память въ исторіи искусства и плохую въ исторіи общественной этики. Сфорцы подражали флорентійскимъ Медичисамъ въ покровительствѣ наукамъ и искусствамъ. Въ особенности въ этомъ отношеніи выдвигался послѣдній представитель этой династіи Людовикъ Моро. При немъ Миланъ началъ украшаться тѣми монументальными памятниками, которые до сихъ поръ составляютъ его лучшую славу. При Людовикѣ подвинулось впередъ сооруженіе грандіознаго собора и поставлена была

на очередь колоссальная конная статуя Франческа Сфорцы. Спросъ на таланты превысилъ предложенiе. Вызваны были ученые и художники со стороны; все главное и великое было создано новыми силами—Браманте и Леонардо да Винчи, переселившимися въ Миланъ по приглашенiю.

Миланская школа живописи возникаетъ въ XV ст. съ переселенiемъ въ Миланъ изъ Брешiи художника Виченцо Фоппа, ученика Скарчiоне, въ мастерской котораго Фоппа занимался въ одно время съ Мантеньей. Мантенья прочно осѣлъ въ Мантуѣ, Фоппа въ Миланѣ, причемъ оба основали мастерскiя по образцу падуанской мастерской Скарчiоне, такъ что Падуа для Мантуи и Милана получила культурно-историческое значенiе. Мантенья былъ болѣе плодовитъ и болѣе талантливъ, чѣмъ Фоппа, котораго въ Миланѣ вскорѣ совершенно затмилъ Леонрдо да Винчи. Въ картинахъ Фоппа усматриваютъ основательное знанiе перспективы, знакомство съ античными произведенiями, стремленiе къ точному воспроизведенiю дѣйствительности. При всемъ томъ произведенiя его страдаютъ ремесленнымъ характеромъ исполненiя и холоднымъ колоритомъ.

Съ прибытiемъ Леонардо да Винчи, школа, основанная Фоппа, распалась на три группы. Одни остались вѣрными прежнему своему учителю; другiе, не покидая Фоппа, подчинились отчасти Винчи. Третьи, и такихъ было большинство, примкнули всецѣло и безповоротно къ генiальному флорентiйскому мастеру. Непосредственные ученики Леонарда вскорѣ составили отдѣльную группу. Къ первой группѣ принадлежали Зенале, Монторфано, Амброджiо Боргоньоне, ученикомъ котораго, очень талантливымъ, но сильно уже подчинившимся влiянiю Винчи, былъ славный «Рафаэль Ломбардiи» Бернардино Луини. Въ большей или меньшей степени на сторону великаго флорентинца перешли Амброджiо да Преди, Бернардино Конти, Андреа Солари, Джiампетрино, Гауденцiо Феррари. Эти художники, въ особенности Феррари и Луини, оставили многочисленныя произведенiя, составляющiя нынѣ украшенiе европейскихъ музеевъ и храмовъ.

Основная заслуга миланской школы Фоппа, что она въ мѣстныхъ общественныхъ привычкахъ и нравахъ подготовила почву для принятiя и оцѣнки генiальнаго Винчи, постигшаго всѣ тайны искусства. Мастерская Фоппа—это предварительная школа для академiи Леонардо да Винчи.

Что побудило Леонардо да Винчи въ цвѣтѣ силъ на 30-мъ году жизни оставить родную Флоренцiю и переѣхать въ далекiй Миланъ? Причинъ было много, общихъ и частныхъ. Въ семьѣ отца Винчи произошли крупныя перемѣны. У первыхъ двухъ мачехъ Леонарда дѣтей не было, и Леонардо могъ жить на правахъ сына. У третьей мачехи были дѣти; взрослый красавецъ пасынокъ былъ не ко двору. Въ обществѣ не

было тайной его рожденіе внѣ брака, и, какъ ни подкупало его дарованіе, къ нему могли относиться подчасъ съ той ироніей, которой пользуются люди мелочные и ничтожные. Художественнаго заработка Винчи во Флоренціи не имѣлъ. Здѣсь уже успѣли завоевать себѣ мѣсто выдающіеся художники, въ томъ числѣ сотоварищи Винчи по мастерской Верроккіо—Перуджино и Лоренцо да Креди. Во Флоренціи работалъ иногда могучій Микель Анджело. Затѣмъ, флорентійцы могли убѣдиться, что Леонардо да Винчи, при всей его геніальности, работалъ медленно, часто ограничивался этюдами и рѣдко оканчивалъ начатыя произведенія. По необыкновенной духовной пытливости, онъ сильно разбрасывался, входилъ въ изученіе деталей или уходилъ въ чисто научныя области знанія.

Относительно ближайшаго повода къ переѣзду въ Миланъ существуютъ различныя показанія современниковъ. По словамъ анонимнаго біографа, Винчи былъ посланъ въ Миланъ Лаврентіемъ Великолѣпнымъ, чтобы передать миланскому герцогу лютню. Вазари говоритъ, что Винчи отправился съ лютней по собственному побужденію. Наконецъ, недавно открытое Мюллеръ-Вальде письмо Аламани заключаетъ въ себѣ указаніе, что Винчи былъ приглашенъ Людовикомъ Моро. Чему вѣрить? Наиболѣе достовѣрнымъ представляется послѣднее свидѣтельство. Миланскій герцогъ окружалъ себя художниками, поэтами и учеными. Леонардо да Винчи болѣе всего привлекъ его вниманіе, какъ скульпторъ, въ интересахъ окончанія статуи Франческа Сфорцы. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что Лаврентій Великолѣпный рекомендовалъ Винчи, какъ талантливаго художника. Винчи работалъ въ это время въ дворцовой мастерской вблизи площади св. Марка на жалованьѣ. Таково, по крайней мѣрѣ, свидѣтельство анонимнаго біографа. Въ Миланѣ Винчи нашелъ государя и общество, которые повѣрили вполнѣ въ его геній, и благодарный художникъ отдалъ весь свой грандіозный и разносторонній геній на служеніе новому краю, предложилъ такія услуги, которыхъ всемірная исторія потомъ никогда не повторила.

Въ Атлантическомъ Кодексѣ находится копія прошенія Винчи къ Людовику Моро, документъ въ высокой степени замѣчательный при скудости автобіографическихъ данныхъ. Тутъ Винчи выступаетъ во весь свой колоссальный ростъ, какъ ученый и художникъ. Въ виду важности этого документа, приводимъ его цѣликомъ:

«Пресвѣтлѣйшій государь! Принявъ во вниманіе и разсмотрѣвъ опыты всѣхъ тѣхъ, которые величаютъ себя учителями въ искусствѣ изобрѣтать военные снаряды и, найдя, что ихъ снаряды ничѣмъ не отличаются отъ общеупотребительныхъ, я безъ всякаго желанія унизить кого

либо, постараюсь указать Вашей Свѣтлости нѣкоторые принадлежащіе мнѣ секреты, вкратцѣ переименовавъ ихъ:

1. Знаю способъ постройки весьма легкихъ, очень удобныхъ для перевозки мостовъ, благодаря которымъ можно преслѣдовать непріятеля и обращать его въ бѣгство, и еще другихъ, болѣе прочныхъ, которые могутъ противостоять огню и приступамъ и которые къ тому же легко устанавливать и разводить. Я знаю также средства, какъ сжигать и разрушать непріятельскіе мосты.

2. На случай осады какого-нибудь города, я знаю, какъ отводить воду изъ рвовъ, и какъ устраивать различныя штурмовыя лѣстницы и др. подобнаго рода орудія.

3. Если при возвышенности или недоступности положенія нельзя бомбандировать городъ, то я знаю способъ подводить мины подъ всю крѣпость, фундаментъ которой не изъ камня.

4. Я могу также устроить легко перевозную пушку, которая кидаетъ горючія вещества, причиняющія громадный вредъ непріятелю и наводящія ужасъ своимъ дымомъ.

5. Кромѣ того, посредствомъ узкихъ и извилистыхъ подземныхъ ходовъ, сдѣланныхъ безъ малѣйшаго шума, я могу устроить проходъ подъ рвами или рѣкой.

6. Кромѣ того, я могу устраивать безопасныя и неразрушимыя крытыя повозки для артиллеріи, которая, врѣзавшись въ ряды непріятеля, разстроитъ самыя храбрыя войска, а за ней пѣхота можетъ безпрепятственно двигаться.

7. Я умѣю дѣлать пушки, мортиры, метательные снаряды удобной и красивой формы, отличающіеся отъ тѣхъ, которые теперь общеупотребительны.

8. Я могу замѣнить пушки машинами для метанія стрѣлъ и катапультами, отличающимися изумительной силой.

9. Въ моемъ распоряженіи имѣются приспособленія для морской войны, годные одновременно для нападенія и для защиты, и корабли, могущіе противостоять самому жестокому огню.

10) Въ мирное время я никому не уступаю, какъ архитекторъ въ сооруженіи общественныхъ и частныхъ зданій, въ устройствѣ водопроводовъ.

Я могу производить всевозможныя скульптурныя работы изъ глины, бронзы, мрамора. Въ живописи могу исполнять все, чтобы кто ни пожелалъ, не хуже кого бы то ни было. Могу исполнить конную статую изъ бронзы, которая должна быть воздвигнута въ безсмертную славу покойнаго герцога, отца Вашей Свѣтлости, и въ память благородной фамиліи Сфорца.

А если бы что либо изъ вышеупомянутаго показалось бы вамъ невозможнымъ или невыполнимымъ, то предлагаю сдѣлать опытъ въ Вашемъ паркѣ или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ угодно Вашей Свѣтлости, которому поручаю себя съ полнымъ смиреніемъ».

Теперь такое прошеніе вызвало бы обвиненіе въ самомнѣніи и даже въ самохвальствѣ: но нужно имѣть въ виду, что литературная этика XV в. имѣла свои особенности и къ ней неприложима мѣра XX столѣтія. Прошеніе искренно и правдиво. Въ немъ нѣтъ даже преувеличенія. Винчи дѣйствительно обладалъ глубокими и разносторонними свѣдѣніями въ техникѣ и инженерномъ искусствѣ. Все то, что онъ предлагалъ и обѣщалъ, онъ могъ сдѣлать, какъ доказываютъ его манускрипты. Мюллеръ Вальде въ 3 выпускѣ изслѣдованія о Винчи весьма наглядно доказалъ основательность и правдивость прошенія Винчи, подобравъ къ каждому его пункту изъ манускриптовъ цѣлый рядъ оправдательныхъ документовъ, въ видѣ замѣчаній и рисунковъ по части построенія мостовъ, перевода черезъ рѣку войска, способовъ подниматься на крѣпостныя стѣны, устройства осадныхъ подземныхъ галлерей, употребленія взрывчатыхъ снарядовъ, боевыхъ колесницъ, разныхъ приспособленій для прорытія каналовъ и т. д.

Что за человѣкъ былъ Людовикъ Моро, къ которому обратился Винчи съ такимъ прошеніемъ? Отвѣтъ даетъ политическая исторія. Это былъ государственный дѣятель умный, съ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, съ литературнымъ образованіемъ, но коварный, жестокій и робкій. «Очень мудрый человѣкъ, говоритъ Коминъ, боязливый и уступчивый, если онъ кого-нибудь боялся, и крайне безнравственный, когда находилъ выгоднымъ нарушить свои обязательства». Превосходный латинистъ, Людовикъ любилъ науку и искусства и окружалъ себя гуманистами, учеными, инженерами и художниками. Придворный поэтъ Беллинчіоне говоритъ, что Людовикъ стремился сдѣлать Миланъ новыми Аѳинами въ области наукъ. Дворъ Людовика считался самымъ блестящимъ въ Европѣ. Людовикъ и его молодая жена Беатриче изъ дома д' Эсте любили роскошь и часто устраивали пышныя празднества.

Людовикъ Моро принялъ Винчи привѣтливо и открылъ ему широкое поле дѣятельности. Въ этомъ заключается большая его заслуга, закрѣпившая за нимъ почетное мѣсто въ исторіи искусства и просвѣщенія. Винчи поселился въ Миланѣ въ 1483 г. въ разцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ. Здѣсь онъ нашелъ кружокъ ученыхъ и художниковъ. Тутъ были живописцы Фоппа, Боргоньоне, Зенале, математикъ фра Лука Пачіоли, еще болѣе знаменитый геніальный архитекторъ Браманте, переселившійся впослѣдствіи въ Римъ и составившій планъ для собора св.

Петра—одного изъ величайшихъ произведеній искусства. Есть указанія, что вокругъ Винчи въ Миланѣ сгрупировалась цѣлая академія науки и искусства. Не безъ основанія думаютъ, что трактатъ Винчи о живописи и нѣкоторыя другія его сочиненія были первоначально прочитаны въ кругу друзей и учениковъ въ видѣ лекцій. Сохранилось нѣсколько рисунковъ, изображающихъ печати или эмблематическіе знаки этой акаде-

міи—кругъ изъ арабесковъ съ надписью въ серединѣ—академія Леонардо да Винчи. Не слѣдуетъ придавать этой академіи значеніе государственнаго учрежденія, большаго и сложнаго. Вѣроятно, это былъ свободный дружескій кружокъ, въ родѣ флорентійскаго кружка художниковъ Котла, но съ болѣе серіознымъ характеромъ, безъ шутовства и обжорства. Самое наименованіе академіи по имени Леонарда да Винчи указываетъ на ея частный характеръ. Академія искусствъ, какъ прочное государственное учрежденіе, возникаетъ уже по смерти Винчи во Флоренціи въ 1562 г. Подъ кровомъ этого учрежденія сходились мѣстные и пріѣзжіе художники для изученія теоріи и исторіи искусства. Были введены лекціи по анатоміи, перспективѣ и геометріи. Для молодыхъ талантливыхъ художниковъ, не имѣвшихъ средствъ, учреждены стипендіи. Въ 1593 г. торжественно была открыта въ Римѣ академія художествъ. Свѣдущіе люди, по уставу этой академіи, должны были объяснять художественные памятники Рима и заботиться о развитіи любви къ искусству.

Въ продолженіе XV в. идетъ усиленная творческая работа въ созданіи новыхъ формъ и въ развитіи техническихъ пріемовъ. Матеріальная сторона изученія формъ выражалась въ поступательномъ изслѣдованіи анатоміи человѣка и животныхъ, въ созданіи научныхъ основаній перспективы и пропорціи и въ созданіи новыхъ пріемовъ смѣшенія и наложенія красокъ. Въ этомъ направленіи художники въ теоріи и въ практикѣ допрашивали природу и стремились постигнуть реальность вещей въ самомъ обширномъ значеніи слова.

Изученіе анатоміи возникаетъ въ Италіи въ XIV ст. Современникъ Данта падуанскій врачъ Луцци впервые рѣшился на разсѣченіе труповъ, что считалось въ средніе вѣка святотатствомъ, и составилъ сочиненіе по анатоміи съ рисунками, рѣзанными на деревѣ. Продолжателями Луцци были Джироламо и Маркъ Антоніо делла Торре,

отецъ и сынъ, преподававшіе анатомію въ падуанскомъ университетѣ. Въ 1501 г. Маркъ Антоніо делла Торре основалъ въ Падуѣ спеціальную анатомическую школу. Леонардо да Винчи слушалъ у него лекціи, работалъ надъ трупами и составилъ рисунки для анатомическаго атласа. Въ манускриптахъ Винчи сохранилось много слѣдовъ обстоятельнаго изученія анатоміи человѣка и лошади. Увлеченіе анатомическими подробностями для такого могучаго таланта было лишь полезно, какъ это доказываютъ, напр., руки апостоловъ въ Тайной Вечери, этюды старческихъ головъ и др. рисунки Винчи; но такое увлеченіе отразилось неблагопріятно на произведеніяхъ второстепенныхъ художниковъ—Поллайоло, Андреа Верроккіо и нѣкот. др.—въ смыслѣ излишняго педантизма и грубой рѣзкости очертаній тѣла.

Съ изученіемъ анатоміи въ тѣсной связи стояло изученіе пропорціональности. Длинныя и сухощавыя фигуры византійскаго искусства въ XIV ст. уже не удовлетворяли италіанцевъ. Сдѣланы были попытки научнаго обоснованія опредѣленія размѣровъ тѣла по длинѣ лица. Въ этомъ отношеніи полезнымъ подспорьемъ оказался Витрувій, классическій писатель, также измѣрявшій тѣло длиною лица. Альберти въ сочиненіи de Statua 1464 г. за основаніе беретъ не лицо, а всю голову, и приводитъ въ соотношеніе съ ней другія части тѣла. Но при этомъ онъ требуетъ отъ художника постояннаго изощренія глаза и свободнаго изученія дѣйствительности. Леонардо да Винчи возвратился къ измѣренію по длинѣ лица, согласно съ Витрувіемъ, но, подобно Альберти, настаиваетъ на необходимости самостоятельнаго наблюденія и творчества. Въ манускриптахъ Винчи разбросано множество рисунковъ человѣческаго лица и лошадиной морды съ дѣленіями и подраздѣленіями, и съ вычисленіями или цифровыми формулами.

Рядомъ съ изученіемъ строенія тѣла и его размѣровъ шло изученіе положенія тѣла въ пространствѣ, или перспектива. Уже Джоттисты (XIV в.) стремились къ различенію близи и дали и вводили архитектоническіе и ландшафтные планы; но все это дѣлалось на глазомѣръ, безъ теоретическаго обоснованія. Основателемъ перспективы, какъ науки, считается знаменитый зодчій Брунеллески. Дальнѣйшія завоеванія въ этой области сдѣланы были учеными Лоренцо Канноци, Паоло Уччелли, Альберти, Пьеро делла Франческа, Лука Пачіоли. Уже Альберти выставилъ требованіе, повторенное позднѣе Леонардомъ да Винчи, что настоящимъ художникомъ можетъ быть только человѣкъ, основательно изучившій перспективу. Съ XV ст. ученіе о перспективѣ дѣлается обязательнымъ въ университетахъ и въ мастерскихъ художниковъ. Въ Падуѣ въ школѣ Скарчіоне учителями были Канноци

и Мантенья, въ Миланѣ—Виченцо Фоппа, позднѣе Леонардо да Винчи. Художникъ Франческа незадолго до своей кончины († 1492) издалъ сочиненіе о перспективѣ. Его ученикъ, другъ Винчи, фра Лука Пачіоли въ своихъ сочиненіяхъ и въ лекціяхъ распространялъ ученія Франческа. Черезъ Пачіоли ученіе Франческа перешло къ Леонарду да Винчи. Франческа вполнѣ развилъ ученіе о линейной перспективѣ. Леонардо да Винчи закончилъ начатую имъ теоретическую разработку воздушной перспективы, въ особенности всего того, что относится къ градаціи свѣта и тѣней по мѣрѣ удаленія или приближенія и къ выясненію значенія цвѣтовъ при вліяніяхъ дыма, тумана, облаковъ и пр.

Большая часть рукописей Винчи трактуетъ о живописи, о перспективѣ, цвѣтахъ, сочетаніи свѣта и тѣни и т. д. Все это замѣтки, большею частью весьма краткія, и почти всегда поразительныя по точности наблюденія и ясности изложенія. Во многихъ мѣстахъ находятся пояснительные рисунки. Мѣстами рисунки даже преобладаютъ надъ текстомъ, напр., въ отдѣлѣ объ архитектурѣ. «Трактатъ о живописи» впервые былъ въ сокращеніи напечатанъ въ 1651 г.; затѣмъ было много изданій и нѣсколько переводовъ. Таковъ французскій переводъ Сенъ-Жермена 1803 г., съ пропускомъ многихъ главъ по техникѣ и теоріи искусства. Лишь въ послѣднее время рукописи Винчи стали предметомъ тщательнаго изученія. У Рихтера Трактатъ о живописи занимаетъ 662 главы. Самое полное и подробное изданіе Людвига 1882 г. по ватиканскому экземпляру состоитъ изъ 994 главъ въ трехъ томахъ.

Въ Трактатѣ о живописи разбросано много мудрыхъ мыслей и полезныхъ практическихъ свѣдѣній. Въ историко-эстетическомъ отношеніи замѣчательно высказанное вскользъ замѣчаніе, что добро и красота не тождественны—non e semprе buono, che e bello, не все то хорошо, что прекрасно. Это глубокое положеніе проводитъ то различіе между искусствомъ и моралью, которое лишь въ послѣднее время стали раздѣлять выдающіеся западные ученые, писавшіе по теоріи искусства. Такъ, Прёльсъ въ «Эстетикѣ» (1895 г.) прямо говоритъ, что цѣлью искусства должно быть расширеніе созерцанія, независимо отъ требованія нравственнаго исправленія или поученія. Расширеніе созерцанія большей частью ведетъ къ облагороженію человѣка.

Леонардо да Винчи прекрасно зналъ главные моменты въ историческомъ развитіи живописи и прекрасно опредѣлялъ главное условіе развитія—самостоятельность творчества. Въ немногихъ словахъ онъ обрисовалъ въ одной замѣткѣ въ Атлантическомъ Кодексѣ пути искусства: «Живописецъ будетъ создавать хорошіе плоды, подражая природѣ, или слабыя, если будетъ исходить изъ подражанія другимъ художникамъ.

Доказательствомъ служатъ живописцы послѣ римскаго періода, которые подражали одинъ другому; искусство все болѣе и болѣе падало. Но вотъ является флорентинецъ Джіотто, который не удовлетворился подражаніемъ своему учителю Чимабуэ, но, родившись въ уединенныхъ горахъ, сталъ рисовать движенія дикихъ козъ и другихъ мѣстныхъ животныхъ и достигъ большаго совершенства. Послѣ Джіотто искусство упало, потому что стали подражать существующимъ картинамъ, пока флорентинецъ Томазо, по прозванію Масаччіо, не показалъ своими работами, что мастера, не исходящіе отъ изученія природы, наставницы учителей, трудятся напрасно».

Леонардо да Винчи выдвигаетъ на первое мѣсто правдивое воспроизведеніе видимаго міра. Судя по картинамъ самого Винчи, онъ, при глубоко реальномъ выполненіи явленій природы и событій, умѣлъ освѣщать ихъ высокимъ идеализмомъ, въ видѣ отраженія на лицѣ глубокой мысли или загадачной улыбки. Какъ теорикъ Лнонардо да Винчи былъ крайній реалистъ, но какъ практикъ онъ сумѣлъ создать въ искусствѣ не простой грубый реализмъ, а возвышенный, идеальный, гуманный.

При всемъ энциклопедизмѣ въ наукѣ и въ искусствѣ, Винчи обнаруживалъ особенно сильное расположеніе къ живописи. Онъ очень высоко цѣнилъ этотъ родъ искусства и даже вошелъ по этому поводу въ столкновеніе съ Микель Анджело, симпатіи котораго были на сторонѣ скульптуры. Въ рукописяхъ Винчи разбросанъ рядъ замѣтокъ о превосходствѣ живописи надъ поэзіей, музыкой и скульптурой. Поэзія, по объясненію Винчи, воспринимается воображеніемъ, а живопись зрѣніемъ, высшимъ органомъ внѣшнихъ чувствъ. Воображеніе относится къ дѣйствительности, какъ тѣнь къ отбрасывающему ее предмету. Музыку Винчи считалъ младшей сестрой живописи, младшей потому, что она опирается на второстепенное сравнительно съ зрѣніемъ чувство—слухъ. Живопись не умираетъ непосредственно за своимъ возникновеніемъ, какъ музыка, а напротивъ остается жить на долгое время и дѣлаетъ живымъ то, что въ дѣйствительности есть только плоскостное изображеніе. Скульптура искусство механическое, холодное и отчасти неопрятное. Для ваянія достаточно знанія позъ и движеній. Живопись должна считаться съ цвѣтами, переливами тѣней, перспективой. Скульптура не можетъ передать предметовъ прозрачныхъ, свѣтящихся, напр. облаковъ, тогда какъ живопись широко охватываетъ матеріальную природу вещей. Живописецъ сравнительно бо́льшій творецъ. Онъ вноситъ въ свою работу элементы, имъ самимъ открытые и осмысленные, и создаетъ поэтическую иллюзію, не погрѣшая противъ реальнаго міра.

Винчи выдвигаетъ реализмъ. Онъ требуетъ подражанія природѣ, но при этомъ подражаніе не отождествляетъ съ фотографичностью и даетъ ему болѣе широкое значеніе. Подражать природѣ не значитъ рабски ее копировать; это значитъ: руководствуясь ея законами, присоединять къ созданнымъ ею формамъ новыя, соотвѣтствующія чувствамъ человѣческой души. «Подражаніе Винчи ведетъ къ творчеству, говоритъ по этому поводу Сеайль; идеалъ продолжаетъ дѣйствительность; мы возносимся надъ существующимъ, не разрывая съ нимъ связи. Реализмъ Винчи представляетъ собою изумительную вѣру въ духовный элементъ». За внѣшностью выступаетъ духовная сила, въ законахъ необходимости міровой разумъ. Любознательность Винчи есть форма симпатіи: скала, былинка или цвѣтокъ—все это его интересуетъ; для него нѣтъ въ природѣ ничего мертваго. Все существующее заслуживаетъ вниманія и изученія. Художникъ тотъ, кто понимаетъ языкъ природы и опредѣляетъ его, переводя на звуки человѣческой рѣчи. Онъ не пренебрегаетъ міромъ, его очертаніями, цвѣтами и формами; онъ входитъ туда, какъ въ братское общество, одаряя бездушныя вещи величіемъ своей мысли. Винчи говоритъ, что «глазъ превосходитъ природу въ томъ отношеніи, что число природныхъ созданій ограничено, произведенія же, выполняемыя руками, по приказанію глаза, безчисленны». Художественные идеалы Винчи очень высоки. Искусство у него расширяетъ природу. Созданія фантазіи получаютъ значеніе реальныхъ явленій, вызываютъ эмоціи и расширяютъ кругъ понятій и чувствъ. «Живописецъ можетъ такъ сильно овладѣть человѣческимъ умомъ, говоритъ Винчи, что заставляетъ любить картину, изображающую совсѣмъ несуществующую женщину. Мнѣ самому случилось написать картину, поясняетъ онъ далѣе, представлявшую одну божественную вещь (una cosa divina); нѣкто страстно влюбился въ нее и купилъ, чтобы цѣловать». Винчи утверждаетъ далѣе, что живопись такъ могущественна, что «побуждаетъ руки прикасаться, губы цѣловать» и можетъ наполнить душу волненіемъ страстнаго опьяненія. Винчи высоко оцѣниваетъ живопись не только, какъ воспроизведеніе существующаго, но и какъ эстетическую силу, вызывающую разнообразныя эмоціи, симпатію, любовь, пріобщающія насъ ко всему человѣческому и углубляющія наши чувства и наше пониманіе реальныхъ явленій. Художникъ, по словамъ Винчи, не только наслаждается «божественной красотой міра»; онъ увеличиваетъ число ея проявленій. Основательность своихъ теоретическихъ воззрѣній па высокое значеніе живописи Винчи блистательно подкрѣпилъ на практикѣ. Какъ бы въ доказательство положенія, что живопись сохраняетъ красоты, которыя время и природа сдѣлала мимолетными, Винчи нарисовалъ Мону Лизу. Эта женщина, ничѣмъ не знаменитая при

жизни, до сихъ поръ живетъ въ Луврѣ и съ улыбкой смотритъ на двигающіяся передъ ней толпы зрителей. Правда, Винчи принизилъ нѣсколько поэзію, музыку и скульптуру; но это сдѣлано имъ по убѣжденію. Въ одностороннемъ пониманіи или узкомъ пристрастіи нельзя упрекнуть такого человѣка, какъ Винчи, человѣка, который былъ однимъ изъ величайшихъ скульпторовъ всѣхъ временъ и народовъ и въ добавокъ среди современниковъ въ молодости славился, какъ поэтъ-импровизаторъ и музыкантъ. Живописи отдано предпочтеніе по тщательномъ размышленіи. Она отвѣчала общему строю мыслей Винчи, его духовной природѣ, его научнымъ наклонностямъ.

Леонардо да Винчи обратилъ серіозное вниманіе на пейзажъ. Онъ не одобрялъ того пренебреженія къ пейзажу, которое проявляли современные ему художники. Въ своемъ изслѣдованіи о живописи онъ порицаетъ по этому поводу знаменитаго живописца Ботичелли. Правда, и у Винчи пейзажъ имѣетъ второстепенное и подчиненное мѣсто, большей частью въ видѣ пространства, открывающагося изъ окна, но у Винчи вездѣ пейзажъ обрисованъ весьма тщательно и добросовѣстно. Уже въ картинѣ Благовѣщенія виднѣются вдали живописныя горы и группы деревьевъ. На картинахъ, изображающихъ поклоненіе волхвовъ, также виднѣются деревья; но здѣсь пейзажъ еле набросанъ. Гораздо полнѣе, лучше и живѣе пейзажи въ Тайной Вечери, Мадонна Литта, св. Анна, Джокондо, Мадонна у скалъ и Вакхъ. Вездѣ дано живописное сочетаніе горъ и рѣки. Особенно богаты пейзажемъ Джокондо и Вакхъ. Весь задній планъ здѣсь покрытъ горами и живописно извивающейся между ними рѣчкой; видно даже какъ въ ней струятся и играютъ волны. У Винчи изрѣдка встрѣчаются опыты самостоятельнаго пейзажа, безъ жанра; таковъ рисунокъ въ Виндзорѣ, изображающій паденіе водъ, нѣчто вродѣ водопада; у подножія его разстилается долина со многими селами [1]).

Вездѣ ставя на первое мѣсто изученіе дѣйствительности, Винчи не отрицаетъ пользу науки, причемъ изученіе античнаго искусства признаетъ болѣе полезнымъ, чѣмъ изученіе современнаго искусства.

L'imitatione delle cose antiche e piu laudabile, che quella delle moderne.

Винчи считаетъ плохимъ того ученика, который не питаетъ надежды опередить своего учителя.

Tristo e quel discepolo che non avanza il suo maestro.

Благодѣтельная природа даетъ вездѣ мѣсто для подражанія, т. е. для искусства:

Qnesta benigna natura ne provede in modo che per tutto il mondo tu troni dove imitare.

1) У Мюнца на 288 стр.

Винчи даетъ мудрый совѣтъ не пренебрегать мнѣніями посторонних, хотя бы они и не были художниками по призванію и профессіи: отъ такихъ людей иногда можно услышать цѣнныя замѣчанія о высотѣ плечъ, формѣ лица и пр. т. п. Потому Винчи совѣтуетъ «con patientia udire le altrui openioni e considera bene e pensa bene».

Общее положеніе Винчи, которое для жанра законъ, что ту фигуру нужно считать наилучшей, которая лучше всего выражаетъ волнующее ее чувство:

Quella figura e piu laudabile che ne l'atto meglio esprime la passione del suo animo.

Леонардо да Винчи даетъ много руководящихъ совѣтовъ, въ чемъ должны состоять первыя занятія молодого художника.

Художникъ долженъ быть универсальнымъ и не связывать себя однимъ мотивомъ.

Нужно исправлять ошибки въ своихъ работахъ до выставки ихъ.

Полезно по ночамъ обдумывать этюды.

Нужно работать терпѣливо и оканчивать начатыя работы.

Художникъ долженъ прислушиваться къ различнымъ мнѣніямъ.

Художникъ долженъ избѣгать предубѣжденій, не полагаться на свои мнѣнія и тщательно изучать дѣйствительность.

Художникъ долженъ сначала изучить теорію искусства и затѣмъ переходить къ практикѣ.

Художникамъ нужно избѣгать рабскаго подраженія другъ другу.

Цѣлый рядъ главъ посвящается выясненію, какъ рисовать пейзажъ, наготу, дѣтей, женщинъ, стариковъ, старухъ, людей въ моменты гнѣва или отчаянія, въ положеніи бѣга, наклона, прыжка, борьбы, какъ изображать ночь, бурю, битву (послѣднія три главы наиболѣе обширныя и поэтическія), горныя возвышенности, драпировку и складки одеждъ, и т. д. вплоть до оригинальнаго совѣта, какъ писать фантастическое животное (туловище змѣи, голова собаки, глаза кошки, морда зайца, брови льва, шея черепахи).

При очевидныхъ повтореніяхъ и разбросанности матеріала, красной нитью проходитъ живой научный интересъ къ окружающимъ явленіямъ, поразительная наблюдательность и столь же поразительная любознательность.

«Духъ художника долженъ всегда работать, говоритъ Винчи, очевидно, по собственному опыту. Художникъ долженъ останавливаться съ размышленіемъ надъ всѣми достойными вниманія предметами, вникать въ нихъ и составлять представленія объ ихъ положеніи и освѣщеніи. Изученія должны идти съ соблюденіемъ порядка и метода. Художникъ, не задумывающійся надъ своими работами, не относящійся къ нимъ критически, не пойдетъ далеко. Лишь силой своего ума онъ можетъ подниматься на болѣе высокія ступени. Человѣку свойственно заблуждаться и преувели-

чивать значеніе своего труда. Критика враговъ потому бываетъ болѣе полезна, чѣмъ похвалы друзей. Друзья обыкновенно даютъ то, что уже есть, и если художникъ самъ обманывается въ оцѣнкѣ своего труда, то друзья безъ намѣренія его обманываютъ своими одобреніями. Тѣ художники, которые предаются практикѣ безъ теоріи искусства, уподобляются матросамъ, пускающимся въ путь на кораблѣ «безъ руля и безъ вѣтрилъ»: они не знаютъ, какой дорогой поплывутъ.

Винчи настойчиво требуетъ знанія анатоміи человѣческаго тѣла, преимущественно мускуловъ головы, рукъ и ногъ, равно какъ изученіе психологіи, для выраженія душевныхъ настроеній, причемъ то и другое изученіе должно быть чисто опытное и реальное, а не книжное.

Въ одномъ мѣстѣ трактата находится интересное замѣчаніе по гигіенѣ умственнаго труда; «часто бываетъ полезно оставить работу и немного отдыхнуть; по возвращеніи къ дѣлу, умъ дѣлается тогда свѣтлѣе; при слишкомъ большой усидчивости умственная энергія ослабѣваетъ и происходятъ большія ошибки».

Плебей по происхожденію, Леонардо да Винчи былъ аристократъ по душевному настренію и наклонностямъ. Онъ любилъ достатокъ, чистоту, элегантную и изящную обстановку. Самъ скульпторъ, Леонардо да Винчи, однако, не долюбливалъ ваяніе, потому что скульптору приходится работать съ грубымъ матеріаломъ и, отбивая камень, обливаться потомъ, который смѣшивается съ пылью и превращается въ грязь. «Лицо скульптора, говоритъ Винчи, совершенно испачкано, обсыпано мраморной мукою, такъ что онъ кажется булочникомъ; мельчайшіе мраморные осколки покрываютъ его плечи, словно снѣгъ, а жилище его полно осколками камня и пыли. При другихъ условіяхъ работаетъ живописецъ. Онъ сидитъ передъ своимъ произведеніемъ съ большимъ удобствомъ, хорошо одѣтый и передвигаетъ легкую кисть съ прелестными красками. Одѣтъ онъ такъ, какъ это ему по вкусу. Жилище его полно прекрасныхъ картинъ и отличается чистотой. Часто онъ работаетъ въ обществѣ, съ музыкой или чтеніемъ различныхъ хорошихъ произведеній, что воспринимается съ большимъ удовольствіемъ, когда не слышно стука молотковъ и шума». Въ этихъ словахъ чувствуется автобіографическое начало. Весьма правдоподобно, что Леонардо да Винчи расписываетъ здѣсь живописца по своему личному образу и подобію. Чистота, опрятность, изящество, музыка, чтеніе—такова, должно быть, была обстановка художественной мастерской Леонардо да Винчи.

VII.

Конная статуя Франческа Сфорцы. Портреты Людовика Моро и его семьи. Джиневра Бенчи. Цецилія Галлерани. Лукреція Кривелли.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Миланъ Винчи получилъ отъ Людовика Моро порученіе изготовить конную статую Франческа Сфорцы, отца Людовика, основателя династіи. Есть данныя думать, что Леонардо да Винчи былъ вызванъ въ Миланъ Людовикомъ Моро съ цѣлью изготовленія этой статуи. Прочіе его таланты—игра на лютнѣ, инженерное искусство, мастерство въ живописи, умѣніе устраивать празднества—все это получало надлежащую оцѣнку позднѣе, какъ дополненіе къ его дѣятельности по изготовленію «Коня».

Появившіеся въ XV ст. въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверной Италіи конныя статуи мѣстныхъ правителей, въ особенности замѣчательная по художественности исполненія конная бронзовая статуя Бартоломео Коллеоне въ Венеціи работы учителя Винчи Андреа Верроккіо, усиливали во владѣтельныхъ герцогахъ меценатахъ склонность къ подражанію и быть можетъ самого Леонардо да Винчи расположили къ художественному творчеству въ этомъ направленіи.

Къ тому же Леонардо да Винчи всегда обнаруживалъ любовь къ лошади. Онъ любилъ хорошихъ лошадей. Въ его конюшнѣ стояли собственные породистые экземпляры. Какъ художникъ-реалистъ онъ изучалъ лошадь прежде всего и болѣе всего въ окружавшей его бытовой обстановкѣ. Не ограничиваясь внѣшнимъ наблюденіемъ, Леонардо да Винчи вошелъ въ глубь изученія анатоміи лошади, изучалъ мускулы морды, выпуклости копыта, изгибы колѣна, формы хвоста. Манускрипты Винчи наполнены рисунками лошади въ самыхъ различныхъ положеніяхъ и аллюрахъ. Въ добавокъ къ основному изученію лошади въ натурѣ Лео-

нардо да Винчи изучалъ лучшія воспроизведенія коня въ античномъ искусствѣ и воспользовался всѣми данными современнаго ему италіанскаго искусства. Такой интересъ Винчи отвѣчалъ современнымъ ему вкусамъ и наклонностямъ интеллигентнаго италіанскаго общества. Недаромъ въ этомъ обществѣ большую роль играли конные кондотьеры. Графъ Бальтазаръ Кастиліоне говоритъ, что благовоспитанный человѣкъ долженъ быть хорошимъ ѣздокомъ. «Италіанцы, поясняетъ онъ далѣе, отличаются умѣніемъ хорошо держать лошадь на уздѣ, правильно маневрировать преимущественно упрямыми конями, биться съ наскоку на копьяхъ». Послѣ этого замѣчанія выясняется живое бытовое значеніе многочисленныхъ рисунковъ Леонардо да Винчи съ изображеніемъ всадника.

Леонардо да Винчи долго выбиралъ форму пьедестала для конной статуи Франческа Сфорцы и колебался между круглой и четыреугольной формами. Много труда и самаго тщательнаго обдумыванія пошло на выборъ позы коня. Художникъ перепробовалъ разныя положенія—спокойное, быстрое, скачокъ, поворотъ головы и т. д. Много труда ушло на обдумываніе и этюды наиболѣе характерной посадки всадника, на его жесты, направленіе правой руки и т. д. 16 лѣтъ проработалъ Винчи надъ «Конемъ» и все таки не закончилъ его вполнѣ. Въ 1493 г. модель была готова. Она была вылита изъ глины и, по случаю бракосочетанія племянницы Людовика Моро Маріи Біанки Сфорца съ германскимъ императоромъ Максимиліаномъ, выставлена на Піацца дель Кастелло подъ импровизированной тріумфальной аркой. Миланцы были въ восторгѣ. Слава о «Конѣ» Винчи прошла по всей Италіи. Пріѣзжали издалека, чтобы посмотрѣть на это чудо искусства. Поэты посвятили произведенію Винчи рядъ похвальныхъ стихотвореній. Модель, однако, не была отлита въ бронзу. При громадной величинѣ въ 8 метровъ вышины (около 4 саж.), выходилъ крайне большой расходъ на бронзу, а между тѣмъ политическое и матеріальной благосостояніе Людовика Моро сильно пошатнулось, а въ 1499 г. Людовикъ совсѣмъ сошелъ съ политической сцены. Грубые гасконскіе стрѣлки, занявшіе Миланъ, какъ говорятъ, испортили статую, избравъ ее мишенью для стрѣльбы. Послѣднее упоминаніе о величайшемъ скульптурномъ произведеніи Винчи относится къ 1501 г. Въ этомъ году ферарскій герцогъ Эрколе д'Эсте писалъ своему агенту въ Миланъ, чтобы онъ пріобрѣлъ «Коня» отъ французскаго короля. Статуя погибла безслѣдно, неизвѣстно — когда и при какихъ обстоятельствахъ. Въ манускриптахъ Леонардо да Винчи не сохранилось ни малѣйшей замѣтки по этому поводу. Повидимому, Винчи, какъ человѣкъ ума глубоко пытливаго, не вполнѣ былъ доволенъ своимъ

произведеніемъ и перенесъ свои интересы на другія явленія жизни. Старыя творческія симпатіи и сладкія муки творческой думы были пережиты и почти забыты.

Среди множества рисунковъ лошадей, разбросанныхъ въ рукописяхъ Винчи, выдѣляется около друхъ десятковъ такихъ этюдовъ, которые можно считать этюдами конной статуи Сфорцы и судить по нимъ до нѣкоторой степени объ общей композиціи. Въ послѣднее время Мюллеръ-Вальде (въ Jahrbuch d. königl. preus. Kunstsaml 1899 XX) выдѣлилъ изъ этого разряда часть рисунковъ для опредѣленія одной изъ позднѣйшихъ работъ Винчи—памятника маршалу Тривульцію. При всей эрудиціи автора и рѣдкой глубинѣ его научнаго анилиза, группа рисунковъ для памятника Тривульція незамѣтно сливается съ рисунками для Сфорцы, и нельзя быть увѣреннымъ, что предназначалось для того или другого памятника.

Ближе всего къ истинѣ, повидимому, стоитъ мнѣніе, что модель статуи Сфорцы въ оконченномъ видѣ болѣе или менѣе соотвѣтствовала одному изъ тѣхъ четырехъ всадниковъ, которые даны въ набросанномъ перомъ рисункѣ Винчи. Судя по этому рисунку, художникъ очевидно стремился дать коню смѣлый и красивый поворотъ, изобразить его въ моментъ прыжка, причемъ подъ передними ногами у него въ одномъ рисункѣ человѣкъ въ лежачемъ положеніи, въ другомъ человѣкъ въ полустоящемъ, въ третьемъ—пенекъ дерева, въ нѣкоторыхъ другихъ—ваза, черепаха. Всадникъ въ одномъ рисункѣ наноситъ ударъ, въ другихъ спокойнымъ жестомъ указываетъ назадъ.

Сохранилось нѣсколько похвальныхъ латинскомъ стихотвореній, написанныхъ современниками Леонардо да Винчи по непосредственному личному впечатлѣнію. Наиболѣе интересны два большихъ стихотворенія въ первый годъ окончанія и выставки мадели—1493 г. Въ одномъ стихотвореніи

говорится, что Людовикъ Моро приказалъ вылить статую въ память своего отца. Грецiя и Римъ не видѣли такого превосходнаго произведенiя созданнаго Леонардо да Винчи—ваятелемъ, отличнымъ живописцемъ, хорошимъ математикомъ. Далѣе, неизвѣстный авторъ ставитъ Винчи выше Фидiя, Мирона, Скопаса и Праксителя.

Другое стихотворенiе, быть можетъ, предположенное для помѣщенiя на самомъ памятникѣ, главные похвалы переноситъ на Франческа Сфорцу·

Quisquis colosson principis vidis, asta:
Franciscus auctor Sfortiae sacer gentis,
Ille, ille bello est maximus, toga màjor
Fortunae alumnus, redditum aetheri Numen,
Postquam aureum urbi saeculum tulit sceptris,
Par gentium victor Numae Quirinoque
Pietatem amat Mavri ac opus Leonardi
Vinci restimat. Vidisti? abi hospes et gaude.

Сохранилось еще два болѣе панегерическихъ стихотворенiя—Лацарони и Ланчино Курцiо. Послѣднее гласитъ: fluat aes, vox erit: ecce deus. Кто такой этотъ «deus?» Сеайль говоритъ—«безъ сомнѣнiя Леонардо да Винчи». Возможно, однако, предположенiе, что усердный не по разуму панегиристъ имѣлъ въ виду Франческа Сфорцу. Самого Винчи личность Франческа Сфорца, повидимому, мало интересовала. Судя по этюдамъ, Винчи гораздо болѣе увлекался идеей изваять хорошаго коня, а самый всадникъ стоялъ на второмъ планѣ.

Какъ велика была степень портретной точности въ лицѣ Франческа осталось неизвѣстнымъ. Можно лишь предполагать, что и въ этомъ отношенiи Винчи оказался на высотѣ положенiя. Такъ можно думать потому, что Винчи величайшiй портретистъ всѣхъ временъ и народовъ. Глубокiй знатокъ анатомiи, добросовѣстный наблюдатель, онъ входилъ въ подробную обрисовку всѣхъ деталей, и въ то же время онъ давалъ то, что составляетъ самую лучшую сторону портретной живописи, давалъ выраженiе духовной жизни, умственнаго и нравственнаго характера.

Винчи писалъ портреты по разнымъ мотивамъ; одни портреты и, повидимому, лучшiе, были написаны подъ обаянiемъ женской красоты, другiе—по просьбѣ или по заказу влiятельныхъ лицъ. Миланскiя красавицы и знатныя дамы ревностно добивались получить портреты кисти Винчи.

Къ первымъ годамъ пребыванiя Винчи въ Миланѣ относится портретъ Джиневры Бенчи. Это была красивая дѣвушка, дочь хозяина того дома, гдѣ одно время квартировалъ Винчи. Ея выдающаяся красота подкупила и другого крупнаго художника Доменико Гирландайо, который

въ 1484 г. нарисовалъ портретъ Джиневры на фрескѣ въ церквѣ Santa Maria Novella во Флоренціи. Картина Винчи потеряна.

Въ концѣ XV ст. въ Миланѣ выдвигались три женщины—жена Людовика Беатриче д' Эсте и двѣ его возлюбленныя—Цецилія Галлерани и Лукреція Кривелли. Всѣ онѣ получили портреты кисти Винчи, и всѣ эти портреты погибли.

Беатриче д' Эсте вышла замужъ 16 лѣтъ и умерла на 22 году. Честолюбивая, смѣлая и коварная, она приняла дѣятельное участіе въ политическихъ интригахъ своего хитроумнаго мужа. Отъ тонкаго лукавства и дерзкихъ затѣй изворотливой политики она со страстью ребенка переходила къ увеселеніямъ. Беатриче любила роскошь, празднества. Красотой она не отличалась. Въ этомъ отношеніи преимущество было, кажется, на сторонѣ ея знаменитой родной сестры Изабеллы д' Эсте, покровительницы науки и искусства. Людовикъ Моро въ значительной степени подчинялся своей молодой, энергичной женѣ и сильно горевалъ послѣ ея кончины.

Винчи нарисовалъ портретъ Людовика Моро, Беатриче и двухъ ихъ маленькихъ сыновей Максимиліана и Франческа между 1495 и 1497 г. въ той самой трапезной монастыря Милосердной Маріи, гдѣ онъ рисовалъ въ тѣ годы Тайную Вечерю. Картина была нарисована на стѣнѣ непрочными масляными красками, которыя осыпались, и теперь отъ этой картины не осталось никакихъ слѣдовъ. Вазари видѣлъ эту картину. Онъ хвалитъ изображенія Максимиліана и Франческа.

Цецилія Галлерани владѣла сердцемъ Людовика Моро до женитьбы его на Беатриче д' Эсте. Цецилія была весьма образованной и очень красивый женщиной. «Современная Сафо», по словамъ новеллиста Банделло, Цецилія превосходно знала латинскій языкъ, сочиняла стихи, любила музыка и сама хорошо играла. Въ ея дворцѣ собирались выдающіеся люди Милана. Военные говорили здѣсь о воинскомъ искусствѣ, музыканты играли, поэты читали стихи; всякій, кто любилъ умственныя занятія, находилъ здѣсь пищу для своей любознательности. Для времяпрепровожденія разсказывались новеллы, которыми потомъ воспользовался одинъ изъ друзей дома, Банделло. Винчи написалъ портретъ Цециліи въ первые годы своего пребыванія въ Миланѣ, когда она была еще молода и прекрасна. Поэтъ Беллинчіоне посвятилъ этому портрету стихотвореніе, въ которомъ разсыпаетъ похвалы Цециліи, Людовику и Леонарду. Въ 1498 г. Изабелла д' Эсте выпросила себѣ этотъ портретъ, и затѣмъ онъ исчезъ безслѣдно.

Лукреція Кривелли стала въ близкія отношенія къ Людовику Моро послѣ смерти Беатриче д' Эсте.

Портретомъ Лукреціи считаютъ одну картину въ Луврскомъ музеѣ. Картина эта носитъ названіе прекрасной фероньерки (La belle Feronnière), потому что долгое время въ ней ошибочно усматривали возлюбленную Франциска I—жену торговца Феррона, которая умерла до переѣзда Винчи во Францію. На картинѣ поясное изображеніе красивой женщины, одѣтой въ красное платье, украшенное золотымъ шитьемъ и бантами. Волосы, гладко причесанные, поддерживаются чернымъ снуркомъ, идущимъ по лбу и украшеннымъ брилліантомъ. Выраженіе лица серіозное и даже нѣсколько строгое. Особенно замѣчательны глаза; зритель чув-

La belle Feronnière (Лувръ).

ствуетъ ихъ обаяніе. Иногда возникали сомнѣнія относительно принадлежности этой картины кисти Винчи (напр. въ сочиненіи А. Гуссе); но выдающіяся достоинства картины и въ особенности взглядъ красавицы говорятъ о Винчи. Скорѣе можно сомнѣваться въ томъ, что прекрасная фероньерка портретъ Лукреціи Кривелли. Несомнѣнно, что нѣкогда былъ портретъ Лукреціи работы Винчи. Сохранились похвальные латинскіе стихи миланскаго поэта, современника Винчи, съ прямымъ указаніемъ на Винчи: «Имя той, которую ты видишь—Лукреція, которой боги дали все щедрою рукою. Ей досталась въ удѣлъ рѣдкая красота. Нарисовалъ ее Леонардо, любилъ Моръ, одинъ—величайшій живописецъ, другой—вождь».

VIII.

Мадонна въ искусствѣ. «Мадонна среди скалъ». «Мадонна Литта». «Св. Анна». «Св. Семейство». «Мадонна съ вѣсами». Историческое значеніе Мадоннъ Винчи.

Идеалы женской красоты Леонардо да Винчи выразилъ въ многочисленныхъ Мадоннахъ. Образъ пр. Дѣвы Маріи, какъ прекрасной молодой матери, любящей или страдающей, разрабатывался въ италіанской живописи съ давнихъ временъ. Зачатки Мадоннъ находятся уже въ катакомбахъ II и III вѣковъ. Въ V в. изображенія Богородицы умножаются и переходятъ изъ подземныхъ кладбищъ въ базилики и частные дома. Въ теченіе многихъ вѣковъ господствовали традиціонныя византійскія формы почти неизмѣннаго типа. Съ XIII ст. начинаются все большія и большія отступленія въ сторону жизненной правды и приспособленія къ современнымъ понятіямъ о женской красотѣ, материнской любви и семейномъ счастіи. Мадонны дѣлаются любимѣйшимъ родомъ живописи. Все сильнѣе и сильнѣе отражается въ нихъ индивидуальность художника. Въ XV и XVI ст. установились разнообразные пріемы изображенія пр. Дѣвы и ея Сына въ мирной семейной обстановкѣ, чаще всего въ видѣ sancta conversazione — святой бесѣды. Пр. Марія помѣщается въ серединѣ, иногда на возвышеніи, или престолѣ; справа и слѣва стоятъ по одному или по два святыхъ, которые разностью пола, возраста, осанки и движенія даютъ разнообразіе. Небесная Царица съ любовью глядитъ на свое Дитя; рядомъ съ Нимъ часто изображался товарищъ Его Іоаннъ. Все это въ совокупности давало картины идеальнаго семейнаго счастья и материнской любви. Богоматерь является идеаломъ женской красоты и граціи, дѣвственной чистоты, смиренія, роди-

тельской нѣжности. Болѣе всего въ этомъ направленіи въ историческомъ смыслѣ перелома и усовершенствованія сдѣлалъ Леонардо да Винчи. Мадонна съ этого времени почти совсѣмъ утрачиваетъ религіозный характеръ. На первый планъ выдвигается совершенство формъ, красота и грація.

Въ теченіе всей своей жизни Винчи рисовалъ Мадоннъ; но многія его картины этого рода погибли, другія нельзя съ точностью выдѣлить изъ картинъ его лучшихъ учениковъ и подражателей. Несомнѣнно ему принадлежащія Мадонны не поддаются хронологическому опредѣленію. Ничего временнаго и мѣстнаго нѣтъ въ Мадоннахъ Винчи, и потому ихъ безъ ущерба для хронологіи можно разсматривать совмѣстно.

Достовѣрныя Мадонны Винчи можно раздѣлить на два разряда—рисунки и картины, причемъ первые большей частью представляются этюдами, эскизами, подготовительными работами. Нѣкоторые рисунки можно привести въ генетическую связь съ картинами; другіе занимаютъ самостоятельное положеніе, если не считать ихъ этюдами къ потеряннымъ картинамъ Винчи.

Къ числу эскизовъ, не воспроизведенныхъ на извѣстныхъ картинахъ, принадлежатъ слѣдующіе небольшіе и еле намѣченные наброски перомъ:

Во Флоренціи въ Уффици поясное изображеніе Богоматери съ Младенцемъ на колѣняхъ. Ребенокъ держитъ въ рукахъ кошку (рис. у Мюллеръ-Вальде II 102).

Въ Виндзорѣ рисунокъ съ изображеніемъ сидящей Богоматери. Ребенокъ на ея колѣняхъ тянется къ груди. За спиной Богоматери ребенокъ Іоаннъ съ кошкой въ рукахъ. На томъ же листѣ даны три рисунка дѣтей, причемъ на одномъ рисункѣ цѣлуются два маленькихъ мальчика, а на двухъ другихъ—нагой мальчикъ играетъ съ кошкой (рис. у М. Вальде II 103).

Крошечный и неясный рисунокъ въ Виндзорѣ: Богоматерь склонилась надъ лежащимъ на землѣ Младенцомъ (рис. у М. Вальде 105).

Группы дѣтей въ полномъ видѣ и этюды дѣтскихъ головокъ, рукъ и ногъ (рис. у Розенберга 86—87, Мюнца 454).

Рисунокъ въ Уффици Мадонны съ ребенкомъ на рукахъ; въ рукахъ ребенка крестъ (рис. у Розенберга 113).

Рисунокъ въ Миланѣ Мадонны, рисующей на пескѣ фигуры на забаву ребенка (рис. у Розенберга 114).

Гораздо болѣе рисунковъ, имѣющихъ характеръ подготовительныхъ работъ для «Мадонны среди скалъ» и «Св. Анны». Таковъ, напр., картонъ св. Анны въ Лондонской Королевской Академіи, этюды Богоматери и ангела для Мадонны въ скалахъ. Рисунки этого рода приведены въ

изобилии у Мюнца. Два рисунка вошли въ настоящее изслѣдованіе. Эти этюды представляютъ большой интересъ, какъ показатели, какимъ путемъ шла и развивалась творческая мысль художника.

Обратимся къ картинамъ и прежде всего къ наиболѣе ранней, по мнѣнію большинства ученыхъ, къ Мадоннѣ въ скалахъ—«La Vièrge aux rochers».

Мадонна у скалъ (Лувръ).

Съ художественнымъ творчествомъ Винчи связано много спорныхъ вопросовъ и крупныхъ разногласій. Одна картина Мадонны въ скалахъ имѣетъ цѣлую полемическую литературу. Разногласіе вызываютъ вопросы, къ какому времени отнести картину—къ первому, флорентійскому періоду или къ началу второго, миланскаго, какую изъ двухъ сходныхъ картинъ считать оригиналомъ, парижскую или лондонскую, и какую изъ нихъ свести на копію, какъ велики достоинства той и другой. Мюллеръ-Вальде, Сеайль, Мюнцъ, вообще господствующее и установившееся мнѣніе относитъ «La Vierge aux rochers» къ флорентійскому періоду. Мюллеръ-Вальде въ частности усматриваетъ въ парижскомъ экземплярѣ разные недостатки въ композиціи и въ техникѣ. Стржиговскій въ солидномъ научномъ изданіи Jahrb. d. königl. preus. Kunstsaml. въ 1895 г., т. е. позднѣе Мюллеръ-Вальде, пытается доказать, что, по высокому художественному исполненію, по сходству въ жестахъ съ нѣкоторыми бо-

лѣе поздними картинами Винчи, «Мадонна въ скалахъ» могла быть написана уже въ миланскій періодъ, при полномъ разцвѣтѣ творческихъ силъ художника.

Въ настоящее время извѣстно три весьма сходныхъ экземпляра картины—въ Луврѣ, въ частной коллекціи Шерами и въ Лондонской Національной галлереѣ. Разница въ деталяхъ; въ луврской картинѣ нѣтъ нимбовъ, въ рукахъ младенца Іоанна нѣтъ креста, въ лондонской въ рукахъ Іоанна крестъ, на который смотритъ младенецъ Спаситель, нимбы надъ Богоматерью и обоими дѣтьми. Въ картинѣ Шерами одинъ нимбъ надъ Богоматерью. Разница еще въ позѣ и жестѣ ангела; въ луврскомъ экземплярѣ онъ указываетъ правой рукой на Іоанна; въ лондонскомъ поддерживаетъ младенца Спасителя. Большинство изслѣдователей новѣйшаго времени—Сеайль (1892), Флятъ (1897), Мюнцъ (1899 г.) оригиналомъ считаютъ луврскій экземпляръ, а два другихъ копіями, исполненными или самимъ Винчи, или его учениками и подъ его руководствомъ.

Къ Мадоннѣ у скалъ вполнѣ идетъ прелестное стихотвореніе А. Толстого:

Склоняся къ юному Христу,
Его Марія осѣнила;
Любовь небесная затмила
Ея земную красоту.
А Онъ въ воззрѣніи глубокомъ,
Уже вступая съ міромъ въ бой,
Глядитъ впередъ, и яснымъ окомъ
Голгоѳу видитъ предъ Собой.

Пр. Дѣва съ любовью смотритъ на ребенка Іоанна и рукою привлекаетъ его къ своему божественному Сыну, который двумя пальчиками благословляетъ своего маленькаго друга и товарища. Младенца Спасителя нѣжно поддерживаетъ колѣнопреклоненный ангелъ. Всѣ четыре фигуры въ оригинальныхъ положеніяхъ. У всѣхъ выразительные жесты рукъ. Винчи былъ мастеръ въ обрисовкѣ рукъ. Эта черта его таланта съ наибольшей яркостью выразилась позднѣе въ Джокондо и въ Тайной Вечери. Сцена написана въ гротѣ сталактитовой формаціи. Въ глубинѣ черезъ отверстіе виденъ пейзажъ, живописная рѣка и синеватыя остроконечныя скалы. На первомъ планѣ цвѣты, исполненные съ большой нѣжностью и законченностью. Выразительны и изящны головы Богоматери и ангела леонардовскаго типа. Волоса, спускающіеся съ головы Мадонны, и локоны, падающіе на плечи ангела, написаны съ большой

тонкостью. На Мадоннѣ красная туника и голубой плащъ, подбитый желтой матеріей. На ангелѣ красный плащъ на зеленой подкладкѣ.

При сравненіи Мадонны среди скалъ съ другими произведеніями Винчи открываются нѣкоторыя общія черты, имѣющія значеніе для опредѣленія леонардовскихъ пріемовъ и для опредѣленія подлинности нѣкоторыхъ приписываемыхъ Винчи картинъ. Такъ, по жестамъ Мадонну Скалъ можно сравнивать съ Тайной Вечерей, по пещерѣ и ангелу съ Мадонной съ вѣсами, по пейзажу съ св. Анной. Внутренняя связь этихъ произведеній по обрисовкѣ деталей говоритъ въ пользу принадлежности ихъ кисти одного и того же художника.

Сохранилось много превосходныхъ предварительныхъ этюдовъ ангела и младенцовъ. Таковы прекрасные рисунки головы ангела въ Лондонѣ и въ Туринѣ и нѣсколько дѣтскихъ головъ въ Луврѣ (рисунки см. у М. Вальде во 2 т. 105—108). Таковъ, далѣе, прекрасный рисунокъ женской головки, хранящійся нынѣ въ Оксфордѣ. Продолговатое лицо моло-

Этюдъ къ Мадоннѣ у скалъ (Оксфордъ).

дой женщины полно мягкой красоты и благородства. Вѣки опущены. По лицу разлита пріятная улыбка. Если сравнить этотъ рисунокъ съ Мадонной у скалъ, то обнаруживается значительное сходство, но на сторонѣ картины оказывается то большое преимущество, что здѣсь лицу Мадонны придано болѣе серіозное и болѣе возвышенное выраженіе, въ сторону сравнительно болѣе яркаго выраженія божественнаго начала передъ слишкомъ ужъ человѣческимъ женскимъ обликомъ рисунка.

«Мадонна въ скалахъ» вызвала многія подражанія и копіи. Наиболѣе замѣчательна по древности Мадонна Перуджино, находящаяся нынѣ въ музеѣ въ Нанси. Здѣсь взята вся средняя группа, но въ обстановкѣ другого пейзажа и съ двумя ангелами по сторонамъ. Болѣе всего сходства въ изображеніи Богоматери. Нимбовъ нѣтъ. Въ рукахъ Іоанна крестъ. Рисунокъ сухой и шаблонный. Другая копія, болѣе близкая, но съ особымъ пейзажемъ, сдѣлана неизвѣстнымъ флорентійскимъ художникомъ (снимки у М. Вальде II 108, 117).

Мадонна Литта (Эрмитажъ).

Въ петербургскомъ Эрмитажѣ находится превосходное произведеніе италіанской живописи эпохи Возрожденія—«Мадонна Литта». Между двумя большими, наверху слегка закругленными окнами, черезъ которыя виднѣется прекрасный пейзажъ, изображена Мадонна, кормящая грудью Младенца. Она задумчиво и любовно смотритъ на ребенка. Черезъ полузакрытыя вѣки просвѣчиваетъ тихая безмятежная радость. На головѣ сѣтка съ тюлевой лентой, спускающейся внизъ на лѣвое плечо. Сходные головные уборы мы видимъ на «Св. Аннѣ» и на одномъ виндзорскомъ рисункѣ этюда Леды. Въ научной литературѣ одни относили эту картину Луини, другіе Амброджіо да Преди одинаково бездоказательно. Мюллеръ-Вальде называетъ ее просто копіей съ картины Винчи. Сеайдь также называетъ ее копіей, но «исполненной очень искуснымъ ученикомъ Леонарда и можетъ быть поправленной имъ самимъ (ребенокъ)». Мюнцъ считаетъ подлиннымъ произведеніемъ Винчи. Фрикенъ говоритъ: «несомнѣнно, что по-

добнаго младенца могъ написать только Леонардо да Винчи». Дѣйствительно, выраженіе глазъ Младенца, смѣлый поворотъ лица къ зрителю— это подробности чисто леонардовской силы. Въ бесѣдѣ съ однимъ любителемъ и знатокомъ искусства мы услышали замѣчаніе, что голова ребенка непомѣрно велика, и потому авторомъ картины нельзя считать Винчи— этого тонкаго знатока анатоміи и пропорцій человѣческаго тѣла. Дѣйствительно, голова велика; но именно это обстоятельство и характерно для реализма Винчи. У дѣтей голова часто бываетъ непомѣрно велика. Въ пропорціи человѣческаго тѣла въ дѣтскомъ возрастѣ большая голова скорѣе нормальное, чѣмъ аномальное явленіе. Съ возрастомъ эта особенность слабѣетъ. Что Винчи наблюдалъ дѣтей съ нормальной большой головой, это показываютъ его этюды, напр., замѣчательный этюдъ нагаго ребенка съ кошкой въ рукахъ (снимокъ у Мюллеръ Вальде II 103) въ одномъ виндзорскомъ рисункѣ.

Св. Семейство (Эрмитажъ).

Драгоцѣнное достояніе петербургскаго Эрмитажа—«Св. Семейство». Принадлежность этой картины Винчи оспаривается. Морелли гадательно относитъ эту картину Чеваріо да Сесто. Мюнцъ относитъ ее неопредѣленно къ школѣ Винчи. Бэйль и Стендаль считали ее произведеніемъ Винчи, причемъ Бэйль считаетъ ее самымъ лучшимъ произведеніемъ Леонарда. Г. Гнѣдичъ въ своей поверхностно написанной исторіи искусства употребляетъ терминъ «безспорное» произведеніе Леонарда. Чтобы ближе держаться къ сущности дѣла, мы полагаемъ лишь весьма вѣроятной принадлежность

этой картины кисти Леонарда. Тонкій знатокъ искусства художникъ Пассаванъ говоритъ: «всѣ видѣвшіе «Св. Семейство» въ Эрмитажѣ должны согласиться, что это превосходное произведеніе, достойное кисти великаго флорентинца». Болѣе всего въ пользу Винчи говорятъ этюды дѣтей въ виндзорскомъ рисункѣ (снимокъ у Кнакфуса, стр. 88).

Главное, центральное положеніе въ картинѣ занимаетъ пр. Дѣва въ видѣ прекрасной женщины среднихъ лѣтъ. Младенецъ рѣзвится у Нея на колѣняхъ и протягиваетъ ручки къ материнской груди. Богоматерь съ мягкой улыбкой опустила взоры внизъ въ радостномъ сознаніи женственности и материнства. Просторная одежда мягкими складками облегаетъ ея здоровый и красивый корпусъ. Въ этой Мадоннѣ, можетъ быть, слишкомъ много женственно прекраснаго, въ ущербъ духовнаго начала. Послѣднее болѣе выражено въ окружающихъ Богородицу лицахъ. Справа стоитъ молодая женщина и читаетъ развернутую книгу. Одни видятъ въ ней св. Екатерину, другіе — портретное изображеніе невѣстки папы Льва X, жены Джуліо Медичи. Слѣва стоитъ старикъ Іосифъ. Онъ молитвенно сложилъ на груди руки и съ большой любовью и радостью смотритъ на Младенца Іисуса. На всѣхъ четырехъ лицахъ играетъ улыбка, причемъ въ каждой улыбкѣ есть нѣчто своеобразное, индивидуальное.

Существуетъ извѣстіе, что картина «Св. Семейство» находилась нѣкогда въ Мантуѣ въ герцогскомъ дворцѣ. По ограбленіи Мантуи нѣмцами въ XVII ст., картина попала въ частныя руки и впослѣдствіи была куплена императрицей Екатериной II. Быть можетъ, картина эта нарисована по просьбѣ Изабеллы д' Эсте. Въ письмѣ отъ 22 марта 1501 г. она просила Леонардо да Винчи нарисовать для ея рабочаго кабинета хотя бы маленькую картину Мадонны.

Въ 1501 г. Леонардо да Винчи нарисовалъ одну изъ лучшихъ картинъ — «Св. Анну». Хронологическая дата точно можетъ быть опредѣлена по письму Нуволаріа къ герцогинѣ Изабеллѣ Гонзаго (ур. д' Эсте). Вазари сообщаетъ при какихъ условіяхъ написана эта картина. Монахи Санта-Марія-дель Аннунціата въ 1501 г. помѣстили Винчи со всѣми его учениками въ монастырѣ и предоставили ему всѣ средства нарисовать картину для алтаря главной часовни ихъ церкви. Винчи, по обыкновенію, не выполнилъ заказа. Въ 1503 г. монахи заключили новый контрактъ съ Филиппино Липпи, который началъ писать «Снятіе со Креста». По смерти Липпи въ 1504 г., картина была закончена Перуджино. У Винчи былъ другой сюжетъ — «Св. Анна, Богородица и младенецъ Спаситель». По словамъ Вазари, картонъ «Св. Анны» былъ выставленъ художникомъ на показъ и привлекъ «такую толпу мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, какая бываетъ только въ дни великихъ празднествъ». Впослѣдствіи

Винчи нарисовалъ по этому картону картину масляными красками. Въ первый годъ пребыванія Винчи во Франціи (1516) картина была уже готова. Художникъ показалъ ее высокому гостю, кардиналу Людовику Арагонскому, при его посѣщеніи въ октябрѣ 1516 г. Секретарь кардинала, его сопровождавшій, записалъ, что Винчи показалъ гостямъ три картины, портретъ флорентійской дамы (полагаютъ, что это картина подъ названіемъ «La belle Feronnière въ Луврѣ), Іоаннъ Креститель въ молодости (нынѣ въ Луврѣ) и Мадонна съ Младенцомъ, сидящая на колѣняхъ св. Анны. «Всѣ три картины превосходны» прибавляетъ авторъ этого цѣннаго свидѣтельства. Французское правительство оцѣнило ихъ по достоинству и пріобрѣло для дворцовъ, откуда впослѣдствіи онѣ перешли въ

Св. Анна (Лувръ).

луврскій музей. Мюнцъ доказалъ тождество картона 1501 г. съ композиціей луврской картины.

Снимки съ картины находятся у Мюнца и Розенберга, но плохіе. Очень хороша хромолитографія въ «Les chefs d' oeuvres de la peinture italienne» Манца. Въ сочиненіи Мюнца о Леонардо да Винчи собраны подготовительные этюды къ «Св. Аннѣ».

По всей вѣроятности, первымъ или однимъ изъ первыхъ набросковъ былъ рисунокъ, находящійся въ настоящее время въ венеціанской академіи художествъ. Рисунокъ сдѣланъ въ общихъ чертахъ. Лица еле намѣчены. Богоматерь сидитъ на колѣняхъ Анны, съ лицомъ въ профиль, спиной къ зрителю. Младенецъ сидитъ на колѣняхъ Матери и протягиваетъ обѣ ручки къ ягненку.

Гораздо полнѣе и выразительнѣе предварительный рисунокъ «Св. Анны» въ Лондонской Королевской Академіи. Здѣсь Богоматерь также сидитъ на колѣняхъ св. Анны, но рядомъ, лицомъ къ зрителю. Поза, одежда, выраженіе лица—все это обрисовано отчетливо и ясно. Анна съ любовью смотритъ на пр. Дѣву и что-то говоритъ ей, поднявъ лѣвую руку вверхъ съ указательнымъ пальцемъ къ небу, жестъ тотъ же, что у Вакха и у Іоанна Крестителя, очень близкій къ жесту Іоанна. Эта объединяющая черта показываетъ, что лондонскій рисунокъ по времени близокъ къ Вакху и Іоанну Крестителю. На колѣняхъ Богоматери Младенецъ съ лицомъ, нѣсколько сходнымъ съ младенцемъ Спасителемъ въ «Мадонна въ скалахъ» и «Мадонна Литта». Онъ лѣвой рукой привлекаетъ къ себѣ маленькаго нагаго отрока Іоанна и правой его благословляетъ. Ягненка въ этомъ рисункѣ нѣтъ.

Въ луврской картинѣ св. Анна изображена среди прекраснаго горнаго пейзажа въ видѣ молодой и красивой женщины съ легкимъ вуалемъ на верхней части лица. Она съ любовью смотритъ на Дочь. Богородица, сидя на колѣняхъ Анны, граціозно склонилась къ Сыну, который съ дѣтской шалостью старается сѣсть на ягненка. Оригинальная смѣлость композиціи соединяется съ прелестью рисунка. Г. Волынскій умудрился усмотрѣть въ «Св. Аннѣ» (Сѣв. Вѣст. 1898 II 212) «яркій идейный протестъ противъ христіанства» и даже «скрытую насмѣшку здороваго и сильнаго язычества надъ разслабленнымъ, мечтательнымъ идеализмомъ». Ничего подобнаго. Въ прекрасныхъ лицахъ картины свѣтитъ нѣчто неуловимо мягкое, доброе, сердечное, глубоко и искренне христіанское, нѣчто такое, что дѣйствуетъ на зрителя гуманизирующимъ и облагораживающимъ образомъ въ духѣ евангельской любви и кротости. «Св. Анна», по художественности исполненія, значительно превосходитъ «Мадонну у скалъ». Краски и колоритъ гораздо болѣе ясны, свѣтлы и свѣжи; пейзажъ богаче; положенія болѣе оживлены. Любопытно, что двѣ картины Рафаэля на тотъ же сюжетъ, изображающія Св. Анну и пр. Дѣву Марію, вышли слабѣе картинъ Леонардо да Винчи. Еще любопытнѣе, что одна изъ этихъ картинъ, именно «Св. Семейство» въ мадридскомъ музеѣ съ датой 1506 г. представляетъ Младенца Іисуса, точно скопированнаго съ картины Винчи, исполненной на 5 лѣтъ ранѣе, въ 1501 г.

Среди тѣхъ Мадоннъ, которыя приписываются Леонарду да Винчи, выдается по художественности исполненія и богатству внутренняго содержанія «Мадонна съ вѣсами» въ луврскомъ музеѣ. Другое мнѣніе, что картина эта принадлежитъ кисти Чезаріо да Сесто. Изображенъ гротъ или каменистая пещера. Свѣтъ входитъ въ изящно обрисованное ущелье, черезъ которое, какъ черезъ окно, виднѣется вдали живописный горный пейзажъ. Изъ ращелинъ ущелья пробиваются растенія. Въ гротѣ

пр. Дѣва Марія; на колѣняхъ у нея Спаситель. Богоматерь и ея Сынъ съ любовью смотрятъ на младенца Іоанна, около котораго стоитъ св. Анна. Передъ Богоматерью на колѣняхъ стоитъ ангелъ; правой рукой онъ держитъ вѣсы, а лѣвой поддерживаетъ ту ихъ чашку, въ которую младенецъ вложилъ ручку. Въ лицѣ пр. Маріи свѣтитъ любовь; но лицо это сравнительно съ другими Мадоннами Винчи болѣе серіозно и болѣе задумчиво. Ангелъ «Мадонны съ вѣсами» очень похожъ на ангела лондонскаго экземпляра Мадонны у скалъ и на самую эту Мадонну. «Мадонна съ вѣсами» отличается глубиной духовно-нравственнаго содержанія съ легкимъ оттѣнкомъ сентиментализма.

Историческое значеніе Мадоннъ Леонардо да Винчи велико. Винчи расчистилъ почву для величайшаго художника въ этой области, Рафаэля, и достигъ равнаго съ нимъ совершенства. Онъ возвелъ въ художественные перлы интимныя семейныя сцены любящей матери. Рафаэль и Микель Анджело уже пользовались высокими образцами Леонардо да Винчи. Вліяніе Винчи усматриваютъ ближайшимъ образомъ въ трехъ картинахъ Рафаэля, Мадоннѣ Эстергази, Мадоннѣ съ покрываломъ, Мадоннѣ Садовницѣ, и въ «Сотвореніи женщины» Микель Анджело.

Тайная Вечеря (Миланъ).

IX.

„Тайная Вечеря". Этюды. Композиція. Процессъ творчества. Судьба картины. Копіи. Оцѣнка.

Вблизи Милана находится старинный доминиканскій монастырь Милосердной Маріи—Санта-Марія-делла-Граціе. Здѣсь въ 1497 г. нашла мѣсто успокоенія молодая герцогиня Беатриче д'Эсте, жена Людовика Моро. Горестный супругъ сталъ украшать монастырь монументальными художественными произведеніями. Знаменитому архитектору Браманте поручено было реставрировать церковь и построить куполъ. Леонарду да Винчи была заказана картина Тайной Вечери для трапезной монастыря. Винчи долго работалъ надъ ея созданіемъ. Монастырское начальство высказывало нетерпѣніе, обвиняло художника въ медленности, просило, упрекало, жаловалось герцогу. Оно не понимало, какихъ громадныхъ усилій ума, сколько предварительныхъ изученій, набросковъ и размышленій потребовались великому художнику для такой глубоко-задуманной и сложной по композиціи картины. Особенно затруднялся художникъ въ изображеніи Спасителя и Іуды. Многимъ извѣстенъ анекдотъ, что Винчи, побуждаемый настоятелемъ монастыря, взялъ его голову для изображенія

Іуды, анекдотъ невѣрный. Пріоромъ монастыря былъ тогда старикъ Банделло, по описаніямъ современниковъ, величественной и красивой наружности. Гораздо важнѣе другое сообщеніе современника, что Леонардо да Винчи, подыскивая Іуду предателя, проникалъ въ самую бѣдную и порочную часть города и здѣсь всматривался въ лица разпаго общественнаго отребья. Столь же цѣнно сообщеніе современника Винчи, новеллиста Банделло, что Винчи иногда подолгу не подходилъ къ картинѣ, но когда ему приходила въ голову счастливая идея, онъ все бросалъ, бѣжалъ въ монастырь, взбирался на подставки и давалъ нѣсколько новыхъ геніальныхъ мазковъ. Иногда онъ просиживалъ дни передъ картиной, всматриваясь въ нее и обдумывая мельчайшія подробности. Несомнѣнно, на эту картину затрачено много размышленій. Несомнѣнно, что на ряду съ художественнымъ творчествомъ шла чисто научная, весьма сложная и строго обдуманная работа въ собираніи и систематизаціи матеріала.

Въ концѣ 1497 или въ 1498 г. было окончено это великое произведеніе искусства, сразу обратившее вниманіе современниковъ и затѣмъ вызывавшее одни похвалы и восторги. Уже въ 1499 г. современникъ и другъ Леонардо да Винчи ученый монахъ Лука Пачіоли говорилъ, что этому произведенію должны уступить первое мѣсто всѣ произведенія Апеллеса, Мирона и Поликлета. Когда Францискъ I въ 1515 г. увидѣлъ въ Миланѣ «Вечерю», онъ въ порывѣ восторга хотѣлъ перенести ее во Францію вмѣстѣ со всей стѣной, но этого нельзя было сдѣлать при тогдашнихъ средствахъ архитектуры и техники. Одинъ изъ величайшихъ живописцевъ, Рубенсъ (XVII в.) съ восторгомъ отзывается о необыкновенномъ умѣніи Винчи придавать каждому предмету свой особенный характеръ и выдвигать существенное, не давая воображенію увлекаться мелочами. Между тѣмъ, картина съ теченіемъ времени подверглась сильной порчѣ и въ настоящее время отъ нея сохранились лишь отдѣльные куски. Краски большей частью осыпались; мѣстами картина попорчена неудачными реставраторами. Людское невѣжество болѣе повредило картинѣ, чѣмъ самое теченіе всеуничтожающаго времени. Въ концѣ XVII ст. о картинѣ уже отзывались, какъ о заходящемъ солнцѣ. Масляныя краски, употребленныя Винчи, оказались недостаточно прочными. Стѣна была сыра, и этотъ недостатокъ особенно проявился при наводненіи 1500 г., когда трапезная была залита водой. Вазари въ 1565 г. нашелъ уже порчу. Въ 1652 г. монахи варварски испортили картину, пробивъ подъ ней двери въ сосѣднюю кухню. Средняя часть картины была уничтожена. Позднѣе прибили наверху австрійскій гербъ, доходившій почти до лика Христа. Въ 1796 г. одинъ французскій ге-

нералъ, вопреки приказанію Наполеона, обратилъ трапезную въ конюшню. Грубые солдаты находили удовольствіе въ томъ, что бросали куски кирпичей въ лики апостоловъ. Съ теченіемъ времени «Вечеря», величайшее произведеніе живописи, уподобилась такимъ произведеніямъ архитектуры— какъ Парѳенонъ и Колизей, т. е. превратилась въ развалину, темное пятно, изъ котораго мѣстами выдѣляются то черты лица, то руки необыкновенно тонкаго и изящнаго рисунка; но даже въ такомъ разрушенномъ видѣ картина производитъ еще глубокое впечатлѣніе на всѣхъ знатоковъ и любителей искусства.

«Тайная Вечеря» была много разъ копирована. Къ 1510 г. относится копія ученика Винчи Марко д'Оджоне, исполненная имъ позднѣе въ большемъ размѣрѣ для монастыря Кастеляццо. Другія копіи XVI ст. находятся въ Пармѣ, Павіи, Римѣ, Парижѣ. Копія въ натуральную величину, сдѣланная художникомъ Веспино въ 1612 г., по заказу кардинала Фредерико Боромео, поступила въ миланскую амвросіанскую библіотеку. На одной фрескѣ XVI ст. въ монастырѣ Капріаска находятся надписи именъ апостоловъ, что облегчаетъ пониманіе сюжета.

Картина Винчи вызвала множество подражаній. Уже ближайшій послѣдователь Винчи Луини сдѣлалъ по ней свою картину, въ которой однако значительно уклонился отъ сюжета Винчи. Онъ разбилъ комнату колоннами и нѣкоторымъ апостоламъ придалъ другую наружность и другое положеніе; но нѣкоторыя лица, напр. ап. Іоаннъ и ап. Петръ, представляютъ копію съ картины Винчи. Ближе содержаніе «Вечери» передаютъ копіи Марко д' Оджоне. Интересна одна старинная копія въ маленькой сельской церкви близъ Лугано. Здѣсь сохранено положеніе всѣхъ фигуръ оригинала, и лишь въ обрисовкѣ комнаты художникъ позволилъ нѣкоторыя отступленія въ видѣ полукруглыхъ оконъ на заднемъ планѣ и своеобразнаго въ отдаленіи пейзажа. Мой почтенный товарищъ, проф. Е. К. Рѣдинъ, въ письмѣ ко мнѣ такъ передаетъ о своемъ личномъ впечатлѣніи при осмотрѣ этой картины. «Рано утромъ я вышелъ изъ дому (въ Лугано), задумавъ пробраться въ деревню Ponte Capriasca, которая, какъ мнѣ передавали, находится въ $1^1/_2$ часовомъ разстояніи отъ Лугано. Дорога всё время была прекрасная. Я удалялся всё въ глубь горъ, прошелъ много деревень, встрѣтился на пути со множествомъ крестьянокъ, встрѣтилъ множество часовень съ изображеніями живописью Мадонны съ младенцемъ... Но дорога оказалась слишкомъ длинной... я прошелъ $3^1/_2$ часа... и не жалѣю, такъ какъ получилъ такое высокое эстетическое наслажденіе, которое рѣдко приходится испытывать. Цѣлью моего путешествія было увидѣть копію Тайной Вечери Леонардо да Винчи. Удивительная страна Италія! Въ бѣдной, небольшой деревушкѣ, пріютившейся Богъ

знаетъ гдѣ — среди горъ — встрѣчаешь удивительный, высоко-художественный памятникъ искусства. Фреска, копирующая геніальное произведеніе Винчи, принадлежитъ, очевидно, одному изъ его талантливыхъ учениковъ. Она даетъ лучшее понятіе объ оригиналѣ, чѣмъ самый оригиналъ, погибшій отъ времени, искаженный реставраціей. Къ оригиналу необходимы комментаріи; къ этой-же копіи они излишни: въ чертахъ лицъ, жестахъ Апостоловъ читаешь ихъ чувства, ту драму, которую произвели слова Христа въ душѣ ихъ; каждая фигура ясна, понятна, т. к. она жива, реально характеризована. Я, повторяю, видѣлъ самый оригиналъ; но онъ не произвелъ на меня такого впечатлѣнія, какъ эта копія, которая заслуживаетъ изученія, распространенія и большей извѣстности, чѣмъ даже знаменитая гравюра Моргена».

Трудолюбивый и талантливый италіанскій граверъ Рафаэль Моргенъ, упоминаемый въ письмѣ Е. К. Рѣдина, послѣ трехлѣтняго изученія разныхъ копій почти погибшей «Вечери» Винчи, въ 1800 г. приготовилъ прекрасную гравюру, которая получила всеобщее распространеніе и содѣйствовала общему ознакомленію съ произведеніемъ Винчи. Прелесть красокъ и очарованіе освѣщенія потеряны невозвратно. Гравюра Моргена передаетъ позы, жесты, выраженія лицъ.

Чтобы оцѣнить Тайную Вечерю Винчи, нужно опредѣлить отношеніе ея къ предшествовавшимъ картинамъ такого сюжета. Художники Венеціи, Сіенны, Умбріи не брали сюжетомъ Тайную Вечерю. Одни лишь флорентійцы останавливались на немъ. До Винчи Тайная Вечеря была изображаема Джіотто, Кастаньо, Гирландайо и неизвѣстнымъ художникомъ. Всѣмъ имъ недостаетъ живости и реализма. Фигуры и лица искусственно и холодно вытянуты въ одну линію. Болѣе живости у Кастаньо. Вездѣ Іуда искусственно выдѣленъ изъ среды апостоловъ и посаженъ особнякомъ отъ остальныхъ напротивъ Христа. Винчи избѣжалъ такой шаблонной манеры. Въ первоначальномъ наброскѣ и у него Іуда выдѣленъ, но затѣмъ Винчи въ имя бытовой правды, въ окончательно продуманномъ видѣ, ввелъ Іуду въ рядъ съ другими апостолами, и выдѣлилъ его не внѣшнимъ положеніемъ, а выраженіемъ лица и позой. Христосъ у Винчи безъ ореола, апостолы безъ всякихъ эмблемъ. Душевное состояніе мастерски выражено въ лицахъ, позахъ и жестахъ. Въ итогѣ получилось произведеніе не только религіозное, но и философское, раскрывающее глубокія психологическія тайны.

Французскій ученый Сеайль такъ описываетъ общій замыселъ художника: «Люди изъ народа, съ чистой душой и энергическимъ характеромъ, подверглись вліянію великой души. Они все бросили, чтобы слѣдовать за Іисусомъ; но къ нимъ прокрался негодяй, который измѣ-

нитъ учителю и предастъ его палачу. Какъ они будутъ держать себя, когда тотъ, котораго они такъ любятъ, произнесетъ страшныя слова: «Истинно, истинно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ Меня». Такова задача. По понятію Винчи, ему нужно было создать на монастырской стѣнѣ живыхъ людей, различнаго возраста, различнаго характера, но которые, при всей ихъ идивидуальности, поражены страшнымъ предсказаніемъ Спасителя и объединены общимъ волненіемъ, которое и должно выразиться въ ихъ лицахъ, позахъ, въ движеніи ихъ рукъ, согласно съ особенностями ихъ личнаго характера и возраста. Художникъ задался великой мыслью воспроизвести жизнь во всемъ ея богатствѣ и разнообразіи, изобразить эту жизнь въ одномъ изъ величайшихъ историческихъ моментовъ, по евангельскому разсказу.

Для разрѣшенія этой грандіозной задачи Винчи пустилъ въ ходъ колоссальный трудъ, громадную научную наблюдательность, изученіе евангелія, изученіе толпы, изученіе отдѣльныхъ личностей и глубочайшую наблюдательность анатома и психолога.

Художнику нужно было сначала составить въ умѣ общій планъ картины, нарисовать внѣшнюю обстановку и затѣмъ изобразить апостоловъ и Спасителя. Трудности здѣсь росли по мѣрѣ исполненія работы, причемъ величайшей, можно сказать, непреоборимой для человѣческаго искусства трудностью представляется изображеніе Спасителя, во всемъ величіи, благости и простотѣ евангельскаго повѣствованія.

Леонардо да Винчи сосредоточиваетъ все вниманіе зрителя на лицахъ, рукахъ и позахъ. Внѣшняя обстановка проста и должна быть простой, во-первыхъ, потому что Христосъ и въ дѣйствительности совершилъ вечерю съ своими учениками въ простой комнатѣ, лишенной какихъ-либо украшеній, а во-вторыхъ, вниманіе зрителя въ данномъ случаѣ менѣе всего должна привлекать внѣшность. На картинѣ изображена свѣтлая комната съ тремя окнами на заднемъ планѣ и съ виднѣющимся вдали живописнымъ горнымъ пейзажемъ. Отъ стѣны до стѣны протянутъ большой узкій столъ, накрытый скатертью съ узоромъ. На столѣ стоятъ тарелки съ рыбой, солонки, маленькіе круглые хлѣбы. Въ нѣсколькихъ прозрачныхъ хрустальныхъ кружечкахъ виднѣется красное вино — символъ крови Спасителя; это вино идетъ къ евангельскимъ словамъ «Пійте отъ нея вси»... Въ мельчайшихъ подробностяхъ обнаруживается глубокая обдуманность.

Самая трудная задача была изобразить Спасителя. Леонардо да Винчи чрезвычайно много работалъ надъ ея разрѣшеніемъ и всетаки, по собственному признанію, не могъ разрѣшить, и считалъ изображеніе Христа незаконченнымъ. Предварительные рисунки, сохранившіеся донынѣ, пока-

зываютъ, что художникъ колебался въ обрисовкѣ головы Христа. На одномъ эскизѣ въ музеѣ Брера образъ непорочной прелестной души, которая при видѣ людской злобы чувствуетъ себя безоружной. Христосъ молодой, потупилъ очи; въ его лицѣ есть что-то жалобное; наряду съ любовью и незлобивостью здѣсь сквозитъ нѣчто слабое. Находящійся въ монастырѣ образъ Христа стоитъ выше эскиза. Здѣсь Христосъ болѣе мужественъ. Онъ остается спокойнымъ, при вниманіи окружающихъ, и въ этомъ спокойствіи обнаруживается Его божественное превосходство. Онъ опустилъ глаза и внутреннимъ окомъ глядитъ на міръ своей мысли, еще недоступный для его учениковъ. Онъ обладаетъ спокойствіемъ мудреца, понимающаго причины и слѣдствія. У Леонардо да Винчи въ лицѣ Христа соединены высшее знаніе и высшая любовь. У Спасителя длинные, слегка волнистые волосы расчесаны по преданію на двѣ стороны съ проборомъ посрединѣ; они легко падаютъ на плечи. Продолговатое лицо съ полу-

Этюдъ головы Христа (въ миланскомъ музеѣ Брера).

опущенными скорбными глазами. Голова наклонена немного влѣво. Брови приподняты, и надъ ними обозначаются двѣ легкія морщинки. Узкій длинный подбородокъ съ негустой растительностью. Открытая сухощавая шея. Христосъ одѣтъ въ красную тунику, въ изящныхъ складкахъ, съ застежкой на груди, а черезъ лѣвую руку перекинута синяя мантія—тоже въ изящныхъ широкихъ складкахъ. На лицѣ Спасителя разлита скорбь. Скорбитъ Онъ въ виду предстоящихъ страданій, скорбитъ, что внесъ своимъ предсказаніемъ чувство тревоги въ души своихъ учениковъ, скорбитъ въ виду человѣческой злобы и неблагодарности. Это скорбь болѣе міровая, чѣмъ личная, скорбь о необъятномъ злѣ, облекающемъ человѣческую природу. Замѣчательно хорошо обрисованы руки у Христа и у всѣхъ апостоловъ—у каждаго на особый манеръ; положеніе ихъ и форма вытекаютъ, съ одной стороны, изъ характера лица, съ другой—изъ общаго тревож-

наго настроенія данной минуты. Руки Спасителя раскинуты свободнымъ и мягкимъ жестомъ. Правая, обращенная въ сторону Іуды, опирается однимъ пальцемъ на столъ, а другіе пальцы нѣсколько приподняты, что указываетъ на скрытое волненіе, указываетъ на человѣческую природу Христа. Лѣвая рука съ открытою вытянутой ладонью, съ прекрасными тонкими пальцами, спокойно опущена на столъ. На эту руку въ картинѣ брошенъ невыразимо нѣжный свѣтъ. Въ минуту общаго замѣшательства рука эта, подобно лицу, остается выраженіемъ благороднаго спокойствія Христа, Его сердечной мягкости и великодушія. Это единственная рука изъ всѣхъ рукъ, представленныхъ на картинѣ, въ которой нѣтъ ни малѣйшей напряженности.

Арсенъ Гуссе говоритъ, что Леонардо да Винчи далъ величайшій художественный образъ Христа, какъ Рафаэль — образъ Богоматери. Спаситель у Винчи Бого-Человѣкъ, въ прекрасномъ сочетаніи небеснаго и земнаго. При всемъ разнообразіи изображеній Спасителя, новые вѣка не дали въ искусствѣ Христа выше Тайной Вечери. Вполнѣ понятно потому всеобщее иконографическое значеніе этого образа не только на католическомъ Западѣ, но и на православномъ Востокѣ.

Апостолы расположены группами по три, на виду у зрителя. Всѣ группы связаны общей идеей и нѣкоторыми общими положеніями, преимущественно руками; причемъ удивительнымъ образомъ сохранена индивидуальность каждаго лица.

Первая группа направо отъ Спасителя состоитъ изъ Іоанна, Іуды и Петра. Это главная группа по богатству внутренняго идейнаго содержанія. Іоаннъ, любимый ученикъ Христа, только что отвелъ голову отъ плеча Христа, по направленію къ Петру, который обращается къ нему съ просьбой. Іоаннъ — мечтательная, мягкая натура; лицо и руки у него нѣжныя, женственныя. Глаза опущены; шея безсильно склонена къ Петру. Прекрасные густые волосы нѣжными волнами падаютъ на плечи. Въ лицѣ Іоанна есть нѣкоторое сходство съ лицомъ Спасителя, и это не случайное сходство. Видно, что Іоаннъ сжился съ мыслями Христа и сердечно самый близкій къ Нему человѣкъ.

Слѣдующая за Іоанномъ фигура Іуды искусно выдѣлена изъ группы и поставлена въ такое положеніе относительно Христа, что уже по одной позѣ въ лицѣ Іуды выступаетъ предатель. Это не чудовище, да и не могло какое-нибудь чудовище прожить съ Христомъ нѣсколько лѣтъ. Это порочный, жадный, корыстолюбивый человѣкъ. Изобличенный Іуда испуганъ. Онъ старается быть спокойнымъ и дѣлаетъ видъ, что удивленъ. Смуглое лицо въ профиль выдѣляется темнымъ пятномъ среди освѣщенныхъ сѣдыхъ головъ двухъ послѣдующихъ лицъ Петра и его брата Андрея. У Іуды

густые, слегка курчавые, черные волосы и темная борода. Хищный орлиный носъ, скуластое лицо съ низкимъ лбомъ, жилистая шея. Въ правой рукѣ Іуда судорожно сжимаетъ кошелекъ, а лѣвая рука приподнята, какъ у Христа правая, но нѣсколько выше, съ нервнымъ возбужденіемъ. Тутъ все характерно, вплоть до солонки, которую Іуда опрокинулъ при быстромъ поворотѣ. Опрокинутая солонка, по понятіямъ народовъ, знакъ несчастья (у италіанцевъ) или ссоры (у русскихъ и др.).

Третій апостолъ первой группы — Петръ. При первомъ взглядѣ на картину сразу можно узнать Петра. Онъ выдѣляется своимъ пылкимъ характеромъ. Лицо Петра съ сѣдыми волосами и небольшой бородой, съ рѣзкими чертами, полно гнѣва. У него впавшіе глаза подъ мохнатыми сѣдыми бровями, длинный носъ, полуоткрытыя губы подъ пушистыми бѣлыми усами. Лѣвая рука большая, съ длинными крѣпкими пальцами, стремительно легла на плечо Іоанна. Правая рука съ отставленнымъ локтемъ схватила большой ножъ, причемъ рукоятка его почти прикасается къ спинѣ Іуды.

Слѣдующая вторая съ правой стороны группа состоитъ изъ а-въ Андрея, Іакова Младшаго и Варѳоломея. Андрей родной братъ Петра, и художникъ отмѣтилъ родство въ ихъ лицахъ. Андрей—также старикъ, также натура довольно горячая, что видно изъ положенія его рукъ, но, сравнительно съ Петромъ, человѣкъ болѣе спокойный. У него высокій открытый лобъ, длинный согнутый носъ, какъ у Петра, большая сѣдая борода. Андрей изумленно повернулъ голову въ сторону Христа и вытянулъ впередъ руки съ поднятыми ладонями и раздвинутыми пальцами. Руки написаны съ глубочайшимъ знаніемъ анатоміи. Видно, художникъ предварительно тщательно изучалъ руку, какъ ученый, всѣ ея составы и мускулы; въ этомъ сказался Леонардо да Винчи, любившій анатомію, лично вскрывавшій трупы съ цѣлью изученія строенія тѣла. За Андреемъ стоитъ Іаковъ Младшій, сынъ Алфея, двоюродный братъ Iисуса; потому Винчи далъ ему въ лицѣ большое сходство со Христомъ. Онъ, повидимому, встревоженъ пылкостью Петра и какъ бы удерживаетъ его лѣвой рукой. За Іаковомъ стоитъ Ворооломей, стройный, крѣпкій, молодой мужчина съ римскимъ профилемъ. Онъ привсталъ, оперся обѣими руками объ столъ и прислушивается.

Въ первой группѣ съ лѣвой стороны Христа Іаковъ Старшій, сынъ Заведеевъ, въ серединѣ приподнявшійся Ѳома и Филиппъ. Іаковъ Старшій широко развелъ руками, какъ бы говоря такимъ жестомъ, что такая черная неблагодарность отвратительна. Это человѣкъ съ страстной душой. Тонкія и даже острыя черты лица смягчены густыми, пушистыми волосами, падающими на плечи. Ѳома приподнялъ вверхъ указательный па-

лецъ, со взоромъ, устремленнымъ на Iуду, точно онъ хочетъ сказать, да возможна ли такая чорная неблагодарность. Ѳома выступаетъ человѣкомъ разсуждающимъ и сомнѣвающимся. Филиппъ красивый юноша, съ любящимъ и скорбнымъ лицомъ. Онъ привсталъ и положилъ обѣ руки къ сердцу, точно хочетъ сказать — «Ты знаешь, Господи, мое сердце; Ты знаешь, какъ я люблю Тебя; Ты знаешь, что я не могу быть предателемъ».

Вторая слѣва группа—Матѳей, Ѳаддей и Симонъ. Матѳей молодой человѣкъ. Онъ приподнялся и обратился къ Ѳаддею и Симону, точно повторяя или объясняя имъ слова Христа, причемъ обѣ его руки направлены ко Христу, какъ знакъ его преданности. Этотъ жестъ объединяетъ и связываетъ двѣ лѣвыя группы. Лицо Матѳея чисто римскаго типа; въ присутствіи такого лица и отчасти еще римскаго лица Варѳоломея заключается намекъ на господствовавшее во время Христа римское владычество. Ѳаддей и Симонъ—старики. Ѳаддей, очевидно, питаетъ какія-то подозрѣнія и потому гнѣвно нахмурился; въ выраженіи лица и въ жестѣ рукъ Симона обнаруживаются недовѣріе и разсудительность.

Колоритъ картины сильно пострадалъ отъ времени; но цвѣта еще видны. Христосъ одѣтъ въ широкую красную тунику; голубой палліумъ брошенъ на его лѣвое плечо. Драпировка величественна и вмѣстѣ съ тѣмъ проста. На нѣкоторыхъ изъ учениковъ красныя туники и голубые плащи, на другихъ желтыя или фіолетовыя туники, зеленые, темно-желтые, фіолетовые плащи. Иногда кайма желтая или другого цвѣта поднимаетъ колоритъ одежды.

Въ теченіе четырехъ столѣтій, у всѣхъ культурныхъ народовъ, «Тайная Вечеря» вызывала общій восторгъ, по полнотѣ содержанія, глубинѣ замысла, художественности деталей и цѣлаго, по геніальной продуманности. Недавно, однако, развязный публицистъ прекратившагося дамскаго журнала «Сѣвернаго Вѣстника», г. Волынскій открылъ, что «Тайная Вечеря» производитъ «нехудожественное впечатлѣніе» и что Винчи «архивный геній». Г. Волынскій не потрудился даже поставить это созданіе Винчи въ соотвѣтствіе съ евангельскимъ текстомъ, съ тѣмъ, что говоритъ Священное Писаніе объ апостолахъ. Неудивительно, что у г. Волынскаго Леонардо да Винчи вышелъ нехристіанскимъ художникомъ.

При общей оцѣнкѣ «Тайной Вечери» необходимо памятовать, что мы имѣемъ дѣло съ художникомъ, не только геніальнымъ, но и въ высокой степени добросовѣстнымъ, съ художникомъ, трактующимъ евангельскій сюжетъ по точнымъ даннымъ Св. Писанія. Если Винчи въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ анатомію лошади, и все-таки не закончилъ монументальнаго ея воспроизведенія въ памятникахъ Франческу Сфорцѣ и

Тривульцію, то можно ли допустить, что онъ въ законченной Тайной Вечерѣ обошелъ безъ изученія основныя данныя исторіи и преданія? Такое легкомысліе было совершенно чуждо Винчи. Онъ страдалъ отъ противоположнаго недостатка, именно, онъ часто уходилъ такъ глубоко въ изученіе деталей, такъ добросовѣстно и долго велъ подготовительныя работы, что оставлялъ свои произведенія незаконченными или крайне затягивалъ окончаніе.

Несомнѣнно, что Винчи, какъ творецъ «Тайной Вечери», глубокій христіанскій художникъ, что «Вечеря» глубоко христіанское произведеніе. При общей оцѣнкѣ нужно имѣть въ виду, что образъ Христа, данный Леонардомъ да Винчи, представляетъ величайшій образъ этого рода, что въ лицѣ ап. Іоанна выражена, согласно съ евангельскимъ текстомъ, мягкая, мечтательная натура любимаго ученика Христа, въ лицѣ ап. Петра—человѣкъ преданный, прямой и горячій, въ лицѣ Іакова Младшаго родственникъ Спасителя, въ лицѣ Іуды коварный предатель и сребролюбецъ. Тутъ выражена вся евангельская исторія, насколько она выясняетъ личный характеръ апостоловъ и отношеніе ихъ къ Спасителю во время Его земной жизни.

За историко-бытовой частью слѣдуетъ общая психологическая: представлены люди на всѣхъ ступеняхъ жизни, отъ нѣжной юности до глубокой старости. Гете въ спеціальной статьѣ о «Тайной Вечери» говоритъ: «Разсмотрите «Тайную Вечерю». Леонардо изобразилъ 13 лицъ, отъ юноши до старца, одного спокойнымъ, другого испуганнымъ, одиннадцать пораженныхъ страшной и горестной вѣстью. Вы видите здѣсь переходъ отъ самаго кроткаго, благонравнаго движенія до обнаруженія сильнѣйшихъ страстей. Все это нужно было взять изъ природы; потребовалась большая внимательность и много времени, чтобы принять въ душу столько частностей и переработать ихъ въ одно цѣлое». Отъ одного произнесеннаго слова обнажаются сокровенныя движенія души, цѣлый міръ чувствъ самыхъ разнообразныхъ, начиная отъ глубочайшей, сосредоточенной въ себѣ горести или тихихъ сомнѣній до взрыва страстей—негодованія, гнѣва, ужаса и мести. И все это разнообразіе душевныхъ ощущеній приведено здѣсь въ удивительной гармоніи къ единому средоточію, трудно описываемому словами; и всѣ эти ощущенія олицетворены въ столь типическихъ лицахъ, что, изучая великое произведеніе Винчи, съ полнымъ убѣжденіемъ можно повторить мнѣніе Ріо и Герца, что живопись Леонарда да Винчи есть синтезъ идеализма и реализма. Морицъ Карьеръ говоритъ, что въ «Тайной Вечери» «Леонардо да Винчи создалъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній драматической живописи, овладѣлъ технически и научно всѣми средствами искусства и поставилъ ихъ на

службу своего замысла. Геніальная прозорливость вдохновенія дѣйствуетъ у него заодно съ самымъ обдуманнымъ соображеніемъ и съ самымъ тщательнымъ выполненіемъ. Трудно рѣшить, чему принадлежитъ здѣсь большая доля участія—безсознательно ли творящей фантазіи или самосознательно обработывающему уму: и то и другое въ полномъ равновѣсіи».

X.

Вопросъ о путешествіи Винчи на Востокъ. Миланскія празднества. Паденіе Людовика Моро. Возвращеніе Винчи во Флоренцію. Служба у Цезаря Борджіа. „Битва при Ангіарѣ“. Столкновеніе съ Микель-Анджело.

Леонардо да Винчи въ Миланѣ рисовалъ, лѣпилъ, составлялъ архитектурные планы, дѣлалъ опыты канализаціи страны. Въ точности, однако, неизвѣстно, какъ распредѣлялись его занятія. Неизвѣстно даже, все ли время съ 1482 по 1499 г. онъ провелъ въ Миланѣ или предпринималъ путешествія. Въ виду того, что въ его манускриптахъ встрѣчаются кое-какія замѣтки о Константинополѣ, Арменіи и Египтѣ, возникло предположеніе о путешествіи Винчи на Востокъ, и по этому поводу возникла цѣлая полемика въ спеціальныхъ изданіяхъ, въ которой приняли участіе лучшіе знатоки Винчи — Рихтеръ, Равессонъ, Мюллеръ Вальде, Сеайль, Мюнцъ. Въ результатѣ этой полемики выяснилось, что всѣ указанія Винчи слишкомъ неопредѣленны, не имѣютъ личнаго характера и, по всей вѣроятности, основаны на литературныхъ источникахъ или на словесныхъ сообщеніяхъ постороннихъ лицъ, бывавшихъ на Востокѣ.

На короткое время Винчи уѣзжалъ во Флоренцію, Мантую и Венецію; но это были случайныя поѣздки, отъ которыхъ не осталось слѣдовъ въ рукописяхъ Винчи. Миланъ, можно сказать, поглотилъ его всецѣло лѣтъ на 15.

Леонардо да Винчи былъ дорогой человѣкъ при дворѣ Людовика Моро. Онъ устраивалъ, по порученію герцога, торжественныя процессіи, тріумфальныя арки, миѳологическія пантомимы, разнообразные замысловатые сценическіе эффекты. Миланскій дворъ славился роскошью и блескомъ. Людовикъ Моро очень любилъ празднества. Поводовъ было много: бракосочетаніе несчастнаго племянника герцога Джана Галеацо съ Изабеллой Арагонской, бракосочетаніе самого Людовика Моро съ герцогиней мантуанской Беатриче д' Эсте, наконецъ, бракосочетаніе племянницы Людовика Маріи Біанки съ германскимъ императоромъ Максимиліаномъ. Леонардо да Винчи, какъ натура художественная, увлекался блескомъ и

роскошью праздничной жизнью. Независимо отъ того его личное участіе до нѣкоторой степени входило въ кругъ его служебныхъ обязанностей и было необходимо для укрѣпленія его общественнаго положенія.

То обстоятельство, что Винчи тратилъ иногда время и таланты на предметы малаго значенія, напр., на организацію празднествъ, на составленіе плана для купальни Беатриче, плана конюшенъ для герцога Людовика, такія работы нельзя ставить въ вину, какъ дѣлаютъ иногда слишкомъ строгіе историки съ современной намъ моральной точки зрѣнія. Соціальное положеніе художника и общественная мораль въ XV ст. имѣли свои особенности. Нельзя также объяснять такія работы разносторонностью Винчи, какъ объясняетъ г. Мережковскій въ романѣ «Воскресшіе боги». Декоративное начало было въ духѣ времени: оно входило въ кругъ обязанностей художника. Во Флоренціи, Венеціи, Римѣ были свои придворные художники—декораторы и устроители праздниковъ. Когда Лаврентій Медичи пожелалъ, чтобы артель Бронконе, въ которой онъ былъ старшиной, устроила пышный праздникъ, благородный и ученый флорентійскій дворянинъ Джакопо Нарди устроилъ шесть роскошныхъ колесницъ на античныя темы. Когда въ 1515 г. папа Левъ X посѣтилъ свою родину Флоренцію, всѣ художники участвовали въ украшеніи города дворцами, арками, колоннами. Санъ-Галло построилъ осьмифасный храмъ, Бандинелли соорудилъ на Лоджіи статую гиганта. Ничего предосудительнаго въ дѣятельности художника-декоратора не было. Напротивъ. Такая дѣятельность лишь поднимала художника въ глазахъ общества и открывала ему широкій просторъ для дѣятельности.

Италіанцы XV—XVI ст., по любви къ зрѣлищамъ, были прямые потомки римлянъ. Владѣтельныя лица выступали въ роли музыкантовъ и пѣвцовъ. Лаврентій Великолѣпный распѣвалъ на праздникахъ стихи собственнаго сочиненія и красовался на конѣ въ первыхъ рядахъ пышныхъ церемоній.

Леонардо да Винчи внесъ въ свои манускрипты такое высокое требованіе: Fuggi quello studio del quale la resultante opera more insieme coll' operante d'essa [1]), т. е. избѣгай тѣхъ занятій, результаты которыхъ умираютъ вмѣстѣ съ ихъ творцомъ. Но и великій флорентинецъ, начертившій эти гордыя для человѣческаго ума строки, не могъ устоять на ихъ принципіальной высотѣ, а между тѣмъ за него и съ нимъ всегда былъ его необъятный геній. И Винчи брался подчасъ за дѣла, которыя ему подсказывали современныя общественныя и политическія потребности и подчасъ работалъ на животрепещущіе запросы текущаго дня.

[1]) Настоящая и всѣ послѣдующія цитаты сдѣланы по манускриптамъ Винчи въ изданіи Рихтера.

жизнь имѣетъ свои права, и даже величайшіе геніи должны поступаться въ пользу ея мелкихъ насущныхъ потребностей и входить въ теченіе ея обыденныхъ требованій.

Политическая и экономическая запутанность Людовика Моро въ концѣ его правленія неблагопріятно отражалась на Винчи. Ему не платили аккуратно жалованья, и онъ вынужденъ былъ искать частнаго заработка. Сохранилась жалоба Винчи герцогу, въ которой онъ говоритъ, что, не получая жалованья, онъ долженъ былъ прервать работу, довѣренную ему герцогомъ, чтобы предаться менѣе важнымъ занятіямъ. «Я хочу отказаться отъ своего искусства», писалъ Винчи Людовику Моро въ послѣдній годъ его правленія, потому что, какъ оказывается далѣе изъ плохо сохранившагося письма, Винчи сталъ нуждаться даже въ одеждѣ. Онъ смиренно напоминаетъ герцогу о своихъ «дѣлишкахъ и заброшенномъ искусствѣ». «Мнѣ, поясняетъ онъ далѣе, остается получить жалованье за два года... съ двумя мастерами, которые все время были заняты и жили на мой счетъ». Тутъ же было какое-то упоминаніе о «славныхъ произведеніяхъ», которыми Винчи хотѣлъ «показать себя грядущимъ поколѣніямъ». Винчи принималъ къ свѣдѣнію плохія политическія и финансовыя обстоятельства. «О конной статуѣ ничего не скажу, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, ибо понимаю обстоятельства»...

Людовикъ Моро былъ наканунѣ своего паденія, но онъ не остался глухимъ къ просьбѣ Винчи. Въ послѣдній годъ правленія (1499) онъ подарилъ Винчи виноградникъ, при милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ говорится: «Мы, герцогъ Миланскій и проч., удостовѣряя геніальность флорентинца Леонардо да Винчи, знаменитѣйшаго живописца, не уступающаго, какъ по нашему мнѣнію, такъ и по мнѣнію всѣхъ наиболѣе свѣдущихъ людей, никому изъ жившихъ до насъ живописцевъ, начавшаго по нашему повелѣнію разнаго рода произведенія, которыя могли бы еще съ большимъ блескомъ свидѣтельствовать о несравненномъ искусствѣ художника, если бы были окончены; мы сознаемъ, что если не сдѣлаемъ ему какого-нибудь подарка, то погрѣшимъ противъ себя самихъ».

Съ любовью къ искусству Людовикъ Моро соединялъ коварство въ политикѣ. Захвативъ всю власть въ свои руки въ положеніи регента малолѣтняго племянника Джана Галеацо, онъ установилъ за нимъ бдительный надзоръ, женилъ его по своему усмотрѣнію на дочери неаполитанскаго короля Изабеллѣ Арагонской, по достиженіи совершеннолѣтія держалъ его въ сторонѣ отъ власти и забралъ въ свое распоряженіе всѣ сокровища Сфорцовъ, войска и крѣпости. Молодой наслѣдникъ престола сталъ хирѣть и чахнуть. Существуетъ сильное подозрѣніе, что онъ былъ постепенно отравляемъ. Жена его, не лишенная характера, бросалась

въ разныя стороны съ просьбами объ избавленіи отъ тираніи Людовика. Неаполитанскій король пригрозилъ вмѣшательствомъ: Тогда Людовикъ усилилъ мѣры предосторожности. Несчастный герцогъ Джанъ Галеацо скончался, какъ полагаютъ, отъ усиленной дозы яда. Старому совѣтнику его Симонетѣ отрубили голову. Людовикъ рѣшился на смѣлый шагъ. Онъ призвалъ въ 1494 г. противъ неаполитанскаго короля французовъ. Сѣверная Италія, богатая, роскошная, но раздробленная, была лакомымъ кускомъ для французовъ. Они рѣшились укрѣпиться въ Ломбардіи. Когда Людовикъ Моро въ 1499 г. сдѣлалъ попытку изгнать французовъ, то преемникъ Карла VIII король Людовикъ XII овладѣлъ Миланомъ и отправилъ Людовика Моро плѣнникомъ во Францію въ замокъ Лошъ. Заключеніе было довольно суровое. Этому меценату наукъ и искусствъ воспрещено было письмо. Людовикъ умеръ въ ссылкѣ въ 1508 году 57 лѣтъ. Въ рукописяхъ Винчи сохранилась краткая замѣтка, вызванная событіями 1499 г.: «герцогъ потерялъ власть, имущество, свободу, и ничто изъ предпринятаго имъ не было окончено».

Кружокъ художниковъ и писателей сгрупировавшійся при миланскомъ дворѣ, съ паденіемъ Людовика Моро, распался, и члены его разбрелись въ разныя стороны. Браманте переселился въ Римъ. Винчи возвратился въ Флоренцію.

Съ паденіемъ Людовика Моро Леонардо да Винчи потерялъ преданнаго искусству мецената и человѣка лично къ нему расположеннаго. Пришлось оставить ту мастерскую, гдѣ задумано и создано было много высоко-художественныхъ произведеній, оставить на произволъ завоевателей шедевръ скульптуры—конную статую Франческа Сфорцы, оставить только что законченный шедевръ живописи—Вечерю. Все это для Леонарда да Винчи было лишеніемъ, шло въ ущербъ его научныхъ и артистическихъ интересовъ. Прекрасная природа Ломбардіи, благодаря сочетанію сѣвера и юга, альпійскихъ снѣжныхъ вершинъ съ горячимъ солнцемъ долинъ, давала Винчи много матеріаловъ для научныхъ наблюденій. Пришлось возвратиться въ Флоренцію, правда, родную, живописную, прекрасную; но здѣсь Леонардо да Винчи не нашелъ миланскихъ симпатій, миланскаго радушія и признательности. Мѣстное общество и его родные относились къ нему холодно, иногда враждебно, быть можетъ, учитывая ему его собственное равнодушіе къ Флоренціи и расположеніе къ Милану, а родные—его особое происхожденіе по матери—крестьянкѣ.

Леонардо да Винчи переѣхалъ въ Флоренцію съ ученикомъ живописцемъ Салаи и другомъ ученымъ Пачіоли. На первое время онъ нашелъ убѣжище и дружескій пріемъ у своего любимаго ученика Мельци, человѣка богатаго. Онъ поселился въ домѣ его родителей, вблизи Фло-

ренціи, въ виллѣ Ваприо и здѣсь нѣкоторое время работалъ совмѣстно съ молодымъ Мельци надъ большимъ изображеніемъ Мадонны.

Въ 1502 г. Леонардо да Винчи поступилъ на службу къ владѣтелю Романьи Цезарю Борджіа. Имя это такъ знаменито въ исторіи, что вошло во всѣ учебники. Сынъ папы Александра VI, герцогъ Валентинуа, Цэзарь Борджіа соединялъ въ себѣ большую физическую силу, ловкость, смѣлость и кровожадность. Въ то же время это былъ человѣкъ со вкусомъ, умомъ, образованіемъ, ловкій политикъ, любитель праздниковъ и остроумныхъ бесѣдъ. Въ Римѣ въ галереѣ Боргезе находится его портретъ. Тонкій станъ обхваченъ курткою изъ чернаго бархата; взглядъ покоенъ, руки прелестны, а между тѣмъ Цезарь Борджіа убилъ этими руками собственнаго брата и совершилъ рядъ другихъ душегубствъ. На ряду съ убійствомъ у него шло притворство, обманъ, измѣна, необузданное сластолюбіе. Съ щегольствомъ и дипломатической изворотливостью Цезарь соединялъ большую физическую силу и холодную жестокость. По свидѣтельству современника, Цезарь уложилъ шесть дикихъ быковъ, сражаясь на лошади пикою, а одному изъ нихъ сразу раскроилъ голову. Отецъ его—папа Александръ VI—человѣкъ также чудовищно порочный—очень его любилъ и вмѣстѣ боялся.

Для Винчи было все равно, кому бы и гдѣ-бы ни служить. При полномъ политическомъ равнодушіи, онъ сохранялъ неизмѣнно личное достоинство. Въ немъ не было раболѣпства; онъ не льстилъ своимъ меценатамъ, какъ бы высоко они ни стояли. Многія данныя его жизни краснорѣчиво говорятъ въ пользу его нравственной независимости. Когда папа Левъ X насмѣшливо отозвался о его научныхъ опытахъ приготовленія красокъ, онъ удалился изъ Рима. Когда флорентійскій гонфалоньеръ Содерини поставилъ ему въ упрекъ, что онъ, забравъ задатки, не исполняетъ порученныхъ ему работъ, онъ собралъ деньги и внесъ ихъ обратно въ кассу, но Содерини отказался ихъ принять. Если не лесть, то нѣкоторую услужливость или, по крайней мѣрѣ, предупредительность можно было ожидать со стороны Леонардо да Винчи по отношенію къ высокообразованной и любезной почитательницѣ его таланта, герцогинѣ мантуанской Изабеллѣ; но въ своихъ письмахъ къ ней Леонардо да Винчи ограничивается условными пріемами вѣжливости.

Весьма возможно, что у Винчи, плебея по происхожденію и аристократа по личнымъ связямъ и симпатіямъ, лежало сердце къ королямъ, принцамъ, высокопоставленнымъ дамамъ. На этой сторонѣ было много завлекательнаго, богатство, знатность, образованность. Нужно, впрочемъ, оговорить, что Винчи нигдѣ не высказываетъ своихъ личныхъ симпатій или сословныхъ взглядовъ. Въ необъятной массѣ его манускриптовъ мы

могли найти лишь два—три коротенькихъ изреченія, выражающихъ его общественные взгляды. Оказывается, что Винчи не долюбливалъ монаховъ за ихъ лицемѣріе, Farisei—frati santi vol dire, и врачей за ихъ невѣжество и корыстолюбіе, Ogni omo desidera far capitale per dare a medici destruttori di vita adunque debono essere richi. Винчи названіе «святой братъ» считаетъ синонимомъ фарисейства, а врачей клеймитъ чрезвычайно рѣзкимъ осужденіемъ—destruttori di vita—разрушители жизни.

Въ 1502 г. Цезарь Борджіа подписалъ въ Павіи декретъ слѣдующаго содержанія: «Мы повелѣвамъ всѣмъ нашимъ намѣстникамъ, управляющимъ дворцами, военачальникамъ, кондотьерамъ, чиновникамъ и подданнымъ, чтобы всегда и во всякомъ мѣстѣ давали свободный доступъ предъявителю сего повелѣнія, нашему высокочтимому инженеру Леонарду да Винчи, которому мы поручаемъ осматривать крѣпости и дѣлать въ нихъ тѣ измѣненія, какія онъ сочтетъ необходимыми. Онъ и его свита должны быть хорошо приняты, и всякія облегченія должны быть оказаны его осмотру, его мѣропріятіямъ, съемкамъ, согласно съ его требованіями».

Утонченно жестокій Цезарь Борджіа—характерная черта эпохи!—относился къ великому художнику-инженеру съ утонченной вѣжливостью. Сохранилось письмо Цезаря къ Леонарду съ такимъ обращеніемъ: «nostro prestantissimo e dilettissimo famigliare, architetto e ingegnere generale» (нашему знаменитому и дорогому другу, архитектору и главному инженеру).

Въ должности главнаго инженера и архитектора Романьи Винчи провелъ годъ. Въ его манускриптахъ сохранился рядъ летучихъ замѣтокъ и набросковъ; въ нихъ отразилась Романья—страна «всяческой грубости», съ неприступными крѣпостями и поэтической природой. Великій художникъ обратился на время въ военнаго инженера. Въ рукописяхъ идутъ ряды математическихъ выкладокъ для постройки военныхъ укрѣпленій и орудій. Научные интересы пробиваются на каждомъ шагу. Во время мимолетныхъ объѣздовъ городовъ Романьи Винчи вездѣ присматривается и прислушивается къ явленіямъ природы и попутно дѣлаетъ любопытныя наблюденія надъ мѣстными проявленіями стихійныхъ силъ: въ Римини онъ вслушивается въ гармоничный шумъ городского фонтана, въ Піомбино наблюдаетъ прибой морскихъ волнъ, въ горахъ отмѣчаетъ способъ, какимъ пастухи извлекаютъ музыкальные звуки изъ бычачьяго рога, вставленнаго въ ращелину скалы.

Цезарь Борджіа, какъ человѣкъ чудовищно порочный и жестокій, запутался въ политическихъ интригахъ и послѣ смерти своего отца, столь же чудовищно порочнаго и жестокаго папы Александра VI въ 1503 г., сошелъ съ политической сцены. Грубая и бѣдная Романья не представ-

ляла ничего интереснаго для Винчи. Невѣжественное населеніе этой захудалой италіанской области, захалустность края, стоявшаго въ сторонѣ отъ Рима и Флоренціи — все это не располагало Винчи въ его пользу.

Въ 1503 г. Винчи возвратился во Флоренцію. Во главѣ тогдашняго флорентійскаго правительства стоялъ избранный пожизненно суровый гонфалоньеръ Петро Содерини (1502—1512 г.). Поддерживая традиціи Медичисовъ, онъ покровительствовалъ художникамъ. Въ это время во Флоренціи встрѣтились три величайшихъ художника—Винчи, Анджело и Рафаэль, первые два въ роли соперниковъ, послѣдній въ роли спокойнаго наблюдателя. Винчи и Анджело получили приглашеніе украсить фресками обширныя стѣны залы Совѣта въ Старомъ Дворцѣ. Винчи избралъ сюжетомъ битву при Ангіарѣ—эпизодъ изъ войны Флоренціи съ Миланомъ въ 1440 г., когда флорентійцы одержали побѣду надъ миланскимъ полководцемъ Пичинино. Анджело сюжетомъ избралъ одинъ эпизодъ войны флорентійцевъ съ пизанцами въ 1364 г. Винчи изобразилъ схватку всадниковъ, въ которой выразилъ ярость всадниковъ и даже ярость коней ихъ. Битва при Ангіарѣ—первое крупное произведеніе батальной живописи. Леопардо да Винчи здѣсь разрѣшилъ большія трудности въ выраженіи лицъ и позъ, причемъ обнаружилъ свои глубокія познанія въ анатоміи и въ психологіи. Микель Анджело изобразилъ берегъ рѣки Арно и неподозрѣвающихъ близкаго непріятеля флорентійцевъ. Внезапно возникаетъ тревога; это пизанцы сдѣлали нападеніе. Полунагіе флорентійцы бросаются къ оружію. Сцена вышла очень оживленной. Анджело развернулъ здѣсь свое мощное искусство въ обрисовкѣ силы и мужества. На руку Анджело было, что въ это время флорентійцы вели войну съ пизанцами, и его картонъ получилъ политическое значеніе.

Въ 1506 г. оба картона были выставлены въ папской залѣ у S. Maria Novella; они вызвали всеобщій восторгъ. Самые безпристрастные судьи не могли рѣшить, кому отдать предпочтеніе. Все молодое поколѣніе бросилось сюда учиться.

Флорентійская толпа склонялась болѣе на сторону Микель Анджело. Въ это время ему было 30 лѣтъ; онъ былъ въ расцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ. Его колосальный мраморный Давидъ стоялъ на главной городской площади. Его картонъ съ эпизодомъ столкновенія флорентійцевъ съ пизанцами льстилъ мѣстному патріотизму. Правда, и у Винчи были великія заслуги; но онѣ были болѣе извѣстны въ Миланѣ, чѣмъ во Флоренціи; въ Миланѣ была модель статуи Сфорцы и картина Тайной Вечери. Симпатіи Леонардо да Винчи лежали къ Милану.

Микель Анджело не выносилъ своего великаго соперника, говоритъ Сеайль. Онъ ненавидѣлъ въ немъ то, чего не могъ ни понимать, ни любить... Онъ не могъ выносить этой непостижимой и прелестной души; ея спокойствіе казалось ему эгоизмомъ, ея чудесный реализмъ—униженіемъ искусства. Винчи избѣгалъ гнѣва. Онъ привлекалъ людей кротостью и терпимостью. Онъ былъ равнодушенъ къ политикѣ; онъ былъ космополитъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; онъ былъ равнодушенъ къ борьбѣ партій. Онъ прошелъ мимо Савонаролы, не заинтересовавшись имъ и не пожалѣвъ его. Микель Анджело—бурная натура, полная гнѣва и ненависти. Онъ страстный патріотъ, какъ Данте, и большой почитатель Савонаролы, глубоко огорченный сожженіемъ его на кострѣ.

Къ этому времени относится эпизодъ личнаго столкновенія Винчи съ Микель Анджело. Однажды, разсказываетъ анонимный біографъ, нѣсколько нотаблей завели на улицѣ споръ по поводу темнаго мѣста Данта. Увидѣвъ Винчи, они попросили его разъяснить имъ это мѣсто. Какъ разъ въ это время проходилъ мимо Микель Анджело, который слылъ среди художниковъ знатокомъ Данта, и Винчи сказалъ: «вотъ Микель Анджело разъяснитъ вамъ». Подозрительный Микель Анджело подумалъ, что Винчи смѣется надъ нимъ, и сказалъ: «разъясни это ты самъ; вѣдь ты сдѣлалъ модель коня и, не сумѣвъ его отлить, постыдно бросилъ свое дѣло». Далѣе Микель Анджело обругалъ миланцовъ мошенниками и удалился. Винчи терпѣливо снесъ незаслуженную обиду. Быть можетъ, подъ вліяніемъ этого инцидента онъ внесъ въ свои манускрипты замѣченіе: «терпѣніе, противоставленное оскорбленіямъ, имѣетъ такое же значеніе, какъ одежда по отношенію къ холоду. Если увеличивать количество одежды, то холодъ не можетъ повредить; точно также при сильныхъ оскорбленіяхъ нужно увеличивать терпѣніе, и обиды тогда не могутъ задѣть душу». Винчи съ того времени избѣгалъ Микель Анджело, и его примѣру слѣдовалъ скромный и мягкій Рафаэль, къ которому Микель Анджело также относился враждебно.

Рафаэль проживалъ во Флоренціи съ 1503 по 1505 г. По свидѣтельству Вазари, онъ копировалъ нѣкоторыя произведенія Винчи, къ которому относился почтительно. Вѣроятно, онъ имѣлъ возможность ознакомиться и съ батальными картонами художниковъ-соперниковъ. Въ 1510 г. картоны Винчи и Микель Анджело были еще въ залѣ Совѣта. Впослѣдствіи оба картона погибли. Сохранился рисунокъ Рубенса съ одной части картона Винчи и нѣсколько неясныхъ этюдовъ въ его манускриптахъ. Съ картономъ Микель Анджело знакомятъ нѣкоторыя плохія старыя гравюры.

Возвратимся еще на одну минуту къ характерному эпизоду столкновенія Винчи съ Микель Анджело на улицѣ. Микель Анджело бросилъ

ему тяжелый укоръ въ томъ, что онъ не закончилъ «Коня». Личное недоброжелательство указало ему на самое уязвимое мѣсто въ творчествѣ Винчи. Леонардо да Винчи, дѣйствительно, часто бросалъ работы незаконченными. Извѣстно, что по этому поводу его въ разное время укоряли его современники, даже изъ людей, лично къ нему расположенныхъ. На него жаловались и прибѣгали къ ускоренію работъ римскій папа и пріоры монастырей, гдѣ онъ работалъ по заказу, и вліятельные свѣтскіе люди—Людовикъ Моро, Содерини, Изабелла д'Эсте. Современный историкъ Паоло Джовіо говоритъ, что Винчи, вслѣдствіе подвижности своего ума или легкомыслія (levitate ingenii), безпрестанно бросалъ начатыя работы и закончилъ очень мало произведеній». Флорентійскій поэтъ Верино въ латинскихъ виршахъ говоритъ, что хотя Винчи превосходитъ всѣхъ художниковъ по красотѣ формъ, но работаетъ очень медленно и въ теченіе многихъ лѣтъ создаетъ едва одну картину.

Фактъ замѣченъ вѣрно. Винчи работалъ медленно и рѣдко оканчивалъ картины; но данное у Паоло Джовіо объясненіе этой особенности Винчи его легкомысліемъ совершенно несостоятельно. Причина прямо противоположная—глубокомысліе, къ которому присоединялась еще величайшая добросовѣстность. Винчи шелъ все далѣе и далѣе въ изученіи обстоятельствъ времени и обстановки, углублялся, изучалъ, провѣрялъ, входилъ въ детальное научное изученіе позъ, жестовъ, свѣтотѣни, красокъ. Современные писатели Ломаццо и Джиральди указываютъ на основныя черты Винчи--терпѣніе и добросовѣстность. Они говорятъ, что Винчи никогда не изображалъ ни малѣйшаго движенія, ни жестовъ, ни позъ, пока не изучалъ ихъ въ деталяхъ и въ различныхъ формахъ черту за чертой на живыхъ существахъ.

XI.

Женщина въ жизни и творчествѣ Винчи. Изабелла д'Эсте. Мона Лиза Джокондо.

Сердечная жизнь Винчи неизвѣстна. Въ этомъ отношенiи Винчи обнаружилъ большую скромность, осторожность и деликатность. Въ манускриптахъ его нѣтъ ни малѣйшаго намека на какiя-либо его личныя увлеченiя. Современники его также въ этомъ отношенiи сохраняютъ полное молчанiе. Извѣстно, что Винчи не былъ женатъ, что у него не было дѣтей, ни прямыхъ, ни побочныхъ. Всѣ заподозрѣванiя въ этомъ направленiи, напр., относительно его любимаго ученика Салаино, представляются праздными домыслами, лишенными какой-либо документальной опоры. Винчи провелъ жизнь одиноко, съ мыслью и чувствомъ, всецѣло обращенными въ необъятныя области науки и искусства. «Прекрасное тѣло умираетъ, говоритъ Винчи въ одномъ мѣстѣ своихъ манускриптовъ, но никогда не умираетъ великое произведенiе искусства»—cosa bella mortal passa e non d'arte, и въ такомъ культѣ вѣчной истины и красоты прошла вся его жизнь. Оттого, быть можетъ, такъ прекрасны женщины въ его картинахъ и рисункахъ. Онѣ въ значительной степени замѣняли ему дѣйствительныхъ, которымъ было, повидимому, непосильно овладѣть сердцемъ художника-мыслителя. Въ этомъ отношенiи Винчи стоитъ одиноко среди всѣхъ художниковъ эпохи Возрожденiя, что производитъ какое-то смѣшанное впечатлѣнiе величiя, холодности и грусти, какъ недопитая чаша бытiя. Современные ему великiе артисты ближе стояли къ жизни и полнѣе воспользовались всѣми ея радостями и печалями. Рафаэль былъ влюбчивъ, любилъ и былъ любимъ въ размѣрахъ обыденныхъ страстей и увлеченiй. Андреа дель Сарто благоговѣлъ передъ своей капризной и сварливой женой. Суровый и мрачный Микель Анджело на старости лѣтъ испыталъ теплое идеальное чувство любви къ Витторiи Колонна. Одинъ

Винчи холодно и безстрастно прошелъ среди соблазновъ окружавшаго его прекраснаго женскаго міра.

Время, когда Винчи жилъ, общество, гдѣ онъ вращался, были уже богаты могучими женскими вліяніями. Въ XV ст. женщина въ Италіи сбросила съ себя узкія путы аскетическаго и мистическаго ограниченій. Это уже не орудіе дьявола, не презрѣнная виновница грѣхопаденія, не гибель человѣческаго рода—всѣ эти представленія отошли уже тогда въ мрачную область средневѣковаго историческаго прошлаго. Современная Винчи женщина ведетъ уже открытую и свободную жизнь, участвуетъ въ научныхъ спорахъ, интересуется литературой и искусствомъ, принимаетъ участіе въ политической дѣятельности. Гуманистическое развитіе вызвало подъемъ значенія личности женщины, подняло ея образованіе, ея общественное положеніе, и все это было достигнуто главнымъ образомъ на почвѣ просвѣщенія самихъ мужчинъ. Въ сочиненіяхъ Бальтазара Кастиліоне и Лаврентія Валлы—передовыхъ людей XV в.—мѣстами проходятъ уже смѣлыя рѣчи въ интересахъ равноправія женщинъ въ сферѣ образованія съ мужчинами и улучшенія ихъ семейнаго и общественнаго положенія. Дѣвушки высшаго общества получаютъ образованіе наравнѣ съ юношами. Онѣ изучаютъ древніе языки и античныя литературы. Результаты такого образованія быстро обнаружились въ появленіи многихъ замѣчательныхъ женщинъ, въ общемъ подъемѣ италіанскаго просвѣщенія, въ частности въ развитіи въ обществѣ любви къ литературѣ и искусству. Возникли дамскіе кружки, вокругъ которыхъ группировались выдающіеся писатели и художники. Въ началѣ XVI ст. въ Венеціи во главѣ такого кружка стояла Катарина Корнаро. Пьеро Бембо посвятилъ ей три діалога «Gli Asolani» Въ Урбино покровительницами ученыхъ и художниковъ выступали герцогиня Елизавета и Эмилія Піа. Подъ вліяніемъ этого дамскаго кружка писалъ графъ Бальтазаръ Кастиліоне, поэтъ Бернардъ Аккольти, работалъ скульпторъ Христофоро Романо. Геніальный Рафаэль въ юности нашелъ поддержку съ этой стороны. Извѣстно оченъ тепло написанное рекомендательное письмо сестры Гвидобальдо Урбинскаго (мужа Елизаветы) къ гонфалоньеру Флоренціи Пьеро Содерини, въ которомъ заключается просьба объ оказаніи Рафаэлю помощи и содѣйствія во время пребыванія его во Флоренціи.

Въ Болоньѣ проживала покровительница просвѣщенія поэтеса Вероника Гамбара, домъ которой считался академіей наукъ и искусства. Даже въ маленькихъ городахъ, Пезаро, Карпи, въ XVI ст. выступили высокообразованныя женщины, друзья ученыхъ и художниковъ.

Подъ вліяніемъ женщинъ усилилась наклонность къ пышности, празднествамъ, торжественнымъ процессіямъ. Такъ, миланская герцогиня

Беатриче, жена Людовика Моро, очень любила развлеченія и балы. Ея современница и родственница Лукреція Борджіа въѣхала въ Римъ въ сопровожденіи двухсотъ роскошно одѣтыхъ наѣздницъ, и при каждой былъ кавалеръ. Лучшія женскія имена свободны однако отъ упрека въ томъ нарушеніи морали, которое было почти обычно у мужчинъ меценатовъ.

Чуть ли не самую любопытную страницу въ культурной исторіи Италіи XVI в. представляетъ просвѣщенная дѣятельность герцогини мантуанской Изабеллы д'Эсте, по мужу Гонзаго. Безъ опасности погрѣшить, можно утверждать, что въ то время, какъ Леонардо да Винчи представляетъ разцвѣтъ италіанской науки и искусства эпохи Возрожденія, его славная современница, искренняя почитательница его таланта герцогиня Изабелла выражала собой разцвѣтъ общаго италіанскаго просвѣщенія, бытового приложенія всѣхъ лучшихъ сторонъ гуманистическаго развитія.

Изабелла д'Эсте (Флоренція).

Наружность Изабеллы хорошо извѣстна по нѣсколькимъ портретамъ работы выдающихся художниковъ въ разные періоды ея жизни. Два портрета работы Джіованни Санти и Франчіа потеряны. Сохранились два эскиза на бумагѣ углемъ работы Леонардо да Винчи, въ цвѣтущемъ возрастѣ 25 лѣтъ, изображеніе на медали на нѣсколько лѣтъ позднѣе работы талантливаго скульптора Христофоро Романо и два портрета въ краскахъ работы Тиціана, одинъ въ возрастѣ около 27 лѣтъ, другой, когда Изабелла имѣла около 40 лѣтъ. Одинъ изъ этихъ портретовъ оригинальный хранится въ Вѣнскомъ музеѣ, другой въ копіи Рубенса находится также въ Вѣнѣ. Портреты вѣрно передаютъ измѣненія въ наружности Изабеллы подъ вліяніемъ лѣтъ; въ рисункахъ Винчи отразилась молодость и красота; въ медали Романо замѣтно устарѣніе, а одинъ изъ портретовъ Тиціана даетъ уже даму почтенныхъ лѣтъ, сильно располнѣвшую.

Изабелла родилась въ Феррарѣ въ 1474 году. Отецъ ея, герцогъ Эрколе д'Эсте и мать, Элеонора Арагонская, принадлежали къ просвѣщеннымъ людямъ. Герцоги д'Эсте выдвинулись главнымъ образомъ на полѣ брани, какъ храбрые полководцы. Дѣдъ Изабеллы, Николо д'Эсте, отецъ ея Эрколе, дяди Борзо и Ліонель вошли уже въ курсъ гуманизма, приглашали художниковъ (Беллини, Франческа и др.), и украшали свои дворцы фресками. По порученію Ліонеля д'Эсте, Альберти написалъ трактатъ De re edificatoria. Отецъ Изабеллы оказывалъ пособіе художникамъ и собиралъ коллекціи древнихъ мраморовъ. Еще болѣе была склонна къ наукѣ и искусству Элеонора, внучка знаменитаго въ свое время мецената короля неаполитанскаго Альфонса, при дворѣ котораго были Лаврентій Валла, Манетти, Панормита, Пизаньелло. Отецъ Элеоноры Фердинандъ далъ мѣсто перваго министра извѣстному въ свое время ученому Понтано. При его дворѣ служилъ поэтъ Саннацаро и историкъ Колленучіо. Библіотека неаполитанскаго короля пользовалась славой во всей Италіи. Мать Изабеллы была уже большой любительницей книгъ и покровительствовала знаменитому издателю Альдо Мануччи Старшему. На такой благопріятной наслѣдственной почвѣ развились научные и артистическіе интересы молодой герцогини Изабеллы.

Шестилѣтнимъ ребенкомъ Изабелла была просватана за герцога Мантуи Джана Франческа II Гонзаго. 16 лѣтъ въ 1490 г. она вышла за него замужъ. Франческу въ это время было 24 года. Впослѣдствіи онъ выдвинулся, какъ талантливый полководецъ. Любитель войны и охоты, Франческо Гонзаго заботы о просвѣщеніи предоставилъ своей супругѣ. Лично онъ не былъ человѣкомъ жестокимъ, и его имя чисто отъ столь обычныхъ въ его время политическихъ преступленій. Судя по сохранившимся портретамъ, Франческо Гонзаго былъ некрасивъ, съ рѣзкими и неправильными чертами лица, что не вредило его семейному счастію. Изабелла оказалась образцовой женой и матерью, достоинства немаловажныя для современницы, пріятельницы и даже родственницы Лукреціи Борджіа. Изабелла приняла дѣятельное участіе въ политической дѣятельности, помогала мужу добрымъ совѣтомъ, въ сторонѣ отъ обычнаго въ тогдашней Италіи политическаго пронырства и жестокости.

Всю свою жизнь, по выходѣ замужъ, Изабелла провела въ Мантуѣ, съ случайными поѣздками въ гости къ сосѣднимъ владѣтельнымъ особамъ, сначала въ Миланъ къ родной сестрѣ Беатриче, бывшей замужемъ за Людовикомъ Моро, позднѣе въ 1827 г. въ Римъ; ей пришлось быть свидѣтельницей страшнаго разгрома вѣчнаго города войсками коннетабля Бурбона. Въ 1529 г. Изабелла была въ гостяхъ въ Болоньѣ, гдѣ жила извѣстная писательница и другъ просвѣщенія Вероника Гамбара. По

смерти мужа въ 1519 г., Изабелла нѣкоторое время была регентшей, въ виду малолѣтства своего сына Фредерика, а когда онъ занялъ престолъ, она устранилась отъ политической дѣятельности и предалась всецѣло интересамъ искусства и литературы.

Съ 1490 г. по 1520 г. Изабелла жила въ Старомъ Дворцѣ, въ особомъ корпусѣ, который состоялъ изъ пяти комнатъ и носилъ поэтическое названіе Грота (Grotta). Въ 1520 г. она, по желанію сына, перешла въ другое, спеціально для нея отстроенное помѣщеніе, которое состояло изъ 16 богато украшенныхъ комнатъ и носило еще болѣе поэтическое названіе Рая (Paradiso) [1]).

Гротъ, Парадизо, маленькія, изящно обставленныя комнатки camerini, домашній музей studiolo, эти поэтическія созданія тонкаго женскаго ума и вкуса видѣли въ своихъ стѣнахъ много знаменитыхъ государственныхъ людей Италіи XVI ст., писателей, ученыхъ, художниковъ, музыкантовъ. Современный поэтъ Рафаэль Тоскано оставилъ такое описаніе Грота, того Грота, въ которомъ, навѣрно, бывалъ и Леонардо да Винчи, въ которомъ, вѣроятно, онъ сдѣлалъ свой рисунокъ портрета Изабеллы: «Въ Corte Vecchia (названіе дворца) есть Гротъ. Онъ скрываетъ въ себѣ то, что прекрасная Италія имѣетъ самаго драгоцѣннаго, въ немъ живетъ великодушная Изабелла д'Эсте. Она построила и великолѣпно его разукрасила. Гротъ состоитъ изъ 5 комнатъ. Двѣ изъ нихъ отведены для произведеній искусства. Когда смертные осматриваютъ ихъ, то они восторгаются и удивляются. Онѣ украшены богатѣйшей золотой рѣзьбой, изящными рисунками, превосходными картинами. Мантенья и другіе славные художники раскрыли здѣсь свои геніальныя дарованія въ превосходныхъ картинахъ».

Изабелла любила литературу и искусство, причемъ, какъ истая гуманистка, она слишкомъ подчинялась господствовавшимъ литературнымъ вкусамъ и стремленіямъ и пыталась подчинить имъ самое искусство. Женщина очень начитанная, прекрасная латинистка, почитательница древнихъ, Изабелла увлекалась миѳологическими и аллегорическими сюжетами, поддерживала живыя сношенія съ писателями гуманистами и давала задачи и темы для художниковъ, причемъ иногда входила въ такую регламентацію, которая стѣсняла свободное художественное творчество. Прежде всего и болѣе всего Изабелла литературный человѣкъ. Современники это поняли и оцѣнили. Изабеллу прославляли въ стихахъ и въ прозѣ Бембо, Тоскано, Аріосто, Банделло, Пико делла Мирондолла.

---

[1]) Комнаты Изабеллы (camerini) сохранились до настоящаго времени, но съ другими, болѣе поздними украшеніями. Отъ временъ Изабеллы сохранились мозаиковыя ниши, нѣсколько стѣнныхъ фресокъ, и мраморныя двери. Подробное описаніе съ приложеніемъ снимковъ дано Иріарте въ Gazette des Beaux-Arts 1895 XIII 382—393 и XIV 122—130.

Изабелла начала въ 1494 г. съ собиранія музыкальныхъ инструментовъ—она сама хорошо пѣла и играла на лютнѣ. Съ теченіемъ времени она расширяла кругъ своихъ художественныхъ и научныхъ интересовъ, собирала картины, медали, камеи, книги. Какъ далеко заходили научные интересы молодой герцогини, видно изъ того, что она поддерживала дѣятельныя сношенія съ знаменитымъ издателемъ Альдо Мануччи, который снабжалъ ее книгами, (сочиненія Евсевія противъ Гіерокла, Жизнь Аполонія Тіанскаго и др.). Изабелла была въ перепискѣ съ Пьетро Бембо, Кастиліоне, Паоло Джовіо, Аріосто, и мн. другими учеными и поэтами. Въ ней былъ сильно развитъ мѣстный научный и литературный патріотизмъ. Мантуа была родиной Виргилія. Въ этомъ городѣ былъ нѣкогда поставленъ ему памятникъ, который былъ сброшенъ въ рѣку Карломъ Малатестой изъ дикой ревности за оказываемое античному писателю уваженіе. Изабелла задумала возстановить памятникъ. Она вошла въ сношенія съ ученымъ Понтано для выработки плана. Мантенья сдѣлалъ рисунокъ. На памятникѣ предполагалось сдѣлать надпись:

Publius Virgilius Mantuanus.

Jsabella Marchionissa Mantuae restituit.

Постепенно расширяя художественные интересы, Изабелла пожелала украсить свою любимую комнату Studiolo картинами лучшихъ современныхъ мастеровъ; она обратилась съ соотвѣтствующей просьбой къ знаменитымъ художникамъ. У однихъ она просила картинъ миѳологическаго или аллегорическаго содержанія, которыя ей особенно нравились; другимъ предлагала написать съ нея портретъ; у третьихъ пробовала получить картины религіознаго содержанія, когда убѣждалась въ нерасположеніи художника къ свѣтской живописи. Симпатіи Изабеллы были на сторонѣ античныхъ сюжетовъ, преимущественно на сторонѣ миѳологіи и аллегоріи, что отразилось на содержаніи исполненныхъ для нея картинъ, на формахъ декоративнаго украшенія ея Грота и Рая и на ея перепискѣ съ учеными и художниками.

Въ Мантуѣ жилъ Мантенья, художникъ талантливый, писавшій почти исключительно на религіозные сюжеты. Человѣкъ старый, сварливый и безалаберный, Мантенья поддался очарованію молодости и красоты Изабеллы и сталъ писать по ея заказу картины миѳологическаго содержанія. 70 лѣтній Мантенья, повидимому, сталъ питать болѣе, чѣмъ дружеское расположеніе къ прекрасной герцогинѣ и вмѣсто Мадонны сталъ рисовать Венеру, окруженную Амурами. Работы Мантеньи для Studiolo относятся къ 1493—1497 годамъ. По заказу Изабеллы Мантенья написалъ «Парнасъ» и «Побѣда мудрости надъ пороками». Обѣ картины нынѣ находятся въ Луврѣ. Снимки съ нихъ даны въ Gazette des Beaux—Arts

1895 XIII стр. 392 (Изгнаніе пороковъ) и XIV 238 (Парнасъ). Картины аллегорическаго содержанія, со многими фигурами, написаны смѣлой кистью, пользовались въ XVI ст. большой извѣстностью.

Другимъ любимымъ художникомъ Изабеллы былъ Лоренцо Коста († 1535 г.). Онъ написалъ для Studiolo аллегорическую картину съ Аполлономъ, нимфами и Орфеемъ. Картина эта находится въ настоящее время въ Луврѣ. Снимокъ данъ въ XV т. Gazette des Beaux—Arts 1895 стр. 343.

Послѣ многихъ хлопотъ, убѣжденій и переписки Изабеллѣ удалось получить отъ Перуджино картину «Битва любви съ цѣломудріемъ» пестраго аллегорическаго содержанія. Картина слабая; герцогиня не была вполнѣ довольна и не обращалась болѣе къ Перуджино. Нынѣ картина находится въ Луврѣ. Снимокъ въ Gaz. d. Beaux—Arts 1895 XIV 137. Для характеристики Изабеллы и отчасти всей эпохи важны многочисленныя письма Изабеллы къ Перуджино (53 письма) и въ особенности детальный ея заказъ съ указаніемъ размѣра картины, темы, числа фигуръ и пр., съ запрещеніемъ измѣнять главные пункты заказа.

Кромѣ того для Изабеллы въ разное время работали Христофоро Романо, Джіовани Беллини, Франчіа, Тиціанъ, Леонардо да Винчи, два послѣдніе художника работали лишь какъ портретисты. Изабелла была требовательна и настойчива; она давала темы, планъ, диктовала даже подробности и прибѣгала къ разнымъ пріемамъ для ускоренія—просьбамъ, укорамъ, предложенію хорошей платы, къ содѣйствію вліятельныхъ лицъ. Большая требовательность стѣсняла художниковъ, и многіе или уклонялись, или затягивали исполненіе заказовъ. Беллини отказался работать на аллегорическую тему. Перуджино тянулъ дѣло около 5 лѣтъ. Винчи ограничился черновымъ наброскомъ углемъ и не выполнилъ многихъ просьбъ и пожеланій Изабеллы.

Знакомство Изабеллы съ Винчи началось въ концѣ XV ст., при посѣщеніи миланскаго двора. Изабелла была въ гостяхъ у сестры незадолго до ея кончины и паденія Людовика Моро. Винчи на короткое время пріѣзжалъ въ Мантую въ 1500 г.; тогда онъ нарисовалъ углемъ на бумагѣ портретъ герцогини, который нынѣ находится въ Луврѣ, и, немного спустя, сдѣлалъ по немъ сангвиной другой рисунокъ, который хранится нынѣ во Флоренціи. По письмамъ Изабеллы можно довольно точно опредѣлить время ея сношеній съ Винчи—первое пятилѣтіе XVI ст., преимущественно 1501 и 1504 годы.

Иріарте въ спеціальной статьѣ въ Gazette des Beaux-Arts 1888 опредѣляетъ приблизительно время, когда Винчи нарисовалъ портретъ Изабеллы, между 1498 и 1500 г., въ Мантуѣ, проѣздомъ въ Венецію.

Довѣренное лицо Изабеллы музыкантъ Лоренцо да Павіа писалъ герцогинѣ 30 марта 1500 г.: «Леонардо да Винчи, находящійся теперь въ Венеціи, показалъ мнѣ портретъ Вашей Свѣтлости, который отличается поразительнымъ сходствомъ. Право, онъ сдѣлалъ такъ хорошо, что лучше невозможно». Этотъ отзывъ современника, хорошо знавшаго въ лицо Изабеллу, представляется весьма цѣннымъ. Изабелла несомнѣнно также была очень довольна работой Винчи, и потому она такъ настоятельно впослѣдствіи просила его написать ея портретъ красками. Кромѣ того, она живо интересовалась его работами вообще и весьма желала пріобрѣсти картины его кисти. Въ 1501 г. она пишетъ во Флоренцію довѣренному Петру да Нуволарія: «пусть Ваше Преподобіе узнаетъ, какъ Леонардо принялъ бы предложеніе нарисовать для насъ картину. Если бъ онъ согласился, то выборъ сюжета и времени вполнѣ предоставляемъ на его усмотрѣніе». Замѣчательно, что умная Изабелла здѣсь отступаетъ отъ своего обыкновенія навязывать художникамъ подробные планы композиціи. Она далѣе лишь въ общихъ чертахъ, условно и осторожно, намѣчаетъ свои желанія: «уговорите его (т. е. Винчи), по крайней мѣрѣ, сдѣлать небольшую картину съ изображеніемъ Мадонны (devoto e dolce) со свойственной одному ему прелестью и нѣжностью». Нуволарія вскорѣ отвѣтилъ, что Леонардо ведетъ жизнь измѣнчивую (varia), со дня на день (a giornata), и упоминаетъ далѣе объ эскизѣ «Св. Анны» съ подробнымъ его описаніемъ. На другой день Нуволарія посылаетъ Изабеллѣ снова письмо, въ которомъ говоритъ, что «онъ пустилъ въ ходъ все свое искусство, чтобы заставить Винчи исполнить желанія Ея Свѣтлости», но Винчи, повидимому, далъ очень уклончивый отвѣтъ, что если онъ успѣетъ освободиться отъ своихъ обязательствъ къ французскому королю, то будетъ служить Изабеллѣ предпочтительнѣе, чѣмъ кому-либо другому. Какъ бы въ оправданіе Винчи, Нуволарія пишетъ, что «занятія математикой до такой степени отбили у него охоту къ живописи, что онъ съ трудомъ берется за кисть. Изабелла однако сохранила къ Винчи расположеніе. Въ 1502 г. она поручаетъ флорентійскому агенту спросить мнѣніе Винчи относительно достоинства вазъ, которыя она хотѣла купить, причемъ любезно называетъ его «нашъ другъ». Въ 1504 г. Изабелла написала Винчи собственноручно: «Узнавъ, что вы проживаете во Флоренціи, мы надѣемся получить какое-нибудь произведеніе вашей кисти, которое мы такъ горячо желаемъ». Потерявъ надежду получить свой портретъ въ краскахъ, герцогиня проситъ нарисовать для нея какую-нибудь другую картину, «напримѣръ, замѣчаетъ она, изображеніе отрока Христа въ 12-ти лѣтнемъ возрастѣ, который Онъ имѣлъ, когда состязался съ книжниками. Мы знаемъ, продолжаетъ Изабелла, что картина эта будетъ отли-

чаться той мягкостью и прозрачной нѣжностью, тайной которыхъ только вы обладаете, вслѣдствіе чуднаго вашего искусства». Винчи обѣщалъ, но обѣщаніемъ и ограничился. Любезная и просвѣщенная Изабелла не получила картины работы Винчи, котораго, очевидно, очень высоко цѣнила, и произведеніями котораго такъ ей хотѣлось украсить свой домашній музей Studiolo.

Съ 1504 г. сношенія Изабеллы съ Винчи прекратились. Она, очевидно, потеряла надежду привлечь его вниманіе и усердіе. Изабелла пережила Винчи на многіе годы. Въ годъ кончины Винчи скончался ея мужъ, Франческо Гонзаго, а сама Изабелла скончалась въ 1539 году въ Мантуѣ и была похоронена въ мѣстномъ монастырѣ св. ап. Павла. Въ 1796 г. Мантуа была взята и разграблена французами. Монастырское кладбище было уничтожено. Гробница Изабеллы исчезла безслѣдно. Въ этомъ отношеніи судьба Изабеллы удивительнымъ образомъ совпадаетъ съ судьбой смертныхъ останковъ Леонардо да Винчи, которые также были уничтожены. Иронія судьбы надъ величайшими представителями ума и красоты.

Въ то время, когда Изабелла просила Винчи нарисовать красками ея портретъ, онъ рисовалъ портретъ другой женщины, далеко не столь

Мона Лиза Джоконде (Луврѣ).

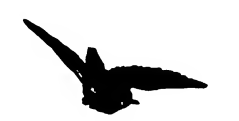
красивой, пожилой, незнатной, но которая почему то сумѣла на долгое время овладѣть его кистью. Это была Мона Лиза Джокондо, знаменитая

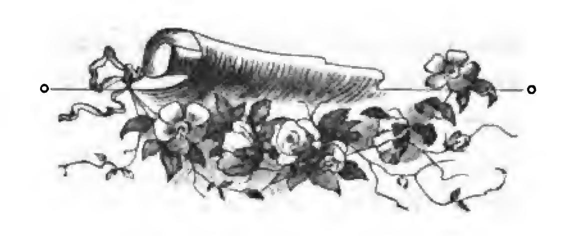
Мона Лиза Джокондо Луврскаго музея. Картина эта написана въ 1501 г. Король Францискъ I купилъ ее за 4000 экю. Мона Лиза, неаполитанка по происхожденію, была замужемъ за знатнымъ флорентинцомъ Франческомъ Джокондо. Положеніе головы и взглядъ очей нѣсколько напоминаютъ такъ называемую «Прекрасную фероньерку». Мона Лиза, по общему признанію, считается однимъ изъ величайшихъ произведеній искусства, по реализму, тонкой психологіи, богатству внутренняго идейнаго содержанія и внѣшней отдѣлкѣ. Тутъ все безукоризненно и отлично, лицо, руки, одежда, горный пейзажъ. Художникъ Вазари говоритъ, что по Джокондо «всякій желающій легко можетъ понять, до какой степени искусство можетъ подражать природѣ: въ портретѣ переданы всѣ мелочи, какія только поддаются передачѣ посредствомъ тонкой кисти. Глаза имѣютъ тотъ блескъ и ту влажность, которые наблюдаются у живого человѣка. Вокругъ глазъ красновато-синія жилки и волоски, которые могутъ быть изображены только при величайшей тонкости письма. Рѣсницы сдѣланы на подобіе того, какъ волосы дѣйствительно растутъ на тѣлѣ, гдѣ гуще, гдѣ рѣже, носъ съ розоватыми и нѣжными ноздрями кажется живымъ. Ротъ представляется настоящей плотью. Въ углубленіи шеи ощущается біеніе пульса».

Хотя въ настоящее время краски потемнѣли и потеряли мягкость тоновъ, но и нынѣ Мона Лиза смотритъ съ полотна, какъ живая. На видъ это женщина среднихъ лѣтъ, съ загадочной, ласкающей улыбкой. На головѣ у нея прозрачная вуаль. Существуетъ преданіе, что Винчи четыре года работалъ надъ этой картиной. Говорятъ, онъ приглашалъ музыкантовъ, чтобы вызвать на лицѣ Моны Лизы выраженіе довольства. Объ этой картинѣ существуетъ большая литература. Многіе останавливались на вопросѣ о красотѣ Моны Лизы, и, понятно, расходились въ приговорѣ сообразно съ своими личными вкусами. Если въ оцѣнкѣ лица Моны Лизы мнѣнія расходятся, то всѣ, писавшіе объ этой картинѣ, сходятся въ признаніи замѣчательной красоты ея рукъ. Джокондо положила одну руку на другую легко и какъ будто лѣниво. Пальцы длинные, постепенно утончающіеся, выхоленные. Послѣ лица рука самая выразительная и одухотворенная часть тѣла, и великіе живописцы потому всегда тщательно вырисовываютъ руку. Особенно богатой наблюдательностью и феноменальнымъ психологическимъ реализмомъ отличается въ этомъ отношеніи Винчи. Многихъ привлекаетъ загадочная улыбка Джоконды. Улыбка характерная особенность въ картинахъ Винчи и его учениковъ. У Винчи улыбка всегда глубоко оригинальна, всегда заключаетъ въ себѣ что-то загадочное и прекрасное. Подъ кистью его учениковъ и подражателей улыбка получаетъ иногда характеръ условный, искусственный, какъ искусственно всякое подражаніе.

Мона Лиза во всѣ времена привлекала къ себѣ художниковъ. Сохранилось много копій, между прочимъ, подражаніе Рафаэля, очень сходное по рисунку. Картина Винчи драгоцѣнна, какъ несомнѣнное произведеніе великаго художника, и какъ одно изъ лучшихъ произведеній живописи. Современникъ Винчи, ученикъ Микель Анджело, художникъ и историкъ Вазари называетъ эту картину чудомъ искусства. Хотя съ теченіемъ времени краски сильно потемнѣли, но и нынѣ приговоръ Вазари остается безспорнымъ.

Замѣчательно нѣкоторое сходство Моны Лизы съ Мадонной «Св. Семейства» Эрмитажа. Овалъ лица и поворотъ головы весьма сходны. У Мадонны глаза опущены внизъ. Мона Лиза смотритъ прямо, и въ глазахъ ея, въ виду ея свѣтскаго и житейскаго характера, обнаруживается чувственность, что, разумѣется, было бы не къ лицу Мадонны, которая потому обрисована болѣе идеально, съ опущенными глазами. Это сходство до нѣкоторой степени подтверждаетъ подлинность «Св. Семейства» и даетъ поводъ думать, что картины эти были созданы въ одно время, что вполнѣ согласуется съ біографическими данными.

XII.

Поѣздка въ Миланъ. Шарль д'Амбуазъ. Содерини. Судебный процессъ съ братьями. Поѣздка въ Римъ. О вліяніи Винчи на Рафаэля. Послѣднія произведенія Винчи. «Вакхъ». «Іоаннъ Креститель». «Леда». Проектъ памятника Тривульцію. Загадочныя произведенія — «Вознесеніе Христово» и «Христосъ и фарисеи».

Итальянскіе художники эпохи Возрожденія не отличались привязанностью къ мѣсту. Они часто предпринимали поѣздки, то для изученія искусства, то для исполненія заказовъ, то по приглашенію меценатовъ. Леонардо да Винчи также легко мѣнялъ мѣста. У него былъ цѣлый рядъ особыхъ къ тому причинъ. Во многихъ случаяхъ большую роль при его передвиженіяхъ играла его научная любознательность, желаніе изведать новыя условія жизни, примѣнить къ дѣлу свои обширныя свѣдѣнія въ области механики и инженернаго искусства. Случайнымъ, но для Винчи непріятнымъ и хлопотливымъ обстоятельствомъ было возникновеніе тяжбы съ его многочисленными братьями изъ-за наслѣдства. Въ 1504 г. умеръ его отецъ 80 лѣтнимъ старикомъ. Послѣ него остались первенецъ Леонардо да Винчи, прижитый внѣ брака, но имъ усыновленный и воспитанный, и затѣмъ 9 сыновей и 2 дочери отъ 3 и 4-го браковъ. Вскорѣ умеръ и братъ его, дядя Леонарда. Послѣ того и другого осталось небольшое наслѣдство, часть котораго должна была достаться Леонарду. Братья начали оспаривать. У Леонарда не было пристрастія къ деньгамъ; но онъ не былъ настолько богатъ, чтобы уступить свою долю безъ ущерба, и при томъ здѣсь задѣто было самолюбіе, его семейное положеніе, давно уже узаконенное его геніемъ и заботами отца и первыхъ двухъ мачехъ. Возникъ долгій судебный процессъ. Леонардо да Винчи обращался съ просьбами къ властнымъ лицамъ и нѣсколько разъ по этому дѣлу ѣздилъ изъ Милана въ Флоренцію. Онъ отстоялъ свои права

и, какъ великая душа, не вынесъ изъ борьбы ожесточенія. Онъ вспомнилъ о своихъ противникахъ въ духовномъ завѣщеніи и оставилъ имъ долю своего имущества.

Талантливый и просвѣщенный французскій полководецъ Шарль д'Амбуазъ маршалъ Шомонъ (род. въ 1473, ум. въ 1511 г. 38 лѣтъ) управлялъ Миланомъ отъ имени короля Людовика XII. Онъ настоятельно просилъ флорентійское правительство отпустить Винчи въ Миланъ и горячо рекомендовалъ его Людовику XII. Суровый Содерини неохотно отпустилъ Винчи, который незамедлилъ принять дѣятельное участіе въ торжественной встрѣчѣ Людовика XII въ Миланѣ въ 1507 г. Онъ отправилъ королю картину, неизвѣстно какого сюжета, и получилъ подтвержденіе права собственности на небольшой виноградникъ, подаренный ему Людовикомъ Моро въ 1499 г. Сношенія Винчи съ французскими властями происходили главнымъ образомъ въ 1506 и 1507 годахъ. Извѣстно, преимущественно изъ писемъ д'Амбуаза, что Винчи въ это время писалъ нѣсколько картинъ, которыя были потомъ потеряны. Въ то же время Леонардо да Винчи работалъ надъ проведеніемъ канала отъ Мартезаны до Бривіо и продолжалъ пополнять свои рукописи разными записями научнаго характера. Въ 1508 г. онъ отмѣтилъ, что у него накопилось большое собраніе записей безъ опредѣленнаго порядка, которыя ему хотѣлось бы разгруппировать по предметамъ. Великій мыслитель извиняется передъ своимъ будущимъ читателемъ за допущенныя имъ повторенія.

Въ 1511 г. умеръ правитель Милана Шарль д'Амбуазъ, а въ слѣдующемъ 1512 г. французы были вытѣснены изъ Милана старшимъ сыномъ Людовика Моро — Максимиліаномъ Сфорца. Трудно думать, чтобы этотъ новый правитель былъ расположенъ къ Винчи, который былъ передъ тѣмъ друженъ съ французскими властями. Художнику снова пришлось искать новаго поля дѣятельности. Въ 1513 г. Винчи въ сопровожденіи 4 друзей и учениковъ, Мельци, Салаи, Лоренцо и Фанфои, отправился въ Римъ, гдѣ провелъ болѣе года. Папа Левъ X сначала относился къ нему покровительственно. Ему поручена была реформа монетъ и сдѣланы заказы картинъ. Винчи увлекся научными опытами. Въ это время его особенно занимали опыты живописи масляными красками. По словамъ Вазари, Винчи отыскивалъ составы масляныхъ красокъ, чтобы писать ими, и лаковъ, чтобы сохранять написанныя произведенія. Говорятъ, что когда ему былъ сдѣланъ папой заказъ написать какую-то картину, онъ сейчасъ же началъ растирать краски и травы, чтобы изготовить лакъ. Папа, узнавъ о томъ, воскликнулъ: «увы! этотъ ничего не создастъ, потому что онъ думаетъ о концѣ прежде чѣмъ приступить къ началу». Слова эти были переданы художнику и оскорбили

его. Нетерпѣливый и властолюбивый папа отвернулся отъ Винчи. Еще болѣе враждебно отнесся къ нему Микель Анджело. Въ это время въ разгарѣ былъ споръ о преимуществахъ живописи и скульптуры. Леонардо да Винчи высказался за живопись; Микель Анджело за скульптуру, причемъ послѣднiй не удержался отъ оскорбленiя Винчи, замѣтивъ въ своей статьѣ, что Винчи, отдающiй предпочтенiе живописи, ничего не смыслитъ, и что служанка его—Микель Анджело—лучше разрѣшила бы спорный вопросъ, если бы была о томъ спрошена. Говорятъ, что въ вину Винчи были поставлены его дружественныя сношенiя съ французами. Микель Анджело презрительпо называлъ Винчи миланскимъ музыкантомъ. Винчи подавилъ въ себѣ чувство огорченiя и возвратился вскорѣ во Флоренцiю.

Въ своихъ запискахъ Винчи не упоминаетъ ни Микель-Анджело, ни Рафаэля—олимпiйское равнодушiе, вполнѣ естественное у человѣка, который учился у природы, у жизни и отчасти у древнихъ и ничего не хотѣлъ брать у современниковъ. Микель-Анджело, должно быть, чувствовалъ эту независимость Винчи и платилъ за нее враждой. Рафаэль понималъ ее и уважалъ. Влiянiе Винчи на Рафаэля велико въ практикѣ и еще болѣе въ теорiи искусства. Вышеславцевъ говоритъ, что Рафаэль изучалъ наставленiя Леонарда и сдѣлался его ученикомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, нежели въ бытность свою учепикомъ въ мастерской Перуджино, гдѣ старался подражать манерѣ мастера. Творчество Леонарда пустило глубокiе корни въ душѣ Рафаэля; но это происходило постепенно и незамѣтно; процессъ прививки флорентiйскихъ прiемовъ къ умбрiйскимъ основамъ совершился съ органической правильностью. Выщеславцевъ подробно опредѣляетъ многiя проявленiя влiянiя Винчи на Рафаэля, не только во внѣшнемъ стилѣ, но и въ способахъ исполненiя. Такъ, онъ находитъ, что Рафаэль усвоилъ и приложилъ къ дѣлу нѣкоторыя положенiя Винчи, высказанныя имъ въ «Трактатѣ о живописи». Распредѣленiе свѣта и тѣни въ картинахъ Рафаэля совершенно сходится съ принципами Леонарда, учившаго «никогда не рисовать фигуру при полномъ солнечномъ освѣщенiи, ибо тѣни тогда дѣлаются слишкомъ глубокими, а цвѣта рѣзкими». Винчи совѣтовалъ избѣгать украшенiй на одеждѣ, потому что они вредятъ позѣ и формѣ. Одежда, по Винчи, должна быть проста и должна дѣлать впечатлѣнiе, что подъ нею скрыто живое тѣло Рафаэль усвоилъ себѣ эти мудрыя правила. Онъ устранилъ украшенiя и позолоту. Вышеславцевъ находитъ, что Рафаэль утилизировалъ совѣты Винчи о пейзажѣ и въ особенности воспользовался портретами Леонарда. Маддалена Дони Рафаэля написана подъ прямымъ влiянiемъ Моны Лизы Винчи. Влiянiе Винчи усматриваютъ во многихъ

Мадоннахъ Рафаэля—Мадонна со щегленкомъ, Мадонна Садовница, Мадонна Темпи, Мадонна Альдобрандини. Магистральная композиція картона Рафаэля «Паси овцы Моя!» создана на великихъ основахъ Леонарда. Лицо Христа у Винчи грустно, у Рафаэля свѣтло и ясно. Оба художника сильны сознательнымъ творчествомъ.

Нѣсколько другимъ характеромъ отличается мнѣніе французскаго ученаго Марселя Реймонда о вліяніи Винчи на Рафаэля, высказанное въ статьѣ о Чезаріо да Сесто въ Gazette des Beaux Arts 1892 г. Мнѣніе это одновременно расширяетъ и суживаетъ взглядъ Вышеславцева. Реймондъ находитъ, что Рафаэль былъ знакомъ не только съ творчествомъ Винчи, что не подлежитъ сомнѣнію, но также съ художественной дѣятельностью его учениковъ, среди которыхъ было не мало превосходившихъ его лѣтами, напр., Бельтрафіо старше па 16 лѣтъ, Луини на 14. Такимъ образомъ рѣчь можетъ быть о вліяніи на Рафаэля всей школы Винчи. Личное вліяніе самого Винчи Реймондъ нѣсколько ограничиваетъ. Рафаэль бывалъ во Флоренціи, но не Флоренція, а Миланъ былъ той мѣстностью, гдѣ вліяніе Винчи проявлялась съ наибольшой силой. Затѣмъ въ міросозерцаніи, въ направленіи художественнаго творчества и въ личномъ характерѣ между этими великами художниками были крупныя различія. Винчи былъ трудолюбивъ, тщательно обработывалъ этюды и болѣе полагался на изученіе, чѣмъ на творчество. Рафаэль болѣе работалъ по вдохновенію, и находилъ опору не столько въ размышленіи, сколько въ чувствѣ.

Какъ бы то ни было, Леонардо да Винчи въ началѣ XVI ст. могъ уже наблюдать свое личное вліяніе во Флоренціи и въ Римѣ. Въ его манускриптахъ, впрочемъ, нѣтъ ни малѣйшаго указанія по этому поводу. Великій художникъ и мыслитель не заботился о подсчетѣ своихъ заслугъ. Его мысль всегда была направлена въ необъятный міръ внѣшнихъ явленій и всегда отличалась удивительнымъ объективизмомъ.

Леонардо да Винчи возвратился во Флоренцію въ 1513 г. Подходили годы старости и слабости. У Винчи было въ запасѣ много духовныхъ силъ; его окрыляли еще свѣтлыя надежды и широкіе планы, преимущественно въ области прикладныхъ знаній и научныхъ наблюденій по гидростатикѣ. Пора художественнаго творчества была на исходѣ. Главныя живописныя произведенія были закончены и подготовлены. Переселившись вскорѣ во Францію на постоянное жительство, Винчи взялъ съ собою заготовленныя картины и, повидимому, не пытался болѣе рисовать на новыя темы.

Изъ художественныхъ произведеній Винчи, исполненныхъ на склонѣ жизни, сохранились «Вакхъ», «Іоаннъ Креститель» и «Леда».

Вакхъ—полунагій юноша красавецъ—изображенъ сидящимъ у подножія скалы, съ граціозно сложенными ногами. Указательнымъ пальцемъ правой руки онъ указываетъ на небо; лѣвой поддерживаетъ посохъ. Въ Вакхѣ усматривали опытъ изображенія Іоанна Крестителя въ пустынѣ; но общая композиція отличается античнымъ характеромъ и слишкомъ чужда евангельскому тексту. Контуры тѣла гибки и изящны. Особенно хорошо обрисованы голова, ноги и часть пейзажа. Поворотъ колѣна написанъ чрезвычайно смѣло и оригинально. Одинъ Винчи могъ написать такой богатый по анатомическому и психологическому совершенству образъ юноши, мужественнаго, сильнаго и прекраснаго. При наружной простотѣ въ рисункѣ сквозитъ глубокая философская мысль. Здѣсь соединены нераздѣльно божественное съ человѣческимъ, мужественное съ жен-

Вакхъ (Лувръ).

скимъ, духовное съ тѣлеснымъ. Что значитъ этотъ загадочный жестъ? Куда, кого зоветъ этотъ красивый и сильный юноша? Что свѣтитъ въ его женскомъ, чувственномъ и добромъ лицѣ? Этотъ художественный образъ заключаетъ въ себѣ богатое внутреннее содержаніе; всякій можетъ понимать и чувствовать его по своему, въ зависимости отъ личнаго душевнаго настроенія. Если главной цѣлью художественнаго произведенія признавать расширеніе созерцанія, то «Вакху» надо отдать предпочтеніе передъ многими созданіями творческаго духа. Картина эта вызываетъ разнообразіе пониманій, что содѣйствуетъ развитію культурной потребности человѣческаго духа къ сведенію многообразія жизни къ цѣльнымъ образамъ.

Какъ полагають, во время пребыванія во Франціи Винчи нарисовалъ на деревѣ поясное изображеніе Іоанна Крестителя. Это юноша, весьма похожій на Вакха по лицу и жесту правой руки. Верхняя часть тѣла обнажена. На грудь наброшена овечья шкура. Правая рука отчетливо указываетъ на небо. Въ лѣвой Іоаннъ держитъ крестъ, прижимая его къ груди. Прекрасная голова обрамлена локонами. На устахъ загадочная улыбка. Въ глазахъ что-то таинственное, глубокое, скорѣе грѣшное, чѣмъ святое. Въ картинѣ нѣтъ ничего евангельскаго. Мѣховая одежда и крестъ единственная опора для наименованія ея именемъ Предтечи. Можно думать, что художникъ представилъ здѣсь Іоанна Крестителя въ видѣ страстнаго молодого аскета. Энергическій жестъ ука-

Іоаннъ Креститель (Лувръ).

зательнымъ перстомъ правой руки на небо говоритъ въ пользу такого коментарія художественнаго образа. Клеманъ говоритъ, что св. Іоаннъ— «образъ страсти, увлекающій съ неодолимой силой нашу душу; онъ врѣзывается въ наше воображеніе, въ наше сердце, какъ тѣ болѣзненныя, но милыя воспоминанія, которыя мы и любимъ и ненавидимъ».

Отъ Мадонны «Св. Семейства» Эрмитажа можно перейти къ Джокондо, а отъ Джокондо къ Св. Іоанну—образъ будто одинъ и тотъ же, но постепенно спускающійся отъ романтической идеализаціи въ мистическій реализмъ. Въ очертаніи лицъ большое сходство, но глаза все болѣе и болѣе суживаются, лобъ уменьшается, болѣе худобы, и въ результатѣ получается сильное видоизмѣненіе въ сторону человѣческой страстности.

Къ позднѣйшимъ работамъ Винчи относятся рисунки Леды, наброски для памятника Тривульція, этюды Св. Себастіана и нѣкоторыя др. работы, большей частью незаконченныя. Принадлежность этихъ рисунковъ Винчи стала выясняться лишь въ послѣднее время, благодаря изданію и изученію его рукописей. Принадлежность Леонарду рисунковъ Леды была подъ сомнѣніемъ; ихъ относили Содомѣ и др. художникамъ. Очень близкій Винчи по времени Ломаццо въ Trattato delle'arte della pittura (1585 г.) прямо говоритъ, что «Leonardo Vinci l'offeruo facendo Leda tutta ignuda co'l cigno in grembo» (Винчи нарисовалъ Леду и лебедя). Мюллеръ Вальде указалъ небольшой рисунокъ Леды въ Codex Atlanticus и такимъ образомъ доказалъ принадлежность Леды извѣстнаго типа Винчи. Далѣе Мюллеръ Вальде сгруппировалъ варіанты рисунковъ Леды и пришелъ къ тому выводу, что Леда Винчи имѣетъ двѣ редакціи—раннюю, возникшую во Флоренціи между 1501—1506 г., и болѣе позднюю обработку во Франціи между 1516—1519 г. Разница въ рисункѣ незначительна. У Леды флорентійской редакціи лицо болѣе открытое, чѣмъ у Леды позднѣйшей, у которой волоса скрадываютъ части лба у висковъ.

Тэнъ сравниваетъ Леду Леонарда да Винчи съ Ледами Микель Анджело и Корреджіо. Леда Леонарда стоитъ стыдливая, опустивъ глаза. Гибкія линіи ея тѣла извиваются съ высокимъ утонченнымъ изяществомъ. Лебедь обнимаетъ ее крыломъ. У ногъ Леды маленькіе близнецы, только что вылупившіеся изъ яицъ. Они глядятъ на нее какъ-то искоса по птичьи. Тутъ выражена тайна первобытныхъ временъ, глубокое родство между человѣкомъ и животнымъ, язычески-философское пониманіе единой и всемірной жизни.

Леда Микель Анджело—царица колоссальной и воинственной расы. Ея крупное, удлиненное тѣло надѣлено сильными мышцами; щеки ея худы; въ лицѣ нѣтъ ни веселья, ни увлеченія. Она серіозна, почти сурова.

Леда Корреджіо гораздо болѣе женственна. Она выведена среди купающихся молодыхъ дѣвушекъ, подъ нѣжной зеленью деревьевъ, среди журчанія и блеска быстрыхъ водъ. Все тутъ очаровываетъ и манитъ. Круглыя и смѣющіяся женскія лица веселы, какъ цвѣты, облитые вешнимъ солнцемъ. Шалуньи рѣзво играютъ въ водѣ. Бѣлокурая, привѣтливая Леда съ видимой радостью принимаетъ ласки лебедя.

Какую изъ этихъ трехъ Ледъ предпочесть? Тэнъ говоритъ, что онѣ всѣ равноцѣнны, какъ выраженія разныхъ проявленій мысли и страсти—чувственнаго наслажденія, гордой энергіи, тревожнаго ума, тихаго счастья. Каждая отвѣчаетъ какой-нибудь существенной сторонѣ человѣческой природы или какому-нибудь существенному моменту человѣческаго развитія.

Врагъ Людовика Моро, маршалъ Тривульцій (род. 1448, † 1518), заказалъ Леонарду да Винчи памятникъ для своей гробницы. Винчи были чужды какія-либо политическія пристрастія или привязанности. Потому онъ легко переходилъ отъ одного владѣтеля къ другому, врагу предыдущаго. Такъ и въ данномъ случаѣ, онъ съ легкимъ сердцемъ принялъ предложеніе Тривульція и сдѣлалъ наброски для его памятника, по даннымъ заказа, причемъ, повидимому воспользовался готовыми планами статуи Франческа Сфорцы; условія заказа и нѣсколько этюдовъ сохранились въ рукописяхъ Винчи. Тривульцій, подобно Людовику Моро, недолго продержался на тревожной политической сценѣ: онъ долженъ былъ удалиться во Францію. Шарль Бланъ и Молинье склонны видѣть вліяніе Винчи въ бронзовой статуѣ маршала Тривульція въ коллекціи Тьерри въ Луврѣ.

Съ именемъ Винчи связано много картинъ по приблизительнымъ соображеніямъ, иногда довольно шаткимъ. Установить полный каталогъ его произведеній нѣтъ ни малѣйшей возможности. Болѣе всего въ послѣднее время въ этомъ направленіи сдѣлано Мюнцомъ. Въ концѣ монографіи о Леонардо да Винчи онъ отвелъ много мѣста обозрѣнію его картинъ и рисунковъ по содержанію и по мѣсту ихъ нахожденія въ настоящее время.

Остановимся лишь на двухъ наиболѣе крупныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе спорныхъ картинахъ—«Вознесеніи Спасителя» въ Берлинскомъ музеѣ и «Отрокъ Христосъ и четыре фарисея» въ Лондонской картинной галлереѣ.

«Вознесеніе» стало извѣстно съ 1830 г.; первоначально оно неопредѣленно относилось къ школѣ Леонардо да Винчи, и приписывалось, по личному усмотрѣнію, то Франческо Мельци, то Чезаре да Сесто, то Бернардино да Конти. Въ 1884 г. директоръ берлинскаго музея Боде отнесъ картину рѣшительно Винчи. Мюллеръ-Вальде въ 1 ч. своего изслѣдованія (стр. 78) разсматриваетъ картину, какъ оригиналъ Винчи, не высказывая ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея подлинности. Онъ очень хвалитъ изображенія св. Леонарда и св. Лучіи, стоящихъ у ногъ возносящагося на небо Спасителя. «Diese beide Heilige, говоритъ Мюллеръ-Вальде, gehören zu den tiefstempfundenen Gestalten der gesammten italienischen Kunst überhaupt, ihr Urheben zu den grössten Kennern der menschlichen Seele». Новѣйшіе изслѣдователи не раздѣляютъ этого увлеченія. Розенбергъ въ изслѣдованіи о Винчи 1898 года замѣчаетъ, что нельзя допустить, чтобы о такомъ большомъ уже по внѣшней величинѣ

произведеніи Винчи не обмолвился никто изъ старинныхъ авторовъ и почитателей, ни Вазари, ни Ломаццо. Картина написана, правда, въ леонардовскомъ стилѣ, что выразилось преимущественно въ пейзажѣ. Мюнцъ въ капитальномъ трудѣ о Винчи 1899 г. вполнѣ сходится съ Розенбергомъ. «Что авторъ пользовался эскизами Винчи—это почти несомнѣнно, таково мнѣніе Мюнца; но въ картинѣ не видно руки самого Винчи. Противъ гипотезы о Винчи, какъ авторѣ «Вознесенія», протестуетъ огромное большинство знатоковъ искусства».

Содержаніе картины такое: ясное, лѣтнее утро. Вдали виднѣются извилистая живописная рѣка и скалистыя горы. У подножія ближайшей горы изъ каменной гробницы поднимается къ небу Спаситель. Взоръ его устремленъ вверхъ. Правая рука направлена къ небу; въ лѣвой онъ держитъ знамя съ крестомъ, какъ символъ побѣды. Бѣлая одежда, волнистые волосы и знамя развѣваются отъ вѣтра. У ногъ Спасителя на переднемъ планѣ стоятъ на колѣняхъ св. Леонардъ и св. Лучіа, въ молитвенныхъ позахъ. Въ пользу подлинности картины отчасти говоритъ приведенный у Мюллеръ—Вальде рисунокъ Винчи перомъ, сохраняемый нынѣ въ Лондонѣ въ частной галлереѣ Малькольма. Здѣсь отчетливо видна возносящаяся вверхъ фигура съ развивающимися волосами, а у подножія ея полунагая женская фигура съ протянутой вверхъ рукой въ родѣ эскиза св. Лучіи. Но въ обрисовкѣ лицъ, особенно лица Спасителя, обнаруживается что-то искусственное, слащавое и сентиментальное; въ обрисовкѣ одеждъ и позъ замѣтно нѣчто тяжелое и однообразное, и эти недостатки выраженія и техническаго исполненія склоняютъ болѣе на сторону Розенберга и Мюнца. Этюдъ могъ существовать независимо отъ картины, и этюдомъ этимъ могъ даже воспользоваться кто-нибудь изъ ближайшихъ учениковъ и послѣдователей Винчи.

Въ Лондонской національной галлереѣ находится загадочная картина «Іисусъ и четыре фарисея». Ваагенъ высказалъ мнѣніе, что рисунокъ слабъ; лобъ и руки Христа нарисованы въ духѣ подражателей Винчи. Арсенъ Гуссе, Альвинъ, Шульцъ и др. относятъ эту картину Бернардино Луини. Въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ о Винчи Розенберга и Мюнца о ней и помину нѣтъ. Вопросъ о принадлежности этой картины нельзя, однако, считать рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ. Общее впечатлѣніе такъ величественно, всѣмъ лицамъ дано такое разнообразіе и столько экспрессіи, что нельзя не признать здѣсь руку великаго художника. Замѣчательна въ частности одна подробность—жестъ Іисуса. Въ «Трактатѣ о живописи» Винчи даетъ такой совѣтъ, какъ нужно рисовать лицо, обращающееся съ рѣчью къ окружающимъ: «Прежде чѣмъ изобразить лицо, говорящее рѣчь, нужно принять во вниманіе сюжетъ рѣчи, и въ жестѣ

рукъ выразить желаніе убѣжденія. Надо такъ нарисовать, чтобы ораторъ двумя пальцами правой руки взялъ одинъ изъ пальцевъ лѣвой, причемъ два другихъ пальца на этой рукѣ должны быть сжаты, чтобы онъ былъ обращенъ лицомъ къ собранію, со ртомъ полуоткрытымъ; слушатели внимательно устремили глаза на оратора и слушаютъ его съ удивленіемъ. Можно поставить старца, придавъ складкамъ его лба выраженіе сосредоточеннаго вниманія. Можно изобразить и другого, третьяго старика, съ бородой, въ задумчивыхъ позахъ»... [1]).

Въ «Четырехъ фарисеяхъ» къ этому совѣту въ значительной степени подходятъ всѣ фигуры. Здѣсь Христосъ приподнялъ правую руку. Три пальца раскрыты, два послѣднихъ загнуты. Среднимъ пальцемъ Іисусъ прикасается къ указательному пальцу лѣвой руки,—жестъ чисто учительный.

Среди рисунковъ Винчи находится одинъ весьма характерный въ смыслѣ выясненія тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ Винчи изучалъ жесты (приведенъ у Рихтера I 297). Изображенъ цѣлый рядъ фигуръ, всѣ нагія, какъ подготовительные черняки. Нѣсколько этюдовъ представляютъ первоначальную подготовку жестовъ для Тайной Вечери. Таковы пять фигуръ за столомъ и затѣмъ отдѣльно фигура также за столомъ. Отдѣльно двѣ фигуры говорящаго и слушающаго. Позы и жесты у всѣхъ очень рѣзки и выразительны. Особенно характерна поза говорящаго на послѣднемъ этюдѣ. Обѣ руки нѣсколько протянуты, причемъ говорящій взялъ для убѣжденія пальцами правой руки большой палецъ на лѣвой рукѣ. Въ другихъ фигурахъ внимательно слушающіе одинъ подпираетъ правой рукой подбородокъ, другой лѣвой рукой щеку и т. д. Рисунокъ съ захватомъ пальца черновой набросокъ для жеста Христа въ картинѣ фарисеевъ.

Въ «Четырехъ фарисеяхъ» юношеское лицо Христа сильно напоминаетъ Мадоннъ Винчи. Наряду съ земной женственной красотой въ немъ обнаруживается чувство доброты и благости. Въ положеніи рукъ сквозитъ учительство; если сложить такъ пальцы, какъ они сложены на картинѣ, то безъ дальнихъ объясненій чувствуется, какую правдивую учи-

---

[1]) Userai fare quello, che tu voi che infra molte persone parle, di considerare la materia di che lui a da trattare: e d'accomodare i lui li atti apartenenti a essa materia, cioe de le materia persuasia che liatti sino al prorosito, se l'e materia dichiaratitava per dinerse ragioni, che quello che dice pegli per le dita della mano destra uno dito della sinistra avendone serrate li 2 minori, e col viso pronto rivolto verso il popolo colla bocca alquanto aperta che paia che parli; e se lui sedera, che paia che si sollevi alquanto ritto e inanzi colla testa, e se lo fai in pie; fa lo alquanto chinarsi col petto e la testa inuerso il popolo, il quale figurerai tacito e attento, tutti rigvardare l'oratore in volto con atti amirativi e fare le bocche d'alcuno vecchio per maraviglia delle udite sententie tenere la bocca coi sua stremi bassi. (Richter, I 296—298).

тельную позу художникъ придалъ Спасителю. Божественнаго Наставника окружаютъ мужи-книжники, по два справа и слѣва, люди уже пожилые, не легко отступающіе отъ старыхъ традицій. Каждое лицо выразительно по своему, особенно голова старика у праваго плеча Спасителя. Видно, что онъ серіозно что-то обдумываетъ.

Христа отрока между учеными въ храмѣ художники Возрожденія представляли довольно рѣдко. Современникъ Леонардо да Винчи художникъ умбрійской школы Пинтуриккіо (1454—1513) оставилъ картину такого содержанія: Спасителя, стоящаго посрединѣ картины, окружаетъ толпа слушателей; передъ нимъ брошены на землю нѣсколько книгъ; Христосъ высчитываетъ по пальцамъ доводы своей доктрины. Сложенными пальцами правой руки Христосъ прикасается средняго пальца лѣвой. Умное и красивое лицо Христа—отрока обрамлено локонами, падающими на плечи. Его дѣтскій образъ преисполненъ простоты, благородства, изящества. Палліумъ, брошенный на лѣвое плечо, падаетъ красивыми складками. Іосифъ хочетъ приблизиться къ нему. Богоматерь граціознымъ движеніемъ удерживаетъ его, чтобы онъ не помѣшалъ Христу окончить свою рѣчь. Лица слушателей индивидуальны и разнообразны. Въ числѣ слушателей изображенъ заказчикъ картины Бальони. Въ двухъ нишахъ храма изображены статуи языческихъ богинь. Вдали пейзажъ.

Картина Пинтуриккіо замѣчательна по сходству со Христомъ картины, приписываемой Луини или Винчи, особенно по жесту Христа. Общія черты обусловлены или существаніемъ извѣстной манеры, или что, болѣе вѣроятно, подражаніемъ, причемъ можно думать, судя по жестамъ, что исходнымъ пунктомъ служилъ Леонардо да Винчи.

Итакъ, кто же авторъ картины — Винчи или Луини? Я полагаю наиболѣе правдоподобнымъ старинное мнѣніе, высказанное кардиналомъ Борремео и недавно повторенное Готье въ спеціальномъ изслѣдованіи о Бернардино Луини, что оба художника работали надъ этой картиной, причемъ Винчи далъ рисунокъ, а Луини принадлежитъ его обработка.

Если авторомъ картины считать Леонардо да Винчи, то можно намѣтить приблизительно время, когда она написана. Въ первые годы XVI ст. Винчи работалъ надъ многими Мадоннами и, быть можетъ, оттого лицу юнаго Христа приданъ видъ Мадонны. Быть можетъ, художникъ реалистъ въ данномъ случаѣ руководился идеей наслѣдственнаго сходства. Для хронологическаго опредѣленія «Іисуса и Фарисеевъ» немаловажное значеніе имѣетъ то мѣсто въ письмѣ Изибеллы д'Эсте 1504 года, гдѣ она высказываетъ свое желаніе получить отъ Винчи картину Іисуса въ храмѣ въ возрастѣ приблизительно 12 лѣтъ, въ какомъ Онъ поучалъ книжни-

ковъ въ храмѣ. Ужъ не была ли картина «Іисусъ и книжники» прямымъ отвѣтомъ на просьбу Изабеллы? Правда, въ описи картинъ, принадлежавшихъ Изабеллѣ д'Эсте, такой картины не значится; но тутъ могъ быть случайный пропускъ, или картина, созданная по почину Изабеллы, могла попасть въ другія руки.

XIII.

Научная дѣятельность Винчи. Изданіе и изученіе его манускриптовъ. Отношеніе его къ схоластикѣ и гуманизму. Опытъ и наблюденіе. Винчи, какъ математикъ, механикъ, архитекторъ и инженеръ. Винчи, какъ астрономъ, геологъ, анатомъ и естествоиспытатель.

Винчи основательно относятъ къ числу великихъ мыслителей и ученыхъ. «Творецъ Джоконды, говоритъ Сеайль, входитъ въ разрядъ великихъ мыслителей, какъ Декартъ, Спиноза, Лейбницъ». Мнѣніе это опирается на манускриптахъ Винчи. Пока эти манускрипты хранились подъ замкомъ въ Миланѣ, Парижѣ и Лондонѣ, приходилось вѣрить на слово тѣмъ немногимъ лицамъ, которыя видѣли ихъ и съ удивленіемъ указывали на ихъ многочисленность, разнообразіе и глубину. Въ послѣдніе годы большая часть этихъ рукописей издана, благодаря трудамъ Равессона—Молліена, Рихтера, Піумати, матеріальной поддержкѣ со стороны правительствъ Италіи и Франціи и щедраго русскаго мецената г. Сабашникова. Такимъ образомъ явилась возможность изученія рукописей Винчи въ подлинникѣ. Изученіе это далеко еще не закончено, болѣе того, оно лишь начато; но въ послѣднее время появилось уже обширное общее изслѣдованіе Сеайля о Винчи, какъ ученомъ, и затѣмъ появился цѣлый рядъ спеціальныхъ статей, по отдѣльнымъ отраслямъ знанія, написанныхъ знатоками дѣла. Такова статья профессора анатоміи Дюваля объ анатомическихъ рукописяхъ Винчи лондонской коллекціи; изслѣдованія Гроте и Прантля о Винчи, какъ философѣ; изслѣдованія Рааба и Столѣтова о Винчи, какъ естествоиспытателѣ; статьи Геймюллера, Гроте и Мюллеръ—Вальде объ архитектурныхъ и инженерныхъ работахъ Винчи.

«Когда мы приступаемъ къ изложенію научныхъ работъ Винчи, говоритъ Сеайль, то наталкиваемся на большое препятствіе. Своимъ методомъ, работами, открытіями Винчи за сто лѣтъ до Галилея открываетъ собою эпоху современной науки. Въ его рукописяхъ заключаются матеріалы для обширнѣйшей энциклопедіи. Но зданіе не было воздвигнуто.

Намъ осталось отъ него только многочисленные и разрозненные матеріалы. Леонардо, вслѣдствіе особенныхъ свойствъ своего генія, разносторонности своихъ способностей, и правильнаго пониманія науки, былъ осужденъ на то, чтобы оставить только отрывки и не закончить своей работы, которая, говоря по справедливости, есть безконечная работа человѣческаго духа».... Въ рукописяхъ Винчи мы видимъ его за работой, за такой работой, которую человѣческій духъ продолжаетъ четыре столѣтія до настоящаго времени включительно. Записныя книжки великаго художника, а ихъ такъ много, что самъ Винчи насчитывалъ 120 книжекъ, открываютъ начало новой науки въ формѣ опытнаго метода и сознательнаго примѣненія его пріемовъ. Новая логика, геніально примѣненная, привела Винчи ко многимъ великимъ открытіямъ, которыя лишь по незнакомству ученыхъ съ манускриптами Винчи приписывались ими Галилею, Кастелли, Кардану, Порта, Стевину.

Къ Леонардо да Винчи вполнѣ примѣнимъ тотъ отзывъ, какой Сизераннъ даетъ сочиненіямъ Рёскина, наиболѣе вліятельнаго изъ современныхъ англійскихъ философовъ и художниковъ (въ сочиненіи «Рёскинъ и религія красоты», рус. пер. 1900 г.): «Насъ смущаетъ его безпорядочность и привлекаетъ его богатство. Никакого общаго плана; никакой послѣдовательности, самое большее—извѣстное «стремленіе, проявляющееся, какъ законъ кристаллизаціи». «Предметъ, о которомъ я хочу говорить съ вами, говоритъ Рёскинъ, такъ разростается, и не только разростается, но и развѣтвляется, во столькихъ направленіяхъ, что я съ трудомъ могу рѣшить, за какимъ отросткомъ слѣдить, къ какому узлу прицѣпиться». И онъ сразу цѣпляется за всѣ. Однимъ скачкомъ вы попадаете въ самый центръ вопроса; но, оглушенные паденіемъ, вы съ трудомъ можете разобраться. Попавъ въ эту всемірную ярмарку идей, вы начинаете осматриваться во всѣ стороны, боясь заблудиться, но невольно поддаваясь очарованію этой прогулки.... Рёскинъ всегда говоритъ обо всемъ, о многихъ вещахъ, «of many things». Къ Винчи вполнѣ идетъ такая характеристика, и онъ всегда писалъ сразу о многихъ предметахъ, почему для его сочиненій нѣтъ особыхъ заглавій, и они издаются подъ общимъ наименованіемъ «Manoscritti» или «Les Manuscripts».

Винчи постоянно связываетъ разныя науки, разныя идеи и быстро переходитъ отъ живописи къ техникѣ, анатоміи, ботаникѣ, астрономіи. Онъ всегда стоитъ въ томъ центрѣ, гдѣ сходятся выводы науки, искусства, философіи и морали, и разбрасываетъ во всѣ стороны блестящія мысли, остроумныя наблюденія, научные аргументы.

Научная дѣятельность Винчи въ высокой степени отвѣчала идеалу сочетанія творчества съ положительнымъ приложеніемъ знанія. Наука и

искусство шли рука объ руку, что такъ необходимо для поступательнаго движенія впередъ. «Жизнь не есть нѣчто законченное, говоритъ Сеайль. Она даже невполнѣ доступна познаванію. Передъ нами обнаруживаются только матеріальныя ея условія». Значеніе положительной науки возрастаетъ въ высокой степени, когда она опирается на художественное и моральное творчество, когда она стремится сдѣлать природу болѣе одухотворенной, а человѣка болѣе человѣчнымъ. Наша обязанность заключается въ вѣчномъ стремленіи. Мы находимся на крутомъ склонѣ; удержаться на немъ можно только черезъ стремленіе подняться выше. Леонардо да Винчи въ теченіе всей своей жизни стремился къ тому, чтобы его мысль служила его дѣятельности, а дѣятельность осуществляла его идеи. Жизнь и творчество у него сливаются въ одно цѣлое. Къ міру природы Винчи присоединялъ міръ мысли и такимъ путемъ достигалъ истиннаго пониманія вещей и развивалъ могущественное творчество въ области красоты и добра.

За немногими свѣтлыми проблесками научнаго мышленія въ XV в., Винчи засталъ лишь схоластику и гуманизмъ. Схоластика—узкая школьная наука, слѣпо державшаяся за авторитеты, преимущественно за Аристотеля, та жалкая средневѣковая наука, въ которой скудные проблески дѣйствительнаго знанія были погребены въ массѣ невѣжества и суевѣрія, соединявшимися съ крайнимъ высокомѣріемъ. Винчи, высоко цѣнившій хорошія книги, не ограничился ими; онъ вездѣ выдвигаетъ на первое мѣсто самостоятельное изученіе природы; границы изученія у него необъятно разрослись. Занятія живописью шли рядомъ съ изученіемъ анатоміи, ботаники, оптики, законовъ перспективы. Вмѣсто схоластическаго жонглерства словами и понятіями Винчи выдвигаетъ изученіе явленій и ихъ причинъ. Оставивъ далеко позади себя схоластику, Винчи обогналъ и гуманизмъ, тотъ книжно-классическій гуманизмъ, который процвѣталъ въ XV в. Винчи не желалъ украшать себя чужими трудами; онъ вездѣ выдвигалъ начало самостоятельнаго и реальнаго изученія. Любители греческихъ и латинскихъ писателей, кичась своими книжными знаніями, своимъ классическимъ краспобайствомъ, пробовали высокомѣрно третировать геніальнаго художника. Поэтому поводу Винчи спокойно писалъ: «Они не понимаютъ, что предметы, которыми я занимаюсь, зависятъ не отъ словъ, а отъ опыта. Опытъ былъ учителемъ всѣхъ тѣхъ, кто хорошо писалъ»...

Методъ Винчи построенъ на опытѣ и наблюденіи, методъ экспериментальный. Въ его рукописяхъ находятся такія замѣчательныя въ этомъ отношеніи изреченія и соображенія:

La sapientia e figliola della sperientia, т. е. наука—дочь опыта.

Ogni nostra cognitione principia da sentimenti, т. е. источникъ всякаго нашего познанія лежитъ въ чувствѣ.

La sperienza no falla mai, ma soll fallano i vostri giuditi..., т. е. опытъ не ошибается, а ошибаются сужденія...

Опытное знаніе должно, однако, освѣщаться разумомъ, наукой, тщательно обдуманными теоретическими построеніями, что и выражено Леонардо да Винчи въ такой образной формѣ:

La scientia e il capitano, e la pratica sono i soldati, т. е. наука—это капитанъ, а практика—солдаты.

На первый планъ Винчи вездѣ выдвигаетъ знаніе, perche nessuna cosa si pro amare ne odiare, se prima no si a cognitio di quella, т. е., прежде чѣмъ что либо любить или ненавидѣть, нужно познать.

Въ своихъ сужденіяхъ о значеніи опытнаго знанія Винчи за сто лѣтъ до Бекона устанавливаетъ экспериментальный методъ. Стоя на почвѣ опытнаго изученія природы, Винчи сумѣлъ оцѣнить такихъ писателей древности, какъ Архимедъ, такихъ италіанскихъ художниковъ, какъ Джіотто и Масаччіо. Онъ цѣнилъ въ нихъ самостоятельное отношеніе къ природѣ. Въ теченіе всей своей жизни онъ сохранилъ удивительно свѣжую бодрость въ наблюденіяхъ и живой интересъ къ явленіямъ. По мѣткому отзыву Сеайля, «тамъ, гдѣ другіе только смотрятъ, Винчи разсматриваетъ, вдумывается, изучаетъ. Море, стелющее свои волны по отлогому берегу; рѣка, размывающая свои берега; дерево, его развѣтвленія и изгибы, формы и расположеніе листьевъ; птица, разсѣкающая воздухъ; морская раковина, строеніе и значеніе рычага, встрѣчныя характерныя лица—все его интересуетъ и заставляетъ задумываться, сравнивать и объяснять». Къ этому нужно прибавить необъятное терпѣніе, безпристрастіе и точность. Такъ какъ онъ себя любилъ менѣе, чѣмъ истину, то онъ допускалъ широкую критику, а такъ какъ среди его современниковъ не было равносильныхъ ему знатоковъ, то онъ прибѣгалъ къ самокритикѣ, дорожилъ своими мнѣніями, пока не находилъ въ нихъ погрѣшности, а разъ находилъ подписывалъ—«ошибочно», и шелъ далѣе въ поискахъ истины.

Винчи понималъ опытъ широко, не только въ смыслѣ опытнаго изслѣдованія, но въ смыслѣ совокупности пріемовъ образующихъ индуктивный методъ. Онъ гораздо болѣе ученый и изобрѣтатель, чѣмъ философъ и логикъ. Онъ не занимается подробнымъ изложеніемъ лучшаго метода для изслѣдованія истины. Онъ говоритъ о немъ случайно. Онъ не сочиняетъ, какъ Беконъ, краснорѣчивой логики, съ объяснительными къ ней примѣрами. Его пріемы можно констатировать по его рукописямъ, приглядываясь къ самому способу его работы.

Убѣжденный сторонникъ опытнаго изслѣдованія, Винчи былъ далекъ отъ узкаго и вульгарнаго эмпиризма. Онъ прямо заявляетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ манускриптовъ, что «природа полна безконечными причинами, которыя никогда не встрѣчались въ опытѣ». Наука не требуетъ, чтобы духовное принесено было въ жертву чувственному и матеріальному. Наука должна расчистить мѣсто для господства разума, соглашающаго противоположности. Общій научный пріемъ Винчи, главное, основное его стремленіе состоитъ въ томъ, чтобы отъ наблюденія и опыта, отъ предметовъ переходить къ идеямъ, и далѣе къ связи и обобщенію ихъ, т. е. къ наукѣ, а отъ науки подняться въ область философіи, которая у Винчи близко соприкасалась уже съ религіей, съ признаніемъ личнаго Бога, какъ «primo motore» и «mirabile giustitia».

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	0	.	.	.	.	.	.	.	.
		0	.	.	.	.	.	.	.
			0	.	.	.	.	.	.
				0	.	.	.	.	.
					0	.	.	.	.
						0	.	.	.
							0	.	.
								0	.
									0

Схема закона скоростей по рукописямъ Винчи. Рядъ цифръ 1—10 показываетъ приращеніе времени; вертикальная линія указываетъ на возрастаніе скоростей; напр., чтобы вычислить пространство, пройденное въ 5 секундъ, нужно сложить разстоянія по вертикальнымъ линіямъ до 5 ряда включительно.

При первомъ взглядѣ на манускрипты Винчи въ Атлантическомъ Кодексѣ и въ изданіи—Равессона Молліена въ глаза бросаются безконечные ряды цифръ. Это былъ любитель и знатокъ математики. Ближайшій его современникъ, лично имѣвшій съ нимъ сношенія по дѣламъ Изабеллы д'Эсте, Нуволарія въ письмѣ къ герцогинѣ 1501 г. говоритъ, что занятія математикой до такой степени отбили у Винчи охоту къ живописи, что онъ рѣдко берется за кисть. Вазари также говоритъ о его необыкновенныхъ способностяхъ къ математикѣ. Въ настоящее время еще невыяснено, въ какой степени самостоятеленъ былъ Винчи въ области чистой математики, не выяснено его отношеніе къ ученымъ работамъ Тосканели и др. предшествовавшихъ и современныхъ ему математиковъ. Для Винчи математика имѣла преимущественно прикладное провѣрочное значеніе. «Никакое человѣческое изслѣдованіе, говоритъ Винчи, не можетъ считаться истинной наукой, пока оно не провѣрено матема-

тическимъ путемъ». Винчи идетъ еще далѣе. Онъ расположенъ видѣть во вселенной внѣшнее проявленіе математическихъ отношеній и пропорцій. По словамъ Винчи, «пропорція находится не только въ числахъ и мѣрахъ, но также въ звукахъ, тяжести, времени и пространствѣ и во всякой силѣ, какого-бы характера она ни была».

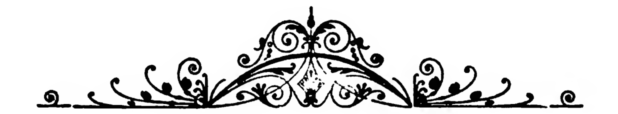

Математика была для Винчи опорой въ занятіяхъ самой любимой его наукой, механикой. По словамъ Винчи, «механика рай математики, самая полезная и благороднѣйшая изъ всѣхъ наукъ, потому что всѣ одушевленныя тѣла совершаютъ свои движенія по ея законамъ». Сеайль находитъ, что Винчи за сто лѣтъ до Галилея установилъ принципы механики, какъ науки; механикѣ онъ обязанъ былъ самимъ методомъ научнаго изслѣдованія. Винчи недовольствуется наблюденіемъ и изложеніемъ частныхъ истинъ; онъ устанавливаетъ самыя основы науки. Теоретическая истина даетъ ему пониманіе практики. Рукописи Винчи испещрены всевозможными машинами и приборами. Здѣсь обнаруживается широкое пониманіе и приложеніе рычага, блоковъ, наклонной плоскости. Масса замѣтокъ о центрѣ тяжести, паденіи, треніи и равновѣсіи тѣлъ.

Въ могучихъ рукахъ Винчи знаніе получало громадное прикладное значеніе. Изобрѣтательность его изумительна. И какихъ только машинъ онъ не придумалъ для облегченія труда, для развитія техники, для усовершенствованія военнаго дѣла—мишины для прорытія каналовъ, сплющиванія желѣза, просверливанія бревенъ, распиливанія дерева и камня, для поднятія тяжестей. Винчи изобрѣлъ разрывныя бомбы, что подтверждается однимъ отчетливымъ рисункомъ въ его манускриптахъ, и ему же принадлежитъ честь изобрѣтенія многоствольной пушки, нѣчто въ родѣ митральезы. Судя по рисункамъ, онъ работалъ надъ усовершенствованіемъ копій и сабель. Вездѣ обнаруживается оригинальность мысли, разнообразіе умственныхъ интересовъ, точность наблюденій, настойчивая пытливость. Мюнцъ говоритъ, что со времени Аристотеля не было столь разносторонняго и пытливаго ума, какъ Винчи. Онъ во все вникалъ и повсюду былъ изслѣдователемъ — въ своей мастерской, на прогулкѣ, въ кругу знакомыхъ и друзей.

Глубокій мыслитель, Винчи находилъ мѣсто и для забавы, шутки, даже въ такой холодной области знанія, какъ механика. Онъ сдѣлалъ двигающагося льва, который на ходу раскрывалъ могучую грудь, и среди

нея открывались цвѣты. Это была тонкая механическая лесть французскому королю. Но Винчи находилъ въ механикѣ забаву и для своихъ друзей и учениковъ. Вазари говоритъ, что въ Римѣ, среди исполненія важныхъ дѣлъ, порученныхъ ему папой, онъ находилъ время для изготовленія изъ воска животныхъ, которыя надувалъ воздухомъ, и они летали, въ другой разъ приладилъ ящерицѣ крылья изъ чешуекъ другихъ ящерицъ, прибавилъ рога, бороду, и пустилъ это чудовище, интересуясь производимымъ имъ впечатлѣніемъ на окружающихъ, и тутъ же рядомъ шли занятія грозными бомбардами, планами крѣпостей, мостовъ, храмовъ. На все хватило этого человѣка, безъ зависти, вражды и соперничества, человѣка свѣтлаго ума и великодушнаго, незлобиваго сердца.

О дѣятельности Леонардо да Винчи, какъ архитектора, мало извѣстно. Мюнцъ и Мюллеръ-Вальде еле упоминаютъ о ней. Въ запискахъ Винчи сохранилось много архитектурныхъ рисунковъ. Наиболѣе цѣнныя объясненія даютъ инженеръ архитекторъ Геймюллеръ въ 34 т. Gazette des Beaux-Arts 1886, стр. 163—164 и въ послѣднее время Сейаль—въ своей монографіи о Винчи. За исключеніемъ плана для Миланскаго собора 1488 г., говоритъ Геймюллеръ, нельзя опредѣлить съ точностью, для какихъ храмовъ Винчи составлялъ проекты или чертежи, что вовсе не умаляетъ ихъ научной и художественной цѣнности». Винчи иногда преслѣдовалъ грандіозныя цѣли и увлекался идеальными планами. Таковъ чертежъ королевскаго памятника на высокомъ холмѣ. Сооруженіе это должно было превзойти египетскія пирамиды, не уступая имъ по величественности и простотѣ. Въ числѣ рисунковъ усматриваютъ еще проектъ дворца, составленный во Франціи, для постройки вблизи Амбуаза. Геймюллеръ говоритъ, что разысканія Винчи относительно арокъ, равновѣсія сводовъ, углубленій, нишъ, трещинъ, должно быть, были первыми въ этомъ родѣ; всѣ замѣчанія Винчи по этому поводу такъ основательны, что и нынѣ чтеніе ихъ доставляетъ спеціалистамъ пользу и удовольствіе.

Имя Леонардо да Винчи связано съ сооруженіемъ Миланскаго собора, хотя, повидимому, его участіе въ этомъ дѣлѣ не было значительнымъ. Миланскій соборъ—одно изъ самыхъ громадныхъ и красивыхъ въ мірѣ сооруженій. Онъ вмѣщаетъ до 40,000 чел., сложенъ изъ большихъ кусковъ бѣлаго мрамора и снаружи украшенъ двумя тысячами статуй. Постройка храма, начатая при Галеацо Висконти въ 1386 г., тянулась

нѣсколько столѣтій. Вполнѣ соборъ оконченъ лишь въ 1805 г. при Наполеонѣ I. Леонардо да Винчи вложилъ нѣкоторую долю своего труда въ это колоссальное сооруженіе. Въ 1488 г. онъ участвовалъ въ конкурсѣ для постановки купола на миланскій соборъ. Модель его не была употреблена, и черезъ три года онъ взялъ ее обратно. Въ 1510 г. Винчи находился въ числѣ членовъ комиссіи, наблюдавшей за постройкой собора.

Гораздо шире, разнообразнѣе и плодотворнѣе были инженерныя работы Винчи, къ которымъ Винчи всегда чувствовалъ большое влеченіе. Онѣ открывали большой просторъ для научныхъ наблюденій въ области геологіи, гидростатики и физической географіи. Еще въ молодыхъ лѣтахъ въ мастерской Веррокіо Винчи увлекался идеей канализаціи рѣки Арно. Въ Миланѣ на службѣ у Людовика Моро, позднѣе у Цезаря Борджіо и въ концѣ жизни во Франціи онъ проводилъ идею канализаціи, составлялъ проекты и руководилъ иногда работами. По словамъ Вентури, приводимымъ Равессономъ, Винчи относительно гидравлики зналъ уже то, что развилъ спустя сто лѣтъ Кастелли. Онъ придумалъ такую систему канализаціи, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ наши дни не превзойдена. Во Франціи онъ проектировалъ соединеніе каналомъ Луары съ Саоной и такимъ образомъ хотѣлъ приблизить наиболѣе оживленную и богатую область тогдашней Франціи Турень къ Италіи. Это не былъ проектъ фантастическій. Послѣдующая исторія показала, что осуществленіе его было возможно и для Франціи очень благотворно. Амбуазъ прилегаетъ къ болотистой и лихорадочной странѣ Солонь, относительное оздоровленіе которой началось только со второй половины XIX столѣтія. Леонардо изучилъ страну, свойства Луары и ея притоковъ, составилъ проектъ канала, который долженъ былъ одновременно оздоровить, оплодотворить и обогатить бѣдную и печальную страну. Но, если ему ничего не удалось сдѣлать въ этомъ отношеніи для Франціи, по преклонности лѣтъ, то его канализаціонныя заботы въ Ломбардіи принесли хорошіе плоды. Онъ открылъ новые пути для торговли, ассенизировалъ страну и съ помощью воды разнесъ во всѣ стороны плодородіе. «Мы чувствуемъ къ нему признательность, говоритъ Сеайль, когда проѣзжаемъ черезъ богатыя ломбардскія равнины, пересѣченныя орошающими ихъ ручейками, распространяющими свою роскошную зелень до Альпъ, голубыя громады которыхъ вырисовываются на горизонтѣ своими серебристыми вершинами. Винчи понималъ значеніе воды; онъ зналъ добро и зло, которыя она можетъ приносить; онъ изучалъ ея свойства, ея теченіе, законы ея движенія, чтобы подчинить ее своимъ разумнымъ цѣлямъ. Онъ распоряжается ею по своему желанію и стремится къ тому,

чтобы она служила человѣку». Это творчество того же благодѣтельнаго генія, но не въ сферѣ красокъ и мрамора, а въ сферѣ практическаго общественнаго труда.

Мысль Винчи уносилась иногда въ необъятныя выси небесныхъ пространствъ, иногда спускалась въ глубь земного шара, и въ его рукописяхъ разбросано много замѣтокъ по астрономіи и геологіи.

Время, когда жилъ Винчи, не располагало къ занятіямъ астрономіей. Надъ умами еще висѣли схоластика и мистика. Научное изслѣдованіе небесныхъ свѣтилъ казалось еще предосудительной дерзостью. Ходячая аристотелевская теорія проводила рѣзкую границу между землей, гдѣ господствуетъ смерть, и планетами, которыя считались божественными и неразрушимыми. Винчи совсѣмъ уклонялся отъ этого ветхаго міросозерцанія. Онъ утверждалъ, что законы нашего міра суть законы вселенной, что во всей природѣ господствуетъ одинъ и тотъ же законъ необходимости. Земля у него планета. Отдаленнымъ мірамъ она представляется звѣздой. Луна свѣтитъ отраженнымъ солнечнымъ свѣтомъ, подобно сферическому зеркалу. Лунныя пятна даютъ изобржаніе лунныхъ материковъ. Замѣчательно, что пепельный свѣтъ восходящей луны, Винчи мѣтко объяснилъ отраженіемъ земли. Звѣзды, по мнѣнію Винчи, то же, что земля и луна. Мерцаніе звѣздъ, видимая высота свѣтилъ въ зенитѣ и на горизонтѣ, степень ихъ яркости—всему этому дается научное объясненіе. Солнце--царь вселенной, нѣчто вродѣ матеріальнаго божества: оно поднимаетъ воду въ видѣ паровъ, волнуетъ моря, вызываетъ вѣтры, измѣняетъ видъ земли, даритъ ей тепло, свѣтъ, жизнь.

Винчи впервые создаетъ науку о землѣ—геологію, и въ этомъ отношеніи смѣлость его научнаго предугаданія представляетъ чудесное проявленіе творческой мысли: онъ пришелъ къ вѣрной мысли объяснить древнія явленія въ жизни земного шара явленіями современными, и это въ приложеніи къ исторіи морей и горъ. Вода является главнымъ работникомъ на землѣ: она поднимаетъ горы, прорываетъ долины, засыпаетъ ихъ. Вода—извозчикъ природы. «Что нѣкогда было морскимъ дномъ, сдѣлалось вершиной горъ», говоритъ Винчи, и, какъ доказательство, приводитъ нахожденіе на вершинахъ горъ морскихъ раковинъ. Впервые

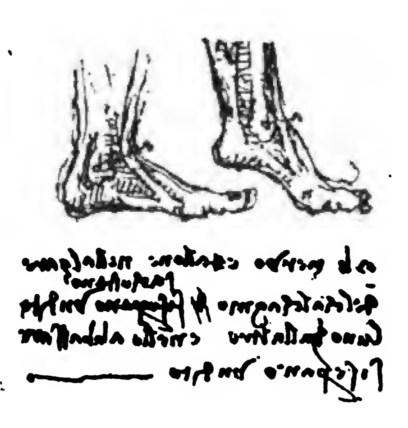
Винчи осмѣлился высказать мысль, что раковина, коралъ, кусокъ окаменѣлаго известняка нѣкогда жилъ и по немъ можно судить объ исторіи земли. Такъ было положено начало сразу двумъ наукамъ—геологіи и палеонтологіи. Винчи не только задумалъ исторію земли, но еще далъ теорію образованія осадочныхъ и органическихъ формацій. Позднѣе наука пошла далѣе, но по тому же пути: къ наружной работѣ воздуха и воды (наружная динамика) прибавили дѣйствіе центральнаго огня и давленіе внутреннихъ жидкостей (внутренняя динамика земли).

Предметомъ постояннаго и глубокаго изученія Винчи была вода. Въ манускриптахъ разбросано множество разнообразныхъ замѣтокъ и соображеній о водѣ. По словамъ Сеайля, вода производила на пытливый умъ Винчи чарующее впечатлѣніе; онъ любилъ ея прихотливыя и живыя линіи, ея волнистыя движенія, ея измѣнчивые и мягкіе звуки. Какъ художникъ, онъ заставлялъ ее извиваться на фонѣ своихъ картинъ. Какъ инженеръ, онъ играетъ ея грозной силой, направляетъ ее и распоряжается ею въ интересахъ народнаго благосостоянія... Онъ изучаетъ воду во всѣхъ формахъ, которыя она принимаетъ на землѣ: океанъ, его приливъ и отливъ, теченіе подпочвенныхъ водъ, рѣки, водопады, каналы, быстроту теченій, ихъ скорость на различныхъ глубинахъ, результаты, происходящіе отъ ихъ встрѣчъ, ихъ дѣйствіе на берега, на дно, на плотины, на преграды всякаго рода, которыя создаютъ природа и люди. Къ этой широкой обрисовкѣ Сеайля добавимъ съ своей стороны, что Винчи съ одной стороны шелъ далеко въ сторону теоретическаго изученія условій тяжести, паденія и равновѣсія жидкостей, съ другой стороны шелъ далеко въ область практическихъ примѣненій—не только въ широкой сферѣ канализаціи, но и въ мелочахъ. Такъ, Винчи отмѣчаетъ приборъ для ловли раковинъ, вырабатываетъ пояса и перчатки для пловцовъ, придумываетъ лучшіе способы переправы пѣхоты и конницы черезъ рѣки вбродъ.

Кое-гдѣ Винчи останавливается на воздухѣ, который изучаетъ, какъ жидкость, говоритъ о вѣсѣ, упругости, сжимаемости. Леонардо былъ близокъ къ открытію кислорода. Въ этомъ пунктѣ онъ является предшественникомъ Лавуазье. «Огонь, говоритъ Винчи, не можетъ горѣть тамъ, гдѣ не можетъ жить животное, которое дышетъ. Огонь безпрерывно разрушаетъ воздухъ, который его питаетъ»...

Съ особенной любовью Винчи изучалъ свѣтъ. Тутъ интересы ученаго и художника сходились. Изученіе перспективы шло у него рядомъ съ изученіемъ свѣта. Винчи примѣнилъ теорію волнъ. Отраженіе образа въ зеркалѣ есть свѣтовое эхо. По словамъ Винчи, «воздухъ наполненъ несмѣтными прямыми и сверкающими линіями, которыя взаимно пересѣкаются и переплетаются». Винчи уже доказалъ, что звукъ и свѣтъ лишь формы движенія. Изъ ученія о свѣтѣ онъ вывелъ теорію тѣней, ихъ интенсивности и пути распространенія.

Анатомія была одной изъ самыхъ любимыхъ наукъ Винчи. У него всѣ научные интересы были тѣсно между собой связаны, и одни интересы вели къ другимъ. Къ анатоміи его привела теорія живописи, въ частности ученіе о пропорціяхъ, и его любовь къ механикѣ. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но такія далекія области знанія, какъ живопись, механика и анатомія, сливались у Винчи въ одно общее на почвѣ широкаго научно-художественнаго міросозерцанія.

Изъ всѣхъ манускриптовъ Винчи рукописи по анатоміи наиболѣе обработаны. Недавно онѣ роскошно изданы г. Сабашниковымъ съ предисловіемъ по спеціальности профессора анатоміи Дюваля.

Въ средніе вѣка трупоразсѣченіе воспрещалось, какъ святотатство, и въ XV ст. къ нему относились еще враждебно и осуждали его, какъ нарушеніе бывшаго вмѣстилища души. Когда во время пребыванія Винчи въ Римѣ стало извѣстно, что онъ занимается анатомированіемъ труповъ,

то недруги его воспользовались этимъ, чтобы навлечь на него порицаніе даже со стороны такого свободомыслящаго человѣка, какъ папа Левъ X.

Винчи занимался анатоміей въ теченіе всей своей жизни; первая рукопись, въ которой о ней трактуется, относится къ 1484 г., послѣдняя—къ 1515 г. Онъ описываетъ кости, мышцы, сухожилія, нервы, вены, артеріи, внутренности. Онъ подробно изучаетъ строеніе и функціи глаза. Онъ даетъ изумительно вѣрные рисунки сердца, его устройства, сосудовъ, исходящихъ изъ него и возвращающихся къ нему. У него встрѣчаются вѣрныя уже наблюденія надъ нервной системой и рефлекторными движеніями.

Собственноручно Винчи анатомировалъ болѣе 10 труповъ, и въ его запискахъ находится такое замѣчаніе: «Если ты даже любишь эту науку, то тебѣ, можетъ быть, помѣшаетъ отвращеніе, а если не помѣшаетъ отвращеніе, то, б. м., помѣшаетъ страхъ остаться въ ночные часы въ обществѣ разрѣзанныхъ, ободранныхъ и ужасныхъ на видъ мертвецовъ, если ты преодолѣешь и этотъ страхъ, то тебѣ, м. б., будетъ недоставать точности рисунка, а это необходимо при анатомическихъ описаніяхъ». Винчи все это преодолѣлъ. Отсюда его удивительный реализмъ въ изображеніи человѣческаго тѣла, въ особенности въ изображеніи рукъ. Винчи впервые ввелъ въ практику анатомическіе рисунки и такимъ образомъ положилъ прочное основаніе науки описательной анатоміи.

Мало того, Винчи идетъ далѣе, и намѣчаетъ двѣ новыхъ науки, развившихся лишь въ послѣднее время—эмбріологію и сравнительную анатомію. Исходной точкой эмбріологіи служитъ у него описаніе матки и зародыша, его развитія. Исходной точкой сравнительной анатоміи служитъ сопоставленіе и сравненіе разныхъ сходныхъ животныхъ по строенію ихъ скелета и конечностей. Винчи беретъ органъ, изучаетъ его у разныхъ породъ, слѣдитъ за его измѣненіями. «Опиши, говоритъ онъ, внутренности человѣка, обезьяны и подобныхъ имъ животныхъ; смотри затѣмъ, какой видъ онѣ принимаютъ у львиной породы, затѣмъ у рогатаго скота и наконецъ у птицъ». «Изучай, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, переднія конечности каждаго животнаго, чтобы показать, въ чемъ онѣ разнятся между собою».

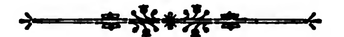
Съ двухъ сторонъ—отъ механики и анатоміи—Винчи подошелъ къ изученію полета птицъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ изучалъ крылья и полетъ птицъ съ цѣлью приготовить летательную машину. Въ рукописяхъ

изданія Равессона-Молліена и Сабашникова разсѣяно много замѣтокъ, соображеній и рисунковъ. Птички порхаютъ передъ читателемъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Движенья ихъ опредѣлены съ удивительной точностью. Какъ широко трактовалъ Винчи предметъ своего изслѣдованія и какія широкія основанія клалъ въ его изученіе, видно изъ его замѣчаній: «изучай сначала анатомію птичьяго крыла, затѣмъ контурныя перья безъ пуха и наконецъ перья съ пухомъ», а «чтобы создать науку о движеніи птицъ въ воздухѣ, необходимо прежде всего создать науку о вѣтрахъ, которую мы можемъ основать съ помощью науки о движеніи воды». Такъ наростаютъ у него научныя проблеммы, и параллельно растетъ его наблюдательность. Сеайль считаетъ шедевромъ теорію летанія, данную Леонардомъ. «Поражаемся всѣмъ тѣмъ, говоритъ онъ, что онъ сумѣлъ наблюдать безъ инструмента для наблюденія. Инстинктъ художника являлся на помощь глазу ученаго. Его способность вызывать въ памяти точный образъ давала ему возможность сопоставлять такія быстрыя движенія, которыя глазъ не умѣетъ различать и смѣшиваетъ. Здѣсь искусство приводило его къ наукѣ... Винчи испытывалъ восторгъ при мысли, что можно доставить человѣку возможность летать, какъ птица». Эта мысль такъ соблазняла великаго художника, что въ манускриптахъ проскользнули кое-гдѣ горделивыя аллегоріи, что «онъ (вѣроятно самъ Винчи), какъ великая птица, приметъ свой первый полетъ на спинѣ благороднаго лебедя, приводя весь міръ въ изумленіе, наполняя всѣ книги (tute le scrittore) молвой о себѣ, доставляя своей родинѣ вѣчную славу». Мечта великая и благородная!

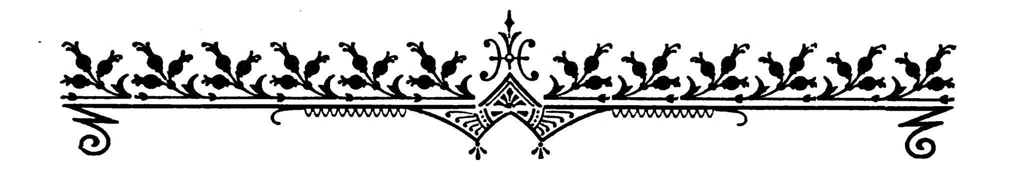
Въ рисункахъ Винчи встрѣчаются прекрасно обрисованные цвѣты, одно цѣльное дерево безъ листьевъ, нѣсколько древесныхъ листовъ. На картинахъ «Мадонна у скалъ», «Вакхъ», «Св. Анна» представлены деревья и цвѣты. Вазари расхваливаетъ изображеніе цвѣтовъ въ потерянныхъ картинахъ Винчи. Наконецъ, его манускрипты заключаютъ въ себѣ много замѣчаній и тонкихъ наблюденій по ботаникѣ. Винчи изучаетъ форму деревьевъ, распредѣленіе вѣтвей, видъ листьевъ, игру свѣта и тѣни при дрожаніи подвижной и прозрачной зелени. Цвѣты и листья обрисованы въ рукописяхъ чрезвычайно точно и вѣрно. Эти тщательные этюды содѣйствовали одновременно искусству и наукѣ. Винчи опредѣлилъ и объяснилъ порядокъ распредѣленія листьевъ на вѣтвяхъ, возрастъ дерева по концентрическимъ кругамъ, жизненныя условія растеній. Отъ теоріи пейзажа Винчи

перешелъ къ физіологіи растеній и одновременно работалъ въ такихъ разнородныхъ областяхъ, какъ живопись и ботаника.

Въ XV и XVI ст. еще большую роль играли ложныя науки—астрологія, алхимія и магія. Для Винчи онѣ почти отсутствовали. Онъ относился къ нимъ презрительно; некромантовъ и волшебниковъ онъ называетъ «безумцами», алхимиковъ—«лживыми толкователями природы». Демонологія была ему противна. «Изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, говоритъ Винчи, самое безумное—некромантія, сестра алхиміи». Тѣ, которые утверждаютъ о возможности превращенія людей въ волковъ и кошекъ, по мнѣнію Винчи, «сами превратились въ животныхъ».

XIV.

О религіозныхъ убѣжденіяхъ Винчи. Его отношеніе къ христіанству. Философія и мораль. Лингвистическіе и литературные интересы.

Сеайль говоритъ: «я нисколько не сомнѣваюсь, что Леонардо пересталъ быть христіаниномъ. Было бы наивно радоваться этому или сокрушаться объ этомъ. Лучше искать причины. Чудо затрудняетъ ученаго. Онъ видитъ во вселенной общіе законы, а не личный произволъ. Важнѣе всего, что христіанская психологія не соотвѣтствовала его духу... Любить Бога, чтобы познать Его, говоритъ христіанинъ. Познавать Бога, чтобы любить его, говоритъ Леонардо. Истинно высшая любовь рождается изъ истиннаго познанія того, что любишь. Если ты не знаешь Бога, то не можешь любить Его, и если ты Его любишь за добро, которое ты ожидаешь отъ Него, а не за Его высочайшую добродѣтель, то ты поступаешь, какъ собака, машущая хвостомъ и ласково встрѣчающая того, кто можетъ бросить ей кость».

Мнѣніе Сеайля нѣсколько односторонне и во всякомъ случаѣ слишкомъ преувеличено. Относительно творца «Тайной Вечери» нельзя сказать, что онъ «пересталъ быть христіаниномъ». Такая точка зрѣнія можетъ привести къ большимъ ошибкамъ, какъ это видно, напр., на г. Волынскомъ, который умудрился даже усмотрѣть въ «Св. Анна» враждебное отношеніе къ христіанству. Въ дѣйствительности Винчи былъ и всегда оставался христіаниномъ, и, какъ впослѣдствіи доказало его духовное завѣщаніе, былъ даже ортодоксальнымъ католикомъ, признававшимъ церковныя традиціи. Правда, Винчи не любилъ монаховъ. Болѣе того, онъ скептически относился къ нѣкоторымъ библейскимъ повѣствованіямъ, напр., отрицалъ сказаніе о всемірномъ потопѣ, но всего этого еще далеко недостаточно для категорическаго отрицанія христіанства Винчи. Чтобы нарисовать рядъ изображеній Мадонны и Младенца Спасителя, чтобы создать на монастырской стѣнѣ грандіозную картину «Тайной Вечери»,

Винчи долженъ былъ глубоко вдумываться въ Священное Писаніе, изучить самыя прекрасныя его страницы, повѣствующія о послѣднихъ дняхъ земной жизни Спасителя; такой запасъ свѣдѣній могъ удержать Винчи въ предѣлахъ христіанскаго вѣроученія и морали. Отрицатель частностей, Винчи былъ христіанинъ въ широкой сферѣ откровеній гуманнаго, добраго сердца и пониманія вселенной, какъ обиталища духа Божія. Въ духовномъ завѣщаніи Винчи поручаетъ свою душу Богу, Богородицѣ, архангелу Михаилу и всѣмъ святымъ, что вполнѣ закрѣпляетъ его въ лонѣ христіанства.

Леонардо да Винчи—философъ деистъ. Онъ признавалъ, что въ природѣ все подчиняется закону необходимости, по волѣ Бога—Создателя міра:

La neciessitá e maestra e tutrice della natura, т. е. необходимость—учительница и руководительница природы.

За этой философіей кроется возвышенное спиритуальное міровоззрѣніе. O mirabile giusticia di te, primo motore, tu non ai voluto macare a nessuna potentia l'ordine e qualita de sua neciessari effetti, т. е. удивительная справедливость Творца міра не позволяетъ, чтобы какая—либо сила нарушила порядокъ и свойства естественной природы вещей.

Деистическая философія у Винчи шла рука объ руку съ любовью къ Богу.

Jo t'ubidisco, Signore, prima per l'amore che ragionevolmente portare ti debo, secondariamente che tu sai abbreviare o prolungare le vite ali omini, т. е. Я повинуюсь тебѣ, Господи, во первыхъ, по любви, которую питаетъ къ тебѣ всякое разумное существо, во вторыхъ, потому что въ твоей власти сокращать и удлинять жизнь людей.

Лично, какъ моралистъ, Винчи стоялъ высоко. Въ запискахъ его часто встрѣчается восхваленіе добродѣтели. Матеріальными богатствами онъ не дорожилъ, и выше ихъ ставилъ безкорыстное стремленіе къ наукѣ и искусству. Въ рукописяхъ Леонардо да Винчи разбросано много мѣткихъ и глубокомысленныхъ моральныхъ сентенцій, прекрасно характеризующихъ его свѣтлую личность и широкое научное міровоззрѣніе.

Въ рукописяхъ Винчи находится глубокомысленное положеніе, что «хорошо прожитая жизнь долга»—la vita bene spesa lunga e. Изреченіе это можно понимать различно, болѣе всего въ томъ смыслѣ, что великій человѣкъ живетъ въ лѣтописяхъ цивилизаціи и образованности. При такомъ толкованіи, можно сказать въ частности, что Леонардо да Винчи живетъ въ строѣ и направленіи современной европейской науки.

Для великаго ума и великаго сердца—а такимъ былъ Винчи—утѣшительно предчувствіе долгой жизни въ формѣ уваженія къ его памяти современниковъ и потомства.

Жизнь Винчи въ нравственномъ отношеніи была «bene spesa». Она протекла въ наукѣ и въ искусствѣ, мало того—въ неуклонномъ слѣдованіи нравственнымъ принципамъ добра и правды.

No si dimanda richezza, quello che si puo perdere; la virtu e vero nostro bene ed e vero premio del suo possessore; lei non si puo perdere; lei non ci abandona т. е. не то богатство, что можно потерять: настоящее наше достояніе состоитъ въ добродѣтели; она не можетъ быть потеряна и не оставитъ насъ....

Въ вѣкъ утонченныхъ убійствъ и жестокой тиранніи, вѣкъ Цезаря Борджіа, Марія Висконти, Людовика Сфорца, папы Александра VI, въ тотъ вѣкъ, когда первокласные художники Микель-Анджело и Бенвенуто Челлини смѣло пускали въ ходъ кинжалъ, Леонардо да Винчи стоялъ на сторонѣ гуманнаго принципа сохраненія жизни, какъ величайшаго блага, и превосходно формулировалъ его въ своихъ манускриптахъ:

E tu uomo, che consideri in questa mia fatica l'opere mirabili della natura, se giudicherai essere cosa nefanda il distruggerla, or pensa essere cosa nefandissima il torre la vita all'omo, del quale, se questa sua compositione ti pare di maraviglioso artificio, pensa questo essere nulla rispetto all'anima che in tale architettura abita e veramente quale esse si sia ella e cosa divina, sicche lascia la abitare nella sua opera a suo bene placito e non volere che la tua ira o malignita distrugga una tanta vita, che veramente, che non la stima, non la merita т. е.

О ты, человѣкъ, признающій въ моихъ дѣлахъ (т. е. картинахъ и статуяхъ) удивительныя проявленія природы и полагающій, что было бы преступленіемъ уничтожить ихъ, подумай только, какъ должно быть преступно лишеніе человѣка жизни. Если въ моихъ произведеніяхъ человѣческая внѣшность кажется уже чудесной, то во сколько разъ должна быть выше душа, при ея божественной сущности. Пусть она живетъ въ тѣлѣ для труда и красоты. Остерегайся, чтобы по злости не погубить жизни. По истинѣ, кто не уважаетъ жизни другого, тотъ самъ ее не заслуживаетъ.

Идея справедливости пробивается въ слѣдующемъ прекрасномъ изреченіи, очевидно, также построенномъ на принципѣ уваженія къ личности и любви къ жизни: «che altri offende, se non sicura», т. е. оскробляющій другихъ не ограждаетъ себя отъ обиды.

Чтобы быть доброжелательнымъ, нужно прежде всего и болѣе всего быть строгимъ къ самому себѣ, потому что—здѣсь снова Винчи даетъ мудрое замѣчаніе—«il massimo ingano delli omini e nelle loro oppinioni», т. е. людей болѣе всего обманываютъ ихъ собственныя мнѣнія.

Въ связи съ этимъ положеніемъ стоитъ указаніе на мышленіе, какъ средство избѣжать ошибокъ: «Chi poco pensa, molto erra»—кто мало думаетъ, много заблуждается.

Со всякимъ зломъ легче бороться въ началѣ, чѣмъ въ концѣ, говоритъ Винчи—истина безспорная; и напоминаніе о ней всегда и вездѣ умѣстно.

Изъ другихъ положеній Винчи замѣчательны его совѣтъ «не быть лживымъ относительно прошлаго» и основанное на наблюденіи замѣчаніе, что «робость покровительствуетъ жизни».

Многіе совѣты отзываются глубокой наблюдательностью, напр. «упрекай друга наединѣ, а хвали его при людяхъ», «отзываться хорошо о дурныхъ людяхъ то же, что порочить хорошихъ».

Нѣкоторыя сентенціи по краткости и сжатости имѣютъ видъ пословицы, напримѣръ:

Nulla occulta sotto il sole.
(Ничто не скроется подъ солнцемъ).

La verita al fine non si cela.
(Истина не можетъ быть скрыта до конца).

La verità fu sola figliola del tempo.
(Истина—дочь времени).

Raro cade che ben camina.
(Кто прочно ступаетъ, рѣдко падаетъ).

Dimanda consilio a chi ben si corredge.
(Спрашивай совѣта у того, кто самъ себя исправляетъ).

Chi piu possiede piu debbe temere di non perdere.
(Кто болѣе богатъ, тотъ больше долженъ опасаться потери).

Глубина пониманія и глубина чувства не избавляютъ человѣка отъ страданія. Леонардо да Винчи идетъ далѣе.

Dov'e piu sentimento, li e piu martirio; gran martire.

(Чѣмъ болѣе чувства, тѣмъ болѣе страданія; чувствительный человѣкъ—великій мученикъ).

O tempo, consumatore delle cose e o indiviosa antichita, per la qûale tutte le cose sono consumate.

(О время, пожиратель всѣхъ вещей, о завистливая старина, которой пожраны всѣ вещи).

Ogni danno lascia dispiacere nella ricordatione, saluo che'l sommo danno, cioè la morte, che uccide essa ricordatione insieme colla vita.

(Всякое зло оставляетъ по себѣ слѣдъ въ нашей памяти, исключая величайшаго зла смерти, которая убиваетъ самую память вмѣстѣ съ жизнью).

Эти замѣчанія проникнуты меланхоліей человѣка геніальнаго по уму и сердцу.

Возвышенная душа Леонардо да Винчи не терпѣла лжи: «ложъ отвратительна, говоритъ онъ, даже тогда, когда ее стараются оправдать священными предметами, а правда и истина хороши, къ какимъ бы малымъ вещамъ онѣ ни относились».

Любовь къ истинѣ Винчи распространялъ и на прошлое: La cognition del tempo preterito e del sito della terra e ornamento e cibo delli menti umane, т. е. познаніе прошлаго времени и положенія на землѣ— украшеніе и пища человѣческаго ума.

Въ одной замѣткѣ, представляющей краткій набросокъ фабулы басни, Винчи говоритъ, что лучше умереть, чѣмъ потерять свободу, «prima morte che perdere libertà».

Во многихъ замѣткахъ Винчи раскрывается его любовь къ природѣ. Эта любовь направляла теченіе его мыслей. Она охраняла его отъ мелочной злобы и отвлекала отъ страданій любви. Она проводила его тропинками анализа въ интересахъ тщательнаго изученія каждаго предмета, и она же возводила его на вершины обобщающаго синтеза и поставила въ рядъ первоклассныхъ ученыхъ и художниковъ реалистовъ.

Въ области чистой философіи замѣчательно положеніе Винчи, что «движеніе причина всякой жизни» (Il moto e causa d'ogni uita).

Связь всѣхъ вещей онъ выражаетъ въ видѣ ряда квадратиковъ; одни падаютъ и валятъ другіе. (L' un caccio l'altro. Per questi quadretti s'intende la uita e· li studii umani). Замѣчаніе это характерно въ смыслѣ стремленія Винчи къ математическому обоснованію нравственной философіи.

Учись, говоритъ Винчи, пріобрѣтать знаніе и силу въ молодости, чтобы лучше бороться со зломъ въ старости. Всякое знаніе полезно, потому что когда нибудь предохранитъ отъ безполезнаго или поможетъ сохранить доброе (riseruare le buone).

Если на рѣкѣ прикоснуться рукой къ водѣ, то подъ рукой послѣдняя вода рѣки передней и первая вода рѣки задней. Таково значеніе настоящей жизни: («L' acqua che tochi de' fiumi e l'ûltima di qûella che ado e la prima di quelle, che viene; cosi il tempo presente»). Такъ выраженъ у Винчи одинъ изъ первыхъ зародышей эволюціонной теоріи.

Отсюда положеніе, что нужно дорожить моментомъ: Quando Fortuna vien, prendi l'a man salua dinanti, perche retro e calua, т. е. когда пришло счастье, хватай его крѣпко за руки, чтобы оно не отвернулось вскорѣ.

Въ связи съ этимъ стоитъ изреченіе: E questo uomo a una somma pazzia cioe che sempre stenta, per non stentare, e la vita a lui fugie sotto speranza di godere i beni con somma fatica acquistati, т. е. въ то время, какъ человѣкъ, изъ опасенія труда и нужды, работаетъ и страдаетъ, жизнь его, пріобрѣтенная трудомъ, уходитъ.

Властолюбіе подчинено самообладанію и самосознанію: Non si puo avere maggior ne minor signioria che quella di se medesimo, т. е. вы не можете имѣть ни болѣе, ни менѣе той власти, съ какой управляете своими желаніями.

Загадочный характеръ имѣетъ непереводимое вполнѣ на русскій языкъ изреченіе Винчи — Salvatico e quel che si salva. Сеайль даетъ странный переводъ: «блаженъ, кто уединяется» (рус. пер. стр. 299). Рихтеръ точнѣе передаетъ содержаніе, переводя по англійски «savage he is who saves himself». Смыслъ тотъ, что лишь невѣжественный человѣкъ (дикарь) заботится объ одномъ своемъ благополучіи, смыслъ въ духѣ глубокой альтруистической философіи.

Красной нитью у Винчи вездѣ проходитъ любовь къ природѣ и къ жизни. »Кто не любитъ жизни, тотъ недостоенъ ея», «природа полна нераскрытыхъ идей, еще не бывшихъ предметомъ изученія», «природа полна жизни, и внутренними тайнами; эта жизнь есть сама себѣ цѣль» и пр.

Леонардо да Винчи заявилъ себя и въ области философіи языка, и въ области литературы. Лингвистическая сторона его дѣятельности мало выяснена, такъ какъ сохранились лишь черновые, подготовительные матеріалы, въ которыхъ очень трудно разобраться. Италіанскій ученый Джовій, первый редакторъ Атлантическаго Кодекса, недавно умершій, усмотрѣлъ въ этихъ матеріалахъ намѣреніе Винчи составить словарь италіанскаго языка. Ближе къ истинѣ подошелъ Геймюллеръ, усматривающій въ нихъ черновые матеріалы по философіи языка? Что же это за матеріалы? Въ Атлантическомъ Кодексѣ и еще болѣе въ Кодексѣ Тривульція встрѣчаются цѣлые столбцы италіанскихъ словъ, причемъ довольно часто встрѣчаются повторенія, что устраняетъ предположеніе о словарѣ. Присматриваясь къ отдѣльнымъ рядамъ, можно замѣтить, что въ однихъ случаяхъ подобраны синонимы, въ другихъ сочетаніе словъ по все болѣе и болѣе дополняющему понятію, въ третьихъ слова подобраны въ порядкѣ

звукового сокращенія. Мѣстами обнаруживается интересъ къ опредѣленію внутренняго соотношенія между формой и содержаніемъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ:

1. Опредѣленіе оттѣнковъ идеи: partorire, creare, nasciere, concepire.

2. Сопоставленіе по сходству и различію понятій: gientilita—gientileza—vulgare.

3. Синонимы: melodia, sinfonia, armonizante, resonante, chonsonantia, dolcitudine. Другой примѣръ: fantasticare, speculare, immaginatione, consideratione, investigatione, contemplazione.

4. Соединеніе словъ съ послѣдующимъ восполняющимъ значеніемъ. unita, conservazione; или affettione, inclinazione, unione.

5. Сочетаніе словъ по сокращенію или удлиненію: baldanza, danza, bollare, sueto, suetudine, soluere, assoluere, dissoluere.

6. Сочетаніе словъ, весьма сходныхъ въ звуковомъ отношеніи и весьма различныхъ по содержанію: diserto, deserto; vacare, vagare; notare, nuotare.

7. Сочетаніе словъ по замѣнѣ звуковъ r и l, встрѣчающейся въ мѣстныхъ италіанскихъ нарѣчіяхъ: talde, groria, plecipitare.

Винчи не чужды были литературные интересы; но поэтомъ стихотворцемъ онъ не былъ, и преданіе о томъ, что онъ въ молодости импровизировалъ стихи не находитъ подтвержденія въ его рукописяхъ. Сохранился только одинъ сонетъ, но въ немъ такъ много разсужденій и философіи и такъ мало образности и чувства, что для поэзіи ничего не осталось. Смыслъ такой: если ты не можешь достигнуть того, чего желаешъ, то желай того, что тебѣ подъ силу; за невозможнымъ гонится лишь безумецъ. Знать, что возможно и что невозможно, дѣло первой важности, истинныхъ нашихъ бѣдъ и радостей. Не всегда хорошо желать возможнаго: часто сладкое, на первый взглядъ, обращается впослѣдствіи въ горькое. Чтобы быть добрымъ и пріятнымъ ближнимъ, нужно дѣлать только должное. Это философствованіе въ духѣ Винчи. Въ его стилѣ мало красокъ; но много мысли. Какъ любитель природы, онъ съ поэтическимъ одушевленіемъ, въ образной формѣ, описываетъ, какъ должно рисовать зефиръ, ураганъ и потопъ.

Литературныя произведенія Винчи очень кратки. Они имѣютъ видъ размышленій философа—моралиста, иногда получаютъ характеръ случайнаго анекдота. Во многихъ случаяхъ нельзя разобрать, что оригинально и что заимствовано. Многіе разсказы несомнѣнно представляютъ прямой пересказъ прочитаннаго или услышаннаго. Многочисленныя литературныя заимствованія относятся къ разряду животныхъ басенъ и фацецій. Заимствованіе можно косвенно подтвердить указаніемъ на хорошо извѣст-

ные спеціалистамъ варіанты средневѣковой литературы и фольклора. Такое указаніе требуетъ спеціальной монографіи и выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія.

Два слова о фривольныхъ анекдотахъ Винчи. Такіе анекдоты встрѣчаются въ манускриптахъ Винчи. Г. Волынскій и г. Мережковскій сдѣлали на нихъ нѣсколько слишкомъ смѣлыхъ предположеній. Нужно однако ихъ подсчитать, и что же оказывается? На нѣсколько тысячъ серіозныхъ научныхъ замѣтокъ не найдется десяти фривольныхъ анекдотовъ. Въ громадныхъ фоліантахъ Равессона-Молліена находится всего около 5 такихъ анекдотовъ. Понятно, что никакихъ эротическихъ фантасмагорій на нихъ нельзя строить. Винчи записалъ ихъ, какъ пикантныя и остроумныя литературныя бездѣлушки.

Отводя большой просторъ для заимствованій, нельзя не признать, что даже въ заимствованіи Винчи былъ оригиналенъ; онъ бралъ то, что отвѣчало его умственному складу и настроенію, что удовлетворяло чувству добра, красоты или справедливости. Возьмемъ для примѣра слѣдующій характерный разсказъ о двухъ друзьяхъ. Можетъ быть онъ заимствованъ, можетъ быть оригиналенъ, можетъ быть въ немъ Винчи разсказалъ событіе изъ своей собственной жизни. Во всякомъ случаѣ разсказъ замѣчателенъ въ смыслѣ рельефнаго выраженія нравственнаго характера Винчи, его доброты, деликатности, хладнокровія и спокойнаго величія. Разсказъ этотъ, какъ всѣ разсказы Винчи, очень кратокъ. «Нѣкто пересталъ бывать у своего друга, который имѣлъ привычку дурно отзываться о своихъ друзьяхъ. Однажды, послѣ долгихъ жалобъ, покинутый другъ просилъ сказать ему, по какой причинѣ онъ забылъ столь великую дружбу. На это другой отвѣтилъ: я не хочу больше посѣщать тебя, потому что желаю тебѣ добра. Я боюсь, что, отзываясь при другихъ худо обо мнѣ, твоемъ другѣ, ты можешь этимъ внушить дурное мнѣніе о себѣ. Если между нами не будетъ никакихъ отношеній, то подумаютъ, что мы стали врагами, а когда ты станешь, по своей привычкѣ, худо говорить обо мнѣ, то тебя не будутъ такъ сильно осуждать, какъ осуждали бы при нашей дружбѣ».

Въ другомъ мѣстѣ Винчи разсказываетъ забавный анекдотъ изъ міра художниковъ, должно быть, услышанный имъ на сторонѣ: Въ страстную субботу священникъ пришелъ въ мастерскую живописца и покропилъ его картины святой водой. Живописецъ возмущенъ. Это моя обязанность, говоритъ священникъ, доброе дѣлое, а за добрыя дѣла Богъ награждаетъ сторицей. Когда священникъ вышелъ изъ дому и шелъ подъ окномъ, художникъ вылилъ ему на голову ведро воды, сказавъ: «вотъ тебѣ сторицей!»

Въ числѣ анекдотовъ встрѣчается также слѣдующій (у Рихтера подъ № 1284): Одинъ монахъ съ голодухи ушелъ изъ монастыря. На дорогѣ онъ встрѣтился съ купцомъ и зашелъ съ нимъ въ бѣдный трактиръ (osteria). На столъ былъ поданъ жареный цыпленокъ. Купецъ тогда вспомнилъ, что монастырскія правила воспрещаютъ монахамъ все мясное и съѣлъ всего цыпленка. Далѣе путешественникамъ пришлось переходить въ—бродъ широкую и глубокую рѣку. Купецъ сѣлъ на монаха, и послѣдній понесъ его черезъ рѣку, «a uso di San Christoforo»—на подобіе св. Христофора; но въ самомъ глубокомъ мѣстѣ онъ вспомнилъ про цыпленка и спросилъ купца: «съ вами есть деньги?»—«Понятно, есть, купецъ не можетъ быть безъ денегъ», послѣдовалъ отвѣтъ. «Прочь съ плечъ, сказалъ тогда монахъ; монастырскія наши правила запрещаютъ носить съ собой деньги», и при этомъ сбросилъ купца въ воду. Купецъ увидѣлъ въ этомъ остроумную месть за цыпленка и не разсердился. Этотъ анекдотъ пользовался въ старое время большой популярностью и нынѣ встрѣчается въ народномъ обращеніи во многихъ западно-европейскихъ странахъ. Винчи его позаимствовалъ изъ неизвѣстнаго нынѣ источника.

Въ одномъ шутливомъ анекдотѣ на счетъ женскаго пола больной человѣкъ передъ смертью услыхалъ стукъ въ двери и отъ слуги узналъ, что пришла женщина г-жа Бона, по италіански мадонна Бона, что въ буквальномъ смыслѣ значитъ добрая женщина. Тогда умирающій поднялъ къ небу руки и возблагодарилъ Бога, что можетъ увидѣть передъ смертью хоть одну добрую женщину, потому что въ своей жизни онъ не встрѣчалъ ранѣе ни одной (ne vide nessuna).

Болѣе фривольнымъ характеромъ отличается анекдотъ о томъ, какъ однажды у художника спросили, почему у него при прекрасныхъ картинахъ очень некрасивыя дѣти, на что художникъ отвѣтилъ, «che le pitture le fecie di di e i figlioli di notte».

Къ тому же разряду фацецій относится маленькій анекдотъ о лѣнивомъ человѣкѣ. Когда его утромъ будили и говорили, что пора встать, потому что уже солнце давно взошло (встало), онъ отвѣтилъ, что если бы его путь былъ такъ далекъ, какъ путь солнца, онъ давно уже всталъ бы, а такъ какъ путь его короче, то онъ можетъ еще поспать.

При десяткѣ фацецій наберется около двухъ десятковъ басенъ (у Рихтера 15 №№), большей частью съ моральными примѣненіями. Весьма трудно опредѣлить, какія басни представляютъ результатъ самостоятельнаго литературнаго творчества и какія заимствованы. Повидимому, есть тѣ и другія, но оригинальныхъ болѣе. Такъ, къ числу оригинальныхъ, по

философско-моральной основѣ и по фабулѣ разсказа, можно отнести три слѣдующія басни:

1) Камень, недавно обнаженный потокомъ, находился на возвышенности, подъ которой пролегала дорога, вблизи прелестной рощицы, среди травъ и цвѣтовъ. И онъ сказалъ себѣ: зачѣмъ я нахожусь среди этихъ травъ; лучше буду жить среди моихъ братьевъ, камней, и онъ скатился съ высоты. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ среди вѣчныхъ мученій, попираемый подковами коней и колесами телѣгъ, покрытый навозомъ и грязью, и тщетно онъ глядѣлъ на мѣсто, откуда онъ пришелъ, мѣсто безмятежнаго и уединеннаго покоя. То же бываетъ съ тѣми, кто покидаетъ уединенную и созерцательную жизнь ради жизни въ городахъ, среди исполненныхъ безконечной злобой людей.

Эта басня, какъ многія другія басни Винчи, представляетъ стихотвореніе въ прозѣ; сначала данъ образъ, затѣмъ слѣдуетъ его обобщеніе и примѣненіе къ человѣческой жизни. Басня создана, какъ литературное произведеніе, внѣ условій жизни самого Винчи, который увлекся лишь образомъ и даннымъ его примѣненіемъ вообще, нимало не заботясь о примѣненіи его въ собственной жизни. Винчи лично не расположенъ былъ къ «vita soletaria contemplativa» и всегда предпочиталъ большие города и большое общество, хотя бы тамъ жили «popoli pieni d'infiniti mali», люди, полные безконечнаго зла.

2. По содержанію близко подходитъ басня о водяной каплѣ. Каплѣ воды великаго океана (nel superbo mare) вздумалось подняться въ воздухъ въ видѣ пара; она возгордилась, стала подниматься все выше и выше, пока не вошла въ холодныя пространства, гдѣ она отяжелѣла и упала на сухую землю, которой была поглощена, и съ тѣхъ поръ вынуждена жить въ подземномъ мракѣ, съ тоской вспоминая о просторѣ моря— своего первоначальнаго жилища. Никакого приложенія или морали при этой баснѣ Винчи не даетъ, вѣроятно, по большой ясности самой фабулы.

3. Нѣсколько особый характеръ имѣетъ басня о бритвѣ. Она снабжена морализаціей. Однажды бритва, вынутая изъ чехла, лежала на солнцѣ. Она увидѣла на своемъ ярко отточенномъ лезвіи блескъ отъ солнца, возгордилась и рѣшила, что брадобрѣй слишкомъ унижаетъ ее, употребляя для бритья мужицкихъ бородъ. Возгордившись, она забралась въ укромное мѣстечко и здѣсь пролежала въ покоѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Когда затѣмъ она посмотрѣла на лезвіе, оно не блестѣло; его покрыла ржавчина, и бритва стала съ грустью вспоминать о томъ времени, когда ее чистили и острили. «Такъ бываетъ, говоритъ Винчи, съ тѣми людьми, которые предаются лѣни вмѣсто того, чтобы упражнять и развивать

свои способности. Ржавчина невѣжества отнимаетъ у нихъ всю ихъ силу и красоту, «la rugine della ignioranza gvasta la sua forma».

Въ изданіи рукописей Винчи Рихтера (т. II стр. 314—334) цѣлая глава носитъ странное заглавіе Studies on the life and habits of animals», т. е. замѣтки о жизни и нравахъ животныхъ. Всего приведено 44 замѣтки подъ заглавіями: «любовь къ добродѣтели», «зависть», «гнѣвъ», «благодарность», «неблагодарность», «скупость», «благоразуміе», «лживость», «великодушіе», и др. т. п. Присматриваясь къ этому на первый взглядъ странному отдѣлу, очевидно, не понятому ни Рихтеромъ, ни другими изслѣдователями, которые совсѣмъ прошли его, мы съ изумленіемъ открываемъ въ немъ простой списокъ средневѣковаго физіолога. Возьмемъ для примѣра первый разсказъ о любви къ добродѣтели: если принести щегла въ комнату больного, то щеголъ отвернетъ голову въ сторону, если больной умретъ, и пристально смотритъ, если больной выздоровѣетъ. Въ морализаціи говорится, что любовь всегда болѣе высказываетъ себя въ несчастіи, чѣмъ въ счастіи, подобно свѣту, который кажется болѣе яркимъ въ темнотѣ. Обращаясь къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ Лаухерта, Карнѣева, Мочульскаго, находимъ, что въ средневѣковыхъ физіологахъ такое сказаніе связывается съ именемъ фантастической птицы Харадрія. Если Харадрій отворачивалъ голову отъ больного, то это служило признакомъ скорой смерти.

Зависть связывается съ коршуномъ (проклевываетъ бокъ у подросшихъ дѣтей), веселье съ пѣтухомъ (радостно кричитъ по ничтожнымъ поводамъ), печаль съ ворономъ (горюетъ, если птенцы родятся бѣлыми), ярость съ медвѣдемъ (когда онъ похищаетъ медъ у пчелъ), миролюбіе (бобръ), благодарность (птица упупа—удодъ), неблагодарность (голубь), жадность (жаба), жестокость (василискъ), великодушіе (орелъ), лживость (лиса), ложь (кротъ, живетъ въ темнотѣ, пропадаетъ при извлеченіи на свѣтъ), постоянство (фениксъ), непостоянство (ласточка всегда въ движеніи) и т. д.

Въ рукописяхъ Винчи разбросано много загадокъ нѣсколько искусственнаго литературнаго характера, напр., «Люди жестоко бьютъ то, что составляетъ источникъ ихъ жизни» (хлѣбное зерно), «перья поднимутъ людей, какъ птицъ, къ небу» (посредствомъ письменъ, написанныхъ перьями), «я вижу снова распятаго Христа и мученія его святыхъ» (продаваемыя распятія).

XV.

Франциск I въ Италіи. Переѣздъ Винчи во Францію. Послѣдніе годы Винчи. Мысли о смерти. Духовное завѣщаніе. Кончина. Ученики. Значеніе Винчи въ исторіи цивилизаціи.

Сѣверная Италія въ началѣ XVI ст. была ареной бурныхъ политическихъ перемѣнъ. Быстро возникаютъ и также быстро распадаются союзы городскихъ республикъ съ мелкими владѣтельными домами, папой, королемъ неаполитанскимъ, королемъ французскимъ, императоромъ германскимъ. Всевозможныя теченія, интересы, страсти сталкиваются и переплетаются въ запутанный узелъ интригъ и захватовъ. Особенно быстро шли событія въ Ломбардіи. Миланъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и владѣтели его смѣнялись чуть не погодно. Людовикъ Моро, Карлъ VIII французскій, маршалъ Тривульцій, какъ временный правитель, затѣмъ король Людовикъ XII, новый временный правитель Шарль д'Амбуазъ. Сынъ Людовика Моро Максимиліанъ въ 1513 г. на короткое время овладѣваетъ Миланомъ, но французы не дали ему окрѣпнуть.

Преемникъ Людовика XII, молодой, смѣлый и энергичный Францискъ I, послѣ блестящей побѣды при Мариньяно въ 1515 г., овладѣлъ Миланомъ. Живой умъ Франциска понималъ пользу просвѣщенія. Знакомство съ Италіей, гдѣ государи, высшая аристократія и папы искали славы и блеска въ покровительствѣ наукамъ и искусствамъ, побудило Франциска I окружить себя людьми со знаніемъ и вкусомъ и облегчить своей впечатлительной и талантливой націи пользованіе плодами итальянскаго Ренессанса. Король соединялъ рвеніе къ преуспѣянію древнихъ языковъ съ любовью къ искусству и къ прикладному знанію. Вызваны были изъ заграницы многіе ученые и художники. Іоаннъ Ласкарисъ собралъ въ Фонтенбло превосходную коллекцію рукописей. При университетѣ утверждены новыя королевскія каѳедры по римской философіи, математикѣ и медицинѣ. Во Францію, по приглашенію Франциска, переселились два италіанскихъ художника, Леонардо да Винчи и немного позднѣе не столь великій и не столь славный, но болѣе молодой и болѣе энергичный Бенвенуто Челлини, отличавшійся главнымъ образомъ своими металлическими работами въ полурельефъ.

Леонардо да Винчи уже при самомъ вступленіи Франциска въ Италію заявилъ свои французскія симпатіи. Онъ встрѣтилъ французовъ, какъ друзей. При торжественномъ вступленіи Франциска въ Павію Леонардо да Винчи поставилъ на площади искусственнаго льва, который прошелъ на встрѣчу короля нѣсколько шаговъ, затѣмъ раскрылъ свою могучую грудь, въ которой оказались лиліи—эмблема французскаго королевскаго дома. Францискъ оцѣнилъ эту тонкую артистическую любезность. Онъ осыпалъ художника похвалами, купилъ у него нѣсколько произведеній, въ томъ числѣ картину Мона Лиза за громадную сумму 4000 экю и пригласилъ его переселиться во Францію съ годовымъ жалованьемъ въ 700 экю, т. е. около 17,000 франковъ. Съ этого времени Винчи уже не разставался съ своими заальпійскими друзьями и въ 1516 г. переселился во Францію въ сопровожденіи своихъ любимыхъ учениковъ Мельци и Салаино. По словамъ художника Бенвенуто Челлини, также перешедшаго немного позднѣе на службу во Францію, король Францискъ относился къ Винчи съ большимъ уваженіемъ и почтительно называлъ его «мой отецъ». Онъ говорилъ, что никогда не видѣлъ человѣка, «столь свѣдущаго въ скульптурѣ, живописи, архитектурѣ и такого великаго философа».

Импозантная личность великаго художника—мыслителя производила сильное впечатлѣніе на окружающихъ. При дворѣ стали подражать ему въ одеждѣ, въ прическѣ. Къ нему обращались, какъ къ высшему авторитету въ области искусствъ и наукъ.

Леонардо да Винчи поселился въ живописной Турени въ замкѣ Сенъ-Клу вблизи королевской резиденціи въ Амбуазѣ. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ на отдыхѣ среди веселыхъ холмовъ, луговъ и виноградниковъ, окружавшихъ Сенъ-Клу и Амбуазъ. Передъ окнами его дома струилась живописная рѣка и шли аллеи пирамидальныхъ тополей. Опираясь на руку своего любимца Салаино, Винчи прогуливался среди виноградниковъ, посѣщалъ иногда Короля, бесѣдовалъ съ придворными и, по возвращеніи домой, находилъ завтракъ или обѣдъ изъ свѣжихъ мѣстныхъ продуктовъ—молока, яицъ, фруктовъ, приготовленныхъ заботливой рукой преданной служанки Матурины.

Леонардо не раздѣлялъ презрительнаго отношенія италіанцевъ къ французамъ, какъ варварамъ, и былъ правъ. Францiя того времени быстро подвигалась по пути образованія. Въ городахъ было разсѣяно много прекрасныхъ готическихъ храмовъ. Чувствовалось вліяніе италіанскаго возрожденія. Короли Людовикъ XII, Францискъ I, кардиналъ Жоржъ д'Амбуазъ, маршалъ Шарль д'Амбуазъ выступили Меценатами. Французы уже тогда привлекали къ себѣ любезностью, гостепріимствомъ и щедростью.

Въ концѣ жизни Винчи искалъ утѣшенія въ религіи. Вазари въ біографіи Винчи замѣтилъ мимоходомъ, что въ душѣ великаго художника не было твердой вѣры, что онъ ставилъ философію выше христіанства, но «передъ смертью обратилъ свои мысли къ истинамъ религіи». Это свидѣтельство вполнѣ точно лишь въ послѣдней своей части и требуетъ, какъ было уже ранѣе нами замѣчено, ограниченія въ первой. Художникъ, создавшій «Тайную Вечерю», не могъ быть безъ религіи. Въ рукописяхъ Винчи находятся возвышенныя нравственныя изреченія въ духѣ христіанства. Къ концу жизни религіозное настроеніе усилилось. Знаменитый противникъ Винчи Микель Анджело въ преклонныхъ лѣтахъ писалъ къ своему другу Вазари:

«Носимый на утлой ладьѣ, посреди бурнаго моря, я пристаю къ общей пристани, гдѣ каждый человѣкъ долженъ отдать отчетъ въ своихъ дурныхъ или добрыхъ дѣлахъ. Я знаю теперь, какъ много ошибалась душа моя, сдѣлавъ искусство своимъ идоломъ и владыкою... Ни живопись, ни скульптура недостаточны для успокоенія души, обратившейся къ Тебѣ, о Боже, открывшему намъ на крестѣ свои объятія».

Винчи видѣлъ Бога въ природѣ; но пантеистическое благочестіе Винчи, при всей его широтѣ, не давало полнаго нравственнаго удовлетворенія. Въ концѣ своей жизни онъ вполнѣ примкнулъ къ положительному ученію церкви. Такъ кончали смѣлые и независимые италіанскіе мыслители эпохи возрожденія. Выдающіеся послѣдователи флорентійской платоновской академіи, Мирандола и Полиціано, также примкнули къ положительному ученію церкви. Лаврентій Медичи, богато одаренный отъ природы государственный дѣятель и поэтъ, передъ смертью просилъ у Савонаролы отпущенія грѣховъ. Леонардо да Винчи пошелъ по тому же пути, какъ показываетъ его духовное завѣщаніе, составленное въ 1518 г. за годъ до кончины. Завѣщаніе представляетъ формальный нотаріальный актъ, скрѣпленный подписью правительственнаго чиновника. Въ духѣ полнаго христіанскаго смиренія, Винчи поручаетъ свою душу Богу, Богородицѣ, архангелу Михаилу и всѣмъ святымъ. Онъ проситъ, чтобы въ каждой изъ трехъ амбуазскихъ церквей было отслужено по немъ три малыхъ и три большихъ обѣдни. Часть своего имущества онъ завѣщаетъ въ пользу бѣдныхъ и раздѣляетъ все остальное между братьями, друзьями и слугами.

Приближалась смерть, это, по словамъ Винчи, величайшее зло на землѣ, la morte, che uccide essa ricordatione insieme colla vita. Честная, хорошая, трудовая жизнь облегчила для Винчи тяжесть старости и подготовила ему тихую кончину. Самъ Винчи отмѣтилъ въ своей рукописи,

что «трудъ дѣлаетъ жизнь полезной и даетъ нѣкоторое утѣшеніе при сознаніи о неизбѣжной ея потерѣ».

Siccome una giornata bene spesa da lieto dormire, cosi una vita bene usata da lieto morire (Richter II 293), т. е. какъ хорошо проведенный день даетъ крѣпкій сонъ, такъ хорошо проведенная жизнь даетъ тихую смерть.

На старости Винчи продолжительность жизни опредѣлилъ не только по продолжительности прожитаго, но и по полнотѣ воспоминаній о прошломъ. Bona memoria, di che la natura ci a dotati, ci fa che ogni cosa lungamente passate ci pare essere presente, т. е. хорошая память, которой одарила насъ природа, позволяетъ намъ давнопрошедшее присчитывать къ настоящему.

Черезъ годъ по составленіи завѣщанія, 2 мая 1519 г. Леонардо да Винчи скончался въ Сенъ-Клу на рукахъ молодого своего друга Мельци, который принялъ на себя всѣ хлопоты по погребенію и исполненію завѣщанія. Согласно съ волей Винчи, выраженной въ завѣщаніи, онъ былъ похороненъ въ Амбуазѣ въ церкви св. Флорентина. Когда прошли первые порывы глубокой горести, Франческо Мельци написалъ слѣдующее письмо къ братьямъ Винчи: «Амбуазъ. 1-го іюня 1519 г. Думаю, что до васъ уже дошла вѣсть о смерти мессера Леонарда, вашего брата и моего наилучшаго отца. Не могу высказать сколько горести мнѣ причинила его кончина. Пока будетъ существовать мое бренное тѣло, мной всегда будетъ владѣть безутѣшность, потому что онъ ежедневно оказывалъ мнѣ самое сердечное вниманіе и любовь. Кончина этого рѣдкаго человѣка, подобнаго которому природа не можетъ уже болѣе произвести, вызываетъ всеобщее сожалѣніе».

Италіанскій художникъ и писатель Ломаццо (1538—1588), со словъ лицъ, хорошо знавшихъ обстоятельства кончины Винчи говоритъ, что «плакалъ огорченный Францискъ, король Франціи, когда Мельци сказалъ ему, что умеръ Винчи, который, живя въ Миланѣ, написалъ «Вечерю», превзошедшую всѣ другія произведенія».

Духъ уничтоженія и нирваны шелъ за геніемъ Винчи по пятамъ. Мало того, что этотъ врагъ человѣчества, цивилизаціи и культуры уничтожилъ величайшее скульптурное произведеніе Винчи и почти совсѣмъ разрушилъ его величайшее живописное произведеніе, онъ сдѣлалъ попытку уничтожить его драгоцѣнные манускрипты, но не успѣлъ въ этомъ,— благородный Мельци свято сохранилъ ихъ, а люди науки новаго времени и ея почитатели, Равессонъ, Рихтеръ, Сабашниковъ и др., тщательно собрали рукописи Винчи, разбросанныя по библіотекамъ Милана, Парижа и Лондона, и издали ихъ съ такой любовью и такъ роскошно, какъ онѣ того заслуживаютъ.

Врагъ человѣческаго рода—духъ уничтоженія и нирваны—набросился на бренные останки Леонарда да Винчи, выбросилъ его кости и уничтожилъ самую гробницу. Мѣстный богатый помѣщикъ Дюко въ 1808 г. разобралъ остатки старой церкви, выбросилъ гробницы и на мѣстѣ бывшаго кладбища разбилъ паркъ и цвѣтники. Винчи такъ любилъ природу, такъ внимательно изучалъ міръ растеній, что его великій духъ мирно живетъ въ шумѣ деревьевъ и въ запахѣ цвѣтовъ этого парка.

Французскій ученый Арсенъ Гуссе, ревностный почитатель памяти Леонарда, авторъ хорошаго спеціальнаго изслѣдованія о Винчи, въ 1863 г. предпринялъ раскопки и поиски въ паркѣ. Найденъ былъ одинъ цѣльный скелетъ, быть можетъ, скелетъ великаго художника. Высота скелета отвѣчаетъ росту Винчи. Строеніе костей указываетъ на семидесятилѣтній возрастъ. Лобъ высокій, вполнѣ отвѣчающій тому, который находится на собственноручномъ старческомъ портретѣ Винчи. Вблизи найдена монета времени Франциска I. Въ разныхъ мѣстахъ собраны обломки камней съ буквами leo, i, nc, въ которыхъ усматриваютъ остатки надгробной эпитафіи. Замѣчательно необыкновенное положеніе правой руки, не на груди, а подъ головой, какъ у спящаго человѣка, положеніе такъ умѣстное для человѣка, столь потрудившагося въ жизни, и такъ подходящее къ изреченію Винчи:

Siccome una giornata bene spesa da lieto dormire, cosi una vita bene usata da lieto morire (какъ хорошо проведенный день даетъ пріятный сонъ, такъ хорошо проведенная жизнь разрѣшается легкой смертью).

Особое положеніе скелета, открытаго Арсеномъ Гуссе, можетъ быть еще поставлено въ связь съ слѣдующимъ мѣстомъ въ рукописяхъ Винчи:

O dormiente, che cosa e sonno? Jl sonno a similitudine colla morte. O perche non fai adunque tale opera, che dopo la morte tu abbi simili tudine di perfetto vivo, que vivendo farsi col sonno simile ai tristi morti?, т. е.

О, спящіе, что такое сонъ? Сонъ сходенъ со смертью. Старайся такъ жить, чтобы послѣ смерти ты имѣлъ видъ совершенной жизни, и не живи такъ, чтобы жизнь твоя имѣла видъ печальной смерти.

Открытіе Гуссе вызвало сомнѣнія и возраженія; Мюнцъ не принялъ его; Сеайль и Розенбергъ почему то совсѣмъ о немъ умалчиваютъ.

Уже современники Винчи сознавали его историческое величіе. «Имя и слава его никогда не погаснутъ среди людей», писалъ Вазари въ половинѣ XVI ст. Понятны потому слѣдующія слова того же времени въ похвалу Леонарда:

Vince costui pur solo.
Tutti altri e vince Fidia e vince Apelle,
E tutto il lor vittorioso stuolo,

т. е. онъ одинъ только побѣдилъ всѣхъ другихъ, побѣдилъ Фидія, побѣдилъ Апеллеса и весь ихъ побѣдоносный хороводъ.

Винчи стоитъ въ ряду передовыхъ дѣятелей человѣчества и составляетъ одно изъ лучшихъ его украшеній. Въ исторіи искусства онъ считается представителемъ миланской школы живописи. Названіе это несовсѣмъ точно. Леонардо да Винчи бывалъ во многихъ городахъ Италіи, имѣлъ учениковъ изъ разныхъ мѣстъ, стоялъ всегда близко къ родной ему Флоренціи, поддерживалъ живыя сношенія съ Мантуей, въ концѣ жизни былъ свѣтиломъ искусства во Франціи. Кругъ его вліянія былъ очень обширенъ. Изъ его учениковъ и послѣдователей наиболѣе извѣстны Салаино, Мельци, Бельтрафіо, д'Оджоне, Джанпетрино. Подъ его вліяніемъ работали Амброджіо ди Преди, Бернардино, Конти, Соларіо, Цезаріо да Сесто, Содома и Бернардино Луини. Самыми любимыми его учениками были Мельци и Салаино—оба изъ Милана; наиболѣе плодовитыми и талантливыми подражателями были Содома и Луини. Вліяніе могучаго дарованія Винчи замѣтно на великихъ художникахъ, на Рафаэлѣ, позднѣе на Рубенсѣ и Рембрандтѣ. Это могучее дарованіе и нынѣ еще ярко свѣтитъ изъ глубины вѣковъ. Опубликованіе рукописей Винчи возбудило новый къ нему интересъ. Великая личность Винчи стала все болѣе и болѣе привлекать ученыхъ, поэтовъ и художниковъ.

Арсенъ Гуссе даетъ блестящую оцѣнку общаго историческаго значенія Леонардо да Винчи: «Lèonard de Vinci a le premier dèchirè d'une main victorieuse les voiles nocturnes du moyen âge. Il a ètè l'aube il, a été la lumière, il a éte le soleil de la Renaissance. Appuyé sur le génie et sur la science, il a conquis le monde nouveau. Il se sauvient de l'antiquité comme d'une patrie; mais quelque lumière que repande la lampe sacrée, c'est la lampe des morts. Il aime mieux l'aurore, qui réveille la Nature. Il est trop vivant pour se tourner vers le passé. Sa patrie, c'est l'Avenir».

Дѣйствительно, Леонардо да Винчи былъ зарей новаго времени и солнцемъ Возрожденія. Опираясь на силу своего генія и силу науки, онъ создалъ новый міръ интересовъ, въ которомъ античная древность отошла на второй планъ передъ опытнымъ изученіемъ природы. Флоренція, Миланъ, Римъ, Италія, Франція, всѣ страны и привязанности для Винчи стушевываются передъ необъятной перспективой вѣчныхъ интересовъ искусства и науки.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Источники и пособія.

Примѣчаніе. Въ разрядъ источниковъ и пособій вошли книги, брошюры и статьи, пересмотрѣнныя авторомъ настоящаго изслѣдованія; тутъ отмѣчены и весьма цѣнныя изслѣдованія, и ничтожныя статейки, послѣднія въ интересахъ предупрежденія изслѣдователей отъ потери на нихъ времени. Кое-что изъ обширной литературы о Винчи пропущено, такъ какъ не было мной использовано въ оригиналѣ, извѣстно мнѣ лишь со вторыхъ рукъ, напр., Кодексъ Тривульція (извѣстенъ лишь по обзорамъ содержанія у Геймюллера и Волынскаго), устарѣлое сочиненіе Аморети, изслѣдованія Гроте, Раабе и нѣкот. др.

1. *Ravaisson—Mollien, Charles,* Les Manuscripts de Leonard de Vinci, 1881—1891, 6 vol.

Леонардо да Винчи оставилъ громадное количество записокъ. Онѣ поступили во владѣніе его любимаго ученика Франческа Мельци, который свято хранилъ ихъ до своей кончины 1574 г. При его наслѣдникахъ манускрипты разошлись въ разныя стороны. Въ XVII ст. большая часть манускриптовъ сосредоточивается въ рукахъ миланскаго сеньора Арконати. Англійскій король въ 1630 г. предлагаетъ за нихъ 1000 испанскихъ дублоновъ (ок. 60,000 франковъ); но благородный патріотъ Арконати отклонилъ это предложеніе и въ 1637 г. пожертвовалъ свое драгоцѣнное собраніе родному городу въ Амвросіанскую библіотеку. Въ концѣ XVIII ст. часть рукописей увезли французы. Наибольшія собранія манускриптовъ оказались въ Миланѣ (т. наз. Атлантическій Кодексъ изъ 399 листовъ съ 1750 рисунками) и въ Парижѣ (три фоліанта). Отдѣльные небольшіе кодексы встрѣчаются въ англійскихъ книгохранилищахъ.

Сохранившіяся во Франціи рукописи Винчи изданы Равессономъ-Молліеномъ въ 6 большихъ томахъ—огромное, волюминозное изданіе, трудъ бенедиктинскій, величественный. Порядокъ такой: на одной страницѣ фотографическое факсимиле и подъ нимъ современная италіанская транскрипція, на противоположной сторонѣ листа, справа или слѣва, противъ оригинала французскій переводъ. Въ концѣ каждаго тома данъ подробный алфавитный указатель содержанія. Благодаря этимъ указателямъ и переводу, изданіе это вполнѣ доступно.

Манускрипты состоятъ изъ рисунковъ и замѣтокъ сбоку или снизу. Иногда идутъ одни рисунки безъ текста, иногда текстъ безъ рисунковъ,

большей частью совмѣстно. Въ текстѣ многое относится къ теоріи и техникѣ искусства, преимущественно къ ученію о перспективѣ и о пропорціональности тѣлъ. Замѣтки разбросаны въ хаотическомъ безпорядкѣ. Мѣстами встрѣчаются повторенія и такія помѣтки, которыя сдѣланы для памяти и остались безъ дальнѣйшей обработки. По большинству замѣтокъ, въ 1 т. говорится преимущественно о перспективѣ, свѣтѣ и тѣняхъ, геометрическихъ измѣреніяхъ (кругѣ, 3, 4, 5 угольникахъ и пр.), звукѣ, теплѣ, холодѣ, измѣреніи величины солнца и разстоянія отъ центра земли, о водѣ (тяжести, движеніи, водоворотѣ, пѣнѣ и мн. др.), центрѣ тяжести и равновѣсіи, арбалетѣ, о прочности и неустойчивости арокъ и колоннъ, фундаментѣ, построеніи зданій, о дѣленіи лица человѣка и морды лошади. Во 2 томѣ встрѣчаются замѣтки на тѣ же самыя темы и въ добавокъ множество замѣтокъ о разныхъ способахъ укрѣпленія, военныхъ машинахъ, объ архитектурныхъ планахъ (много церквей, образцовая конюшня). Интересны замѣтки и рисунки о воздухоплаваніи и плаваніи по водѣ. Попутно отмѣченъ полетъ орла, летучей мыши и пр. Въ концѣ 2 т. (манускриптъ Д) сравнительно съ другими весьма большія замѣтки объ устройствѣ глаза и вообще объ оптикѣ. Въ 3-мъ томѣ тѣ же темы, что и въ 1 томѣ, преимущественно свѣтъ и тѣни. Много замѣтокъ по теоріи и техникѣ живописи, о полетѣ птицъ и по геометріи. Въ 4 томѣ встрѣчаются тѣ же темы съ добавленіемъ замѣтокъ по астрономіи (солнце, луна, звѣзды) и по геологіи (образованіе горъ и долинъ, о происхожденіи и движеніи рѣкъ и пр.). Попутно даны свѣдѣнія объ утилизаціи болотъ, объясненіе происхожденія находимыхъ въ горахъ раковинъ и пр. Мѣстами разбросаны математическія вычисленія, списки латинскихъ и италіанскихъ словъ (спряженіе глаголовъ amare, docere, неизвѣстно почему вставленныхъ, какъ бы опыты составленія грамматики). Въ 5 томѣ еще болѣе геометріи и математики. Встрѣчаются снова замѣтки о свѣтѣ и тѣняхъ, о томъ, какъ художникъ долженъ рисовать деревья, листву, потопъ, пейзажи. Снова дано много разнородныхъ замѣтокъ о рѣчныхъ и морскихъ водахъ (напр., объясненіе почему морская вода соленая). Среди пестрыхъ замѣтокъ 6 тома встрѣчаются спряженія латинскихъ глаголовъ, нѣсколько житейскихъ изреченій, выписки изъ физіолога. Автобіографическихъ подробностей во всѣхъ томахъ очень мало, не болѣе десяти, и то мимолетныхъ, напр., о путешествіи въ Римъ въ 1513 г. (въ III томѣ), о проведеніи канала Мартезана (въ IV т.). Историческихъ и того менѣе (напр., о Юліанѣ Медичи и смерти Людовика XII въ V т.). Замѣчанія характера философскаго или моральнаго также очень рѣдки. Таковы замѣтки въ I т. о мудрости Творца міра, о человѣкѣ, какъ микрокосмѣ. Встрѣчается нѣсколько оживляющихъ фацецій и ба-

сенъ, но очень мало, 5 или 6 на всѣ томы. Рисунковъ множество, но все чертежи, планы, механика, геометрія. Художественныхъ рисунковъ совсѣмъ нѣтъ. Можно отмѣтить лишь рисунки церквей во II т., листы 17, 18, 21, 22, 24, 25, 56, двѣ лошадиныхъ морды и два человѣческихъ лица въ I т. л. 62 и 63, изящный рисунокъ цвѣтовъ во II т. л. 14, нѣсколько еле намѣченныхъ нагихъ человѣческихъ фигуръ во II т. 51, 52, 59, 69, 70, 81.

2. *Il Codice Atlantico di Leonardo da Vinci* nella bibliotеka amrosiana di Milano ed. Ulrico Hoepli, XVII fascicolo, 1894—1900.

Изданіе еще далеко не закончено. Предположено около 35 выпусковъ. Вышло (до 1900 г.) 17 выпусковъ. Таблицы представляютъ facsimile текста и рисунковъ. Переводъ сдѣланъ на современномъ италіанскомъ языкѣ. При всей внушительной величинѣ, это капитальное изданіе почти исключительно относится къ теоріи искусства, механикѣ и архитектурѣ. Для опредѣленія Винчи, какъ художника и моралиста, весьма мало данныхъ, и утилизировать ихъ весьма затруднительно при полномъ отсутствіи указателей и оглавленій. Въ этомъ отношеніи Атлантическій Кодексъ далеко уступаетъ изданіямъ Равессона—Моліена и еще болѣе прекраснымъ въ справочномъ смыслѣ изданіямъ Сабашникова и Рихтера. Среди безконечныхъ математическихъ выкладокъ и всевозможныхъ машинъ, колесъ, блоковъ, винтовъ, орудій, затѣйливыхъ колесницъ, архитектурныхъ плановъ, арокъ, сводовъ, изрѣдка проскальзываютъ рисунки художественнаго характера. Во 2 fasc. находятся слабые наброски крыла и лошади. Въ 4 вып. на табл. 125 двѣ большихъ юношескихъ головы a la sangvine. Въ 5 вып. на 180 табл. большая старческая голова a la sangvine (превосходный рисунокъ этотъ не встрѣчается ни у Мюллеръ-Вальде, ни у Мюнца—двухъ большихъ иллюстрированныхъ изслѣдованіяхъ о Винчи). Въ 5 вып. табл. 200 находится нѣсколько оригинальныхъ круглыхъ птичьихъ клѣтокъ съ птичкой внутри. Въ 6 вып. таб. 212 рисунокъ древеснаго листа. Въ 7 вып. на табл. 262 большая женская голова въ профиль, прелестный рисунокъ по выразительности и благородству стиля. Въ вып. 12 таб. 456—457 два пейзажа, набросанныхъ перомъ, таб. 460 рисунокъ руки, таб. 467 рисунокъ женской головы (сдѣланъ небрежно). Этими рисунками исчерпывается художественная сторона таблицъ, и остается затѣмъ громадное количество рисунковъ по прикладнымъ знаніямъ, доступныхъ лишь спеціалистамъ механикамъ. Соотвѣтственно тому и текстъ испещренъ математическими выкладками. Громадное большинство замѣтокъ посвящено ученію о пропорціи тѣлъ, о перспективѣ и лишь изрѣдка проскальзываютъ элементы историко-бытовые или литературные, напр., фацеція или басня (въ вып. X), замѣтка къ картинѣ о битвѣ при

Ангіарѣ (въ вып. VI), философское разсужденіе о значеніи свободы (вып. IX). Содержаніе XVII вып. изложено въ книгѣ г. Волынскаго 672.

3. *Leonardo da Vinci*, Les Manuscrits de Leonardo da Vinci de la Bibliotheque royale de Windsor. De l'anatomie. Feuillets A, publ. p. Th. Sabachnikoff, Paris, 1898.

Превосходное изданіе сохранившихся въ виндзорской королевской библіотекѣ рукописей Винчи по анатоміи. Это обширный трактатъ, безъ малѣйшихъ постороннихъ примѣсей. Одна анатомія человѣческаго тѣла, мускулы, кости и т. д. Въ рукописяхъ Винчи, изданныхъ въ Атлантическомъ Кодексѣ и въ изданіи Равессона, содержаніе очень пестрое; разнородныя замѣтки постоянно переплетаются. Здѣсь же все стройно и выдержано, такъ что въ данномъ случаѣ Винчи выступаетъ исключительно, какъ спеціалистъ анатомъ. Въ книгѣ 202 стр., много анатомическихъ рисунковъ, очень тщательно выполненныхъ. Французскій переводъ en regard и примѣчанія сдѣланы знатокомъ Дж. Піумати. Членъ парижской медицинской академіи профессоръ анатоміи Дюваль снабдилъ издаше предварительной статьей, въ которой объясняетъ ходъ развитія анатоміи въ Италіи до Винчи и заслуги Леонардо да Винчи въ этой области знанія. Въ спеціальномъ художественномъ италіанскомъ изданіи «L'arte» 1898 г. I стр. 75 изданіе г. Сабашникова оцѣнено, какъ «publicazione monumentale».

4. *Leonardo da Vinci,* I manoscritti di Leonardo da Vinci. Volo degli ucceli e varie materie, ed. Sabachnikoff, Parigi, 1893.

Прекрасное изданіе одной рукописи Леонардо да Винчи изъ собранія г. Сабашникова. Заглавіе:—Volo degli uccelli e varie materie—вѣрно передаетъ содержаніе этой небольшой рукописи: большей частью рѣчь идетъ о полетѣ птицъ при разныхъ условіяхъ и, мѣстами, изрѣдка, вставлено нѣсколько замѣчаній о цвѣтахъ, двѣ аллегоріи на тему о какой-то фантастической славной птицѣ, вѣроятно, изъ средневѣковыхъ физіологовъ; рисунки птицъ въ разныхъ проявленіяхъ полета, части крыла, одинъ архитектурный планъ и прекрасный рисунокъ листа сангвиной, вершка полтора высоты. Изданіе состоитъ изъ краткаго предисловія Сабашникова (9—13), введенія Піумати (14—43) о характерѣ издаваемой рукописи, самой рукописи—темной маленькой тетрадочки—превосходной имитаціи, и затѣмъ буквальный переводъ на италіанскомъ и французскомъ языкахъ (56—156 стр.). Въ одномъ мѣстѣ находится замѣчаніе, прямо указывающее, что Леонардо да Винчи, изучая условія паденія и полета, додумался до парашюта. Интересны двѣ сходныхъ аллегоріи на ту тему, что большая птица наполнитъ міръ удивленіемъ и прославитъ свое гнѣздо.

5. *Leonardo da Vinci,* Trattato della Pittura. Съ такимъ названіемъ извѣстно собраніе записей Винчи о живописи, скульптурѣ, перспективѣ, свѣтовыхъ эффектахъ, тѣняхъ. Самый полный списокъ Ватиканской библіотеки сдѣланъ, какъ полагаютъ, Мельци по рукописямъ Винчи. Первое изданіе вышло въ Парижѣ въ 1651 г. Наиболѣе полное и лучшее въ научномъ отношеніи изданіе Людвига вышло въ 1882 г. въ 3 томахъ въ Вѣнѣ «Das Buch von der Malerei». Здѣсь собраны 944 замѣтки Винчи о живописи и перспективѣ. Мы пользовались старымъ французскимъ переводомъ Сенъ-Жермена 1803 г., болѣе полнымъ хрестоматическимъ изданіемъ Рихтера 1883 г. и многочисленными данными въ манускриптахъ Винчи изданія Равессона-Молліена, послѣдними двумя изданіями лишь по отдѣльнымъ статьямъ. Французскій переводъ Сенъ-Жермена снабженъ біографіей Винчи и спискомъ его картинъ, Мѣстами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приложены комментаріи къ Винчи по теоріи перспективы и объяснительные рисунки французскихъ художниковъ. Изданіе Сенъ-Жермена имѣетъ характеръ учебнаго руководства по теоріи живописи. Въ изданіи Сенъ-Жермена недостаетъ многихъ главъ, между прочимъ, нѣсколькихъ наиболѣе крупныхъ и важныхъ по философіи искусства, статьи, какъ рисовать потопъ и мн. др. (эти статьи у Рихтера I 308—309, 327—330).

6. *Jean Paul Richter,* The literary works of Leonardo da Vinci, 2 vol. 1883.

Превосходное хрестоматическое изданіе рукописей Леонардо да Винчи, предпринятое Рихтеромъ, состоитъ въ двухъ томахъ. Въ первомъ томѣ находится трактатъ о живописи (занятъ весь первый томъ въ 361 стр.); во второмъ томѣ (въ 499 стр.) собраны замѣтки Винчи о скульптурѣ, архитектурѣ, анатоміи, зоологіи, физіологіи, астрономіи, физической географіи, механикѣ, моральныя изреченія, басни, нѣсколько писемъ. Все это издано въ италіанскомъ подлинникѣ и съ англійскимъ переводомъ en regard. Къ тексту приложено 122 таблицы разнообразныхъ рисунковъ Винчи—планы храмовъ и др. зданій, анатомическіе рисунки, этюды головы, рукъ и ногъ человѣка, этюды лошади, растенія, машины и др. Встрѣчаются большіе и прекрасные рисунки—таковы, напр., этюды головъ къ «Тайной Вечери», этюды рукъ къ Монна Лиза, изящная дѣтская головка a la sanguine; но большинство рисунковъ еле набросаны, исчерканы линіями; иные весьма неясны. Изслѣдованія Рихтера находятся въ началѣ главъ, очень краткія, трактуютъ лишь о характерѣ рукописей, и не касаются внутренняго ихъ содержанія. Мы извлекли изъ этого изданія многія изъ приведенныхъ въ статьѣ моральныхъ сентенцій Леонардо да Винчи и одинъ рисунокъ (ступни ногъ) съ образчикомъ письма Леонардо да Винчи.

Содержаніе сборника Рихтера подробно изложено г. Волынскимъ въ IV кн. Сѣв. Вѣст. 1898 г. Оцѣнка самого сборника здѣсь слишкомъ понижена.

7. *Вазари*, Леонардо да Винчи, 1568.

Вазари (1512—1574), младшій современникъ Леонардо да Винчи, художникъ и историкъ искусства, составилъ драгоцѣнное сочиненіе «Le Vite de'piu eccelenti Pittori, Scultori e Architetti», т. е. «Жизнеописанія знаменитѣйшихъ живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ». Леонарду да Винчи посвящена большая глава. Вазари подробно излагаетъ жизнь Винчи, излагаетъ содержаніе всѣхъ его главныхъ художественныхъ произведеній, вкратцѣ отмѣчаетъ его научные труды. Характеристика личности Винчи очень живая и рельефная. Встрѣчаются мѣстами анекдоты, хотя и недостовѣрные, но любопытные по отраженію мнѣній современниковъ о великомъ художникѣ. Въ общемъ Вазари драгоцѣнное и необходимое пособіе для всякаго, изучающаго Винчи. Хотя всѣ изслѣдователи пользуются Вазари и дѣлаютъ многочисленныя извлеченія изъ составленной имъ біографіи Винчи, біографія эта заслуживаетъ того, чтобы ее прочитать въ передачѣ самого Вазари, такъ какъ въ ней на каждомъ шагу пробивается нѣчто неуловимое въ отдѣльныхъ извлеченіяхъ. Есть два русскихъ перевода статьи Вазари въ Библ. для Чтенія 1841 т. 45 и въ Сѣверн. Вѣстн. 1898 XII.

8. *Анонимъ*, Краткая біографія Леонардо да Винчи, русскій пер. въ приложеніи къ соч. г. Волынскаго о Винчи изд. Маркса 1900 г. стр. 650—652.

Біографія цѣнная, какъ написанная современникомъ Винчи, но слишкомъ краткая, съ ошибками. Такъ, анонимъ говоритъ, что Винчи умеръ 72 л. (вмѣсто 67 л.). Никакихъ хронологическихъ данныхъ. Интересны лишь нѣсколько новыхъ именъ учениковъ и друзей Винчи. Интересна также замѣтка, что Винчи «носилъ красный плащъ, длиною всего до колѣнъ, хотя тогда были въ модѣ длинныя одежды. До середины груди ниспадала прекрасная борода, вьющаяся и хорошо расчесанная». Анонимъ сохранилъ анекдотъ о столкновеніи Винчи съ Микель Анджело во Флоренціи на улицѣ, причемъ разсказываетъ его такъ живо и подробно, что, можно думать, онъ лично присутствовалъ при этомъ столкновеніи. Въ общемъ біографія Винчи, составленная Анонимомъ, далеко уступаетъ Вазари.

9. *Müller-Walde,* Leonardo da Vinci. Lebensskizze und Forschungen über sein Verhältniss zur florentiner Kunst und zu Rafael, 3 Liefer. 1889—1900.

Какъ видно уже изъ самого заглавія, изслѣдованіе Мюллеръ-Вальде широко задумано. Авторъ поставилъ цѣлью изложить біографію Винчи и опредѣлить его отношеніе къ флорентійскому искусству и къ Рафаэлю. Сочиненіе далеко еще незакончено и о Рафаэлѣ пока и помину нѣтъ. Вышло всего три выпуска, въ совокупности 232 стр., обнимающіе первый флорентійскій періодъ жизни и творчества Винчи. Біографическія свѣдѣнія кратки и вставлены мимоходомъ. Гораздо болѣе обширны и цѣнны обстоятельныя изслѣдованія о художественныхъ произведеніяхъ Винчи. Всѣ три выпуска снабжены множествомъ превосходно исполненныхъ рисунковъ, большей частью прекрасно комментированныхъ. Послѣ общей характеристики Леонардо да Винчи, Мюллеръ-Вальде въ 1 части изслѣдованія говоритъ о просвѣщеніи и искусствѣ во Флоренціи въ XV в., о раннихъ произведеніяхъ Винчи, «Св. Благовѣщеніи», головкахъ женщинъ и стариковъ, изображеніяхъ животныхъ и растеній, ангелахъ въ картинѣ Верроккіо «Крещеніе Спасителя», «Вознесеніи Іисуса» берлинскаго музея, во 2 части преимущественно о Мадоннахъ (этюды и ранніе рисунки) и «Поклоненіи волхвовъ», въ 3 части почти исключительно объ инженерныхъ знаніяхъ Винчи въ связи съ его просьбой къ Людовику Моро объ опредѣленіи на службу. Позднѣйшіе изслѣдователи, Мюнцъ, Сеайль, Розенбергъ, широко пользуются капитальнымъ трудомъ Мюллеръ-Вальде. Нѣкоторыя его мнѣнія не получили въ наукѣ права гражданства, напр., мнѣніе о лондонской Мадоннѣ въ скалахъ, какъ оригиналѣ, о припадлежности Винчи «Вознесенія» берлинскаго музея.

10. *Muller-Walde,* Beiträge zur Kenntnis des Leonardo da Vinci, въ Iahrb. d. königl. preus. Kunstsaml. 1897 XVIII, 1898 XIX и 1899 XX.

Мюллеръ-Вальде—лучшій въ настоящее время знатокъ всего, что относится къ Винчи, глубокій спеціалистъ—въ «Beiträge» даетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій. Въ XVIII и XX т. даны обширныя и весьма детальныя изслѣдованія о рисункахъ Винчи, относящихся къ конной статуѣ Франческа Сфорцы и къ памятнику Тривульцію. Въ частности къ даннымъ о статуѣ Сфорцы добавлено новое историческое свидѣтельство—письмо Аламани 1489 г. Изъ этого письма видно, что Людовикъ Моро заказалъ Винчи надгробный памятникъ для Франческа Сфорцы. Весьма обстоятельны и цѣнны далѣе статьи Мюллеръ-Вальде о рисункахъ Леды и о рисункахъ Іоанна Крестителя. Здѣсь авторъ не только подтверждаетъ подлинность, но и намѣчаетъ редакціи или воспроизведенія. Не такъ велика, но по детальности также весьма цѣнная статья о «Св. Аннѣ». Мюллеръ-Вальде указываетъ на замѣчательную копію въ милан-

скомъ храмѣ Sant-Eustorgio. Весьма подробна и специальна статья о рисункахъ Винчи по вооруженію кораблей, плаванію и о водолазахъ. Статьи обильно снабжены рисунками. Изложеніе—въ духѣ нѣмецкихъ ученыхъ—сухое.

11. *Müntz Eugene,* Leonard de Vinci, Paris, 1899, 552 p. Роскошное, волюминозное изданіе Гашета, со множествомъ прекрасно исполненныхъ гравюръ и рисунковъ. Авторъ подробно излагаетъ жизнь Винчи, въ связи съ обстоятельствами времени. При разсмотрѣніи главныхъ его художественныхъ произведеній, Мюнцъ обращаетъ вниманіе на всѣ подготовительныя работы и предварительные этюды художника и чрезвычайно рельефно освѣщаетъ его настойчивый умственный трудъ. Много мѣста Мюнцъ отводитъ изложенію научной дѣятельности Леонарда, останавливается на его религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ. Въ концѣ книги приложенъ цѣнный по полнотѣ каталогъ художественныхъ произведеній Леонардо да Винчи, съ обозначеніемъ, гдѣ хранится картина, кѣмъ она описывалась или была издаваема. Впервые описана драгоцѣнная коллекція рисунковъ, хранящаяся въ Виндзорѣ. Много рисунковъ изъ этой коллекціи (преимущественно головки) помѣщенно въ текстѣ изслѣдованія. Сочиненіе Мюнца написано прекраснымъ языкомъ, образно и изящно.

12. *Bouyer, Raymond,* Leonard de Vinci, par M. Eug. Müntz, въ Gazette des Beaux-Arts 1899 XXI 81—84.

Рецензія на монографію Мюнца о Винчи, малосодержательная, вообще похвальная. Рецензентъ высказываетъ сожалѣніе, что Мюнцъ слишкомъ мало удѣлилъ мѣста выясненію вліянія Винчи.

13. *Nicole, Marcel,* Leonard de Vinci, par M. Eug. въ La Revue de l'Art ancien et moderne, 1899, VI, 163—166.

Рецензія Николя на монографію Мюнца о Винчи, также очень краткая, весьма сходна съ предыдущей рецензіей. Указавъ въ общихъ чертахъ на достоинства изслѣдованія, авторъ также находитъ слишкомъ краткими послѣднія заключительныя замѣчанія Мюнца о вліяніи Винчи.

14. *Волынскій,* Эженъ Мюнцъ о Леонардо да Винчи. 1900 г.

Статья эта, напечатанная первоначально въ «Сѣвер. Вѣст.», вошла въ книгу г. Волынскаго о Винчи 1900 г. (стр. 367—400). Пересказъ содержанія поверхностный и непослѣдовательный, съ пропускомъ многаго существенно важнаго, неудачныя попытки поправлять Мюнца и мѣстами крайне нелѣпыя собственныя разсужденія на тему о «безпощадно зломъ геніи» Винчи, о его мнимыхъ «антихристіанскихъ тенденціяхъ» и пр. т. п.

15. *Muntz, Eugène,* Les dernières années de Leonard de Vinci, въ Gazette des Beaux-Arts, 1898, XX 369—378.

Статья небольшая и даетъ менѣе, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Авторъ останавливается здѣсь лишь на одномъ годѣ, именно на времени службы Винчи у Цезаря Борджіа, причемъ предположительно къ этому времени пріурочены рисунки истребительныхъ военныхъ колесницъ. Въ началѣ статьи краткая обрисовка хронологическаго отношенія къ Винчи въ первые годы XVI ст. другихъ крупныхъ художниковъ, его современниковъ.

16. *Seailles, Gabriel,* Leonard de Vinci, l'artiste et le savant, 1892, 547 стр.

Весьма цѣнное научное изслѣдованіе, богатое по фактической содержательности, прекрасное по живому и ясному изложенію. Первыя 173 страницы отведены для біографіи, остальныя, т. е. вдвое болѣе, посвящены дѣятельности Винчи, какъ философа, моралиста и ученаго. Сеайль подробно останавливается на научныхъ интересахъ Винчи и разсматриваетъ ихъ по его рукописямъ примѣнительно къ разнымъ наукамъ. Для опредѣленія научныхъ заслугъ Винчи Сеайль даетъ гораздо болѣе, чѣмъ Мюнцъ и Мюллеръ-Вальде, но уступаетъ послѣднимъ въ собственно художественномъ отдѣлѣ. Книга Сеайля въ 1898 г. переведена на русскій языкъ. Что касается до исторической и культурной обстановки, то Сеайль ограничивается исключительно обзоромъ положенія миланскихъ Сфорцъ и оставляетъ въ сторонѣ всю прочую обстановку.

17. *Rosenberg, Adolf,* Leonardo da Vinci, 1898, 136 стр.

Изслѣдованіе Розенберга о Винчи составляетъ XXXIII т. извѣстнаго изданія Кнакфуса «Künstler Monografien». Множество иллюстрацій (127), хорошо исполненныхъ. Авторъ пользовался главнымъ образомъ изслѣдованіями Мюллеръ-Вальде и нѣкоторыми другими нѣмецкими пособіями. Вся французская научная литература о Винчи оставлена въ сторонѣ. Рукописями Винчи авторъ также не пользовался. Біографическая часть невелика. Болѣе подробно говорится о картинахъ Винчи, но большей частью безъ указаній на подготовительные этюды. Изложеніе дѣльное, но нѣсколько сухое и тяжелое. Въ этомъ отношеніи нѣмецкія изслѣдованія о Винчи рѣзко отличаются отъ живыхъ и изящныхъ трудовъ французскихъ ученыхъ.

18. *Houssaye, Arsène,* Histoire de Leonard de Vinci, Paris, 1869, 487 р.

Арсенъ Гуссе самостоятельно изучалъ произведенія Леонардо да Винчи, дважды предпринималъ научныя поѣздки въ Италію, производилъ раскопки въ Амбуазѣ для опредѣленія могилы Винчи. Живое личное участіе проникаетъ книгу насквозь. Изслѣдованіе написано очень стройно, ясно и систематично. Изложеніе блестящее, мѣстами образное и художественное. Многіе позднѣйшіе писатели — Уціелли, Мюнцъ и др. пользо-

вались книгой Гуссе, изъ русскихъ г. Филипповъ, повторившій нѣкоторыя ошибки Гуссе. Такихъ ошибокъ у Гуссе немало. Такъ, онъ говоритъ, что Леонардо родился въ замкѣ (124), что сомнительно при скромномъ общественномъ положеніи его отца. Ошибочно также замѣчаніе Гуссе, что Винчи умеръ на рукахъ Франциска I (ошибка эта сдѣлана еще Вазари) (124). Крупной погрѣшностью Гуссе представляется еще смѣшеніе полномочнаго министра и любимца Людовика XII, архіепископа Жоржа д'Амбуаза съ образованнымъ полководцемъ Людовика XII Шарлемъ д'Амбуазъ маршаломъ Шомонъ. Рѣчь идетъ вездѣ о послѣднемъ (стр. 147—172), но вездѣ Шарль д'Амбуазъ названъ Жоржемъ. Но эти ошибки отходятъ на второй планъ передъ умѣніемъ автора уловить общіе черты эпохи, передъ краткими, но мѣткими характеристиками лицъ и мѣстностей. Прекраснымъ образчикомъ художественной описательной формы могутъ служить, напр., стр. 215—217, заключающія въ себѣ картину мирнаго пребыванія Винчи въ Клу. Гуссе внесъ въ свою книгу интересную главу (229—256 стр.) о французскомъ искусствѣ во время Винчи.

19. *Uzielli,* Ricerche intorno a Leonardo da Vinci, Firenze, 1872, 238 стр.

Книга распадается на двѣ части—собственно изслѣдованіе по архивнымъ даннымъ (I—III стр.) и собраніе документовъ (115—238). Въ изслѣдованіи разобраны разные темные хронологическіе пункты, а въ числѣ документовъ приведены нѣсколько писемъ Леонардо да Винчи (къ кардиналу Ипполиту д'Эсте, Шарль д'Амбуазъ, Мельци), завѣщаніе Винчи, письма къ нему Шарля д'Амбуазъ, письмо Мельци къ роднымъ Леонардо да Винчи послѣ его смерти и др. Въ концѣ книги приложена родословная Леонардо да Винчи по восходящей линіи (съ начала XIV в.) и нисходящей (черезъ братьевъ) до 1868 г. Здѣсь отмѣчено время жизни отца Леонарда Пьеро да Винчи (1427—1504 г.), имена его 4 законныхъ женъ (Альбіера, Франческа, Маргарита и Лукреція) и имена дѣтей.

20. *Ravaisson—Mollien, Charles,* Les écrits de Léonard de Vinci, въ Gazette des Beaux-Arts 1881 XXIII 225—248, 331—349, 514—535.

Равессонъ-Молліенъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Винчи, пріобрѣлъ въ послѣднее время почетную извѣстность превосходнымъ изданіемъ рукописей Винчи французскихъ собраній. Настоящая статья предшествовала этому изданію. Здѣсь Равессонъ объясняетъ подготовку изданія, характеръ рукописей Винчи, его оригинальное письмо справа налѣво, подробно останавливается на мнѣніи Рихтера о путешествіи Винчи въ восточныя страны въ 70-хъ годахъ XV ст. и считаетъ такое путеше-

ствіе болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Немногочисленныя замѣчанія Винчи о восточныхъ странахъ (Константинополѣ, Египтѣ и др.) Равессонъ объясняетъ путемъ заимствованія.

21. *Mathias-Duval,* Etude sur la feuillets A de l'Anatomie, 1898.

Профессоръ анатоміи Дюваль даетъ оцѣнку рукописей Винчи по анатоміи въ формѣ спеціальнаго этюда при изданіи виндзорскихъ манускриптовъ Винчи на средства г. Сабашникова. Статья въ 15 стр. Дюваль дѣлаетъ сначала краткій историческій очеркъ изученія анатоміи до Винчи, отмѣчаетъ самостоятельность его работъ, методъ, примѣненіе рисунковъ, важнѣйшія стороны въ изученіи анатоміи (преимущественно скелета и мускуловъ) и широкій интересъ Винчи къ біологіи въ современномъ ея значеніи.

22. *Lanzi (Ludwig),* Geschichte der Malerei in Italien, 2 Bde, Leipzig, 1830.

Сочиненіе содержательное, о Винчи сказано мало (въ 1 т. стр. 107—112), подробнѣе въ другомъ мѣстѣ (т. II 397—429) о миланской школѣ и ученикахъ Винчи. Нынѣ трудъ Ланци слишкомъ устарѣлъ.

23. *Woltmann,* Geschichte der Malerei, Leipz. 1879, 2 Bde.

Въ объемистомъ изслѣдованіи Вольтмана о новой живописи во 2-мъ томѣ стр. 541—560 отведены Леонарду Винчи и стр. 561—575 его ученикамъ; изложеніе сжатое, фактическое; отмѣчено все главное, кромѣ научныхъ трудовъ, и приложено нѣсколько рисунковъ.

24. *Flat, Paul,* Une troisiéme Vierge aux Rochers, въ La Revue de L'Art 1897, 404—410.

Авторъ сравниваетъ лондонскій экземпляръ картины съ парижскимъ и въ отношеніи подлинности рѣшительно говоритъ въ пользу послѣдняго. Далѣе онъ указываетъ на весьма сходную съ луврскимъ экземпляромъ картину «Мадонны у скалъ» въ галлереѣ Шерами и считаетъ ее близкой копіей съ луврскаго оргинала.

25. *Molinier, Emil,* Deux portraits du marechal Trivulce, въ La Revue de l'Art, 1897, стр. 421—428.

Здѣсь установливается достовѣрность рисунковъ Винчи для памятника Тривульція. Авторъ высказывается въ пользу предположенія, что бронзовая конная статуя Тривульція въ Луврѣ сдѣлана Леонардомъ да Винчи или въ его мастерской подъ его руководствомъ. Авторъ говоритъ, что онъ боится говорить настойчаво, потому что «La question Leonard est un guêpier... Il est encore anjourd'hui si peu de personnes, qui peuvent discuter froidement une oeuvre de Leonard sans se laisser influencer par une aveugle admiration, qui tient du fetichisme; le moment n'est pas encore venu de critiquer ses oeuvres et de risqeer des attributions, qui pourraient paraître irrévérencieuses aux devots».

26. *Courajod,* Leonard de Vinci et la statue de Francesco Sforza, Raris, 1879, 50 pp.

Авторъ указываетъ на мнѣнія предшественниковъ и сообщаетъ главныя историческія свидѣтельства, но безъ критическаго анализа. По мнѣнію Куражо̀, находящійся въ Мюнхенѣ рисунокъ всадника съ протянутой впередъ рукой, по сходству его съ изображеніемъ Ф. Сфорцы на медали, можетъ считаться копіей со статуи Винчи. Статья написана хорошимъ языкомъ, ясно и систематично, какъ пишутъ французы; но нынѣ, послѣ изслѣдованія Мюллеръ-Вальде (Iahrbuch d. Königl. preus. Kunstsaml. 1897, т. 18 и 19), представляется устарѣлой.

27. *Clement, Charles,* Michel-Ange, Leonard de Vinci, Raphael, 2 ed. 1867.

Есть русскій переводъ Раковича, сдѣланный въ 1863 г. въ Казани, съ 1-го французскаго изданія. Во 2-мъ французскомъ изданіи приложены каталоги картинъ и хронологія главныхъ событій въ жизни М. А., Л. да В. и Р. Анджело отведено 167 стр. Винчи 72 и Рафаэлю 78; каталоги занимаютъ 80 стр. Встрѣчаются изрѣдка неточности, напр., въ показаніи о трехъ мачехахъ Леонарда. Отзывы о картинахъ краткіе, иногда сильные и выразительные, напр., отзывъ о «Моннѣ Лизы». Безотносительно книга Клемана интересна и полезна; но, при сравненіи съ сочиненіями Гуссе, Сеайля, Мюллеръ-Вальде и Мюнца, она много теряетъ относительно полноты и содержательности.

28. *Rio*, Leonard de Vinci et son ecole, 1855, 364 стр.

Книга устарѣлая и въ современной научной литературѣ о Винчи малозамѣтная. Авторъ — крайній клерикалъ и усердный католикъ. Онъ оцѣниваетъ Винчи односторонне, слишкомъ кратко (36 — 167 стр.) и большей частью въ общихъ выраженіяхъ. Винчи приписано много картинъ, написанныхъ другими художниками. Болѣе интересны замѣчанія о послѣдователяхъ Винчи, къ каковомъ Ріо относитъ не только художниковъ миланской школы, но и писавшихъ въ Бергамо (Лотто) и въ Лоди (Піацца).

29. *Melani, Alfredo*, Pittura italiana, 1886 г., IV, стр. 94—104.

Небольшая статья о произведеніяхъ Винчи; по краткости не имѣетъ значенія. Нѣкоторый интересъ представляютъ лишь замѣчанія автора о вліяніи Винчи на Луини и Сесто.

30. *Boito*, Leonardo, Michel-Angelo, Andrea Palladio, 1883, 325 стр.

Винчи въ этой книгѣ отведены 19—115 страницы. Изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ главъ — 1) il pittore ed il suo animo и 2) Le scultore ed i suoi contrasti. Въ исторіи изученія Винчи этотъ трудъ оказался полезнымъ; на него ссылаются почти всѣ позднѣйшіе изслѣдова-

тели. Для біографіи Винчи у Бойто мало данныхъ. Онъ говоритъ преимущественно о его художественныхъ произведеніяхъ. При всей краткости, вездѣ видно самостоятельное и вдумчивое изученіе. Статья написана умно и своеобразно; потому она еще сохраняетъ нѣкоторый научный интересъ, несмотря на появленіе гораздо болѣе крупныхъ изслѣдованій Сеайля, Мюнца и Мюллеръ-Вальде.

31. *Alexandre, Arsène,* Histoire populaire de la peinture, 1897 г.

На стр. 175—217 рѣчь идетъ о Винчи и его послѣдователяхъ и ученикахъ, преимущественно о Луини и Содомѣ. При текстѣ нѣсколько рисунковъ. Дано краткое, но живое и ясное описаніе главныхъ произведеній Винчи. Статья написана популярно и поверхностно, безъ подробностей и безъ критики данныхъ.

32. *Iriarte, Charles*, Isabelle d'Este et les artists de son temps, въ Gazette des Beaux—Arts 1895—1896 г., т. XIII—XV.

Обширная статья, точнѣе цѣлая монографія, весьма содержательная, объ Изабеллѣ д'Эсте, ея Studiolo, сношеніяхъ съ художниками и полученныхъ отъ нихъ картинахъ. Сначала рѣчь идетъ о личности Изабеллы, о ея портретахъ, затѣмъ подробно описаны сохранившіеся остатки мантуанскихъ дворцовъ, гдѣ она жила, въ частности тѣхъ комнатъ, которыя она занимала и, наконецъ, данъ подробный очеркъ сношеній Изабеллы съ Мантеньей, Перуджино, Христофоро Романо, Лоренцо Коста и Франчіа. Къ статьѣ приложены снимки съ картинъ Мантеньи, Перуджино и Коста, которые были написаны для Изабеллы и донынѣ сохранились. О Леонардо да Винчи въ этой статьѣ говорится мало, потому что Иріарте выдѣлилъ эпизодъ о сношеніяхъ Изабеллы съ Винчи въ особую спеціальную статью.

33. *Iriarte, Charles,* Les relations d'Isabelle d'Este avec Leonard de Vinci, въ Gazette des Beaux-Arts 1888, XXVII, 118—131.

Статья небольшая, но фактически достаточно полная и стройная. Авторъ далѣе частнаго эпизода отношенія Винчи къ мантуанской герцогинѣ не идетъ и не даетъ свѣдѣній объ Изабеллѣ д'Эсте, независимо отъ Винчи. Симпатичная личность этой замѣчательной женщины обрисована авторомъ гораздо полнѣе въ той статьѣ, о которой мы только что дали отзывъ. Авторъ не входитъ въ подробную оцѣнку портретовъ Изабеллы въ рисункахъ Винчи. Къ статьѣ приложенъ луврскій портретъ Изабеллы.

34. *Geymuller,* Les derniers travaux sur Leonard de Vinci, въ Gazette des Beaux-Arts 1886 г., XXXIII 357—376, XXXIV 143—164,275—296.

Статья большая, но многословная и отчасти пустословная. Авторъ говоритъ объ изданіи рукописей Винчи Рихтера, Равессона, Людвига

(трактатъ о живописи), указываетъ на разногласія издателей и различіе научныхъ ихъ пріемовъ. Лучшая часть—замѣчанія автора объ архитектурныхъ рисункахъ Винчи. Къ статьѣ приложено много рисунковъ Винчи, но безъ связи съ текстомъ.

35. *Geymuller,* Les manuscrits de Leonard de Vinci, въ Gazette Beaux-Arts 1894—1895, XII 345—352, XIII 73—78.

Авторъ даетъ подробный обзоръ содержанія изданія г. Сабашникова «Codice sub volo degli ucceli» (подробный обзоръ рисунковъ) и изданія Бельтрами «Il Codice Trivulziano». Послѣдній кодексъ состоитъ изъ 51 листика (три потеряны). Хранился онъ въ библіотекѣ князя Тривульція въ Миланѣ. На многихъ листахъ идутъ въ безпорядкѣ списки италіанскихъ словъ. Неизвѣстно для чего Винчи составлялъ эти списки. Джови полагалъ, что Винчи имѣлъ въ виду составить словарь италіанскаго языка. Геймюллеръ полагаетъ, что Винчи выбиралъ изъ прочитанныхъ книгъ тѣ слова, которыя ему почему либо понравились, напр., синонимы. Выборки были обусловлены разными филологическими соображеніями. Кромѣ словъ въ Кодексѣ Тривульція разбросаны замѣтки о душевныхъ силахъ, разумѣ, волѣ, о звукѣ, архитектурные планы, модель купола миланскаго собора. Статья Геймюллера представляетъ весьма полезное пособіе, при малой доступности разсмотрѣнныхъ въ ней кодексовъ.

36. *Cavalcastelle e Crowe,* Storia della pittura in Italia II—XVI sec. Firenze. 8 vol. 1886—1898.

Капитальное изслѣдованіе. До Леонардо да Винчи не дошло. Въ VI томѣ находится цѣнная глава объ Андреа Верроккіо (стр. 149—202). Здѣсь подробно разсмотрѣны всѣ его произведенія. Авторы говорятъ, что очень трудно провести строгое различіе между собственными картинами Верроккіо и тѣми, гдѣ участвовали его талантливые ученика—Леонардо да Винчи и Лоренцо да Креди и вкратцѣ указываютъ (на 155—156) на особенности стиля этихъ художниковъ. Къ статьѣ приложенъ рисунокъ «Крещеніе Спасителя» съ двумя извѣстными ангелами, изъ которыхъ одинъ кисти Винчи.

37. *Strzygowski, Iosef,* Studien zu Leonardos Entwickelung als Maler, въ Iahrb. d. königl. preusisch. Kunstsamlungen 1895, XVI т., 159—174.

Въ статьѣ нѣсколько этюдовъ. Въ первомъ этюдѣ г. Стржиговскій подробно разбираетъ содержаніе картины «Поклоненія волхвовъ» и, указывая на большія художественныя достоинства, относитъ ее къ миланскому или второму флорентійскому періоду, ко времени около 1500 г. Во второмъ этюдѣ картина «Мадонна у скалъ», по сходству жестовъ съ «Вечерей», отнесена къ концу XV ст. Въ третьемъ наиболѣе обширномъ

этюдѣ идетъ рѣчь о юношескихъ произведеніяхъ Винчи, преимущественно о переднемъ ангелѣ въ локонахъ на «Крещеніи Спасителя» Верроккіо.

38. *Dehio,* Zu den Kopien nach Leonardos Abendmahl, въ XVII т. Jahrb. d. Königl. preussisch Kunstsaml. 1896, 181—185.

Авторъ указываетъ на 6 цвѣтныхъ картоновъ въ картинной галлереѣ города Страсбурга, представляющихъ старинныя копіи съ головъ апостоловъ «Тайной Вечери». Дегіо склоненъ видѣть здѣсь копіи художника, близкаго къ Винчи, быть можетъ, Бельтрафіо. Къ статьѣ приложены снимки съ головы Христа (безъ бороды), Іакова Младшаго (также безъ бороды), Петра и Іуды.

39. *Janitchek, Hubert,* Die Geselschaft der Renaissance in Italien und die Kunst, 1879, 120 Seite.

Сочиненіе распадается на 4 главы: 1) Умственныя направленія, 2) Воспитаніе и творчество художниковъ, 3) Женщина и искусство и 4) меценатство правителей и частныхъ лицъ. Въ концѣ книги дано много примѣчаній, изъ которыхъ видно самостоятельное изученіе по первоисточникамъ. Книга содержательная, стройно и ясно написанная. Для характеристики эпохи Винчи интересны преимущественно 3-я глава, гдѣ говорится, между прочимъ, объ Изабеллѣ д'Эсте, и 4-я, гдѣ меценатство Людовика Моро вставлено въ рядъ другихъ однородныхъ явленій.

40. *Lermolieff, Ivan,* (Morelli), Kunsthistorische Studien über italienische Malerei. Die Galerien Borghese und Doria Panfili in Rom, 1890, 443 стр.

Леонарду Винчи здѣсь отведено мало мѣста, стр. 225—230, 408—409. Гораздо болѣе мѣста занимаютъ второстепенные и малоизвѣстные художники его времени, Амброджіо да Преди, Бернардино да Конти, Марко д'Оджоне, Соларіо и др. У автора пристрастіе къ второстепеннымъ величинамъ, и онъ относитъ на ихъ счетъ многіе такіе картины и рисунки, которые считались и считаются принадлежащими кисти Винчи, напр., этюды Младенца Іисуса въ Виндзорѣ приписаны Цезарю да Сесто (Мюнцъ, Розенбергъ и др. относятъ къ Винчи), петербургская Мадонна Литта отнесена къ Бернардино да Конти, рисунки Леды къ Содомѣ. Въ одномъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ «die zwar alle den Namen Lionardo's führten, mir jedoch als Werke von der Hand unsers Ambrodgio de Predis erschienen»; но, повидимому, авторъ заходитъ слишкомъ далеко въ своихъ предположеніяхъ.

41. *Müntz, Eugene,* въ Revue scientifique 1898 № 18 въ небольшой статьѣ указываетъ, что Леонарду да Винчи принадлежитъ честь открытія камеръ-обскуры. Изъ нѣкоторыхъ его замѣтокъ видно, что онъ какъ бы предузналъ и предчувствовалъ фотографію.

42. *Müntz, Eugene,* La Renaissance en Italie et en France a l'époque de Charles VIII.

Большое, хорошо иллюстрированное сочиненіе объ италіанскомъ и французскомъ искусствѣ конца XV в. въ 560 стран. Для біографа Винчи, при спеціальныхъ монографіяхъ, въ томъ числѣ самого Мюнца, настоящее изслѣдованіе не можетъ представить особеннаго интереса. Заслуживаютъ вниманія стр. 437—560 о французскомъ искусствѣ наканунѣ появленія во Франціи Леонардо да Винчи.

43. *Müntz, Eug.,* Histoire de l'art pendant la Renaissance. Во 2 т., страницы 600—672, т. е. всего 12 стр. посвящены Винчи, причемъ эта часть книги не имѣетъ значенія, по выходѣ въ свѣтъ капитальной монографіи этого же автора о Винчи въ 1899 г.

44. *Philippi, Adolf,* Die Kunst der Renaissance in Italien, IV 1897. Небольшая, хорошо иллюстрированная книга, изъ серіи популярныхъ «Kunstgeschichtliche Einzeldarstellungen». Винчи отведено всего 40 стр., и около 60 стр. его ученикамъ и послѣдователямъ, преимущественно Содома, Фра Бартоломео и Андреа дель Сарто. Послѣ краткой біографіи данъ краткій обзоръ всѣхъ главныхъ рисунковъ Винчи.

45. *Mantz, Paul,* Les chefs d'oeuvre de la peinture italiene, Paris, 1870. Винчи отведены 161—178 страницы, небольшой сжатый очеркъ, причемъ авторъ даетъ краткіе, но мѣткіе отзывы о всѣхъ главныхъ произведеніяхъ Винчи и характеризуетъ его послѣдователей. Изложеніе ясное и изящное. Къ статьѣ приложена прекрасная хромолитографія «св. Анны».

46. *Des-Essarts, Alfred,* Les grands peintres (безъ обознач. года). Paris.

Большая книга въ 482 стр., но для Винчи отведено всего 5 стр. (427—431). Нѣкоторый интересъ представляетъ лишь приведенный здѣсь отзывъ Мишле о Винчи, какъ художникѣ и ученомъ: «il resta seul, comme le prophète des sciences, comme le créateur hardi, qui, en face de la nature, enfante et combine, comme elle»...

Почти во всѣхъ крупныхъ общихъ изслѣдованіяхъ о Винчи отводится особая глава «Тайной Вечери». Такія главы находятся, напр., въ изслѣдованіяхъ Гуссе и Мюнца, главы, написанныя весьма дѣльно и увлекательно. Но кромѣ общихъ изслѣдованій о Винчи, въ литературѣ встрѣчается много отдѣльныхъ монографій о Тайной Вечери, монографіи разной величины и разнаго достоинства. Таковы въ понижающейся степени доброкачественности.

47. *Frantz, Erich, dr.,* Das Heilige Abendmahl, 1885, Freiburg im Breisgau, 83 стр.

48. *Sighart, dr.,* Leonardo da Vinci und sein letztes Abendmahl, München, 22 стр.

49. *Dalton, Hermann,* Leonardo da Vinci und seine Darstellung des heiligen Abendmahls, I. Petersburg 1874, 44 стр.

Всѣ признаки солидной научной работы имѣетъ изслѣдованіе Франца. Статьи Сигарта и Дальтона имѣютъ характеръ публичныхъ лекцій, разсчитанныхъ на широкій кругъ слушателей.

Статья Дальтона въ современной научной литературѣ не заслуживаетъ вниманія. Нѣсколько лучше статья Сигарта. Она не лишена интереса, какъ научно-популярное изслѣдованіе; но, при изслѣдованіяхъ Гуссе, Мюнца, Сеайля, Мюллеръ-Вальде, отходитъ на второй планъ. Остается одинъ Францъ. Его «Das Heilige Abendmahl», при всѣхъ новѣйшихъ успѣхахъ въ изученіи Винчи, сохраняетъ значеніе весьма полезнаго пособія. Изслѣдованіе содержательное, написано стройно, систематично и ясно. Послѣ краткаго предисловія, гдѣ изложена исторія разработки мотива «Тайной Вечери» во флорентійскомъ искусствѣ», Францъ переходитъ къ изложенію пребыванія Винчи въ Миланѣ и затѣмъ излагаетъ исторію «Вечери». Тутъ собраны свидѣтельства современниковъ Винчи о ходѣ его работы и о томъ впечатлѣніи, которое производила на нихъ «Вечеря», позднѣйшіе отзывы, напр., Борромео. Даны подробныя объясненія ко всѣмъ лицамъ, представленнымъ на картинѣ, указаны главныя копіи. Изслѣдованіе заканчивается оцѣнкой гравюры Моргена. Вездѣ обнаруживается добросовѣстная научная работа и серіозное обсужденіе всѣхъ деталей.

50. *Гете*, О картинѣ Леонардо да Винчи «Тайная Вечеря», пер. Ярославцова, С.-ПБ. 1858 г.

Великій нѣмецкій поэтъ ознакомился съ «Тайной Вечери» лично и самостоятельно во время путешествія по Италіи и написалъ большую статью объ этомъ произведеніи Винчи въ формѣ рецензіи на спеціальную монографію Босси. Гете говоритъ о композиціи, о порчѣ картины, о копіяхъ, даетъ краткую общую оцѣнку Винчи, весьма похвальную, и въ концѣ статьи сравниваетъ детально копію Марко д'Оджоне съ копіей Веспино, причемъ отдаетъ предпочтеніе первой. Переводъ на рус. языкъ тяжелый.

51. *Riegel, Herman,* Ueber die Darstellung des Abendmahls, besonders in der toskanischen Kunst, 1869.

Въ книгѣ 94 стр. По своему спеціальному характеру она представляетъ нѣкоторый интересъ при изученіи «Тайной Вечери». Винчи отведено очень мало мѣста (59—67). Историко-бытовыхъ комментаріевъ нигдѣ не дано. Подготовительные этюды не приняты во вниманіе. Авторъ сначала

разбираетъ средневѣковыя картины Тайной Вечери, начиная съ ахенской иконы и картины въ парижскомъ храмѣ С. Жермена. Краткія описанія даны къ картинамъ Джіотто, Доменико Гирландайо и др. эпохи Возрожденія. Изъ картинъ, написанныхъ послѣ Винчи, Ригель останавливается на произведеніяхъ Луини, дель Сарто, Синьорелли, Вазари, Бальдучи. Въ концѣ книги даны краткія замѣчанія о соотвѣтствующихъ произведеніяхъ Дюрера, Гольбейна, Рубенса, Пуссена, Корнеліуса и нѣкот. др. новѣйшихъ нѣмецкихъ художниковъ.

52. *Waagen,* Die Gemäldesammlung in der kaiserlichen Ermitage zú St. Petersburg, München, 1864.

Ваагенъ, знатокъ искусства, въ солидной по объему книгѣ (448 стр.) даетъ описаніе картинъ Императорскаго Эрмитажа и другихъ художественныхъ собраній Петербурга. На стр. 32 онъ говоритъ о «Св. Семействѣ»; на стр. 399 находится краткая замѣтка о головѣ юноши въ коллекціи графа Сергѣя Строгонова. Ваагенъ склоненъ видѣть въ этомъ рисункѣ произведеніе Винчи миланскаго періода.

53. *Waagen,* Kleine Schriften, Stuttgart, 1875.

На стр. 145—183 помѣщена статья о жизни и произведеніяхъ Винчи. Рисунковъ нѣтъ. Стройный и систематическій обзоръ художественной дѣятельности Винчи. Есть пропуски; напр., ничего не сказано объ Іоаннѣ Крестителѣ, о Вакхѣ, о дѣятельности Винчи въ области архитектуры. Научная дѣятельность Винчи, въ частности его Трактатъ о живописи, оставлены безъ разсмотрѣнія. Въ ряду другихъ изслѣдованій статья Ваагена нынѣ представляетъ мало интереса.

54. *Reymond, Marel,* Cesare da Sesto, въ Gazette de Beaux-Arts 1892, VII, 314—333.

Спеціальная статья объ ученикѣ Винчи Чезаре да Сесто. Авторъ даетъ обзоръ его картинъ, преимущественно излюбленнаго мотива—Мадонны, кормящей грудью младенца. Попутно авторъ говоритъ о стилѣ Леонардо да Винчи, объ отношеніи художественныхъ пріемовъ Сесто къ пріемамъ Винчи и Рафаэля, отмѣчаетъ нѣкоторыя различія и т. д. Статья содержательная. Написана ясно и стройно.

55. *Gruyer,* Les Vièrges de Raphael, Paris, 1869, 3 vols.

Обширное изслѣдованіе. Первый томъ (528 стр.) посвященъ исторіи изображеній пр. Дѣвы отъ древнѣйшихъ временъ до XV в. включительно. Пятнадцатый вѣкъ разсмотрѣнъ по школамъ — Флоренція, Сіена, Венеція, Мантуа, Миланъ, Парма, Феррара, Болонья, Романія. Леонарду да Винчи здѣсь отведены стр. 292—305, причемъ рѣчь идетъ преимущественно о его Мадоннахъ, болѣе подробно о Мадоннѣ въ скалахъ, созданіе которой Грюйеръ относитъ къ первому флорентійскому періоду,

и св. Аннѣ, вкратцѣ о другихъ, безъ опредѣленія ихъ подлинности и безъ указанія на этюды. Кромѣ того, во 2-мъ томѣ въ историческомъ обзорѣ изображеній «Поклоненія волхвовъ» одна страница (158) отведена «Поклоненію» Винчи.

56. «*Богоматерь въ христіанскомъ искусствѣ*» неизвѣстнаго автора въ иллюстрированномъ календарѣ Краснаго Креста на 1898 г., стр. 273—299.

Популярный характеръ изложенія нимало не повредилъ фактической полнотѣ и серіозности содержанія. Рисунки въ числѣ 17 подобраны удачно, въ исторической послѣдовательности, и хорошо исполнены въ художественномъ отношеніи. Въ статьѣ мимоходомъ упоминаются Мадонны Леонардо да Винчи. Сужденія о Мадоннахъ Перуджино и Рафаэля отличаются мѣткостью и основательностью.

57. *Кирпичниковъ, А. И. проф.* Историческій обзоръ иконописныхъ изображеній Богоматери.

Публичная лекція, прочитанная въ 1897 г. въ Москвѣ въ Обществѣ Поощренія Художествъ, напечатана въ Жур. М. Н. Пр. Въ обзоръ вошли древнія византійскія композиціи. Объ италіанскихъ композиціяхъ эпохи Возрожденія мимолетныя замѣчанія.

58. *Eckl,* Die Madonna, als Gegenstand christlicher Kunstmalerei und Sculptur, 1883.

Среди многочисленныхъ изслѣдованій о Мадоннѣ въ искусствѣ сочиненіе Экля выдается по величинѣ и стройности изложенія. При всемъ томъ распредѣленіе картинъ по біографіи пр. Дѣвы не отличается полнотой, и для изслѣдователя Винчи сочиненіе Экля почти безполезно.

59. *Брекеръ,* Очеркъ исторіи искусствъ, пер. Лемана. СПБ. 1898.

На стр. 101—108 дана мѣткая, но очень краткая характеристика Леонардо да Винчи. Въ концѣ статьи ошибочно обозначенъ годъ смерти Винчи (1518, вмѣсто 1519). Упомянуты статуя Френческа Сфорцы, Тайная Вечеря и Битва при Ангіарѣ. Очеркъ полезенъ для учебныхъ цѣлей по сжатости и рельефности, но въ смыслѣ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія не имѣетъ никакого значенія.

60. *Frantz (Erich),* Geschichte der christlichen Malerei, 2 Bde. 1894 г.

Большое и спеціальное изслѣдованіе. Въ обширномъ 2-мъ томѣ (въ 942 стр.), стр. 632—661 отведены Винчи. Здѣсь данъ списокъ сочиненій о Винчи (до 1894 г.), вкратцѣ изложена біографія и болѣе подробно говорится о картинахъ, преимущественно о «Тайной Вечери». Нѣкоторыя несомнѣнныя картины Винчи (Вакхъ, Іоаннъ Креститель и др.) оставлены безъ оцѣнки или даже неупомянуты, и вмѣсто того авторъ останавливается на болѣе чѣмъ сомнительномъ берлинскомъ «Вознесеніи Христа».

61. *Hettner, Hermann,* Italienische Studien zur Geschichte der Renaissance. 1879.

Интересны двѣ главы—«Die Monumentalität der Kunst» (52—76) и въ особенности «Der Kampf um Formensprache und Technik» (77—96). Въ этой главѣ говорится о прогрессѣ въ дѣлѣ изученія анатоміи и перспективы и объ улучшеніи техники живописи съ переходомъ отъ фресокъ къ масляным краскамъ.

62. *Seemann,* Kunsthistorische Bilderbogen 1879 (на листахъ 207 и 208 нѣсколько снимковъ съ картинъ Винчи) и «Textbuch» къ Атласу (на стр. 214—217 краткая біографія), матеріалъ незначительный, имѣетъ болѣе педагогическое значеніе, какъ школьное пособіе.

63. *Alwin Schultz,* Kunstgeschichte, 1895.

Въ 6 и 7 выпускахъ большой иллюстрированной исторіи искусства А. Шульца (стр. 243—307) находится краткій обзоръ дѣятельности италіанскихъ художниковъ эпохи Возрожденія въ послѣдовательномъ историческомъ порядкѣ, начиная съ Чимабуэ, съ приложеніемъ рисунковъ. Верроккіо отведено всего нѣсколько строкъ, но приложенъ полный рисунокъ «Крещенія Спасителя». На стр. 307—318 говорится о Винчи. При такой краткости Шульцъ не избѣгъ лишняго. Такъ, онъ признаетъ путешествіе Винчи на Востокъ, что болѣе чѣмъ сомнительно. Всѣ данныя слишкомъ кратки и отрывочны, такъ что при спеціальномъ изученіи теряютъ значеніе.

64. *René Ménard,* Histoire des Beaux-Arts, 3 vols, Paris, 1882.

Въ началѣ 3-го тома стр. 48—55 посвящены Винчи. Свѣдѣнія кратки и общеизвѣстны. Интересенъ лишь приводимый здѣсь отзывъ Прудона о «Тайной Вечери, какъ «лучшемъ произведеніи живописи, въ которомъ въ самой высокой степени соединены всѣ лучшія качества этого рода искусства (puisque tout y est réuni)».

65. *Фрикенъ*, Италіанское искусство въ эпоху Возрожденія. 3 ч. Рус. перев. 1 ч. 1891, 2—1895 и 3—1898 г.

Сочиненіе Фрикена содержательное, фактическое, но очень сухое. Вездѣ видна кабинетная работа, не согрѣтая, холодная, кропотливая. Ни одного рисунка. Во 2 части находится глава о Флоренціи въ эпоху Возрожденія. Среди многочисленныхъ художниковъ, о произведеніяхъ которыхъ даны отзывы, находятся учитель Винчи Верроккіо (264—268) и товарищи его по мастерской Верроккіо Перуджино и Лоренцо да Креди. Въ 3-ьей части говорится о Леонардо да Винчи (5—35), Микель Анджело (35—131), Рафаэлѣ (131—333) и Андреа дель Сарто (333—358). Винчи дано мало мѣста сравнительно съ другими славными его современниками. О его трактатѣ о живописи не упомянуто.

Не видно, чтобы авторъ заглядывалъ въ манускрипты Винчи. О рисункахъ, нашедшихъ мѣсто въ рукописяхъ Винчи, о его литературныхъ и философскихъ замѣткахъ ни единаго слова. Обрисока Винчи, при всей наружной фактической детальности, вышла бѣдной и сухой.

66. *Тэнъ*, Чтенія объ искусствѣ. Пер. Чудинова. 3 изд. СПб. 1889 г.

На стр. 77—157 находится статья «Философія искусства въ Италіи». Это блестящая по яркости красокъ характеристика той общественной среды, изъ которой вышли великіе художники конца XV и начала XVI ст. Опираясь на Cortegiano Кастиліоне, Il Principe Маккіавелли и мемуары Бенвенуто Челлини, Тэнъ даетъ яркую картину высшаго италіанскаго общества и придворныхъ нравовъ конца XV ст. Много страницъ отведено описанію празднествъ, роскоши, пороковъ. Собственно для біографіи Винчи здѣсь ничего нѣтъ. О его художественныхъ произведеніяхъ ничего не говорится; но по обрисовкѣ его эпохи сочиненіе Тэна даетъ очень много.

67. *Каррьеръ, Морицъ*, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. М. 1874. Переводъ Е. Корша.

IV томъ этого крупнаго и во многихъ отношеніяхъ интереснаго изслѣдованія посвященъ всецѣло Возрожденію и Реформаціи въ образованіи, искусствѣ и литературѣ. На стр. 83—152 идетъ рѣчь собственно объ италіанскомъ Возрожденіи. По отношенію къ Леонардо да Винчи интересны стр. 83—95, гдѣ говорится о состояніи искусства въ Италіи въ началѣ XV в. въ школахъ флорентійской, падуанской, венеціанской и умбрійской, стр. 95—102, гдѣ говорится о самомъ Леонардо да Винчи и стр. 102—152, гдѣ рѣчь идетъ о его великихъ современникахъ, Микель Анджело и Рафаэлѣ. Каррьеръ въ общихъ чертахъ обрисовываетъ личность Леонардо да Винчи, подчеркиваетъ его разносторонность и даетъ небольшое на 2 страницахъ, но рельефное описаніе Тайной Вечери. Затѣмъ очень кратко отмѣчены памятникъ Сфорцѣ, картонъ Битвы при Ангіарѣ, Мадонны, и умолчано о всемъ остальномъ. Характеристики даны очень бойкія и красивыя, но слишкомъ краткія. Есть одна крупная ошибка—сближеніе Винчи съ Маккіавелли и крайне поспѣшное и столь же ошибочное утвержденіе, что Винчи «все богатство своихъ силъ употреблялъ съ демонической безоглядностью для корыстныхъ своихъ цѣлей». Эта фраза показываетъ, что Каррьеръ совсѣмъ не понялъ Винчи и плохо знакомъ съ его біографіей.

68. *Venturi,* Corrieri artistici dall' Estero e dalle regioni italiane, въ L'Arte 1898. I 315—318.

Вентури останавливается на лондонской выставкѣ 1898 г. въ «Burlington Fine Arts Club» италіанскихъ художественныхъ произведеній

эпохи Возрожденія, Боргоньоне, Фоппа, Зенале, Луини, Амброджіо да Преди, Содома, Винчи, Соларіо, Феррари, большей частью съ оговоркой «attribuito», т. е. предположительно лишь приписываемыхъ, причемъ такихъ картинъ «attribuito a Leonardo da Vinci» насчитано 12, большей частью Мадонны.

69. *Pauli, Gustav,* Austellung von Gemälden der lombardischen Schule im Burlington Fine Arts Club, въ Zeitschrift für Bildende Kunst, 1899, I, 105—114, 145—154.

Весьма интересное, со многими рисунками, описаніе бывшей въ 1898 г. въ Лондонѣ выставки картинъ ломбардской школы эпохи Возрожденія. Замѣчательны по отношенію къ Винчи картина двухъ цѣлующихся дѣтей (рисунокъ на 112 стр.) Марка д'Оджоне, весьма сходная съ рисункомъ Винчи (приведеннымъ у насъ на стр. 37) и «Благовѣщеніе» Соларіо (рис. на стр. 147), весьма сходное съ «Благовѣщеніемъ» Винчи.

70. *Cook, Herbert,* Les Tresors de l'Art italien en Angleterre, въ Gazette des Beaux-Arts, 1899, XXI, 21—32.

Статья посвящена миланской школѣ живописи, памятники которой находятся нынѣ въ Англіи. Замѣчательна Мадонна Чезаріо да Сесто, представляющая копію «Св. Семейства» Императорскаго Эрмитажа, въ другой лишь обстановкѣ. Авторъ высказываетъ предположеніе, что Леонарду принадлежитъ самый рисунокъ, а Сесто лишь его обработка. Къ статьѣ приложенъ снимокъ съ картины. Далѣе Кукъ говоритъ о двухъ ангелахъ музыкантахъ работы Амброджіо да Преди, сравниваетъ ихъ съ «Мадонной у скалъ» Винчи и высказываетъ предположеніе, что Амброджіо рисовалъ ангеловъ подъ руководствомъ Винчи, но безъ прямого его участія.

71. *Gauthiez, Pierre,* Notes sur Bernardino Luini, въ Gazette des Beaux-Arts, 1899 XXII.

Спеціальное изслѣдованіе Готье о Б. Луини даетъ кое-что по вопросу о вліяніи Винчи на Луини, въ частности по вопросу о картинѣ «Христосъ и 4 фарисея». Авторъ держится стариннаго мнѣнія, высказаннаго еще кардиналомъ Борромео, что Винчи и Луини нарисовали эту картину совмѣстно; Винчи далъ эскизъ, Луини принадлежитъ обработка.

72. *Burkhardt, Iakob,* Die Kultur der Renaissance in Italien, 1869, 451 стр.

Изслѣдованіе Буркгардта даетъ общую обрисовку италіанскаго быта и просвѣщенія эпохи Ренессанса. О Леонардо да Винчи здѣсь ничего не говорится; но здѣсь много такого, что освѣщаетъ и объясняетъ его эпоху, отчасти кругъ его научныхъ интересовъ. Въ 1 гл. находятся краткія замѣчанія объ италіанскихъ правителяхъ Висконти, Сфорца, Гонзаго, Эсте, о враждебныхъ имъ политическихъ теченіяхъ, о республикахъ и

папахъ; во 2 гл. о развитіи личности, о тогдашнихъ понятіяхъ о славѣ, литературныхъ вкусахъ, о развитіи сатиры и новеллы; въ 3-ей о возникновеніи интереса къ классическимъ древностямъ, о Римѣ времени папы Льва X, объ италіанскомъ гуманизмѣ, высшихъ школахъ, развитіи знанія латинскаго языка, новолатинской поэзіи, эпосѣ, одахъ, элегіяхъ и пр. Въ 4-ой о возникновеніи интереса къ естествознанію и къ пейзажу, Данте, Петраркѣ, Боккачіо, Аріосто, Тассо. Въ 5-й—объ общественной жизни, положеніи женщины, праздникахъ и карнавалахъ. Въ 6-й—о морали и религіозномъ настроеніи. Послѣднія двѣ главы представляютъ наибольшій интересъ по отношенію къ эпохѣ Леонардо да Винчи. Такъ, тутъ находится нѣсколько страницъ о культѣ Мадонны и о смѣшеніи христіанскихъ и языческихъ представленій.

Есть русскій переводъ Буркгардта подъ заглавіемъ «Культура Италіи въ эпоху Возрожденія» 1876 г.

Хорошія и слабыя стороны книги Буркгардта прекрасно выяснены въ изслѣдованіи Корелина «Ранній италіанскій гуманизмъ» II стр. 1032—1039. Корелинъ соглашается съ основнымъ положеніемъ Буркгардта, что въ основаніи гуманизма лежитъ развитіе индивидуализма и уваженія въ личности. За книгой Буркгардта Корелинъ признаетъ огромное значеніе и объясняетъ его такимъ образомъ: «широкій общій взглядъ на движеніе, масса отдѣльныхъ замѣчаній поразительной глубины и тонкости, блестящія иллюстраціи разныхъ сторонъ Возрожденія дѣлаютъ изъ культурной картины Буркгардта замѣчательное историческое произведеніе».

73. *Корелинъ, Михаилъ.* Ранній италіанскій гуманизмъ и его исторіографія, 2 тома, въ совокупности 1087 стр., въ XIV и XV вып. Ученыхъ Записокъ Москов. Универс. 1892 г.

Капитальный историческій трудъ недавно скончавшагося талантливаго московскаго профессора обнимаетъ XIV и начало XV ст. и совсѣмъ не касается эпохи Леонардо да Винчи. Въ смыслѣ обрисовки быта и образованности италіанскаго общества Корелинъ уступаетъ Буркгардту. Главное вниманіе Корелинъ сосредоточиваетъ на исторіографіи, которая разработана съ поразительной полнотой и эрудиціей. Самыя обширныя главы отведены Петраркѣ, Боккачіо и послѣдователямъ ихъ въ XIV и въ первой четверти XV ст., слѣдовательно задолго до Леонардо да Винчи (род. 1452 г.). Нѣкоторое значеніе имѣютъ главы о гуманистахъ Флоренціи и Милана XIV ст. и первой четверти XV (стр. 777—905). Здѣсь выяснена отчасти та образовательная среда, которая дала старшихъ современниковъ Леонардо да Винчи. Гораздо болѣе важны послѣднія заключительныя главы (1061—1087 стр.), гдѣ Корелинъ выясняетъ сущность италіанскаго гуманизма (развитіе индивидуализма въ

связи съ изученіемъ классическихъ древностей), первыя стадіи развитія гуманизма и его разультаты. Такъ какъ личность и творчество Леонардо да Винчи въ сущности представляются высшимъ расцвѣтомъ и завершеніемъ италіанскаго гуманизма, то всѣ общія положенія Корелина о развитіи и результатахъ ранняго италіанскаго гуманизма получаютъ несомнѣнную важность, какъ широкій общій комментарій къ Винчи.

74. *Веселовскій, А.*, Противорѣчія италіанскаго Возрожденія, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, XII 316—349.

8 рецензій сочиненій о Возрожденіи. Интересны замѣчанія о противорѣчіяхъ практики и теоріи, язычества и христіанства и о взглядахъ по этому поводу ученыхъ. Интересны еще по отношенію къ эпохѣ Винчи краткія замѣчанія о «безнравственности» эпохи Возрожденія, какъ слѣдствіи разложенія бытовой семьи подъ вліяніемъ индивидуализма. Прямого отношенія къ Винчи и его эпохѣ эта статья не имѣетъ.

75. *Гнѣдичъ*, Исторія искусствъ, вып. V, стр. 66—78.

Для Винчи отведена очень небольшая и весьма поверхностная статья, съ нѣсколькими рисунками и портретомъ Винчи. Картины опредѣлены мимоходомъ и небрежно. Объ Эрмитажныхъ Мадоннахъ сказано, что онѣ «безспорно» принадлежатъ Винчи; о Вакхѣ, Іоаннѣ Крестителѣ, св. Аннѣ не упомянуто. Отмѣчена порча «Вечери», но не дано ни малѣйшаго объясненія композиціи, группировки апостоловъ и пр. т. п.

76. *Шлоссеръ*, Всемірная Исторія, 2 изд. 1870 г. т. IV.

Шлоссеръ даетъ подробный обзоръ политическаго состоянія сѣверной Италіи въ концѣ XV и въ началѣ XVI ст. Нѣкоторыя частности представляютъ интересъ по отношенію къ Винчи, напр., подробное описаніе заговора Пацци и Бандини, обзоръ коварной и жестокой политики Людовика Моро, замѣтки объ италіанской литературѣ того времени. Шлоссеръ—строгій моралистъ, и успѣхи искусства не подкупили его въ пользу меценатовъ. Точка зрѣнія автора обнаруживается уже въ такомъ заголовкѣ: «Науки, искусство и поэзія, какъ роскошь при италіанскихъ дворахъ« (стр. 635). Вкратцѣ Шлоссеръ указываетъ далѣе на «попытки италіанцевъ примѣнить науки древнихъ къ богословскимъ».

77. *Шпрингеръ*, Искусство въ Италіи. Рус. пер. 1874, 40 стр.

Авторъ—профессоръ бонскаго университета. Статья написана для путешественниковъ по Италіи въ видѣ краткаго историческаго обзора развитія архитектуры, скульптуры и живописи въ Италіи съ древнихъ классическихъ временъ до XVII ст. Винчи посвящена всего одна страница. Болѣе всего отведено мѣста Рафаэлю. Характеристика эпохи Возрожденія живая и содержательная. Весь очеркъ написанъ умѣлой рукой и съ знаніемъ дѣла.

78. *Вышеславцевъ*, Умбрія и живописныя школы сѣверной Италіи, 1885, 442 стр.

Обширное и цѣнное изслѣдованіе, написанное любителемъ, просто, стройно, содержательно, но нѣсколько вяло и сухо. Книгѣ недостаетъ указателей, и справки по ней затруднительны. Содержаніе видно изъ оглавленія: 1) Умбрія, 2) начало умбрійской школы, 3) Бенедето Буонфильи и Фіоренцо да Лоренцо, 4) Пьетро Перуджино, 5) Бернардино Пинтурикkіо, 6) Лука Синьорелли, 7) Урбино (меценатство герцоговъ умрбійскихъ, художники Мелоццо да Форли, Джіов. Санти, Тимотео Вити), 8) школы сѣверчой Италіи и 9) Андреа Мантенья. Всѣ главы изложены обстоятельно. Для изслѣдователя Винчи имѣютъ спеціальный интересъ нѣкоторыя замѣчанія въ главѣ о Перуджино и въ особенности замѣчанія о миланской школѣ живописи передъ появленіемъ въ Миланѣ Леонардо да Винчи и главномъ ея представителѣ Вичензо Фоппа.

79. *Вышеславцевъ*, Очеркъ образованности и искусства въ Италіи XV в.

Небольшая въ 25 стран. журнальная статья; написана, повидимому, по «Italienische Studien» Гетнера, отличается богатымъ содержаніемъ и мѣткой характеристикой развитія италіанскаго искусства въ отношеніи формъ. Изложеніе сжатое, болѣе обработанное, чѣмъ въ двухъ большихъ трудахъ Вышеславцева («Умбрія» и «Рафаэль»).

80. *Вышеславцевъ*, Рафаэль, 1894 г., 719 стр.

Въ обширномъ и цѣнномъ трудѣ Вышеславцева о Рафаэлѣ много страницъ отведено указаніямъ на связь Рафаэля съ Леонардо да Винчи и его зависимость отъ послѣдняго въ практикѣ и въ теоріи искусства. Вышеславцевъ подробно, гораздо полнѣе и обстоятельнѣе Мюнца, Гуссе и др. западныхъ ученыхъ, раскрываетъ широкое и благотворное вліяніе Леонардо да Винчи на его великаго младшаго современника, причемъ, какъ это всегда бываетъ съ геніальными натурами, въ подражаніи Рафаэля всегда пробивалось его личное оригинальное дарованіе.

81. *К. Гёрцъ*, Леонардо да Винчи. Большая статья въ 49 стр. въ видѣ рецензіи на книгу Ріо о Винчи 1855 г. Герцъ указываетъ на крупные недостатки Ріо (поверхностность, узкая религіозно-клерикальная тенденція) и попутно даетъ довольно стройное и критически обоснованное жизнеописаніе Винчи. Видна умѣлая рука опытнаго писателя. Главныя данныя для біографіи Винчи—его рукописи ни Ріо, ни Герцу не были извѣстны. Нѣкоторыя сужденія Герца ошибочны. Такъ, неосновательно обвиненъ Вазари во враждѣ къ Винчи и вообще значеніе его прекрасной біографіи Винчи сильно умалено (стр. 3). На стр. 27 сказано, что Винчи при отъѣздѣ изъ Милана въ 1499 г. было 50 лѣтъ (въ дѣйствитель-

ности 47 л., род. въ 1452 г.). Неосновательно также мнѣніе Герца (на стр. 28), что Винчи, подобно Макіавели, надѣялся найти въ Цезарѣ Борджіа монарха, который спасъ бы Италію отъ «постыднаго владычества сѣверныхъ варваровъ французовъ». Винчи не имѣлъ такихъ политическихъ претензій и къ французамъ относился дружелюбно.

82. *М. М. Филипповъ*, Леонардо да Винчи, 1892, 88 стр. Изъ серіи біографической библіотеки Ф. Павленкова. Изъ крупныхъ пособій у автора были подъ руками только изслѣдованія Гуссе и Мюллеръ-Вальде. При изложеніи біографіи много категорическихъ сужденій, не обоснованныхъ на достаточно провѣренныхъ фактахъ. Мѣстами встрѣчаются ошибки, иногда грубыя, какъ уже отмѣчено въ Сѣв. Вѣст. 1898 I 241. Авторъ произвольно утверждаетъ, что «Леонардо бывалъ на всѣхъ балахъ, участвовалъ во всѣхъ блестящихъ кавалькадахъ» и приписываетъ Винчи такія любовныя увлеченія (стр. 12, 22), которыя ничѣмъ и никѣмъ не подтверждаются. Винчи далѣе приписаны картины и рисунки, ему непринадлежащія, напр., Беатриче, Воскресеніе Христово (23). Людовикъ Моро вездѣ названъ «ле Море», очевидно, въ зависимости отъ неудачно прочитаннаго французскаго источника. Сомнительно утвержденіе автора, что на созданіе Тайной Вечери Винчи употребилъ менѣе года.

83. *Чуйко и Бобылевъ*, небольшая статья въ 12 т. Энцикл. Словаря Брокгауза и Эфрона, стр. 502—503. Чуйко говоритъ о художественной дѣятельности, Бобылевъ объ ученыхъ работахъ Винчи. Замѣтка г. Бобылева слишкомъ кратка, всего въ 28 строкъ, и многое такое умолчано, что занимало Винчи всю его жизнь, напр., анатомія человѣка и птицъ. Статья Чуйко также весьма краткая, но значительно болѣе предыдущей. Сжато, но содержательно переданы всѣ главныя данныя художественнаго творчества Винчи, переименованы его картины, мимоходимъ отмѣчены приписываемыя лишь его кисти. Въ концѣ замѣтки указана литература, нѣсколько крупныхъ сочиненій, вышедшихъ до 1892 г. Послѣ выхода 12 т. словаря вышло много новаго и цѣннаго (Атлантическій Кодексъ, изданія Сабашникова, сочиненія Мюнца и Сеайля, Beiträge Мюллеръ-Вальде).

84. *Андреевъ*, Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ, СПБ. 1857.

Винчи отведено всего 4 стр. (35—38), и на такомъ маленькомъ пространствѣ разсѣяно множество грубѣйшихъ ошибокъ, хронологическихъ и фактическихъ, свидѣтельствующихъ лишь о крайне небрежномъ отношеніи автора къ предмету изслѣдованія.

85. *Волынскій А.*, Леонардо да Винчи, 1897—1898 г. (журнальныя статьи).

Рядъ статей въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1897 и 1898 годахъ, подъ разными заглавіями: «Жизнь и научно-философскіе труды», «Въ поискахъ за Леонардо да Винчи» и др. статьи г. В. написаны бойко, живо, но за исключеніемъ переводной Вазари, односторонне, пристрастно, съ крайней публицистической развязностью. Въ концѣ статей даны пространные библіографическіе указатели. Нельзя, однако, сказать, чтобы указанная г. Волынскимъ громадная литература была использована. Въ одномъ мѣстѣ (1898 I 220) г. В. говоритъ, что разносторонній знатокъ Леонардо да Винчи Равессонъ—Молліенъ до нѣкоторой степени склоняется къ предположенію Рихтера о путешествіи Винчи на Востокъ. Въ дѣйствительности, Равессонъ является наиболѣе сильнымъ противникомъ этой гипотезы. Критика Равессона совсѣмъ устраняетъ мнѣніе Рихтера. Въ недостаткѣ начитанности г. Волынскаго нельзя упрекнуть; но всѣ лучшія изслѣдованія о Винчи, даже самый Винчи утопаютъ въ субъективизмѣ автора. На первомъ мѣстѣ вездѣ личное воззрѣніе, личное пониманіе г. Волынскаго, мѣстами крайне одностороннее и поспѣшное. Автору хочется видѣть въ Леонардо да Винчи что-то демоническое, развращенное, декадентское, одинаково чуждое міру античному и міру христіанскому. Оттого у г. Волынскаго Винчи носитъ чрезвычайно странные титулы «безпощадно злого генія», «хищнаго генія»; улыбка св. Анны «ядовитая»; «Тайная Вечеря» «утомляетъ зрителя» и «производитъ головокружительное, нехудожественное внечатлѣніе». Къ статьямъ самого г. Волынскаго о Винчи вполнѣ примѣнимо послѣднее сужденіе; онѣ «утомляютъ» читателя и производятъ «головокружительное, нехудожественное впечатлѣніе». Авторъ очевидно, выискиваетъ болѣзненное и чувственное. Преувеличенія и странности встрѣчаются на каждомъ шагу. Напр., Вероккіо—скромный Вероккіо—названъ «оригинальнѣйшимъ геніемъ своего времени въ живописи и скульптурѣ». «Никто не любилъ его (т. е. Винчи) сердечной любовью». Мудрость Винчи будто бы была «разрушительная» (?!). Винчи «безпощадно обвѣвалъ людей во всю свою жизнь холоднымъ вѣтромъ» (!). Письма д'Амбуаза, отзывы Мельци, статья Вазари и многія другія современныя свидѣтельства совершенно противорѣчатъ такимъ страннымъ и рѣзкимъ мнѣніямъ. Благородство характера, мягкость, снисходительность и доброта Винчи внѣ сомнѣнія. Болѣе всего странно, какъ и слѣдовало ожидать, «заключеніе» г. Волынскаго въ V кн. Сѣв. Вѣст. 1898 г. Отъ бѣднаго Леонардо да Винчи ничего не остается. Г. Волынскій его уничтожаетъ и хоронитъ. Содержаніе картинъ великаго художника, по словамъ смѣлаго публициста, «противорѣчивое и ложное по своей тенденціи». Они «никогда не будутъ любимыми произведеніями чуткихъ къ красотѣ и правдѣ натуръ». «Этотъ ве-

ликій геніи, магъ и кудесникъ ренессанса въ своемъ искусствѣ является только архивнымъ геніемъ». Даже съ точки зрѣнія біографической Винчи низведенъ къ нулю. Г. Волынскій прямо говоритъ, что «его жизнь полна шумной суеты, разочарованія и скорбей демоническаго самолюбія». (?!!).

Досталось отъ грознаго публициста бывшаго дамскаго журнала не одному Леонарду да Винчи, но и тѣмъ ученымъ, которые писали о немъ, даже такимъ солиднымъ изслѣдователямъ новѣйшаго времени, какъ Мюнцъ и Сеайль. Въ Мюнцѣ г. Волынскій усмотрѣлъ «недостатокъ серьезной критической вдумчивости» (№ 10—12), а Сеайль—«критикъ пылкій, но поверхностный» (ib. II 209).

86. *А. Л. Волынскій,* Леонардо да Винчи, С.-Петербургъ, изд. А. Ф. Маркса, 1900 г.

Имена автора и издателя хорошо извѣстны. Г. Марксъ—издатель популярной «Нивы». Г. Волынскій главный сотрудникъ прекратившагося «Сѣвернаго Вѣстника». Посмотримъ, что они дали при совмѣстномъ усердіи на протяженіи 706 страницъ.

Г. Марксъ далъ хорошую бумагу, красивый шрифтъ и множество, большей частью превосходныхъ по исполненію, рисунковъ (6 теліогравюръ, 34 хромо-автотипіи и 250 автотипій). Заслуга г. Маркса внѣ сомнѣнія.

Г. Волынскій далъ море фразъ и пеструю мозаику изъ самохвальства, высокомѣрія, вздорныхъ парадоксовъ, противорѣчій и ошибокъ. Вмѣсто изслѣдованія передъ нами проносится бурный вихрь похвалъ и порицаній, съ претензіями на «полу-художественное» изложеніе.

Уже въ «Предисловіи» авторъ рѣзко выступаетъ съ своимъ безцеремоннымъ и назойливымъ субъективизмомъ. На первой же страницѣ онъ пренебрежительно отзывается о громадной научной литературѣ о Винчи и утверждаетъ, будто она наполнена «фразеологіей и общими мѣстами въ патетическомъ тонѣ»; г. Волынскій, однако, вездѣ пользуется пособіями, но безъ точныхъ ссылокъ, размазывая, путая и коверкая тѣ солидныя научныя изслѣдованія, которыя были у него въ рукахъ, и разсыпая попутно отъ себя чрезвычайно рѣзкія осужденія по адресу весьма почтенныхъ дѣятелей западно-европейской науки. Такъ, авторъ одного изъ лучшихъ сочиненій о Винчи, Сеайль — аттестованъ, какъ «пылкій, но поверхностный критикъ». Автора другого прекраснаго изслѣдованія о Винчи, написаннаго сжато и изящно, Арсена Гуссе г. Волынскій порицаетъ за «отвратительный патріотизмъ». Почему же отвратительный? Гуссе французъ, а Винчи сочувствовалъ французамъ, послѣдніе годы своей жизни провелъ во Франціи, и для Арсена Гуссе было нравственно

обязательно отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этой сторонѣ дѣятельности Винчи. Г. Волынскій въ широкой степени пользовался Мюнцемъ, но и о Мюнцѣ онъ отзывается, какъ-то покровительственно и укоряетъ его «въ недостаткѣ серьезной вдумчивости» (стр. 395).

Въ рукахъ г. Волынскаго были изданные въ печати манускрипты Винчи; но незамѣтно, чтобы онъ вникъ въ нихъ и разобрался. Повидимому, авторъ и не желалъ въ нихъ особенно углубляться. Съ риторической журнальной изворотливостью онъ избѣгаетъ стройнаго систематическаго знанія и презрительно отзывается о трудно-доступныхъ научныхъ интересахъ Винчи. Вмѣсто дѣльнаго знанія и дѣльной мысли въ книгѣ выступаютъ риторическія словоизвитія и большое пустословіе на тему о древней красотѣ и о новой красотѣ, причемъ мѣстами совершенно некстати примѣшиваются весьма странные и неприличные экскурсы о «нормальной и ненормальной Венерѣ». Все скверное, декадентское, символистическое, вздорное, вымученное, патологическое, неврастеническое, что сочилось недавно по страницамъ дамскаго журнала «Сѣвернаго Вѣстника», собрано теперь въ одну большую книгу и — дикая фантазія! — связано съ именемъ одного изъ самыхъ чистыхъ и благородныхъ дѣятелей человѣческаго просвѣщенія — съ именемъ Леонардо да Винчи.

Г. Волынскій съ руками и ногами залазитъ въ душу великаго художника-мыслителя и навязываетъ ему всю скверну своего нечистоплотнаго воображенія. Онъ дерзко осуждаетъ или заподозрѣваетъ однихъ въ любовныхъ связяхъ, другихъ въ служеніи нормальной и ненормальной Венерѣ, и все это не спроста, а претенціозно, съ шумомъ и трескомъ, будто бы «изъ стремленія — такъ говорится въ предисловіи — постигнуть отдаленную эпоху при помощи того, что дѣлается въ живой современности, съ ея психологическими контрастами и психологической діалектикой». Вотъ такъ удивительная методологія!

Изъ «Сѣвернаго Вѣстника» сдѣланъ прямой скачекъ въ расцвѣтъ италіанскаго ренессанса, отъ декадентской символики къ Леонарду да Винчи, подъ соусомъ «діалектики», да еще «психологической». Эта «психологическая діалектика» самое безцеремонное издѣвательство надъ среднимъ русскимъ читателемъ со стороны представителей «живой современности», слишкомъ увѣренныхъ въ довѣріи публики и въ своей литературной безнаказанности.

Отбросивъ ногой всю научную литературу о Винчи, г. Волынскій утѣшаетъ читателя тѣмъ, что онъ все самъ изучилъ по первоисточникамъ и — мало того — видѣлъ Италію «собственными глазами», «медленно пробирался», «скитался», «изучалъ одновременно мѣстную природу и душу художника», «улавливалъ забытыя черты», построилъ свою «научную (!)

работу на логикѣ живыхъ сопоставленій и внутреннихъ догадокъ». Такъ авторъ любуется собой и расхваливаетъ себя въ предисловіи. Но въ книгѣ мы не видимъ Италіи, не чувствуемъ живой природы.

Книга начинается и кончается безчисленными авторскими я, меня, мнѣ... Уже на первыхъ двухъ страницахъ читаемъ: «я подъѣзжалъ къ Анкіано», «я вышелъ въ Эмполи», «со мною ѣхалъ», «я съ упоеніемъ смотрѣлъ», «я думалъ», «я вникаю въ произведенія Леонардо да Винчи»...

Г. Волынскій многократно называетъ Винчи «хищнымъ геніемъ», а его искусство «виртуознымъ». Г. Волынскій не находитъ у него «божественно-человѣческой простоты». По мнѣнію г. Волынскаго, Винчи «не воплощалъ въ творчествѣ истинныхъ принциповъ искусства». Очевидно, г. Волынскій отлично знаетъ эти принципы. Онъ категорически заявляетъ, что произведенія Винчи «онѣмѣютъ» и «заглохнутъ» (стр. 280 и мн. др.).

Самъ г. Волынскій признаетъ, что «Тайная Вечеря» была однимъ изъ величайшихъ дѣлъ Винчи. Самъ г. Волынскій признаетъ, что «церковь всѣхъ странъ свѣта приняла эту картину, какъ боговдохновенное произведеніе, какъ одно изъ достойнѣйшихъ украшеній ея стѣнъ и алтарей». Кажется, на этомъ можно было бы остановиться. Но злой демонъ необузданнаго субъективизма и тутъ увлекъ легкомысленнаго автора, и тутъ г. Волынскому непремѣнно захотѣлось высказать свое оригинальное мнѣніе, и онъ начинаетъ свою обычную риторическую эквилибристику, «психологическую діалектику». Оказывается (см. стр. 383), что это картина «преувеличенной жестикуляціи», «въ картинѣ нѣтъ музыки», «нѣтъ религіи». Г. Волынскій сердится за то, что картина, «не пронизана насквозь лучомъ божественнаго безумія». Каково! безуміе, да еще божественное! Но и этого еще мало для г. Волынскаго, онъ идетъ далѣе и усматриваетъ въ «Тайной Вечери» насмѣшку Винчи надъ Голгофой. «Если бы благочестивые служители церкви, говоритъ г. Волынскій на стр. 382, могли проникнуть въ таинственные замыслы Леонардо да Винчи, они могли бы увидѣть на его лицѣ глубокомысленную загадочную улыбку, съ которою онъ взиралъ на струю свѣта, пролившуюся съ вершинъ Голгофы». Въ другомъ мѣстѣ г. Волынскій въ стилѣ разнузданнаго журнализма называетъ Винчи Каиномъ(!!).

«Св. Анна» и всѣ Мадонны Винчи оказываются у г. Волынскаго съ «ядовитой улыбкой», «золотушныя», «рахитическія» (стр. 279), «съ претенціозной молчаливостью», «съ разсудочной риторикой въ лицѣ».

Остается еще женскій портретъ Моны Лизы Джокондо. Начиная отъ Вазари, т. е. съ половины XVI ст. и до нашихъ дней, произведеніе это считалось чудомъ искусства. Послушаемъ теперь г. Волынскаго.

«Лицо это надо дешифрировать», готоритъ онъ на 208 стр., и начиняетъ по своему «дешифрировать»: Джокондо стара и некрасива... тонкія нѣжно-розовыя крылья носа. Лицо блѣдное, одутловатое. Оваль его неотчетливъ. Подбородокъ маленькій. Красныя губы растянуты улыбкою. Тонкая верхняя губа возбуждаетъ мысль о чемъ то лукавомъ» и т. д. Такъ можно «дешифрировать» трупъ утопленницы, вытянутый изъ рѣки, при составленіи полицейскаго протокола, но не картину, состовляющую украшеніе Луврскаго музея въ Парижѣ, купленную еще у самого Винчи королемъ Францискомъ I за огромную по тому времени сумму; такъ искусно «дешифрируетъ» авторъ, «скитавшійся въ горахъ Умбріи» и якобы изучившій Винчи подъ солнцемъ Италіи!

Г. Волынскій не ограничивается униженіемъ Винчи, какъ художника; онъ пытается очернить его, какъ человѣка; но такъ какъ онъ не располагаетъ для того никакими документальными данными, то прибѣгаетъ къ намекамъ и предположеніямъ, крайне нечистоплотнаго свойства.

Болѣе всего г. Волынскому хочется впутать Винчи въ какую либо любовную исторію, но такъ какъ этотъ спокойный и холодный художникъ, прекрасно лишь рисовавшій женщинъ, но, повидимому, никогда ихъ не любившій, не укладывался въ прокрустово риторическое ложе г. Волынскаго, то на него брошено грязное подозрѣніе въ служеніи «ненормальной Венерѣ». Изъ того, что въ библіотекѣ Винчи среди разныхъ книгъ оказались фривольныя «Фацеціи» Поджіо, г. Волынскій дѣлаетъ Винчи строгій выговоръ, усматриваетъ въ немъ «нечистую фантазію» и вспоминаетъ при этомъ почему-то Джокондо, портретъ которой Винчи нарисовалъ, хотя у Джокондо былъ мужъ, болѣе молодой чѣмъ Винчи. Говоря по совѣсти, развѣ повѣсти Мопассана и многіе романы Золя и М. Прево лучше фацецій Поджіо, и развѣ можно всякаго, у кого окажется Мопассанъ или Золя, трактовать съ точки зрѣнія личнаго служенія Киприде. Г. Волынскій идетъ еще далѣе. Съ необыкновеннымъ невѣжествомъ и невѣроятной наглостью онъ на стр. 55 утверждаетъ, что «эпоха ренессанса вообще не знала стыда». Мыслимо ли какое либо общество или эпоха безъ чувства стыда? Даже на самыхъ низшихъ стадіяхъ культуры, у дикарей, и тамъ проявляется стыдъ, хотя въ формахъ иногда очень своеобразныхъ. Эпоха Возрожденія одна изъ самыхъ блистательныхъ эпохъ въ европейской исторіи, и, если тогда было много порочныхъ и преступныхъ людей (когда и гдѣ ихъ не было), то вмѣстѣ съ тѣмъ выступало много благородныхъ, чистыхъ и свѣтлыхъ дѣятелей съ самымъ тонкимъ и разносторонне развитымъ чувствомъ стыда.

Изъ 706 стр. для біографіи Винчи отведено всего 106 первыхъ страницъ. Изложеніе жидкое, риторическое, поверхностное, со множествомъ

ошибокъ, и сплошь невѣрное по освѣщенію событій и личностей. Рѣчь идетъ большей частью о томъ, гдѣ и какіе праздники устраивалъ Винчи. Вмѣсто Винчи мыслителя, художника, ученаго, архитектора, инженера, мы видимъ у г. Волынскаго лишь Винчи декоратора, что, разумѣется, очень облегчило г. Волынскому укоры и упреки по адресу Винчи.

Частныхъ ошибокъ множество, напримѣръ, сказано, что отецъ Винчи былъ женатъ три раза, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности онъ формально былъ женатъ четыре раза, не считая его ранней незаконной связи съ Катариной, матерью Леонарда. Затѣмъ германскій императоръ Максимиліанъ I многократно названъ австрійскимъ императоромъ, какого титула во время Винчи еще совсѣмъ не было, и пр. т. п., но эти грубыя частныя ошибки теряются въ томъ общемъ искаженіи фактовъ и въ томъ малокультурномъ, разнузданномъ и нагломъ субъективизмѣ, который разлитъ по всей книгѣ, и въ результатѣ котораго самая книга, столь щедро и роскошно иллюстрированная, представляется въ высшей степени печальнымъ и недоброкачественнымъ явленіемъ.

Теперь обратимся къ рисункамъ г. Маркса. Хотя многіе рисунки представляются лишними, напр., снимки съ рукъ картинъ Ботичелли, Сесто и др., хотя кое-что разставлено произвольно, при всемъ томъ— рисунки составляютъ цѣнную сторону этого изданія. Можно смѣло выбросить весь текстъ г. Волынскаго, оставивъ развѣ не лишенный интереса обзоръ кодексовъ Винчи въ концѣ книги, можно сохранить только рисунки, и книга отъ того лишь выиграетъ въ цѣнѣ, простотѣ и общедоступности. Хороши и полезны многіе рисунки. Отмѣтимъ главные: портреты Винчи въ краскахъ, портреты Людовика Моро (стр. 15), Изабеллы Арагонской, Максимиліана I, Франческо Мельци (?), Буркіелло, Максимиліана Сфорца, Джиневры Бенчи работы Гирландайо (стр. 191), портреты Изабеллы д'Эсте, Ломаццо, Веррокіо. Нѣкоторыхъ изъ этихъ портретовъ нѣтъ у Мюллеръ-Вальде, Мюнца и Розенберга. Кромѣ того въ книгѣ много каррикатуръ, хорошій рисунокъ Битвы при Ангіарѣ, множество дѣтскихъ и женскихъ головокъ, снимки съ Джоконды, Вакха, Іоанна Крестителя, рядъ объяснительныхъ рисунковъ къ «Тайной Вечери» Винчи, «Мадонна въ скалахъ» и др. Мадонны Винчи, Леда, «Св. Анна» (картина и картонъ), рядъ рисунковъ «Поклоненія волхвовъ», рядъ копій съ рисунковъ манускриптовъ изданій Равессона-Молліена, Сабашникова и Атлантическаго Кодекса. Особенно много рисунковъ извлечено изъ анатомическаго кодекса изданія Сабашникова.

II.

Романъ Д. С. Мережковскаго „Воскресшіе боги. Леонардо да Винчи“.

(Первыя пять главъ).

Въ первыхъ трехъ книжкахъ прекратившагося журнала «Начало» 1899 года напечатано 5 главъ романа г. Мережковскаго «Воскресшіе боги Леонардо да Винчи». Съ прекращеніемъ журнала послѣдовалъ перерывъ. Въ 1 кн. «Міра Божія» 1900 г. начата перепечатка этого романа съ первой главы и, нужно думать, въ свое время воспослѣдуетъ продолженіе и окончаніе. Романъ въ «Начало» печатался на первыхъ страницахъ, какъ нѣчто крупное и выдающееся. Въ періодической печати проскальзывали ожиданія, надежды и похвалы. Но надежды эти слишкомъ преждевременны, ожиданія мало обоснованы и похвалы поспѣшны.

На первой страницѣ находится любопытное примѣчаніе такого содержанія: «Воскресшіе боги» — вторая часть трилогіи. Первая часть была напечатана въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» и потомъ (въ 1896 г.) отдѣльною книгою подъ заглавіемъ «Отверженный» (Юліанъ Отступникъ). По выходѣ въ свѣтъ всѣхъ трехъ частей, она будетъ озаглавлена «Смерть боговъ». Третья часть — «Антихристъ» (Петръ I и царевичъ Алексѣй). Каждая часть трилогіи... представляетъ законченное цѣлое».

Сколько обѣщаній! и какія все громкія! Какъ легко г. Мережковскій мчится по вѣкамъ! Чего только не будетъ въ этой трилогіи—боги; антихристъ, исторіи бездна; и все это создается по щучьему велѣнію, чрезвычайно быстро, Леонардо да Винчи черезъ три года послѣ Юліана Отступника.

Но обратимся, однако, къ Леонарду да Винчи. Да проститъ тѣнь этого великаго мыслителя и великаго художника нашу современную русскую журналистику. Сколько ему досталось въ 1899 г. на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» отъ г. Волынскаго! Здѣсь были такіе перлы: «Леонардо да Винчи—хищный геній», мудрость его «разрушительная»,

«Тайная Вечеря»—«головокружительное и нехудожественное произведеніе». Мало того, г. Волынскій прямо и категорически заявилъ, что Леонардо да Винчи—«архивный геній». И вотъ послѣ того, какъ г. Волынскій сдалъ Леонардо да Винчи въ архивъ забвенія, другой дѣятельный сотрудникъ «Сѣвернаго Вѣстника» г. Мережковскій въ томъ же году въ «Начало» и въ текущемъ году въ «Мірѣ Божіемъ» собирается воскресить похороненнаго Винчи и сопричислить его къ богамъ. Бѣдный русскій средній читатель! Какъ ему разобраться среди такихъ радикальныхъ писателей, какъ Волынскій и Мережковскій. Онъ съ изумленіемъ можетъ только слѣдить, какъ одинъ поднимается на облака, другой спускается на дно морское, какъ они рвутъ и мечутъ какое-то великое имя.

Всѣ пять главъ снабжены хитроумными заголовками, большей частью устрашающими:

1) Бѣлая дьяволица.

2) Ecce deus—Ecce homo.

3) Ядовитые плоды.

4) Шабашъ вѣдьмъ.

5) Да будетъ воля Твоя!

Одни уже эти заголовки достаточно показываютъ, какой передъ нами литературный винегретъ. Первый, третій и четвертый заголовки построены на вымученномъ вымыслѣ; во второмъ и пятомъ вырваны тексты изъ Священнаго Писанія и поставлены въ нелѣпую псевдо-историческую обстановку.

Наполняя романъ вѣдьмами и чертями, г. Мережковскій забылъ, что Леонардо да Винчи ничему этому не вѣрилъ, что онъ жилъ въ самой образованной странѣ XV и XVI ст. въ сѣверной Италіи, среди передовыхъ людей эпохи. Друзьями его были герцогъ Людовикъ Моро, король Францискъ I, герцогиня Изабелла д'Эсте, изъ некоронованныхъ особъ большей частью математики, инженеры, архитекторы—люди, очень мало интересовавшіеся вѣдьмами и чертями. Говоря о такомъ любителѣ опытнаго изученія природы, о такомъ строгомъ и трезвомъ ученомъ, съ ярко выраженнымъ реалистическимъ и позитивнымъ мышленіемъ, какъ Леонардо да Винчи, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ демонологію и не подносить читателю никакихъ дьяволицъ, ни бѣлыхъ, ни черныхъ.

Въ первой главѣ авторъ пользуется однимъ мѣстомъ въ запискахъ флорентійскаго ваятеля XV в. Гиберти, гдѣ говорится, что граждане Сіенны нашли изваяніе богини Венеры, разбили его, какъ идольское изображеніе и зарыли на землѣ своихъ враговъ флорентійцевъ. Отсюда заголовокъ «Бѣлая дьяволица» означаетъ статую Венеры. Фактъ этотъ

для сѣверной Италіи XV в. исключительный; широкаго обобщенія на немъ нельзя строить. Итальянское общество и самый народъ въ XV—XVI вѣкахъ привыкли цѣнить классическое искусство. Художники подражали античнымъ образцамъ. Лучшія скульптурныя произведенія выставлялись на площадяхъ.

Съ первой главы до пятой включительно красной нитью проходитъ заподозрѣваніе Леонардо да Винчи въ ереси и чернокнижіи. Въ первой главѣ Антоніо называетъ Винчи еретикомъ и безбожникомъ; въ пятой расписанъ цѣлый бунтъ народной толпы противъ Винчи по подозрѣнію въ чародѣйствѣ и отравленіи герцога Джана Галлеацо. Ничего подобнаго дѣйствительная исторія не знаетъ. Въ біографіи Винчи, составленной Вазари, встрѣчается легкое сомнѣніе въ благочестіи Винчи, но затѣмъ Вазари отбросилъ это сомнѣніе. Къ духовенству Винчи стоялъ въ хорошихъ отношеніяхъ; ни малѣйшихъ заподозрѣваній съ этой стороны неизвѣстно. Культурная среда, среди которой Винчи вращался, давала ему широкій просторъ для свободной дѣятельности. Къ тому же Винчи не вторгался въ кругъ свѣдѣній и порядковъ, освященныхъ церковью. Его главные естественно-историческіе и инженерные интересы стояли внѣ какихъ-либо заподозрѣваній. Изученіе условій полета птицъ, проведеніе каналовъ, планы крѣпостей, проекты улучшенія военныхъ орудій—все это выходило изъ вѣдѣнія и интересовъ толпы. Ни магіи, ни алхиміи, ничего таинственнаго и туманнаго Винчи не любилъ; тайными науками не интересовался; люди толпы, обскуранты и демонологи не имѣли достаточнаго основанія къ подозрѣніямъ или обвиненіямъ Винчи, который спокойно смотрѣлъ на нихъ съ высоты своего научнаго міросозерцанія.

Напрасно г. Мережковскій ввелъ главу съ вѣдьмами, главу съ колдуньей—отравительницей, главу съ алхимикомъ. Все это вовсе не идетъ къ Милану конца XV в. и къ Леонарду да Винчи. При такомъ историческомъ пониманіи можно ввести чертей и вѣдьмъ въ обрисовку дѣятельности Линнея, Лавуазье, Лессепса и Ломоносова.

Могутъ возразить, что XVI ст. было разгаромъ вѣрованій въ колдовство и судебнаго преслѣдованія вѣдьмъ. Это вполнѣ вѣрно въ приложеніи къ Германіи и требуетъ большихъ ограниченій относительно Италіи вообще и сѣверныхъ ея областей въ особенности. Здѣсь судебное преслѣдованіе колдовства обнаружилось главнымъ образомъ послѣ буллы папы Андріана VI 1523 г., усилившей дѣятельность инквизиціи, причемъ усердіе этого печальнаго вѣдомства развернулось вдали отъ образовательныхъ центровъ, на сѣверной окраинѣ, въ сравнительно глухой и заброшенной епархіи Комо, гдѣ въ половинѣ XVI ст. произнесено было болѣе ста смертныхъ приговоровъ по обвиненію въ колдовствѣ.

Послѣ этихъ замѣчаній естественно разскрывается полная неумѣстность всей 4-й главы подъ заглавіемъ «Шабашъ вѣдьмъ». Здѣсь г. Мережковскій пересказываетъ своими словами взятое откуда-то описаніе полета вѣдьмъ на шабашъ. Фабула крайне избитая: мать и дочь вѣдьмы, намазавшись волшебной мазью, вылетаютъ черезъ трубу и несутся на сѣверъ на шабашъ, гдѣ происходитъ служеніе дьяволу въ видѣ кощунственной пародіи на литургію. Все это давно уже всѣмъ извѣстно и слишкомъ пошло для того, чтобы его повторять и разсказывать. Г. Мережковскому принадлежатъ здѣсь кое-какія подробности чувственнаго характера, работа нетрудная при такой по существу скверной темѣ.

Довольно, однако, чертовщины, даже слишкомъ довольно для эпохи Возрожденія, для времени Рафаэля, Микель Анджело и Леонардо да Винчи. Обратимся къ «богамъ». Самая претенціозная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая фальшивая глава въ этомъ направленіи—вторая, подъ названіемъ: «Ecce deus—Ecce homo». Г. Мережковскій здѣсь сопоставляетъ Винчи живописца, автора Тайной Вечери, съ Винчи скульпторомъ, авторомъ конной статуи Франческа Сфорцы. Точка зрѣнія выбрана недурно. Матеріалъ богатѣйшій и въ высшей степени благодарный. Если бы у г. Мережковскаго была сотая доля научной и артистической осторожности Леонардо да Винчи, его любви къ истинѣ, его вдумчиваго отношенія ко всѣмъ явленіямъ жизни, или, по крайней мѣрѣ, его рѣдкаго трудолюбія, то г. Мережковскій изучилъ бы показанія современниковъ о работѣ Винчи надъ Тайной Вечерей и надъ Конемъ, показанія Банделло, Саба да Кастиліоне, Вазари, Ломаццо; онъ позаботился бы о томъ, чтобы по возможности раскрыть и прослѣдить ростъ творческаго генія Леонардо да Винчи, ходъ его внутренней работы въ обдумываніи сюжетовъ и подготовкѣ этюдовъ, прорывы сомнѣнія и самокритики и побѣды обобщающей творческой мысли. Какая прекрасная и благодарная задача для художника слова? Но г. Мережковскій все это отбросилъ и всѣмъ пренебрегъ. Нѣсколько мимолетныхъ строкъ о Тайной Вечери, нѣсколько неудачныхъ замѣчаній по адресу конной статуи Франческа Сфорцы—вотъ все, что бросаетъ г. Мережковскій читателю, и затѣмъ главу наполняютъ сценки изготовленія Леонардомъ да Винчи летательной машины, неправдоподобныя сценки съ котомъ и ласточкой, сценка съ плутишкой мальчикомъ ученикомъ Винчи и др., спитыя на живую нитку, безъ внутренней связи. Странное впечатлѣніе производитъ уже самое заглавіе «Ecce deus—ecce homo». По объясненію г. Мережковскаго, евангельское изреченіе «Се—человѣкъ! идетъ ко Христу въ Тайной Вечери Леонардо да Винчи; съ этимъ можно согласиться. Но весьма трудно согласиться съ авторомъ,

что на памятникѣ Франческа Сфорцы, на мягкой глинѣ рукой самого Леонарда да Винчи сдѣлано было двустишіе:

Expectant animi molemque futuram
Suspiciunt; fluat aes; vox erit: Ecce deus!

Какъ извѣстно, модель статуи погибла еще при жизни Леонарда да Винчи, въ первые годы XVI ст. Не сохранилось даже ея изображенія; не сохранилось ни одного описанія. Въ рукописяхъ Винчи разбросаны лишь этюды—кони скачущіе, кони спокойно выступающіе, лошадиныя головы, всадники въ разныхъ позахъ. Выдающіеся ученые, писавшіе о Винчи, Куражо, въ послѣднее время глубокіе знатоки Мюнцъ и Мюллеръ-Вальде не могутъ разобраться въ этихъ рисункахъ, не могутъ въ точности опредѣлить, какіе рисунки считать этюдами памятника Франческа Сфорцы, какіе этюдами болѣе поздняго проекта памятника Тривульція, какіе, наконецъ, слѣдуетъ считать подготовительными работами для картины Битвы при Ангіарѣ, гдѣ также фигурировало много лошадей. О собственноручной надписи Леонардо да Винчи на памятникѣ нѣтъ помину ни въ лучшихъ общихъ изслѣдованіяхъ о Леонардо да Винчи, ни въ спеціальныхъ монографіяхъ о статуѣ Франческа Сфорцы.

Я иду далѣе, и прямо утверждаю, что Леонардо да Винчи не только не сдѣлалъ льстивой надписи «Се богъ!»; но и не могъ сдѣлать, потому, что такая надпись противна была его возвышенному и благородному характеру, его большой осторожности и огромной самокритикѣ. Леонарду да Винчи было чуждо раболѣпство, равно какъ чуждо было узкое самодовольство; чѣмъ болѣе онъ работалъ, тѣмъ строже относился къ себѣ.

Приведенное г. Мережковскимъ латинское двустишіе существуетъ; но только оно написано не Леонардомъ да Винчи, а другимъ лицомъ, малоизвѣстнымъ италіанскимъ стихотворцемъ стараго времени Ланчино Курціо. Арсенъ Гуссе приводитъ это стихотвореніе въ своемъ изслѣдованіи о Винчи; но не даетъ никакого къ нему объясненія; мы не знаемъ, когда оно написано и дѣйствительно ли Ланчино Курціо имѣлъ въ виду конную сватую Франческа Сфорцы, или какое либо другое произведеніе.

О статуѣ Франческа Сфорцы сохранилось нѣсколько латинскихъ похвальныхъ стихотвореній—Курціо, Лаццарони и два другихъ неизвѣстныхъ авторовъ—оба 1493. Одно изъ нихъ, Quisquis colosson principis vides, повидимому, предназначалось для надписи на самомъ памятникѣ, но было ли оно написано — это неизвѣстно, и во всякомъ случаѣ Леонардо да Винчи не былъ авторомъ этого стихотворенія, такъ какъ здѣсь о немъ говорится въ третьемъ лицѣ.

Судя по роману, г. Мережковскій склоненъ думать, что Леонардо да Винчи увлекался личностью Франческа Сфорцы. Мюллеръ-Вальде недавно неопревержимо доказалъ, что Винчи приступилъ къ работѣ по заказу Людовика Сфорцы, а не по собственному выбору. Личность Франческа Сфорцы, умнаго, но суроваго и грубаго кондотьера, не интересовала Леонардо да Винчи. Достаточно перелистать его рисунки, хотя бы въ одномъ хрестоматическомъ и сравнительно болѣе доступномъ изданіи Рихтера, чтобы убѣдиться, что Леонардо да Винчи въ дѣйствительности интересовался конемъ, а не Франческо Сфорцо. Онъ тщательно изучалъ анатомію лошади, изучалъ лучшіе памятники античной скульптуры съ изображеніемъ коня; но всадникомъ мало занимался. Онъ работалъ, какъ художникъ, внѣ какихъ либо личныхъ или политическихъ симпатій или антипатій. Никакой политики для него не было. Онъ жилъ въ мірѣ науки и искусства, выше всего ставилъ опытное изученіе видимой природы и правдивое ее воспроизведеніе въ рисункѣ.

У г. Мережковскаго нѣтъ прямого стремленія принизить Леонардо да Винчи, свести его на генія «хищнаго» или «архивнаго», по удивительной квалификаціи г. Волынскаго. Напротивъ, г. Мережковскій, очевидно, стремится представить его человѣкомъ мудрымъ и добрымъ. Ошибки и промахи происходятъ отъ недостаточной продуманности общаго плана и отъ нагроможденія неумѣстныхъ измышленій.

Что выйдетъ изъ романа, на какія стороны въ жизни и характерѣ Леонардо да Винчи будетъ обращено вниманіе, какое получится освѣщеніе—теперь по началу романа, хотя уже довольно крупному (150 стр.), трудно судить. Выскажемъ нѣсколько общихъ критическихъ замѣчаній, по готовымъ уже даннымъ.

Литературные пріемы автора очень искусственны и не обѣщаютъ ничего хорошаго. Совсѣмъ не видно серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ описываемымъ историческимъ лицамъ и событіямъ. Ни малѣйшихъ слѣдовъ общаго плана и продуманности цѣлаго, Все загадочно, неопредѣленно, придумано, мѣстами пришито бѣлыми нитками. Съ какой статьи Леонардо да Винчи идетъ рядомъ съ Юліаномъ Отступникомъ? Съ какой статьи пристегнуты къ этимъ именамъ Петръ Великій и царевичъ Алексѣй? Но, оставляя въ сторонѣ трилогію и останавливаясь на самостоятельной ея части «Воскресшіе боги», нельзя сказать, чѣмъ руководствуется авторъ въ выборѣ сюжета, распредѣленіи и освѣщеніи главъ. Авторъ стремится импонировать латинскими и итальянскими цитатами, стихами и заимствованными словами, но все это еще не доказываетъ начитанности и не заключаетъ въ себѣ ничего выясненнаго и продуманнаго. Авторъ постоянно уходитъ въ антитезы, что вызываетъ большія преувеличенія.

Обратимся къ отдѣльнымъ эпизодамъ.

Г. Мережковскій сразу выдвигаетъ Леонардо да Винчи въ расцвѣтѣ его силъ и таланта, во время пребыванія въ Миланѣ и работы надъ Тайной Вечерей и статуей Сфорцы. Авторъ, повидимому, оставилъ въ сторонѣ дѣтство и юность Винчи. Такимъ образомъ устранено многое характерное, интересное, любопытное, важное и даже необходимое для пониманія жизни и творчества Леонардо да Винчи. Трудно себѣ и представить, какъ справится г. Мережковскій съ дѣломъ выясненія личнаго характера Винчи, не вникнувъ и не выяснивъ значеніе вліянія на Винчи его учителя Верроккіо. Вообще, первыя вступительныя главы не обѣщаютъ стройной, вѣрной и полной исторической картины.

Объ ученикахъ Винчи мало извѣстно. Сравнительно ярче обрисовывается лишь одна благородная личность Франческа Мельци; но это имя пока еще не встрѣчается въ романѣ. Здѣсь очерчены Джіованни Бельтрафіо и Чезаре де Сесто, чертами, повидимому, весьма произвольными и невѣрными. Бельтрафіо—любящая, нѣжная, мечтательная натура. Чезаре да Сесто — злое, завистливое и коварное существо. На бѣднаго Чезаре наложены слишкомъ черныя краски. Исторія искусства знаетъ Чезаре лишь какъ высокоталантливаго художника, Мадонны котораго цѣнятся наравнѣ съ Мадоннами Винчи и Рафаэля. О личности его такъ мало извѣстно, что (какъ видно изъ спеціальной монографіи Реймонда) нельзя даже установить съ точностью годовъ его рожденія и кончины.

Въ одномъ мѣстѣ романа Людовикъ Моро, увидѣвъ изъ окна своего дворца поля и нивы, орошаемыя сѣтью каналовъ, говоритъ: «Я съ Леонардомъ провелъ эти каналы, оросилъ эту землю, и нынѣ каждый колосъ, каждая былинка благодаритъ меня, какъ я благодарю Тебя, Господи!» Все это весьма сомнительно въ историческомъ смыслѣ. Когда Людовикъ Моро былъ устраненъ съ престола, Винчи записалъ, что ни одно изъ его начинаній не было исполнено.

Пристрастіе къ антитезамъ доводитъ г. Мережковскаго до крайне неудачныхъ измышленій.

Такъ, желая обрисовать разносторонность Винчи, г. Мережковскій говоритъ, что онъ набросалъ проектъ мавзолея для олимпійскихъ боговъ или татановъ. Тутъ есть доля правды. Въ рисункахъ Винчи дѣйствительнаго есть набросокъ мавзолея — не для боговъ и не для титановъ, а такъ просто на высокой горѣ. Но затѣмъ г. Мережковскій говоритъ уже нѣчто совсѣмъ несуразное, будто Леонардо да Винчи составилъ «планъ дома терпимости». Вотъ такъ историческій романъ, да еще на два толстыхъ журнала! Авторъ даже умилился отъ своей выдумки и добавилъ: «Отдѣльныя комнаты, двери и комнаты были расположены такъ,

что посѣтители могли разсчитывать на тайну, не опасаясь встрѣчи другъ съ другомъ». Risum teneatis, amici! Все это болѣе печально, чѣмъ смѣшно.

Леонарду да Винчи, по точнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, въ это время было около 50 лѣтъ. Онъ всю жизнь оставался холостымъ; никто изъ многочисленныхъ современниковъ, а нѣкоторые были очень наблюдательны и словоохотливы, не подмѣтилъ въ немъ любовныхъ увлеченій. Въ то время, какъ сердце Рафаэля легко таяло передъ женской красотой, когда мрачный и суровый Микель Анджело уже въ пожилые годы испыталъ чувство любви, одинъ Леонардо да Винчи, лично обладавшій, по общему голосу современниковъ, поразительной красотой, не проявилъ увлеченій и, созидая прекрасныхъ Мадоннъ, былъ равнодушенъ къ окружавшей его женской красотѣ, хотя Миланъ его времени славился своими красавицами, среди которыхъ звѣздами первой величины были Лукреція Кривелли и Цецилія Галлерани. Это былъ художникъ спокойный, уравновѣшенный и даже холодный,—что не помѣшало ему создать величайшее произведеніе христіанской живописи—Тайную Вечерю и участвовать въ построеніи миланскаго собора. Возможно ли такому художнику приписать проектъ дома терпимости? Г. Мережковскій, нужно думать, полагаетъ, что историческому романисту можно болтать все, что ни сбредетъ на мысль, и валить въ одну кучу всевозможные строительные матеріалы.

«Я писалъ не для дамъ»—такъ писалъ въ 1815 г. откровенный и прямодушный А. Е. Измайловъ. Г-нъ Мережковскій съ гораздо большей основательностью могъ бы повторить это заявленіе, при нѣкоторой искренности. Новый романъ г. Мережковскаго написанъ, очевидно, для однихъ мужчинъ, холостыхъ и веселыхъ. Въ немъ много пикантныхъ анекдотовъ. Такъ въ 3 главѣ, на стр. 66, выведена карлица Моргантина: Если крикнуть: «ну-ка, рѣчку въ бродъ!» Моргантина, не стыдясь, поднимаетъ платье такъ высоко, какъ только можетъ». Этотъ мизерный анекдотецъ изготовленъ для любителей маленькихъ женщинъ. Но предусмотрительный авторъ приготовилъ соотвѣтствующій анекдотъ для любителей «дебелыхъ». Въ 4 главѣ, на 26 стр., на рынкѣ мальчишка выпускаетъ мышь: «Убѣгая отъ погони, мѣшь бросилась подъ широчайшія юбки мирно вязавшей чулокъ толстогрудой, дебелой (торговки) зеленщицы Барбачіи. Она вскочила, завизжала, какъ ошпаренная, и при всеобщемъ хохотѣ подняла платье, стараясь вытряхнуть мышь». Анекдотище, очевидно, базарный, и, должно быть, будетъ по достоинству оцѣненъ извощиками и лавочными сидѣльцами. Странно только, что такой анекдотъ преподносится въ большомъ литературномъ журналѣ. Вообще, въ романѣ г. Мережковскаго часто встрѣчаются скабрезности, рѣшительно

ненужныя и неумѣстныя. Такъ, можно было обойтись безъ описанія супружескихъ ласкъ герцога Людовика Моро и особенно безъ замѣчанія, что, обнимая свою юную 19-лѣтнюю супругу, герцогъ воображалъ, что обнимаетъ другую. Эта маленькая пошлость гораздо лучше разработапа въ одномъ хорошо извѣстномъ разсказѣ Гюи де Мопасана.

Немного выиграла русская литература отъ того, что хорошенькая, плутоватая, но оченъ набожная Филиберта все позволяетъ своему любовнику, кромѣ поцѣлуя въ губы, такъ какъ тѣ уста, которыя произносили клятву передъ алтаремъ, должны остаться невинными.

Г. Мережковскій не всегда даетъ себѣ отчетъ въ значеніи употребляемыхъ имъ словъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ молодая вѣдьма, приглашая парня на шабашъ, говоритъ ему: «тамъ хорошо, тамъ не скучно! И ничего нестыдно, какъ во снѣ, какъ въ раю, тамъ все позволено!» Будто въ раю ужъ все можно и все позволено? Авторъ, очевидно, забылъ, что изъ рая прогоняютъ.

Хотя г. Мережковскій и поэтъ, но въ романѣ «Воскресшіе боги» нѣтъ ни уваженія къ слову, ни чутья къ правдѣ. Авторъ неоднократно въ уста италіанцевъ XVI ст. вкладываетъ чисто русскіе обороты рѣчи и поговорки, что даетъ смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Далѣе, г. Мережковскій завалилъ романъ варваризмами. На каждомъ шагу, нужно и ненужно, встрѣчаются итальянскія слова. Масса техническихъ и спеціальныхъ названій Вездѣ обнаруживается придуманность, вычурность, тяжелая фабрикація. Романъ начинается съ описанія товарнаго склада цеха красильщиковъ, и все послѣдующее изложеніе тоже получило характеръ какого-то страннаго, если не товарнаго, то во всякомъ случаѣ словарнаго склада. Авторъ, очевидно, подыскиваетъ такіе сюжеты, которые даютъ наибольшій матеріалъ для нагроможденія словеснаго хлама. Онъ съ любовью останавливается въ лабораторіи алхимика, подробно описываетъ гардеробную герцогини, костюмъ герцога, дворцовый садъ съ аллеями буксовъ, лабиринтами и лоджіями, входитъ въ детали кулинарнаго искусства и т. д. до безконечности. Авторъ, повидимому, предполагаетъ, что такимъ образомъ онъ воспроизводитъ характеръ эпохи, а въ дѣйствительности такой удручающій словарный балластъ лишь наводитъ на читателя скуку и заставляетъ пожалѣть объ искаженіи и порчѣ литературнаго языка.

Положительно необходимо установить извѣстную условную границу, далѣе которой въ историческомъ романѣ не должны заходить авторскія сочинительства и произволъ. При отсутствіи такого требованія подъ видомъ историческаго романа разростется самая необузданная ложь и даже клевета. Положимъ, что клевета эта можетъ быть безсознательная, но

исторической правдѣ отъ того не легче. Умершіе имѣютъ свои неотъемлемыя права, «jus manium». Они требуютъ защиты и оправданія. Что же сказать о такомъ умершемъ, какъ Леонардо да Винчи, о человѣкѣ, геній котораго ярко свѣтитъ изъ загробнаго міра и освѣщаетъ извилистые пути культуры и цивилизаціи въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій? Въ своей записной книжечкѣ Леонардо да Винчи записалъ «Vita bene spesa lunga e» (хорошо прожитая жизнь продолжительна)—прекрасное, глубокое изреченіе. Романъ г. Мережковскаго, въ изданной части, заключаетъ въ себѣ много такого, что плохо вяжется съ «хорошо прожитой» жизнью Леонардо да Винчи.

Указатель именъ и предметовъ.

КОНЕЦЪ.

Представленіе Слободскихъ полковъ.

5.

О Кирасирскихъ Конныхъ заводахъ.

Въ 751-мъ году введены на время Кирасирскіе Конскіе заводы, но и до днесь къ немалому ихъ отягощенію содержатся на ихъ коштѣ и строеніе конюшенъ изъ ихъ лѣсовъ и мастеровые и работные люди и для возки лѣсу и сѣна подвода и косцы употребляются изъ ихъ же родственниковъ и подпомощниковъ, что становится въ годъ весьма немалою суммою, безъ всякаго въ службѣ ихъ зачета.

Мнѣніе Генерала Фельдмаршала

на 5.

Оные заводы по указу Правительствующаго Сената въ 751-мъ году введены изъ Малороссіи въ тѣ слободскіе полки на время съ тѣмъ, пока признанныя въ Бѣлогородской губерніи и въ Бахмутской провинціи къ содержанію ихъ способныя мѣста осмотрѣны будутъ и строеніе заготовится и къ препровожденію тѣхъ лошадей вмѣсто находящихся изъ Малороссіанъ коноваловъ и конюховъ опредѣлить велѣно изъ армейскихъ и ландмилицкихъ полковъ и сѣно косить будущимъ при тѣхъ лошадяхъ конюхамъ, учиня имъ вспоможеніе людьми изъ ландмилицкихъ полковъ; точію онаго донынѣ по тому указу не исполнено и какъ изъ представленія да и по вѣдомостямъ значитъ все содержаніе изъ ихъ собственнаго кошта и выходитъ немалая сумма, какъ то и съ 751 по 758 годъ 49179 руб. издержано безъ всякаго въ службѣ ихъ зачета, а напротивъ того и со оныхъ заводовъ годныхъ въ кирасирскую службу лошадей весьма мало бываетъ, чего ради за полезное разсуждается, когда по прежнему сенатскому опредѣленію оные заводы въ назначенныя мѣста введены быть не могутъ, то всѣхъ оныхъ заводскихъ лошадей на основаніи состоявшагося въ 753 году декабря 9 изъ Правительствующаго Сената о заводахъ конной гвардіи указа раздать въ партикулярное содержаніе тѣхъ слободскихъ полковъ старшинамъ или великороссійскимъ, кто пожелаетъ, партіями, съ платежемъ отъ всякой партіи по одной только годной кирасирской лошади, однако по

оцѣнкѣ тамошней, ибо добро(мъ) оныя противъ конной гвардіи быть не могутъ, и все то поручить въ смотрѣніе Провіантской Канцеляріи

По справкѣ въ Коллегіи

на 5 пунктъ.

Въ 1758 г. мая 5 Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ при доношеніи въ Коллегію со мнѣніемъ своимъ о избавленіи слободскихъ полковъ отъ излишнихъ въ силѣ жалованныхъ въ тѣ полки грамотъ наложеній представилъ Экстрактъ, въ которомъ между прочимъ въ 6 пунктѣ написано: въ 751 году введено въ Слободскіе полки изъ Малороссіи изъ Кирасирскихъ Конныхъ заводовъ во всякій полкъ до нѣсколько сотъ лошадей, подъ которыхъ казачьи свойственники и подпомощники принуждены строить конюшенные дворы, привозя лѣсъ и другіе къ тому потребные матеріалы изъ собственныхъ своихъ угодьевъ и весьма изъ отдаленныхъ мѣстъ и построя тѣ конюшенные дворы довольствовать лошадей сѣномъ, овсомъ, соломою и отправлять ежегодно конюховъ изъ собственнаго своего иждивенія, безъ всякаго къ службѣ и въ податяхъ зачету, а по мнѣнію де его Генерала Фельдмаршала, буде оные заводы въ другія способныя мѣста оттуда вывесть заблагоразсуждено не будетъ, то, дабы имъ излишняго отягощенія быть не могло, употребляемыя ими сверхъ опредѣленнаго въ консистенцію фуража работы и содержаніе конюховъ и построеніе конюшенъ и прочее зачитаемо было въ число консистенціи жъ по пропорціи, полагая цѣною, которую изъ подлежащаго на другіе полки числа за фуражъ съ нихъ уже не взыскивать.

Въ 750 г. іюня 5 по именному Ея Императорскаго Величества высочайшему указу, объявленному въ указѣ жъ изъ Сената того жъ іюня 11, повелѣно всѣ надлежащія на урядъ Гетманскій маетности отдать Гетману, которыя приписаны были къ Конскимъ заводамъ Конной гвардіи и Кирасирскихъ полковъ и для того Сенату тѣ Конскіе заводы, отыскавъ на то удобныя мѣста, въ тогдашнее лѣто вывесть, чего ради въ Сенатѣ опредѣлено о тѣхъ заводахъ, сколько во оныхъ лошадей на лицо имѣется, для вывода оныхъ въ другія мѣста подать вѣдомость почему та вѣдомость въ силѣ посланнаго изъ Коллегіи указа изъ Провіантской Канцеляріи въ Коллегію а отъ оной въ Сенатъ и подана.

Іюля 18 по указу изъ Правительствующаго Сената велѣно описныя у бывшаго Графа Миниха Головкина въ Хотмыжскомъ уѣздѣ села Спасское и Антоновку чрезъ нарочнаго осмотрѣть и описать, возможно ли оные Кирасирскихъ Полковъ заводы въ тѣхъ мѣстахъ содержать, и представить Сенату.

Почему оныя села Санктъ-Петербургскаго Драгунскаго полка Полковникомъ Мордвиновымъ обще съ бывшимъ на Конскихъ заводахъ Маіоромъ Синбухинымъ осмотрѣны и описаны и по тому ихъ осмотру не токмо къ содержанію всѣхъ трехъ, но и одного Конскаго завода за малоимѣніемъ въ нихъ сѣнныхъ покосовъ и пахотной земли, а паче лѣсу и прочаго, явились неспособны, о чемъ и въ Правительствующій Сенатъ съ приложеніемъ тѣхъ ихъ описей отъ Коллегіи представлено и притомъ требовано, чтобъ объ отводѣ на содержаніе оныхъ заводовъ другихъ къ тому удобныхъ и способныхъ мѣстъ единственное опредѣленіе учинено было.

Августа 24 по указу изъ Правительствующаго Сената между прочимъ велѣно: состоящіе въ Малороссіи Конной Гвардіи и Кирасирскихъ полковъ Конскіе заводы, доколѣ для вывода ихъ удобныя села и деревни сысканы и подлежащее строеніе исправлено будетъ, оныя маетности отдавъ въ вѣдомство опредѣленнымъ отъ Гетмана управителямъ, содержать оные конскіе заводы въ тѣхъ маетностяхъ по прежнему.

Октября 18, по опредѣленію Военной Коллегіи, а по доношенію Провіантской Канцеляріи, которымъ съ представленія Маіора Синбухина объявляла, что Малороссійскій Гетманъ приписнымъ къ Конскимъ заводамъ маетностямъ отдачи требуетъ, а сверхъ де оныхъ гетманскихъ маетностей имѣется приписныя отъ Лейбъ-Кирасирскаго полка къ Конному заводу описныя на Ея Императорское Величество маетности жъ по силѣ бывшаго Генерала Маіора Кантакузина, кои прежде во владѣніи Гетманскомъ не были, и что съ тѣми маетностями повелѣно будетъ чинить требовала указа,—велѣно: тѣхъ кантакузинскихъ маетностей и имѣщихся въ нихъ казенныхъ хлѣбныхъ припасовъ, скота и прочаго въ вѣдомство Гетманское отнюдь не отдавать, а содержать оныя какъ и предъ симъ Маіору Синбухину въ своей экономіи по прежнему, о чемъ къ нему Маіору и въ проіантскую канцелярію указы посланы.

А по присланной отъ Маіора Симбухина въ силѣ посланнаго изъ провіанской канцеляріи указа вѣдомости показано въ тѣхъ маетностяхъ обывателькихъ дворовъ 262, лошадей тамо прежде содержалось до 572, а (в)предь содержать можно по зимнему времени 582, а въ лѣтнее пастьбою до 800.

Въ томъ же 750 декабря 21 въ присланномъ изъ Правительствующаго Сената указѣ объявлено, что о показанныхъ кантакузинскихъ

маетностяхъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ велѣно: справясь съ Малороссійскими дѣлами, учинить разсмотрѣніе и кому они принадлежатъ представить въ Сенатъ.

А того жъ декабря 22 по указу изъ Правительствующаго Сената на вышеобъявленное поданное изъ Военной Коллегіи доношеніе велѣно оной Коллегіи для осмотра и описи признанныхъ къ содержанію Конскихъ заводовъ въ Бѣлгородской губерніи Валуйскаго воеводскаго правленія и приписныхъ пригородковъ Полатова и Тополей въ уѣздахъ довольныхъ и удобныхъ степныхъ мѣстъ тако жъ казенныхъ слободъ, а именно Деркула и Евсюга Кременной и прочихъ, въ томъ числѣ и новопоселенной слободки, коя состояла при свинцовыхъ заводахъ, послать отъ себя нарочныхъ добрыхъ и надежныхъ людей и что по тому осмотру и описи явится и годны ль тѣ мѣста на содержаніе тѣхъ заводовъ быть могутъ представить Правительствующему Сенату.

Почему тѣмъ мѣстамъ нарочно послаными Полковникомъ Дуровымъ, Подполковникомъ Юнгеромъ и реченнымъ Маіоромъ Синбухинымъ осмотръ и учиненъ и всему тому Экстрактъ при рапортѣ отосланъ отъ нихъ въ Провіантскую Канцелярію и при томъ представляли, что имъ самимъ при томъ свидѣтельствѣ и описи какъ оное происходило въ мартѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ частію снѣгъ былъ, а въ другихъ по обыкновенности степной въ осеннее время трава пожаромъ выгорѣла къ достаточному Конскихъ заводовъ содержанію сѣнокосныхъ мѣстъ обстоятельно признать и число къ довольствію фуражемъ назначить не можно, да къ тому жъ ежели во оныя мѣста Конскіе заводы ввесть повелѣно будетъ, то къ тому въ прибавокъ надлежитъ опредѣлить Бахмутской же провинціи лежащіе поселеніемъ въ срединѣ предписанныхъ слободъ на...... бывшихъ боловинскихъ юртахъ по рѣкѣ Айдару и Донцу Новые и Старые Айдары, въ которомъ жительство имѣютъ однодворцы да слободу Трихибенскую и прочія.

И по опредѣленію Военной Коллегіи въ 751-мъ мая 22 велѣно по означенному репорту и Экстрактамъ разсмотрѣть провіантской канцеляріи и со мнѣніемъ представить въ Коллегію, а между тѣмъ Генералу Маіору, что нынѣ Генералъ Лейтенантъ и Военной Коллегіи членъ, Флорову-Багрееву съ Подполковникомъ Юнгеромъ и маіоромъ Синбухинымъ, взявъ инженернаго офицера и кондукторовъ, ѣхать въ помянутыя и осмотрѣнныя для заводовъ и что въ прибавокъ представляется мѣста и освидѣтельствовать самому ему Генералу-Лейтенанту со всякимъ обстоятельствомъ и учиня всему тому планъ и смѣту прислать въ Военную Коллегію, о чемъ и въ Правительствующій Сенатъ репортъ поданъ.

На что по указу изъ Правительствующаго Сената въ томъ же 751 іюня 18 велѣно о скорѣйшемъ въ Бѣлогородской губерніи и въ

Бахмутской провинціи къ содержанію Конскихъ заводовъ Кирасирскихъ полковъ способныхъ мѣстъ осмотрѣ къ кому надлежитъ подтвердить изъ Военной Коллегіи строгимъ указомъ, дабы тотъ осмотръ въ крайней скорости былъ оконченъ и что по тому осмотру явится, о томъ не продолжая ни малаго времени представить въ Сенатъ, а между тѣмъ покамѣстъ тотъ осмотръ оконченъ и отъ той Коллегіи Сенату представленіе будетъ учинено и по оному опредѣленіе воспослѣдуетъ и въ надлежащихъ мѣстахъ для тѣхъ Конскихъ заводовъ потребное строеніе приготовлено будетъ, во убѣжаніе казеннаго немалаго убытка, въ самой крайней скорости всѣ оные конскіе Кирасирскихъ полковъ заводы изъ Гетманскихъ Малороссійскихъ маетностей, кромѣ тѣхъ лошадей, кои отъ тѣхъ же заводовъ содержатся въ описныхъ каптакузинскихъ маетностяхъ, по близости и способности вывесть въ находящіеся близъ Малороссіи Слободскіе полки и для содержанія оныхъ лошадей изобравъ тамо пристойныя и способныя мѣста, сдѣлать конюшни, обнеся оныя, за неимѣніемъ по тамошнымъ степнымъ мѣстамъ лѣсу, плетнемъ; ибо, какъ Правительствующему Сенату извѣстно, въ тѣхъ Слободскихъ полкахъ къ пасбѣ лошадей удобныя мѣста и для сѣнокосу степи довольныя есть и на упоминаемыхъ лошадей сѣно для зимняго времяни можно приготовить безъ покупки, которое и велѣть косить будущимъ при тѣхъ лошадяхъ конюхамъ, учиня имъ въ томъ вспоможеніе людьми изъ находящихся близь тамошнихъ мѣстъ Ландмилицкихъ полковъ. А на покупку овса такожъ, ежели паче чаянія и приготовленнаго конюхами и солдатами сѣна иногда доставать не будетъ и на протчее тѣхъ лошадей содержаніе, деньги употреблять изъ остаточныхъ отъ воинской суммы, а будущимъ при тѣхъ заводахъ Командирамъ и служителямъ провіантъ производить изъ находящихся въ тѣхъ мѣстахъ казенныхъ магазейновъ; окладное же денежное жалованье тѣмъ, кои взяты и употреблены будутъ изъ полковъ, тѣмъ изъ тѣхъ мѣстъ, отъ куда кто взятъ будетъ, а протчимъ, кои уже изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они до опредѣленія къ тѣмъ заводамъ находились, выключены, тѣмъ изъ вышеписанной же остаточной воинской суммы; а оставшихъ въ Кантакузинскихъ маетностяхъ лошадей и при нихъ конюховъ и другихъ служителей до будущаго указу провіантомъ и фуражемъ довольствовать сборнымъ тѣхъ мѣстностей съ обывателей такъ какъ до нынѣ въ томъ было поступано и люди провіантомъ и жалованьемъ, а лошади фуражемъ довольствованы, понеже тѣ Кантакузинскіе маетности на предъ сего были Мировичевы и приговоромъ Правительствующаго Сената 746 года іюня 10 дня по челобитью обозпаго войсковаго Генеральнаго Якова Лизогуба назначены въ отдачю за вѣрныя и безпорочныя службы оному Лизогубу, о чемъ и

докладъ Ея Императорскому Величеству отъ Сената поднесенъ токмо оной изъ Кабинета возвращенъ въ Сенатъ и объ отдачѣ тѣхъ Кантакузинскихъ маетностей Малороссійскому Гетману за вышеписанными обстоятельствы безъ разсмотрѣнія объ нихъ вновь по представленію Военной Коллегіи тогда Сенату опредѣленія учинить не возможно, ибо по имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему указу повелѣно вышеупоминаемому Гетману отдать всѣ тѣ маетности, которыя на урядъ Гетманской надлежатъ, а оные Кантакузинскія маетности и прежде за Гетманами не были, а были Мировичевскія; коликое жъ число лошадей въ слободскіе полки выведено и затѣмъ въ Кантакузинскихъ маетностяхъ оставлено, будетъ въ Сенатъ рапортовать.

И о непремѣнномъ по оному указу исполненіи въ провіантскую Канцелярію и куда надлежало указы изъ Коллегіи посланы и притомъ велѣно коноваловъ и конюховъ вмѣсто малороссіянъ опредѣлить пристойное число Слободскихъ полковъ изъ казаковъ, а къ кошенію сѣна до 500 человѣкъ съ пристойнымъ числомъ Оберъ и унтеръ-офицеровъ командировать изъ полковъ команды Генерала Маіора (что нынѣ Генералъ-Лейтенантъ) Фролова-Багрѣева.

Августа 7 дня, по опредѣленію Военной Коллегіи присланное отъ реченнаго Генерала Лейтенанта представленіе Экстракты и планъ о осмотрѣнныхъ имъ подъ Кирасирскіе Конскіе заводы въ Бѣлгородской губерніи и въ Бахмутской провинціи мѣстахъ отосланы въ Провіантскую Канцелярію при указѣ и велѣно той канцеляріи, разсмотря со всякимъ обстоятельствомъ и со мнѣніемъ своимъ представить Коллегіи, о чемъ и въ Правительствующій Сенатъ отрапортовано.

На что по указу изъ Правительствующаго Сената октября 31 дня велѣно по означеннымъ отосланнымъ въ Провіантскую Канцелярію на разсмотрѣніе о признанныхъ за способные въ Бѣлогородской губерніи и въ Бахмутской провинціи мѣстахъ Генерала Лейтенанта Фролова-Багрѣева осмотру и плану, взыскавъ на той канцеляріи, дабы немедленное разсмотрѣніе и Сенату опредѣленіе было учинено, ибо необходимо потребно тогдашнимъ зимнимъ путемъ заблаговременно къ заводскому и другому строенію лѣсъ и протчія матеріалы приготовить и надлежащее распоряженіе учинить; а въ началѣ тогдашней-же весны и въ строеніе вступить, а къ осени и лошадей изъ Слободскихъ полковъ самымъ лѣтнимъ удобнымъ времянемъ въ тѣ мѣста безъ всякаго имъ изнуренія перевесть.

И о непремѣнномъ и скорѣйшемъ по оному указу исполненіи въ Провіантскую Канцелярію подтверждено изъ Коллегіи наикрѣпчайшимъ указомъ.

Ноября 8 дня по указу изъ Правительствующаго Сената велѣно оставшихъ за выводомъ въ Слободскіе полки въ Кантакузинскихъ маетностяхъ заводныхъ Конскихъ Кирасирскихъ полковъ лошадей и при нихъ конюховъ и другихъ служителей въ силѣ прежняго Правительствующаго Сената іюня 11 дня опредѣленія до будущаго указу провіантомъ и фуражемъ довольствовать сборнымъ тѣхъ маетностей съ обывателей такъ какъ до нынѣ въ томъ было поступано и люди провіантомъ а лошади фуражемъ довольствованы, а конюшенное и другое строеніе тѣхъ-же маетностей обывателями было строено и починивано и, дабы во всемъ томъ не отмѣнное исполненіе чинено и отъ Малороссійскаго Гетмана воспрещаемо не было, о томъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ съ нимъ Гетманомъ учинить сношеніе, дабы тѣ заводныя лошади, какъ оная Коллегія въ доношеніи своемъ представляла, отъ не дачи фуража и отъ вѣтхости Конюшеннаго строенія, а люди безъ провіанта и жалованья не могли претерпѣть крайней нужды.

А того жъ ноября 11 дня Коллегія Иностранныхъ дѣлъ промеморіею объявляла: Октября де отъ 11 числа промеморія изъ Военной Коллегіи по представленію Маіора Синбухина, что Малороссійской Гетманъ на содержаніе Кирасирскихъ лошадей въ Кантакузинскихъ маетностяхъ, называя ихъ принадлежащими ему на Гетманской урядъ, не позволяетъ, въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ получена и какова къ нему, Гетману, изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ на представленіе его Гетманское и по той изъ военной Коллегіи полученной промеморіи объ оныхъ Кантакузинскихъ маетностяхъ грамота послана со оной для вѣдома Военной Коллегіи приложена при томъ копія;

въ которой показано:

Доношеніе его Гетманское отъ 24 іюля 751 г. о Кантакузинскихъ маетностяхъ бывшихъ на предь сего Мировичевскихъ здѣсь получено, въ которомъ писалъ онъ, что по справкѣ доподлинно явилось оныя маетности изъ древлѣ во владѣніи бывали обще съ надлежащею на урядъ Гетманской Чеховскою волостію за прежде бывшими Гетманами и отъ Мазепы хотя и отлучены были во владѣніе Полковнику Переясловскому Мировичу, но по немъ Мировичѣ паки яко Гетманскіе съ Чеховскою волостію совокупно были во владѣнія Гетмана Скоропатскаго, а отъ него отданы Якову Лизогубу; отъ Лизогуба-же по указу отобраны и отданы Генералъ-Маіору Графу Кантакузину, а по смерти его отписаны и обще съ Чеховскою и Быковскою Гетманскими волостями отданы къ содержанію Кирасирскихъ полковъ Конскихъ заводовъ; а понеже де по учиненнымъ здѣсь въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ справкамъ явилось, что

изъ тѣхъ бывшаго Переяславскаго Полковника Ивана Мировича маетностей нѣкоторыя были его Мировича собственныя и купленыя имъ, а протчія хотя и отъ Гетмана измѣнника Мазепы данные имѣются, но изъ какихъ то есть, изъ надлежащихъ-ли на Гетманской урядъ или изъ свободныхъ войсковыхъ Мазепою даны такого точнаго извѣстія здѣсь нѣтъ; однакожъ и тѣ отъ Мазепы данныя маетности Мировичу жалованными грамотами въ вѣчное владѣніе утверждены; а по взятье онаго Мировича въ Швецію въ полонъ, гдѣ умеръ, а жены его съ дѣтьми по притчинѣ измѣны съ Мазепою одного сына ихъ Федора и дочери и по явившемуся за другимъ сыномъ ихъ Василіемъ подозрѣнію по ссылкѣ на вѣчное житье въ Тобольскъ хотя даннымъ 717 году февраля 19 дня отъ Гетмана Скоропатскаго зятю Мировичеву Лизогубу универсаломъ тѣ маетности отданы ему, Лизогубу, однакожъ не яко Гетманскія, но имянно въ томъ универсалѣ написано, что тестя и тещи его Лизогубовой и что отдаетъ онъ Гетманъ ему Лизогубу тѣ маетности по ближайшему его Лизогуба къ нимъ наслѣдству; а въ 718 году марта 17 по имянному блаженныя вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго тѣ Мировичевскіе маетности пожалованы Генералъ Маіору Графу Кантакузину, а по смерти его, въ 722 году апрѣля 24, имяннымъ-же указомъ Его Императорскаго Величества пожалованы женѣ его вдовѣ Марьѣ по ея животъ; по смерти же оной отписаны и отданы съ протчими а именно: съ надлежащими на Гетманской урядъ Гадяцкимъ Замкомъ, Чеховскою и Быковскою волостями для содержанія Конскихъ заводовъ Кирасирскихъ полковъ; сверхъ же того причинимой въ 730 г. въ Малороссіи ревизіи о тѣхъ Ивана Мировича маетностяхъ старожилы засвидѣтельствовали, что изъ нихъ села Пологи и Цыбли надлежатъ на урядъ Полковничества Переяславскаго и владѣли ими прежнія Полковники Войца, Лисенко, Полуботокъ, Головченко и Мировичъ, а по немъ достались Кантакузину. Селомъ Капустинцею еще при Гетманѣ Самойловичѣ владѣлъ Полковникъ Давыдъ Каневскій, полковой Переяславской писарь Андрей, а по немъ паки Полковникъ Переяславской Лисенко и потомъ досталось Кантакузину; села Драбовци, Сенковцы и Ковтуна издавна были войсковыя и владѣли ими Полковники Переявславскіе Войца и Мировичъ, а потомъ достались Кантакузину. Селомъ Ольхами изъ давнихъ времянъ владѣлъ Полковникъ Иванъ Мировичъ и потомъ досталось Кантакузину; а чтобъ тѣ маетности, какъ онъ Гетманъ писалъ, съ Чеховскою волостію обще на Гетманской урядъ надлежали и за прежде бывшими Гетманами въ томъ числѣ и за Скоропацкимъ во владѣніи были, такого здѣсь извѣстія не нашлось; того ради велѣно ему, Гетману, упомянутую показанную въ доношеніи его Гетмана учиненную у него подлинную о томъ

справку, по которой онъ представлялъ, что тѣ маетности издревлѣ съ Чеховскою волостью за прежними Гетманами и за Скоропацкимъ во владѣніи были, для разсмотрѣнія прислать въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ немедленно. А между тѣмъ, пока оная справка отъ него Гетмана прислана и здѣсь разсмотрѣна и надлежащее рѣшеніе учинено будетъ, до тѣхъ поръ находящихся въ часто помянутыхъ Кантакузинскихъ маетностяхъ Кирасирскихъ лошадей, которыхъ тамо до будущаго указу для того оставить велѣно, что оныя маетности и прежде за Гетманами не были, а были Мировичевскія и о томъ уже грамотою ему отъ 31 Іюля 751 года съ приложеніемъ копіи съ присланнаго въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ изъ Сентта указа знать дано по требованію Маіора Синбухина въ тѣхъ маетностяхъ содержать и на довольство ихъ потребнаго фуража, а на обрѣтающихся при нихъ людей провіанта и жалованья отпускать тамошнимъ обывателямъ какъ то до нынѣ было отнюдь не запрещать, дабы отъ того интересу какого убытка не учинилось. Оной же Маіоръ Синбухинъ представляетъ сюда, что имѣющіяся въ тѣхъ Кантакузинскихъ маетностяхъ для упомянутыхъ оставшихъ тамъ лошадей конюшни чрезъ прошлую зиму и тогдашнее лѣто всѣ пришли въ вѣтхость, то и въ починкѣ оныхъ конюшенъ тамошними-жъ обывателями безъ всякаго замедленія и въ употребленіи на ту починку потребнаго лѣсу изъ тѣхъ же маетностей запрещенія и ни какого препятствія потому-жъ отнюдь ему, Гетману, не чинить, чтобъ оныя лошади, которыя особливо прилежнѣйшаго береженія для того заслужовають, что онѣ, будучи почти всѣ при плоду отъ нѣмецкихъ лошадей, передъ протчими къ выводу изъ Гетманскихъ маетностей опредѣленными весьма лутчей доброты въ приходящую тогда зиму крайней отъ холоду нужды не понесли и отъ того-бъ имъ имъ изнуренія, а наипаче опасаемаго убытку приключится не могло.

Въ 752 году января 17 дня въ Военную Коллегію Провіантская Канцелярія доношеніемъ представляла, что вышеписанныя о осмотрѣнныхъ мѣстахъ представленіи во оной канцеляріи разсматриваны и притомъ представлено, что по тамошнимъ степнымъ мѣстамъ Кирасирскихъ конскихъ заводовъ содержать опасно, а когда отъ такой опасности сдѣлать въ способномъ мѣстѣ крѣпостцу, то какъ на исправленіе оной, такъ и на протчее приготовленіе немалая денежная сумма потребна; къ тому жъ, хотя оная и построена будетъ, но по тамошнимъ дикимъ и обширнымъ открытымъ степямъ не уповательно, чтобъ лошадей и при нихъ людей наипаче жъ въ лѣтнее и осеннее времена, когда обыкновенно случаются въ поляхъ уберечь и охранить неможно, но еще и не безъ опасно, чтобъ не причинить поврежденія интересу Ея Императорскаго Величества убытка и протчія не способности показаны; а за лутчее оная Провіантская Кан-

целярія находитъ—не соизволено-ли будетъ въ убежаніе всѣхъ донесенныхъ опасностей и затрудненей и интересу убытка тѣ Кирасирскіе заводы по не великому въ нихъ лошадей состоянію содержать въ Слободскихъ полкахъ, гдѣ и находятся для такой способности, что оныя при тѣхъ полкахъ по прибытіи изъ Малороссійскихъ Гетманскихъ маетностей довольно уже расположены и на довольство лошадей фуражъ въ томъ числѣ сѣно косьбою на всѣ зимніе мѣсяцы приготовлено и конюшни построены безъ всякаго казнѣ убытка, а въ предь на такомъ основаніи и довольствіи безъ денежнаго отъ тамошнихъ Слободскихъ обывателей, какъ оныя прежде въ Малороссіи въ Гетманскихъ маетностяхъ состояли не премѣнно, вмѣсто того что тѣхъ Слободскихъ полковъ обыватели на ихъ довольствіи положеннаго раскосованнаго Слободскаго драгунскаго полка не содержатъ; къ тому жъ и изъ числа опредѣленныхъ по воинскому стату на ихъ довольствіи одного полеваго драгунскаго полка не состоитъ, а обрѣтается одинъ только С.-Петербургской драгунской, а когда впредь будетъ на тѣ заводы лошадямъ прибавка, то во облегченіе ихъ же Слободскихъ обывателей не повелѣноли будетъ и тотъ оставшей тамо полкъ вывесть въ другое мѣсто, чтобъ въ содержаніе тѣхъ заводовъ помѣшательства не было; и тако Слободскимъ обывателямъ отъ такого заводовъ содержанія отговариватся не должно, ибо въ тѣхъ полкахъ въ минувшую Турецкую войну по силѣ имянныхъ указовъ безъ всякаго зачету не меньше нынѣшнего наличества заведено и содержано было; а по неже де тѣ заводы отъ начала 746 года несмотрѣны и лошади не разбираны и кому тѣ заводы разобрать о томъ такожъ и о всемъ предано въ разсмотрѣніе Военной Коллегіи.

И по опредѣленію Военной Коллегіи Февраля 24 дня бывшей Генералъ Провіантмейстеръ Князь Волконской для наилутчаго по довольной его знаемости и бытности въ Кирасирскихъ полкахъ учрежденія отправленъ въ Украину въ Слободскіе полки и на оставшей въ Малороссійскихъ Кантакузинскихъ маетностяхъ отъ Лейбъ Кирасирскаго полку Конной заводъ и велѣно тамо во первыхъ какъ въ Слободскихъ полкахъ, такъ и въ Кантакузинскихъ маетностяхъ имѣющихся заводныхъ и приплодныхъ лошадей разобрать и годныхъ въ службу отправить въ полки, не годныхъ же къ заводамъ и въ службу продать, а вовсе не годныхъ пристрѣлить, дабы на нихъ напрасно казеннаго фуража употребляемо не было; а затѣмъ годныхъ и къ заводу способныхъ велѣть содержать и довольствовать по прежнему въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ и до нынѣ находятся. А потомъ ему Генералу Провіантмейстеру какъ въ Слободскихъ полкахъ такъ и въ Кантакузинскихъ маетностяхъ освидѣтельствовавъ къ содержанію Конскихъ заводовъ угодные и кормами довольные мѣста разсмот-

рѣть коликое число лошадей тамо въ предь содержать и съ какимъ довольствомъ можно и ежели въ Слободскихъ полкахъ оныхъ лошадей и при нихъ служителей содержать на довольствіи тамошнихъ обывателей, то вмѣсто того какое имъ обывателемъ удовольствіе учинить, особливоже когда тѣ заводы вмѣсто положенныхъ на ихъ содержаніи армейскихъ одного или двухъ полковъ находится будетъ, то, разчисля сумму, сходно-ль будетъ противъ убавки содержаніемъ полковъ заводамъ тамъ быть интересу; и будетъ ли изъ того заводовъ содержанія казенная прибыль и во всемъ вышеписанномъ поступать ему Генералу Провіантмейстеру съ наилутчимъ къ приращенію интереса успѣхомъ, что положено въ наибольшее попечительное его разсмотрѣніе которому по тамошней его будучи бытности единственное основаніе учинить о чемъ къ нему Генералу Провіантмейстеру и куда надлежало указы посланы и въ Правительствующій Сенатъ отрапортовано.

Августа 21 дня по опредѣленію жъ Военной Коллегіи къ помянутому Генералу Провіантмейстеру подтверждено указомъ и велѣно означенное порученное ему о осмотрѣ Конскихъ заводовъ дѣло и протчія учрежденіи, ежели которыя не исправлены, окончать въ самоскорѣйшемъ времяни и въ томъ подолжности своей приложить не усыпное стараніе, дабы та его поѣздка дѣйствительно во всемъ порученномъ ему дѣлѣ исполнена была и по окончаніи ѣхать въ С-Петербургъ въ самой крайней скорости о чемъ и еще Октября 31 дня указомъ къ нему подтвержденожъ.

Въ 753 году [нваря 12 дня оной Генералъ Провіантмейстеръ Князь Волконской Коллегіи рапортовалъ, что по воинскому стату учреждаемые Кирасирскихъ полковъ Конскіе заводы назначено поручить въ смотрѣніе Командующаго Украинскимъ Корпусомъ Генералитета; и въ 742 году въ Военной Коллегіи опредѣлено состоящимъ въ Малороссіи Кирасирскихъ полковъ Конскимъ заводамъ быть подъ дирекціею обрѣтающагося на Украинѣ Генерала и будущему при тѣхъ заводахъ Командиру о всемъ рапортовать его Генерала; а въ 751 г. іюня 18 и августа 8 чиселъ по присланнымъ изъ военной Коллегіи въ провіантскую канцелярію указомъ объявленныя Кирасирскія Конскія заводы, по вводѣ въ Слободскія полки, содержаніемъ и удовольствомъ въ полную команду Генерала-Маіора (что нынѣ Генералъ-Лейтентантъ) Фролова Багрѣева поручены и до прибытія къ Украинской командѣ Генерала Лейтента (что нынѣ генералъ Фельдмаршалъ) Графа Петра Семеновича Салтыкова подъ командою его Генерала Лейтенанта Фролова Багрѣева и состояли, какъ де онъ Генералъ-Лейтенантъ въ командѣ онаго Генерала Фельдмаршала, и изъ Слободскихъ полковъ къ состоящимъ въ Малороссіи драгунскимъ полкамъ отправлялся то ко оному Генералу Фельдмаршалу

отъ помянутаго Генералъ Провіантмейстера писано, чтобъ онъ благоволилъ показанные состоящіе въ Слободскихъ полкахъ подъ смотрѣніемъ Маіора Синбухина Кирасирскіе Конскіе заводы въ силѣ воинскаго стата и военной Коллегіи указовъ и что Слободскихъ полковъ Командиръ Бригадиръ Капнистъ въ командѣ его Генерала Фельдмаршала состоитъ въ дирекцію свою принять, а Маіору Синбухину о всемъ къ нему Генералу Фельдмаршалу рапортовать велѣно; но на то де оной Генералъ Фельдмаршалъ въ отвѣтъ сообщилъ, что онъ тѣхъ Кирасирскихъ Конскихъ заводовъ безъ особливаго военной Коллегіи указу въ свою дирекцію взять не можетъ, а какая для тѣхъ заводовъ надобность принадлежать будетъ, Маіору Синбухину къ нему Генералу Фельдмаршалу представлять; почему онъ къ Бригадиру Капнисту предлагать имѣетъ и по тому сообщенію отъ него Генерала Провіантмейстера къ Маіору Синбухину предложено и велѣно по отбытіи его Генерала Провіантмейстера изъ Слободскихъ полковъ по коммисіи его Синбухина о-принадлежащемъ для конскихъ заводовъ, въ чемъ какая надобность будетъ, поблизости представлять къ Генералу Фельдмаршалу; по чему онъ Синбухинъ и резолюцію получить можетъ и просилъ онъ Генералъ Провіантмейстеръ, чтобъ по отбытіи его изъ Слободскихъ полковъ о порученіи помянутыхъ Кирасирскихъ Конскихъ заводовъ по воинскому Стэту и Военной Коллегіи указомъ въ точную дирекцію Генерала Фельдмаршала Графа Петра Семеновича Салтыкова изъ оной Коллегіи къ нему Генералу Фельдмаршалу подтвердить указомъ.

И по опредѣленію Коллегіи марта 30 дня велѣно о имѣніи показанныхъ состоящихъ въ Украинѣ Кирасирскихъ Конскихъ заводовъ Генералу Фельдмаршалу Графу Петру Семеновичу Салтыкову, пока онъ при тамошней командѣ пробыть имѣетъ, въ точномъ своемъ вѣдомствѣ и смотрѣніи къ нему Генералу Фельдмаршалу подтвердить изъ военной Коллегіи указомъ и велѣть ему Генералу Фельдмаршалу въ приведеніи тѣхъ заводовъ въ доброй порядокъ крайнее стараніе приложить и для того находящемуся при тѣхъ Конскихъ заводахъ Преміеръ-Маіору Синбухину что по тѣмъ заводамъ принадлежать будетъ представлять и резолюціи требовать прямо отъ него Генерала Фельдмаршала, а ему Генералу Фельдмаршалу по такимъ представленіямъ немедленными резолюціями снабдевать; а во отбытіи его то чинить оставшему Главному Командиру; буде же чего собою учинить не можетъ о томъ представлять и резолюціи требовать Провіантской Канцеляріи, а той Канцеляріи по должности своей и что оные заводы въ точномъ вѣдомствѣ состоятъ, той Канцеляріи въ силѣ указовъ по томужъ немедленными резолюціями снабдевать, дабы не переписками, но самымъ дѣйствіемъ исполнялось, о чемъ

къ помянутому Генералу Фельдмаршалу и въ провіантскую канцелярію указы посланы.

Въ 754 году сентября 20 дня по указу изъ Правительствующаго Сената велѣно военной Коллегіи подать въ Сенатъ немедленно рапортъ по силѣ посланныхъ изъ Сената въ ту Коллегію указовъ имѣвшіяся въ Малороссіи Конскіе Кирасирскихъ полковъ заводы изъ Гетманскихъ Малороссійскихъ маетностей, окромѣ тѣхъ лошадей, кои отъ тѣхъ же заводахъ содержатся въ описныхъ Кантакузинскихъ маетностяхъ по близости и способности въ находящіеся близъ Малороссіи Слободскія полки въ которыя именно и по скольку въ каждой выведены и затѣмъ въ Кантакузинскихъ маетностяхъ осталось и приисканныя для тѣхъ заводовъ въ Бѣлогородской губерній и въ Бахмутской провинціи мѣста описаныль и гдѣ именно и повелѣннаго по вышеписаннымъ посланнымъ изъ Правительствующаго Сената указомъ о тѣхъ заводахъ представленія за чемъ изъ той Коллегіи по нынѣ въ Правительствующій Сенатъ не подано.

И по опредѣленію Коллегіи того жъ сентября 28 дня велѣно о показанныхъ выведенныхъ изъ Малороссіи Конскихъ Кирасирскихъ полковъ заводахъ въ силѣ вышеобъявленнаго изъ Правительствующаго Сената и предъ симъ по посланнымъ изъ военной Коллегіи въ провіантскую канцелярію неоднократнымъ указомъ требуемой рапортъ съ обстоятельствомъ той Провіанской Канцеляріи для взносу въ Правительствующій Сенатъ подать въ Военную Коллегію немедленно о чемъ въ ту канцелярію и указъ посланъ.

И октября 12 дня справкою изъ Провіанской Канцеляріи показано: что о показанныхъ заводахъ требуемой рапортъ немедленно поданъ быть имѣетъ.

Декабря 16 дня по опредѣленію Военной Коллегіи, а по представленію Генерала Фельдмаршала Графа Петра Семеновича Салтыкова, въ посланной въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ 20 числа промеморіи объявлено, что по указамъ Правительствующаго Сената оставшихъ въ Контакузинскихъ маетностяхъ отъ Лейбъ Кирасирскаго заводныхъ лошадей и при нихъ людей провіантомъ и фуражемъ и протчимъ велѣно довольствовать тѣхъ маетностей обывателямъ, какъ и на предъ сего происходило, по причинѣ той, что оныя маетности и на предъ сего Гетманскими не были; но нынѣ тѣ маетности, какъ рѣченной Генералъ Фельдмаршалъ съ представленія Маіора Финцеля объявляетъ, отъ довольства Конскаго заводу объявленнымъ Гетманомъ отрешены и приписаны къ Чеховской волости; а съ чего оное учинено неизвѣстно; хотя-жъ отъ Генеральной войсковой Канцеляріи для того довольства и опредѣленъ Сотникъ Завойка коему и денежная сумма отпущена, но оной по многимъ Маіора Финцеля и опредѣленныхъ офицеровъ какъ фуража, такъ и

протчаго принадлежащего къ заводскому содержанію не отпускаетъ и въ заготовленіи того фуража никакого старанія не прилагаетъ; того ради требовано, чтобъ коллегія Иностранныхъ дѣлъ благоволила съ нимъ Гетманомъ возымѣтъ сношеніе, дабы онъ въ силѣ вышепрописанныхъ Правительствующаго Сената указовъ въ отпускѣ на довольство упоминаемыхъ заводныхъ лошадей потребнаго фуража и на обрѣтающихся при нихъ людей провіанта и жалованья и въ починкѣ конюшенъ Кантакузинскихъ маетностей отъ обывателей отнюдь запрещенія не чинилъ дабы какъ людямъ такъ и лошадямъ отъ не отпуска, принадлежащего къ ихъ удовольствію крайняго недостатка и голоду и отъ того упадка и интересу убытка послѣдовать не могло и что учинено будетъ о томъ-бы сообщено было Военной Коллегіи.

Тогожъ декабря 23 дня по опредѣленію-жъ военной Коллегіи а по силѣ полученнаго изъ Правительствующаго Сената тогожъ Декабря отъ 12 числа указа, коимъ о скорѣйшей въ силу прежнихъ Правительствующаго Сената указовъ подаче о Конскихъ Карасирскихъ полковъ заводахъ рапорта потверждено наикрѣпчайше велѣно Провіатской Канцеляріи въ силѣ прежде посланныхъ многихъ указовъ о Кирасирскихъ Конскихъ заводахъ требуемую вѣдомость для представленія въ Правительствующій Сенатъ подать въ Военную Коллегію въ самоскорѣйшемъ времяни, что взыскивать Экзекутору о чемъ во оную канцелярію указъ посланъ а потомъ и еще въ силѣ полученнаго изъ Правительствующаго-жъ Сената отъ 31 декабря-жъ указа въ 755 году января 11 дня указомъ-же подтверждено.

Въ 755 году января 5 дня изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ промеморіею объявлено: посланную-де изъ оной коллегіи къ малороссійскому Гетману декабря отъ 31 числа грамотою велѣно на довольство Кирасирскихъ лошадей потребной фуражъ, а на обрѣтающихся при нихъ людей провіантъ и жалованье, тако-жъ на починку конюшенъ надлежащіе потребности Кантакузинскихъ маетностей обывателямъ приказать отпускать и въ томъ запрещенія отнюдь не чинить какъ то прежде посланною къ нему Гетману грамотою отъ 30 октября 751 года повелѣно непремѣнно, дабы какъ людямъ, такъ и лошадямъ отъ не отпуску принадлежащего къ ихъ удовольствію крайняго недостатка и голоду и отъ того упадка, а интересу убытка послѣдовать не могло и вышеписанныхъ Кантакузинскихъ маетностей отъ довольства того Кирасирскаго завода не отрѣшать и къ его Гетманской Чеховской волости не приписывать, для того что оныя маетности, яко измѣнничьи на Ея Императорское Величество отписныя ни на урядъ Гетманской и ни почему другому ему Гетману не принадлежатъ, коихъ потому да и въ силу вышепомянутой

прежде посланной 751 года грамоты ему Гетману къ Чеховской волости приписывать не слѣдовалю.

И по опредѣленію Военной Коллегіи тогожъ января 17 дня для надлежащего о томъ исполненія въ Провіантскую Канцелярію и къ Генералу Фельдмаршалу Графу Петру Семеновичу Салтыкову указы посланы.

Февраля 20 дня промеморіею изъ Коллегіи-жъ Иностранныхъ дѣлъ объявлено: на посланную-де грамоту Гетманъ представлялъ, что Кантакузинскія маетности отъ довольства упомянутыхъ Карасирскаго завода лошадей ни когда отрѣшаемы не были, и хотя въ единомъ токмо вѣдомствѣ его Экономической Канцеляріи состояли, но приходы съ нихъ всѣ при тѣхъ же маетностяхъ для удовольства онаго завода оставались; да и со всѣмъ тѣмъ оныя маетности того Кирасирскаго завода на довольствѣ содержать были не состоятельны и такъ уже. опустошены, что и Чеховская волость, вспомогая имъ въ содержаніи тѣхъ заводовъ, немало раззорялась сверхъ же того къ удовольству онаго завода на покупку разныхъ матеріаловъ и изъ Глухова Экономическая и другихъ волостей получаемая сумма посылалась а по недостатку при Экономіи его суммы отпускаема была изъ скарбу войсковаго и тако что находящійся при томъ Кирасирскомъ заводѣ Маіоръ Финцель представлялъ якобы Кантакузинскіе. маетности отъ довольства того заводу отрѣшены и приписаны къ Чеховской волости то сіе отъ него Маіора Финцеля представлено несправедливо а нынѣ де во исполненіе полученной изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ грамоты предложено отъ него Экономической его канцеляріи чтобъ отъ оной приказано было Чеховской волости управителю Кантакузинскихъ маетностей ни въ чемъ не вѣдать и сдать оные Кирасирскаго завода смотрителямъ не медленно.

Въ томъ же 755 году февраля 8 дня Провіантская Канцелярія рапортомъ объявила: Генералъ-Лейтенантъ Фроловъ Багрѣевъ рапортовалъ, что къ выводу въ Слободскіе полки изъ Гетманскихъ маетностей заводныхъ лошадей, кромѣ оставленнаго въ Кантакузинскихъ маетностяхъ Лейбъ-Кирасирскаго полка заводу, состоящаго въ 557 лошадяхъ, противъ дву полковъ назначено 1920 лошадей; и оныя распредѣлены по равному числу на 3 дистрикта: въ 1-й Сумской, 2-й—Ахтырской съ Харьковскимъ, 3-й—Изюмской съ Острогожскимъ; въ каждой дистриктѣ по 640 лошадей. И тогдажъ по смотру онаго жъ Генерала Лейтенанта изъ показанныхъ выведенныхъ въ Слободскіе полки Кирасирскихъ дву полковъ заводскихъ лошадей за отправленіемъ для опредѣленія въ полки и негодныхъ за продажею при заводахъ оставлено 1582 лошади и для содержанія ихъ въ тѣхъ Слободскихъ полкахъ въ отведенныхъ мѣстахъ конюшенные дворы построены. А Слободскихъ пол-

ковъ Полковники объявили: содержаніе де Кирасирскихъ заводовъ въ Слободскихъ полкахъ въ волѣ Ея Императорскаго Величества состоитъ а собою принять на положенные во оныхъ полкахъ драгунскіе и гарнизонные полки опасны, потому въ тѣхъ Слободскихъ полкахъ поселенія не малыя старшиною, казаками, свойственниками и подпомощиками, мѣстечками, селами, деревнями и протчими Великороссійскими и Слободскихъ полковъ владѣльцами засѣлены; и хотя оныя заводныя лошади въ зимнее время вмѣсто опредѣленныхъ полковъ раціи свои получать будутъ натурою—токмо для лѣтняго выпуска степей, луговъ, сѣнакосовъ, кромѣ состоящихъ во владѣніи, по не большой части на такое множественное число лошадей въ Слободскихъ полкахъ удобныхъ мѣстъ изыскаться не можетъ, и за таковыми де недостатками и обывательскими изнеможеніями содержать тѣхъ заводовъ не въ состояніи; и при томъ оная Провіантская Канцелярія доносила, что въ вышеозначенныхъ осмотрѣнныхъ въ Бѣлогородской губерніи и въ Бахмутской провинціи мѣстахъ за показанными резоны конскіе заводы содержать крайнѣ опасно. А по осмотру Генерала Провіантмейстера Князя Волконскаго, въ бытность его на тѣхъ заводахъ, находящіеся въ Малороссіи въ Кантакузинскихъ маетностяхъ и въ Слободскихъ полкахъ конскіе заводы расбираны и по расбору годные къ заводамъ оставлены при тѣхъ же заводахъ, а годныя жъ въ службу отправлены въ Кирасирскіе полки. а вовсе не годныя проданы; а тѣ де заводы распредѣлены и находятся: 1-й Лейбъ-Кирасирскаго въ Малой Россіи въ Кантакузинскихъ маетностяхъ при селѣ Пологахъ, при хуторахъ Великомъ Демковѣ и Дрябовѣ степей довольно воды чистыя, лошадей въ лѣтнее время на пазбѣ имѣть, а въ зиму на кормъ сѣна на косить можнобъ и не такое число, какое тамъ состоитъ, точію по малолюдству живущихъ при тѣхъ мѣстахъ обывателей въ сѣнокосѣ исправиться не можно, а лѣсовъ около оныхъ мѣстъ ничего нѣтъ, и обыватели топятъ соломою и навозомъ; а на починку конюшенъ лѣсъ привозится изъ дальнихъ мѣстъ и въ починкѣ тѣхъ конюшенъ происходитъ медленность—и за тѣми невозможностьми при тѣхъ мѣстахъ оному заводу быть не можно; 2-й третьяго Кирасирскаго—въ Слободскомъ Изюмскомъ полку при мѣстечкѣ Печенѣгахъ около того мѣстечка въ сторону отъ заводу, куда лошади на пасьбу выгоняютя, хотя степей есть съ достаткомъ и не весьма въ близости, только конюшенное строеніе поставлено отъ мѣстечка Печенѣгъ разстояніемъ по примѣру верстахъ въ четырехъ и весьма на пещаномъ мѣстѣ, а для водопою лошади изъ тѣхъ конюшенъ, кромѣ жеребцовъ, гоняются на рѣку Донецъ отъ заводу разстояніемъ до трехъ верстъ; 3-й Кирасирскаго Его Императорскаго Высочества—въ Слободскомъ Ахтырскомъ полку при селѣ Никитовкѣ Ки-

расирской заводъ построенъ на полковой землѣ, а въ кругъ того завода разныхъ помѣщиковъ дачи подошли и для пасьбы заводскія лошади отгоняются на полковую Ахтырскаго полка дачю чрезъ тѣ помѣщичьи земли разстояніемъ верстъ больше 10-ти, отъ чего помѣщикамъ есть не безъ обиды, и лошадей поятъ изъ колодезей выкопанныхъ при тѣхъ конюшняхъ и гоняютъ на рѣку близь 10-ти верстъ, а на жеребцовъ возятъ на подъемныхъ лошадяхъ Сумскаго полка при селѣ Васильевкѣ, куда для способности и изъ Харьковскаго полка переведены къ содержанію при томъ селѣ лошадей; степей около того села Василевки, на которыхъ лѣтомъ лошади пасутся, а на зиму сѣна скашивается для одного заводу довольно; но оные покосы къ потравѣ и скашиванію сѣна употребляются одного помѣщика, въ чемъ ему предъ протчими въ томъ Сумскомъ полку жители не безъ обиды, за чѣмъ конскимъ заводомъ при тѣхъ мѣстахъ быть не весьма способно. Что же касается до содержанія и удовольствія тѣхъ конскихъ заводовъ, а въ собщенномъ де при указѣ изъ военной Коллегіи къ Генералу Провіантмейстеру Экстрактѣ означено: въ 738 году октября 25 и въ 739 г. сентября 5 чиселъ по имяннымъ указамъ въ Слободскихъ и Малороссійскихъ полкахъ Конскіе заводы учреждены были и того сентября 5 числа по указу велѣно содержать въ заводахъ до 5000 кобылъ и раздать въ Малороссійскіе и Слободскіе полки по препорціи людей и довольству кормовъ, а по росписанію въ Малороссійской войсковой канцеляріи положено на Малороссійскіе полки двѣ доли—3334, а на Слободскіе полки третья часть—1666 кобылъ, и въ тѣхъ полкахъ оныя заводныя лошади на содержаніи и довольствіи тамошнихъ обывателей находились; и хотя по указамъ Правительствующаго Сената присланнымъ въ военную Коллегію августа 16 дня 748 года и февраля 7 числа 749 года со объявленіемъ имяннаго Ея Императорскаго Величества указа о учиненіи Малороссійскимъ обывателямъ облегченія учрежденныя въ Малой Россіи и въ Слободскихъ полкахъ казенные Конскіе заводы выведены и годные къ заводамъ на Кирасирскіе Конскіе заводы отправлены, но по вышеобъявленному Военной Коллегіи указу велѣно Кирасирскихъ Конскихъ заводовъ годныхъ и къ заводамъ способныхъ содержать и довольствовать по прежнему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся, и для того по опредѣленіямъ онаго Генерала Провіантмейстера и Провіантской Канцеляріи велѣно жъ на Конскихъ заводахъ служителей провіантомъ, а лошадей къ накошенному сѣну фуражемъ довольствовать поставкою Слободскихъ полковъ съ обывателей на счетъ не состоянія въ Слободскихъ полкахъ на квартирахъ другаго драгунскаго полку, чего и обывателямъ за отягощеніе почитать не надлежитъ по неже той поставки противъ полку и на половинную сумму

быть не можетъ. А по воинскому стату драгунской ли полкъ или другіе, яко же и заводскихъ служителей провіантомъ, а лошадей фуражемъ довольствовать должны и въ 738 и 739 годахъ по имяннымъ указамъ учрежденные въ Слободскихъ полкахъ Конскіе заводы еще и больше состоящаго нынѣ числа лошадей не токмо довольствіемъ, но и во всемъ смотрѣніи отъ тѣхъ Слободскихъ полковъ содержаны были; а нынѣ при тѣхъ заводахъ опредѣленные изъ воинскихъ людей смотрители имѣются и для учиненія опредѣленія о содержаніи въ тѣхъ Слободскихъ полкахъ показанныхъ Кирасирскихъ Конскихъ заводовъ о присылкѣ о сборахъ порціоновъ и раціоновъ обстоятельнаго извѣстія къ Генералу Аншефу (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графу Петру Семеновичу Салтыкову писано и отъ Бригадира де Капниста о тѣхъ сборахъ порціоновъ и раціоновъ натурою и деньгами въ требуемыхъ обстоятельствахъ изъясненіе въ Провіанскую Канцелярію прислано въ 754 году сентября 20 дня и, по разсмотрѣніи, въ томъ изъясненіи между протчимъ означилось: въ 733 г. Февраля 26, Іюня 25, въ 734 г. Іюля 31, въ 743 г. Сентября 28 чиселъ по имяннымъ указамъ повелѣно Слободскимъ полкамъ съ приписными великороссійскихъ городовъ Слободами довольствовать драгунскихъ 3 и одинъ гарнизонной Бѣлогородской полки и для того росписаны по дистриктамъ — 1-й Сумской, 2-й Ахтырскій съ Харьковскимъ, 3-й Изюмской съ Рыбенскимъ полками, 4-й Бѣлгородской на Бѣлогородской горнизонной полкъ, а на содержаніе одного драгунскаго полка положено владѣльческихъ подданныхъ Малороссіянъ присяжныхъ $1152\frac{1}{2}$ двора, состоящихъ въ числѣ 45 душъ, а на каждой присяжной дворъ положено по одной порціи и раціи по цѣнѣ комискихъ пунктовъ по 9 р. $43\frac{1}{8}$ коп., а съ души по $20\frac{1}{2}$ к., а подсосѣдковъ и подпомощиковъ положить въ число присяжныхъ дворовъ каждой дворъ въ 50 душахъ и опредѣлить противъ подданныхъ владѣльческихъ съ каждаго двора въ годъ по одной порціи да на 6 мѣсяцевъ по одной раціи, а когда оныя въ натурѣ собираны не будутъ, то сбирать съ нихъ по указнымъ цѣнамъ деньгами по 9 р. $43\frac{1}{8}$ к. съ двора, а съ души по $18\frac{3}{4}$ коп., окромѣ опредѣленныхъ на содержаніе драгунскихъ и гарнизоннаго полковъ владѣльческихъ подданныхъ; изъ котораго обстоятельства явствуетъ. что содержаніемъ отъ слободскихъ полковъ порціями и раціями, кромѣ гарнизоннаго, армейскихъ драгунскихъ 3 полка положено; а нынѣ въ тѣхъ Слободскихъ на квартирахъ только одинъ драгунской полкъ и двухъ Кирасирскихъ полковъ Конскіе заводы—и для того въ тѣхъ Слободскихъ полкахъ заводныхъ лошадей содержать и довольствовать можно безъ всякаго обывательскаго отягощенія, какъ и въ прежде бывшую Турецкую войну въ 738 и 739 годахъ по имяннымъ указамъ

въ тѣхъ же Слободскихъ полкахъ Конскіе заводы еще и больше нынѣшнего числа во всемъ смотрѣніи и довольствіи содержано было; а дабы въ содержаніи тѣхъ заводовъ со введенія ихъ въ Слободскіе полки однимъ обывателямъ предъ другими излишней тягости не послѣдовало и тѣ заводы въ лутчемъ удовольствіи быть могли, того для по порученію тѣхъ Конскихъ заводовъ въ вѣдомство и смотрѣніе Генерала Аншефа (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графа Петра Семеновича Салтыкова по изысканіи вновь способныхъ мѣстъ и какимъ образомъ конюшенное строеніе и протчее исправить, о томъ бы повелѣно было ему Генералу Фельдмаршалу заблаговремянное разсмотрѣніе учинить и представить; а по разборѣ заводныхъ лошадей оставшихъ и при нихъ служителей съ какимъ основаніемъ въ Слободскихъ полкахъ содержать тогда, по полученіи о разборѣ рапорта и по усмотрѣнію наличества оставшихъ лошадей, Военной Коллегіи особо со изъясненіемъ донесено будетъ.

И по опредѣленію Военной Коллегіи іюля 28 дня велѣно о содержаніи показанныхъ находящихся въ Слободскихъ полкахъ и въ Кантакузинскихъ маетностяхъ Кирасирскихъ Конскихъ заводовъ тамошними обывателями и дабы изъ нихъ однимъ предъ другими излишней тягости не слѣдовало и тѣ заводы въ лутчемъ удовольствіи быть могли также и какимъ образомъ конюшенное строеніе и протчее исправить надлежитъ, Генералу Фельдмаршалу Графу Петру Семеновичу Салтыкову, по представленію Провіантской Канцеляріи, разсмотрѣть, коликое число лошадей тамо въ предь содержать и съ какимъ довольствомъ можно и ежели въ Слободскихъ полкахъ оныхъ лошадей и при нихъ служителей содержать на довольствіи тамошнихъ обывателей, то вмѣсто того какое имъ обывателямъ удовольствіе учинить, особливо же когда тѣ заводы вмѣсто положенныхъ на ихъ содержаніи армейскихъ одного или двухъ полковъ находится будутъ, то, росчисля сумму сходноль будетъ противъ убавки содержаніемъ полковъ заводамъ быть и интересу будетъ-ли изъ того заводовъ содержанія прибыль и въ самой крайней скорости со мнѣніемъ своимъ представить въ Провіантскую Канцелярію, а той Канцеляріи, по полученіи того представленія и что уже при тѣхъ заводахъ разборъ лошадямъ учиненъ и какое число осталось во оную канцелярію представлено для единственнаго о тѣхъ заводахъ опредѣленія потому жъ разсмотрѣть, и, приложа свое мнѣніе представить въ военную Коллегію, о чемъ къ Генералу Фельдмаршалу Графу Петру Семеновичу Салтыкову и въ Провіантскую Канцелярію указы посланы и въ Сенатъ рапортовано.

На что отъ него Генерала Фельдмаршала въ 756 году мая 13 дня въ Коллегію рапортовано: означенные де Кирасирскія Конскія заводы сначала учрежденія и нынѣ состоятъ въ точномъ вѣдомствѣ Провіант-

ской Канцеляріи, которой о содержаніи ихъ въ лучшемъ удовольствіи также и какимъ образомъ конюшенное строеніе и протчее исправить надлежитъ по должности своей и по имѣнію о тѣхъ заводахъ всѣхъ обстоятельствъ, яко же и въ 752 году въ силѣ указа Военной Коллегіи Генералъ Провіантмейстеръ Князь Волконской для наилутчаго учрежденія нарочно въ Украину отправленъ и на оныхъ заводахъ довольное время былъ и всѣму разсмотрѣніе и свидѣтельство имъ чинено по такой акуратной знаемости и обыкновенности предписанное требуемое представленіе со мнѣніемъ и учинить должно. А ему Генералу Фельдмаршалу, хотя по представленію онаго Генерала Провіантмейстера по присланному въ 753 году апрѣля 2 числа изъ Военной Коллегіи указу и велѣно показанные состоящіе въ Украинѣ Кирасирскіе Конскіе заводы пока онъ Генералъ Фельдмаршалъ тамъ при командѣ пробыть имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ и смотрѣніи имѣть и въ приведеніи тѣхъ заводовъ въ доброй порядокъ стараніе приложить и по представленіямъ немедленными резолюціями снабдевать, буде же чего собою учинить не можетъ, о томъ представлять и резолюціи требовать отъ Провіантской Канцеляріи, но токмо де надъ оными заводами самому ему Генералу Фельдмаршалу за нижеписанными обстоятельствами того смотрѣнія имѣть не можно, ибо онъ Генералъ Фельдмаршалъ сначала на Украину прибытія по дальному тѣхъ заводовъ отъ Харькова въ разныхъ мѣстахъ разстоянію ни одного раза, кромѣ состоящаго въ Кантакузинскихъ маетностяхъ Лейбъ Кирасирскаго полку и то въ проѣздъ его въ 755 году изъ Кіева, быть за исправленіемъ протчихъ по должности его Генерала Фельдмаршала и по немало состоящей во всей тамошней Украинѣ командѣ въ силѣ указовъ многихъ дѣлъ время не имѣлъ, а и по полученіи во исполненіе того, хотя и имѣлъ намѣреніе для осмотру на оные ѣхать, только разныя по командѣ исправленіи къ тому не допустили; что же принадлежитъ и до снабденія по тѣмъ заводамъ резолюціями, то по представленіямъ отъ находящегося при тѣхъ заводахъ Преміеръ-Маіора Финцеля, яко оныя по большой части слѣдуютъ о экономическомъ содержаніи, такъ какъ и въ 755 году отъ него Финцеля было требовано о заведеніи въ Кантакузинскихъ маетностяхъ шинковъ и о покупкѣ во оныя на казенные деньги вина и другихъ питей, о содержаніи имѣющихся тамъ пчелъ и о довольствіи рогатаго и протчаго скота въ числѣ коего свиньи и овцы находятся, о продажѣ старыхъ, а вмѣсто ихъ о покупкѣ вновь воловъ и протчемъ сему подобномъ резолюціи давать ему Генералу Фельдмаршалу не слѣдуетъ; въ Провіантскую жъ Канцелярію въ сходственность тѣхъ требованей о многомъ представленіи хотя отъ него Генерала Фельдмаршала и чинятся, но на то чрезъ получаемые изъ оной Канцеляріи указы по

большой части ссылаясь на объявленной Военной Коллегіи 753 года указъ отдается на его Генерала Фельдмаршала разсмотрѣніе въ чемъ яко по непринадлежащимъ до его должности дѣламъ слѣдуетъ излишнее затрудненіе, ибо онъ Генералъ Фельдмаршалъ, какъ Военной Коллегіи не безъизвѣстно, и кромѣ того по немало порученной командѣ и всей Украины кольми-жъ паче по неимѣнію тамъ за неприбытіемъ опредѣленнаго въ дивизію его Генералитета находясь одинъ многимъ по тамошней пограничности исправленіемъ настоящихъ дѣлъ особливо по получаемымъ всегда секретнымъ извѣстіямъ во употребленіи предосторожности и изъ другихъ разныхъ мѣстъ по представленіямъ крайнѣ отягощенъ, оные жъ заводы, какъ выше объявлено, состоятъ въ разныхъ мѣстахъ, изъ коихъ въ Кантакузинскихъ маетностяхъ и въ Острогожскомъ полку отъ Харькова въ немаломъ отдаленіи находятся, которыхъ въ скорости и осмотрѣть не можно; также и о конюшенномъ строеніи, какимъ образомъ оные исправлять, яко онъ находится не при заводахъ и отъ оныхъ не въ близости до разсмотрѣнія его не принадлежитъ; и для того просилъ, чтобъ повелѣно было онымъ заводамъ въ предь быть подъ однимъ вѣдомствомъ Правіантской Канцеляріи, къ которой они собственно по всѣмъ обстоятельствамъ принадлежатъ, и на предъ сего въ вѣдомствѣ той Канцеляріи состояли; а особливо отъ Экономическихъ по тѣмъ заводамъ дѣлъ его освободить, ибо при оныхъ, какъ выше упомянуто, опредѣленной Маіоръ Финцель находится, у котораго о содержаніи ихъ и о строеніи конюшенъ данная иструкція имѣется; а ежели о чемъ въ той инструкціи повелѣнія нѣтъ, то онъ можетъ о томъ и о принадлежащихъ до Экономіи дѣлахъ представлять и о состояніи тѣхъ заводовъ рапортовать прямо во оную Канцелярію, изъ которой и резолюцію скоряе получить можетъ; а къ нему Генералу Фельдмаршалу, развѣ только что касатся будетъ до опредѣленія изъ полковъ на тѣ заводы людей и до дачи протчихъ принадлежностей, ему Маіору представленіи чинить, а что о упоминаемыхъ заводахъ принадлежитъ до мнѣнія его Генерала Фельдмаршала, то во исполненіе вышеозначеннаго указа слѣдующее доносилъ: оныя заводы, какъ изъ представленій Слободскихъ полковыхъ канцелярей довольно извѣстно, по не имѣнію въ тѣхъ полкахъ удобныхъ мѣстъ и пространныхъ порозжихъ степей, а особливо лѣсовъ на довольствіе обывательскомъ по мнѣнію его Генерала Фельдмаршала содержать не можно, ибо и нынѣ тѣхъ Слободскихъ полковъ обыватели отъ оныхъ заводовъ несутъ крайнее изнеможеніе, потому что состоятъ они на ихъ землѣ; а въ Сумскомъ полку тотъ заводъ въ дачахъ одного владѣльца Малороссійскаго бунчуковаго товарища Полуботка, отъ котораго о сводѣ не однократныя уже прошеніи были, да и протчихъ мѣстахъ по большой части

на владѣльческихъ же дачахъ находятся; и какъ на довольствіе лошадей повсегодно обыватели сѣно косятъ, такъ и пасутся оные въ лѣтнее время на ихъ же лугахъ, съ которыхъ они обыватели безъ жалованья служатъ и всѣмъ принадлежащимъ себя содержатъ и для того сѣнокосу работниковъ, а къ перевозкѣ подводъ употребляется весьма не малое число безъ всякой имъ за то заплаты, къ томужъ безпрестанная конюшенъ перестройка и починка происходитъ, при чемъ работниковъ пѣшихъ и съ подводами бываетъ весьма немаложъ, черезъ что они и своихъ домашнихъ экономій лишаются, а особливо всегдашняя возка на ту починку лѣса, хворосту и соломы, коя сбирается съ нихъже обывателей, а лѣсъ и хворостъ рубится въ заимочныхъ и купленныхъ ихъ грунтахъ, изъ которыхъ у многихъ имѣвшіеся лѣски уже и вовсе опустошены; и та возка на заводы лѣса, соломы, хворосту и сѣна чинится чрезъ немалое разстояніе и по большой части въ вешнее и осеннее время, въ которое обыкновенно отъ бываемыхъ распустицъ происходитъ великая людямъ и скоту трудность, отъ чего тому ихъ скоту безвремяной упадокъ и утрата случается; отъ нихъ же содержатся при конюшняхъ за заплату конюхи и коновалы и по такимъ обстоятельствамъ, буде оныя заводы и въ предь тамъ въ Слободскихъ полкахъ содержаніемъ продолжатся и къ тому еще, какъ въ указѣ Военной Коллегіи объявлено, и изъ Кантакузинскихъ маетностей заводъ на довольствіе тамошнихъ же обывателей опредѣлится, то совершено оныя обыватели не только въ несостояніе, но многіе въ раззорѣніе придти и, по ихъ обыкновенію, *въ рознь* расходится могутъ, отъ чего ихъ и удержать будетъ не возможно; а лѣсу на починку и постройку конюшенъ и при заводахъ избъ, анбаровъ и другихъ принадлежностей за опустошеніемъ время отъ времени обывательскаго, кромѣ покупки въ отдаленныхъ мѣстахъ, кой съ перевозкою въ немалую цѣну имѣетъ обходится, и взять тамъ уже будетъ не гдѣ; а и до сего времени, ежелибъ за всѣ вышеписанные принадлежности и работу имъ обывателямъ производить заплату, тобъ, какъ Военная Коллегія изъ приложенной при томъ рапортѣ краткой вѣдомости учиненной изъ присланныхъ изъ Полковыхъ Канцелярей вѣдомостей усмотрѣть можетъ, а оныя заводы, опричь состоящаго въ Кантакузинскихъ мастностяхъ Лейбъ Кирасирскаго полку завода, по исчисленію, окромѣ протчихъ употребленій, обходились весьма въ немалой Казенной коштъ, ибо со введенія оныхъ туда въ Слободскіе полки, то есть съ 751 по 756 годъ, должнобъ было во издержаніи быть 54,566 рублямъ 31 копѣйки съ половиною; но оное все обывателями не только безъ денежно исправлялось, но еще на покупку за неимѣніемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣса и конюхамъ, и коноваламъ на заплату съ

нихъ же обывателей употреблено 3427 р. 31½ к.; однако хотябъ упоминаемыя заводы содержаніемъ суммою болѣе одного армейскаго полка и не превосходили, но вышепрописанныя многія при оныхъ работъ исправленіи и происходящія обывателямъ отъ безпрестанной лѣса, хворосту, соломы и сѣна возки трудности, а кольми паче запятіе ихъ земли, луговъ и опустошеніе лѣсовъ отъ чего только многіе и пропитаніе имѣютъ и службу исправляютъ и противъ содержанія двухъ полковъ сравнять не можно; къ томужъ въ дистриктахъ на довольствіе полковъ сначала положено было присяжныхъ дворовъ состоящихъ въ 45 душахъ— въ каждомъ по 1152½, а нынѣ за разною убылью немалаго уже числа недостаетъ, и во Острогожскомъ съ Изюмскимъ дистриктѣ только съ не большимъ половина положеннаго часла душъ осталось, за каковою многою убылью оставшимъ обывателямъ, а паче съ содержаніи оныхъ заводовъ тягость быть можетъ, а елико принадлежитъ до прибыли отъ тѣхъ заводовъ интересу, то въ 755 году во время проѣзду изъ Кіева въ бытность его Гетмана Фельдмаршала въ Кантакузинскихъ маетностяхъ на заводѣ Лейбъ Кирасирскаго полка видѣть онъ могъ, что тамо изъ приплодныхъ молодыхъ лошадей добротою мѣрою и шерстью къ Кирасирской службѣ нѣсколько годны быть могутъ, а на протчихъ состоящихъ тамъ въ Слободскихъ полкахъ заводахъ, какъ онъ Генералъ—Фельдмаршалъ слышитъ, что не только къ Кирасирской но и къ драгунской службѣ мало годныхъ, и многія не стоятъ и корму, однако въ томъ заподлинно по не бытности его тамъ донесть не можетъ; а особливо и сумму сходноль противъ убавки содержаніемъ полковъ онымъ заводамъ тамъ быть дѣйствительно счислить невозможно, потому что на тѣ заводы по всягодно перемѣняясь показанію по объявленной вѣдомости не равное матеріаламъ и другимъ разнымъ принадлежностямъ употребленіе тожъ починка и постройка конюшенъ и протчаго кошеніе и возка сѣна, соломы, лѣса, хворосту и подводъ съ работники, за которое должно для счисленія той суммы цѣну полагать, происходило, а въ предь потому-жъ оное содержаніе уравнительно быть не можетъ; и ежели изъ Кантакузинсктхъ маетностей Конный заводъ тамъ же въ Слободскихъ полкахъ находится имѣетъ да и всѣмъ служителямъ при тѣхъ заводахъ на довольствіи жалованьемъ и провіантомъ обывательскомъ быть, то уповательно и суммою гораздо противъ одного полку превзойдетъ, чего ради, по разсужденію его Генерала Фельдмаршала, всемѣрно, не доводя обывателей до дальнагс изнуренія, надлежитъ вышеписанныя заводы вовсе отъ туда куда пристойно въ другіи мѣста вывесть, а тамъ по преждему опредѣленные полки на ихъ консистенціи содержать, кои они, хотя изъ положеннаго по дистриктамъ числа душъ и многая убыль,

но легче заводовъ довольствоватъ могутъ, а хотя же и однимъ Конскимъ заводамъ тамъ быть опредѣлено будетъ, но не уповательно, чтобъ и безъ полковъ, дабы во все имъ въ Слободскихъ полкахъ не быть, по тамошней пограничности обойтиться было можно, для чего присланные къ нему Генералу Фельдмаршалу всѣхъ оныхъ Слободскихъ полковъ изъ полковыхъ канцелярій съ прописаніемъ ясныхъ обстоятельствъ, какое тамошнимъ обывателямъ отъ содержанія выше упоминаемыхъ заводовъ изнеможеніе и трудность происходитъ и о протчемъ орегинальныя доношеніи и съ приложенными вѣдомостями (изъ коихъ предписанная краткая вѣдомость учинена) съ показаніемъ, сколько чего именно на тѣ заводы употреблено и работниковъ находилось и что за то по исчисленію въ заплату слѣдуетъ, при томъ на разсмотрѣніе Военной Коллегіи представилъ, а въ провіантскую канцелярію отъ него Генерала Фельдмаршала со оныхъ доношеніевъ и вѣдомостей копіи при рапортѣ отправлены; въ предь же какъ случай допустить можетъ для осмотру оныхъ заводовъ изъ Харькова нарочно отправится и, что по усмотрѣнію его Генерала Фельдмаршала окажется, о всемъ описавъ обстоятельно представить имѣетъ.

И по опредѣленію Коллегіи іюля 16 дня велѣно о скорѣйшемъ осмотрѣ показанныхъ имѣющихся въ Слободскихъ полкахъ и въ Кантакузинскихъ маетностяхъ отъ Кирасирскихъ полковъ Конскихъ заводовъ и о содержаніи ихъ тамошними обывателями также и какимъ образомъ конюшенное строеніе и протчее исправить надлежитъ и о протчемъ какъ прежде посланнымъ изъ Коллегіи въ прошломъ 755 году іюля 31 дня указомъ повелѣно къ Генералу Аншефу (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графу Петру Семеновичу Салтыкову еще на накрѣпчайше подтвердить и велѣть оное какъ наискорѣе возможно учинить и со обстоятельнымъ описаніемъ и со мнѣніемъ своимъ представить въ Главную Провіантскую Канцелярію, а той Канцеляріи, получа оное представленіе, по тому жь въ силѣ прежде посланныхъ изъ Правительствующаго Сената и изъ военной коллегіи указовъ о всемъ разсмотря для единственнаго о тѣхъ заводовъ опредѣленія и кому тѣ заводы за предписанными отъ помянутаго Генерала Фельдмаршала смотрѣніемъ ему не возможностьми въ Главное смотрѣніе поручить съ приложеніемъ своего мнѣнія представить въ Военную Коллегію не умедля, о чемъ къ нему и въ Главную Провіантскую Канцелярію указы посланы того жь іюля 25 числа, токмо отъ оной Провіантской Канцеляріи и по нынѣ представленія не учинено.

Въ 757 году марта 10 дня Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Александръ Борисовичь Бутурлинъ рапортомъ въ Коллегію представлялъ: Генералъ де Аншефъ (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графъ Салтыковъ къ нему рапортовалъ, что въ силу указу Военной Коллегіи для

осмотру имѣющихся въ Слободскихъ полкахъ и въ Кантакузинскихъ маетностяхъ Конскихъ заводовъ февраля 11 дня изъ Харькова онъ отправится имѣетъ сверхъ же того и къ нему Генералу Фельдмаршалу Графу Бутурлину о состояніи тѣхъ заводовъ и объ оставшихъ Кирасирскихъ командахъ онъ Графъ Салтыковъ рапорты присылаетъ но по неже де при оныхъ заводахъ у смотрѣнія находятся опредѣленные отъ Кирасирскихъ полковъ офицеры съ командами, а оному Генералу Фельдмаршалу Графу Салтыкову для какихъ обстоятельствъ оные заводы въ веденіе его поручены ему Генералу Фельдмаршалу Графу Бутурлину не извѣстно, да и быть тому разсуждается яко оные Кирасирскіе полки не въ его командѣ находятся за излишнее, ибо де и кромѣ того ему Графу Салтыкову по немалому состоянію въ дивизіи его полковъ а особливо какъ при самыхъ границахъ весьма много трудно то не благоволитъ-ли Военная Коллегтія, принявъ въ разсужденіе, дабы въ протчихъ по дивизіи его текущихъ дѣлахъ не могло за тѣмъ чинится остановки опредѣлить о тѣхъ заводахъ подлежащее смотрѣніе имѣть и рапортовать прямо къ тѣмъ полкамъ упомянутымъ находящимся тамъ офицерамъ на что и имѣетъ ожидать указу.

Августа 8 дня Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Салтыковъ рапортомъ же объявилъ: во исполненіе де Военной Коллгіи указа для осмотру показанныхъ имющихся въ Слободскихъ Сумскомъ, Ахтырскомъ, Его Императорскаго Высочества да въ Изюмскомъ третьяго Кирасирскихъ полковъ Конскихъ заводовъ нарочно изъ Харькова въ февралѣ и маѣ мѣсяцахъ онъ ѣздилъ, на которыхъ изъ заводныхъ и приплодныхъ лошадей (о коихъ находящейся при тѣхъ заводахъ Премiеръ-Маiоръ Финцель представлялъ, что оныя еще предъ протчими состоящими на конюшнѣ въ Острогожскомъ Третьяго Кирасирскаго полку завода, гдѣ онъ Генералъ Фельдмаршалъ за не малою отдаленностiю не былъ,—лутчія) по осмотру его Генерала Фельдмаршала изъ кобылъ нѣсколько есть видомъ нарочиты, а изъ жеребцовъ и мериновъ къ Кирасирской службѣ годныхъ весьма мало, ибо по большой части малорослы, коротки, толстошеи, острокосты и нескладныя, и не только въ Кирасирскіе но по нынѣшнему новому положенію и въ драгунскіе не способны; а ежели и на вышепомянутой третьяго Кирасирскаго состоящей въ Острогожскомъ полку конюшнѣ лошади такія жъ или еще и хуже, то совершенно, какъ отъ него Генерала Фельдмаршала въ 756 году во оную Коллегію представлено, и употребляемаго на нихъ корму также и на разныя по тѣмъ заводамъ принадлежности казеннаго кошту не стоятъ, а не только чтобъ изъ содержанія ихъ интересу какая прибыль быть могла, для чего иного мнѣнія представить не находитъ; но только какъ оные заводы, чтобъ на-

прасно казеннаго убытку и людямъ при оныхъ употребленія, а обывателямъ отъ содержанія не малой тягости болѣе быть не могло, особливо жъ по не имѣнію въ Слободскихъ полкахъ къ содержанію ихъ свободныхъ и способныхъ мѣстъ,—разобравъ нынѣ имѣющихся лошадей, надлежитъ во все перевесть или куда въ другія мѣста вывесть, ибо какая имъ обывателямъ отъ оныхъ заводовъ тягость слѣдуетъ въ помянутомъ его представленіи пространно донесено; а въ предь ежели они тамъ будутъ, то ни коимъ образомъ оной миновать не могутъ, хотяжъ по предписанному указу и велѣно разсмотрѣть, коликое число лошадей тамъ въ предь содержать можно, а по неже де и нынѣ тѣ заводы состоятъ не на свободныхъ мѣстахъ, но, какъ выше показано, по не имѣнію такихъ на казацкихъ и протчихъ владѣльческихъ по дачамъ земляхъ, отъ чего тѣ владѣльцы лишались своего удовольствія, отъ нѣкоторыхъ о сводѣ и не однократныя прошенія уже были; и такъ въ предь совершенно имъ кромѣ того, что на обывательскихъ же дачахъ съ крайнею онымъ обидаю быть не гдѣ; а что касается до исчисленія суммы, сходно ли противъ убавки содержаніемъ полковъ онымъ заводамъ тамъ на довольствіи обывательскомъ быть, то, какъ въ томъ же его прежнемъ рапортѣ упомянуто, что ту сумму дѣйствительно исчислить не возможно, потому что на оные заводы по всягодно перемѣняясь по казанію по приложенной при томъ рапортѣ вѣдомости не равное матеріаломъ и другимъ разнымъ принадлежностямъ употребленіе тожъ постройка и починка конюшенъ и протчаго, кошеніе и возка сѣна, соломы, лѣса, хворосту и подводъ съ работники, за которое должно для счисленія той суммы цѣною полагать, происходило, а и въ предь потому жъ оное содержаніе уравнительно быть не можетъ; ежели жъ только на одно довольствіе служителей и лошадей сумму считать, то на содержаніе одного полку въ годъ по нынѣшнему новому по пунктамъ воинской коммиссіи положенію по числу полнаго комплекта людей и лошадей на провіантъ и фуражъ и офицерамъ на раціоны опредѣлено 24,888 р. 30 к., а на довольствіе состоящихъ нынѣ въ наличности при заводахъ служителей и лошадей и съ Кантакузинскими, ежели оной отъ туда въ Слободскіе жъ полки выведенъ будетъ, по статской цѣнѣ приходитъ на годъ только до 6500 р.; и такъ, хотя на оные заводы число денегъ противъ одного полку и гораздо меньше, однако по предписаннымъ обстоятельствамъ изъ содержанія ихъ тамъ прибыли казенной никакой быть не можетъ, обывателямъ-же происходящія по тѣмъ заводамъ многихъ работъ во всегдашнее время исправленіи и отъ безпрестанной лѣса, хворосту, соломы и сѣна возки трудности, а кольми паче занятіе ихъ земли, луговъ и опустошеніе лѣсовъ и противъ состоянія у нихъ дву полковъ сравнять не можно, они жъ обыватели, какъ и Военной

Коллегіи не безъ извѣстно, кромѣ оныхъ заводовъ и въ содержаніи и исправленіи дву конныхъ 5000 да одноконныхъ 2500 казаковъ и себя ружьемъ, порохомъ и свинцомъ, а къ тому и въ довольствіи армейскихъ полковъ по неимуществу исправится не могутъ, чего ради все оное въ разсмотрѣніе Военной Коллегіи представилъ, а о томъ же де и въ Провіантскую Канцелярію отъ него Генерала Фельдмаршала рапортовано.

Въ томъ-же 757 году Генералъ Фельдмаршалъ же Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ доношеніемъ и рапортами въ Коллегію представлялъ: 1-мъ, августа 20 дня Генералъ де Аншефъ (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ къ нему рапортуетъ, что господинъ Малороссійской Гетманъ Графъ Разумовскій къ нему Графу Салтыкову сообщилъ, яко подлежащіе Кантакузинскихъ маетностей съ заводскихъ подданныхъ по расположенію Переяславской Полковой канцеляріи къ арміи число воловъ Ротмистръ Полянской выбирать не допускаетъ, и для того де отъ него Гетмана Переясловскому Полковнику Сулимѣ ордеромъ велѣно, ежели означенной Ротмистръ Полянской давать ихъ не станетъ, то оныя выбравъ изъ чередъ тѣхъ Кантакузинскихъ маетностей чьи-бъ они не были, но чтобъ въ такомъ-бы нужномъ дѣлѣ болѣе переписокъ и остановки быть не могло, требовалъ отъ него Графа Салтыкова о подтвержденіи, по чему посланнымъ отъ него къ находящемуся у смотренія и содержанія Кирасирскихъ Конскихъ заводовъ Премієръ—Маіору Финцелю ордеромъ велѣно-жъ со оныхъ Кантакузинскихъ подданныхъ требуемое число воловъ объявленному Ротмистру Полянскому буде не отданы, то въ ту полковую канцелярію отдать; въ предь-же повелѣно-ль будетъ имъ по нарядамъ Полковой Переясловской Канцеляріи таковые сборы и отправленіи чинить и врядъ того полку съ полковыми обывателями тягости несть требуетъ резолюціи, ибо, ежели они отъ таковыхъ полковыхъ сборовъ и нарядовъ увольнены не будутъ, то, будучи и кромѣ того отягощенными по Конскому заводу исправленіемъ казенныхъ работъ и содержаніемъ онаго, тожъ и довольствіемъ заводскихъ служителей, могутъ разойтится въ рознь подъ другія владѣльчества, отъ чего въ содержаніи его можетъ послѣдовать остановка, о чемъ Военной Коллегіи въ разсмотрѣніе и представляетъ, а понеже де Марта 8 дня рапортомъ отъ него Генерала Фельдмаршала оной Коллегіи между прочимъ представлено, что оные Кирасирскіе полки не въ его корпусѣ состоятъ, то и означеннымъ заводамъ въ командѣ помянутаго Графа Салтыкова признается за излишнее, ибо и кромѣ того ему по немалому состоянію въ дивизіи его полковъ и другихъ порученныхъ дѣлъ а особливо какъ при самихъ границахъ весьма много трудно и требовано, не благоволитъ-ли Военная Коллегія, дабы въ прочныхъ по его девизіи текущихъ дѣлахъ

не могло за тѣмъ чинится остановки, опредѣлить о тѣхъ заводахъ подлежащее смотрѣніе имѣть отъ тѣхъ Кирасирскихъ полковъ, куда и находящимся тамъ офицерамъ рапортовать, точію на оное резолюціи не имѣетъ, а нынѣ де, какъ и оной Коллегіи не безъизвѣстно, по самонужнѣйшимъ обстоятельствамъ и что ему Графу Салтыкову въ силѣ имяннаго указу назначено отъ него Генерала Фельдмаршала по движенію дивизіи его полковъ къ Польской границѣ изъ Харькова выступить, то и на иначе тѣмъ маетностямъ быть у него Графа Салтыкова въ вѣдомствѣ за неспособное признавается, чего ради о исключеніи оныхъ заводовъ изъ команды его и еще ссылаясь на упомянутое прежде поданное отъ него Генерала Фельдмаршала оной Коллегіи представляетъ и имѣетъ ожидать указу.

2-мъ, сентября 24 дня означенной же Графъ Салтыковъ къ нему Графу Бутурлину рапортомъ представляя требуетъ о учиненіи разсмотрѣнія въ не употребленіи Кантакузинскихъ маетностей подданныхъ за прописанными въ ономъ резоны по требованію Переяславской Полковой Канцеляріи ко исправленію крѣпостныхъ работъ и къ другимъ потребностямъ. А по неже де обстоятельствы онаго за недавнымъ въ командѣ его Генерала Фельдмаршала тѣхъ заводовъ вступленіемъ ему не извѣстны почему и резолюціи собою дать неможно, а представилъ въ разсмотрѣніе Военной Коллегіи.

3-мъ, октября 22 дня по промеморіи де Провіанской Канцеляріи посланнымъ отъ него къ Генералу Аншефу (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графу Салтыкову ордеромъ велѣно было изъ имѣющихся на Кирасирскихъ Конскихъ заводахъ лошадей, которыя въ Кирасирскую службу неспособны явятся, тѣхъ опредѣлить въ состоящіе въ украинѣ драгунскіе полки. На что въ присланномъ тогда къ нему отъ онаго Генерала Фельдмаршала Графа Салтыкова рапортѣ объявлено, яко изъ тѣхъ лошадей выбрано въ Кирасирской службѣ быть неспособныхъ 12-ть лошадей, изъ коихъ и опредѣлено въ Астраханской Гренадерской Конной 9, да въ Вятской драгунской полки 3; а по неже де того 757 года Марта 8 дня отъ него Генерала Фельдмаршала Графа Бутурлина Военной Коллегіи представлено и требовано указу, чтобъ о тѣхъ заводахъ подлежащее смотрѣніе имѣть и рапортовать прямо къ тѣмъ полкамъ упомянутымъ находящимся тамъ офицерамъ, токмо де на оное резолюціи не имѣетъ, о чемъ Военной Коллегіи вторично въ разсмотрѣніе представляетъ и ежели усмотрится чтобъ тѣмъ офицерамъ особливое смотрѣніе имѣть и рапортовать прямо къ ихъ полкамъ за не возможность, то для вышеписанныхъ обстоятельствъ проситъ поручить оныя подъ вѣдомство провіантской Канцеляріи, которая по своей должности лутчее во всемъ смотрѣніе имѣть и опредѣленнымъ къ тому офицерамъ наставленіе давать можетъ.

4-мъ, въ 758 году марта 5 дня хотя де отъ него Генерала Фельдмаршала Бутурлина Военной Коллегіи не однократно о исключеніи показанныхъ Конскихъ заводовъ изъ команды его представлено, но токмо на то резолюціи въ полученіи не имѣетъ, а какъ уже Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Салтыковъ изъ Украины отбылъ, чего ради посланнымъ отъ него Генерала Фельдмаршала Графа Бутурлина къ Генералу Лейтенанту Князу Прозоровскому ордеромъ велѣно, обо всемъ до тѣхъ заводовъ принадлежащемъ находящемуся тамъ Маіору Финцелю рапортовать и резолюціи требовать въ Провіантскую Канцелярію и изъ своего веденія ему Генералу Лейтенанту исключить.

Въ томъ же 758 году октября 16 дня по присланнымъ при доношеніи помянутагожъ Генерала Фельдмаршала Слободскихъ полковъ вѣдомостямъ показано, что на содержаніе введенныхъ въ слободскіе полки Кирасирскихъ Конскихъ заводовъ употреблено обывательскаго кошту яко то на конюшенное строеніе солому и протчіе потребности и довольствіе людей и лошадей по торговымъ, а работнымъ людямъ Коннымъ и пѣшимъ на заплату заработныхъ денегъ по плакатной цѣнѣ, всего на 68907 р. 78 к.

Декабря 17 дня посланнымъ изъ военной Коллегіи въ Провіантскую Канцелярію запросомъ требовано извѣстія, 1, въ бытность показанныхъ Кирасирскихъ полковъ Конскихъ заводовъ въ Малороссіи въ Гетманскихъ маетностяхъ сколько и по какому указу конюховъ было положено и изъ какихъ и сѣно они-ль на лошадей косили и другія работы исправляли или другими какими людьми, 2-е, нынѣ жъ на оныхъ заводахъ изъ Слободскихъ полковъ сколько изъ козаковъ или другихъ чиновъ въ конюхахъ такожъ и для работъ находится и сѣно оными-ль конюхами косится и другія работы исправляются или кромѣ ихъ другими какими людьми, 3-е, для онаго заводу конюшни какими людьми съ заплатою-ль строены или безъ заплаты, 4-е, сколько до введенія въ Слобдскія полки Конскихъ заводовъ и по введеніи какихъ армейскихъ полковъ въ которомъ году именно на ихъ содержаніи состояло и нынѣ состоитъ, 5-е, сначала-жъ введенія тѣхъ заводовъ въ Слободскія полки сколько въ которомъ году въ Кирасирскія и драгунскія полки съ тѣхъ заводовъ лошадей опредѣлено.

На что въ 759 году октября 11 дня рапортомъ изъ той Провіантской канцеляріи объявлено: на 1-е, что въ бытность помянутыхъ Конскихъ заводовъ въ Малороссіи въ Гетманскихъ маетностяхъ сколько и по какому указу конюховъ положено и изъ какихъ и сѣно они-ль на лошадей косили и другіе работы исправляли или другими какими людьми, за не отдачею бывшимъ у содержанія Кирасирскихъ конскихъ заводовъ Преміеръ-Маіоромъ Сипбухинымъ Преміеръ-же Маіору Финцелю дѣлъ,

знать не можно и справится не почемъ, на 2-е, на оныхъ де заводахъ изъ Слободскихъ полковъ изъ казачьихъ свойственниковъ и подпомощиковъ находится въ силѣ даннаго изъ Провіантской Канцеляріи о содержаніи Кирасирскихъ Конскихъ заводовъ штата по числу лошадей въ лѣтнее время у заводныхъ и приплодныхъ жеребцовъ отъ 3-хъ лѣтъ и больше у 5-ти одинъ, у кобылъ до 20-ти одинъ, а въ зимнее время у кобылъ-же у 10-ти одинъ, у заводскихъ воловъ у двy — 1, причисляя къ тому въ добавокъ присылаемыхъ отъ Ландмилицкихъ поселенныхъ при линіи и отъ Глуховскаго Гарнизоннаго полковъ полковымъ служителямъ конюховъ 106, а при какихъ именно мѣстахъ, вѣдомость при томъ сообщена, оные жъ конюхи ни какихъ заводскихъ работъ, кромѣ повелѣннаго у лошадей смотрѣнія, не исправляютъ и сѣно не косятъ, а заводскіе работы, егда гдѣ что случится при которомъ заводѣ, исправляютъ въ силѣ указу присланнаго на тѣ заводы изъ канцеляріи Генерала Провіанмейстера Князя Волконскаго 752 года октября 15 дня нарочно присланными отъ Слободскихъ полковъ мастеровыми людьми тако жъ и сѣно косится наряженными отъ тѣхъ Слободскихъ полковъ косарями, а къ тому накошенному въ добавокъ такожъ и овесъ къ конюшеннымъ дворамъ ставится по расположеніямъ Слободскихъ полковъ полковыхъ канцелярій въ счетъ консистенской дачи обывателями; на 3-е,— для онаго заводу конюшни дѣланы безъ заплаты по указу Военной Коллегіи 751 года іюня 20 дня командированными отъ драгунскихъ полковъ командами и наряженными отъ Слободскихъ полковъ мастеровыми людьми; на 4-е,—сколько до введенія въ Слободскіе полки Конскихъ заводовъ и по введніи, яко то 753 г. по декабрь мѣсяцъ какихъ армейскихъ полковъ въ которомъ году именно на ихъ содержаніи состояло, за не отдачею, какъ и выше упомянуто отъ Преміеръ-Маіора Синбухина дѣлъ, справится не по чемужъ, а съ того декабря мѣсяца 753 г. тѣхъ же армейскихъ полковъ въ которомъ году именно на ихъ содержаніи состояло и состоитъ, учиненная вѣдомость при томъ включена; на 5-е,— сначала-жъ введенія тѣхъ заводовъ въ Слободскія полки сколько въ которомъ году въ Кирасирскіе и драгунскіе полки съ тѣхъ заводовъ лошадей опредѣлено, вѣдомость же приложена.

А по онымъ вѣдомостямъ показано:

по 1-й, при заводахъ конюховъ Слободскихъ полковъ изъ казацкихъ свойственниковъ и подпомощиковъ Августа 1 къ числу состояло при заводахъ Кирасирскаго Его Императорскаго Высочества полку въ Сумскомъ 18, въ Ахтырскомъ 29, итого 47; при заводахъ третьяго Кирасирскаго полку въ Изюмскомъ 34, въ Острогожскомъ 25 итого 59, а при обоихъ заводахъ 106 человѣкъ.

по 2-й, сначала введенія Кирасирскихъ полковъ Конскихъ заводовъ въ Слободскія полки въ Кирасирскіе и другіе полки съ тѣхъ заводовъ лошадей опредѣлено, а именно: въ 751 году въ Кирасирскіе и драгунскіе, а по рознь не расписано и съ котораго сколько заводу не показано, 231, съ заводовъ Его Императорскаго Высочества полку въ 753 году въ Кирасирскіе 62, въ 755 году—119, въ драгунскіе 44, въ 757 году въ Кирасирскіе 51,—драгунскія 6, въ 758 году въ Кирасирскіе 49, драгунскія 7, отъ третьяго Кирасирскаго полку въ 753 году въ Кирасирскіе 23, въ 755 году—44; въ драгунскія 51, въ 757 году въ Кирасирскіе 28, въ драгунскіе 3, въ 758 году въ Кирасирскія 28, въ драгунскіе 6, а во всѣхъ съ 753 года съ обоихъ заводовъ Кирасирскихъ и драгунскихъ 759, да сверхъ того отправлено въ Ладмилицкой Корпусъ на заводы и въ службу въ 755 году кобылъ полковъ Его Императорскаго Высочества 101, отъ третьяго 91, въ 756 году жеребцовъ Его Императорскаго Высочества 11, третьяго 7, всего кобылъ и жеребцовъ отъ обоихъ заводовъ 210, а съ 751 года во всѣ мѣста въ отправленіи 1300.

По 3-й, по введеніи въ Слободскіе полки Кирасирскихъ Конскихъ заводовъ на содержаніи тѣхъ Слободскихъ полковъ было при заводахъ и коммисіи заводской для карауловъ и посылокъ—отъ Кирасирскихъ Лейбъ и Его Императорскаго Высочества такожъ и отъ драгунскихъ шести полковъ прописанныхъ въ той вѣдомости съ 753 и 759 году въ каждомъ мѣсяцѣ не по равному числу человѣкъ, яко то отъ Кирасирскихъ отъ 6-ти до 17-ти, а отъ драгунскихъ отъ одного и до 12 человѣкъ, а во многихъ мѣсяцахъ отъ инаго полку и никого не было и больше отъ всѣхъ полковъ въ мѣсяцъ на содержаніи 46-ти человѣкъ не имѣлось.

А по вѣдомости-жъ присланной отъ Генерала Аншефа и Кавалера Стрешнева въ 760 году октября 24 дня за іюль мѣсяцъ показано при заводѣ Кирасирскаго Его Императорскаго Высочества полку состоящемъ въ Сумскомъ и Ахтырскомъ полкахъ 931 да для работъ воловъ 26, при заводѣ третьяго Кирасирскаго полку въ Изюмскомъ и Острогожскомъ полкахъ 734 да для работъ воловъ 15, а при обоихъ заводахъ лошадей 1665, воловъ 41.

Въ 759 году марта 9 дня по указу изъ Правительствующаго Сената велѣно къ находящимся въ Малороссіи и въ Слободскихъ полкахъ вѣдомства Провіантской Канцеляріи Конскимъ заводамъ для порядочнаго ихъ содержанія и смотрѣнія надъ ними опредѣлить Главнымъ Командиромъ за способно признаннаго тою Канцеляріею изъ отставныхъ Полковника Александра Коробовскаго и въ бытность его при тѣхъ заводахъ

дахъ Командиромъ жалованье производить ему противъ армейскаго драгунскаго полку Полковника съ раціоны и на деньщиковъ изъ воинской остаточной отъ не полнаго комплекта суммы.

Узаконеніе.

Въ имянныхъ публикованныхъ указахъ между прочимъ напечатано: въ 1-мъ, въ 740 году марта 13 дня извѣстно Ея Императорскому Величеству учинилось, что въ Слободскихъ полкахъ и въ Малой Россіи разныхъ чиновъ люди, какъ обрѣтающіеся тамо при командахъ и у дѣлъ, такъ и проѣзжающія многія не только съ мундиромъ аммуниціею и съ протчими военными и другими припасами, но и съ партикулярными своими обозами, ѣздя, поступаютъ съ тамошними жительми безъ совѣстно и, не смотря на запретительныя толь многія указы, чинятъ великія обиды и раззорѣніи, берутъ нагло подводы безъ подорожно и безъ платежа прогоновъ, и харчь всякой, и фуражъ безъ денежно, и совсѣмъ оныхъ въ крайнее раззорѣніе приводятъ, что Ея Имераторскому Величеству и указамъ чинятъ весьма противно. А по неже оныя Слободскихъ и Малороссійскихъ полковъ какъ старшины, такъ казаки, а при томъ мѣщане и протчіе тамошніе обыватели и кромѣ такихъ Богу и Ея Императорскому Величеству противныхъ раззорѣніи въ минувшую Турецкою войну какъ въ подводахъ, такъ и работникахъ и въ протчемъ по необходимости принуждены были нести излишнія тягости, однако-жъ многіе безсовѣстные, не разсуждая о такихъ ихъ понесенныхъ военныхъ особливыхъ тягостяхъ войскъ Ея Императорскаго Величества, нѣкоторые Командиры то чинили и нагло оныхъ раззоряли; еже все Ея Императорское Величество за особливую противность причитать имѣетъ и такихъ богопротивныхъ поступкахъ (ежели все то правда, какъ Ея Императорское Величество слышитъ) болѣе терпѣть отнюдь не можетъ, того ради, сожалея и милосердуя о Ея Императорскаго Величества подданныхъ, симъ указомъ найкрѣпчайше всѣмъ повелѣваетъ, ктобъ какого званія ни былъ, какъ регулярныхъ войскъ, такъ нерегулярныхъ и всякаго чина и достоинства, чтобъ обрѣтающіеся тамо у дѣлъ и при командахъ тако-жъ и проѣзжающіе отнюдь ни кто не токмо ни какихъ взятковъ и нападковъ чинить не дерзали, но и подводъ и съѣстныхъ припасовъ фуража и протчаго ничего безъ денежно не брали и ни малѣйшей обиды не чинили и изъ подъ неволи ни подъ какимъ протекстомъ нечего не вымогали подъ смертною казнію; а когда и посылаемые изъ разныхъ мѣстъ съ указами курьеры и протчихъ чиновъ имѣть будутъ путь черезъ Слободскія полки и Малую Россію, такожъ когда надлежитъ вести какіе и казенные военные припасы яко то ружье, артиллерію, денежную казну мундиръ, аммуницію и дру-

ія тягости, которымъ необходимо потребно давать отъ мѣста до мѣста подводы, и тѣмъ брать по подорожнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежитъ и только то число подводъ сколько кому въ подорожной имянно написано и то съ указнымъ платежемъ прогонныхъ денегъ, а безъ платежа и излишнихъ подводъ сверхъ подорожныхъ отнюдь ни кому не брать подъ смертною-жъ казнію.

Во 2-мъ, въ 742 году августа 18 дня Ея Императорское Величество повелѣли, чтобъ въ Малой Россіи и въ Слободскихъ полкахъ ктобъ какого званія ни былъ, какъ регулярныхъ, такъ и не регулярныхъ войскъ всякаго чина и достоинства и обрѣтающіеся тамо у дѣлъ и при командахъ ,тако жъ и проѣзжающіе съ ружьемъ и амуниціею и другими казенными припасы или матеріалы и тамо въ квартирахъ состоящіе не токмо какихъ взятковъ и нападковъ по силѣ прежнихъ указовъ чинить не дерзали, но и подводъ безъ подорожныхъ и безъ денежно и излишнихъ сверхъ подорожныхъ отнюдь не брали и наималѣйшей обиды ни кому ни подъ какими виды не чинили и изъ подъ неволи ничего ни какими примѣтками и вымыслы не вымогали, такожъ и въ протчемъ во всемъ поступали-бъ такъ, какъ въ выданномъ указѣ при жизни блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, марта 13 дня 740 года изображено и въ Малой Россіи и въ Слободскихъ полкахъ публиковано подъ такимъ штрафомъ, какъ во ономъ же указѣ показано, и никого ни для какихъ дѣлъ, ни куда безъ прогоновъ и безъ подорожныхъ не посылать; посылающмся-же за Ея Императорскаго Величества дѣлами давать подорожныя и прогонныя деньги, какъ указы повелѣваютъ, изъ тѣхъ мѣстъ кто отъ куда посланъ будетъ, а безъ заплаты прогонныхъ денегъ отнюдь ни кого и ни зачѣмъ не посылать и подводъ безъ заплаты-жъ ктобъ ни былъ, какъ то и въ Великороссіи чинится, не давать; а Генералитету Штабъ и Оберъ офицерамъ, кои чрезъ Малую Россію и Слободскіе полки временно проѣзжаютъ или винтеръ квартиры имѣть будутъ, на квартиры свои уголья и дровъ отъ тамошнихъ обывателей и лѣсовъ для отводу на дрова и на другія потребности (кромѣ того, что необходимо принадлежать будетъ въ казеннымъ полковымъ потребностямъ) безъ денежно отнюдь не требовать и не брать подъ опасеніемъ военнаго суда, а довольствоваться каждому покупая. Да и на казенныя полковыя потребности, что необходимо понадобится, онаго требовать отъ тамошней старшины и справлять людьми и лошадьми полковыми, не требуя къ тому для работы людей и лошадей, и стоящимъ на винтеръ квартирахъ Генералитету жъ Штабъ Оберъ и унтеръ офицерамъ и ни кому для своихъ лошадей на конюшенныя и на другія строенія и потребности тамошнихъ обывательскихъ лѣсовъ безъ денежно и къ тѣмъ строеніямъ

людей отнюдь не брать и не требовать. А ежели случатся не обходимо какія полковыя строеніи, безъ которыхъ ни какимъ образомъ обойтится не возможно, и на такое строеніе лѣсовъ требовать отъ тамошней же старшины; а для строенія и въ работу отъ полковъ употреблять драгунъ и солдатъ и протчихъ заротныхъ чиновъ, а казаковъ и посполитыхъ людей отнюдь къ такимъ строеніямъ и ни подъ какими виды въ работу не употреблять же подъ опасеніемъ воинскаго суда и безъ отводу обывательскихъ лѣсовъ собою ни на что не рубить.

А нынѣ справкою изъ Правительствующаго Сената на требованіе въ военною Коллегію показано, каково де въ Правительствующемъ Сенатѣ о роздачѣ Конной Гвардіи Конскихъ заводовъ въ партикулярное содержаніе октября 24 и ноября 20 чиселъ 1755 года опредѣленіе состоялось, со онаго въ Коллегію приложены при томъ точная копія,

въ которой показано:

1755 года октября 24 и ноября 20 числъ въ собраніи Правительствующій Сенатъ по доношеніямъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Полковой Канцеляріи, коими объявляли: 1-мъ Иностранная Коллегія—въ ту де Коллегію Господинъ Малороссійской Гетманъ и Кавалеръ Графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій доношеніемъ отъ 31-го Іюля того года представлялъ, что хотя опредѣленіемъ Правительствующаго Сената, въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1754 года учиненнымъ, велѣно Лейбъ-Гвардіи Коннаго полку Конской заводъ за не отысканіемъ для переводу онаго удобныхъ мѣстъ и за наступающимъ тогда зимнимъ временемъ до прошедшей въ 755 году весны содержать въ тѣхъ же его Гетманскихъ маетностяхъ, въ коихъ содержатся, и обрѣтающихся при томъ заводѣ людей провіантомъ, а лошадей фуражемъ довольствовать за крайнимъ въ Малой Россіи въ тѣхъ маетностяхъ хлѣба и травъ не урожаемъ, покупая въ другихъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбу и сѣну урожай есть, и на покупку надлежащее число денегъ ассигновать статсъ конторѣ изъ доходовъ оной въ Кіевской или Бѣлгородской губерніяхъ имѣющихся, а между тѣмъ, какъ скоро возможно, всѣмъ находящимся во ономъ заводѣ лошадямъ опредѣленной же Правительствующимъ Сенатомъ разборъ учинить, однако тотъ Конной Гвардіи заводъ до нынѣ въ маетностяхъ его Гетманскихъ безъ разбору находится, такожъ что и состоящихъ въ Кантакузинскихъ маетностяхъ оставленныхъ тамъ до будущаго указа Кирасирскихъ лошадей до нынѣ не выведено. А по неже де тогдашнимъ лѣтомъ въ Малой Россіи въ разныхъ полкахъ и мѣстахъ саранчи множество показалось, которая съѣдаетъ хлѣбъ и траву, къ тому же безъ перерывно продолжаются дожди, отъ чего въ хлѣбѣ и сѣнѣ не

малаго чаять надобно недостатка, и чтобъ для тѣхъ Конной Гвардіи и Кирасирскаго заводовъ довольное число фуража къ будущей зимѣ приготовить тамошнимъ обывателямъ возможно было того не надежно, отъ чего, дабы тѣмъ заводамъ не послѣдовало не удовольства и лошадяхъ падежа, того ради представлялъ онъ Господинъ Гетманъ и Кавалеръ, не соизволено-ль будетъ Конной Гвардіи заводъ, по силѣ учиненнаго въ Правительствующемъ Сенатѣ опредѣленія, охотникамъ за поставку лошадьми или за платежъ деньгами заблаговременно роздать, а ежели того учинить не разсуждено будетъ, то какъ сей Конной Гвардіи, такъ и Кирасирской заводы изъ его Гетманскихъ и Кантакузинскихъ маетностей вывесть, и представлялъ о томъ къ резолюціи Правительствующаго Сената для того, что имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ іюня 5 дня 1750 года выводъ оныхъ заводовъ и потребныя въ томъ распоряженіи велѣно учинить Правительствующему Сенату; 2-мъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полку Полковая Канцелярія, что вышеозначенныя Полковыя заводскія лошади въ силѣ Правительствующаго Сената указу по партіямъ разобраны и оцѣнены, коихъ и явилось 102 партіи, и слѣдуетъ нынѣ въ силу того указу о раздачѣ тѣхъ партій желающимъ съ поставкою отъ каждой чрезъ четыре года въ каждой годъ по одной годной подъ рейтаръ лошади или съ платежемъ денегъ пятидесяти рублевъ чинить изъ Полковой Канцеляріи какъ здѣсь въ С.-Петербургѣ такъ въ Москвѣ и въ Малороссіи надлежащія публикаціи. А по неже когда по онымъ публикаціямъ вышеписанныя партіи на означенномъ основаніи съ поставкою лошадей или съ платежемъ въ годъ по пятидесятъ рублевъ роздаватся будутъ, то не уповательно, чтобъ за оныя партіи подъ рейтаръ лошади ставили, но болѣе платить будутъ деньгами, въ такомъ разсужденіи, что легче деньги заплатить нежели лошадь годную подъ рейтаръ поставить, и ежели платить будутъ деньгами, то не надежно, чтобъ за 50 рублевъ годную подъ рейтаръ лошадь не токмо внѣ Россіи, но и внутри купить возможно было, отъ чего въ полку Лейбъ-Гвардіи Конномъ во укомплектованіи подъ рейтаръ лошадей весьма приключатся будетъ не достатокъ, того ради оная Канцелярія, представляя, просила, не повелѣно-ль будетъ объявленныя партіи раздавать съ таковымъ обязательствомъ, чтобъ по взятіи оныхъ партій по силѣ Правительствующаго Сената указу по прошествіи 4-хъ лѣтъ въ каждой годъ ставили-бъ годныхъ подъ рейтаръ лошадей или-бъ платили деньгами за каждую лошадь въ годъ по 65 руб. тако жъ (?) не уповательно, чтобъ чрезъ четыре года кто хотѣлъ ставить въ полкъ лошадь или платить по 65 р., а пожелаютъ принести по оцѣнкѣ за партіи деньгами, въ такомъ состояніи полкъ не можетъ быть лошадьми доволенъ, и не соизволитъ-ли Прави-

тельствующій Сенатъ опредѣлить, дабы еще чрезъ четыре года за партіи денегъ не приносили, а оставили-бъ лошадь или-бъ платили по 65 руб., а какъ по раздачѣ партей окончится 8 лѣтъ, въ то время по оцѣнкѣ за партіи кто пожелаетъ отдавать деньги, приказать принимать, чрезъ что полкъ Лейбъ-Гвардіи Конной во укомплектованіи лошадей будетъ доволенъ, и требовала указу; 3-мъ, та же Канцелярія по рапорту обрѣтающагося при тѣхъ Конскихъ заводахъ Ротмистра фонъ Лоссова требовала объ отпускѣ на покупку для довольствія состоящихъ при томъ Конскомъ заводѣ Полковыхъ чиновъ и заводскихъ служителей провіанта и на лошадей фуража до разобранія всего онаго заводу потребное число денежной казны изъ Бѣлогородской губернской Канцеляріи отпущать и объ асигнованіи въ Статсъ Контору опредѣлить указомъ, и по учиненной въ Сенатѣ справкѣ Приказали: о раздачѣ вышеписанныхъ лошадей въ партикулярное содержаніе съ платежемъ отъ всякой партіи по одной годной подъ рейтаръ лошади или о платежѣ за нихъ для представленныхъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полку отъ Полковой Канцеляріи резоновъ вмѣсто прежде назначенной 50 рублевой цѣны по 65 руб. за каждую и о пріемѣ за розданныя партіи отъ содержателей по учиненной оцѣнкѣ денегъ по прошествіи 8 лѣтъ учинить той Канцеляріи по вышеозначенному ее представленію и со включеніемъ всего того публиковать, а между тѣмъ со учиненной оному Конскому заводу описи, по которой лошади по партіямъ разобраны и оцѣнены, взнесть въ Правительствующій Сенатъ при доношеніи копію немедленно; и докамѣсть всѣ лошади въ партикулярное содержаніе розданы будутъ, до того времяни на покупку для довольствія полковыхъ чиновъ и заводскихъ служителей провіанта, а лошадей фуража потребное число денегъ Статсъ Конторѣ асигновать изъ Бѣлогородской Губернской Канцеляріи немедленно, дабы за неимѣніемъ при заводѣ денегъ люди въ провіантѣ, а лошади въ фуражѣ не могли претерпѣвать нужды, и о томъ во оную Полковую Канцелярію и въ Статсъ Контору послать указы. А о заводахъ же Конскихъ Лейбъ-Кирасирскихъ полковъ по силѣ прежнихъ Правительствующаго Сената опредѣленій и посланныхъ указовъ Военной Коллегіи представленіе съ требуемыми описаніями и вѣдомостями подать въ Правительствующій Сенатъ немедленно-жъ.

Представленіе Слободскихъ полковъ.

6.

О безденежномъ довольствіи воинскихъ чиновъ и о взятьи провіанта и фуража лошадей воловъ телѣгъ и протчаго безъ платы.

Бывающіе въ Слободскихъ полкахъ Генералитетъ съ Штабомъ и Коммисаріатъ довольствуются безденежно. А сверхъ того и находящіяся полки провіантъ и фуражъ лошадей воловъ и телѣги и протчее берутъ безъ платы-жъ.

Мнѣніе Генерала Фельдмаршала

на 6.

Бывающими въ Слободскихъ полкахъ на винтеръ квартирахъ и въ проходъ воинскими чинами безъ денежное взятье провіанта и фуража и протчаго на крѣпко запретить, ибо они сами службу исправляютъ да и учреждающіяся регулярные полки на ихъ же содержаніи будутъ.

По справкѣ въ Коллегіи

на 6-й пунктъ.

Узаконеніе.

Въ имянныхъ указахъ между протчимъ изображено:

Въ 1-мъ, данномъ покойному Генералу Князю Шаховскому 734 г. іюля 31 дня по 10 пункту въ Слободскихъ полкахъ учредить по станціямъ порядочныя почты, на которыхъ посланнымъ курьеромъ отъ Генералитета, стоящаго при Украинскомъ Корпусѣ, и посылающимся изъ Коммисіи Генерала Князя Шаховскаго за нужными дѣлами давать по подорожнымъ по одной и по двѣ и до 4-хъ подводъ безъ прогоновъ, а Генералитету и протчимъ чинамъ, которымъ надлежитъ для Ея Императорскаго Величества дѣлъ ѣхать съ поспѣшеніемъ, подводы давать же за указные прогоны.

Во 2-мъ, печатномъ публикованномъ 740 г. марта 13 дня, извѣстно Ея Императорскому Величеству учинилось, что въ Слободскихъ полкахъ и въ Малороссіи разныхъ чиновъ люди, какъ обрѣтающіяся тамо при командахъ и у дѣлъ, такъ и проѣзжающіе, многіе не только съ мундиромъ аммуниціею и съ протчими военными и другими припасами, но и съ партикулярными своими обозами ѣздя, поступаютъ съ тамошними жителями безъ совѣстно и, не смотря на запретительные толь многіе указы, чинятъ великія обиды и раззорѣніи—берутъ нагло подводы безъ подорожныхъ и безъ платежа прогоновъ и харчъ всякой, и фуражъ безъ денежно, и многихъ невинныхъ людей напрасно бьютъ, и увѣчатъ жестокими побоями, а нѣкоторые нападками своими и взятки берутъ день-

гами, вещами, лошадьми и скотомъ и со всѣмъ оныхъ въ крайнее раззорѣніе приводятъ, что Ея Императорскому Величеству и указамъ чинятъ весьма противно. А по неже оные Слободскихъ и Малороссійскихъ полковъ какъ старшины, такъ казаки а при томъ мѣщане и протчіе тамошніе обыватели и кромѣ такихъ Богу и Ея Императорскому Величеству противныхъ раззорѣніи въ минувшую Турецкую войну какъ въ подводахъ, такъ и въ работникахъ и въ протчемъ по необходимости принуждены были нести излишнія тягости, однако жъ многія безъ совѣстныя, не разсуждая о такихъ ихъ понесенныхъ военныхъ особливыхъ тягостяхъ, какъ войскъ Ея Императорскаго Величества нѣкоторыя Командиры, такъ и изъ обрѣтающихся тамо присутствующихъ въ войсковой и Министерской Канцеляріяхъ члены, презрѣвъ Ея Императорскаго Величества указы, не токмо протчихъ безбожно и безсовѣстно такъ поступать попускали и онымъ раззорителямъ потакали и Ея Императорскому Величеству не доносили, но и сами, какъ уже Ея Императорскому Величеству извѣстно, многое тожъ чинили и нагло оныхъ раззоряли, еже все Ея Императорское Величество за особливую противность причитать имѣетъ и такихъ богопротивныхъ поступокъ (ежели все то правда, какъ Ея Императорское Величество слышитъ) болѣе терпѣть отнюдь не можетъ, того ради, сожалѣя и милосердуя о Ея Императорскаго Величества подданыхъ, симъ указомъ наикрѣпчайше всѣмъ повелѣваетъ: ктобъ какого званія ни былъ, какъ регулярныхъ войскъ, такъ нерегулярныхъ и всякаго чина и достоинства, чтобъ обрѣтающіяся тамо у дѣлъ и при командахъ такожъ и проѣзжающія отнюдь ни кто не токмо ни какихъ взятковъ и нападковъ чинить не дерзали, но и подводъ и съѣстныхъ припасовъ фуража и протчаго ничего безъ денежно не брали и ни малѣйшей обиды не чинили и изъ подневоли ни подъ какимъ протекстомъ ничего не вымогали подъ смертною казнію, а когда и посылаемыя изъ разныхъ мѣстъ съ указами курьеры и протчихъ чиновъ имѣть будутъ путь чрезъ Слободскія полки и Малороссію, тако жъ когда надлежитъ вести какія и казенныя военныя припасы, яко то ружье, артиллерію, денежную казну мундиръ, аммуницію и другія тягости, которымъ необходимо потребно давать отъ мѣста до мѣста подводы, и тѣмъ брать по подорожнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежитъ, и только то число подводъ, сколько кому въ подорожной именно написано, и то съ указнымъ платежемъ прогонныхъ денегъ, а безъ платежа и излишнихъ подводъ сверхъ подорожныхъ отнюдь никому не требовать подъ смертною жъ казнею.

Въ 3-мъ, печатномъ же публикованномъ 742 года августа 18 дня Ея Императорское Величество повелѣли, чтобъ въ Малороссіи и въ Слободскихъ полкахъ ктобъ какого званія ни былъ какъ регулярныхъ такъ

и не регулярныхъ войскъ всякаго чина и достоинства и обрѣтающіяся тамо у дѣлъ и при командахъ также и проѣзжающія съ ружьемъ и аммуниціею и съ другими казенными припасы или матеріалы и тамо въ квартирахъ состоящіе не токмо какихъ взятковъ и нападковъ по силѣ прежнихъ указовъ чинить не дерзали, но и подводъ безъ подорожныхъ и безденежно и излишнихъ сверхъ подорожныхъ отнюдь не брали и наималѣйшей обиды никому ни подъ какими виды не чинили и изъ подневоли ничего ни какими примѣтками и вымыслы не вымогали также и въ протчемъ во всемъ поступали-бъ такъ, какъ въ выданномъ указѣ при жизни блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны марта 13 дня 740 года изображено и въ Малороссіи и въ Слободскихъ полкахъ публиковано, подъ такимъ штрафомъ, какъ во ономъ же указѣ показано, и ни кого ни для какихъ дѣлъ и ни куда безъ прогоновъ и безъ подорожныхъ не посылать, посылающимся же за Ея Императорскаго Величества дѣлами давать подорожные и прогонные деньги какъ указы повелѣваютъ изъ тѣхъ мѣстъ, кто отъ куда посланъ будетъ, а безъ заплаты прогонныхъ денегъ отнюдь никого и ни зачѣмъ не посылать и подводъ безъ заплатъ ктобъ ни былъ, какъ то и въ Великороссіи чинится, не давать, а Генералитету Штабъ Оберъ и унтеръ офицерамъ и рядовымъ, которые тамо въ Малой Россіи и въ Слободскихъ полкахъ винтеръ квартиры имѣть будутъ отнюдь, безъ отводу отъ тамошней старшины и отъ ратушъ самимъ собою квартиръ не занимать и не ставится, а стоять на квартирахъ по отводамъ отъ старшины и отъ ратушъ какъ о томъ прежними указами повелѣно и въ Великороссіи поступается, и Генералитету жъ Штабъ и Оберъ-офицерамъ, кои чрезъ Малую Россію и Слободскія полки временно проѣзжаютъ или винтеръ квартиры имѣть будутъ на квартиры свои уголья и дровъ отъ тамошнихъ обывателей и лѣсовъ для отводу на дрова и на другія потребности (кромѣ того что не обходимо принадлежать будетъ къ казеннымъ Полковымъ потребностямъ) безденежно отнюдь не требовать и не брать подъ опасеніемъ военнаго суда, а довольствоваться каждому покупая; да и на казенныя полковыя потребности, что необходимо понадобится, онаго требовать отъ тамошней старшины и исправлять людьми и лошадьми Полковыми, не требуя къ тому для работы людей и лошадей; стоящимъ-же на винтеръ квартирахъ Генералитету-жъ Штабъ Оберъ и унтеръ-офицерамъ и ни кому для своихъ лошадей на конюшенныя и на другія строенія и потребности тамошнихъ обывательскихъ лѣсовъ безъ денежно и къ тѣмъ строеніямъ людей отнюдь не брать и не требовать, а ежели случатся необходимо какіе полковыя строенія, безъ которыхъ ни какимъ образомъ обойтится невозможно, и на такое строеніе лѣсовъ требовать отъ тамошней же

старшины, а для строенія и въ работу отъ полковъ употреблять драгунъ и солдать и протчихъ заротныхъ чиновъ, а казаковъ и посполитыхъ людей отнюдь къ такимъ строеніямъ и ни подъ какими виды въ работу не употреблять же подъ опасеніемъ военнаго суда и безъ отводу обывательскихъ лѣсовъ собою ни начто не рубить.

Представленіе Слободскихъ полковъ.	*Мнѣніе Генерала Фельдмаршала*
7.	на 7.
О положенныхъ кабацкихъ окладахъ. На тѣжъ полки положены какъ-бы и на Великороссійскіе города кабацкіе оклады, а вина въ продажу изъ казны не отпущается и потому за неплатежемъ денегъ числятся напрасно немалая на полкахъ недоимка.	Оные оклады сложить и въ предъ противъ Россійскихъ не числить, ибо по Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу 751 года въ куреніи и продажѣ въ тѣхъ полкахъ вина дана вольность и къ нимъ поставки и отпуску ни отъ куда изъ казны не бываетъ.

По справкѣ въ Коллеіги

на 7-й пунктъ.

Узаконеніе.

Какія о вольностяхъ Слободскихъ полковъ жалованныя въ тѣ полки грамоты даны и указы состоялись, о томъ въ справкѣ Коллегской на 1-й пунктъ во указаніе росписано выше сего.

О бывшемъ раскосованномъ и о учрежденномъ Гусарскомъ Слободскихъ

ніемъ и первы

1	2	3
757 года іюня 18 дня мнѣніе Генерала Аншефа (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графа Салтыкова.	Представленіе Слободскихъ полковъ прописанное при мнѣніи Генерала Фельдмаршала Графа Бутурлина	760 года мая 30 дня мнѣніе Генерала Фельдмаршала Графа Бутурлина.
1.	**Часть 2.** 8.	на 8.
Въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества имян-	Въ 756 году по Высочайшему имян-	Извѣстно, что оной Гусарской

Въ 751 году декабря 25 дня въ имянномъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшемъ и въ народъ публикованномъ указѣ между протчимъ въ 1-мъ пунктѣ о продажѣ вина, пива и меду съ кабаковь напечатано: въ С.-Петербургѣ въ Москвѣ и во всѣхъ великороссійскихъ городахъ (кромѣ Малороссіи, Гетманскихъ и Слободскихъ полковъ и Остзейскихъ губерній и провинцій, ибо оныя содержатся особливо на ихъ правахъ и привилегіяхъ) кто изъ представленныхъ къ питейной продажѣ и выборныхъ ларешныхъ и целовальниковъ станутъ продавать вино, пиво и медъ въ противность указовъ, тѣхъ штрафовать какъ во ономъ указѣ изображено.

А какъ прежде сего отъ Генерала Аншефа (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графа Петра Семеновича Салтыкова о бытіи всѣмъ Слободскимъ Гусарскими полками и о протчемъ, во исполненіе Правительствующаго Сената указа, а по содержанію присланныхъ при томъ съ поданныхъ въ Сенатъ отъ Генерала Фельдцейхмейстера Графа Петра Ивановича Шувалова предложенія примѣрнаго штата и прожекта Изюмскаго Слободскаго полку полковаго обознаго (что нынѣ Полковникъ) Милорадовича, прислано было въ Сенатъ мнѣніе, которое нынѣ при указѣ изъ Сената-жъ въ Коллегію сообщено, то по приличеству къ сображенію объ одной матеріи разныхъ разсужденей съ объясненіемъ на мнѣніе-жъ Генерала Фельдмаршала Графа Александра Борисовича Бутурлина части 2-й на 8 и 9 и 3-й части на 1-й и 2-й пункты, какое предъ симъ вышеозначенное Генерала Фельдмаршала Графа Салтыкова было мнѣніе, тако-жъ Слободскихъ полковъ представленіе, и на то нынѣшнее Генерала Фельдмаршала-жъ Графа Бутурлина мнѣніе, тожъ и поданное въ Коллегію Слободскаго Острогожскаго полку отъ Полковника Тевяшова, особливо-жъ и присланное въ конференцію а изъ оной въ Коллегію-жъ Бригадира Банческуля представленіи, и что по справкѣ въ Коллегіи оказалось, о томъ значитъ ниже сего:

полкахъ *и о желаніи ихъ принять регулярную* службу съ возвращеніемъ вольностей.

4	5	6
761 года іюня 18 дня представленіе Полковника *Тевяшова.*	761 года января 17 дня представленіе-жъ Бригадира *Банческуля*	
Хотя де изъ Правительствующаго Сената въ Военную Кол-	Какова де челобитная сочинена имъ	

1

наго повелѣнія по указамъ Правительствующаго Сената велѣно бывшій, но потомъ раскосованной, Слободской драгунской полкъ сдѣлать Гусарскимъ и употребить оной тамъ, гдѣ нужно больше требовать будетъ; а по предложенію помянутаго Господина Фельцейхмейстера разсуждено оной Гусарской полкъ ради показанныхъ въ предложеніи резоновъ, между которыми за важнѣйшее считается не малая обширность тамошнихъ поселеней и недостатокъ подпомощиковъ, учредить не изо всѣхъ 5-ти Слободскихъ полковъ, какъ предъ симъ Слободской драгунской полкъ состоялъ, но выбравъ которой способнѣе, кромѣ Изюмскаго, сочинить цѣлымъ полкомъ, въ чемъ и полковой обозной Милорадовичь своимъ прожектомъ согласуется да и собранныя тамъ къ разсужденію Слободскихъ полковъ старшина, а именно Изюмскаго Полковникъ Федоръ *Краснокуцкой*, полковыя обозныя Ахтырскаго Михаила *Боярской*, Сумскаго Василій *Лукьяновъ*, полковыя судьи Харьковскаго Иванъ *Ковалевской*, Острогожскаго Иванъ *Голубинъ*, Изюмскаго Семенъ *Любашевской*, Харьковскаго жъ Есаулъ *Горленской*, да Сумскаго полковой писарь *Рубановъ*, учиня особливое разсужденіе, за руками своими подали и, прописывая во ономъ резоны, признаваютъ за полезно: по неже тогда всѣ Слободскія 5 полковъ, изъ которыхъ бы одинъ Гусарскимъ учредить надлежало, находились въ

2

ному Ея Императорскаго Величества указу точно повелѣно бывшей, но потомъ раскасованной драгунской полкъ, который помѣщенъ въ 5000 число, учредить Гусарскимъ полкомъ токмо оной учрежденъ не изъ того драгунскаго, но сверхъ означеннаго 5000 числа изъ дѣйствительныхъ казаковъ, изъ свойственниковъ и подпомощиковъ, и въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 759 года по указу Правительствующаго Сената на содержаніе того полку прибавлено на оставшихъ подпомощиковъ-же и свойственниковъ въ окладъ къ прежнимъ 18 к. по $22^1/_2$ к., но тѣ набранныя изъ онаго Гусарскаго полку по не привычкѣ къ командѣ Иностранныхъ офицеровъ и отъ не стерпѣливости отъ нихъ побой и нападковъ чинятъ безпрестанныя побѣги, на мѣсто которыхъ хотя и берутъ въ тожъ время какъ убыль послѣдуетъ съ крайнимъ раззорѣніемъ другихъ, однако и до нынѣ не въ комплектѣ, да и оставшія подпомощи-

3

полкъ содержится сверхъ 5000 числа казаковъ къ великому Слободскихъ полковъ отягощенію, потому что какъ излишнія и великія поборы наложены, такъ и комплектованіе людьми происходитъ безсрочно, а какъ только убыль въ ротахъ послѣдуетъ, то другихъ и требуютъ къ томужъ и лошади отъ старшинъ и служащихъ казаковъ браны безъ денежно, черезъ все то въ крайнѣе приведены истощаніе да и впредь приводимы будутъ, а на иначе что и одинъ тотъ Гусарской полкъ болѣе становится суммою нежели учреждаемые нынѣ три драгунскіе, ибо по учиненному о томъ полку штату при первомъ учрежденіи положено на жалованье и на всѣ вещи болѣе 82000 р., и на означенные драгунскіе со всѣмъ въ годъ 64794 руб. 57 к., къ томужъ и платье Гусарское имъ не привычное да и офицеры, какъ

4	5	6
легію и прислано представленіе Слободскихъ полковъ 754 года, подписанное тѣхъ полковъ Полковниками и первыми Полковыми и сотенными старшинами, въ коемъ довольно изображено, что всѣ 5 Слободскихъ полковъ единственно въ Гусарскую службу вступить желаютъ и оную при прежнихъ Всемилостивѣйше пожалованныхъ привилегіяхъ все усерднѣйше продолжать должны, но сверхъ того каковы и онъ Полковникъ имѣетъ въ полученіи отъ всѣхъ Слободскихъ полковъ полковыхъ и сотенныхъ старшинъ о таковомъ же усердномъ желаніи реформы регулярной службы писма и съ рапортовъ и протчіе подлежащіе къ тому копіи, оные при томъ Военной Коллегіи сообщилъ, въ коихъ де писмахъ между протчимъ оные старшины просятъ, чтобъ находящихся нынѣ въ Слободскомъ Гусарскомъ тожъ и бывшихъ въ раскосованномъ драгунскомъ полкахъ Штабъ и Оберъ и унтеръ-офицеровъ какъ нынѣ при учрежденіи такъ и въ предь за показанными въ тѣхъ писмахъ а особливо за выраженными въ вышеписанномъ присланномъ въ Правительствующій Сенатъ въ 757 году Слободскихъ полковъ представленіи резонами не опредѣлять, а въ требуемое комплектное число Штабъ, Оберъ и унтеръ-офицеровъ вмѣстить изъ дѣйствительно служащихъ нынѣ въ Слободскихъ полкахъ полковниковъ, полковыхъ и сотенныхъ старшинъ и изъ подпрапорныхъ по достоинству, а если оныхъ въ ком-	Бригадиромъ на основаніи Всемилостивѣйшихъ данныхъ въ Слободскіе полки грамотъ о не сходственномъ противъ оныхъ не поверенномъ Острогожскаго Слободскаго полку Полковника Тевяшова прожектѣ о распредѣленіи тѣхъ полковъ драгунскими и пѣхотными, оную съ подлежащими обстоятельствы въ наблюденіе имяннаго Ея Императорскаго Величества указа состоявшагося въ 760 г. августа 16 дня по резону производимаго о томъ въ конференціи разсмотрѣнія къ предъ упрежденію при томъ приложилъ; въ которой челобитной показано: въ силѣ де Высочайшаго имяннаго Ея Императорскаго Величества указа въ 757 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ опредѣленъ онъ въ Слободскіе полки на мѣсто Бригадира Копниста съ производженіемъ денежнаго жалованья съ раціонами и деньщичьимъ по армейскому чину за долговремянные его вѣрные и безпорочные до того регулярные 20 лѣтніе службы и по вступленіи въ коман-	Означенной въ челобитьѣ Бригадира Банческуля состоявшейся имянной указъ данъ Сенату о правосудіи.

1

походѣ, по множеству жъ предъ протчими людей къ тому учрежденію Сумской полкъ хотя и способнѣе другихъ признавается, но что изъ онаго въ походѣ двy конныхъ казаковъ находится 1321, одноконныхъ въ разныхъ раскомандированіяхъ 650, да во учреждающейся изо всѣхъ 5-ти выбрано въ Гусары 258, а всего 2229 человѣкъ, къ чему какъ казаки, такъ и гусары выбраны люди самыя лутчія, за которымъ выборомъ ежели оной точно учредить Гусарскимъ, не дожидаясь прибытія изъ походу двy конныхъ и не роспустя одноконныхъ казаковъ такожъ и Гусаръ выбранныхъ изъ всѣхъ Слободскихъ полковъ, ибо и по указу Правительствующаго Сената повелѣно не останавливая онаго учреждающаго то учинить, тогда изъ онаго одного Сумскаго полку взято будетъ въ одно время въ казаки двy и одно конныя 1961, въ Гусары 1434, всего 3398 человѣкъ и для того его Гусарскимъ учредить ни какъ не возможно, и чтобъ людей способныхъ къ Гусарской службѣ, яко болѣе 1000 человѣкъ рядовыхъ и протчихъ нижнихъ чиновъ потребно, набратся не можетъ, того ради по мнѣнію его Генерала Фельдмаршала надлежитъ до возвращенія изъ походу казаковъ остатся Гусарскимъ полкомъ одному учреждающемуся (въ которой, хотя и изъ всѣхъ 5-ти, людей набрано полное число, кои по собраніи въ полковыя города и военной экзерциціи давно уже обучаются), а когда

2

ки отъ многихъ наложенныхъ тягостей и раззорѣней не только по одиначкѣ, но и цѣлыми семьями оставя свои домы бѣгутъ-же въ безъ извѣстныя мѣста, и такъ уже нынѣ къ содержанію и вооруженію казаковъ не болѣе тѣхъ свойственниковъ и подпомощиковъ остается какъ по 11 душъ на казака, но изъ того многіе престарѣлые и малолѣтные и ко исправленію Экономіи и промысламъ почти ни кого не остается.

3

иностранные и что они людей тамошнихъ рекрутуютъ а не вербуютъ, такого попеченія заботливости и бережения какъ бы тамошнія природные имѣть не могутъ, а сверхъ всего того и однаго онаго Гусарскаго полку способность меньше нежели когда всѣ тѣ Слободскіе 5-ть полковъ регулярными учредятся; и по всѣмъ тѣмъ резонамъ, не со изволено-ль будетъ тотъ полкъ причислить въ число оныхъ 5 полковъ и, доколе регулярно формируются, комплектованіемъ и содержаніемъ его отмѣнить, а и мундирные и амуничные вещи употреблять до окончанія сроковъ и жалованье всѣмъ чинамъ производить уже нынѣ полагаемое, а которые офицеры на томъ жалованье быть не похотятъ, тѣхъ распредѣлить въ прежніе мѣста; что-жъ всѣ тѣ полки учреждаются не Гусарскими и то, какъ выше значитъ, для уменьшенія

4

плектъ доставать не будетъ, то дополнить взятыми въ нынѣшней Слободской Гусарской полкъ старшинскими и казачьими дѣтьми, находящимися въ Оберъ и унтеръ-офицерахъ; къ содержанію же тѣхъ полковъ въ положенной по мнѣнію Генерала Фельдмаршала Графа Александра Борисовича Бутурлина съ 5000 числа казачьихъ складокъ 20-ти рублевой сборъ причислены-бъ были платежемъ всѣ состоящіе внутрь Слободскихъ полковъ на привилегированныхъ земляхъ владѣльческіе подданные съ тѣмъ окладомъ, какъ въ прошломъ 759 году Правительствующаго Сената указомъ сбирать со оныхъ повелѣно, то есть по 40 к. съ души, въ чемъ и мнѣніе Генерала Фельдцейхмейстера Графа Петра Ивановича Шувалова, предложенное въ 756 году Правительствующему Сенату о сихъ поселеніяхъ, точно согласуетъ; да и оной 40 копѣешной сборъ вышеизображеннымъ Правительствующаго Сената 759 года указомъ на одинъ Слободской Гусарской полкъ сборовъ опредѣленъ то нынѣ и паче для всѣхъ 5 полковъ оному слѣдственно быть причислену къ вышеписанной назначенной Слободскихъ полковъ суммѣ, что все въ разсмотрѣніе и учрежденіе Военной Коллегіи представляетъ.

А въ сообщенныхъ при томъ приложеніяхъ явствуетъ: Въ писмахъ къ Полковнику Тевяшову Слободскихъ Ахтырскаго, Сумскаго, Изюмскаго и Харьковскаго полковъ за руками стар-

5

дованіе тѣми полками о происшедшихъ въ тягости народа сверхъ данныхъ тѣмъ полкамъ привилегіи и грамотъ наложностей, которые, не стерпя, и сильные побѣги чинить начали, поданы ему тѣхъ полковъ отъ Полковниковъ и старшины прошеніи и того же времени при своемъ мнѣніи взнесены по командѣ, и въ разсужденіи нѣкоторыхъ терминовъ включенныхъ отъ него, кои прибытокъ интересу содержали, а народу освобожденіе отъ видимаго раззорѣнія, ордеромъ опредѣлено до воспослѣдованія отъ Главной команды апробаціи содержать тѣхъ полковъ и исправлять на прописанномъ отъ него Бригадира основаніи, а въ 759 году іюля мѣсяца Острогожскаго полку Полковникъ Степанъ Тевяшовъ отбылъ въ С.-Петербургъ, и ордеромъ Генерала Фельдмаршала Графа Александра Борисовича Бутурлина повелѣно, ежели сверхъ назначенныхъ въ прежде поданныхъ отъ Слободскихъ полковъ прошеніяхъ нужды еще имѣютъ, отправить

1	2	3
5000 число казаковъ изъ походу возвратятся, то къ выбору и учрежденію въ Гусарской упоминаемой Сумской полкъ для предписанныхъ въ предложеніи Генерала Фельдцейхмейстера резоновъ, чтобъ чрезъ содержаніе изъ всѣхъ 5 Слободскихъ одного Гусарскаго полку избѣжать многихъ затрудненей, мнѣніе его Генерала Фельдмаршала представляетъ, и тогда оной учреждающейся изъ всѣхъ 5-ти Гусарской полкъ скосовать, дабы оными въ протчихъ 4 казачья, а въ Сумскомъ полку учреждающаяся Гусарская служба въ исправное состояніе приведена быть могла.		суммы, но и не только въ жалованье, но и въ мундирныхъ и аммуничныхъ вещахъ, а къ тому-жъ и надежность ихъ въ военное время когда будутъ дѣйствительно регулярными, лутче нежели Гусарскими.
2-е.	9.	на 9-й.
Что же касается до Штабъ и Оберъ-офицеровъ, то, хотя Слободскихъ полковъ старшина, какъ въ разсужденіи ихъ изъяснено, желаніе и имѣютъ, что бы кромѣ изъ ихъ нынѣ состоящихъ Полковниковъ Полковой и Сотенной старшины во опредѣленіи во оныя офицерскія чины не было, но по мнѣнію его Генерала Фельдмаршала для лутчаго приведенія тѣхъ Гусаръ яко новыхъ и необыкновенныхъ людей въ надлежащую къ Гусарскому порядку исправность и значеніе военной экзерциціи надлежитъ быть во учреждающемся изъ всѣхъ, а по скосованіи онаго, когда одинъ Сумской полкъ учрежденъ будетъ, то и во ономъ нѣсколькимъ человѣкамъ изъ Иностранныхъ и изъ старыхъ Гусарскихъ полковъ,	Лошадей во оной же полкъ брали безъ порядочнаго росписанія, сколько у кого нашлось лутчихъ, безъ заплаты и не только въ одинъ разъ, но четырежъ ды уже были яко за негодностію перемѣняемы, и отъ того одному только Острогожскому полку до 9000 руб. убытку, а ото всѣхъ по примѣру и исчисленію до 45000 р.; а сверхъ того отъ офицеровъ того Гусарскаго полку старшинѣ и казакамъ бываютъ великіе обиды и побои. **Часть 3.** И для того всѣ полки *общественно желаютъ принять регулярную службу* съ тѣмъ:	Представляется оное только о раззорѣніяхъ ихъ во извѣстіе да и ежели оной Гусарской полкъ не отмѣнить, то и въ предь, къ ихъ крайнему убытку и большому изнеможенію то жъ слѣдовать можетъ.

4	5	6
шинъ 760 года октября 30 и 761 года января и февраля отъ 22 чиселъ.— въ 1-мъ, во 2-мъ, въ 3-мъ и въ 4-мъ въ равной силѣ: Какъ де изъ получаемыхъ тамъ по командѣ ордеровъ такъ и по увѣдомленію отъ него Полковника довольно имъ чувствительно, съ какимъ благопризрѣніемъ Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ нынѣшніе Слободскихъ полковъ изнеможеніи въ собственное свое принялъ разсмотрѣніе и къ поправленію оныхъ сколь милостивое его простирается попеченіе со обнадеживаніемъ, что въ сихъ полкахъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества благоволенію сдѣлана быть имѣетъ ко облегченію нынѣшнихъ тягостей реформа регулярнаго содержанія какъ о томъ видно изъ сообщеннаго краткаго плана; не малая де его Генерала Фельдмаршала къ тамошнему народу милость тѣмъ чувствительнее обязываетъ ихъ къ безконечной благодарности, чемъ вящая изъ такой регулярной службы Отечеству предвидится польза, а народу отъ другихъ тяжестей единственное увольненіе; но точію бъ онъ Полковникъ содержаніе сего послѣдняго пункта и связанныхъ съ тѣмъ ниже слѣдующихъ обстоятельствъ разсмотрѣлъ прилѣжнее они почитаютъ, что все содержаніе регулярнаго корпуса единственно полагается на самихъ казаковъ и ихъ подпомощиковъ, считая на всякую казачью складку по 20 руб. въ годъ и въ тотъ же	прямо чрезъ его Тевяшова къ нему Генералу Фельдмаршалу прошеніи, въ сходство чему и съ прописаніемъ однихъ нуждъ, кои къ раззорѣнію народу слѣдовали, отправили, но точію помянутой Полковникъ Тевяшовъ токмо въ виду и тамъ будучи участника себя оказывалъ, будто бы равное и онъ въ тѣхъ нуждахъ и съ протчими желаніе имѣетъ, гдѣ надлежитъ по Главной командѣ ко изложенію стараніе прилагать, а въ самомъ дѣлѣ за прибытіемъ въ С.-Петербургъ, какъ обстоятельно видно изъ употребляемыхъ его представленіевъ, скрытное его намѣреніе открылъ, включая якобы всѣ Слободскіе полки обще желаютъ о распредѣленіи ихъ регулярными, *чего ни когда ни отъ кого не бывало и ему не повѣрено,* да и при тамошней границѣ противу сосѣдней стороны, а паче когда нужда востребуетъ на вящая надобность зависитъ при соединеніи легкихъ войскъ къ скоропостижному употребленію въ сохраненіе Высочайша-	

1

коихъ во учреждающейся уже и опредѣлено Подполковникъ, Маіоръ, Капитанъ, Подпоручикъ и нѣсколько унтеръ-офицеровъ и другихъ нижнихъ чиновъ, а ктому въ полное число опредѣлить изъ служащихъ предъ симъ въ Слободскомъ драгунскомъ, какъ и по предложенію Генерала Фельдцейхмейстера разсуждено, хотя изъ оныхъ по большой части всѣ уже престарѣлы и къ полевой службѣ неспособны, однако сколько годныхъ найтится можетъ, а затѣмъ по не достатку изъ старшинъ равно жъ тому и унтеръ-офицеровъ и капраловъ накомплектовать буде найдутся жъ годныя изъ бывшихъ во ономъ драгунскомъ полку, а чего не достанетъ, изъ подпрапорныхъ и старшинскихъ дѣтей.

3.

А хотя въ предложеніи Генерала Фельдцейхмейстера и предписано, что, когда полнаго числа унтеръ-офицеровъ изъ служащихъ предъ симъ въ драгунскомъ полку способныхъ къ полевой службѣ не сыщется, то взять изъ подпрапорныхъ старшинскихъ, какъ въ томъ, которой Гусарскимъ формированъ будетъ, такъ и въ другихъ казачьихъ полкахъ, также и изъ принадлежащихъ до тѣхъ Слободскихъ бывшихъ въ драгунскомъ изъ Великороссійскаго и и Молдавскаго шляхетства жительствующаго по Слободскимъ же полкамъ дѣтей, а потомъ уже принимать изъ разночин-

2

1.

Для ободрѣнія народа и удержанія отъ побѣговъ публиковать указомъ со обнадеживаніемъ милости и возвратить первыя вольности и сложить всѣ излишнія противъ привилегей тягости.

2.

Оные полки наименовать Слободскимъ Корпусомъ, Полковниковъ произвесть Полковниками, а въ офицеры изъ старшинъ съ рангами противъ бывшаго Драгунскаго полку и производеніе имѣть особливо по корпусу.

3

На 1.

Грамотами возобновить отъ Правительствующаго Сената.

На 2.

О наименованіи тѣхъ полковъ Слободскимъ корпусомъ согласенъ, а Штабъ и Оберъ-офицеровъ опредѣлить изъ тѣхъ же Слободскихъ полковъ, выбравъ изъ старшинъ достойныхъ и къ регулярной службѣ способныхъ, а особливо изъ такихъ, кои въ регулярной службѣ были, съ рангами противъ Ландмилицкихъ, что уже и прежде указомъ повелѣно, и въ предъ производеніе на случающіяся вакансіи чинить особо по тому корпусу пѣхотнымъ съ пѣхотными а драгунскимъ съ драгунскими командующему на Украинѣ Шефу до Капита-

Подписка козаковъ Угольчанской сотни въ томъ, что они недовольны подмогою.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ той же сотни о томъ, что они находились въ партикулярныхъ работахъ у сотника Ковалевскаго и у его брата.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ Деркаческой сотни въ томъ, что ихъ не употребляли ни въ какія партикулярныя работы.

Подписка козаковъ Деркачевской сотни о томъ, что они довольны своей подмогой.

Подписка козаковъ Липецкой сотни о томъ же.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ о томъ, что они не употреблялись въ партикулярныя работы.

Подписка козака Хутрова о томъ, что его подмогой сотникъ Авксентіевъ пользовался для своихъ нуждъ.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ Мацуженка и другихъ въ томъ, что они у сотника Авксентіева находились въ партикулярныхъ работахъ.

Подписка козака Дуленка о томъ, что ему подмоги опредѣлено не было.

Подписка козаковъ с. Колопаевки о томъ, что они своей подмогой довольны.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ того же села въ томъ, что ихъ въ партикулярныя работы не употребляли.

Подписка козаковъ Салтовской сотни о томъ же.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ Салтовской сотни о неупотребленіи ихъ въ партикулярныя работы.

Подписка козаковъ Салтовской сотни с. Волчьихъ водъ о томъ, что они довольны своей подмогой и обижаемы старшиной не были.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ того же села о томъ, что ихъ не употребляли въ партикулярныя работы.

Подписка козаковъ м. Негольска о томъ же.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ того же м. о томъ же.

Подписка козаковъ и козачьихъ подпомощниковъ с. Хотомли о томъ же.

Подписка подпомощниковъ подпропорнаго Рубиновскаго о употребленіи ихъ въ партикулярныя работы.

Подписка козаковъ Тишковской сотни о томъ, что они своей подмогой довольны.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ той же сотни о неупотребленіи ихъ въ партикулярныя работы.

Подписка козаковъ с. Борщеваго о томъ, что они довольны своей подмогой.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ о неупотребленіи ихъ въ партикулярныя работы.

Подписка козачьяго свойственника Шенна въ томъ, что сотникъ Тихоцкій употребляетъ его въ партикулярныя работы.

Подписка козаковъ Церкуновской сотни с. Лозовой и с. Церкуновъ о томъ, что они подмогою своей довольны и въ партикулярныя работы никто не употребляетъ.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ тѣхъ же селъ о неупотребленіи ихъ въ партикулярныя работы.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ Мартовецкой сотни о томъ, что ихъ сотникъ Черноглазовъ употреблялъ въ партикулярныя работы.

№ 108-й. 1747 года (на 128 листахъ).

О содержаніи на украинской линіи старшинъ и козаковъ.

Указъ о высылкѣ на украинскую линію опредѣленнаго числа козаковъ.

Доношеніе сотника Богаевскаго, находящагося на линіи, о смѣнѣ его другимъ.

О смѣнѣ асаула Сошальскаго и сотника Черноглазова.

О недостаткѣ сѣна для козаковъ, стоящихъ при кр. Св. Параскевы, такъ какъ заготовленные лѣтомъ запасы погорѣли.

Реестръ неспособныхъ козаковъ при кр. Св. Параскевы.

Доношенія сотенъ о высылкѣ козаковъ на линію.

О высылкѣ козаковъ не досланныхъ на линію.

Доношеніе Липецкаго сотника о томъ, что въ Липецкой сотнѣ нечего (за неурожаемъ травы) косить для конскихъ заводовъ.

Доношеніе козака Середенка на Люботинскаго сотника о нарядѣ его не въ очередь и о преслѣдованіи его, Середенко.

О высылкѣ не досланныхъ козаковъ Угольчанской сотни и о перемѣнѣ неисправныхъ Салтовской сотни.

О высылкѣ козаковъ на украинскую линію изъ Тишковской и Соколовской сотенъ.

О не высылкѣ козаковъ изъ Угольчанской сотни.

Рапортъ сотника Картаваго объ освобожденіи его отъ командировки по случаю смерти его сына и болѣзни жены.

Указъ а посылкѣ старшинъ въ сотни для укомплектованія.

О посылкѣ Липецкаго сотника Авксентіева для укомплектованія козаковъ въ Деркачевской, Золочевской и др. сотняхъ и въ с. Лопани.

Доношеніе Прокофія Квѣтки о томъ, чтобы съ Хорошевской сотни командировать для карауловъ меньшее число козаковъ.

Указъ о разсмотрѣніи генералу Бисмарку объ отпускѣ домой обрѣтающихся на линіи козаковъ Слободскихъ полковъ.

Указъ генерала Философова о назначеніи на линію кого-нибудь изъ старшинъ Харьковскаго полка.

Доношеніе Харьковской полковой канцеляріи къ генералу Философову съ указаніемъ, кто изъ старшинъ и когда былъ командированъ на линію.

Ордера бригадира Багрѣева въ Харьковскую полковую канцелярію о не высылкѣ изъ Изюмскаго полка въ Бахмутскую и Торскую крѣпости для разъѣздовъ и карауловъ козаковъ.

Промеморія Харьковской полковой канцеляріи въ Новгородскій драгунскій полкъ о томъ, чтобы деньги на фуражъ и провіантъ требовать изъ Ахтырскаго дистрикта.

Письмо Бисмарка къ Харьковскому полковнику о командированіи на линію старшины Харьковскаго полка вмѣсто вахмистра Митюрина.

Доношеніе Харьковской полковой канцеляріи фонъ-Бисмарку о томъ, что очередь отправить на линію старшину не за Харьковскимъ полкомъ.

Промеморія изъ Харьковской полковой канцеляріи въ Ахтырскую о томъ же.

Указъ фонъ-Бисмарка о томъ, чтобы на письма Бахмутскаго коменданта Лосева полковыя Слободскія канцеляріи отвѣчали.

Объ отсылкѣ козаковъ Хорошевской сотни на украинскую линію.

Промеморія Ахтырской полковой канцеляріи въ Харьковскую о томъ, что командировать на линію полкового старшину очередь за Харьковскимъ полкомъ.

Доношеніе сотника Черноглазова о смѣнѣ его другимъ.

Указъ о не высылкѣ изъ Изюмскаго полка козаковъ къ Торской и Бахмутской крѣпостямъ.

Росписаніе, сколько съ какой сотни должно быть выслано козаковъ на линію.

О высылкѣ этихъ козаковъ.

№ 109-й. 1747 года (на 556 листахъ).

О укомплектованіи козаковъ.

Ордеръ бригадира Багрѣева о доставленіи вѣдомостей о доходахъ и расходахъ въ Харьковскомъ Слободскомъ полку.

Форма, по которой должны быть составлены вѣдомости.

Реестръ указамъ изъ военной Коллегіи, по которымъ отъ Слободскихъ канцелярій не послѣдовало исполненія.

Вѣдомость о козакахъ и ихъ свойственникахъ с. Церкуновъ и с. Лозовой (о умершихъ, ушедшихъ на другія мѣста жительства).

Такая же вѣдомость Соколовской сотни.

Вѣдомость о пришедшихъ въ Деркачевскую сотню изъ разныхъ мѣстъ подпомощникахъ.

Вѣдомость изъ Салтовской сотни объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ комплектѣ этой сотни.

Вѣдомость о томъ же изъ Деркачевской сотни.

Вѣдомость о числѣ козаковъ первой Харьковской сотни.

Вѣдомость о томъ же изъ Перекопской, Деркачевской, Ольшанской, Хорошевской, Валковской, Салтовской, Мартовецкой, Мерефянской, Липецкой, Соколовской, Тишковской, Пересѣчанской, Церкуновской, Золочевской, Люботинской и Угольчанской сотень.

Вѣдомость изъ Деркачевской сотни объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ комплектѣ козаковъ, свойственниковъ, подпомощниковъ и подсусѣдковъ этой сотни.

Такая же вѣдомость изъ первой полковой Харьковской сотни.

Доношеніе Авксентіева о томъ, что живущій въ с. русской Лозовой Малѣевъ, считающійся по грамотѣ козакомъ, не отбываетъ козачьей службы.

Доношеніе отъ сотень Харьковскаго п. о присылкѣ вѣдомостей о числѣ козаковъ.

О перекомплектованіи козаковъ с. Лопани, съ уменьшеніемъ имъ подмоги.

Инструкція, данная отправленному для укомплектованія козаковъ.

Промеморія отъ производящаго слѣдствіе о казацкихъ подпомощникахъ въ Харьковскомъ полку капитана сотника съ требованіемъ себѣ отъ Харьковской полковой канцеляріи помощника вмѣсто Шишкина другаго.

Вѣдомости отъ первой Харьковской сотни о числѣ собранныхъ денегъ съ козачьихъ подпомощниковъ и подсусѣдковъ за 1744 и 1745 г.г.

Вѣдомость отъ Ольшанской сотни о происшедшихъ перемѣнахъ въ комлектѣ козаковъ за 1747 г.

Доношенія сотника Якова Богаевскаго объ укомплектованіи сотень Харьковскаго полка.

Именная книга с. Лопани укомплектованнымъ козакамъ.

Вѣдомость о подданныхъ малороссіянахъ, состоящихъ подъ вѣдомствомъ владѣльцевъ.

Вѣдомость Валковской сотни о происшедшихъ перемѣнахъ въ комплектѣ подпомощниковъ.

Вѣдомости Тишковской сотни о происшедшихъ перемѣнахъ въ комплектѣ козаковъ, свойственниковъ и подпомощниковъ.

Слѣдствіе о козачьей службѣ жителей с. Колупаевки, великоросcіянъ Петра Шафоростова, Карпа Маканина и Семена Зѣновкина.

Справка о числѣ козаковъ въ Ахтырскомъ и Харьковскомъ полкахъ по компутамъ.

Указъ о назначеніи Осипу Ковалевскому подмоги.

Указъ о назначеніи подпрап. Протопопову подмоги.

Реестры козаковъ, свойственниковъ и подпощниковъ Валковской, Перекопской и Валковской сотень.

Реестръ обывателей Харьковской первой сотни, не состоящихъ ни за кѣмъ и живущихъ безъ всякаго опредѣленія.

Доношенія сотень Хор. полка по поводу полученія указа о предосторожности на случай непріятельскаго нападенія.

Вѣдомость о козакахъ Соколовской сотни наряженныхъ къ походу.

Доношеніе разныхъ сотенъ о высылкѣ козаковъ въ командировку на линію, на Бахмутскую и Торскую крѣпость и о высылкѣ бѣглыхъ.

Доношеніе сотника Голуховича о томъ, что пушкарь Савелій Заславскій съ товарищи не хотятъ платить десятикопѣечный сборъ.

Вѣдомость отъ второй Харьковской сотни о перемѣнахъ, происшедшихъ въ комплектѣ козачьемъ.

Вѣдомости Мерефянской и Перекопской сотень о козакахъ, состоящихъ на лицо и въ командировкѣ.

Вѣдомости Ольшанской сотни о перемѣнахъ, происшедшихъ въ комплектѣ 1744 г.

Вѣдомость Харьковскаго полка сравнительно съ комплектомъ 1744 года.

Именныя вѣдомости о козакахъ, состоящихъ на лицо, съ обозначеніемъ ихъ вооруженія, отъ второй Харьковской, Валковской, Салтовской, Мартовецкой, Мерефянской, Липецкой, Соколовской, Тишковской, Пересѣчанской, Церкуновской, Золочевской, Люботинской, Угольчанской, первой Харьковской, Перекопской, Деркачевской, Ольшанской и Хорошевской сотень.

Доношеніе Липецкой сотни о переводѣ почты изъ Церкуновъ и Деркачевской сотни въ Липецкую сотню.

Вѣдомость Салтовской сотни о козакахъ, ихъ свойственникахъ и подпомощникахъ, подпрапорныхъ и старшины.

Вѣдомость о прибылыхъ и убылыхъ козакахъ и подпомощникахъ.

Доношеніе подпрапорнаго Протопопова о томъ, что опредѣленные ему въ подмогу не оказываютъ ему вспомоществованія.

Вѣдомость объ опредѣленныхъ въ подмогу Иліи и Константину Черноглазовымъ.

Вѣдомость объ отобранныхъ подпомощникахъ отъ подпрапорныхъ Иліи и Константина Черноглазовыхъ.

Вѣдомость о подпомощникахъ, пожелавшихъ быть подмогою подпрапорнымъ Иліи и Константину Черноглазовымъ.

Вѣдомость объ опредѣленныхъ подпрапорщику Константину Черноглазову въ подмогу.

О неопредѣленіи въ подмогу подпрапорному Молѣеву записанныхъ козаками.

Объ опредѣленіи подмоги подпрапорному Константину Протопопову ротмистромъ Абазою и сотникомъ Богаевскимъ вновь, такъ какъ ранѣе опредѣленные отказываютъ въ повиновеніи Протопопову.

№ 110-й. 1747 года (на 96 листахъ).

О высылкѣ козаковъ въ Бахмутъ для содержанія карауловъ и разъѣздовъ.

Указъ о высылкѣ въ Бахмутскую и Торскую крѣпость изъ слободскихъ полковъ вмѣсто 40 козаковъ 200.

Указъ въ сотни Харьковскаго полка изъ полковой канцеляріи о высылкѣ слѣдуемаго числа козаковъ въ Бахмутъ и Торъ.

Росписаніе по сотнямъ о числѣ высланныхъ козаковъ въ Бахмутскую и Торскую крѣпости.

Доношеніе сотни Соколовской о томъ, что всѣ козаки этой сотни раскомандированы и некого выслать въ Бахмутъ и Торъ.

Доношенія разныхъ сотень Харьковскаго полка о высылкѣ козаковъ въ Бахмутъ и Торъ.

Промеморіи изъ Бахмутской баталіонной канцеляріи въ Харьковскую полковую канцелярію о высылкѣ казаковъ и косарей въ Бахмутскую и Торскую крѣпости.

О бѣглыхъ козакахъ Харьковскаго полка съ вышеупомянутыхъ крѣпостей.

Доношеніе подпрапорщика Сухолина, находящагося на караулѣ возлѣ Бахмутской крѣпости, о смѣнѣ его вмѣстѣ съ командой другими.

О смѣнѣ подпрапорнаго Сухомлина Албоскимъ.

Указъ о присылкѣ въ Бахмутъ и Торъ полнаго числа козаковъ, а не по частямъ.

Указъ о томъ, чтобы козаки, отправляемые въ Бахмутъ, имѣли у себя косы: по косѣ на два козака.

Указъ о смѣнѣ сотника Щербины, находящагося въ командѣ Митюрина другимъ.

О смѣнѣ подпрапорнаго Сухомлина подпрапорнымъ Сонборскимъ.

Доношеніе сотника Щербины, находящагося на линіи, другимъ.

Промеморія изъ Бахмутской канцеляріи о побѣгѣ трехъ козаковъ, находящихся при крѣпости.

Именной списокъ козаковъ Харьковскаго полка, наряженныхъ въ Бахмутскую и Торскую крѣпость.

Именной списокъ козаковъ Харьковскаго полка, которымъ подпрапорнымъ Сухомлиномъ былъ розданъ порохъ.

О смѣнѣ подпрапорнаго Албоскаго, находящагося при Бахмутской крѣпости, Петровскимъ.

№ 111-й. 1747 года (на 121 листѣ).

О скотскомъ падежѣ.

О предосторожности по случаю появленія скотскаго падежа въ Корочанскомъ уѣздѣ.

Указъ о сообщеніи свѣдѣній относительно болѣзней скота.

Доношеніе Харьковской полковой канцеляріи въ Бѣлгородскую губернскую канцелярію о томъ, что по рапортамъ сотники Петровскаго, опредѣленнаго для наблюденія за скотскимъ падежомъ, въ Харьковскомъ полку скотскаго падежа пока нѣтъ.

Промеморія изъ Ахтырской полковой канцеляріи въ Харьковскую о скотскомъ падежѣ въ Ахтырскомъ полку.

Указъ Харьковской полковой канцеляріи сотникамъ этого полка о предосторожности.

Доношенія въ полковую канцелярію сотника Петровскаго о томъ, что владѣльцы не шлютъ рапорта о скотскомъ падежѣ

Извѣстіе о томъ, что въ Харьковскомъ полку обстоитъ все благополучно.

Промеморія изъ Бахмутской баталіонной канцеляріи о скотскомъ падежѣ въ Бахмутской крѣпости и вокругъ ея.

Тоже изъ Ахтырской канцеляріи о скотскомъ падежѣ въ с. Ямномъ.

Доношеніе сотника Петровскаго о томъ, что въ с. Даниловкѣ б. скотской падежъ, а сотенный атаманъ объ этомъ не донесъ.

Письмо Бисмарка къ Харьковскому полковнику о томъ, что Нехворощанскій сотникъ во время падежа скота въ Нехворощѣ поступалъ не по указамъ, за что и наказанъ.

О предосторожности по случаю скотскаго падежа въ Нехворощанской сотнѣ.

Указы о томъ, чтобы прогонщики скота имѣли паспорты и аттестаты, что они гонятъ скотъ изъ мѣстности, въ которой нѣтъ опасной болѣзни.

Доношеніе сотника Петровскаго объ опредѣленіи ему въ помощь другаго подпрапорнаго.

Объ опредѣленіи подпрапорнаго Ѳеодора Петровскаго въ помощь сотнику Андрею Петровскому.

Указы о имѣніи предосторожности (отъ скотскаго падежа) по случаю появившагося скотскаго падежа въ разныхъ мѣстахъ.

Указъ о не продажѣ и не пригонѣ на ярмарку въ Харьковъ скота.

Указы о появленіи скотского падежа около Петербурга и о предосторожностяхъ во время прогона скота въ Петербургъ.

Объ объявленіи, что въ Бахмутской крѣпости скотского падежа нѣтъ и проѣздъ за солью свободенъ.

Росписка атамана села Лозоваго о павшемъ скотѣ за Августъ мѣсяцъ въ селѣ и въ томъ, что въ Сентябрѣ мѣсяцѣ скотскаго падежа нѣтъ.

О скотскомъ падежѣ въ селѣ Безлюдовкѣ.

Ордеръ отъ бригадира Багрѣева въ Харьковскую полковую канцелярію о скотскомъ падежѣ въ Моякахъ и Старомъ Айдарѣ.

Печатный указъ о мѣрахъ для предосторожности противъ скотского падежа.

О скотскомъ падежѣ въ селѣ Лопани.

О томъ что сотники Угольчанскій и Валковскій да приказчики Нововодолажскій да Мерефянскій не дали рапортовъ о состояніи скотского падежа посланнымъ для справокъ сотникомъ Петровскимъ.

№ 112-й. 1747 и 1748 г.г. (на 78 листахъ).

О постройкѣ Украинской линіи.

Указъ о прикомандированіи къ генералу Философову конвоя и знающихъ мѣстность людей для изслѣдованія мѣстности къ построенію новой Украинской линіи.

Указъ о снаряженіи подводъ въ команду инженера Гревенса для возки инструментовъ.

Указъ о томъ-же съ обозначеніемъ, сколько изъ какого Слободскаго полка нужно нарядить подводъ.

Росписаніе, сколько изъ какого селенія Харьковскаго полка нужно выслать подводъ.

Инструкція нарочнымъ, посланнымъ для наряда подводъ.

Указъ изъ ландмилицкой канцеляріи о томъ, чтобы было составлено росписаніе о высылкѣ подводъ, ибо съ водолажскихъ жителей требуется большее число подводъ, чѣмъ съ прочихъ обывателей.

Доношенія нарочныхъ, посланныхъ для наряда подводъ, объ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія съ приложеніемъ росписокъ атамановъ и приказчиковъ о томъ, что подводы будутъ высланы.

Указъ о роспускѣ по домамъ наряженныхъ подводъ, такъ какъ инженеръ Гревенсъ за болѣзнью отправиться не можетъ.

Указъ о нарядѣ такого же числа подводъ, ибо въ слѣдующемъ 1748 г. весною, вмѣсто инженера Гревенса отправится инженеръ Елчаниновъ.

Указы Харьковской полковой канцеляріи въ селенія, изъ которыхъ наряжены подводы, о готовности этихъ подводъ.

Доношеніе Кириченка о томъ, что управитель с. Никитовки не желаетъ высылать подводъ.

Подписка слободы Мурафы о высылкѣ подводъ.

Указъ о не нарядѣ съ вотчинъ кн. Крапоткина подводъ, ибо по взносу сборовъ вотчины эти причислены къ Ахтырскому полку, и нарядѣ этихъ подводъ съ слободъ бригадира Хрущова, полковника Танскаго, полковницы Шидловской и сот. Никиты Ковалевскаго.

Доношеніе подпрапорщика Турченинова о высылкѣ подводъ въ м. Царичанку.

Инструкція о нарядѣ подводъ и о высылкѣ ихъ. Указы, инструкціи и пр. о высылкѣ недосланнаго числа подводъ.

Реестръ мѣстъ, съ которыхъ не высланы подводы.

Указъ изъ ландмилицкаго корпуса въ Харьковскую полковую канцелярію, почему съ Новой и Малой Водолагъ выслано такое значительное количество подводъ.

Доношеніе Харьковской канцеляріи по этому поводу.

Доношеніе козака Якова Сумины о высылкѣ подводъ изъ сл. Артемовки и с. Борокъ.

Тоже пушкаря Литвиненка о замѣнѣ негодной подводы изъ сл. Артемовки годной.

О высылкѣ подводъ изъ сл. Артемовки, с. Борокъ, изъ селъ бригадирши Дуниной, изъ с. Новой и Малой Водолаги и др. мѣстъ.

№ 113-й. 1747 и 1748 г.г. (на 84 листахъ).

О выступленіи въ походъ козаковъ и старшины.

Промеморія изъ Ахтырской полковой канцеляріи въ Харьковскую о томъ, что очередь высылать на линію полковую старшину не за Ахтырскомъ полкомъ.

Промеморія изъ Изюмской полковой канцеляріи въ Харьковскую полковую канцелярію о бѣгствѣ козаковъ Любогинской сотни съ карауловъ въ сл. Стратилатовкѣ.

Указъ о высылкѣ къ Лифляндской границѣ 1000 козаковъ изъ слободскихъ полковъ.

О высылкѣ козаковъ въ этомъ числѣ и изъ Харьковскаго полка.

Росписаніе Харьковской полковой канцеляріи о количествѣ высылаемыхъ козаковъ изъ каждой сотни.

Указы о нарядѣ козаковъ изъ Харьковскаго полка.

Доношеніе Прокофія Квѣтки о томъ, что асаулъ Буцкій препятствуетъ наряду козаковъ съ сотни Хорошевской.

Письмо Бисмарка къ Харьковскому полковнику Тевяшеву о нарядѣ 1000 козаковъ.

Подробные указы и инструкціи о нарядѣ козаковъ въ 1000-е число, съ подробнымъ обозначеніемъ, кто изъ старшинъ долженъ быть высланъ и изъ какого полка.

Указы о выступленіи козаковъ въ Спѣваковку, по случаю извѣстія сообщеннаго полковникомъ Капнистомъ, что Татары и Турки готовятся къ войнѣ.

Сказка голтвянскаго козака Лубенца, бывшаго въ Бахчисараѣ, о военныхъ приготовленіяхъ Татаръ.

Указы, промеморіи и доношенія о готовности козаковъ къ походу и о выступленіи ихъ.

Вѣдомости о козакахъ, выступившихъ въ походъ изъ сотенъ: Тишковской, Золочевской, Перекопской и Мерефянской.

Росписаніе Харьковской полковой канцеляріи, сколько козаковъ и изъ какихъ сотенъ слѣдуетъ отправить въ Изюмъ для разъѣздовъ.

Ордеръ подпрапорному Василію Рубану объ исполненіи обязанностей сотника въ Перекопской сотнѣ за отсутствіемъ сотника Пащинскаго.

Указъ генерала Философова о томъ, чтобы живущіе за украинскою линіею были укрыты внутрь границы.

Указъ его же о томъ, чтобы козаки своей сотни находились готовыми къ походу въ томъ мѣстѣ, гдѣ они могутъ достать провіантъ и фуражъ, и о томъ, чтобы о непріятельскихъ движеніяхъ не было разглашаемо среди простого народа, ибо эти разглашеніи ведутъ къ ложнымъ опасеніямъ.

Указъ о готовности козаковъ къ выступленію по первому приказанію генерала Философова.

Письмо Бисмарка къ полковнику Тевяшову о выступленіи козаковъ въ Лифяндской походъ.

Указъ о слѣдованіи козаковъ къ Лифляндской границѣ съ обозначеніемъ имъ маршрута.

Доношеніе Харьковской полковой канцеляріи Бисмарку объ исполненіи указа.

№ 114-й. 1747 года (на 180 листахъ).

О предосторожности противъ нападенія татаръ.

Указъ генерала Философова съ извѣстіемъ о томъ, что татары готовятся къ войнѣ.

Тотъ же указъ Харьковской полковой канцеляріи сотникамъ Харьковскаго полка.

Реверсъ перекопскаго сотника Пащинскаго о томъ, что онъ въ известное время явится къ своей сотнѣ.

Доношенія сотень о полученіи указа.

Промеморія изъ крѣпости Св. Анны о движеніяхъ среди непріятелей въ Крыму и въ другихъ мѣстахъ по южной границѣ.

Указъ Харьковской полковой канцеляріи сотникамъ о готовности ихъ сотень къ походу.

Такой же указъ полковому асаулу Буцкому и городничему Голуховичу.

Доношенія сотень объ исполненіи указа.

Указъ Философова о томъ, чтобы козаки были въ полной исправности, ибо хоружій Сошальскій, находящійся на линіи, доноситъ о неисправностяхъ козаковъ.

Указы изъ Бѣлгородской губернской канцеляріи о предосторожности противъ непріятельскихъ нападеній.

Реестръ находящихся на лицо и готовыхъ къ походу козаковъ Валковской сотни.

Доношеніе Липецкой сотни о томъ, что козаки Липецкой сотни, занятые возкою колодниковъ и писемъ, не могутъ приготовиться къ походу.

Реестръ находящихся на лицо и командированныхъ козаковъ Перекопской сотни.

Реестръ командированныхъ на линію козаковъ Липецкой сотни.

Указъ генерала Философова о готовности къ походу.

Доношеніе асаула Высочина объ увольненіи его отъ похода по случаю болѣзни.

Указъ сотнику Картавому объ укомплектованіи Салтовской сотни.

Указъ генерала Философова о присылкѣ извѣстія, кто изъ жителей Харьковскаго полка живетъ за украинскою линіею.

Доношеніе капитана Клишова объ извѣстіяхъ сообщенныхъ лазутчиками, посланными въ Крымъ.

Указы о готовности къ походу.

Указъ о переводѣ живущихъ за линіей внутрь границъ.

Доношеніе Соколовскаго сотника Жукова о неисправностяхъ Соколовской крѣпости.

О пересылкѣ черезъ Харьковъ изъ Острогожска генералу Бисмарку двухъ пакетовъ о секретномъ дѣлѣ.

О вычисленіи Сидоренка, Ильяшенка, Пойменка изъ подданства подпрапорнаго Черняка.

Вѣдомость Золочевской сотни, кто и откуда изъ казачьихъ свойственниковъ послѣ 1744 года прибыли въ Золочевскую сотню.

Промеморіи о нападеніяхъ и появленіяхъ непріятеля на Кубанскихъ и Крымскихъ границахъ.

Письмо фонъ Бисмарка къ Харьковскому полковнику о готовности козаковъ къ выступленію противъ непріятеля.

Указъ Харьковской полковой канцеляріи объ этомъ полковымъ и сотеннымъ старшинамъ.

Доношенія сотень о полученіи указа и объ исполненіи по оному (при доношеніи Тишковской сотни приложенъ списокъ козаковъ, а при доношеніи Люботинской и Деркачевской сотень подписка подпрапорнаго Ильи Черноглазова, Ивана Гужвинскаго и Марка Малѣева).

№ 115-й. Съ 1747 года по 1755 годъ (на 131 листѣ).

О сотникѣ Прокофіи Канивецкомъ и его родственникахъ Гавріилѣ Дмитріевѣ и Степанѣ Семенченкѣ.

Указъ изъ губернской Бѣлгородской канцеляріи о томъ, чтобы Краснокутскій сотникъ Канивецкій находился подъ вѣдомствомъ Харьковской полковой канцеляріи по случаю его притѣсненія Лесевицкими.

Прошеніе Золочевскаго жителя Канивецкаго о принятіи его подпрапорнымъ въ Харьковскій полкъ и о назначеніи ему подмоги и грунтовъ.

Опредѣленіе Канивецкаго подпрапорнымъ.

Доношеніе Золочевскаго сотника о томъ, что не изъ чего опредѣлить въ подмогу вновь опредѣленному въ подпрапорные Канѣвецкому.

Письмо Бисмарка къ Харьковскому полковнику объ опредѣленіи Канивецкаго сотникомъ.

Указъ изъ военной Коллегіи генералу Бимсмарку о наведеніи справокъ о достоинствѣ Канивецкаго и объ опредѣленіи его сотникомъ (здѣсь же упоминается о назначеніи на мѣста сотниковъ лицъ не за заслуги, а за родство полковой старшинѣ).

Доношеніе полковой канцеляріи Фонъ-Бисмарку по поводу назначенія Капевецкаго сотникомъ.

Промеморія Харьковской полковой канцеляріи въ Ахтырскую о службѣ Канивецкаго и его предковъ.

О производствѣ Каниведкаго въ чинъ сотника сверхъ комплекта въ Харьковскомъ полку и о назначеніи ему подмоги (здѣсь-же и присяжный листъ Каниведкаго).

Реестръ опредѣленныхъ въ подмогу подпрапорному Каниведкому въ Золочевской сотнѣ.

Доношеніе Золочевскаго сотника о томъ, что подпомощники Коваль, Глущенко и Божченко служить Каниведкому не хотятъ, ибо онъ ихъ посылаетъ въ чужіе лѣса воровать дерево себѣ на постройку.

Указъ полковой канцеляріи поручику Земборскому объ изслѣдованіи объ этомъ, а также вообще объ отягощеніи подпомощниковъ тещею Каниведкаго.

Прошеніе сотника Каниведкаго о томъ, что въ судѣ съ довѣрителемъ сотника Ковалевскаго Шишкинымъ онъ не можетъ вести дѣла, ибо Шишкинъ «смертноубивецъ».

Доношеніе Григорія Целюренка о томъ, что онъ не желаетъ «быть въ подмогѣ» Каниведкому, такъ какъ онъ притѣсняетъ его.

Доношеніе подпомощника Каниведкаго Нацюченка о томъ же.

Доношеніе козака Латматова о неотдачѣ Каниведкимъ ему двухъ занятыхъ рублей.

Доношеніе поручка Земборскаго о слѣдствіи по дѣлу Каниведкаго о стрѣляніи имъ изъ ружья въ дочь писаря Богодуховскаго.

Указъ Земборскому о вторичномъ производствѣ слѣдствія.

Ордеры бригадира Капниста о присылкѣ свѣдѣній о Каниведкомъ по случаю не назначенія его сотникомъ.

Рапортъ Харьковской полковой канцеляріи на эти ордеры.

Ордеръ полковой канцеляріи хоружему Смородскому объ изслѣдованіи о брани жены Коновалова Каниведкимъ.

Ордеры въ Харьковскую полковую канцелярію о томъ же.

Подписка Каниведкаго въ томъ, что онъ никуда не будетъ отлучаться самовольно впредь до рѣшенія дѣла его съ поручикомъ Коноваловымъ.

Доношеніе подпрапорнаго Федорова о нападеніи на него ночью въ дорогѣ Каниведкаго.

Объ отсылкѣ въ канцелярію оберъ-аудиторской экспедиціи двухъ дѣлъ поручика Коновалова: одного дѣла съ Каниведкимъ, а другого—о грабежѣ разныхъ пожитковъ Коновалова ворами.

Ордеръ въ Харьковскую полковую канцелярію о сообщеніи свѣдѣній судьѣ Сумскаго полка Кондратьеву о Каниведкомъ.

Письмо Кондратьева къ Харьковскому полковнику о присылкѣ свѣдѣній о Каниведкомъ для продолженія слѣдствія о немъ.

Извѣстіе Харьковской полковой канцеляріи о службѣ Каниведкаго въ Харьковскомъ полку.

Ордеръ о сыскѣ и поимкѣ Канивецкаго, бѣжавшаго изъ подъ караула.

Ордеръ Харьковской полковой канцеляріи о зачисленіи Канивецкаго впредь до указа подпрапорнымъ.

Ордеръ о производствѣ слѣдствія судьей Кондратьевымъ о службахъ Канивецкаго по случаю его челобитень въ военную коллегію.

О невысылкѣ извѣстій о Канивецкомъ по случаю удаленія полковника Тевяшова въ отпускъ.

Письмо полковника Тевяшева къ полковому асаулу о высылкѣ изъ Харьковской канцеляріи въ слѣдственную надъ Канивецкимъ коммиссію извѣстія о службѣ Канивецкаго.

Письмо Ушакова къ Харьковскому полковому обозному о назначеніи Канивецкаго сотникомъ Калачевской сотни и о неправильномъ доставленіи свѣдѣній о службѣ Канивецкаго и его предковъ.

Указъ военной коллегіи о назначеніи Канивецкаго сотникомъ Калачевской сотни и о доставленіи извѣстія, почему Харьковская и Ахтырская полковыя канцеляріи доставили невѣрныя свѣдѣнія о службѣ Канивецкаго и его предковъ.

Ордеръ Ушакова въ Харьковскую канцелярію о присылкѣ отвѣта по поводу доношенія о службѣ Канивецкаго.

Доношеніе Харьковской канцеляріи Ушакову въ отвѣтъ на его ордеръ.

Доношеніе Золочевскаго сотника объ опредѣленіи на мѣсто уволенныхъ Данилевскихъ Шапочниковъ въ козачьи свойственники.

Указъ Харьковской полковой канцеляріи объ опредѣленіи подпомощниковъ Канивецкаго въ подмогу Смородскому, а Шапочника укомплектовать въ козачью службу.

Доношеніе Золочевскаго сотника о томъ, что Шапочникъ назначенъ въ подмогу козаку Сметанѣ.

Указъ военной коллегіи объ увольненіи Канивецкаго отъ сотничества за ложное доношеніе и о непритѣсненіи асаула Тушкановскаго.

№ 116-й. 1747 года (на 44 листахъ).

О цѣнахъ на провіантъ и фуражъ.

Указъ о присылкѣ свѣдѣній о цѣнахъ на провіантъ и фуражъ.

Цѣны въ г. Харьковѣ на муку, пшено, овесъ, соль и сѣно за генварь мѣсяцъ.

Цѣны въ г. Харьковѣ за 1745 годъ. Указъ генерала Фолософова о доставкѣ справочныхъ цѣнъ на озимые и яровые хлѣба въ г. Харьковѣ съ 1731 г. по 1741 г.

Справочная вѣдомость цѣнъ съ 1733 г. по 1740 г. цѣны на провіантъ и фуражъ въ г. Харьковъ за Февраль.

Тоже за Іюнь.

Тоже за Мартъ.

-Тоже за Іюль.

О справкѣ о цѣнѣ на фуражъ въ г. Харьковѣ за Октябрь.

Указъ о писаніи товарныхъ цѣнъ въ таможнѣ на цѣлыхъ листахъ и на гербовой бумагѣ.

№ 117-й. 1747 года (на 65 листахъ).

О сыскѣ разнаго званія людей.

О сыскѣ бѣжавшаго драгуна Ефремовскаго полка Вялого.

То же рекрута Родіона Матехина.

О сыскѣ бѣжавшихъ трехъ семей, поселенныхъ на линіи за урядъ съ однодворцами изъ крестьянъ купленныхъ кн. Меньшиковымъ для поселенія въ Почеповской волости.

О сыскѣ бѣжавшаго рекрута Бѣляева.

О сыскѣ драгуна Личенцова.

О сыскѣ бѣжавшихъ изъ Полтавскаго секвестра колодниковъ Грузина, Семененка и Римаренка.

О сыскѣ бѣжавшихъ изъ вновь набранныхъ въ Ряжскій Ландмилицкій полкъ.

О сыскѣ бѣжавшихъ съ украинской линіи изъ купленныхъ кн. Меньшиковымъ для поселенія въ Почепской волости.

О покраденныхъ у поручика Раевскаго въ с. Филиповѣ лошадяхъ.

О сыскѣ бѣжавшихъ изъ с. Бригадировки крѣпостныхъ полковаго обознаго Быковскаго.

О сыскѣ бѣжавшаго рекрута Фирсова.

Письмо полковнику Тевяшову отъ Багрѣева о сыскѣ бѣжавшаго отъ него персіянина.

О сыскѣ бѣжавшаго двороваго человѣка вахмистра Любавскаго Волкова.

О сыскѣ ротнаго квартирмистра Зайцева.

О сыскѣ человѣка бригадира Багрѣева Балдина.

О сыскѣ работника съ лошадью, принадлежащей попу Харьковской Николаевской церкви.

О грабежѣ возлѣ с. Черемушнаго у драгуна Кузнецова какими то двумя людьми лошади и писемъ.

О сыскѣ бѣжавшихъ солдатъ Ладожскаго канальнаго баталіона.

О сыскѣ бѣжавшаго солдата Пѣтухова.

О сыскѣ бѣглыхъ людей капитанши Родниковой, поворовавшихъ у нея разные пожитки.

№ 118-й. 1747—1751 годовъ (на 1810 листахъ).

Слѣдственныя дѣла, производившіяся въ коммиссіи бригадира Фролова-Багрѣева. Прошенія козаковъ на старшинъ.

Ордеры бригадира Фролова-Багрѣева о приведеніи къ его пріѣзду въ порядокъ книгъ Харьковской полковой канцеляріи и о заготовленіи для него и его свиты квартиръ.

О передачѣ книгъ о козакахъ и подпомощникахъ за печатью вахмистру Любовскому, для передачи ихъ Багрѣеву.

Ордеръ Багрѣева въ Харьковскую полковую канцелярію о томъ, чтобы книги и вѣдомости о козакахъ были доставлены и составлены въ силѣ указовъ военной коллегіи, а не такъ, какъ предлагаетъ Ахтырская полковая канцелярія.

Ордеръ Харьковской канцеляріи о присылкѣ сказки козаковъ Ольшанской сотни о недовольствѣ ихъ подмогой.

Ордеръ о командированіи пяти козаковъ для развозки ордеровъ слѣдственной надъ слободскими полками коммиссіи въ Изюмскій и Острогожскій полки.

О присылкѣ именныхъ вѣдомостей о козакахъ въ слѣдственную коммиссію.

О присылкѣ указа о непокупкѣ помѣщиками козацкихъ земель.

О присылкѣ подробныхъ вѣдомостей о всѣхъ группахъ населенія Слободскаго Харьковскаго полка.

Доношеніе полковой канцеляріи въ слѣдственную коммиссію о цехахъ и о подпрапорныхъ.

Именной списокъ подпрапорныхъ Харьковскаго полка.

Разныя бумаги (переписка) по поводу слѣдствія о захватѣ полковницею Куликовской и сыномъ ея Чернякомъ мерефянскихъ дачъ при отводѣ полковымъ писаремъ Нестеровымъ полковницѣ с. Рокитнаго.

Указъ о производствѣ слѣдствія бригадиромъ Багрѣевомъ объ обидахъ козаковъ отъ старшины, объ отнятіи у козаковъ земель и пр.

О завладѣніи сотникомъ Тихоцкимъ дворомъ казачьяго подпомощника Кухни.

Доношеніе козака Москаленка о завладѣніи грунтами его отца Анастасіей Квѣткиной.

О захватѣ у козачьяго подпомощника Кашпора Ольшанскимъ сотникомъ луки.

О захватѣ у козачьяго подпомощника Кондраченка полковницею Авксентіевой разныхъ пожитковъ и о привлеченіи его въ подданство.

Ордеръ о присылкѣ въ слѣдственную коммиссію отвѣтовъ отъ лицъ, о коихъ производится слѣдствіе.

Объ употребленіи подпрапорными Черноглазовыми своихъ подпомощниковъ въ партикулярныя работы.

О публикованіи повсемѣстно указа о производствѣ слѣдствія бригадиромъ Багрѣевымъ о захватѣ козацкихъ земель и о привлеченіи въ подданство.

Списокъ лицъ, которые должны прислать отвѣты въ слѣдственную коммиссію и по какому дѣлу.

Вопросные пункты слѣдственной коммиссіи съ отвѣтами на нихъ Харьковской полковой канцеляріи.

Сказка солдата, находящагося при новостроющихся торскихъ и прежнихъ бахмутскихъ заводахъ, о брани его судьей Черноглазовымъ.

Отвѣты разныхъ лицъ о своихъ подданныхъ, на какомъ основаніи они владѣютъ ими.

Доношеніе козака Пащенка на Ковалевскую о возвращеніи ею ему Пащенку записи, взятой у него насильно по случаю покражи у Ковалевскаго алмазныхъ вещей.

Отвѣтъ полковницы Дуниной, что ея подданные никогда не были козаками и подпомощниками.

О командированіи изъ обывателей Люботинской сотни двухъ человѣкъ судьѣ Черноглазову для домовыхъ посылокъ.

О явкѣ въ Харьковскую полковую канцелярію владѣльцевъ, имѣющихъ подданныхъ, для отвѣта (приложенъ реестръ).

Доношеніе козака Никифоренка на сотника Петровскаго о томъ, что сотникъ требуетъ съ него «незнаемо за что» 15 руб.

Отвѣты сотника Голуховича и протопопа Александрова о своихъ подданныхъ.

Доношеніе козака Косого на атамана села Мануйловки Кирячина о взятомъ сѣнѣ.

Доношеніе козака Разумнаго о потравѣ сѣна обывательми слободы Авксентьевой.

Ордеръ слѣдственной коммиссіи въ полковую канцелярію о наблюденіи чрезъ сотниковъ за тѣмъ, чтобы неграмотными просителями подавались въ слѣдственную коммиссію правильныя просьбы о захватѣ земель.

Отвѣтъ Протасова о его подданныхъ.

Такой же отвѣтъ Дробицкаго.

Тоже попа Леонтія Калиновскаго.

Отвѣтъ сотника Тихоцкаго объ одной душѣ, пропущенной въ вѣдомости писаремъ Цинбаловымъ.

Тоже Золочевской сотни сотника Ковалевскаго о десяти пропущенныхъ въ комплектѣ душахъ.

Отвѣтъ сотника Тихоцкаго о завладѣніи имъ дворомъ козака Кухни.

Указъ Харьковской полковой канцеляріи о переходѣ подпомощника Швеца изъ Тишковской сотни въ Салтовскую.

Ордеръ слѣдственной коммиссіи о скорѣйшей присылкѣ отвѣтовъ.

Доношеніе сотника Щербины о прибылыхъ въ сотню Мерефянскую.

Доношеніе козака Мимренка на Харьковскаго жителя Сливку о завладѣніи имъ, Сливкой, половинной частью грунта Мимренка.

Указъ о производствѣ бригадиромъ Багрѣевымъ слѣдствія и объ исполненіи его приказаній.

Письмо Бисмарка къ Харьковскому полковнику о томъ же.

Ордеръ бригадира Багрѣева въ полковую канцелярію о публикаціи о продажѣ въ г. Харьковѣ негодныхъ драгунскихъ лошадей.

Ордеръ туда же съ требованіемъ дровъ для отопленія помѣщенія слѣдственной коммиссіи.

Ордеръ слѣдственной коммиссіи о производствѣ слѣдствія о спорной лукѣ козака Бурдера и капитана Шидловскаго.

Тоже о спорной землѣ между Ольшанскими обывателями Стрѣльникомъ и др. съ кн. Крапоткиной.

Ордеръ о непритѣсненіи и неупотребленіи ни для какихъ услугъ числившихся раньше козаками или подпомощниками, а теперь записанныхъ за кѣмъ нибудь.

Ордеръ слѣдственной коммиссіи о невписаніи въ Бѣлгородской губернской и воеводскихъ канцеляріяхъ крѣпостей на слободу Средніе Бурлучки.

Доношенія золочевскихъ козаковъ Ивана Сорокотяга съ товарищи о завладѣніи Голуховичемъ ихъ землею и о поселеніи на ней слободы Березовой.

Доношеніе козаковъ м. Золочева на сотничку Анастасію Квиткину о завладѣніи ихъ землей.

Доношеніе козаковъ с. Ковяги Якова Каденка съ товарищи на полковаго судью Черноглазова о завладѣніи землей.

Отвѣтъ Черноглазова по этому поводу.

Доношеніе козаковъ м. Золочева Васильченка съ товарищи на Черноглазова о завладѣніи землей.

Доношеніе Золочевскихъ козаковъ Лисупа съ товарищи на подпрапорнаго Квѣтку о томъ же.

Дѣло слѣдственное козака Угольчанской сотни Голубченка съ сотникомъ Ковалевскимъ о захватѣ мельницы и шести ульевъ пчелъ.

Дѣло козака Циркуновской сотни Донца съ Протопоповыми о распашной землѣ.

Дѣло Харьковскаго козака Бѣгунова съ Коллегіумскимъ монастыремъ о захватѣ пасѣчнаго мѣста.

Слѣдственное дѣло козака Циркуновской сотни Ены съ Протопоповыми о захватѣ земли, лошадей и побояхъ братьевъ Ены.

Дѣло золочевскихъ козаковъ Тендитникова съ товарищи о захватѣ козачьей пахатной земли и прочихъ угодій генераломъ Косоговымъ.

Дѣло золочевскихъ козаковъ Василія Литвинова съ товарищи о завладѣніи козачьими землями кн. Крапоткинымъ.

Указъ изъ военной коллегіи о порученіи слѣдствія о земляхъ въ Слободскихъ полкахъ полковнику Дурову вмѣсто бр. Багрѣева, произведеннаго въ генералы, и о производствѣ слѣдствія о поступкахъ вице-губернатора Пассека.

Реестръ указовъ ген. Философову и Багрѣеву о слѣдствіи въ Слободскихъ полкахъ.

Доношеніе золочевскихъ козаковъ Тендитникова съ товарищами о захватѣ у нихъ земли золочевскими сотниками Алексѣемъ и Романомъ Квитками, Голуховичемъ, кн. Крапоткинымъ, судьей Черноглазовымъ и другими лицами и о притѣсненіи козаковъ со стороны Харьковской старшины.

О доставленіи всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ въ слѣдственную коммиссію.

Инструкція драгуну Щедрину, отправленному за этими лицами.

Донесеніе Щедрина о томъ, что жена подпрапорнаго Квѣтки въ отсутствіе мужа отвѣтила Щедрину угрозами и бранью, а приказчикъ генерала Косогова отказался ѣхать.

Инструкція вторично посланному драгуну Сысоеву.

Доношеніе Сысоева объ исполненіи имъ порученія.

Доношеніе Татаринова, приказчика генерала Косогова, о томъ, что купчія на спорныя земли находятся у его хозяина генерала въ Петербургѣ.

О присылкѣ повѣреннаго по дѣлу о захватѣ генераломъ Косоговымъ земель у козаковъ.

О присылкѣ подпрапорнаго Квѣтки по дѣлу о захватѣ земель у козаковъ.

Прошеніе золочевскихъ козаковъ Фортушкова съ товарищи о томъ, что они во время лѣта не могутъ присутствовать въ судѣ по своему дѣлу, а довѣряютъ веденіе своего дѣла Тендитникову.

Объ изслѣдованіи болѣзни подпрапорнаго Квитки.

Указъ изъ военной коллегіи—при производствѣ слѣдствія объ обидахъ козакамъ отъ старшинъ спрашивать каждаго истца отдѣльно, хотя бы прошеніе было написано повѣреннымъ отъ нѣсколькихъ лицъ, такъ какъ повѣренные иногда подаютъ вымышленныя жалобы, старшинъ оказавшихся по слѣдствію правыми назначать вновь на мѣста по усмотрѣнію генерала фонъ-Бисмарка и о пр.

Указъ о производствѣ слѣдствія: подпрапорный Григорій Квѣтка дѣйствительно ли по болѣзни не можетъ явиться въ слѣдственную коммиссію.

Указъ о производствѣ слѣдствія: козаки Орловъ и Долженковъ съ товарищи, подавшіе жалобу въ слѣдственную коммиссію на сотника Тимошенкова, дѣйствительно ли подали жалобу отъ имени своихъ товарищей съ ихъ согласія.

О посылкѣ для производства этого слѣдствія поручика Блерія. Инструкція, данная ему при этомъ.

Доношенія поручика Блерія о производствѣ слѣдствія.

О посылкѣ прапорщика Григорова о производствѣ такого же слѣдствія по поводу жалобъ другихъ козаковъ.

Доношеніе прапорщика Григорова о производствѣ слѣдствія.

Доношеніе козаковъ Золочевской сотни Тендѣтникова съ товарищи объ обидахъ отъ старшинъ и разныхъ владѣльцевъ въ захватѣ имѣній и разныхъ угодій.

Копія съ выписи изъ межевыхъ книгъ о дачахъ Золочевскихъ обывателей.

Сказки козаковъ объ ихъ жалобахъ на старшинъ, данныя поручику Блери и прапорщику Григорову.

Указы о производствѣ слѣдствія по поводу поданныхъ прошеній Тендитникова и другихъ объ обидѣ козаковъ Золочевской сотни отъ старшинъ и другихъ лицъ.

Слѣдственное дѣло козака Гриценка съ Протопоповыми о захватѣ пахатной земли.

Слѣдственное дѣло (документы, относящіеся къ слѣдствію) о завладѣніи сѣнокосной луки, лѣса и пр. Протопоповымъ у козака села Церкуновъ Момота.

Дѣло о переводѣ подпрапорнаго Сухомлина въ вѣдѣніе Ахтырскаго полка по случаю нападокъ на него судьи Черноглазова.

Слѣдственное дѣло о захватѣ полковымъ судьею Квиткою у козачьяго подпомощника Сосновика земли.

Прошеніе козаковъ Мерефянской сотни Дьяченка съ товарищи о захватѣ у. нихъ Куликовскими земли.

Слѣдственное дѣло козака Ольшанской сотни Зыченка объ отнятіи у него распашной земли сотникомъ Ковалевскимъ.

О захватѣ у козаковъ Люботинской сотни Котляра и др. сотникомъ Петровскимъ земли.

Указы объ изслѣдованіи дѣлъ по жалобамъ козаковъ на сотника Тимошенкова въ учрежденіяхъ, которымъ подсудны эти дѣла.

Инструкція, данная Блери для изслѣдованія жалобъ, поданныхъ повѣренными отъ козаковъ: дѣйствительно ли онѣ поданы отъ ихъ имени.

Сказка козака Ярошенка, почему онъ о своей обидѣ отъ сотника Петровскаго не жаловался самъ лично.

Объ обидѣ козака Котляра сотникомъ Петровскимъ.

О производствѣ дѣла объ обидахъ козаковъ Люботинскимъ сотникомъ Петровскимъ.

Дѣло козака Валковской сотни Кобзаренка съ сотникомъ Богаевскимъ объ отнятіи земли.

Дѣло козаковъ Соколовской сотни Несмѣяна съ товарищи съ маіоромъ Юріемъ Куликовскимъ о завладѣніи землею.

Дѣло козака с. Нижеголи Лебедя о незаконномъ шестинедѣльномъ задержаніи его разсыльщикомъ Бѣлгородской губ. канцеляріи Дѣевымъ.

Жалоба козаковъ Ольшанской сотни Степана Зміенка и Антона Ляпуна объ отнятіи у нихъ сотникомъ Павломъ Ковалевскимъ пашни, облоговъ, пасѣки и накошеннаго сѣна.

Допросъ Пав. Ковалевскаго по поводу обвиненія.

Копіи съ предъявленныхъ П. Ковалевскимъ документовъ на владѣніе землею.

Запросъ комиссіи въ Харьковскую полковую канцелярію о мѣстныхъ порядкахъ владѣнія козаками землею (могутъ ли козаки владѣть землею безъ письменнаго вида, по старымъ заимкамъ).

Отвѣтъ Харьковской полковой канцеляріи на этотъ запросъ. (Приложена копія съ жалованной грамоты въ слободскіе полки 1700 г.).

Инструкція поручику Норову, посланному комиссіей для разслѣдованія на мѣстѣ о спорной землѣ козаковъ Зміенка и Ляпуна съ Ковалевскимъ.

Донесеніе поручика Норова о результатахъ своей командировки (приложены сказки старожиловъ о спорной землѣ).

Заявленіе козаковъ Зміенка и Ляпуна и сотника П. Ковалевскаго о полюбовномъ раздѣлѣ спорной земли.

Жалоба козака Валковской сотни Недоступа объ отнятіи у его отчима Чугуевскимъ полковникомъ Сем. Авксентьевымъ пашни и сѣно-

коснаго луга (путемъ составленія подложной записи съ помощью валковскихъ поповъ, вынужденныхъ къ этому страхомъ передъ угрозами полковника), о грабежѣ яблокъ, 3 воловъ, 500 пустыхъ ульевъ и пр.

Вызовы въ комиссію вдовы полковника Ульяны Авксентьевой, владѣющей отнятымъ у отчима козака Недоступа.

Жалоба козака Липецкой сотни Ивана Руденка объ отнятіи у него подпрапорнымъ Евдокимомъ Назаренкомъ сѣнокоснаго луга.

Допросъ Назаренка по поводу жалобы и заявленіе его о томъ, что лугъ купленъ его матерью у Липецкаго попа.

Копіи купчихъ крѣп., предъявленныхъ Назаренкомъ.

Жалоба коз. подпомощника Циркуновской сотни Епиченка объ отнятіи у его отца сотникомъ Аѳан. Протопоповымъ избы, 2 клѣтей и 50 саж. пашни и о владѣніи всѣмъ этимъ сыновьями обидчика.

Допросъ подпрап. Протопопова и его отвѣты на обвиненіе (владѣетъ оспариваемою землею по покупкѣ ея его отцомъ отъ Тишковскихъ жителей Епика и Бѣлоконя).

Вызовъ въ коммиссію свидѣтелей, бывшихъ при составленіи предъявленной Протопоповымъ купчей.

Показаніе коз. Шаповала о томъ, что свидѣтелемъ при продажѣ земли Протопопову онъ не былъ и попа Іоанна, подписавшагося за него подъ купчей, подписываться за себя не просилъ.

Жалоба Ольшанскихъ подпомощниковъ Дрываленка и Капустина объ отнятіи у нихъ Ольшанскимъ сотникомъ Никитою Ковалевскимъ пахотной земли и сѣнокоснаго луга.

Допросъ Н. Ковалевскаго и заявленіе его о владѣніи имъ землею по купчимъ и др. документамъ.

Копіи съ предъявленныхъ Н. Ковалевскимъ купчихъ и грамотъ изъ разряда на владѣніе землею.

Постановленіе комиссіи о дознаніи чрезъ нарочнаго на мѣстѣ, не владѣетъ ли Н. Ковалевскій спорною землею сверхъ той, которая значится за нимъ по документамъ.

Рапортъ въ комиссію прапор. Григорьева о томъ, что спорная земля входитъ въ кругъ владѣнія Н. Ковалевскаго, согласно съ представленными имъ документами.

Постановленіе комиссіи о прекращеніи дальнѣйшаго слѣдствія по дѣлу Дрываленка и Капустина съ Ковалевскимъ о спорной землѣ.

Жалоба Циркуновскаго подпомощника Алексѣя Луценка объ отнятіи у него земли отставнымъ вахмистромъ Алексѣемъ и подпрапорнымъ Константиномъ Протопоповыми.

Допросъ вахмистра А. Протопопова и заявленіе его о томъ, что оспариваемая Луценкомъ земля куплена у циркуновскаго жителя Карпа Нестеренка.

Копія съ «поступной записи» на «боеракъ, нивье и дикое поле», отданные К. Нестеренкомъ циркуновскому сотнику Аѳан. Протопопову за 10 руб. долговыхъ денегъ.

Заявленіе жителей слоб. Веселой (б. циркуновскихъ козаковъ) бр. Нестеренко о томъ, что ихъ отецъ не продавалъ и не закладывалъ своей земли сотнику Аѳан. Протопопову и что этотъ сотникъ отнялъ землю и у Луценка, и у др. козаковъ, «чрезъ каковыя насильства козаки по слободамъ расходятся съ козатства».

Прошеніе коз. Луценка о вызовѣ въ комиссію подпр. Протопопова, не привлеченнаго къ отвѣту по его жалобѣ объ отнятіи земли.

Постановленіе комиссіи о пересмотрѣ дѣла по жалобѣ Луценка, въ виду ряда неправильностей и отступленій отъ законнаго порядка въ прежнемъ веденіи этого дѣла.

Прошеніе Луценка и Протопопова объ отсрочкѣ разбора ихъ дѣла о спорной землѣ и объ отпускѣ къ своимъ домамъ по случаю наступленія времени полевыхъ работъ.

Жалоба Циркуновскаго козака Тимофея Семененка объ отнятіи у него сотникомъ Аѳан. Протопоповымъ пасѣки съ садомъ и сѣнокоса на 100 копенъ и нанесеніи ему сыновьями обидчика тяжкихъ побоевъ «дубьемъ и келепами».

Допросъ подпрап. К. Протопопова по поводу этой жалобы.

Купчая крѣпость на пасѣку и сады (890 саж.), пріобрѣтенные за 10 руб. сотникомъ Аѳан. Протопоповымъ отъ Циркуновскихъ козаковъ Петра, Ивана, Тимофея и Демьяна Харченко.

Поступная запись на сѣнные покосы по р. Харькову, отданные Циркуновскими козаками бр. Надточіенко Ивану Протопопову за 6 руб. долговыхъ денегъ.

Допросъ козака Семененка и его заявленіе о подложности купчей, предъявленной Протопоповымъ.

Купчая крѣпость на лѣсъ, пасѣку и луга, проданные Циркуновскими козаками Петромъ и Иваномъ Харченко «Степану Семенову сыну».

Показаніе сотника Голуховича о законности предъявленной Протопоповымъ купчей.

Показаніе коз. Тимофея Надточіенка о томъ, что Протопоповъ владѣлъ сѣнокосами по р. Харькову не по уступкѣ за долгъ отъ него, Надточіенка, и его братьевъ, а по подложной записи.

Прошеніе козака Семененка о вызовѣ въ коммиссію Алексѣя и Петра Протопоповыхъ, не привлеченныхъ къ отвѣту по его жалобѣ объ отнятіи земли и побояхъ.

Постановленіе слѣдственной комиссіи о немедленномъ и неукоснительномъ вызовѣ братьевъ Протопоповыхъ для отвѣта по имѣющимся на нихъ въ комиссіи жалобамъ козаковъ о притѣсненіи и обидахъ.

Прошеніе козаковъ Циркуновской сотни Семененка, Момота, Донца и др. объ отпускѣ ихъ къ своимъ домамъ въ виду неявки въ комиссію отвѣтчиковъ братьевъ Протопоповыхъ.

Указъ комиссіи въ Харьков. полк. канц. о доставленіи экстракта изъ дѣла по поступившей въ эту канцелярію жалобѣ козака Т. Семененка о составленіи на его землю подложной купчей.

О вызовѣ Протопоповыхъ по дѣлу ихъ объ отнятіи земли у козаковъ Семененка, Донца и подпомощника Луценка.

Донесеніе нарочнаго Лыкова, посланнаго за Протопоповыми, объ отказѣ ихъ явиться въ коммиссію.

О понужденіи Протопоповыхъ къ явкѣ въ комиссію ген.-аншефомъ фонъ Бисмаркомъ.

О понужденіи имъ же Харьковской полк. канц., которая не доставила затребованнаго коммиссіей экстракта изъ дѣла о составленіи подложной купчей на землю коз. Семененка.

Указъ комиссіи въ Харьковскую полк. канц. о скорѣйшей высылкѣ бр. Протопоповыхъ и доставленіи экстракта, «п. ч. истцы, продолжаясь при коммиссіи, напрасную волокиту имѣютъ».

Жалоба Мартовецкаго козака Власа Сѣраго о нанесеніи ему Мартов. сотникомъ Григ. Черноглазовымъ жестокихъ побоевъ, отнятіи пчелъ, порубкѣ лѣса и насильственномъ составленіи купчей на его дворъ.

Заявленіе обвиняемаго Черноглазова о томъ, что Власъ Сѣрый былъ публично наказанъ плетьми за покражу коровы и по регламенту не можетъ быть челобитчикомъ.

Справка комиссіи объ узаконеніяхъ относительно лицъ, публично наказанныхъ за воровство.

О вытребованіи изъ Харьковской полковой канцеляріи справки: 1) былъ ли наказанъ плетьми Власъ Сѣрый за покражу коровы, 2) могутъ ли сотенныя ратуши безъ резолюціи полковыхъ канцелярій наказывать козаковъ плетьми, а послѣ наказанія снова зачислять козаками.

О вызовѣ въ коммиссію Гр. Черноглазова, отпущеннаго на Рождество и не явившагося въ срокъ.

Заявленіе козака Сѣраго и сотн. Гр. Черноглазова о полюбовномъ рѣшеніи своего дѣла (о денежномъ вознагражденіи истца отвѣтчикомъ «за бой, отнятіе пчелъ, вырубку лѣса и пр.»).

Указъ Военной Коллегіи о порученіи ген.-маіору Юшкову, полковнику Дурову и др. офицерамъ дальнѣйшаго производства слѣдственныхъ дѣлъ, начатыхъ въ коммиссіи Фролова Багрѣева.

Донесеніе подпрапорнаго Рубиновскаго о вымогательствѣ денегъ, взяткахъ, грабежѣ пожитковъ и захватѣ земель Салтовскимъ сотникомъ Картавымъ у Хотомлянскихъ и Мартовецкихъ козаковъ, о наѣздѣ полкового писаря Ивана Нестерова съ 200 коз. на с. Мартовое и Хотомлю, съ цѣлью насильственнаго склоненія обывателей къ примиренію съ Картавымъ, на котораго они подали жалобу, о разореніи сотникомъ Картавымъ домовъ подпрапорныхъ Урсула и Рубиновскаго за составленіе этой жалобы и пр.

Реестръ пожитковъ, отнятыхъ у подпр. Рубиновскаго сотн. Картавымъ.

Донесеніе Салтовскаго сотника Θеодора Картаваго о побѣгѣ подпр. Рубиновскаго изъ Изюма, куда онъ былъ отправленъ съ отрядомъ козаковъ для разъѣздовъ.

Ордеръ г.-анш. ф.-Бисмарка въ Харьковскую полковую канцелярію о разслѣдованіи препровождаемыхъ имъ 6 жалобъ козаковъ объ отнятіи у нихъ земли старшиною и владѣльцами.

О пріемѣ Харьковскою полковою канцеляріей присланныхъ полковникомъ ф.-Любрехтомъ дѣлъ комиссіи Фролова-Багрѣева и 2 арестантовъ по секретному дѣлу.

Ордеръ полковой канцеляріи Деркачевскому сот. Ковалевскому о присылкѣ въ Харьковъ 10 козаковъ для смѣны караула при 2 арестантахъ по секретному дѣлу.

Донесеніе капитана Прок. Квѣтки о раскомандированіи большей части казаковъ Хорошевской сотни, обремененіи оставшихся доставкой писемъ въ Харьковъ и Зміевъ и невозможности вслѣдствіе этого послать смѣну въ Харьковъ.

Указы въ сотенныя правленія о присылкѣ въ Харьковъ козаковъ на смѣну караула, приставленнаго къ арестантамъ по секретному дѣлу.

Донесеніе Харьковской полковой канцеляріи г.-анш. ф.-Бисмарку объ обременительности для козаковъ содержанія караула при этихъ арестантахъ.

О приготовленіи подводъ для «коммиссіи о полковникѣ Танскомъ», проѣзжавшей съ колодниками чрезъ Харьковъ въ Бѣлгородъ.

О сдачѣ Харьков. полк. канцеляріей маіору Жилину 2 арестантовъ по секретному дѣлу и затребованныхъ имъ слѣдственныхъ дѣлъ о Бѣлгородскомъ губернаторѣ Салтыковѣ и вице-губернаторѣ Пассекѣ.

О взысканіи съ Харьков. полк. канцеляріи 1 руб. 33 коп. прогонныхъ денегъ, истраченныхъ комиссіей на посылку въ эту канцелярію нарочнаго за дѣлами о притѣсненіи козаковъ старшиною, не отданными маіору Жилину.

Указъ Бѣлгород. слѣд. ком. въ Харьк. полк. канц. о доставленіи всѣхъ ордеровъ бывшаго Бѣлгородскаго вице-губернатора Пассека и о не исполненіи по нимъ.

О сдачѣ въ комиссію и канц. г.-анш. ф.-Бисмарка хранящихся въ Харьков. полк. канцеляріи дѣлъ по жалобамъ козаковъ Ахтырскаго полка объ отнятіи у нихъ полковникомъ Танскимъ земель, хуторовъ, дворовъ и пр.

Опись дѣлъ по жалобамъ козаковъ на полковника Танскаго.

Ордеръ ген.-аншефа ф.-Бисмарка полковнику Дурову о разслѣдованіи жалобы каз. свойственника Алексѣя Денисенка на сотника Курскаго.

Жалоба г.-анш. ф.-Бисмарку каз. свойств. села Великой Рыбицы Алексѣя Денисенка объ отнятіи у него сотникомъ Кир. Курскимъ и Рыбицкимъ попомъ заимочнаго луга по р. Сѣпной.

Жалоба всѣхъ обывателей слоб. Бѣлой Старой (Острогож. п.) на сотника Савченка о грабежѣ имущества, нанесеніи побоевъ и присвоеніи казенныхъ денегъ, слѣдовавшихъ имъ за фуражъ.

Постановленіе Бѣлгород. слѣд. коммиссіи о возвращеніи повѣреннымъ обывателей слоб. Бѣлой Старой и свойств. А. Денисенку ихъ жалобъ, какъ составленныхъ не по формѣ и поданныхъ не въ установленномъ порядкѣ.

Подтвержденіе ген.-аншефа фонъ-Бисмарка въ Слободскіе полки (по представленію комиссіи) о подачѣ жалобъ на старшину непосредственно въ комиссію.

О разсылкѣ чрезъ нарочныхъ публикацій о томъ, чтобы козаки съ жалобами на старшину являлись въ комиссію.

О вытребованіи въ комиссію изъ канцелярій слободскихъ полковъ свѣдѣній: было ли исполнено (и какъ именно) предписаніе Фролова-Багрѣева о разсылкѣ публикацій.

Публикаціи (7 экземпляровъ) слѣд. комиссіи.

Ходатайства слѣдственной комиссіи о прикомандированіи къ ней офицеровъ и нижнихъ чиновъ для вызова отвѣтчиковъ по жалобамъ козаковъ, явившихся въ комиссію по разосланнымъ публикаціямъ.

О посылкѣ комиссіей представленія въ Военную Коллегію о необходимости смѣщенія находящихся подъ судомъ старшинъ, съ цѣлью обезпеченія козакамъ безбоязненной подачи жалобъ и избавленія ихъ отъ дальнѣйшихъ обидъ.

Постановленіе комиссіи о скорѣйшемъ вытребованіи отъ бригадира графа Девіера 3 оберъ-офицеровъ, 3 унт.-офиц. и 10 солдатъ для посылокъ.

Промеморія изъ канц. гр. Девіера о томъ, что требуемыхъ офицеровъ и солдатъ прислать нельзя, п. ч. «ландмилицкіе полки находятся въ домѣхъ своихъ у исправленія экономіи».

О вторичной посылкѣ комиссіей представленія въ Военную Коллегію о прикомандированіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ и о смѣщеніи обвиняемыхъ козаками старшинъ.

Указъ Военной Коллегіи о временномъ смѣщеніи сотенной старшины, обвиняемой козаками, и о назначеніи въ коммиссію изъ полевыхъ драгунскихъ полковъ 4 оберъ офицеровъ и 20 пѣшихъ драгунъ.

Именной списокъ обвиняемыхъ козаками старшинъ.

Ордеръ ген.-анш. фонъ-Бисмарка о присылкѣ изъ коммиссіи обстоятельнаго списка обвиняемыхъ козаками старшинъ и немедленномъ отпускѣ офицеровъ и рядовыхъ ландмил. п., какъ только будутъ присланы назначенные въ коммиссію 4 оберъ-офицера и 20 драгунъ.

Справка коммиссіи о требуемыхъ фонъ-Бисмаркомъ офицерахъ и рядовыхъ (когда, по какому распоряженію и для какой цѣли они назначены въ коммиссію).

Объ отпускѣ изъ коммиссіи въ полкъ, по требованіямъ фонъ-Бисмарка и графа Девіера, поручика Чаплыгина, урядника Филатова и рядовыхъ.

Промеморія коммиссіи въ канц. ген. Бисмарка о томъ, что требуемаго имъ аудитора Акулова нельзя отпустить безъ разрѣшенія Коллегіи, съ вѣдома которой онъ назначенъ въ коммиссію.

Указы г.-анш. Бисмарка—а) о томъ, чтобы комиссія не осмѣливалась болѣе сноситься съ нимъ промеморіями, б) объ отпускѣ аудитора Акулова, какъ излишняго при 2 секретаряхъ, 4 канцеляристахъ и 8 капитанахъ, назначенныхъ въ комиссію по указу В. Коллегіи.

Справка комиссіи о формѣ сношенія правительственныхъ учрежденій.

Донесеніе коммиссіи въ В. Коллегію о запрещеніи Бисмарка обращаться къ нему промеморіями и о томъ, что полк. Курзаковъ, по распоряженію Бисмарка, сносится съ комиссіей промеморіями, а не донесеніями.

Донесеніе мартовецкаго каз. свойств. Кравца на своего сотника Григ. Черноглазова о присвоеніи собранныхъ съ козаковъ и подпомощниковъ денегъ, нанесеніи его тещѣ и нѣкоторымъ мартовецкимъ бабамъ тяжкихъ побоевъ и допрашиваніи этихъ бабъ о томъ, «чего ради на земли дождя нѣтъ и очень солнечное печеніе».

Довѣренность Григ. Черноглазова Харьковскому подканцеляристу Вѣнецкому на веденіе своего дѣла съ Кравцомъ.

Довѣренность Кравца копиисту Пудову.

Протоколы объяспеній, данныхъ въ слѣдственной комиссіи Вѣнецкимъ и Пудовымъ по обстоятельствамъ дѣла своихъ довѣрителей (между прочимъ, разъясненія обвиняемой стороны о «вѣдьминомъ волшебствѣ» мартовецкихъ бабъ).

Донесеніе мартовецкаго коз. свойственника Кравца о томъ, что онъ не можетъ жить въ своей сотнѣ, вслѣдствіе угрозъ и «похвалокъ» сотн. Черноглазова.

Указъ комиссіи въ Харьковскую полковую канцелярію о перемѣщеніи каз. свойств. Кравца изъ Мартовецкой сотни въ Салтовскую.

Дѣло по жалобѣ каз. свойств. С. Кравца на сотн. Григ. Черноглазова о взятіи воловъ для полевой работы, недоплатѣ 3 руб. за павшаго во время этой работы вола, отнятіи лошади и пользованіи для услугъ его родственниками.

Прошеніе коз. свойствен. Кравца о разсмотрѣніи его жалобъ на сотн. Черноглазова и о посылкѣ для взятія отвѣтчика «сильной команды».

О вызовѣ сот. Черноглазова отпущеннаго изъ комиссіи «для исправленія домашней экономіи» и не явившагося въ срокъ.

О вызовѣ въ комиссію сот. Гр. Черноглазова, вахмистра и подпр. Протопоповыхъ и сот. Ковалевскаго, обвиняемыхъ козаками въ отнятіи земли.

Жалоба б. Мартовецкаго коз. свойственника Лацинникова на сот. Г. Черноглазова объ отнятіи у него жилого двора, 50 пуд. соли, сереб. кубка, нанесеніи ему жестокихъ побоевъ, публичномъ наказаніи его жены 100 ударами плетьми и др. обидахъ, отъ которыхъ онъ съ женою принужденъ былъ уйти въ подданство въ м. Печенѣги къ сот. Капустянскому.

Заявленіе Лацинникова и Черноглазова о полюбовномъ рѣшеніи дѣла (о возвращеніи истцу двора и вознагражденіи его деньгами «за бой и увѣчья»).

Донесеніе Мартов. коз. свойств. С. Кравца о томъ, что многіе изъ Мартовецкихъ козаковъ, свойственниковъ и подпомощниковъ оставили козацкую службу и разошлись въ разныя мѣста отъ принудительныхъ работъ на сот. Черноглазова (къ донесенію приложенъ реестръ этихъ работъ и списокъ притѣсняемыхъ).

О возвращеніи изъ комиссіи Кравцу его донесенія, какъ составленнаго не по формѣ.

Вторичное донесеніе Кравца о томъ же.

Заявленіе Дм. Вѣнецкаго, повѣреннаго Г. Черноглазова о томъ, что такое же донесеніе Кравца уже было разслѣдовано Харьковскою полковою канцеляріей и найдено ложнымъ.

Прошеніе Кравца о допросѣ Вѣнецкаго относительно письма, посланнаго имъ изъ Бѣлгорода къ Мартовецкому атаману отъ имени неграмотнаго сот. Черноглазова, съ порученіемъ достать отъ полкового писаря и есаула «фальшивый указъ на казенное сѣно», за взятіе котораго Черноглазову нужно было приносить отвѣтъ въ судѣ (къ прошенію приложено письмо).

Допросъ Вѣнецкаго по этому поводу и заявленіе его о томъ, что письмо поддѣлано самимъ Кравцомъ.

№ 119-й. 1747 года (нъ 119 листахъ).

О почтѣ.

Донесеніе Перекопскаго сотника Пащинскаго объ упорномъ нежеланіи владѣльцевъ платить установленный сборъ (по 7¹/₄ коп. съ души) на содержаніе перекопской почты.

Ордеръ ген.-лейтенанта Философова Харьковскому полковнику Тевяшову о принятіи мѣръ противъ крайней медленности почтоваго сообщенія (особенно по тракту между Бѣлгородомъ и крѣпостью Бѣлевской).

Указъ изъ канцеляріи г.-л. Философова о томъ, чтобы во всѣхъ пунктахъ почтоваго сообщенія велись точныя записи получаемыхъ и отправляемыхъ пакетовъ.

Указъ о томъ же изъ Харьковской полковой канцеляріи сотникамъ.

Донесеніе Харьковскаго сотника Романовича о крайнемъ отягощеніи козаковъ доставкою писемъ и пакетовъ «съ линіи на линію до генералитетовъ» и необходимости учрежденія ландмилицкой почты въ Харьковѣ, Мерефѣ и Липцахъ (по примѣру прежнихъ лѣтъ).

Донесеніе полк. канц. ген.-лейт. Философову о томъ же.

Донесеніе Харьк. полк. канц. г.-л. Философову о необходимости привлеченія къ содержанію почты Харьковскихъ однодворцевъ, торгующихъ безпошлинно всякими товарами.

Донесеніе сотника Авксентьева о крайнемъ отягощеніи липецкихъ козаковъ содержаніемъ липецкой почты безъ помощи приписанныхъ къ ней Салтовской, Мартовецкой и Циркуновской сотенъ.

Донесеніе пушкаря Кочерги объ отказѣ владѣльцевъ платить деньги на содержаніе Ольшанской почты («въ Харьк. Преображенскомъ монастырѣ архимандритъ и въ монастырь не велѣлъ пускать, а ротмистръ Абаза билъ сборщика по щекамъ и выгналъ со двора»).

Просьба архимандрита Харьковскаго Преображенскаго монастыря Варлама Пещинскаго объ отсрочкѣ взысканія съ монастыря денегъ на содержаніе Ольшанской почты, въ виду оскудѣнія подданныхъ и покражи монастырской казны. (Просьба отклонена).

О взысканіи съ Преображенскаго монастыря, вдовы Ковалевской и Золочевскаго сотника денегъ, сѣна муки, сала и пр., должныхъ ими по договору однодворцу Захарьеву за содержаніе Ольшанской почты.

Постановленіе Харьк. полк. канц. о взятіи по 2 поданныхъ отъ каждаго изъ владѣльцевъ, не заплатившихъ денегъ на содержаніе Ольшанской почты, и удержаніи подданныхъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ отданы деньги.

Указъ Бѣлгородской губернской канцеляріи о покраскѣ верстовыхъ столбовъ на большихъ дорогахъ.

Раскладка по сотнямъ и владѣльческимъ мѣстамъ лошадей и погонщиковъ для содержанія почты по главнымъ трактамъ.

Указъ изъ канц. ген. М. Философова объ ускореніи почтоваго сообщенія по случаю «опасности отъ заграничныхъ сосѣдей».

О сыскѣ драгуна Комзина, состоявшаго разносчикомъ писемъ на почтѣ въ с. Масловкѣ.

Донесенія сотника Тихоцкаго объ оскудѣніи Тишковскихъ обывателей и отягощеніи ихъ обязанностью посылать подводы на помощь Липецкой почтѣ (нѣсколько дворовъ разошлось въ подданство къ владѣльцамъ).

Указъ Липец. сотнику объ отпускѣ 3 Тишковскихъ подводъ.

Донесеніе Харьковскаго сотника Романовича объ оскудѣніи Харьковскихъ козаковъ и подпомощниковъ отъ содержанія почты и о необходимости назначенія имъ помощи изъ сосѣднихъ сотенъ.

Донесеніе сотн. Авксентьева о неприсылкѣ («за упрямствомъ сотниковъ») изъ Тишковской, Деркачевской и Циркуновской сотенъ 12 обывательскихъ подводъ, назначенныхъ въ помощь Липецкой почтѣ.

Донесеніе Деркачевскаго сотника Як. Ковалевскаго о невозможности давать въ помощь Липецкой почтѣ 5 обывательскихъ подводъ, потому что Деркачевскимъ козакамъ и безъ того часто приходится возить письма «по немалому тракту» отъ Золочева къ Харькову.

Объ учрежденіи почтоваго сообщенія между военными квартирами ген.-анш. фонъ-Бисмарка и ген.-маіора фонъ-Венделя.

Донесеніе сотника Ѳ. Пащинскаго объ отягощеніи Перекопскихъ козаковъ содержаніемъ почты.

Донесеніе Циркуновскаго сотника Я. Квѣтки о невозможности посылки обывательскихъ подводъ въ помощь Липецкой почтѣ въ виду большого числа проѣзжающихъ чрезъ с. Циркуны.

Донесеніе сотн. Пащинскаго объ оскудѣніи Перекопскихъ обывателей отъ необходимости содержать почту исключительно своими средствами (вслѣдствіе отказа владѣльцевъ платить деньги).

Вѣдомости о расходахъ обывателей на содержаніе Перекопской почты и недоимкахъ съ владѣльцевъ.

Донесеніе сотника Ив. Авксентьева объ оскудѣніи Липецкихъ козаковъ отъ содержанія почты.

Донесеніе сборщика капрала Чечулина о нежеланіи волоха Куликовскаго и Харьк. Преображенскаго монастыря платить съ своихъ селъ установленный сборъ на содержаніе Перекопской почты.

О взятіи приказчиковъ этихъ владѣльцевъ въ полковую канцелярію.

О посылкѣ нарочнаго къ тѣмъ же владѣльцамъ для «неотступнаго» требованія денегъ.

О посылкѣ нарочнаго туда же съ 10 козаками для взятія отъ каждаго изъ этихъ владѣльцевъ по 3 подданныхъ.

Прошеніе Перекопскихъ обывателей о взысканіи съ владѣльцевъ денегъ на содержаніе почты.

Прошеніе сотника Ѳ. Пащинскаго о взысканіи съ Пересѣчанской сотни 40 руб. на содержаніе Перекопской почты.

Просьба сотника Ѳ. Картаваго объ освобожденіи Салтовскихъ обывателей отъ обременительной для нихъ обязанности присылать по 2 подводы на помощь Липецкой почтѣ.

Указы Бѣлгородской губернской канцеляріи о взиманіи прогонныхъ денегъ по новому счету верстъ.

№ 120-й. 1748 г. (на 153 листахъ).

Рапорты и вѣдомости о козакахъ.

Донесеніе полк. судьи Черноглазова о приведеніи имъ Люботинской сотни въ состояніе готовности къ выступленію въ походъ.

Подписка Люботин. сотника Петровскаго о томъ, что онъ будетъ содержать въ воинской исправности козаковъ своей сотни.

Именной списокъ Люботинскихъ козаковъ, находящихся въ командировкахъ и налицо.

Подворный списокъ Люботинскихъ козаковъ и ихъ свойственниковъ и подпомощниковъ, съ обозначеніемъ вновь опредѣленной козакамъ подмоги.

О назначеніи оскудѣвшему подпрапорному Ивану Гужвинскому 16 душъ подмоги.

Рапортъ обознаго Ковалевскаго о приведеніи имъ Золочевской с. въ состояніе исправности и готовности къ выступленію въ походъ.

Именной списокъ Золочевскихъ козаковъ, наличныхъ и раскомандированныхъ, съ обозначеніемъ воинской исправности каждаго изъ нихъ.

Прошеніе писаря полк. таможни Сливки о возвращеніи ему въ подпомощники Сидора Лелюка, записаннаго сотн. Голуховичемъ за козакомъ Чугаемъ.

Вѣдомость о неисправностяхъ казаковъ Деркачевской, Липецкой, Люботинской, Ольшанской, Салтовской, Золочевской, Перекопской и Циркуновской сотенъ, осмотрѣнныхъ сотникомъ Богаевскимъ.

Рапортъ полковаго есаула Максима Горленскаго о неисправностяхъ осмотрѣнной имъ Ольшанской сотни (о непригодности всѣхъ козаковъ къ службѣ, отсутствіи книгъ и вѣдомостей въ сотнѣ и незнаніи козаковъ, кто записанъ имъ въ подпомощники).

Донесеніе сотника Ковалевскаго о задержаніи имъ нѣсколькихъ семей козаковъ, подпомощниковъ и свойственниковъ, пытавшихся бѣжать со всѣми пожитками изъ Золочева въ Острогожскій полкъ.

Именные списки Перекопскихъ и Валковскихъ козаковъ, командированныхъ и находящихся палицо.

О назначеніи подпрапорному Петру Турченинову 40 душъ подмоги въ с. Ковегахъ Перекопской сотни «изъ остаточныхъ за укомплектованіемъ и вновь пришлыхъ».

Прошеніе подпр. Степ. Ковалевскаго о назначеніи ему подмоги.

Прошеніе Перекопскихъ каз. свойственниковъ о сложеніи съ нихъ половины десятикопеечнаго сбора за 1744—8 г.г. въ виду неурожая хлѣба и истребленія его саранчею.

Объ опредѣленіи подпр. Савелію Штанскому 22 душъ подмоги «изъ остаточныхъ за укомплектованіемъ и вновь пришлыхъ».

Донесеніе Деркачевскаго сотника Якова Ковалевскаго объ оскудѣніи козаковъ, у которыхъ были взяты подпомощники для опредѣленія подмоги подпрапорному Мокѣеву.

Прошеніе обознаго Ковалевскаго о выдачѣ ему указа на послушаніе числящихся за нимъ по переписи 1732 г. подданныхъ, которые отказываются платить сборъ на фуражъ и провіантъ.

Рапортъ Харьковскаго сотника Романа Романовича (во исполненіе указа полковой канцеляріи) о своемъ прохожденіи службы.

О зачисленіи въ Деркачевскую сотню каз. свойств. Ивана Гужвенка съ братьями и о возвращеніи имъ «наслѣдной части групта», оставшейся послѣ отца, который «по желанію ево опредѣленъ въ священнической чинъ».

Прошеніе Тишковскаго сотн. Тихоцкаго объ укомплектованіи его сотни исключенными изъ подушнаго оклада однодворцами.

О возвращеніи въ казачью службу Деркачевскихъ свойственниковъ и подпомощниковъ, «укрывающихся за поручикомъ Земборскимъ».

Объ опредѣленіи подмоги Ольшанскимъ козакамъ, оскудѣвшимъ отъ неурожая хлѣба и вызваннаго неурожаемъ «немалаго расхода подпомощниковъ въ разныя владѣльческія поселенія».

Донесеніе пушкаря Савелія Заславскаго о невыдачѣ ему полностью содержанія деньгами и хлѣбомъ.

Рапортъ подпр. Рубана объ увольненіи его по болѣзни отъ временнаго исполненія обязанностей Перекопскаго сотника.

Прошеніе пушкарей Калашникова, Литвиненка и Погребняка о выдачѣ имъ годового содержанія, не уплаченнаго Салтовскимъ и Деркачевскимъ сотниками.

Указъ въ эти сотни о выдачѣ пушкарямъ денегъ.

Указъ въ Деркачевскую с. о томъ, чтобы жалованье пушкарямъ выдавалось изъ денегъ, собранныхъ съ обывателей исключая козаковъ.

Прошеніе Мирона Петровича объ опредѣленіи его за заслуги отца подпрапорнымъ и назначеніи ему подмоги въ 1-й Харьковской сотнѣ.

Жалоба трубача Константина Луговскаго о продажѣ 48 копенъ его сѣна Мих. Рыбальченкомъ (подданнымъ отставного канцеляриста Ив. Дробицкаго), которому оно было отдано на храненіе.

Объ опредѣленіи Александра Щербины подпрапорнымъ въ Харьковскій полкъ за заслуги предковъ.

Донесеніе Тишковскаго сотника Андрея Тихоцкаго объ уклоненіи козака Сем. Курилова отъ нарядовъ и оскорбленіи его, сотника, бранью непотребными словами.

Донесеніе Тишковскаго сотника А. Тихоцкаго о несправедливости жалобы на него козака С. Курилова относительно притѣсненія и желанія отнять подмогу.

Донесеніе Харьковскаго сотника Романа Романовича о необходимости ограниченія нарядовъ козаковъ изъ его сотни, въ виду большого числа скудныхъ.

Прошеніе Деркачевскаго козака Дан. Гаврилова о перемѣщеніи его по болѣзни въ число свойственниковъ и назначеніи на его мѣсто когонибудь изъ братьевъ.

Указъ Деркачевскому сотнику о перемѣщеніи просителя, по освидѣтельствованіи и удостовѣреніи его неспособности служить въ козакахъ.

Донесеніе «правящаго команду» Салтовской сотни подпрапорнаго Герас. Картаваго о томъ, что атаманъ с. Даниловки не отдаетъ хлѣба б. Даниловскому подпомощнику Ещенку, перешедшему въ с. Хотомлю и назначенному тамъ подпомощникомъ.

О принятіи студента Харьковскаго Коллегіума Гр. Жукова въ Харьковскій полкъ подпрапорнымъ.

О возвращеніи въ подмогу пушкарю Калашникову сына, взятаго отъ него при послѣднемъ комплектованіи козаковъ и назначеннаго въ подпомощники харьковцу Полтораку.

О перечисленіи изъ 1-й Харьковской сотни во 2-ю козака Безпалаго и подпомощниковъ, которые живутъ во 2-й сотнѣ, а приписаны къ первой.

О соединеніи въ одну козачью службу Лопанскаго козака Калениченка и его братьевъ, оскудѣвшихъ отъ раздѣленія ихъ на двѣ службы.

№ 121-й. 1748 года (на 327 листахъ).

О предосторожности отъ пожаровъ и поджоговъ. О сыскѣ разнаго званія людей.

Указы Ландмилицкой канцеляріи о сыскѣ бѣжавшихъ драгунъ Апошенкова, Бобылевыхъ и др.

Рапортъ Ольшанскаго сотника Ив. Ковалевскаго объ истребленіи пожаромъ въ м. Ольшанахъ 16 избъ.

Указъ Харьковской полковой канцеляріи объ учрежденіи во всѣхъ сотняхъ дневныхъ и ночныхъ карауловъ и обходовъ для предосторожности отъ поджоговъ.

Указъ Бѣлгородской губ. канцеляріи въ Харьк. полк. канц. о разслѣдованіи жалобы прапорщицы Страховой относительно непослушанія и непорядковъ подданныхъ ея матери Бахтѣевой въ слоб. Лютовкѣ.

Рапорты изъ сотенъ и владѣльческихъ мѣстъ о полученіи указа, предписывающаго ловить безпаспортныхъ и учреждать дневные и ночные караулы для предосторожности отъ поджоговъ.

Указъ Военной Коллегіи (по случаю бывшихъ пожаровъ и поджоговъ въ Москвѣ, Глуховѣ, Воронежѣ и друг. городахъ) о предосторожности отъ поджигателей, сыскѣ ихъ, учрежденіи въ качествѣ мѣры предосторожности пикетовъ, ловлѣ и допросѣ безпаспортныхъ и проч.

Донесенія сотника 2-й полковой сотни Леонтія Голуховича объ отказѣ сотника 1-й полковой сотни Романа Романовича дать ему 24 козаковъ для пикетовъ по г. Харькову.

Указъ изъ канц. ген.-маіора А. Лукина въ Харьков. полк. канц. о присылкѣ заплечнаго мастера «съ принадлежащими его инструменты... для производженія нѣкоторымъ злодѣямъ надлежащихъ по силѣ указовъ розысковъ».

Рапортъ полк. канцеляріи о томъ, что при канцеляріи не имѣется заплечнаго мастера, а таковой, «въ случаѣ розысковъ, требуемъ бываетъ изъ великороссійскихъ воеводскихъ канцелярій».

Донесенія Харьковскаго сотника Романовича о нарядѣ имъ козаковъ въ обходы и пикеты.

Указъ войсковой генеральной канцеляріи о сыскѣ разбойниковъ и поджигателей Гаркуши, Калюжнаго и др.

Указы изъ канц. ген.-маіора Лукина о поимкѣ живущихъ въ г. Харьковѣ поджигателей еврея Мергира и др. и объ усиленіи предосторожности отъ поджоговъ.

О взятіи подъ стражу жителей г. Харькова «отставного сербина» Ламбро Морента и волоха Гусакова и объ отсылкѣ ихъ въ канцелярію ген.-маіора Лукина для допроса о поджигателѣ евреѣ и его товарищахъ.

Инструкція вахмистру Муратову, посланному «неотступно понуждать» полковаго сотника Р. Романовича къ тому, чтобы онъ прислалъ сотнику Голуховичу козаковъ для обходовъ и списки десятниковъ.

Подтвердительные указы о предосторожности отъ поджоговъ и сыскѣ поджигателей.

О сыскѣ бродяги Воробченка, обвиняемаго въ поджогѣ гор. Бахмута.

О сыскѣ вышедшихъ изъ Польши поджигателей, сообщниковъ пойманнаго въ Бахмутѣ М. Рея.

Указъ Бѣлгородской губ. канцеляріи о принятіи мѣръ предосторожности противъ пожаровъ и борьбѣ съ ними способами и средствами, предписанными Сенатомъ.

О томъ же изъ полковой канцеляріи сотникамъ.

О сыскѣ бѣжавшаго отъ Лебединскаго сотника Красовскаго служителя Загнойченка, пытавшагося поджечь его домъ.

Копіи съ указа Военной Коллегіи о борьбѣ съ пожарами и способахъ этой борьбы.

Объ отсылкѣ въ Бѣлгородскую губ. канц. содержавшихся въ Харьковской тюрьмѣ колодниковъ, сказавшихъ «слово и дѣло» во время допроса ихъ въ полковой канцеляріи по поводу попытки отравить тюремныхъ сторожей и бѣжать изъ тюрьмы.

Подтвердительный указъ Бѣлгородской губ. канц. о сыскѣ поджигателей по случаю пожара въ г. Мценскѣ.

Объ учрежденіи въ г. Харьковѣ дневныхъ и ночныхъ карауловъ и обходовъ изъ казаковъ и обывателей.

Указы Бѣлгородской губ. канц. о предосторожности отъ пожаровъ и поджоговъ.

Донесеніе сотника 2-й полковой сотни Л. Голуховича о томъ, что Р. Романовичъ, сотникъ 1-й полковой сотни, не присылаетъ требуемаго числа козаковъ для пикетовъ по г. Харькову.

Рапортъ его же о назначеніи имъ на каждые 20 дворовъ г. Харькова по одному десятнику изъ обывателей для предосторожности отъ поджоговъ.

Списокъ десятниковъ, назначенныхъ Л. Голуховичемъ.

Рапортъ его же о нападеніи 15 «какихъ то воровскихъ людей» на ночной обходъ и нанесеніи обходу побоевъ «дручьемъ».

Постановленіе полковой канцеляріи о наказаніи плетьми черкашенина Нелупенка, однодворцевъ Бородкиныхъ, коз. свойственниковъ Клеменовыхъ и др. за покражу хлѣба, полотна и пр.

Прошеніе подпрапорнаго Марка Малѣева объ оказаніи ему помощи для отысканія его дворовой женщины Могильниковой, бѣжавшей со своими дѣтьми и имуществомъ на 130 руб.

Донесеніе Харьковскаго городового атамана о томъ, что сторожа караульни ходятъ пьянствовать по шинкамъ вмѣстѣ съ содержащимися подъ ихъ надзоромъ колодниками.

Указъ Бѣлгородской губ. канц. о сыскѣ бѣжавшаго изъ этой канцеляріи разсыльщика Тебнева.

Указъ Харьк. полк. канц. сотникамъ и владѣльцамъ о сыскѣ бѣглыхъ колодниковъ (приложенъ реестръ бѣглецовъ).

№ 122-й. 1748 г. (на 404 листахъ).

Объ описи хлѣба.

Указъ Бѣлгородской губернской канцеляріи въ Харьковскую полковую канц. о присылкѣ свѣдѣній, нѣтъ ли въ полку недорода хлѣба и саранчи.

О томъ же изъ полк. канц. въ сотни и владѣльческія мѣста.

Донесенія о неурожаѣ озимаго хлѣба, истребленіи ярового и травы саранчею и голодѣ обывателей («ѣдятъ лободу, жолуди, лѣсной липовый листъ, многіе разбрелись цѣлыми семьями)—изъ сотенъ Циркуновской, Липецкой, Салтовской, Мартовецкой, Люботинской, Угольчанской, Валковской, Хорошевской, Ольшанской, Золочевской и Деркачевской.

Донесенія изъ вотчинъ, слободъ и хуторовъ разныхъ владѣльцевъ о неурожаѣ, истребленіи хлѣба и травы саранчею и голодѣ подданныхъ.

Указъ Бѣлг. губ. канц. о скорѣйшей присылкѣ свѣдѣній: были ли въ Харьк. пол. неурожай и саранча.

Донесеніе полк. канц. (по поводу этого указа) о крайней нуждѣ обывателей вслѣдствіе неурожая и истребленія хлѣба «пѣшей и летучей саранчею».

Указъ Бѣлгород. губ. канц. съ сообщеніемъ предписанныхъ Сенатомъ мѣръ для пресѣченія голода (заимообразная раздача неимущимъ избытка хлѣба, если таковой явится послѣ описи всего наличнаго хлѣба, запрещеніе винокуренія и пр.).

О томъ же сотникамъ и владѣльцамъ изъ полк. канц.

Указы Бѣлгор. губ. канц. о скорѣйшемъ составленіи описи всего наличнаго хлѣба.

Росписаніе полк. канц., кому именно изъ старшины и въ какія сотни и владѣльческія мѣста отправиться для описи хлѣба.

Инструкція командированнымъ съ этою цѣлью старшинамъ.

Рапорты сот. Тихоцкаго о томъ, что въ сотняхъ Циркуновской, Тишковской и Харьковской 2-й излишняго хлѣба не нашлось ни у помѣщиковъ, ни у козаковъ, ни у обывателей и что винокурни имъ запечатаны, хотя онѣ и безъ того бездѣйствуютъ по недостатку хлѣба.

Рапортъ сотника Филонова о запечатаніи имъ казановъ въ Валковской с. и обязаніи владѣльцевъ подпискою о прокорменіи своихъ подданныхъ (приложена вѣдомость о количествѣ хлѣба у обывателей Валковской сотни).

Донесеніе полк. хорунжаго Смородскаго объ отказѣ владѣльцевъ Деркачев. с. дать подписку о прокорменіи своихъ подданныхъ.

Именныя книги обывателей всякаго званія съ обозначеніемъ количества имѣющагося у каждаго изъ нихъ хлѣба и числа винокуренныхъ казановъ—сотенъ Угольчанской, Валковской, Люботинской и Перекопской.

Именные списки неимущихъ обывателей съ обозначеніемъ количества потребнаго для ихъ пропитанія хлѣба—сотенъ Циркуновской, Харьковской 2-й, Тишковской, Липецкой и Салтовской.

Указы Ландмилицкой канц. о публикованіи, не пожелаетъ ли кто поставить 6000 четв. разнаго хлѣба для однодворцевъ на украинскую линію, гдѣ были неурожай и саранча.

О разсылкѣ этихъ указовъ сотникамъ и владѣльцамъ и рапорты о полученіи ихъ.

Соглашеніе Изюмской и Харьковской полков. канц. о возбужденіи совмѣстнаго ходатайства объ освобожденіи слобод. полковъ отъ слѣдуемаго

съ нихъ фуражнаго и провіантскаго сбора за 1749 г. (въ виду бѣдственнаго положенія обывателей).

Донесенія тамож. головы и полков. сотника Романовича о появленіи въ Харьковѣ многихъ скупщиковъ, повысившихъ цѣну на хлѣбъ и поставившихъ этимъ въ затруднительное положеніе бѣдныхъ обывателей, питающихся покупнымъ хлѣбомъ.

О запрещеніи полк. канцеляріей скупли хлѣба всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ разрѣшенія на это отъ правительства.

О назначеніи надсмотрщика за скупщиками и снабженіи его инструкціей.

Заявленіе тульскаго купца Петрова о томъ, что онъ подрядился поставить хлѣбъ на украин. линію и имѣетъ открытый листъ отъ Провіант. канц. (приложенъ этотъ листъ).

Донесеніе полк. канц. ген.-а. Бисмарку о томъ, что скупля хлѣба подрядчиками Петровымъ и др. ставитъ мѣстныхъ обывателей, пострадавшихъ отъ неурожая и саранчи, въ возможность голодной смерти.

Ордеръ Бисмарка о запрещеніи дальнѣйшей скупли, «въ разсужденіи, что могазеины провіантомъ чрезъ подрядъ наполнены».

Рапортъ надсмотрщика Турченинова о тайной скуплѣ подрядчиками хлѣба чрезъ нѣкоторыхъ обывателей.

Объ отобраніи и опечатаніи этого хлѣба.

Донесеніе Турченинова о тайной покупкѣ рѣзницкимъ цехмистромъ 55 мѣшковъ хлѣба.

Постановленіе о вызовѣ цехмистра въ канц. для допроса.

Указъ ландмил. канц. о незапрещеніи покупки хлѣба поставщикамъ на украин. линію.

Донесеніе полковой канц. о причинахъ, побудившихъ запретить скуплю (неурожай, голодъ, высокія цѣны на хлѣбъ).

Указъ полк. канц. надсмотрщику Турченинову о позволеніи поставщикамъ на укр. л. покупать хлѣбъ—не свыше подряднаго количества.

Рапортъ надсмотрщика о томъ, что подрядчикъ Петровъ скупаетъ весь гуртовый хлѣбъ, привозимый изъ Великороссіи.

Донесенія козаковъ и обывателей Тишковской, Липецкой, Золочевской, Харьковской 2-й, Деркачевской и Салтовской сотенъ о своемъ бѣдственномъ положеніи (хлѣба нѣтъ, люди «пухнутъ и мрутъ»...) Просьба о заимообразной выдачѣ хлѣба изъ избытка, если таковой явится послѣ описи хлѣба.

Прошеніе тишков. козаковъ о выдачѣ имъ на покупку хлѣба 50 р. изъ сборныхъ денегъ, хранящихся въ сотнѣ.

О выдачѣ просителямъ этихъ денегъ въ виду весьма малой надежды на избытокъ хлѣба.

№ 123-й. 1748 г. (на 129 листахъ).

О высылкѣ козаковъ на Украинскую линію.

Донесеніе есаула Романова о недосылкѣ изъ Харькова на линію 10 козаковъ.

Донесеніе его же о побѣгѣ съ линіи Харьковскихъ козаковъ.

Указы о сыскѣ этихъ бѣглецовъ для наказанія и высылкѣ вмѣсто нихъ другихъ.

Рапортъ Харьковскихъ сотниковъ объ отягощеніи козаковъ г. Харькова разными нарядами и о необходимости освобожденія ихъ отъ командировокъ на линію.

Объ освобожденіи козаковъ г. Харькова отъ командировокъ на линію и замѣнѣ ихъ козаками другихъ сотенъ.

Росписаніе, сколько съ какой сотни должно быть выслано козаковъ на линію, въ Бахмутъ и Изюмъ.

О высылкѣ подводъ для перевозки внутрь линіи зимняго запаса сѣна.

О побѣгѣ съ линіи козаковъ Мартовецкой, Салтовской и Липецкой сотенъ. О высылкѣ вмѣсто бѣжавшихъ другихъ.

Переписка канцелярій Слобод. полковъ о томъ, какому полку надлежитъ выслать на линію сотника и подпрапорныхъ для смѣны таковыхъ же Изюмскаго Слобод. полка.

Указы военной коллегіи о томъ, что Слободскіе полки не могутъ быть освобождены отъ содержанія разъѣздовъ и карауловъ на форпостахъ Украин. линіи, ибо однимъ ландмилицкимъ полкамъ нести эту службу обременительно.

О высылкѣ смѣны сотнику Ковалевскому.

Объ освобожденіи отъ разъѣздовъ на линіи Мерефянскихъ козаковъ, обремененныхъ «ежечасной возкою пакетовъ и проѣзжающихъ курьеровъ».

Донесеніе сотн. Двигубскаго о недостаткѣ на линіи косарей и крайней нуждѣ козаковъ («питаются подаяніемъ»).

Указъ полк. канц. о нарядѣ 30 косарей изъ подпомощниковъ и немедленной высылкѣ смѣны нуждающимся козакамъ.

Ордеръ ген. Бисмарка о высылкѣ смѣны ротмистру Острогож. п. Рохмину.

Рапортъ полк. канц. Бисмарку о томъ, что очередь посылать смѣну не за Харьковскимъ полкомъ.

Объ опредѣленіи полковой и сотенной старшинѣ «вспоможенія изъ скудныхъ людей, кои въ службѣ козачьей быть не могутъ», и о назначеніи денежнаго жалованья (вмѣсто прежняго хлѣбнаго и денежнаго) полковымъ писарямъ, хорунжему и канц. служителямъ.

№ 124-й. 1748—9 г.г. (на 190 листахъ).

О починкѣ крѣпостей.

Указъ Харьковскому полковнику Тевяшову о содержаніи козаковъ въ походной готовности и о починкѣ всѣхъ крѣпостей въ Харьковскомъ полку (по случаю опасности со стороны Крыма и Кубани).

Постановленіе полк. канц. о сообщеніи указа въ сотни и командированіи старшинъ для осмотра козаковъ и крѣпостей.

Раскладка на коз. свойственниковъ, подпомощниковъ и владѣльческихъ подданныхъ строительныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для починки крѣпости въ г. Харьковѣ.

Инструкція старшинамъ, командированнымъ для наблюденія за починкою крѣпостей.

Росписаніе, кому изъ старшинъ и въ какія мѣста отправиться для наблюденія за починкою крѣпостей.

Указъ въ сотни о высылкѣ работниковъ для починки Харьковской крѣпости.

Донесеніе сот. Голуховича о необходимости вызова добавочныхъ рабочихъ для починки крѣпости въ Харьковѣ. Опись подлежащаго починкѣ въ этой крѣпости.

Рапорты Голуховича объ отказѣ кн. Крапоткиной, Дуниной и др. владѣльцевъ выслать работниковъ для починки крѣп. въ Харьковѣ.

Указъ сотникамъ о прибытіи со всѣми наличными козаками въ Харьковъ на смотръ.

О замѣченныхъ во время смотра неисправностяхъ козаковъ.

Именной списокъ козаковъ, явившихся на смотръ и находящихся въ командировкахъ.

Именной списокъ козаковъ, явившихся на смотръ и состоящихъ при лагерѣ.

Именной списокъ козаковъ, имѣющихъ ветхое платье.

Именной списокъ козаковъ, имѣющихъ негодныхъ къ службѣ лошадей.

Рапорты сотн. Ковалевскаго объ отказѣ архимандрита Преображенскаго мон. и др. выслать работниковъ и дерево на починку Ольшанской крѣп.

Прошеніе бригадирши Дуниной о починкѣ въ ея слоб. Водолагѣ старинной крѣпости, имѣющей 9 пушекъ. (Приказано починить).

Донесеніе сотн. Як. Ковалевскаго о томъ, что поруч. Земборскій не только не далъ изъ своего хутора рабочихъ и лѣсу, но даже заграбилъ 9 обывательскихъ подводъ, посланныхъ за лѣсомъ.

Рапортъ коз. Голубничаго объ отказѣ кн. Крапоткиной дать изъ своихъ селъ людей для починки крѣпости въ Харьковѣ.

Указъ сотнику Романовичу о томъ, чтобы онъ «неотступно» требовалъ рабочихъ съ Крапоткиной.

Объ отказѣ сотника. Як. Ковалевскаго, поруч. Земборскаго, Харьковскаго протопопа и др. выслать рабочихъ для починки крѣп. въ Харьковѣ.

Рапортъ подпр. Рубана о томъ, что маіоръ Дунинъ, полковникъ Волковъ и др. владѣльцы, не смотря на ежедневныя требованія, не высылаютъ рабочихъ для починки крѣп. въ Валкахъ и Перекопѣ.

Донесеніе приказчика слоб. Рубежной (гр. Гендрикова) о томъ, что работниковъ выслать нѣтъ возможности, такъ какъ «за недородомъ хлѣба и травы обыватели выходятъ изъ слободы вонъ», а оставшіеся «ненадежпы».

О ходѣ работъ по починкѣ крѣпости въ Мерефѣ.

Донесенія сотн. Голуховича о побѣгѣ собранныхъ для починки Харьковской крѣпости рабочихъ и объ отказѣ сотниковъ и приказчиковъ выдать бѣглецовъ.

О вытребованіи бѣглецовъ черезъ нарочныхъ.

Объ отсылкѣ изъ полк. канц. генералу Бисмарку и об.-квартирмейстеру Спиридову (командированному для наблюденія за тѣмъ, чтобы крѣпости были починяемы по «настоящимъ регуламъ») свѣдѣній: сколько въ полку крѣпостей, какія въ нихъ укрѣпленія, всѣ ли починяются, какимъ числомъ рабочихъ и пр.

Промеморія Спиридова о замѣченныхъ имъ въ Харьковской крѣпости недостаткахъ.

Указъ изъ полк. канц. Голуховичу объ укрѣпленіи г. Харькова, сообразно съ указаніями Спиридова.

Донесеніе сотника Петровскаго о томъ, что «за падежемъ скота и за неимѣніемъ корму вывезть дерева не на чемъ».

Рапортъ сотника Черноглазова о томъ, что онъ не можетъ выслать на работу обывателей Мартовецкой сотни, ибо они претерпѣваютъ крайнюю нужду («питаются жолудями и лободою»).

Рапортъ Голуховича о посылкѣ нарочныхъ за рабочими и деревомъ для починки крѣп. въ Харьковѣ.

№ 125-й. 1748 г. (на 52 листахъ).

О высылкѣ въ Бахмутъ и Изюмъ козаковъ и подпрапорныхъ для содержанія разъѣздовъ.

Ордеръ ген. Бисмарка о томъ, чтобы смѣны козаковъ были высылаемы своевременно и съ надлежащимъ запасомъ провіанта и фуража (по поводу побѣговъ козаковъ).

Промеморія Изюмской полк. канц. о побѣгахъ козаковъ вслѣдствіе долгой неприсылки смѣнъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ полками.

Указъ въ сотни о своевременной высылкѣ смѣнъ къ Изюмскимъ редутамъ.

Ордеръ ген. Бисмарка о высылкѣ сотника для командованія разъѣздами около Бахмута и Тора.

Реестръ подводъ и подводчиковъ, высланныхъ изъ владѣльческихъ мѣстъ въ Изюмъ подъ артиллерію:

Ордеръ ген. Бисмарка въ Харьковскую полк. канц. о томъ, чтобы смѣны козаковъ были высылаемы при сотникахъ, а не при подпрапорныхъ.

О томъ же изъ Бахмутской батальонной канцеляріи.

Отвѣтъ Харьковской канц. о томъ, почему смѣны козаковъ высылаются не при сотникахъ.

Рапортъ сотника Петровскаго объ отягощеніи Люботинскихъ козаковъ содержаніемъ почты и необходимости освобожденія ихъ отъ разъѣздовъ около Бахмута.

О высылкѣ провіанта козакамъ, пострадавшимъ отъ пожара въ Бахмутѣ.

Прошенія подпрапорнаго Гаевскаго о присылкѣ ему смѣны.

О понужденіи подпрапорнаго Штанскаго къ смѣнѣ Гаевскаго.

Прошенія подпрапорнаго Штанскаго о присылкѣ смѣны.

О назначеніи подпр. Протопопова на смѣну Штанскому.

Рапортъ Протопопова о своей тяжкой болѣзни, («отъ которой и встать нечаятельно») препятствующей ему смѣнить Штанскаго.

О понужденіи Протопопова къ смѣнѣ Штанскаго.

№ 126-й. 1748 г. (на 174 листахъ).

О нарядѣ козаковъ въ походъ къ Лифляндскимъ границамъ.

Рапортъ сотн. Ковалевскаго о нарядѣ козаковъ съ Золочевской сотни (приложена вѣдомость козаковъ, наряженныхъ въ походъ).

Рапортъ полк. канц. ген. Кейзерлингу о томъ, что наряженные съ Харьков. полка козаки къ нему отправлены.

Указъ сотн. Жукову о явкѣ съ козаками на смотръ въ Деркачи.

Вѣдомости о наряженныхъ въ походъ козакахъ Деркачевской, Харьковскихъ и Циркуновской с.

Постановленіе полк. канц. (во исполненіе указа В. Коллегіи) о нарядѣ съ Харьков. полка 170 козаковъ, старшины, погонщиковъ, фуръ и пр.

Именной списокъ наряженныхъ въ походъ козаковъ.

О снабженіи отправляющихся въ походъ козаковъ порохомъ и деньгами.

О замѣченныхъ во время смотра неисправностяхъ козаковъ.

Рапорты изъ сотенъ о нарядѣ козаковъ и отправкѣ ихъ на смотръ въ Деркачи (приложены вѣдомости).

Ордеръ ген. Кайзерлинга о скорѣйшей отправкѣ козаковъ на смотръ въ Сумы.

Рапортъ сотн. Пащинскаго о томъ, что среди козаковъ, явившихся на второй смотръ, оказалось много наймитовъ.

Указъ Хорошевскому сотнику о немедленномъ выступленіи въ Деркачи на смотръ.

Рапорты и вѣдомости изъ сотенъ о наряженныхъ въ походъ козакахъ.

О томъ, какой изъ Слободскихъ полковъ долженъ выслать въ походъ полковника, обознаго, есауловъ, артиллерію, музыку и пр. (распредѣленія, предложенныя полковыми канц.).

О принятіи Ахтырскимъ полковникомъ Лесевицкимъ командованія 1000-мъ отрядомъ Слобод. полковъ.

Рапортъ есаула Горленскаго о невысылкѣ нѣкоторыми сотнями козаковъ и неявкѣ всѣхъ сотниковъ на смотръ въ Деркачи.

О неисправностяхъ козаковъ, присланныхъ на смотръ.

О командированіи въ походъ Харьков. младшаго есаула вмѣсто Сумского старшаго (по болѣзни послѣдняго).

Промеморія Харьковской канц. полковнику Лесевицкому о томъ, что она не можетъ командировать канцеляристовъ и что подпрапорныхъ не слѣдуетъ высылать въ походъ.

Донесеніе козаковъ Мерефянской с. о томъ, что они не желаютъ «быть въ командѣ» подпр. Панкратьева по отдаленности его дома отъ Мерефы и невозможности вслѣдствіе этого защищать ихъ отъ обидъ проѣзжающихъ офицеровъ.

О порядкѣ слѣдованія къ Лифляндіи Малорос., Слобод. и Донскихъ отрядовъ. О правилахъ пользованія по пути провіантомъ и фуражемъ.

Указъ военной коллегіи о немедленномъ выступленіи въ походъ.

О порядкѣ снабженія провіантомъ и фуражемъ воинскихъ командъ, отправленныхъ въ Лифляндію.

О томъ, какое количество провіанта и фуража должно быть отпускаемо во время похода козаку, полковнику, обозному, есаулу, сотнику, попу, войсковой музыкѣ и пр.

О порядкѣ снабженія воинскихъ командъ провіантомъ и фуражемъ въ случаѣ недостатка сдѣланныхъ запасовъ.

О назначеніи къ марширующимъ въ Лифляндію командамъ земскихъ комиссаровъ для защиты обывателей отъ обидъ.

Запросъ Ахтырской п. канц., въ Харьковскую о томъ, сколько опредѣлено дворовъ и душъ въ подмогу подпрапорнымъ Харьковскаго полка.

Отвѣтъ по этому поводу Харьковской п. канц. (20—30 душъ).

Рапорты сотниковъ Жукова и Пащинскаго о состояніи послѣ похода козаковъ и лошадей и о расходахъ за время похода.

№ 127-й. 1748 г. (на 127 листахъ).

Объ отсылкѣ манифестовъ, указовъ и пр. состоявшихся въ 1740—1 г.г.

Ордеры генер. Бисмарка къ полковнику Тевяшову о доставленіи всѣхъ полученныхъ въ Харьковскомъ полку указовъ, состоявшихся съ 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г., для отсылки ихъ въ Сенатъ.

Тотъ же указъ изъ полковой канц. сотникамъ и владѣльцамъ.

Указы о томъ же изъ Бѣлгородской губ. канцеляріи въ Харьковскую полковую.

Разъясненіе изъ полковой канц. сотнику Квѣткѣ о томъ, что ему слѣдуетъ прислать указы и дѣла съ титуломъ Іоанна, а не Ея И. Вел., которые онъ доставилъ.

Рапорты отъ сотниковъ Тишковскаго, Мерефянскаго, Харьковскаго и др. о томъ, что требуемыхъ полковой канцеляріей указовъ и дѣлъ не имѣется, ибо они отосланы еще по прежнимъ требованіямъ этой канцеляріи.

Указы о присылкѣ манифестовъ, присягъ и книгъ, гражданскихъ и духовныхъ, въ которыхъ упоминаются «извѣстные титулы».

Реестръ присланныхъ изъ сотенныхъ правленій манифестовъ, указовъ, присягъ и пр. съ титуломъ Іоанна.

Опись печатныхъ указовъ, манифестовъ и присягъ, а также писанныхъ распоряженій полковой канц., полученныхъ въ Перекопской сотнѣ въ 1740—1 гг.

Такія же описи сотни Соколовской и Харьковской 1-й.

Объ отсылкѣ съ нарочнымъ собранныхъ съ Харьковскаго п. указовъ и пр. въ Бѣлгородскую губернскую канцелярію.

№ 128-й. 1748—51 гг. (на 65 листахъ).

О недородѣ хлѣба.

Указъ о снятіи запрещенія, наложеннаго на винокуреніе во время неурожая, и о взиманіи таможенныхъ пошлинъ съ продаваемаго хлѣба попрежнему (по случаю урожая).

Указъ Ландмилицкой канц. въ Харьк. п. канц. о томъ, чтобы послѣдняя не запрещала покупать въ Харьковѣ хлѣбъ подрядчику Вавилову, обязавшемуся поставить его на украинскую линію, такъ какъ на линіи ощущается большій недостатокъ въ хлѣбѣ, чѣмъ въ Харьковскомъ полку.

Указъ о присылкѣ вѣдомостей о количествѣ не взятыхъ пошлинъ съ хлѣба, льготно проданнаго въ неблагополучныхъ мѣстахъ за время неурожая.

Донесеніе капитана Квѣтки о томъ, что Лелюченко, подданный кн. Крапоткиной, тайно курилъ вино на три казана.

О взятіи Лелюченка въ полковую канцелярію.

Указъ военной коллегіи о вызовѣ желающихъ поставить хлѣбъ и овесъ на украин. линію, пострадавшую отъ неурожая и саранчи, и о запрещеніи винокуренія.

Тотъ же указъ изъ полк. канц. сотникамъ и владѣльцамъ.

Рапорты сотниковъ Соколовскаго, Валковскаго и Харьковскаго о запрещеніи винокуренія по силѣ этого указа и обязаніи подписками всѣхъ лицъ, имѣющихъ винокурни (приложены подписки).

Рапортъ хорунжаго Смородскаго о томъ, что «нѣкоторые помѣщики» приготовляютъ свои заводы къ винокуренію.

Указъ изъ полковой канц. Смородскому о запрещеніи этимъ помѣщикамъ курить вино.

Указъ о запрещеніи винокуренія подрядчикамъ, обязавшимся поставить вино на кабаки (по случаю появленія саранчи въ Салтовскомъ у.).

Публикаціи объ отдачѣ на откупъ казеннаго винокуреннаго завода въ Нов. Водолагѣ.

№ 129-й. 1748 г. (на 25 листахъ).

О цѣнахъ на провіантъ и фуражъ.

Цѣны въ г. Харьковѣ на муку, пшено, соль, овесъ и сѣно за февраль.

Указы о писаніи цѣнъ на хлѣбъ въ справочныхъ вѣдомостяхъ «складомъ а не цыфирью».

Ордеръ ген. Бисмарка о ежемѣсячной отсылкѣ вѣдомостей о цѣнахъ оберъ-провіантмейстру Ершову.

О вызовѣ желающихъ купить хлѣбъ, собранный въ описныхъ Перекрестовскихъ мельницахъ. Объ отсылкѣ смотрителю этихъ мельницъ справки о цѣнахъ на хлѣбъ за май и іюнь.

Цѣны въ г. Харьковѣ на провіантъ и фуражъ за іюнь и іюль.

Указы о присылкѣ справокъ о цѣнахъ оберъ-провіантмейстеру Ершову.

Справочная вѣдомость о цѣнахъ на хлѣбъ за сентябрь и октябрь 1747 года.

Указы ген. Лукипа о присылкѣ въ ландмил. канц. вѣдомостей о цѣнахъ на хлѣбъ.

Цѣны въ г. Харьковѣ на провіантъ и фуражъ за сентябрь, октябрь и ноябрь.

Указъ провіантской канц. о томъ, что о присылкѣ вѣдомостей о цѣнахъ болѣе двухъ подтвержденій посылаться не будетъ (послѣ 3-го виновные будутъ штрафованы неукоснительно).

№ 130-й. 174 г. (на 40 листахъ).

О сыскѣ разнаго званія людей.

Указы Ландмилицкой канц. о сыскѣ однодворцевъ Пискуленка, Снопова и др., бѣжавшихъ съ Украинской линіи съ женами и дѣтьми.

Указъ той же канц. о сыскѣ бѣглыхъ драгунъ Саченова, Несмачнаго и др.

О сыскѣ бѣжавшихъ изъ Бѣлгорода колодниковъ.

Указъ Ландмилицкой канц. о запрещеніи черкасамъ слободы Косы рубить лѣсъ въ Ландмилицкихъ дачахъ.

Тотъ же указъ изъ полковой канц. Мерефянскому сотнику Щербинѣ.

Ордеръ ген.-анш. Бисмарка о томъ, чтобы дѣла объ отставкахъ и замѣщеніи полковой старшины отсылались на разсмотрѣніе къ нему.

Указъ изъ канц. ген. Бисмарка о переводѣ судомъ и нарядомъ подпрап. Сухомлина изъ Харьковскаго полка въ Ахтырскій по поводу притѣсненія его со стороны судьи Черноглазова продавшаго землю Сухомлина «нѣкоторой знатной персонѣ».

О сыскѣ драгуна Брянскаго полка Юрьева.

Указы Ландмилиц. канц. и ген. Бисмарка о сыскѣ и наказаніи «по указамъ и малороссійскимъ правамъ» черкашенина Бабаевщенка, покравшаго сѣно у Нововолажскихъ жителей.

Указы Бѣлгородской губ. канц. о сыскѣ и доставленіи въ эту канц. коз. Еремина, атамана Оберихина и др.—для отвѣта по жалобѣ на

нихъ коз. Рѣпина о грабежѣ пожитковъ, денегъ и нанесеніи тяжкихъ побоевъ.

Указъ той же канц. о доставленіи требуемыхъ провіантской канц. вѣдомостей о приходѣ и расходѣ провіанта, фуража и провіантскихъ денегъ.

№ 131-й. 1748 г. (на 37 листахъ).

О почтѣ.

Рапортъ сотника Щербины объ отягощеніи Мерефянскихъ козаковъ содержаніемъ почты и необходимости назначенія имъ помощи изъ владѣльческихъ мѣстъ.

Донесеніе наказнаго атамана Маркова о крайнемъ отягощеніи Мерефянскихъ козаковъ возкою писемъ и курьеровъ.

Объ учрежденіи обывательской почты въ Харьковѣ, Перекопѣ, Мерефѣ и Липцахъ.

Донесеніе Липецкаго сотника Авксентьева о неприсылкѣ приписанными къ Липецкой почтѣ сотнями подводъ и объ отягощеніи Липецкихъ козаковъ содержаніемъ почты.

Рапортъ сотника Картаваго о необходимости освобожденія обывателей Салтовской сотни отъ обязанности давать помощь Липецкой почтѣ въ виду обремененія ихъ возкою курьеровъ по проходящимъ черезъ Салтовъ и Волчьи Воды трактамъ.

Донесеніе сотника Романовича объ отягощеніи Харьковскихъ козаковъ возкою пакетовъ и необходимости назначенія имъ помощи изъ другихъ сотенъ.

Донесеніе сотника Авксентьева о побѣгахъ Липецкихъ козаковъ вслѣдствіе разорительной для нихъ необходимости содержать почту своими силами (за неприсылкою назначенной помощи изъ сосѣднихъ сотенъ).

Рапортъ атамана Маркова объ оскудѣніи Мерефянскихъ козаковъ отъ содержанія Мерефянской почты.

Указъ изъ канц. ген. Лукина о доставленіи Харьковскаго атамана, избившаго плетьми нарочнаго проѣзжавшаго чрезъ Харьковъ.

Объ учрежденіи Ландмилицкой почты отъ Черемушнаго до Липецъ.

Ордеръ ген. Бисмарка о безпрепятственной дачѣ подводъ проѣзжающимъ курьерамъ.

Донесеніе Перекопскихъ козаковъ и подпомощниковъ о томъ, что они крайне отягощены возкою писемъ и курьеровъ по проходящимъ чрезъ Перекопъ трактамъ.

О назначеніи въ помощь перекопскимъ козакамъ 8 подводъ изъ Угольчанской и Валковской сотенъ.

Прошеніе Перекопскихъ козаковъ и подпомощниковъ о томъ, чтобы временное командованіе Перекопской сотней было поручено подпрапорному Турченинову, какъ постоянному Перекопскому жителю.

№ 132-й. 1749 г. (на 426 листахъ).

О саранчѣ.

Указъ объ истребленіи сѣмянъ прошлогодней саранчи.

Указы о способахъ борьбы съ саранчею («гдѣ оная родилась и еще летѣть не можетъ, въ тѣхъ мѣстахъ собравъ множество народа и скота топтать, жечь и перепахивать... а летучую прогонять всякимъ звономъ, стукомъ и дымомъ)...

Указъ изъ Бѣлгородской губ. канц. объ истребленіи саранчи подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самихъ полковниковъ и старшинъ.

О появленіи саранчи въ Чугуевскомъ уѣздѣ.

Извѣстіе о появленіи саранчи въ Сѣвскомъ, Рыльскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ.

Указы о присылкѣ рапортовъ о всходахъ и ожидаемомъ урожаѣ хлѣба и травы.

Рапортъ о состояніи посѣяннаго хлѣба изъ Золочевской сотни.

Рапортъ полковой канц. въ Бѣлгород. губ. канц. о состояніи посѣяннаго хлѣба въ Харьковскомъ полку

Подтвержденіе о присылкѣ свѣдѣній о состояніи посѣвовъ (по поводу извѣстія о неурожаѣ въ окрестностяхъ Бѣлгорода).

Рапортъ изъ Ольшанской сотни о недородѣ хлѣба и вредѣ, причиняемомъ хлѣбу «прузиками».

Рапорты о состояніи посѣяннаго хлѣба изъ сотенъ Пересѣчанской, Деркачевской, Валковской, Угольчанской и Люботинской.

О состояніи посѣяннаго хлѣба въ Артемовкѣ, Старой Водолагѣ, сл. Знаменской, с. Ракитномъ и Боркахъ.

Указъ о присылкѣ вѣдомостей объ урожаѣ хлѣба и травы (по поводу извѣстія о голодѣ крестьянъ въ Кромскомъ уѣздѣ).

Указы объ истребленіи саранчи.

Ордеръ ген.-а. Бисмарка о доставленіи вѣдомостей о времени и мѣстѣ появленія саранчи и размѣрахъ вреда, принесеннаго ею.

Донесеніе сотника Черноглазова о томъ, что Мартовецкіе обыватели не могутъ довольствовать провіантомъ стоящихъ въ сотнѣ драгунъ, ибо сами питаются мякиной и лебедою.

О появленіи саранчи въ Деркачевской и Золочевской сотняхъ.